

Археологические вести

— 34 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

34
(2022)

Saint Petersburg
2022

Археологические вести

34
(2022)

Санкт-Петербург
2022

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, А. И. Климушина, Н. А. Лазаревская, А. В. Ларионова, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 34 /
[Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2022. — 374 с.: ил.

Выпуск 34 журнала «Археологические вести» посвящен памяти двух известных исследователей Сибири — Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова. Статьи раздела «Ad memoriam» рассказывают о личностях ученых и их научном наследии. Раздел «Новые открытия и исследования» содержит статьи по истории, культуре, искусству, антропологии Южной Сибири и Центральной Азии, во многом продолжающие работы Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова. В разделе «Актуальные проблемы археологии» отражена дискуссия по вопросу о происхождении зооморфных образов в древнем искусстве Сибири. Традиционно в разделе «История науки» представлены новые архивные изыскания. Среди авторов — ученые из России (Сибири, Санкт-Петербурга) и Германии. Издание адресовано археологам, историкам, искусствоведам.

Issue 34 of the journal “Archaeological News” is dedicated to the memory of two famous explorers of Siberia — E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. Articles in the “Ad memoriam” section tell about the personalities of scientists and their scientific heritage. The section “New discoveries and studies” contains articles on the history, culture, art, anthropology of South Siberia and Central Asia, largely continuing the work of E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. The section “Topical problems of archeology” reflects a discussion about the origin zoomorphic images in the ancient art of Siberia. Traditionally, the section “History of Science” presents new archival research. Among the authors are scientists from Russia (Siberia, St. Petersburg) and Germany. The publication is addressed to archaeologists, historians, art historians.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — фрагмент ковра из кургана 20 Ноин-Улы с изображением яка (Treasures of the xiongnu. Culture of xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Catalog. Ulaanbaatar, 2011. Fig. 379).

First page of cover — a fragment of a carpet from barrow 20 Noin-Uly with a depiction of a yak (Treasures of the xiongnu. Culture of xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Catalog. Ulaanbaatar, 2011. Fig. 379).

Четвертая страница обложки — бронзовая пряжка с изображением яка, Китай (Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th—1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. Pl. 6, 4).

Fourth page of cover — bronze buckle depicting a yak, China (Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th—1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. Pl. 6, 4).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2022

Содержание

AD MEMORIAM

Памяти Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова

От редакции	9
<i>С. В. Красниенко, А. Г. Максименков, А. В. Субботин. Чайка по имени Эльга Борисовна (страницы биографии Э. Б. Вадецкой)</i>	10
<i>Александр Антонович Морозов. Дневник: страницы, посвященные Эльге Борисовне Вадецкой. Переписка Э. Б. Вадецкой и А. А. Морозова (А. Г. Максименков, подготовка к публикации и комментарии)</i>	33
<i>С. В. Красниенко. Э. Б. Вадецкая — М. П. Грязнов: ученик — учитель / оппоненты</i>	48
<i>Э. Б. Вадецкая (†). История изучения памятников энеолита и бронзы Минусинской котловины (основные проблемы)</i>	53
<i>С. В. Горюнков. Археология как образ жизни (воспоминания об Эльге Борисовне Вадецкой)</i>	66
<i>С. В. Красниенко. Глеб Алексеевич Максименков — ленинградский исследователь Сибири</i>	71
<i>Из переписки Г. А. Максименкова (А. Г. Максименков, подготовка к публикации и комментарии)</i>	82
<i>Г. А. Максименков (†). Отчет об археологической разведке в районе г. Красноярска летом 1956 г.</i>	87
<i>В. В. Бобров. С поклоном Глебу Алексеевичу Максименкову</i>	95
<i>Фотографии Эльги Борисовны Вадецкой и Глеба Алексеевича Максименкова разных лет</i>	99
<i>Библиография работ Г. А. Максименкова (составитель Л. М. Всевиов)</i>	106
<i>Библиография работ Э. Б. Вадецкой (составитель Л. М. Всевиов)</i>	109

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вещи, памятники, культуры

<i>Н. Ф. Степанова. Афанасьевская культура: об этапах ее изучения</i>	116
<i>В. И. Молодин. Окуневская культура и сейминско-турбинский феномен (историографические заметки)</i>	123
<i>Э. Н. Киргинцев. Впускной окуневский курган в долине речки Камышта Хакасско-Минусинской котловины</i>	130
<i>А. В. Поляков. К вопросу о классификации и хронологии бронзовых ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин</i>	147
<i>Д. Г. Савинов. Степновка II (к проблеме изучения малых таштыкских склепов)</i>	163
<i>Е. В. Степанова, А. И. Торгоев. Комплекс с полужестким седлом из Кенкольского могильника</i>	181

СОДЕРЖАНИЕ

Древнее искусство Южной Сибири и Центральной Азии

<i>О. С. Советова, О. О. Шишкина.</i> Новые сцены с роженицами в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона	201
<i>Д. Г. Савинов.</i> Об особенностях формирования и развития звериного стиля тагарской культуры	209
<i>В. В. Бобров, Н. Н. Моор.</i> Об одном «непопулярном» зооморфном образе в тагарской металлопластике	220
<i>Н. Н. Николаев.</i> Случайная находка из Южной Сибири и художественная бронза постскифских комплексов Тувы	228
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Изображение яка в искусстве хунну	235
<i>В. Б. Трубникова.</i> Образ оленя в сяньбэйской металлопластике	242

Антропология Южной Сибири

<i>А. В. Громов, А. А. Казарницкий, Н. И. Лазаретова.</i> Краниоскопия населения окуневской культуры и вопросы его происхождения	257
<i>А. В. Громов, А. А. Казарницкий.</i> Искусственная деформация головы у ранних окуневцев	266
<i>И. Г. Широбоков, С. В. Панкова.</i> Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника	275

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Н. Ю. Кузьмин (†).</i> Зооморфные изображения как индикатор культурных изменений на заключительной фазе раннетагарского периода	294
<i>И. П. Лазаретов.</i> Могильник Сектах и проблема звериного стиля тагарской культуры	312
<i>Н. Ю. Кузьмин (†).</i> Комментарии к статье И. П. Лазаретова «Могильник Сектах и проблема звериного стиля тагарской культуры»	328

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Н. П. Макаров.</i> Э. Б. Вадецкая и Г. А. Максименков. Научное наследие исследователей и археологические коллекции Красноярского музея	332
<i>Н. Ю. Смирнов.</i> Работа С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в составе Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П. К. Козлова в 1924 г. Новые архивные материалы	340
<i>М. В. Медведева, Д. А. Кукина.</i> Фотоколлекции Ноин-Улы. Экспедиционные снимки Г. И. Боровки 1924, 1926 гг. из архива ИИМК РАН	357
Список сокращений	372

Contents

AD MEMORIAM

In memory of E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov

From the editors	9
<i>S. V. Krasnienko, A. G. Maksimenkov, A. V. Subbotin. The seagull named Elga Borisovna (pages of the biography of E. B. Vadetskaya)</i>	10
Alexander Antonovich Morozov. Diary: pages dedicated to Elga Borisovna Vadetskaya. Correspondence of E. B. Vadetskaya and A. A. Morozov (<i>A. G. Maksimenkov, preparation for publication and comments</i>)	33
<i>S. V. Krasnienko. E. B. Vadetskaya — M. P. Gryaznov: disciple — teacher / opponents.....</i>	48
<i>E. B. Vadetskaya (†). The history of the study of the sites of the Eneolithic and Bronze Age of the Minusinsk hollow (main problems).....</i>	53
<i>S. V. Goryunkov. Archaeology as a mode of life (reminiscences about Elga Borisovna Vadetskaya)</i>	66
<i>S. V. Krasnienko. Gleb Alekseyevich Maksimenkov — a Leningrad researcher of Siberia</i>	71
From the correspondence of G. A. Maksimenkov (<i>A. G. Maksimenkov, preparation for publication and comments</i>)	82
<i>G. A. Maksimenkov (†). Report on archaeological exploration in the area of Krasnoyarsk in the summer of 1956.....</i>	87
<i>V. V. Bobrov. With kind regards for Gleb Alekseyevich Maksimenkov</i>	95
Photographs by Elga Borisovna Vadetskaya and Gleb Alekseyevich Maksimenkov of different years	99
Bibliography of the works of G. A. Maksimenkov (<i>compiled by L. M. Vsevirov</i>)	106
Bibliography of works by E. B. Vadetskaya (<i>compiled by L. M. Vsevirov</i>)	109

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

Things, monuments, cultures

<i>N. F. Stepanova. Afanasyevo culture: stages of its studies</i>	116
<i>V. I. Molodin. The Okunev culture and the Seima-Turbino phenomenon (historiographic notes)</i>	123
<i>E. N. Kirginekov. Intrusive Okunev barrow in the valley of the Kamyshta Creek in the Khakassia-Minusinsk Hollow</i>	130
<i>A. V. Polyakov. To the problem of classification and chronology of the bronze knives of the Late Bronze Age from the Minusinsk hollows</i>	147
<i>D. G. Savinov. Stepnovka II (on the problem of studying small Tashtyk crypts)</i>	163
<i>E. V. Stepanova, A. I. Torgoev. The Complex with the Semi-rigid Saddle from Kenkol Burial Ground.....</i>	181

CONTENTS

Ancient art of South Siberia and Central Asia

- O. S. Sovetova, O. O. Shishkina.* New scenes with “women in labour” in the rock art of the Tepsey archaeological microregion 201
- D. G. Savinov.* The peculiarities of the formation and evolution of the animal style in the Tagar culture 209
- V. V. Bobrov, N. N. Moor.* About one “unpopular” zoomorphic image in the Tagar metalloplastics 220
- N. N. Nikolaev.* A stray find from South Siberia and artistic bronzes from post-Scythian complexes of Tuva 228
- M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.* Representations of yaks in the art of the Xiongnu 235
- V. B. Trubnikova.* Image of a deer in Xianbei metal plastic 242

Anthropology of Southern Siberia

- A. V. Gromov, A. A. Kazarnitskiy, N. I. Lazaretova.* Cranioscopy of the population of the Okunev culture and problems of its origin 257
- A. V. Gromov, A. A. Kazarnitskiy.* Artificial cranial deformation of the head among early Okunev people ... 266
- I. G. Shirobokov, S. V. Pankova.* Data of computer-assisted tomography in studies of the head of a male mummy from grave 4 at the cemetery of Oglakhty 275

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- N. Yu. Kuz'min (†).* Zoomorphic images as an indicator of cultural changes at the concluding phase of the early Tagar period 294
- I. P. Lazaretov.* Cemetery of Sektakh and the problem of the animal style in the Tagar culture 312
- N. Yu. Kuz'min (†).* Comments to the article by I. P. Lazaretov “Cemetery of Sektakh and the problem of the animal style in the Tagar culture” 328

HISTORY OF SCIENCE

- N. P. Makarov, E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov.* The scientific heritage of the researchers and archaeological collections of the Krasnoyarsk Museum 332
- N. Yu. Smirnov.* Activities of S. A. Teploukhov and G. I. Borovka in the staff of the Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society under the leadership of P. K. Kozlov in 1924. New archive documents 340
- M. V. Medvedeva, D. A. Kukina.* Photocollections from Noin-Ula. Expedition photos of 1924 and 1926 by G. I. Borovka from Archives of IHMC RAS 357
- List of abbreviations 372

От редакции

Очередной выпуск журнала «Археологические вести» посвящен памяти известных исследователей Сибири — Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986), которому 26 июля 2020 г. исполнилось бы 90 лет, и Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018), которой, в свою очередь, 1 января 2021 г. исполнилось бы 85 лет. Судьбы ученых были теснейшим образом переплетены между собой, а вся их творческая жизнь связана с Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН. Ученики и преемники Михаила Петровича Грязнова — основателя ленинградской школы археологии Сибири — своими фундаментальными исследованиями определили наиболее важные научные направления в изучении древних памятников Центральной Азии и Южной Сибири.

Это был удивительно творческий тандем — ленинградца Максименкова и москвички Вадецкой. Ими сделаны крупнейшие открытия в области археологии Южной Сибири — работами Глеба Алексеевича была выделена и теперь всеми признана окуневская культура, а в результате многолетних упорных трудов Эльги Борисовны таштыкская культура обрела свои четкие очертания. Многочисленные ученики и последователи продолжают их начинания.

В честь этих двух замечательных исследователей в апреле 2021 г. в стенах Института истории материальной культуры РАН, где они долгие годы трудились, прошла конференция, по итогам которой был выпущен сборник (Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления скотоводческих сообществ до сложения государственных образований. СПб., 2021).

Редакционная коллегия журнала «Археологические вести» тоже сочла необходимым отметить столь значимые для коллектива ИИМК даты и посвятить отдельный выпуск материалам, рассказывающим о личностях ученых и их научном наследии (раздел «Ad memoria»), а также новым исследованиям, продолжающим их работы по изучению истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии. Статьи 34-го выпуска посвящены новым археологическим открытиям, анализу антропологических материалов, изучению культуры и искусства древнего населения, а также переосмыслению старых и введению в научный оборот новых архивных материалов, касающихся исследований в этом регионе.

А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов

AD MEMORIAM

ПАМЯТИ Э. Б. ВАДЕЦКОЙ И Г. А. МАКСИМЕНКОВА

Чайка¹ по имени Эльга Борисовна (страницы биографии Э. Б. Вадецкой)²

С. В. Красниенко, А. Г. Максименков, А. В. Субботин³

Аннотация. Статья посвящена биографии Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) — одного из признанных авторитетов в археологии Сибири, воплотившего в себе синтез двух школ в исследовании этого направления: московской (С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов) и ленинградской (М. П. Грязнов). Прослежена эволюция научных исканий Э. Б. Вадецкой и охарактеризованы ее достижения в исследовании всего спектра археологических культур Южной Сибири, первобытного искусства, истории археологии. Широко использованы материалы, извлеченные из неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: Э. Б. Вадецкая, неолит Южной Сибири, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, тагарская культура, тесинская культура, таштыкская культура, история археологии, первобытное искусство.

Наука — это удовлетворение любопытства за государственный счет.
Л. Арцимович, Э. Б. Вадецкая⁴

И у каждого своя (и только своя!) война.
И. А. Ефремов. Из письма к Э. Б. Вадецкой от 20 мая 1962 г.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-10-32

Эльга Борисовна Вадецкая — признанный авторитет в сибирской археологии (К юбилею...

¹ Чайкой называл Эльгу Вадецкую писатель Иван Антонович Ефремов.

² Красниенко С. В. и Субботин А. В. статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

³ Красниенко С. В., Субботин А. В. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: krasnienkos@mail.ru; asubbotin@mail.ru. Максименков А. Г. — независимый исследователь; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: imerod1973@mail.ru.

⁴ Неточная цитата афоризма Льва Арцимовича: «Наука — лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет», который очень полюбился Э. Вадецкой и стал частью ее философии.

2016. С. 11), выдающийся историк, археолог, автор более 150 статей и книг, как научных, так и научно-популярных. Ее путь в науке был сложен, она постоянно была вынуждена доказывать себе и окружающим, что она ученый. Ей часто приходилось браться за сложные, плохо или совсем неизученные темы; высказывать подчас спорные теории, за которые — знала — будет непонятка и бита. Во многом поэтому (но, конечно же, не только!) ее работы отличаются тщательностью и полной проработкой фактического материала⁵. Эльгу Борисовну критикуют, но проходит время — и ее, казалось бы, фантастические теории подтверждаются результатами последующих раскопок и открытий.

В студенческие годы научные интересы Э. Б. Вадецкой были направлены на изучение

⁵ Носов Е. Н. Характеристика ст. науч. сотрудника ИИМК РАН Вадецкой Э. Б. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

памятников энеолита и бронзового века Южной Сибири. В 1970-х гг. тематика ее исследований расширилась до средневековья, она занимается проблемами этногенеза коренных народов Сибири, начинает изучать историографию Минусинской котловины, знакомится с археологическими материалами в музеях и архивах, что находит отражение в статьях и утвержденных к печати монографиях «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (1986) и «Материалы к археологической карте Минусинской котловины»⁶. С 1980-х гг. Вадецкая целенаправленно занимается таштыкской эпохой и в конце 1999 г. защищает докторскую диссертацию по опубликованной книге «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири». С середины 1990-х гг. основное внимание Э. Б. Вадецкой было сосредоточено на всестороннем изучении темы «Погребальные маски и бюсты Енисея», результатом которого должен был стать свод всех масок и фрагментов масок из 42 музейных коллекций. Но эта работа так и осталась незавершенной.

На протяжении 25 лет (1964–1989) Э. Б. Вадецкая проводила раскопки в зонах новостроек в Красноярском крае. Она раскапывала могильники эпохи бронзы и железа в зонах затопления Красноярской ГЭС; в 1971 г. руководила Тубинской экспедицией (раскопки памятников тагарской культуры) и в 1979–1989 гг. — Сибирской экспедицией ИИМК РАН в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК).

Жизненный путь Эльги Вадецкой как ученого можно условно разделить на три этапа. *Первый — рождение ученого (1936–1960)*. Ведущая роль здесь принадлежала семье и особенно отцу Эльги Борисовны — писателю Борису Александровичу Вадецкому, с которым она была особенно близка. И, безусловно, огромное влияние оказал на нее Иван Антонович Ефремов — советский писатель-фантаст, ученый-палеонтолог, который, по мнению Вадецкой, «начертал ее судьбу»⁷, настояв на выборе археологии⁸. Также нужно упомянуть имя известного археолога и историка Сергея Владимировича

Киселева, которого Эльга Борисовна считала своим учителем: именно он настоятельно рекомендовал ей всерьез заняться историей Сибири.

Второй этап — юность, или становление ученого (1961–1976). Мало блестяще защитить диплом — нужно еще набить руку и приобрести личный опыт, выработать свою точку зрения и научиться ее отстаивать, встретить новых учителей. Это период сильного влияния Михаила Петровича Грязнова — историка, археолога, антрополога, которого Эльга Борисовна считала своим учителем наравне с С. В. Киселевым. Он научил ее вникать в суть изучаемого вопроса, подмечать детали, писать четко и по существу. Это годы взаимного влияния и личных отношений с археологом, доктором исторических наук⁹ Глебом Алексеевичем Максименковым, за которого она выходит замуж. И в этот же период Э. Б. Вадецкая постоянно пересекается и консультируется с археологом-востоковедом, специалистом по истории и этнографии Сибири, Средней и Центральной Азии Леонидом Романовичем Кызласовым, признавая его авторитет.

Третий этап — зрелость (1977–2018). Во второй половине жизни Эльга Борисовна полностью раскрылась как ученый. В этот период написана и опубликована основная часть ее статей и книг — огромный массив научных исследований.

В этой статье сделана попытка передать путь ученого: его мытарства, переживания, сомнения, разочарования; показать ученого как живого человека (в том числе как женщину и мать), особо не углубляясь в житейские проблемы, кроме тех, что наглядно иллюстрируют эпоху, вспомнить время, в которое она жила. Тема «Вадецкая как ученый» полностью еще далеко не раскрыта: еще не изучены ее архивы, неопубликованные работы и неосуществленные замыслы. Цель данной статьи — поставить вешки для будущих биографов.

1936–1960 гг.

Эльга Борисовна Вадецкая родилась 1 января 1936 г. в Киргизии, в городе Караколе¹⁰, предположительно в доме 21 по Низовой улице¹¹. Ее отец, Борис Александрович Вадецкий (1906–1962),

⁶ Личный архив Э. Б. Вадецкой.

⁷ Воспоминания Э. Б. Вадецкой. Из письма к О. Ереминой, 2012 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁸ «Я еще раз (в скольких) ставлю себе в заслугу Ваше совращение в археологию» (из письма И. А. Ефремова к Э. Б. Вадецкой) (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁹ Защита докторской диссертации Г. А. Максименкова состоялась в 1975 г. Утверждена ВАК в 1977 г.

¹⁰ Свидетельство о рождении Каракольского городского бюро ЗАГС № 4543 от 3 апреля 1936 г.

¹¹ Адрес указан на конверте от 10 июля 1936 г. (Архив Б. А. Вадецкой).

активный участник литературного процесса конца 1920 — 1930-х гг.¹², был командирован Максимом Горьким¹³ в Среднюю Азию, где стал председателем Киргизской комиссии Союза советских писателей. Вместе с ним из Москвы приехала и его молодая жена, Фаина Леонтьевна Жаркова (1912–1995). Они прожили в Киргизии около года и осенью 1936 г. с маленькой дочерью вернулись в Москву. Для матери Эльги поездка в Среднюю Азию была отчаянным поступком: бросить Москву, работу и беременной уехать с мужем неизвестно куда...

Одна из загадок в жизни Эльги Борисовны — это ее необычное имя. Существует несколько версий, почему родители дали его своей дочери. По одной из них, всему виной безграмотность сотрудницы ЗАГСа в Киргизии — что услышала, то и записала. Со слов членов семьи, дочь должны были назвать Ольгой, так она и была крещена по возвращении семьи в Москву. А по мнению самой Эльги Борисовны, отец хотел назвать ее Хэльгой. Другой версии придерживается сын А. Г. Максименков. При разборе семейного архива им было найдено письмо в Киргизию, где упоминаются некая Эльга Александровна и фраза ее мужа: «Передай Фаине искренний привет и мое удивление»¹⁴.

С 1936 по 1962 г. Эльга Борисовна жила в Москве — с небольшим перерывом на время эвакуации. Известно о трех довоенных адресах, где маленькая Эля чаще всего бывала. Это в первую очередь дом бабушки и дедушки (Анны Владимировны и Леонтия Кузьмича Жарковых) на Зоологической улице, 10¹⁵. В этом доме в феврале 1938 г.

¹² Б. А. Вадецкий, с 1925 г. участник группы «Резец», в последующем возглавил ее и перешел с частью группы в «Кузницу», автор поэмы «Гавань» (1928) и повести «Клуб трех поколений» (1931); редактор разных литературных журналов, заведовал отделами издательств, служил в Главлите, был старшим редактором общественных наук в Издательстве Академии наук. В послевоенный период преподавал в Литературном институте им. Горького; секретарь секции прозы в Союзе писателей СССР в послевоенный период.

¹³ Из автобиографии Б. Вадецкого (*Архив Б. А. Вадецкого*).

¹⁴ Из письма Арташеса Никитича Мартиросова к Б. А. Вадецкому от 10 июля 1936 г. (*Архив Б. А. Вадецкого*).

¹⁵ Жарковы владели на Зоологической улице тремя двухэтажными деревянными домами, которые приобрели на приданое. После революции семья была уплотнена.

родилась средняя сестра Эльги Борисовны, Фаина¹⁶, а после войны часто жила младшая сестра, Татьяна. Это всегда был очень уютный, гостеприимный дом. Леонтий и Анна Жарковы до конца жизни любили друг друга (отметили пятидесятилетие свадьбы), были образцом идеальной семьи, хотя жизнь их складывалась непросто. В 1918 г. во время бегства от большевиков на Азов, к родственникам, они потеряли друг друга: Леонтий Кузьмич едва не умер от брюшного тифа, а Анну Владимировну с четырьмя детьми обокрали, и они до родственников не доехали. Жили где придется, побирались. Через несколько лет, в 1921 г., Леонтий Кузьмич через сарафанное радио нашел семью. Их старший сын, Николай Жарков — комсомолец, танкист — был репрессирован и погиб в 1940 г.

Эльга Борисовна хорошо помнила квартиру на последнем этаже дома 6 по улице 25-го Октября (ныне снова Никольская), в двухстах метрах от Красной площади, где она жила с родителями перед войной. Это была большая коммунальная квартира, в их комнате, что казалась Эле тоже большой, располагалась библиотека отца, а на стене над кроватью висела картина «Первая смерть» на библейский сюжет. С этой картиной связано такое воспоминание Эльги Борисовны: однажды она спросила свою бабушку Дарью¹⁷, что такое смерть, и та ответила, что если бы люди не умирали, то сейчас на земле жила бы не Эля, а Пушкин. И тогда маленькая Эльга представила себе, как под землей стоят люди и ждут, когда им надо будет выйти наружу.

Еще одним адресом детства Эльги Борисовны был дом в деревне Золотьково Верейского района — как шутили взрослые, «на сто первом километре». Здесь Борис Александрович в 1937 г. купил единственный на всю деревню каменный дом. В этом доме часто жила маленькая Эля с двоюродной сестрой Ирой и бабушкой Дарьей, с которыми очень сблизилась, и когда Эля уехала с мамой в эвакуацию, то постоянно спрашивала, как там, в деревне, бабушка Дарья¹⁸. Самое сильное

В местной топонимике эти дома так и назывались Жарковскими. Они были снесены в начале 1970-х гг.

¹⁶ Фаина Борисовна Карпеко, геолог. Была замужем за поэтом Владимиром Кирилловичем Карпеко.

¹⁷ Прабабушка Дарья — мать Леонтия Кузьмича, отца Фаины Леонтьевны.

¹⁸ Прабабушка Дарья умерла в деревне Золотьково во время короткой фашистской оккупации. В доме

эмоциональное воспоминание из детства Эльги Борисовны связано с началом войны: вой падающих бомб и горящий фашистский самолет на крыше их дома. Это произошло в ночь с 26 на 27 июля 1941 г. — ей тогда было пять с половиной лет (*Жирнов* [Электронный ресурс]).

Потеря жилья заставила семью Вадецких эвакуироваться вместе с другими семьями членов Союза писателей в Чистополь. Сам Борис Вадецкий с первых дней стал военным корреспондентом: выступал по радио из блокадного Ленинграда, писал статьи из Севастополя, с Кавказа, был в Югославии и Берлине. С 1943 г. он одновременно участвует в секретных работах по подъему грузов с затонувших кораблей¹⁹ и пишет книгу «В морях твоя дорога»²⁰.

В Чистополе Вадецкие жили на улице Володарского, поскольку свою комнату, выделенную Союзом писателей, Фаина Леонтьевна отдала родителям мужа, а сама с детьми снимала комнату у местной жительницы-татарки. Там же в сентябре 1941 г. родилась младшая дочь Вадецких, Татьяна²¹. Старшие дети: Анатолий, от первого брака Бориса Александровича, Эльга и Фаина большую часть времени проводили в детском саду для детей писателей (там они получали нормальное питание по ведомственной линии); младшая, Татьяна, постоянно была с матерью.

По возвращении из эвакуации в Москву в 1944 г. семье Вадецких выделили комнату во флигеле по адресу: Тверской бульвар, д. 25²², кв. 24.

Вадецких (единственный каменный дом в деревне, не считая колхозных конюшен) фашисты снесли крышу и соорудили накат, на который установили пулемет. Дом выходил окнами на берег реки Протва. Когда бабушку Дарью «хватил удар», ее вынесли в сени, где она под Рождество 1942 г. и умерла — за несколько дней до освобождения от фашистов. Саму деревню фашисты сожгли (*Архив семьи Вадецких*).

¹⁹ *Архив Б. А. Вадецкого*.

²⁰ Книга издана в Военмориздате в 1944 г. для «закрытого распространения на флоте», вследствие чего издательство «Советский писатель» отказалось от своих планов издавать книгу в 1945 г., и авторский гонорар писателю не был выплачен. Нечто подобное повторится и с книгой Э. Вадецкой «Древние маски Енисея», когда книга стала доступна в интернете и тираж не был распродан.

²¹ Татьяна Борисовна Вадецкая, художник по костюмам на «Мосфильме», член Союза кинематографистов.

²² Тверской бульвар, д. 25 — это территория Литературного института им. М. Горького. До конца 1950-х гг. во

Это была пятнадцатиметровая комната на первом этаже с окном во двор. Там они впятером прожили до 1957 г.

В восьмом классе²³ Эльга Борисовна впервые задумалась о выборе профессии²⁴. Ее привлекали литература и история XIX в. — несомненно из-за авторитета отца, с которым она была духовно близка. К тому моменту Борис Вадецкий был уже автором романов о таких выдающихся людях, как Ф. Ф. Матюшкин, М. И. Глинка, Алишер Навои и др.

В 1954 г. по окончании школы Эльга Борисовна всерьез задумала поступать на филологический факультет²⁵ МГУ, но под влиянием И. А. Ефремова²⁶ подала документы на исторический факультет. Однако поступить на дневное отделение, даже с одной лишь четверкой, оказалось невозможным из-за обилия медалистов²⁷, и ее зачислили на заочное. Только на третьем курсе Вадецкой удалось перевестись на вечернее отделение²⁸ университета.

Иван Антонович Ефремов был другом отца Эльги Вадецкой. Они дружили домами, ходили друг к другу в гости. Эта дружба была настолько сильна, что семьи подумывали породниться. В письмах к дочери Фаина Леонтьевна часто называет Ивана Антоновича «свекром». Но ни сын Ефремова, ровесник Эльги, ни сама Эльга не были влюблены друг в друга — это была очень тесная, близкая дружба, прошедшая через всю их жизнь. Иван Антонович относился к Эльге как к возможной невестке, как к дочери²⁹ и беспокоился о ее

флигеле и других постройках жили писатели. В разные годы — Андрей Платонов, Арсений Тарковский и др.

²³ Женская средняя школа № 124 располагалась на Большой Бронной, д. 6а.

²⁴ Письмо к отцу, июль 1957 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

²⁵ Дневник Э. Б. Вадецкой за 1954 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

²⁶ Роль И. А. Ефремова в жизни Вадецкой более подробно освещена в книге: *Еремина, Смирнов*, 2013. С. 431–433, где приведены почти дословно воспоминания Вадецкой из письма к О. Ереминой от 2012 г.

²⁷ В 1954 г. МГУ принял на первый курс 3300 студентов, из них 1750 — медалисты, 1550 — заочники (см. *Летопись Московского университета за 1954 г.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://letopis.msu.ru>. Дата обращения 21.01.2021).

²⁸ Из личного дела Э. Б. Вадецкой (*Архив МГУ*).

²⁹ Воспоминания Э. Б. Вадецкой. Из письма к О. Ереминой, 2012 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

судьбе, настойчиво рекомендуя выбрать археологию.

К третьему курсу Эльга Борисовна определилась с кафедрой. В письме к отцу из Новгородской археологической экспедиции 1957 г. она пишет: «Когда выбрала кафедру, словно и дышать стало легче». Однако это решение далось нелегко. С одной стороны, влияние отца³⁰ и увлечение петрашевцами, тянувшее ее заниматься историей России XIX в., с другой стороны — влияние Ивана Антоновича Ефремова: «Его нравственные идеи, мысли и умение видеть перед глазами все фазы человечества меня буквально опьяняли, я выходила от него просветленной. Хотелось с ним общаться все чаще и больше. Что же касается Ивана Антоновича, то он имел потребность общения с молодежью, особенно с такой восторженной слушательницей, какой была я. Я слушала его с большим интересом, чем Алан или его друг Валентин» (Еремина, Смирнов, 2013. С. 431).

Иван Антонович Ефремов разглядел в Эльге, тогда еще молодой и наивной девушке, будущего ученого-археолога. «Иван Антонович хотел создать живую Веду Конг, наделив меня, в свою очередь, ее качествами, какие были приписаны в романе. И этот процесс видел долгим. Так уже в 1967 г., получив от меня мою первую научно-популярную книжку, он подарил мне очередное издание „Туманности Андромеды“ со следующей надписью: „Будущей Веде Конг для установления формы одежды на раскопках и открытия стальной двери“» (Там же. С. 433.)³¹. И так совпало, что роман был впервые напечатан в журнале «Техника — молодежи» в том же году, в котором выбрала кафедру Эльга Вадецкая.

С конца 1957 г. Эльга Борисовна стала заниматься археологией всерьез и увлеклась.

1958 г. ознаменовался в жизни Эльги Борисовны несколькими событиями. В самом начале года она приезжает в Ленинград. Ее тепло принимают Александр Антонович Морозов³² с супругой.

Еще один друг семьи, в своем дневнике он так описывает девушку: «Эльга — бледная, утонченная, грациозна в каждом движении. У нее длинная красивая шея, золотисто-пепельные волосы, серые, близко поставленные глаза. Ее удивительный профиль нежен и напоминает антиклизированные портретные профили раннего романтизма. Отчасти она мне напомнила и женские портреты Гейнсборо. А утром, когда она распустила волосы и они целой волной окружили ее лицо, сразу показавшееся маленьким, она напомнила мне картины английских префаэлитов. В ней много грации, живости, иронии, шуточного кокетства, чувствительности без сентиментальности. Она очень проста, легка в быту и тактична».

А. А. Морозов ведет Эльгу в библиотеку Академии наук, где ради нее распахиваются витрины и ей показывают редчайшие книги, позволяют листать Кенигсбергскую рукопись XIII в. и Ипатьевскую летопись. «Мы были два раза в Эрмитаже, один раз в Русском музее, в Музее антропологии и этнографии, где ее больше всего умилила какой-то Осел XI века, скелет; ей показывали — еще только привезенные экспонаты последней туvinской экспедиции».

По возвращении из Ленинграда в Москву Э. Вадецкая в письме к А. А. Морозову напишет: «Археологией приходится заниматься больше и больше, при этом все больше в ней запутываюсь, хотя прихожу на кафедру с неизменно важным, ученым видом. Профессора читают лекции с неизменной живостью и вдохновением, пересыпая речь названиями „баденская культура“, „джулешти“, „кукутени“, „Кереш“ и т. д., о которых Вы не имеете никакого понятия, а я — лишь смутное. Вдохновение профессоров заставляет видеть в данной науке нечто серьезное, что в наш технический век бывает трудно»³³.

Через полгода Эльга Вадецкая впервые отправляется на раскопки за несколько тысяч километров — в Забайкальскую археологическую экспедицию Сергея Владимировича Киселева³⁴. Ей еще

³⁰ Сильное влияние отца Э. Б. Вадецкой отражено в письмах.

³¹ Воспоминания Э. Б. Вадецкой. Из письма к О. Ереминой, 2012 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

³² Александр Антонович Морозов (1906–1992) — советский литературовед, фольклорист, переводчик. Хорошо знал семью Вадецких. С Эльгой Борисовной подружился во время ее приезда в Ленинград в 1958 г. и оказывал ей всяческую помощь. Позже Эльга

Борисовна взяла шефство над Морозовым и опекала его до конца жизни. Надгробный камень на могиле А. А. Морозова и его жены в Комарово привезен Вадецкой из Сибири и первоначально предназначался для могилы Г. А. Максименкова.

³³ Из письма к А. А. Морозову от 27 февраля 1958 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

³⁴ И. А. Ефремов «решил, что я должна заниматься

не приходилось жить по-походному, в спальнях мешках и палатках, носить на раскопе тяжеленные — по несколько сотен килограммов — плиты и работать по восемь часов киркой и лопатой. В Забайкальской экспедиции Э. Вадецкая участвовала в раскопках Кондуйского дворца XIV в.³⁵

По окончании раскопок С. В. Киселев настоятельно рекомендует Эльге Вадецкой воспользоваться моментом и посетить музеи Сибири: «...если представится возможность по дороге свернуть в древний студенческий город Томск, затем город Кемерово, проплыть 5 суток по Оби вниз на Алтай, посетить Барнаул, Бийск и Горно-Алтайск. По его мнению, тогда бы у меня оказался в руках весь материал по афанасьевцам, представленный в нашей стране в Сибири и Алтае. Кроме Эрмитажа я бы могла изучить все эти памятники. Он особенно советовал мне... заняться изучением сибирской археологии, самой Сибирью³⁶, ибо неизвестно, представится ли еще когда-нибудь такая возможность, ведь я, действительно, сейчас сравнительно близко нахожусь от всех указанных городов»³⁷.

Однако выполнить рекомендацию С. В. Киселева целиком в один год не удалось — не было денег. В том же письме к отцу Эльга Борисовна пишет: «...поскольку я всю жизнь нахожусь на птичьих правах, особенно в университете, меня никто кроме тебя финансировать не будет, а посему мое изучение археологического материала зависит от твоей на то возможности и желания. Самостоятельно я могу посетить Красноярск, Минусинск, Абакан и Томск. На возвращение же у меня уже не хватит денег. В зависимости от того, сколько вы сможете прислать мне денег, я и буду строить путешествие. Если на возвращение в Москву из Томска, то, наверное, 300–500 руб. Если

непосредственно археологией Средней Азии, а поскольку туда девочек не брали, выбрал для меня в качестве учителя крупнейшего специалиста по Сибири С. В. Киселева, который тогда копал в Забайкалье. Меня взяли туда в экспедицию по его личной просьбе, причем сам Иван Антонович не только оплачивал дорогу, но даже покупал спальный мешок, необходимый для поездки» (Еремина, Смирнов, 2013. С. 432).

³⁵ Киселев С. В. Характеристика Э. Б. Вадецкой как археолога (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

³⁶ Здесь и далее подчеркнуто. — А. М.

³⁷ Из письма к отцу, 1958 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

пришлете 1000 руб., то поеду дальше, если 1500 — то буду останавливаться дольше, ехать немного лучше и приеду в конце сентября. Ты знаешь, что я не мотовка, еду (даже умышленно) в III разряде (там больше людей повидаю) и в рестораны не хожу, но все же гостиницы, кафе, пароходы <...> я прошу тебя вместе с мамой обсудить эту возможность и прислать мне свое решение в письме на Красноярск, главпочтамт, до востребования. Пишу неразборчиво, потому что волнуюсь и, вообще, мне стыдно, что я такая большая и такая, такая зависимая, к тому же у вас может сейчас и не быть денег <...> Есть две причины, кроме вашего письма, которые могут мне помешать путешествовать: если работа будет неплодотворной — я тут же уеду, и холод. Мешок и сапоги я оставила С. В. Киселеву. Со мной дедушкина замечательная телогрейка и плащ другого дедушки. В таком виде иногда буду врываться в вагон ресторана. Думаю, что не замерзну, хотя и выгляжу удивительно неказисто, но меня это совсем-совсем уже не смущает»³⁸.

Несмотря на проблемы с деньгами, Эльга Борисовна совершает поездку по некоторым музеям. В письме к А. А. Морозову она пишет: «Я много путешествовала: жила в Чите, Красноярске, Абакане, Минусинске. Плавала по Енисею. Видела людей, лазила на Красноярские столбы, вызывала бурные возмущения своим „стиляжым“ видом, ибо местные жители, не видевшие стилига в глаза, но распропагандированные, с ними борются, видели „стиль“ во всем моем облике: мужской ковбойке, кедах, брюках, телогрейке и т. д.»³⁹.

К подготовке диплома Эльга Вадецкая подошла со всей серьезностью, «ибо надо же что-то изучать по-настоящему»⁴⁰, и в 1959 г. просится в археологическую экспедицию к Л. Р. Кызласову, участвует в его Хакасской и Тувинской экспедициях, чтобы потом, по их окончании, продолжить путешествие по сибирским музеям для сбора материала по афанасьевской культуре.

В экспедиции студентка Эльга ведет личный дневник и записывает впечатления. Через много лет эти наблюдения, встречи с местным населением и их истории найдут отражение в научно-

³⁸ Там же.

³⁹ Из письма к А. А. Морозову от 7 октября 1958 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁴⁰ Письмо к отцу из Читы за 1958 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

популярных книгах уже археолога Э. Б. Вадецкой. В письмах к А. А. Морозову она продолжает делиться событиями: «Живу по-походному, каждый день на машине с утра и до ночи, каждый день на новом месте. Мелькают реки, озера, сопки, степи, поля, вновь степи. Сегодня выдался первый день свободный и рядом с почтой. Завтра вновь „утомяют“ в степь. Мой единственный адрес г. Абакан, либо Кызыл, куда отправлюсь числа 10-го. Почту получаю раз в месяц. Живу трудно, но очень насыщено: с 7 утра до ночи в поле: ищу могильники, черчу планы, копаю городища, склепы, холмы. А когда раз в месяц вырываюсь в столицу типа Абакана либо Кызыла — кучу, как разгулявшийся, вернувшийся из тайги золотоискатель»⁴¹. Там же на просторах Хакасии Вадецкая встретила Беллу Ахмадулину: «Мельком друг друга много раз видели, слышали и здесь познакомились. Рослая, красивая, полная женщина. Чувствуется большая собственная уверенность (спокойная, как бы твердая поступь). Она младше меня, но вполне сформировавшийся зрелый человек в соку, в расцвете сил»^{42, 43}.

За прошедшие два года — с 1958-го по 1959-й — Э. Вадецкая собрала по афанасьевской культуре Алтая и Минусинской котловины весь материал, доступный по музейным фондам, литературе и архивным данным. Она работала в Историческом музее, Эрмитаже и его архиве, Музее кафедры МГУ, Минусинском, Абаканском, Томском областном, Бийском, Горно-Алтайском музеях, в архиве ЛОИА и Института археологии АН СССР. Всего было проработано 24 обширные коллекции, 26 отчетов и других рукописных материалов и 83 печатные работы⁴⁴. В работе над дипломом

«Периодизация памятников афанасьевской культуры и вопрос о ее происхождении (Алтай и Минусинская котловина)»⁴⁵, который был позже представлен в качестве реферата в аспирантуру⁴⁶, Вадецкая впервые показала себя как будущий ученый. Помимо максимально полного охвата источников она проанализировала и дала подробную характеристику всем собранным данным, причем в предельно сжатой форме⁴⁷.

«Вадецкая представила в качестве реферата, — пишет в своем отзыве Л. Р. Кызласов, — очень объемистую работу в двух частях на 146 машинописных страницах»⁴⁸. Первая часть посвящена памятникам афанасьевской культуры в Хакасско-Минусинской котловине, вторая — памятникам этой же культуры в Горном Алтае. <...> По-видимому, все, что касается афанасьевской культуры и предшествующих культур неолита этих районов, — впервые собрано автором воедино. Особенно важными для этой темы оказались материалы из раскопок последних лет в Хакасии (работы А. Н. Липского и В. Старущенко). <...> Очень интересен и важен горно-алтайский раздел сочинения. Здесь Вадецкой собраны буквально по крупицам все известные материалы, в том числе отдельные забытые раскопки старых исследователей и случайные находки. Очень способствовали работе привлечение дневников и чертежей Сергеева и Г. П. Сосновского по раскопкам стоянки и могильника в Кукме. В результате и здесь выявились три этапа развития изучаемой культуры, причем важно, что первый этап на Алтае оказался более ранним, не представленным в Хакасско-Минусинской котловине»⁴⁹.

⁴¹ Письмо к А. А. Морозову от 26 июля 1959 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁴² Б. Ахмадулина приехала к археологам с бригадой журналистов. Там, разглядывая могильные плиты, поэтесса сочинила стихотворение «Неведомый и древний лучник...», а несколько позже написала рассказ «На сибирских дорогах» (1963 г.) про Эльгу, Кызласова, археологов и местных жителей (*Ахмадулина, 1959. С. 4; Шаров, 1959. С. 4*).

⁴³ Дневник за 1959 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁴⁴ Киселев С. В. «Отзыв на работу Э. Б. Вадецкой „Периодизация памятников афанасьевской культуры и вопрос о ее происхождении (Алтай и Минусинская котловина)“, предоставленную при поступлении в аспирантуру» (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁴⁵ В дипломе об окончании МГУ тема сформулирована несколько иначе: «Памятники афанасьевской культуры Саяно-Алтайского нагорья и Минусинской котловины».

⁴⁶ Анализ исправлений в отзыве Л. Р. Кызласова показывает, что первоначально отзыв был написан для дипломной работы Вадецкой, а позже использован для отзыва в аспирантуру, что дает право, рассказывая о дипломе, использовать цитаты из отзывов.

⁴⁷ Киселев С. В. «Отзыв на работу Э. Б. Вадецкой...».

⁴⁸ Не считая списка музейных коллекций и использованной литературы. Общий объем работы — 160 л.

⁴⁹ Кызласов Л. Р. «Отзыв о работе Э. Б. Вадецкой „Периодизация памятников афанасьевской культуры и вопрос о ее происхождении“» (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

Уже в дипломе видны те черты, что будут развиты позже Вадецкой: всеохватность, скрупулезность в деталях. Однако она еще не решается высказывать свое мнение о датировках памятников: «Удивляет, что автор нигде не пытался рассмотреть вопрос о датировке всей культуры, хотя ею выявлены неизвестные прежде наиболее ранний и наиболее поздний этапы»⁵⁰.

В целом и С. В. Киселев, и Л. Р. Кызласов положительно оценили работу Э. Вадецкой как важную, ценную и плодотворную⁵¹. Сергей Владимирович Киселев, рекомендуя Э. Б. Вадецкую в аспирантуру, охарактеризовал ее так: «За время Университета Э. Б. Вадецкая много работала над памятниками афанасьевской культуры <...> В результате она написала очень солидную работу. Работа эта вполне может быть положена в основу печатной монографии. Рекомендую Э. Б. Вадецкую, как археолога, с самой положительной стороны и уверен, что в аспирантуре она проявит себя, как способный исследователь с самостоятельным мышлением и способностями к анализу и обобщениям»⁵².

Так в процессе работы над дипломом родился ученый. Он еще только делал первые шаги, еще был доверчив, смотрел на мир любознательными глазами и искренне радовался жизни.

1961–1976 гг.

И. А. Ефремов продолжает творить судьбу Эльги Вадецкой и после окончания ею университета занимается ее трудоустройством. В письме к ней от 28 октября 1960 г. Ефремов пишет: «Посылаю письмо от Толстова»⁵³ — выходит, я напрасно его ругал. Это, конечно, не успех еще, но кое-какая перспектива. Правда, ждать еще почти месяц, но не беда, можно и больше подождать, была бы хорошая работа. Зубрик мне говорила, что

Вы скисли и собираетесь хвататься за первую попавшуюся работу. Не похоже на настоящую Эльгу!» (*Переписка...* 2016. С. 401). Ждать пришлось до 14 июня 1961 г., когда Эльгу Борисовну взяли в Хорезмскую экспедицию Института этнографии АН СССР коллектором.

В конце октября в связи с окончанием полевого сезона Вадецкая была уволена, а через полтора месяца, 1 декабря, зачислена в аспирантуру Института этнографии АН СССР с отрывом от работы по специальности «Археология Хорезма», сроком на три года (до 1 декабря 1964 г.). Научным руководителем аспиранта стал чл.-кор. АН СССР, профессор С. П. Толстов⁵⁴.

Весной 1961 г. Эльга Борисовна влюбляется в Глеба Алексеевича Максименкова и обещает выйти за него замуж. Глеб пишет ей письма в экспедицию, «берет в тиски»⁵⁵, не оставляет в покое, опасаясь, что девушка передумает. 19 января 1962 г. Глеб и Эльга женятся. Их брак был оформлен во Дворце бракосочетания на набережной Красного Флота (ныне Английской) в присутствии родных с обеих сторон. Со стороны Эльги Борисовны приехала мать (Фаина Леонтьевна) и младшая сестра (Татьяна). Борис Александрович Вадецкий приехать не смог, он почувствовал себя плохо и остался в Москве. Через два месяца, 29 марта 1962 г., отец Эльги Борисовны скончался. Эта смерть стала сильным потрясением для нее⁵⁶.

⁵⁴ Распоряжение № 441 по Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, от 6.12.1961. Основание: протокол № 5 от 30.11.1961 заседания Комиссии по приему в аспирантуру ИЭ АН СССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 17. Л. 83).

⁵⁵ Письмо к матери, июль 1961 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁵⁶ «Ваше письмо с понятной и близко ощущаемой печалью все же еще без волевого „стержня“. Это показывает, что Вам еще рано братья за папины книги и рукописи и, пожалуй, рано приезжать в Москву. Надо, чтобы кончился шок первого удара, с которым Вам, по молодости, кажется, что обрушилось вообще все в жизни. Я, откровенно говоря, не ожидал, что Вы окажетесь такой хрупкой — ведь если у Вас есть Глеб, то есть и опора (я имею в виду, конечно, дела душевные), а в жизнь все равно надо идти биться, а не премудрым карасем, как бы и что бы там ни было, и у каждого своя (и только своя!) война. Но я совершенно уверен, что Вы справитесь с горем скоро — настолько, чтобы оно не делало Вас внутренне беспомощной и слабой. Ведь это как раз то, чего боялся у Вас папа и в чем я всегда

⁵⁰ *Личный архив Э. Б. Вадецкой*.

⁵¹ *Там же*.

⁵² Киселев С. В. Характеристика Э. Б. Вадецкой как археолога (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁵³ «Если вопрос „трудоустройства“ тов. Вадецкой еще не решен, я смогу ее принять в Институте Этнографии (1-я Черемушкинская, 19, 4-й этаж) после 22-го ноября. Правда, ничего конкретного я сейчас не вижу, однако после разговора с тов. Вадецкой и совета с моими сотрудниками может быть что-нибудь и придумаем» (Письмо С. П. Толстова к И. А. Ефремову от 24 октября 1960 г.; *Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

В мае 1962 г. Эльгу Борисовну переводят из аспирантуры Института этнографии в аспирантуру ЛОИА вместе со «штатной аспирантской единицей»⁵⁷. Несмотря на перевод в другой институт, сроки окончания аспирантуры не изменились (1 декабря 1961 — 1 декабря 1964), в то же время научная тема «Каменные изваяния Минусинской котловины эпохи бронзы» была утверждена только в конце 1962 г.⁵⁸

Вадецкая с того момента, как стала аспирантом, включается в общественную работу, в том числе становится членом бюро молодых специалистов Дома ученых им. М. Горького⁵⁹.

С лета 1962 г. Эльга Борисовна участвует в Красноярской археологической экспедиции в качестве аспиранта М. П. Грязнова. С конца 1962 г. она работает над диссертацией и в 1963 г. пишет две статьи: «Афанасьевский могильник на речке Черновой» и «Музей под открытым небом», обе опубликованы в 1964 г. (см. библ.). В сборе материала для кандидатской диссертации большую помощь оказывал Николай Владимирович Леонтьев⁶⁰, ставший другом Глеба Максименкова и Эльги Борисовны.

18 декабря 1963 г. в семье Вадецкой и Максименкова родился первенец, сын Борислав. Его имя было компромиссом, поскольку Эльга Борисовна хотела назвать сына в честь отца Борисом, а Глеб Алексеевич — Славиком, и до конца своей жизни так сына и называл.

Год 1965-й был насыщен событиями. 15 марта 1965 г. на заседании сектора Средней Азии и Кавказа было принято решение просить Ученый совет принять работу Э. Б. Вадецкой «Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее» к защите на соискание ученой степени кандидата наук. В этом

и давно с ним спорил, доказывая, что в нашей Чаиньке есть своя внутренняя сила» (Письмо И. А. Ефремова к Э. Б. Вадецкой от 20 мая 1962 г.) (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁵⁷ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 17. Л. 85.

⁵⁸ 30 ноября 1962 г. тема была утверждена на секторе, а 25 декабря 1962 г. — Ученым советом ЛОИА (*Там же*. Л. 94).

⁵⁹ *Там же*. Л. 100.

⁶⁰ Н. В. Леонтьев, археолог, специалист в области археологии Южной Сибири. Член-корреспондент Германского археологического института (с 1996 г.). С 1963 г. он связал свою жизнь с Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н. М. Мартянова.

году были изданы статьи об изображении зверя-божества и о каменных стелах в Хакасии, а также сдана в печать научно-популярная работа «Древние идолы Енисея» (1967)⁶¹.

1 апреля 1965 г. Вадецкая закончила аспирантуру (в связи с декретом сроки оказались сдвинуты). Летом она участвовала в экспедиции в отряде мужа: «Очень много впереди работы, но чувствую, что уже устала. Много помех: постоянно портится машина, плохо с питанием и т. д. Глеб до предела измотан, он и шофер (наш давно уехал в Москву и нас бросил на произвол судьбы), и снабженец, и фотограф, и нач. отряда. Отряд у него бабский, и он только и делает, что сглаживает все конфликты». И дальше: «Мой археологический энтузиазм сбит небольшим, но неприятным происшествием: могильник, которым я руковожу и вкладываю душу, расположен в 12 км от лагеря. Несколько дней тому назад мы не смогли из-за <...> нашей машины туда поехать ... и что же? На него совершили налет местные бандиты лет по 12. Кости разворошили, черепа из разных могил собрали в кучу и били по ним палками, горшки разбили, а лучшие горшок и бронзовый нож украли. Когда я это увидела, я разрыдалась, ибо полмесяца работы прошло впустую»⁶².

Нервничала Вадецкая и по другому поводу. Ей было обещано место в институте, но зачисление в штат все откладывалось: «Написала письмо Шевякову с просьбой уведомить меня о необходимости приезда в Москву <...> беспокоит ожидание места и соскучилась по Борьке. Марьяна мне писала к тому же, что тех двоих, которым, как и мне, обещали место, уже зачислили в институт. Пишите мне о своих делах и продолжайте звонить Шевякову»⁶³. Только 1 сентября Э. Б. Вадецкая была зачислена в штат ЛОИА на должность младшего научного сотрудника⁶⁴.

12 января 1966 г. состоялась защита кандидатской диссертации, утвержденная ученым советом ЛОИА (четырьнадцатью голосами «за» и двумя

⁶¹ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 17. Л. 103.

⁶² Письмо к матери, июль 1965 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁶³ Письмо к матери, июль 1965 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁶⁴ На основании направления № 42 АН СССР, за подписью вице-президента, академика В. А. Кириллина, заявление Э. Б. Вадецкой с резолюцией зав. ЛОИА М. К. Каргера (НА ИИМК. РО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 17).

голосами «против»⁶⁵, а 24 февраля 1966 г. уже Ученый совет Института археологии АН СССР (протокол № 6) присудил Э. Б. Вадецкой ученую степень кандидата исторических наук.

В 1966 г. Вадецкая получила открытый лист на раскопки могильника Сухое Озеро, но в составе Черновского отряда Глеба Алексеевича Максименкова в Красноярской археологической экспедиции М. П. Грязнова. Было раскопано 52 кургана карасукской культуры со 128 могилами, а также один тагарский курган. В отчете Эльга Борисовна пишет: «... в 1966 г. основные работы Черновского отряда Красноярской экспедиции велись на северном берегу заболоченного озера Сухого, в глубине долины рч. Черновой. Здесь расположен обширный могильник, содержащий около 800 курганов андроновского, карасукского и тагарского времени. <...> В 1966 г., когда хорошо были видны ограды, применялась упрощенная методика: насыпи целиком не снимались, а над могилами закладывались раскопы, расширяющиеся по мере выявления плит надмогильного сооружения. Для проверки реконструкции оград и выяснения их высоты, как у основных оград, так и пристроек, пробивались траншеи 0,5 × 0,5 м. В результате все могилы оград и пристроек были найдены, но часть насыпи, ничего не содержащая, не снималась, что позволило исследовать большее количество памятников»⁶⁶. Это был первый самостоятельный официальный отчет Э. Вадецкой. В нем много пометок М. П. Грязнова — он все еще ее наставник и учитель⁶⁷.

1967–1968 гг. — это время эмоционального подъема в жизни Эльги Борисовны. Семья обрела свое жилье. Нельзя сказать, что с родителями Глеба Алексеевича было тяжело, но все же отдельно жилось лучше. Вадецкая с детства привыкла жить в стесненных обстоятельствах, без своего угла — хорошо, что хотя бы кровать своя: у младшей сестры и того не было (а еще приходилось учитывать интересы взрослеющих сестер и, конечно, родителей). Глеб Максименков тоже стремился к жилищной независимости. К счастью для Максименковых-Вадецких, в СССР для решения квартирных вопросов с 1958 г. были разрешены ЖСК (жилищно-строительные

кооперативы), но для этого нужны были деньги⁶⁸. В результате семья влезла в долги и до 1981 г. их выплачивала.

В 1967 г. вышла из печати научно-популярная книга Э. Б. Вадецкой «Древние идолы Енисея» (1967), которую она написала во время декретного отпуска. М. П. Грязнов, рекомендуя книгу к изданию, так ее оценивает: «Написанная в живой и увлекательной форме брошюра Э. Вадецкой знакомит читателя с интересной группой памятников эпохи ранней бронзы на Енисее... знакомит читателя не только с одним из интересных явлений в духовной жизни древнего общества, но и с тем, какими сложными путями шло изучение этого явления, как трудно его понять и как много остается еще и сейчас нерешенных вопросов в изучении мировоззрения древних племен. Богато иллюстрированная небольшая книжка, несомненно, будет интересна и полезна для широкого круга читателей. Ее необходимо издать»⁶⁹.

С 1967 г. Эльга Борисовна руководит Таштыкским отрядом в Красноярской экспедиции М. П. Грязнова. Проводились раскопки таштыкского могильника Новая Черная: 40 могил и склеп, раскопки двух курганов из находившегося поблизости кыргызского чаатаса, а также было обследовано поселение тесинского времени, расположенное между двумя могильниками.

В следующем, 1968, году Э. Вадецкая продолжила руководить Таштыкским отрядом на берегу Красноярского моря, но теперь вблизи от деревни Аешка Новоселовского района Красноярского края, где были раскопаны все четыре зафиксированных склепа и 33 (из 100) могилы.

Одновременно в отряде Вадецкой появляется археологическая газета — словно у Эльги Борисовны был огромный заряд энергии, и она им делится со всеми без остатка.

В 1968 г. выходит в соавторстве с М. П. Грязновым раздел «Афанасьевская культура» в первом томе («Древняя Сибирь») коллективной монографии «История Сибири» (Вадецкая, Грязнов, 1968).

И в конце года в газете «Красноярский рабочий» публикуется еще одна статья Вадецкой — «Поэзия неведомого» (Вадецкая, 1968).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Вадецкая Э. Б. Отчет о раскопках на Сухом Озере в 1966 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁶⁷ Копия отчета из личного архива Э. Б. Вадецкой.

⁶⁸ Среди тех, кто помог деньгами, были М. П. Грязнов, А. А. Морозов, И. А. Ефремов и др. (из воспоминаний Э. Б. Вадецкой).

⁶⁹ Грязнов М. П. Отзыв о популярной брошюре Вадецкой... от 30 октября 1964 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

В мае 1969 г. Вадецкая принимала участие в состоявшейся в Новосибирске конференции «Этногенез народов Северной Азии», где сделала доклад об этнографических параллелях таштыкской культуре. В этом же году была опубликована статья о сходстве самусьских и окуневских изображений.

В 1969 г. Вадецкая копала афанасьевские курганы и руководила разведывательной группой Красноярской экспедиции, но начало сезона затянулось из-за наводнения. В письме к матери от 8 июня Эльга Борисовна пишет: «После длительных остановок, связанных с моей ученой деятельностью, я прибыла в Минусинск. Пыталась тебе звонить из Томска и Кемерово — но Вы на даче. Теперь жду от Вас вестей, ибо скучаю и сижу одна без сотрудников и машин <...> Очевидно, из газет Вы знаете, что в Абакане было затопление. Не знаю, как это звучало в газете, но наяву 92 % города было под водой, нарушено всякое сообщение, сорваны мосты, и каждый день похороны. Из-за этого мои машины и сотрудники задержались»⁷⁰. Эльга Борисовна позже вспоминала: «...в 1969 го-ду началось заполнение Красноярского водохранилища, в зоне которого десять лет работала Ленинградская археологическая экспедиция. Это водохранилище заполняется весной талым снегом с Саянских гор, а зимой большая часть береговой территории высыхает. В тот год талых вод было много, а строительство Красноярской ГЭС не было полностью закончено, и значительная часть Хакасии, южнее г. Абакана, оказалась затопленной с большими разрушениями и человеческими жертвами. Поскольку к этому времени я работала летом в этих местах уже 10 лет, результаты разрушения поразили мое воображение»⁷¹.

⁷⁰ Письмо к матери от 8 июня 1969 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁷¹ Из переписки Э. Б. Вадецкой с О. А. Ереминой, январь 2013 г. В этом письме содержится комментарий к неопубликованному письму И. А. Ефремова от 2 июля 1969 г. «Москва, 2 июля 1969 г. / Дорогая Чаянка! / Спасибо за подробное письмо о Ваших делах. Они интересны, и я еще раз (в „сколький“) ставлю себе в заслугу Ваше возвращение в археологию. Насколько же это лучше той журналистско-писательской тропы, которая, при ближайшем рассмотрении, оказывается столь узкой! / Не надо только впадать в отчаяние от гнусного обращения с авторами в газетах. Это я сколько раз испытывал на себе и сколько раз клялся ничего не давать в газеты и снова уступал настойчивым просьбам, особенно ежели присылали хорошенькую

В другом письме к матери Вадецкая пишет: «Я живу на горе, а вокруг меня море. Лето очень жаркое, но <...> чувствую себя хорошо, иное бы, наверное, и не выдержала. Жара 40. Нет отдышки, на горы взбираюсь легче, чем в молодости <...> Получила очень теплое письмо от [И. А.] Ефремова, более ни с кем не переписываюсь <...> Могилы трудные и грабленные. Огорчает. Начала один замечательно интересный могильник, но пришлось его уступить [Л. Р.] Кызласову. Просил не перебивать ему дорогу. Сейчас, приехав на 1 час в Минусинск, пользуюсь случаем послать тебе письмо и дяде Володе⁷², у него скоро день рождения»⁷³.

1970 г. отмечен работой в общем составе Красноярской экспедиции под руководством М. П. Грязнова на раскопках памятников у горы Тепсей. Спустя 30 лет, в 2000 г., об этих работах была написана отдельная статья (см. библ.). В том же году в Новосибирске была опубликована работа

корреспондентку. И снова испытывал то же хамство. Сейчас вроде укрепился и никто на меня не действует, разве только приходится прийти кому-нибудь на помощь. / Попробуйте все же вызволить рукопись. Но это надо сделать, нагрянув самой, а переписка с хамом ни к чему не приведет. И никогда не давайте Ваших настоящих, от сердца написанных работ в провинциальные газеты — холуйские листки, зависящие от движения бровей местной власти. А той ведь — мало ли какая дурь придет в голову. / Я по-прежнему сижу в Москве, не рискуя куда-нибудь поехать. Но — работает под защитой Зебрушки, которая отбивается от психов, любопытных и редакций. Пишу историческую небольшую повесть из времен Александра Македонского: „Рапсодия о Таис“ — о знаменитой афинской гетере, которая сожгла Персеполис. „Час Быка“ напечатался более или менее полно в журнале „Молодая гвардия“ №№ 1–4 за этот год, а кусочками — в „Технике — молодежи“. Недавно сдал книжный вариант, который пошел в работу. / Чувствую себя сравнительно ничего, также как и Зебрушка, но без излишеств. / Вот Вам и пришлось увидеть настоящую силу стихии — в первый раз. А сколь ещё придется? Ведь Вам надо обязательно дожить до 2000-го года — это будет интересный рубеж. При быстром изменении жизни следует ожидать крупных перемен во всем и вряд ли, к сожалению, в лучшую сторону. Но все равно — интересно. / Пишите нам ещё. Зебрушка Вас целует и я тоже».

⁷² Владимир Александрович Белли (1887–1981), контр-адмирал, родной брат Анны Александровны Белли — матери отца Э. Б. Вадецкой.

⁷³ Письмо к матери от 17 июня 1969 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

«Женские силуэты на плитах окуневских могильников» (Вадецкая, 1970). К этому моменту прошло уже шесть лет со времени публикации Г. А. Максименкова (Максименков, 1964), в которой окуневская культура была определена как особая эпоха в древней истории Среднего Енисея, и интерес к памятникам этой культуры все возрастал.

В 1971 г. Вадецкая возглавила Тубинскую археологическую экспедицию, которая проводила обследование территории строительной площадки электрометаллургического комбината между селами Тесь и Малая Иня, согласно договору между ЛОИА и Украинским государственным институтом проектирования металлургических заводов (УКРГИПМЕЗ)⁷⁴. В процессе разведки и раскопок некоторых курганов выяснилось, что «памятники, находящиеся на территории строительной площадки, представляются перспективными в историческом отношении, поскольку многие из них до сих пор изучены слабо»⁷⁵. Многие найденные вещи оказались уникальными и дали ценную научную информацию, наибольшую научную ценность из раскопанных в 1971 г. имел Большой Сарагашенский курган⁷⁶.

Помимо этих работ отряд под руководством Вадецкой участвовал и в спасении карасукского памятника на острове Тагарский у подножия горы Лысуха, раскопки которого проводили сотрудники Минусинского музея. Расстояние между отрядами двух экспедиций было около 50 км. «Территория расположенного здесь карасукского могильника была предназначена под строительство перчаточной фабрики. Но строители не желали считаться с необходимостью раскопок и отправили бульдозеры на ликвидацию памятника. Сотрудники Минусинского музея со своими домочадцами и под предводительством директора музея В. А. Ковалева преградили дорогу бульдозерам... мы тоже приняли участие в этой операции и победили» (Вадецкая, 2013. С. 10).

В 1971 г. вышло несколько публикаций Эльги Борисовны (см. библи.). Очерк «Сказы о древних

курганах» в альманахе «На суше и на море» вызвал негативную реплику археолога Хакасского областного музея А. Н. Липского⁷⁷. Он написал рецензию на очерк в газету «Советская Хакасия», но редакция обратилась за советом к Л. Р. Кызласову, и тот рекомендовал рецензию не печатать «как малосущественный материал»⁷⁸.

В том же году Эльга Борисовна была отмечена именной благодарственной грамотой общества «Знание» за активное участие в работе Лектория при ЛОИА АН СССР и в связи с 20-летием работы Лектория⁷⁹. А годом позже она стала членом еще двух обществ: Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Общества охраны природы.

Полевой сезон 1972 г. продолжался для Эльги Борисовны работами в отряде Красноярской экспедиции (Тубинская экспедиция осталась в 1971 г.). Работы проводились совместно с Красноярским краеведческим музеем под южным склоном горы Оглахты. Был доисследован могильник афанасьевского времени вместе с впущенными в его сооружения могилами окуневского и тесинского времени, а также исследованы окуневские и тесинские могилы, сооруженные вне упомянутого могильника.

1972 г. ознаменовался в жизни Эльги Борисовны одним существенным, как оказалось, событием. Дом Э. Вадецкой и Г. Максименкова был всегда открыт для друзей. Эльга Борисовна до конца жизни была радушной хозяйкой и предоставляла кров каждому, кто в нем нуждался. В 1972 г. она дала такую возможность — пожить полгода в квартире — молодой студентке из Сибири, которая была в ее археологическом отряде и хотела учиться в Ленинграде. Через несколько лет эта девушка разрушит их семью, станет второй женой Глеба Алексеевича Максименкова и еще на протяжении трех десятков лет будет напоминать о себе различными судебными притязаниями.

⁷⁴ Вадецкая Э. Б. Отчет об археологическом обследовании территории строительной площадки близ с. Тесь, произведенном Тубинской экспедицией Лен. отделения Института археологии АН СССР в 1971 г. Л., 1972. Л. 21 (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ В 2006 г. в «Окуневском сборнике 2» Вадецкая опубликует две статьи по материалам А. Н. Липского, отдавая дань этому археологу (Липский, Вадецкая, 2006а; 2006б).

⁷⁸ Из личного архива Э. Б. Вадецкой.

⁷⁹ Дзержинской районной организации общества «Знание» РСФСР за подписью председателя правления В. Абалакина (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

С середины 1960-х гг. Эльга Борисовна мечтала о дочери⁸⁰, но в 1973 г. снова родился мальчик. Он был назван по настойчивой просьбе свекрови в честь отца Глеба — Алексеем. Несмотря на рождение второго сына, Эльга Борисовна продолжала активно работать.

В 1974 г. «За успехи в работе, активное участие в общественной жизни коллектива и в связи с 250-летием АН СССР» Эльга Борисовна была отмечена Почетной грамотой президиума Академии наук СССР, подписанной президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем. И в том же году она была утверждена участником ВДНХ⁸¹.

В 1975 г. полевая экспедиционная деятельность Вадецкой возобновилась. Она руководила Минусинским отрядом Красноярской экспедиции (финансировался Красноярской экспедицией и сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА) и с конца мая по август проводила раскопки в зоне Красноярского водохранилища: у сел Лебяжье и Восточное Краснотуранского района и у деревни Комаркова Минусинского района. Небольшой отряд состоял из 8–10 человек, в их числе были археологи О. Л. Пламеневская, Б. Н. Пяткин, художники Л. Н. Баранов, Т. М. Баранова и В. Ф. Капелько⁸². Объем выполненных работ впечатляет: были продолжены раскопки и разведки на правом берегу Енисея, в частности, исследовались окуневский могильник у горы Козлиха, два могильника андроновской культуры (Лебяжье I, V), три карасукских могильника (Лебяжье II–IV), два могильника (Лебяжье VI–VII) подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры, начаты раскопки большого кургана афанасьевской культуры у села Восточное, там же зафиксированы разрушавшиеся карасукский и тагарский могильники.

Силами Минусинского отряда Красноярской экспедиции были начаты раскопки таштыкского грунтового могильника на правом берегу Енисея к северу от деревни Комарково Минусинского района, которые продолжались с 1975 по 1977 г.

Кроме этого, на берегу реки Дальняя Чая был раскопан склеп таштыкской культуры и выявлены еще один таштыкский грунтовой могильник и поселение (на реке Сухая Чая). Краткий отчет о работе Минусинского отряда можно считать первым документальным подтверждением начала многолетнего творческого сотрудничества Э. Б. Вадецкой и Л. Н. Баранова⁸³ — великолепного графика, тонкого знатока артефактов ранних кочевников Среднего Енисея. Что касается «царского» кургана у села Восточное, то информатором экспедиции стал ученик Г. А. Максименкова, многолетний друг и корреспондент Э. Вадецкой — Н. В. Леонтьев.

В 1975–1976 гг. опубликованные работы связаны с темами погребальных памятников Енисея таштыкской, тагарской и афанасьевской культур (см. библиографию).

В 1976 г. Э. Б. Вадецкая закончила работу над монографией «Материалы к археологической карте юга Красноярского края», которая состояла из двух частей: археологические памятники, известные по раскопкам, и сводный каталог всех памятников, включая известные по разведкам. Впоследствии первая часть под названием «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (Вадецкая, 1986) вышла в сокращенном виде отдельным изданием, вторая же часть до сих пор не опубликована⁸⁴.

1976 г. обозначил серьезный рубеж в научной и, в частности, экспедиционной деятельности Э. Б. Вадецкой. Если первые 15 лет ее работы в ЛОИА можно охарактеризовать как годы формирования самостоятельного исследователя под формальным руководством начальника экспедиции, заведующего сектором археологии Средней Азии и Кавказа М. П. Грязнова, под влиянием его безусловного научного авторитета, то в 1977 г. эта своего рода стажировка закончилась. К этому времени Эльга Борисовна сложилась как авторитетный специалист по археологии Среднего Енисея (и шире — археологии Сибири), своей

⁸⁰ Письмо к матери от 8 июня 1969 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁸¹ Свидетельство № 201533 (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁸² Вадецкая Э. Б. Отчет о раскопках 1975 г. Минусинского отряда в Краснотуранском и Минусинском районах Красноярского края (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁸³ Лев Николаевич Баранов (1937–07.11.1999) познакомился с Э. Б. Вадецкой не позже 1963 г., когда участвовал в экспедиции М. П. Грязнова в качестве художника, являясь студентом архитектурного факультета Всероссийской академии художеств. Урна с прахом Баранова захоронена на территории Крематория Санкт-Петербурга в колумбарии 9, стена 2.

⁸⁴ Более подробно о рукописи см. далее.

научной биографией воплотив синтез двух школ сибирской археологии: московской (С. В. Киселев) и ленинградской (М. П. Грязнов).

1977–2018 гг.

В 1977 г. Минусинский музей отмечал свое 100-летие. В ходе празднования этого юбилея Эльга Борисовна была отмечена Почетной грамотой «За большой вклад в изучение древней истории края и участие в научно-исследовательской и просветительской работе музея».

В июне 1977 г. Вадецкая завершила раскопки таштыкского грунтового могильника у деревни Комаркова, проводившиеся с 1975 г. на средства, выделенные сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА,⁸⁵ и возглавила новый отряд в только что созданной Сибирской археологической экспедиции, начальником которой был назначен Г. А. Максименков. Сибирская экспедиция была развернута на территории I Березовского угольного разреза — первого крупного промышленного объекта Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК).

В планы работ экспедиции входили спасательные археологические работы и выявление памятников археологии в зоне строительства промышленных и других объектов КАТЭК. Первым памятником, исследованным экспедицией, стал Березовский курганный могильник, где были изучены четыре кургана, относящиеся к сарагашенскому этапу тагарской культуры.

В 1978 г. Сибирской экспедицией были раскопаны еще шесть курганов, датированных сарагашенским этапом тагарской культуры, проведены разведочные работы (*Гультов и др.*, 1979). Экспедиция работала более трех месяцев. В ее состав входили археологи Н. А. Лазаревская, С. Б. Гультов, А. В. Субботин, художник С. В. Горюнков, учителя истории из Красноярска и села Новоселово и школьники из Ачинска и Красноярска, студенты ленинградских институтов⁸⁶. Отрядом под руководством Вадецкой были раскопаны четыре из шести курганов. В 1979 г. Э. Б. Вадецкая становится начальником Сибирской археологической экспедиции вместо Г. А. Максименкова и руководит ею до 1989 г.

⁸⁵ Вадецкая Э. Б. Отчет о раскопках 1977 г. Минусинского отряда у. д. Комарковой Минусинского района Красноярского края (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁸⁶ Вадецкая Э. Б. Отчет Сибирской археологической экспедиции (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

Публикации 1979 г. в очередной раз продемонстрировали разнообразие интересов Эльги Борисовны в археологии Среднего Енисея (см. библиографию).

Третий год работ Сибирской экспедиции был отмечен раскопками пяти курганов Березовского могильника (А. В. Субботин), раскопками поселения Береш, поселения таштыкской культуры и могильника на озере Ашпыл, включавшего погребения ранних этапов тагарского времени и разрушенные могилы андроновской культуры (С. Б. Гультов).

Несколько слов следует сказать об особенностях работы и жизни в Сибирской экспедиции. В отличие от «материнской» Красноярской, она действовала на относительно ограниченном пространстве, в пределах одного небольшого административного района (Шарыповского). Все объекты (и отряды) располагались недалеко друг от друга, что давало возможность совместно отмечать и День археолога, и дни рождения сотрудников. Спустя короткое время в районе появились и местные друзья экспедиции: сотрудники администраций города и района, строители, угольщики, энергетики, журналисты. На экскурсии по раскопкам и просто в гости в экспедицию за общением, за интервью с удовольствием приезжали Л. Г. Фисенко⁸⁷, И. К. Шамрай⁸⁸, В. П. Зюзиков⁸⁹, О. Е. Шапошников⁹⁰, А. Н. Комиссаренко⁹¹ и многие другие. Общее настроение в экспедиции, отношение к Эльге Борисовне можно почувствовать и в строках, написанных 15 августа 1980 г.:

Ода о Э. Б. Вадецкой

И ты была! И светлый праздник был!
Горели свечи, и костры горели,
Но ярче всех огней твои глаза
Светились ночью! И от них струилось
То настроенье праздника, в котором
Я пребываю и пребуду вечно!

⁸⁷ Леонид Григорьевич Фисенко, директор Дирекции строящихся угольных разрезов КАТЭК.

⁸⁸ Иван Константинович Шамрай, директор строящейся Березовской ГРЭС-2.

⁸⁹ Валентин Петрович Зюзиков, начальник Отдела капитального строительства Березовской ГРЭС-1.

⁹⁰ Олег Евгеньевич Шапошников, директор Березовской ГРЭС-1.

⁹¹ Александр Николаевич Комиссаренко, главный редактор газеты Шарыповского района и г. Шарыпово «Огни Сибири», журналист, писатель.

Научные (в том числе и экспедиционные) достижения Эльги Борисовны не остались незамеченными и в ЛОИА. 14 ноября 1979 г. Э. Вадецкая прошла по конкурсу и была переведена на должность старшего научного сотрудника.

В 1980 г. вышла совместная монография Г. А. Максименкова, Н. В. Леонтьева и Э. Б. Вадецкой «Памятники окуневской культуры» (*Вадецкая и др.*, 1980), также было опубликовано пять статей (см. библиографию).

Полевой сезон 1981 г. был насыщен в исследовательском плане: продолжение раскопок могильника Ашпыл, раскопки коллективного захоронения (остатки разрушенного кургана) в промзоне города Шарыпово, раскопки погребальной камеры тагаро-таштыкского (первоначальное определение) времени в деревне Береш, раскопки поселения (верхний слой тагарского времени, нижний слой — верхний палеолит) на ручье Березовый. С точки зрения финансирования и перспектив дальнейшей работы 1981 г., возможно, был самым успешным в истории Сибирской экспедиции. Однако чрезвычайное происшествие — автомобильная авария экспедиционного ГАЗ-66 и гибель студентки кемеровского вуза — омрачило размеренную жизнь экспедиции. Э. Вадецкая после случившегося была в подавленном состоянии, и друзья старались поддержать ее⁹². Тот год вообще оказался тяжелым для Эльги Борисовны: сначала развод с мужем, потом гибель студентки, а в конце года — еще и всевозможные проверки разных инстанций и организаций. Помогло выйти из депрессии еще большее погружение в работу, в занятия наукой.

Публикации 1981 г. по-прежнему многочисленны, прежде всего в них рассматриваются погребальные традиции населения, оставившего таштыкскую культуру (см. библиографию).

К 1982 г. была завершена многолетняя работа по теме «Таштыкские грунтовые могильники». Рукопись объемом 20 п. л. была обсуждена на секторе археологии Средней Азии и Кавказа в том же году⁹³. В многотомную «Археологию СССР»

(т. 9) был сдан текст «Таштыкская эпоха» в объеме 2 п. л. (том вышел только в 1992 г.). В конце 1983 г. была обсуждена «небольшая тема об участии хунну в сложении таштыкской культуры»⁹⁴.

В период с 1980 по 1984 г. Вадецкая принимала участие в работах восьми научных конференций в Томске, Омске, Кемерово, Иркутске, Свердловске, Москве, Тбилиси, Новосибирске. Состоялись научные командировки в архив Москвы, музеи и институты Новосибирска, Улан-Удэ, Барнаула, Бийска⁹⁵.

Видимо, к этому времени уже был определен выбор направления подготовки будущей докторской диссертации, а на ближайшие годы — полевых исследований важных для этой темы памятников.

Это решение было подкреплено работами Сибирской экспедиции 1982 г. Экспедиция завершила раскопки палеолитической стоянки Березовый Ручей, продолжила исследование могильника Ашпыл. Эльга Борисовна по своему открытому листу произвела раскопки второго из берешских курганов. Был получен богатый в информационном плане материал: ритуальные манипуляции с умершими (модуляция голов глиной, глиняные маски), остатки погребальных одежд из кожи и меха, «украшенных разнообразными по форме и рельефному орнаменту глиняными пуговицами и бляшками, облицованными слюдой или фольгой» (*Вадецкая*, 1984).

2 сентября 1982 г. решением президиума Академии наук Союза ССР Э. Б. Вадецкой присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Археология».

Работы, изданные в 1982–1983 гг. с одной стороны, продолжили таштыкскую тематику, а с другой – в них были подняты и иные проблемы, интересующие автора относительно интерпретации окуневских изваяний, поиска «самодийцев» на Енисее, подведены итоги первых исследований на КАТЭКе (см. библиографию).

Полевой сезон 1983 г. отмечен раскопками кургана тесинского времени Кадат, продолжением (и завершением) работ на курганном могильнике Ашпыл (*Вадецкая*, 1985; *Гультов*, 1985; *Красниенко*, 1985).

Решение чисто научных проблем не могло заслонить первых признаков угасания грандиозного проекта КАТЭК: перспективы развития

⁹² Владимир Матющенко в письме от 12 октября 1981 г. писал: «Я искренне с тобой и готов помочь тебе, чем в силах. Правда, не знаю, в чем я могу оказаться полезным. Одно хочу советовать — не впадай в хандру, в панику. Соберись в кулак, мобилизуйся и будь твердой» (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁹³ *Вадецкая Э. Б.* Отчет по научной работе с 1980 по 1984 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

⁹⁴ *Там же.*

⁹⁵ *Там же.*

угольно-энергетического кластера стали неочевидны, а это ставило под вопрос и дальнейшее финансирование археологических исследований. Начало этого кризиса отразилось и на программе следующего полевого сезона — 1984 г.

18 августа 1984 г. стало траурным днем для сибирской археологии и для самой Эльги Борисовны: скончался Михаил Петрович Грязнов, учитель, руководитель, безусловный авторитет.

В 1984 г. Э. Б. Вадецкая сосредоточилась на кабинетных исследованиях и участии в конференциях: в первых числах апреля — в Кемерово, 12–18 сентября — в Красноярске и Омске, что нашло отражение в списке ее публикаций (см. библиографию).

Всего в период с 1980 по 1984 г. вышли из печати 25 работ, в том числе «Окуневские изваяния» и научно-популярная книга «Сказы о древних курганах»⁹⁶. Надо отметить, что выход в свет в Новосибирске, спустя 10 лет после публикации очерка в альманахе «На суше и на море», одноименной научно-популярной книги стал своего рода данью памяти И. А. Ефремова, одного из вдохновителей научного пути Э. Б. Вадецкой.

К 1984 г. Э. Вадецкая — председатель первичной организации общества «Знание» в ЛОИА.

В сезоне 1985 г. Сибирская экспедиция сосредоточилась на раскопках двух курганных могильников — Сопки I (совместно с А. В. Субботиным) (Вадецкая, Субботин, 1987) и Балалык (Красниенко, 1987), а также поселения Ашпыл (Гультов, 1987). Это был единственный сезон, когда в экспедиции побывали оба сына Эльги Борисовны и Глеба Алексеевича. А романтическую атмосферу того сезона отражает небольшое стихотворение, написанное ко Дню археолога 15 августа 1985 г. А. В. Пасхиным:⁹⁷

Стихотворение о Вадецкой Э. Б.
 Какие наши годы?
 Какие Ганимеды?
 О ней писал Ефремов
 В «Туманность Андромеды».
 Загадочно-туманная,

⁹⁶ Вадецкая Э. Б. Отчет по научной работе с 1980 по 1984 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

⁹⁷ Александр Владимирович Пасхин (21.02.1953–04.12.2011), археолог, учитель истории. Окончил кафедру археологии ЛГУ. Участвовал в различных археологических экспедициях, в том числе с 1985 по 1988 г. — в Сибирской экспедиции.

Кокетлива, жеманная —
 И это все без лести.
 О ней слагать бы саги
 Или под Бернса песни!

В середине 1980-х гг. были утверждены к печати две монографии Э. Б. Вадецкой: «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (Вадецкая, 1986) и «Материалы к археологической карте Минусинской котловины». Это были две части одной большой работы, написанной в 1976 г. Первая монография вышла в сокращенном объеме (не вошли сведения о памятниках древнего каменного века и средневековья)⁹⁸, вторая — каталог памятников по разведкам и раскопкам 1722–1975 гг. — до сих пор не издана.

В комментарии к опубликованной книге Вадецкая пишет: «Автор этих строк предпринял попытку привести в систему все сведения о памятниках Минусинской котловины, суммировать их и нанести на сводную карту. Для работы были использованы главным образом архивы: полевые отчеты, письма, донесения чиновников, картотеки археологических памятников, археологические карты и т. д. Результатом явилась рукопись „Материалы к археологической карте юга Красноярского края“, состоящая из двух частей: археологические памятники, известные по раскопкам, и сводный каталог всех памятников, включая известные по разведкам. В рукопись были включены памятники всех категорий (могильники, поселения, изваяния, писаницы, камни с надписями, крепости и т. д.) от палеолита до кладбищ XVIII в. Настоящая книга является неполным изданием первой части вышеуказанной рукописи» (Там же. С. 6).

Упомянутая рукопись была завершена еще в 1976 г., но смогла быть издана только через 10 лет. Все это время автор дополняла рукопись, внося сведения о новых археологических раскопках.

Михаил Петрович Грязнов в 1976 г., рекомендуя книгу к изданию, так ее охарактеризовал: «Это очень нужная и полезная книга, необходимый справочник, которым будут пользоваться не только археологи в своих научных изысканиях. Она сыграет большую роль в деле учета и охраны археологических памятников. Она будет полезной и в деле пропаганды археологических знаний на местах, в пропаганде исторических знаний.

⁹⁸ По техническим причинам (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

В книге дается ... полный свод археологических памятников... в ней учтены археологические памятники всех категорий и всех эпох. Дано это в удобной системе, позволяющей легко найти необходимые сведения о каждом памятнике в отдельности и получить справку о всех известных памятниках того или иного географического пункта или района Красноярского края»⁹⁹.

В своем отзыве канд. ист. наук М. А. Дэвлет пишет: «Капитальный труд, содержащий подробную информацию о каждом археологическом памятнике, исследованном или зафиксированном с 1722 по 1975 г. <...> Работа состоит из двух больших разделов: 1. Археологические памятники Минусинской котловины, известные по раскопкам; 2. Сводный каталог археологических памятников по разведкам и раскопкам 1722–1975 гг.<...> Желательна скорейшая публикация этого фундаментального и чрезвычайно своевременного труда»¹⁰⁰.

Но издать книгу оказалось непросто: пятилетний план изданий Института археологии был заполнен. И тогда Институт археологии АН СССР обратился в Красноярский крайком КПСС с просьбой оказать содействие в публикации рукописи, «имеющей практическое значение как ценное руководство при планировании и организации всех мероприятий по охране археологических памятников непосредственно на территории Красноярского края»¹⁰¹.

Поддержал издание книги и академик А. П. Окладников. В своем письме в Красноярский крайком КПСС он пишет: «Я полностью согласен с необходимостью издания работы Э. Б. Вадецкой <...> эта работа имеет огромное значение для пропаганды замечательных достижений самобытной местной культуры древних народов и племен <...> Одобряю и поддерживаю работу. Считаю, что Институт истории, филологии и философии может дать гриф для книги совместно с Ленинградским

отделением Института археологии АН СССР или Управлением культуры. Полагаю, что Сибирское отделение издательства „Наука“ может напечатать работу как заказное издание»¹⁰².

С 1986 по 1991 г. научной темой Э. Б. Вадецкой была «Культура таштыкской эпохи (I в. до н. э. — VI в. н. э.): склепы и поминальные сооружения», утвержденная на заседании сектора 27 декабря 1985 г.¹⁰³ В сезоне 1986 г. Сибирская экспедиция продолжила раскопки могильника Сопки, после завершения которых Вадецкая обратилась к исследованию грунтового могильника и поминальника таштыкской культуры Красная Грива (Новоселовский район, левый берег Енисея) (*Красниенко и др.*, 1988). Так начались четырехлетние исследования таштыкских памятников. Кроме монографии «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» в 1986 г. из печати вышли три статьи по данной теме. Проблемы таштыкской культуры будет преобладать в творчестве Э. Б. Вадецкой и в последующие три года (см. библиографию).

Осенью 1986 г. Эльгу Борисовну ждали новые испытания: умирает Г. А. Максименков, а их старшего сына арестовывают за употребление наркотиков — он выйдет из заключения только в конце 1990 г.

Полевой сезон следующего года прошел в раскопках могильника Красная Грива, а также таштыкского грунтового могильника у бывшего хутора Терский. Большую помощь в работе, как и годом раньше, оказали Л. Н. Баранов и сотрудник Г. А. Максименкова по Красноярской экспедиции археолог А. И. Флотский.

В этом году Эльга Борисовна участвовала в научных конференциях в Томске и Кемерово; передала в музеи Ачинска и Минусинска три археологические коллекции 1979–1982 гг. и антропологические коллекции 1984–1987 гг. — в антропологическую лабораторию Томского университета; прочитала три лекции в экспедиции: для студентов Новосибирского государственного университета, мелиораторов и районных работников; наконец, дала интервью для газет Шарыповского района¹⁰⁴.

⁹⁹ Грязнов М. П. Отзыв о рукописи Э. Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея (материалы к составлению археологической карты южной части Красноярского края)» от 31.08.1976 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰⁰ Дэвлет М. А. Отзыв о работе Э. Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея (Материалы к археологической карте Минусинской котловины)» (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰¹ Из личного архива Э. Б. Вадецкой.

¹⁰² Окладников А. П. секретарю Красноярского крайкома КПСС тов. К. М. Чернову (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰³ Индивидуальный план Э. Б. Вадецкой научной работы на 1987 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰⁴ Отчет ст. научного сотрудника Э. Б. Вадецкой о работе за 1987 г. Л. 2. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

В том же 1987 г. Сибирская экспедиция в количестве пяти отрядов¹⁰⁵ продолжала работы в зоне КАТЭК (Шарыповский район Красноярского края), но уже в зонах строительства инфраструктурных объектов (водовод, дороги) при соответствующем финансировании. С. Б. Гультов¹⁰⁶ произвел раскопки одного из двух объектов памятника Соколовский Разъезд, выявленного им годом раньше. До раскопок он полагал, что имеет дело с памятником эпохи бронзы, но в процессе работы выяснилось, что это первый таштыкский памятник на данной территории. Этот факт весьма заинтересовал Э. Б. Вадецкую, тем более что С. Б. Гультов не проявил энтузиазма в дальнейшем исследовании этого памятника.

В следующем, 1988, году второй объект (склеп) Соколовского Разъезда был раскопан, после чего продолжены работы на Красной Гриве и Терском. Исследованиями этих памятников в 1989 г. завершилась экспедиционная деятельность Эльги Борисовны.

С конца 1980-х гг. для Эльги Борисовны начались судебные тяжбы со второй супругой Г. А. Максименкова, которая претендовала на все имущество Глеба Алексеевича, не считаясь с законом. Так, в 1987 г. она продала Кемеровскому университету¹⁰⁷ научную библиотеку Э. Б. Вадецкой в количестве 707 книг¹⁰⁸, которую когда-то Максименков вывез на дачу.

Конец 1980-х и 1990-е гг. легли тяжким бременем на плечи Эльги Вадецкой: «Как кормлю детей — сама не знаю. Практически все дни уходят на то, чтобы что-то купить и что-то приготовить. Тот мизер, что покупаем по талонам, надо долго разыскивать и стоять в очередях, в течение всего месяца. Главное, часто ходишь по магазинам, стоишь в очередях и возвращаешься с пустой сумкой. Но крутимся <...> Нас уже приучили не есть в прошлом году, теперь хоть иногда что-то

попадается. Институт подкармливает деньгами, то на еду, то премия. Пока деньги на еду есть, ибо нет еды. Что будет дальше — трудно сказать. Чтобы не увеличивать оклады на 90 % с декабря, всех выгнали в отпуск. Правда, стала получать пенсию к зарплате, аж 380 рублей и еще должны с июля увеличить. Этим обязана Ельцину, на которого и молюсь <...> но я стала плохо работать, лениться, устала напрягать мозги. Формально за свой докторский отпуск отчиталась 27 декабря. Сделала доклад по одной главе, все в восторге, решили, что это вся диссертация. А мне чтобы всю перепечатать по новым расценкам надо около 2000 рублей. Куда денешься?»¹⁰⁹.

Возвращение Борислава ухудшило ситуацию в доме: «Борис, конечно, самое для меня трудное. Но он сейчас временно „переламывается“, я конечно, тут же все прощаю»¹¹⁰. До мая 1999 г. в доме было беспокойно из-за болезни старшего сына. Вынос вещей, набеги грабителей, милицейские профилактические приходы — типичная квартира наркомана. Эльга Борисовна сжалась, напоминала маленькую, сухонькую, тоненькую старушку с собакой и кошкой. Все изменилось со смертью старшего сына 1 июня 1999 г. Он умер в больнице от заражения крови, где пролежал неделю в коридоре, так и не дождавшись операции¹¹¹.

Незадолго до гибели сына и сама Эльга Борисовна едва не погибла на улице от рук грабителей: «Меня сильно стукнули по голове в центре города, чтобы снять кожаное пальто. Я много часов была без сознания, но меня кто-то донес (в платье, без пальто) до моего Института. Поэтому я не замерзла и не погибла как несколько моих знакомых»¹¹². В этих условиях Эльга Борисовна с еще большим усердием погрузилась в науку. Написанные в 1990-е гг. многочисленные статьи показывают разносторонность ее научных интересов и широту взглядов на формирование древнесибирских культур (см библиографию).

Отказ от защиты диссертации к середине 1990-х гг. сформировался, видимо, в конкретный план. Было решено все силы направить на написание фундаментальной монографии, которая

¹⁰⁵ Отчет ст. научного сотрудника Э. Б. Вадецкой о работе за 1987 г. Л. 1 (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰⁶ Сергей Борисович Гультов (08.01.1950–29.03.2005), археолог, поэт. Руководил отрядом в Сибирской экспедиции. Урна с прахом захоронена на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга.

¹⁰⁷ Из письма к сестре от 11 августа 1989 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰⁸ Справка из магазина № 53 (Невский, 18; *Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹⁰⁹ Из письма к матери, январь 1992 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹¹⁰ Из письма к матери от 27 мая 1991 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹¹¹ По воспоминаниям А. Г. Максименкова.

¹¹² Письмо от 2002 г. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

и будет представлена к защите. Но публикация требовала значительной редакционной работы, денежных средств на эти цели и на типографское исполнение планируемого труда. Выход (при отсутствии даже стабильных выплат зарплаты) был найден в написании проекта и подачи заявки на грант (1995 г.) незадолго до того созданного Российского гуманитарного научного фонда. Проект нашел поддержку (Грант РГНФ 95-06-17254). Начались несколько лет сотрудничества с издательством «Петербургское Востоковедение». В результате книга «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири», вместившая и многолетний исследовательский труд автора, и прекрасные иллюстрации, выполненные лучшими художниками-графиками Л. Н. Барановым и С. В. Горюнковым, увидела свет, и в декабре 1999 г. состоялась защита диссертации в виде монографии на соискание научной степени доктора исторических наук.

Новым признанием успехов Вадецкой стала благодарность в связи с 275-летием РАН за «многотлетнюю и плодотворную работу в академии на благо науки» от имени президента РАН академика Ю. С. Осипова (8 июня 1999 г.). 17 марта 2000 г. докторская степень была подтверждена решением ВАК и дипломом. За этим последовало присвоение статуса ведущего научного сотрудника. Публикации 2000 г. продолжают не законченные диссертацией «таштыкские наработки» (см. библиографию).

Начало нового века Э. Б. Вадецкая встречает в одиночестве: «После смерти Бори моя жизнь протекает спокойно. Сначала было одиноко, т. к. Алеша живет отдельно от меня. Потом привыкла. Часто приходят ко мне бывшие и настоящие ученики, так что я вращаюсь постоянно среди молодых и относительно молодых людей. Своими достижениями в науке довольна. Периодически получаю гранты от Российской академии наук, один из них был на издание моей очередной и очень большой книги (55 печатных листов) с огромным числом иллюстраций. Успех меня ошеломляет, и я чувствую, что уже не заслуживаю того большого признания в науке, которое имею. Я стала более ленивая, менее трудоспособная, чем раньше. Тем не менее молю Бога дать мне еще на пять лет сил и умения творчески мыслить, чтобы завершить еще одну очень интересную книгу, над которой работаю последние годы — о мумификации, погребальных масках и бюстах-урнах. Я уже смирилась с тем, что более не езжу в экспедиции, но очень

горжусь тем, что мне уделено несколько строк в общей сибирской энциклопедии¹¹³, куда помещены все растения, животные, крупнейшие учреждения и наиболее знаменитые люди. Обо мне в энциклопедии напечатаны сведения между... вагонным заводом и ... важенкой (оленихой). В этом я ощущаю как бы народное признание»¹¹⁴.

Успех гранта РГНФ 1995 г. вдохновил Эльгу Борисовну на новый проект, на этот раз исследовательский, — «Погребальные маски и бюсты Енисея» (свод археологических источников I–VI вв.), рассчитанный на 1997–1998 гг. Таким образом, два проекта — «Погребальные маски...» и «Таштыкская эпоха...» — в какой-то период выполнялись параллельно.

Очень помогло Э. Б. Вадецкой освоение компьютера — с помощью И. П. Лазаретова и А. В. Полякова — на уровне вполне квалифицированного пользователя. Глубокое погружение в проблематику всегда было присуще Вадецкой. Практики погребального обряда, идущие от поздних тагарцев, достигли вершины своего развития в таштыкское время, и материальным воплощением этого стали погребальные маски. Нельзя сказать, что к этой проблематике Эльга Борисовна обратилась, только работая над докторской диссертацией. Первые работы были написаны еще на рубеже 1980-х гг., но в последние годы жизни эта тема стала самой важной для Э. Вадецкой.

Уже в рамках проекта 1997–1998 гг. была полностью завершена работа над каталогами масок из собрания Государственного Эрмитажа; реставрированы, зарисованы и описаны маски из могильников, исследованных Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1967–1970 гг.; составлены каталоги масок, хранящихся в ИИМК РАН, из раскопок Красноярской, Сибирской, Среднеенисейской экспедиций 1975–1990 гг., а также масок, хранящихся в Абаканском университете.

В последующие годы в свод вошли коллекции Государственного Эрмитажа, ИИМК РАН, Минусинского музея им. Н. М. Мартынова, Абаканского музея и Абаканского университета. В общей сложности обработаны 42 коллекции, в которые вошли целые маски, крупные части

¹¹³ ЕЭС, 1998. С. 96.

¹¹⁴ Письмо начала 2000-х гг. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

масок (250 экз.) и отдельные обломки (более 400 масок). Список публикаций после 2000 г. лишь частично отражает объем проделанной работы. В то же время в этом списке и статьи, намечающие раскрытие новых аспектов темы, связанной с изучением масок, путем проведения специальных исследований: химических анализов, спектроскопии, данных антропологии, физиологии человека и т. д. (см. библиографию).

Отдельно стоит отметить третью научно-популярную книгу Э. Вадецкой «Древние маски Енисея» (Вадецкая, 2009). Она, возможно, и не появилась бы, если бы Сергею Геннадьевичу Нарылкову, предпринимателю и увлеченному пропагандисту культуры Хакасии, не пришла мысль издать альбом масок с небольшим, но увлекательным пояснительным текстом — с этой целью он обратился к Э. Б. Вадецкой. Работая над проектом, Э. Вадецкая написала книгу, издание которой, однако, не входило в планы предпринимателя. Коммерческий союз распался, и тогда Эльга Борисовна решила издать книгу самостоятельно. Она обратилась к подруге, с которой была давно знакома, — Галине Анисимовне Смирновой, издателю дорогих подарочных книг.

Благодаря Г. А. Смирновой книга наполнилась иллюстрациями, получила твердый переплет и суперобложку. В ходе совместной работы автора и издателя книга увеличилась в объеме, текст дополнялся и редактировался автором — в том числе предисловие от лица редактора было написано Э. Б. Вадецкой, но по просьбе Г. А. Смирновой. В работе над книгой принимало участие много людей со стороны как автора, так и издателя, в том числе участвовала в работе над альбомом масок, подбирала фон художник П. Ю. Мухина, внучатая племянница Э. Вадецкой.

Галина Смирнова была очень деятельным издателем. Она готовила яркую рекламу к выходу книги: были напечатаны рекламные календари, на книге указано посвящение: «В связи с 75-летием Красноярского края», планировалось выступление по радио в Красноярске. Однако ничего этого не произошло.

Неожиданная смерть Г. А. Смирновой, неточности в технических данных книги, долги перед типографией — в результате этого книга вышла значительно дороже запланированной суммы, и несанкционированное появление в интернете электронной версии книги стали ударом для Вадецкой. Через два года после выхода

книги Эльга Борисовна оказалась в больнице с инфарктом.

Работая над «Сводом масок», Вадецкая не оставляла без внимания и другие направления археологии Южной Сибири. При ее активном участии и соавторстве вышли в свет важнейшие и итоговые на сегодняшний день «Афанасьевские сборники» (1 и 2) и «Свод памятников афанасьевской культуры», несколько статей, посвященных культурам раннего бронзового века (афанасьевской и окуневской), их наследию в последующих археологических культурах, различным аспектам карасукской, тагарской, таштыкской культур. Как и в прошлые годы, часть работ посвящена предшественникам, ушедшим коллегам и учителям (Д. А. Клеменцу, С. А. Теплоухову, М. П. Грязнову, С. В. Киселеву, А. Н. Бернштаму, А. Н. Липскому и др.); участвовала Эльга Борисовна и в юбилейных сборниках (Я. А. Шера, Д. Г. Савинова) (см. библиографию).

Отдельного упоминания заслуживает статья, написанная к юбилею Н. В. Леонтьева, значение которой не только в тщательном, дружеском и очень уважительном рассказе о юбиляре, но и в драгоценных живых подробностях исследовательского процесса, собственной жизни и жизни своих коллег в сибирских экспедициях 1960–1970-х гг.

Эльга Борисовна на протяжении всей своей научной деятельности много часов посвящала работе в архивах. Практически каждое дело Рукописного отдела Научного архива ИИМК, имеющее отношение к сибирской археологии, хранит ее подпись.

Не стал исключением и архив Г. А. Максименкова, который Эльга Борисовна перевезла с дачи, где жил Глеб Алексеевич последние годы перед смертью, и привела в порядок. Вадецкая ставила своей задачей издать наиболее законченные работы Максименкова. В 2003 г. по гранту она издает его монографию «Материалы по ранней истории тагарской культуры». В письме к Николаю Леонтьеву Вадецкая пишет: «Довести до публикации, сделать отсутствующие графики, редакцию и прочее стоило мне много сил. Тем не менее, в следующем году начну понемногу работать над его рукописью „Карасукский могильник Сухое Озеро II“».

Особое значение имел для Вадецкой могильник Сухое Озеро, над которым долго работал Максименков, но так эту работу и не завершил.

Треть могильника раскопана по ее открытому листу в 1966 г., но в составе Черновского отряда, которым руководил Глеб Алексеевич. К работе над рукописью Эльга Борисовна привлекла А. В. Полякова¹¹⁵.

Монография о могильнике Ашпыл стала последней работой Эльги Борисовны Вадецкой, которой она посвятила последний год своей жизни — вплоть до мая 2018 г. Она была не удовлетворена работой соавторов, но оставим эту неудовлетворенность без комментариев.

Работа с молодежью была одной из приоритетных задач Вадецкой как ученого. С первых дней в институте она стала активным участником общества «Знание»: читала лекции, отвечала на письма, помогала советом. С возрастом она стала еще более внимательна к молодым ученым, обращая их внимание не только на содержание работы, но и на язык изложения, подчас рекомендуя им читать русскую классику, видя особую пользу в произведениях Н. С. Лескова. В письмах очень часто можно встретить эту помощь: «Выслала через Наталью рисунки лучших масок из Минусинского музея для твоей дипломницы. Интересно узнать, как она сможет их использовать»¹¹⁶ или «...если интерес твоего знакомого серьезный, я могу составить для него библиографию по этим предметам»¹¹⁷. Мое личное мнение, что эти предметы сначала должны быть собраны, зарисованы, а затем уже интерпретированы по эпохам и разным функциям»¹¹⁸.

С началом нового века Эльга Борисовна открыла в себе талант педагога и научного руководителя. При ее внимательном и требовательном участии успешно защитили кандидатские диссертации Н. Н. Николаев (2001), А. В. Поляков (2006), А. И. Торгоев (2011), Н. Ю. Смирнов (2012). Эльга Борисовна была человеком открытым и стремилась помочь каждому, кто нуждался в ее защите

¹¹⁵ Андрей Владимирович Поляков (род. в 1974), археолог. Окончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета в 2001 г. С этого же года — сотрудник ИИМК РАН. Защитил докторскую диссертацию в 2020 г. 10 декабря 2021 г. избран директором ИИМК РАН.

¹¹⁶ Из письма к А. И. Поселянину, 2000-е гг. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

¹¹⁷ Навершия.

¹¹⁸ Из письма к А. И. Поселянину, 2000-е гг. (*Личный архив Э. Б. Вадецкой*).

или помощи. Иногда в коллективном письме в защиту того или иного археолога можно было узануть слог Вадецкой.

Эльга Борисовна была активным членом археологического сообщества. Она всегда была на связи — будь то телефон, письмо или личная встреча. Среди ее адресатов: Н. В. Леонтьев, В. И. Матющенко, В. Д. Кубарев, А. Н. Зелинский, Э. А. Севастьянова, В. Ф. Капелько, Л. А. Чиндина, Н. П. Макаров, Э. Н. Киргинеков, А. Л. Заика, Ю. С. Худяков, Н. Д. Оводов и др.; археологи из Армении, Грузии, Казахстана. Частыми гостями ее дома были С. В. Панкова, И. П. Лазаретов, А. И. Поселянин, С. В. Красниенко, С. Б. Гультов и многие другие.

Одним из ближайших друзей Эльги Борисовны на протяжении всей жизни оставался Алан Иванович Ефремов, сын И. А. Ефремова. Более 40 лет Э. Вадецкая дружила и с С. В. Горюнковым — писателем, художником, философом. В последние десятилетия она очень сошлась и с троюродной сестрой по линии Белли, Еленой Арсеньевой Бутузовой, главной хранительницей памяти рода Белли¹¹⁹.

Последние юбилейные события в жизни Эльги Борисовны Вадецкой позволили говорить о признании за ней ведущих позиций в Институте истории материальной культуры: приказ директора ИИМК РАН Е. Н. Носова (2001), приветственный адрес коллег (2006), поздравительный адрес директора ИИМК РАН В. А. Лапшина (2016). К сожалению, международное признание авторитета и научного значения трудов Эльги Борисовны пришло достаточно поздно. Но это признание было непрекаемо и абсолютно. Участие в двух международных конференциях — Корк, Ирландия (сентябрь 2005 г.) и Измир (Чешме), Турция (май 2007 г.) в полной мере это признание продемонстрировали. Кроме того, поездка в Турцию стала для нее и прекрасным поводом насладиться античными и средневековыми памятниками и потрясающими

¹¹⁹ Э. Б. Вадецкая принадлежала через материнскую линию своего отца к роду Белли. Первый представитель этого рода, Вильям (Василий Васильевич) Белли (1769–1826), прибыл в Россию в 1789 г., в команде Чарльза (Карл Карлович) Гаскойна. В 1808 г. он стал директором Ширшимских заводов, что подчинялись Адмиралтейству и располагались в 30 км от Архангельска. Практически все потомки В. Белли служили на военном флоте. Последний представитель мужской линии — контр-адмирал В. А. Белли.

коллекциями музеев Эфеса, Сельчука, Чешме, Измира, Трои, Стамбула.

И в обычной жизни Эльга Борисовна была своего рода небожителем, предпочитая уделять внимание науке, а не быту, но от таких «мелочей» она была избавлена заботами младшего сына.

С 1990 г. нехватку поля Эльга Борисовна пыталась компенсировать поездками на дачу в Павлово-на-Неве, где продолжала активно работать. Однако Вадецкая привыкла по четыре месяца находиться на раскопках в степи, и дача,

где она проводила все лето и начало осени, при всей своей уютности и тишине, с трудом замещала хакасскую землю — землю, что прибавляла ей жизненные силы¹²⁰.

Эльга Борисовна Вадецкая умерла от рака в больнице Шлиссельбурга после экстренной операции, не приходя в сознание, 18 августа 2018 г. Она похоронена, согласно завещанию, в Москве на Введенском кладбище, рядом со своим отцом.

¹²⁰ Из интервью Э. Б. Вадецкой // Хакасия. 2009. 16 сентября (№ 174). С. 4.

Ахмадулина, 1959 — Ахмадулина Б. «Неведомый и древний лучник...» // Литературная газета в Сибири. 1959. 20 июля. С. 4.

Вадецкая, 1968 — Вадецкая Э. Б. Поэзия неведомого // Красноярский рабочий. 1968. 11 декабря.

Вадецкая, 1970 — Вадецкая Э. Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, СО, 1970 (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; Вып. 3). С. 261–264.

Вадецкая, 1984 — Вадецкая Э. Б. Работы Сибирской экспедиции // АО 1982. М.: Наука, 1984. С. 190–191.

Вадецкая, 1985 — Вадецкая Э. Б. Сибирская экспедиция // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 192–193.

Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, ЛО, 1986.

Вадецкая, 2009 — Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. Красноярск; СПб.: Версо, 2009. 248 с.

Вадецкая, 2013 — Вадецкая Э. Б. Николай Владимирович Леонтьев (глазами коллеги и друга) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. 2013. № 1 (5). С. 7–16.

Вадецкая, Грязнов, 1968 — Вадецкая Э. Б., Грязнов М. П. Афанасьевская культура // История Сибири с древнейших времён до наших дней. В 5 т / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, Лен. отд., С. 160–165.

Вадецкая, Субботин, 1987 — Вадецкая Э. Б., Субботин А. В. Раскопки тагарского могильника Сопки I // АО 1985. М.: Наука, 1987. С. 227.

Вадецкая и др., 1980 — Вадецкая Э. Б., Максименков Г. А., Леонтьев Н. В. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука. 148 с.: ил.

Гультов, 1985 — Гультов С. Б. Работы в Шарыповском районе Красноярского края // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 198–199.

Гультов, 1987 — Гультов С. Б. Раскопки поселения Ашпыл // АО 1985. М.: Наука, 1987. С. 237.

Гультов и др., 1979 — Гультов С. Б., Лазаревская Н. А., Субботин А. В. Разведки в зоне строительства Березовской ГРЭС // АО 1978. М.: Наука, 1979. С. 219.

Еремина, Смирнов, 2013 — Еремина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с. (Жизнь замечательных людей; Вып. 1440).

ЕЭС, 1998 — Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. 736 с.

Жирнов — Жирнов А. Шрамы, которые война оставила на лице Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://360tv.ru/news/interesnoe/shramy-kotoraya-vojna-ostavila-na-lice-moskvy-57250/> (дата обращения 21.03.2021).

Красниенко, 1985 — Красниенко С. В. Работы в Красноярском крае // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 214.

Красниенко, 1987 — Красниенко С. В. Исследование комплекса памятников у ручья Балалык // АО 1985. М.: Наука, 1987. С. 248.

Красниенко и др., 1988 — Красниенко С. В., Гультов С. Б., Вадецкая Э. Б. Исследования Сибирской экспедиции // АО 1986. М.: Наука, 1988. С. 240–242.

К юбилею..., 2016 — К юбилею Эльги Борисовны Вадецкой // АВ. 2016. Вып. 22. С. 11.

Липский, Вадецкая, 2006а — Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 9–52.

Липский, Вадецкая, 2006б — Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение / Сост. и ред.

- Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 73–81.
- Максименков, 1964* — Максименков Г. А. Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири (Макет I тома «Истории Сибири») / Ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ: б. и., 1964. С. 147–156, вкл. с. 243–248.
- Переписка... 2016* — Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Автор-сост. О. А. Еремина. М.: Вече, 2016. 1536 с.
- Шаров, 1959* — Шаров В. Сквозь века: древние крепости, изваяния, рисунки // Литературная газета в Сибири. 1959. 20 июля. С. 4.

The seagull named Elga Borisovna (pages of the biography of E. B. Vadetskaya)

S. V. Krasnienko, A. G. Maksimenkov, A. V. Subbotin¹²¹

Keywords: E. B. Vadetskaya, Nolithic of Southern Siberia, Afanasyev culture, Okunev culture, Andronovo culture, Tagar culture, Tesin culture, Tashtyk culture, history of archeology, primitive art.

Elga Borisovna Vadetskaya (1936–2018) was a recognized authority in the field of Siberian archeology, an outstanding historian, archaeologist, author of more than 150 scientific and popular science articles and books. The scientific biography of Vadetskaya can be conditionally divided into three stages: the birth (1936–1960), formation (1961–1976) and maturity (1977–2018) of a scientist. The article attempts to convey the path of the scientist, to show her as a living person, to remember the time in which she lived. She entered the postgraduate course at the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR, in 1962 and in the same year she became a scientific assistant of the Krasnoyarsk Expedition. Initially, Moscow archaeologists Sergei V. Kiselev and Leonid R. Kyzlasov became her teachers; in Leningrad their place was occupied by Michail P. Gryaznov. The dissertation thesis of Vadetskaya (1965), written under his guidance, presented the results both of her work among the staff of the expedition (also headed by Gryaznov) and of the examination of museum collections and archive materials. During the 1960s–1980s, Elga B. Vadetskaya was occupied with studies of the entire spectrum of archaeological cultures in South Siberia. This work was reflected in numerous publications of that period. Since the beginning of the 1990s, Vadetskaya was concentrated on studies of the Tashtyk culture and its burial rite. Also the last field seasons of Vadetskaya (1986–1989) were devoted to investigations of sites of the Tashtyk culture. The apogee of the work on this subject included the publication of the monograph “The Tashtyk epoch in the early history of Siberia” and the defence of a doctorate on its base (1999). This theme was continued and developed in the investigation of funerary masks from early Siberia. Elga B. Vadetskaya put much effort to the preparation for publication of the materials from archives of Gleb A. Maksimenkov. The works by Elga B. Vadetskaya enjoy a well-deserved authority; they are invariably claimed by the colleagues, while her popular science books (“Ancient idols of the Yenisey” and “Stories about the ancient kurgans”) are known to all who are interested in archaeology.

¹²¹ Sergey V. Krasnienko, Andrej V. Subbotin — Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; Aleksej G. Maksimenkov — Independent researcher, St. Petersburg, Russia; e-mail: imerod1973@mail.ru.

Александр Антонович Морозов. Дневник: страницы, посвященные Эльге Борисовне Вадецкой. Переписка Э. Б. Вадецкой и А. А. Морозова

А. Г. Максименков¹, подготовка к публикации и комментарии

В окружении Э. Б. Вадецкой было очень много друзей, но духовно близкие, доверительные отношения сложились с семьями Ивана Антоновича Ефремова², Николая Владимировича Леонтьева³ и семьей Морозовых — Эрной Георгиевной⁴ и Александром Антоновичем.

Впервые с Морозовыми Эльга Борисовна познакомилась в 1958 г., когда приехала в Ленинград погостить. По совету отца, Б. А. Вадецкого, оставилась у них, давних его друзей.

А. Морозов знал детей Б. Вадецкого, но почему-то самую старшую дочь хорошо не запомнил, и тем более сильное впечатление произвела она на него во время своего короткого пребывания у них дома. На первый взгляд может даже показаться, что Александр Антонович в свои 52 года влюбился, но это не так, просто у них с Эрной Георгиевной не было детей, и Эльга своей воздушной натурой, молодостью, пламенной душой согрела семью Морозовых. Возникла очень тесная дружба между Морозовыми и Эльгой Вадецкой.

Через несколько лет, в 1962 г., Э. Вадецкая выходит замуж и навсегда переезжает в Ленинград. Этот город ей нравился, но он был чужим. Здесь еще не было знакомых улочек, любимых уголков, наполненных связанными с ними эмоциями,

встречами, переживаниями. Не было родителей, друзей детства — все они остались в Москве.

1960-е гг. были тяжелыми в эмоциональном плане для Эльги Борисовны. Перед ней стояло много сложных задач, нужно было адаптироваться к новым условиям. Она жила в семье любимого мужа. Глеб Алексеевич Максименков жену поддерживал, но бывали ситуации, когда он бывал бессилён.

Так сложилось, что главный праздник в семье Максименковых — день рождения свекра — совпал с датой смерти любимого отца Вадецкой, с которым она была очень близка. Б. Вадецкий умер 29 марта 1962 г., почти сразу после свадьбы дочери. И каждый год эта дата становилась испытанием для Эльги Борисовны.

Были сложности и с аспирантурой, и с работой, и с выбором темы диссертации. Глеб Максименков просил своего учителя М. П. Грязнова дать Эльге тему попроще, но Михаил Петрович чувствовал в Вадецкой потенциал ученого и предложил неразработанную тему, с которой та справилась.

Трудности были и с местом работы. Никто не гарантировал Э. Вадецкой должность в институте после окончания аспирантуры. Были обещания, говорили о новых ставках, но еще в августе 1965 г. Э. Вадецкая не знала, будет ли место для нее и где, в Ленинграде или Москве, и очень нервничала из-за этого. Не знала, что Академия наук выделила шесть ставок для Института археологии: четыре — для Москвы и две — для ленинградского отделения, что одна ставка была персонально выделена для нее, и отдать эту персональную ставку другому кандидату никто не мог⁵.

¹ Независимый исследователь; e-mail: imerod1973@mail.ru.

² И. А. Ефремов (1908–1972), ученый палеонтолог, доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии второй степени за 1952 г., писатель-фантаст.

³ Н. В. Леонтьев (1938–2021), археолог, ученый, сотрудник Музея им. Н. М. Мартыанова, г. Минусинск.

⁴ Эрнэ Георгиевна Бородин-Морозова (1904–1975), переводчик с немецкого и голландского языков, фольклорист. Ею собраны свыше 400 текстов былин.

⁵ Письмо Э. Б. Вадецкой Г. А. Максименкову, август 1965 г. // Архив Г. А. Максименкова.

В этот сложный период практически единственными близкими людьми в Ленинграде стали Морозовы. Эльга Борисовна была частым гостем в их коммунальной квартире на Васильевском острове⁶. Морозовы могли получить отдельную квартиру, но не стремились к этому. Только здесь Э. Вадецкая могла поделиться самым сокровенным, высказаться и быть услышанной. В какой-то мере Александр Антонович заменил Э. Вадецкой отца, способствовал менее болезненному переживанию потери. Вручая Морозовым свою первую книгу «Древние идола Енисея» (1967), Вадецкая подписала ее: «Дорогим друзьям и почти родителям, Эрне Георгиевне и Александру Антоновичу с любовью. Эльга».

До конца жизни Эрны Георгиевны (1975) и Александра Антоновича (1992) Вадецкая опекала их. Памятник на могиле Морозовых в Комарово установлен Э. Вадецкой.

По устному завещанию Александра Антоновича Морозова его наследницей стала Эльга Борисовна Вадецкая.

Записи А. А. Морозова — это образец дневниковой прозы. Отрывок из дневника, как и переписка между Морозовыми и Э. Б. Вадецкой с 1958 по 1960 г. публикуются впервые. Хронологически записи в дневнике охватывают чуть больше недели, когда Э. Вадецкая впервые гостила у Морозовых. Дневник сохранил для нас молодую Э. Вадецкую, которую мы не знали, да и Александра Антоновича Морозова таким никогда не представляли.

К 1958 г. А. Морозов уже был крупным ученым, литературоведом, писателем (членом Союза писателей СССР), переводчиком Генриха Гейне, Эрнста Теодора Амадея Гофмана и других немецких и голландских авторов⁷. В 1952 г. за свою научно-популярную книгу «Михаил Васильевич Ломоносов» получил Сталинскую премию второй степени. Конец 1950-х гг. — важный период в творчестве Александра Антоновича Морозова: он работает над темой барокко в мировой литературе и, в частности, русской. Через несколько лет, в 1962 г., в журнале «Русская литература» будет напечатана его статья «Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века

(состояние вопроса и задачи изучения)»⁸, где он со всей очевидностью докажет существование русской барочной литературы. В 1967 г. в издательстве «Наука» будет издан его многолетний труд — перевод шедевра мировой литературы романа Ганса Якоба Христоффеля фон Гриммельсгаузена «Похождения Симплиция Симплициссимуса», за который он в 1969 г. в Германии получит памятную медаль⁹.

Основной массив архивных материалов А. А. Морозова, за исключением нескольких страниц из дневника, посвященных Э. Б. Вадецкой, хранится в персональном фонде № 845 Архива Рукописного отдела Института русского языка и литературы РАН и до сих пор не обработан.

А. А. Морозов. Отрывки из дневника

31 января 1958 г.

31 утром к нам приехала в гости на несколько дней Эльга Вадецкая. Из трех сестер, я знаю ее меньше других. Моя любимица — самая младшая — Татьяна — бурная, быстрая и немного сорвиголова. У Татьяны цветущий вид, хотя она перенесла ревмоздокардит.

Эльга — бледная, утонченная, грациозна в каждом движении. В семье палеонтолога и писателя И. А. Ефремова ее неслучайно прозвали «Олень». У нее длинная красивая шея, золотисто-пепельные волосы, серые, близко поставленные глаза. Ее удивительный профиль нежен и напоминает антиквизированные портретные профили раннего романтизма. Отчасти она мне напомнила и женские портреты Гейнсборо. А утром, когда она распустила волосы и они целой волной окружили ее лицо, сразу показавшееся маленьким, она напомнила мне картины английских прерафаэлитов. Я не мог понять, откуда такой вихрь английских художественных ассоциаций, пока она не сказала, что одна из ее бабок (на которую она похожа!) и впрямь природная англичанка — из старинной морской семьи Беллов, а тут еще польская примесь и польское врожденное кокетство.

Словом, она меня совершенно очаровала, и я пропадая с ней в Эрмитаже и других музеях.

Появление ее в Библиотеке Академии наук произвело своего рода сенсацию. Я водил ее в отдел рукописей, причем сопровождавший нас

⁶ Ленинград, ВО, 6-я линия, д. 39, кв. 31.

⁷ Моисеева Г. Ученый и писатель (к шестидесятилетию со дня рождения Александра Антоновича Морозова) // Русская литература. 1966. № 4. С. 254–258.

⁸ Русская литература. 1962. № 3. С. 3–38.

⁹ В 1969 г. в Германии проходили торжества по поводу 300-летия романа Г. Гриммельсгаузена «Похождения Симплиция Симплициссимуса», 1669–1969.

Копанев¹⁰ настолько размяк, что снял печати с витрины и позволил полистать Кенигсбергскую рукопись (XIII век) и Ипатьевскую летопись. Затем мы смотрели «Сирийское евангелие», «Воскресенскую» и др. рукописи (уже не распечатывая витрин).

Потом в отделе редкой книги нам показали «Палаты СПб Академии Наук», «Описание коронации Елизаветы», «Византийские эмали» Звенигородского и др.

Вечером, когда я пришел опять заниматься, одна девушка (не дежурившая днем) спросила, стораю от любопытства: «Какую-то Вы приводили девушку с бирюзовой косой!» Эльга была в зеленоватом платье, и, видимо, ее пышная коса на этом фоне показалась бирюзовой. Так создаются легенды о русалках, сивиллах и пр.

04 февраля 1958 г.

Эльга обжилась у нас и ведет себя по-домашнему. Вот она сидит и порет халат...

Мне немного грустно. Она похожа на Эрну¹¹ в молодости, но не разрушенную, с какой я уже встретился.

Вероятно, Эрна была такая же во всем. Странно, что, когда мы поженились, она бессмысленно уезжала от меня на полгода и больше — без нужды, службы или еще чего-нибудь. Я говорю об этом Эльге. Она не понимает, как можно обходиться без человека, если он близок.

— Может быть, она Вас не любила?

— Да нет. Она была очень преданна. Но она металась, чтобы найти место в жизни для самой себя, ибо ей это все не давал тот! А ничего не получалось, пока я не заболел тут — и тогда она бросила всю себя...

Я говорю ей это не из потребности признания, а скорее, чтобы узнать ее. При всей ее хрупкости, самолюбии, ранимости даже — у нее еще нервная система не сорвана и ей надо беречь ее. Что бы она ни делала — она вся ожидание и трепет. Но мило шутит, понимает иронию и умеет отвечать в тон...

¹⁰ Александр Ильич Копанев (1915–1990), советский историк, археограф, исследователь рукописной и редкой книги, экскурсовод, д-р ист. наук. В 1958 г. был научным сотрудником отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук, чуть позже заведовал этим отделом.

¹¹ Эрна Георгиевна Морозова.

05 февраля 1958 г.

Эльга причесывается. Я смотрю на нее в зеркало. Потом она берет пудреницу и просит меня отвернуться.

— Я не могу пудрить нос, когда на меня смотрят...

Я слушаюсь. Но потом разыгрываю гротескную сцену: я беру ее за плечи и торжественно говорю:

— Эльга! Ударьте меня по морде!

Она изумлена.

— Ну да! Вам же надо уметь давать по морде мужчинам, которые начинают к вам приставать. Вот и практикуйтесь на мне...

Она выскальзывает, как змейка, с необычайной грацией — и даже делает пластические движения руками, словно хочет показать: вот видите, как я умею ускользать...

Двоюродный дед подарил ей флакон духов, но она поскользнулась на лестнице и разбила его. Опасаясь, что он может заметить, она тщательно собрала все стеклышки — и поранила палец, который через день стал слегка нарывать. Пришлось сделать маленькую перевязку. Я распечатал флакончик с сухим пенициллином, смешал с вазелином и потом бегал и спрашивал наших «медиков», правильно ли я сделал и не мог ли повредить...

Она начала поверять мне свои хрупкие тайны.

05 февраля 1958 г.

Наш дом по-прежнему оживляет и украшает Эльга. В ней много грации, живости, иронии, шутивого кокетства, чувствительности без сентиментальности. Она очень проста, легка в быту и тактична. Рассказывает массу забавных мелочей.

Ее мать, чтобы отучить от самомнения и самолюбования, иногда смотрит на нее и задумчиво говорит: «Ну и страшна!». «И у нее это так искренне получается, что я верю!». Продолжая эту педагогическую тактику, я постоянно ей твержу, что у нее... «да, да у меня большие уши, невыразительно очерченный рот. Ужасно!». Тогда я начинаю хвалить ее шею и удивительные волосы — и утром, когда она причесывает косы, то я начинаю плаксиво просить «подарить мне локон», а она просит «прекратить этот МХАТ!». Потом она рассказывает, что однажды все хвалили ее волосы и ее фигуру, но какой-то студент-албанец вдруг вмешался и закричал:

— Ерунда! Можно найти в тысячу раз более красивые волосы. Можно найти в тысячу раз

более красивую фигуру. Но где вы найдете такое обаяние!

Я согласен с этим «заявлением» албанца! Может быть, она и не так красива, но обаяния необыкновенного.

Самое замечательное в ней это живость и способность к лукавой иронии. Она не острит, не каламбурит, ненавидит анекдоты, но в ее речи всегда проскальзывают иронические огоньки, легкое смещение семантики, интонационные неожиданности... Это прямо замечательно, ибо мы все время сталкиваемся с тупым моносемантизмом, неумением ощущать трепет живого смысла.

Она поразительно для нашего времени чиста внутренне, без позы и ханжества. В то же время она очень правдива и смело журит меня за мое поведение в доме, на улице, в музее — за резкость суждений и пр. Она моментально снимает мое раздражение и умеряет экспансивность, за что я ей очень благодарен.

Мы были два раза в Эрмитаже, один раз в Русском музее, в Музее антропологии и этнографии, где ее больше всего умилил какой-то осел XI века (скелет) (ей показывали — еще только-только привезенные экспонаты последней тувинской экспедиции).

Водил я ее и в Пушкинский дом, где было со-вестно смотреть на идиотскую экспозицию — и слушать как экскурсовод пояснял, что художник изобразил семейную драму Толстого («Видите, они сидят за одним столом, а смотрят в разные стороны»).

«Она на самом деле заслуживает гимна!» — сказала о ней Эрнэ Георгиевна.

06 февраля 1958 г.

Я все время подыскиваю какое-нибудь прозвище для Эльги. Перепробовал несколько. Наконец нашел: Тушканчик!

Миленький, симпатичный, пушистый, любопытный и очень живой зверек. Вдобавок, роется в земле — значит, немного археолог...

Ей понравилось, и она откликается.

Она надела темно-зеленый халат Э[рны] Г[еоргиевны], который ей широк, она обтянула его пояском — и ходит в нем, как в бальном платье, удивительно грациозно.

Халат опушен розоватыми кружевцами, что придает ей характер девушки с картин импрессионистов... Волосы ее то тускло-пепельны, то отдают желтизной. То золотисты, то бронзовы —

смотря по освещению. Любые пустяки она делает с величием королевы, однако без всякой позы или театральности. Просто у нее так получается. Она распустила волосы и расчесывает их. Я неожиданно беру пригоршню — и умываю себе ими лицо.

Она это воспринимает просто, как дружескую ласку — или проявление художнического восторга. Она верит в то, что я отношусь к ней чисто. И это так и есть. Мне бы не пришло в голову попытаться ее поцеловать. И не из боязни отпора, а просто мне это даже не нужно. Такие вещи бывали со мной и в молодости.

За завтраком мы болтаем всякий вздор. Время от времени, когда начинается буффонада, она меня переключает на более ровные и деловые тона. Обсуждаем, куда пойдем. Решили сходить в Русский музей.

Там я воспринимал только иконопись. Все остальное после бесконечных посещений Эрмитажа тускнеет.

— «После Эрмитажа на Русский музей надо переключиться, чтобы почувствовать и найти здесь красоту», — говорит мне старик Гр[игорий] Макарович Преснов¹², и я почти соглашаюсь. Когда-то Преснов «открыл» для меня Козловского — и теперь я всегда люблю его чувством контура и когда показывал Эльге, то честно признался, что это мне самому открыли. Но не все до меня «доходит», несмотря на уговоры Преснова. Мы любимся «Анной Иоанновной» Растрелли. Каждый кусок бронзы живет своей особой жизнью, не отрываясь от целого. Вот оно, барокко. Но когда мы проходим мимо Антокольского, то даже все принимающий и всюду отыскивающий красоту Преснов говорит: «Это вне искусства». Поразительное отсутствие вкуса — этот «умирающий Сократ», литературный «Мефистофель» — даже камень под ним не пластичен... Это такое же произведение искусства, как круглая ножка стула!

07 февраля 1958 г.

Утро полно шуток.

— Эльга! Я жалею, что влюблялся в кого-либо до Вас.

— Вы бы никогда не влюбились в меня, если бы я Вам попалась первая. А кроме того, я это уже слышала!

¹² Григорий Макарович Преснов (1890–1973), создатель и заведующий отделом скульптуры Государственного Русского музея.

— Быть не может! Когда?

— Да не от Вас.

— А...

— Ваша влюбчивость происходит от экспансивности, впечатлительности и... эрудиции.

— Что-о-о?

Впрочем, я читал Гельдерлина и Новалиса, Шамиссо и Эйхендора. Я переводчик Э. Т. А. Гофмана. Пусть эрудиция. Проглотим это.

— Эльга. Я никогда в жизни не встречал такую, как Вы.

— Боже! Какой стандарт. Все говорят одно и то же. А еще говорят: «Вас никто не будет любить так, как я».

— Ну это уже на Кавказе! — говорю я.

И она смеется:

— Папа тоже умеет меня расхолаживать. Он иногда с самым серьезным видом спрашивает: «Ты целуешься с этими мальчиками?» — «Что ты, папа!» — «Это ханжество!» — отвечает он еще более серьезно. Но мы прекрасно понимаем друг друга.

Мне это нравится. Эльга — удивительно чистая девушка.

Я сказал ей:

— Посмотрите на меня.

— Я не могу ни на кого смотреть долго. Мне кажется это бесстыдством.

08 февраля 1958 г.

Эльга вся — порыв и пламень.

Вчера вечером она страшно волновалась. И я волновался вместе с ней. И волновался ее товарищ по Университету, которому она, вероятно, нравится и который мужественно пошел провожать ее в Общежитие студентов в Гавани, так как ей было неудобно пойти одной...

— Мы идем по лестнице на четвертый этаж. Вдруг он спрашивает: «Ты волнуешься?» — «Нет, что ты!» — «Я же вижу, что ты волнуешься. Смешно, но и я стал волноваться».

Эльга вернулась вся светлая. Она не была даже восторженной, но она была такая радостная, что мне это невольно передалось. Я стал резонировать. Словно я уже был он. Я даже сказал ей об этом:

— Эльга, теперь я уже не влюблен в вас, я просто вас люблю.

Она наклонила голову, и я просто поцеловал ее выше виска. С полным самоотречением. Я был рад за нее. Потом мы пили чай. Я принял нембутал — меня слегка укачивало, и все казалось сном.

Потом она легла спать и мгновенно заснула здоровым сном праведницы. Я тоже скоро провалился в сон, стянутый обручами снотворной «композиции». Но проснулся свежим и спокойным.

Эльга сказала, что все свидание, которого она ждала почти неделю, прошло в комнате студенческого общежития в сутолоке, шутках и шуме. Потом все гурьбой пошли ее провожать.

Сегодня они сговорились встретиться на снежном кладбище — иноверческом, на Васильевском острове, где она хочет посетить склеп Белли.

Эта история начинает мне напоминать «Катриону» Стивенсона. Нет, это другое...

— Весь смысл в том, что это все абсолютно нереально и бесперспективно, — сказала она мне неожиданно. — И может потому так...

Она сказала это, распустив косу и причесываясь, как сказала бы своему брату. Потом она весело рассказывает, что когда вернулась с фестиваля, то в экспедицию¹³ приехал еще один профессор, который даже не присутствовал при ее «бегстве». И вот он, сгорая от любопытства, спрашивает:

— Это правда, что Вы выходите замуж за иностранца?

— Кто же меня возьмет, если Вы мне поставили тройку по средним векам? Теперь все зависит от Вас...

Недатированная запись

Я верю ей, когда она мне как-то очень просто сказала, что даже не поцеловалась с тем самым юношей, с которым знакома год. Ради него она, находясь в экспедиции, пришла к начальнику и попросила отпустить ее на три дня на фестиваль молодежи, сказав со всей решительностью: «Там будет человек, которого я люблю», — так, что руководитель профессор просто опешил. Ради него она примчалась сюда в город. Она иронизирует над своим чувством и боится потерять его. Повидимому, он действительно очень красив, но прост и органичен, что называется, «цельная натура». Болгарин. Возможно, с патриархальной закваской. Как-то в разговоре я в тон ей сказал, что он, вероятно, похож на телеграфный столб. Ей это страшно понравилось...

В Русском музее она внезапно закрыла нижнюю часть лица каменного автопортрета

¹³ Речь идет о Новгородской археологической экспедиции 1957 г., в которой участвовала Э. Б. Вадецкая, будучи студенткой.

Коненкова и сказала мне шепотом: «Он немного похож, ну... на телеграфный столб».

Она никогда не называет его по имени.

Иногда я словно растворяюсь в ее чувствах или во всяком случае живу его отблесками. Она слишком романтична для нашего сурового времени.

09 февраля 1958 г.

Эльга, укутавшись по горло ватным стеганным черным одеялом, лежит в постели. Я сижу рядом. У нее сонный голос. Глаза ее полны лукавства. Она отлично видит, что я ею люблю.

— Во мне ничего нет. Это у вас субъективное — «глаза художника», — говорит она с легкой иронией, но совершенно искренне.

— Это неправда. Вы объективно красивы. Это неповторимое сочетание, может быть, в отдельности не всегда совершенных черт. Редко когда удавалось запечатлеть такую красоту. Мне незачем вам врать. Мне даже не хочется вас поцеловать. Я только смотрю на вас. (Это правда!)

Потом я говорю, что она вчера мне показалась даже вульгарной — пришла совсем другая, даже волосы пахнут табаком. И манера говорить изменилась. Она слишком впечатлительна: «с кем поведешься». Она говорит, что она такая же. Что там просто было накурено и что она, как пришла, открыла форточку. Все танцевали — даже рок-н-рол — кроме нее. Она не танцевала.

Эльга лишена всякого ханжества, но в ней нет и ухарства, даже напускного.

Вместе с тем она не имеет ничего неземного или барского. В экспедиции она вечно на лошади, даже иногда без седла, и в прошлом году свалилась так, что попала в больницу. Ходит порой в сапогах, копает землю, как всякий археолог. У нас она после чая тотчас же побежала на кухню мыть посуду и сделала это просто и естественно, отчасти пристыдив наших домашних, накапливающих горы невымытой посуды...

При этом она рассказала забавную историю:

— Папа все время упрекает нас, что мы белоручки и «цацы». Я говорю: «Ну какие же мы белоручки. Я топлю печку, ношу дрова. Мою посуду, стираю сама все, глажу, крахмалю, зашиваю, копаюсь в огороде, пою клубнику... Где ты нашел белоручек?» Он думал, думал и, наконец, сказал: «Ты не умеешь доить коров!» С коровами у нас вообще смешно. Сперва он купил корову, потому что продавала какая-то симпатичная старушка. Но молока корова почти не давала. Потом он

купил корову, которая ему понравилась своей расцветкой. Красивая очень корова. Но молока тоже не было. Сейчас они получили квартиру на восьмом этаже — восемьдесят метров. Квартира пустая, так как мебели нет!

И денег на мебель нет. Но отец имеет «Победу» и платит жалованье шоферу. Сам ездит редко, а дочерям вообще машиной пользоваться не позволяет, чтобы они не стали «белоручками» и «писательскими детками». И бедная Эльга должна от нового здания Университета¹⁴ добираться до старого, где по-прежнему ютятся археологи, историки, филологи и прочие... Фантастическая жизнь. Но я их знал такими всегда. Сейчас только выросли дочери — и одна краше и оригинальнее другой. Подняла их на ноги мать. Эльга рассказывала массу забавных вещей о писательских отпрысках в Переделкине — она от них держится в стороне (и это заслуга отца).

Эльга очень нервна, чутка, впечатлительна до невозможности, умна несомненно, а иногда печальна. Она полна самой яркой романтики и, по ее словам, «придумывает себе увлечения, чтобы было чем жить». Но это, конечно, фраза. Ее увлечения не придуманные. Девушка очень чистая, мужественная, честная и способная на отчаянные поступки — один из которых она на моих глазах и совершает, примчавшись в Ленинград. Она очень скрасила нашу жизнь здесь.

Недатированная запись

— Нет, нет... — говорит она. Она не хочет этому поверить.

— Он просто считает, что ему нельзя со мной, и подавил свое чувство. В прошлом году он был развязнее, пока не увидел, что у меня зародилось глубокое чувство. Он законник... А я бы...

— Что ты бы? — говорю я с мягкой укоризной, прекрасно понимая, что она хочет сказать.

— Я бы откинула все предрассудки. Я бы пошла на все. Лишь бы было настоящее чувство. Если бы я видела, что он меня любит, — говорит она со страшным отчаянием.

— Подумай, что ты говоришь. Счастье твое, что ты напала на порядочного человека...

— Что мне в его порядочности, если он меня не любит.

— А что бы сказал твой отец?

¹⁴ Вадецкие получили квартиру недалеко от нового здания МГУ, на Ломоносовском проспекте.

— Я бы ему сказала: папа, ты тоже делал глупости в мои годы, а я в двадцать два года — почти святая. Ну пусть он не женится на мне. Но он меня даже не поцеловал.

— А может быть, он знает, что ему тогда не удержаться...

— Ну и пусть. Пусть!

— А ты все-таки думай, что дальше... Ну вы бы встретились на неделю, на две, а ведь потом захотелось бы быть еще ближе, не отпустить, не отдать...

Эта мысль ее озадачивает.

— Да, это было бы ужасно... — говорит она. — Конечно, мне захотелось бы потом около него все время...

— Так не лучше ли...

— Забыть? Выбросить из головы? Заняться делом? Дешевые советы! Я все равно его не забуду.

12 февраля 1958 г.

Сегодня Тушканчик уезжает. Она пытается веселиться. Я все время шучу. Когда она укладывала чемодан, я неожиданно вскрикнул...

— Что такое?

— Ножка! — говорю я с преувеличенным восторгом.

— Вы бесподобны, — отвечает она.

Но все получается как-то грустно. Эрна дает ей конфет в пакетике, какую-то булочку, не то с молоком, не то со сливками, намазывает ей бутерброды.

— Зачем так много до Москвы? — говорит Эльга.

Нам очень всем грустно. Сейчас она для меня и на самом деле дочь. Я неожиданно даю ей листочек из отрывного немецкого календаря искусств — мужское лицо — греческая статуя V-го века. Она как-то сказала мне, что это лицо напоминает ей Диму. Она растроганно целует меня в висок. Я еще никогда не чувствовал себя таким старым.

Потом мы едем в такси. Раза два на Невском я поцеловал ее руку и заметил, что она холодна и безжизненна.

— Пожалуйста, не волнуйся, — говорю я.

— Стараюсь, — отвечает она жалобно.

Мы приехали неожиданно рано, за сорок минут. Второй вагон был у самого тепловоза. Жесткий, открытый, некупированный. Я уже давно в таких не ездил. Писательская дочка едет

по-студенчески. Вдобавок, ее место боковое — прямо под зазеленелым окном...

Я начинаю волноваться. Какой-то паренек, который будет спать над ней, услужливо взялся поднять чемодан.

— Сначала надо вынуть молоко, а то зальет все платя, — говорю я.

Эльга неожиданно смущается. И протестует. Парень то снимает, то снова ставит чемодан на верхнюю полку. Я обыгрываю ситуацию, и все смеются.

Потом мы идем на перрон... Поверх синего пальтишка с более чем скромным заячьим воротником выпущена толстая коса. Ну точь-в-точь десятиклассница.

— Вы меня осрамили, — говорит она. — Везут девочку с молочком. А в бутылке — крем для лица. Эрна Георгиевна сама его для меня сделала. Вот ваше молочко...

Она прижимает к груди пакетик, из которого сыплются конфетки на перрон... Мы проходим вдоль вагонов. Но никто не является ее провожать. Остается минут восемь — а она все рвется к началу перрона... Мне становится не по себе, вот-вот она разрыдается.

— Он, может быть, не знает номер вагона?

— Ты, пожалуйста, оставайся у вагона. Я пойду и поищу. Не прыгать же тебе на ходу.

Я иду вдоль поезда и вдруг вижу его фигуру — в черном пальто и голубовато-белой кепке. Он здоровается со мной как-то озабоченно и, пожалуй, не очень приветливо. И мы спешим к вагону. Она видит нас. Но когда мы приблизились, то быстро отворачивается и идет спиной к нам с Д[имой].

— Добрый вечер! — говорит он.

— Добрый вечер, — говорит она со слезами в голосе, но стараясь быть холодной. До отхода поезда три минуты.

— Он замечательный малый! — говорю я и вдруг замечаю на его лице какое-то радостное смущение. Она торопливо протягивает руку, и я целую ее голову и быстро ухожу.

Я шел страшно медленно по перрону — и не дошел до конца поезда, как вагоны побежали мимо меня. Я пошел еще медленнее и, оглянувшись, увидел Диму рядом с какими-то двумя девицами. Я остановился. Девицы прошли вперед, и я сказал шутливо:

— Мне показалось, что вы шли с этими девушками, и был, признаться, ошеломлен. Это было бы слишком...

— Да, конечно, — сказал он.

На его лице нельзя было прочесть ровно ничего. Мы шли молча.

Когда мы выходили из вокзала, я сказал: «Всегда, когда провожаешь даже со стороны, немного грустно».

— Да, вы правы, — ответил он.

Затем мы говорили о разных разностях. Я говорил, что не надо курить. Лучше даже пить. Не быть пьяницей, но хотя бы пить сухое вино.

— Пить тоже плохо, — сказал он.

Когда мы ждали автобуса, он неожиданно махнул такси. Мы сели. У моего дома он хотел за меня заплатить, но я сунул шоферу девять рублей: «Вы меня обижаете. Чтобы за меня студент платил!» Мы простились.

Он поехал дальше. Эльга сказала, что его единственная слабость вообще — брать такси.

Переписка Э. Б. Вадецкой и А. А. Морозова

1958 год

1. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, 16 февраля 1958 г.

Прелестный Тушканчик!

Как-то Вы добрались до Москвы? От Вас нет вестей — ни слова, и мы серьезно беспокоимся, не простудились ли Вы под заледеневшим окном?

Не пролилось ли «молочко»? «Молочко милочки» — оказавшееся простым кремом. А я-то разыграл целую сцену.

Проводы переростка, эдакой дылды, с которой нянчатся, как с младенцем, и провожают с молочком, конфетками, пирожками, кричат «не забудь подушечку» и т. д. Как в былое время провожали помещичьих дочек — на перекладных... А я был в стиле доброго дядьки... Словом, МХАТ с участием Москвина... А у «младенца» на уме совсем другое...

А мы тут успели уже соскучиться. И вообще, все померкло и потускнело, стало мрачно и раздражительно... Не висит в маленьком коридорчике синее пальтишко со скромным воротником «зайчиком» — и не идет она в этом пальтишке по Невскому, выпустив толстую бирюзовую косу... Ах, Тушканчик! К Вам и в самом деле идет это прозвище!

Что Вы сейчас делаете? Как ваши «ученые труды» на археологическом поприще? Что поделявает моя «главная симпатия» Татьяна? Как она отнеслась к посланной ей книжке?

Вообще, надо дать знать о себе. Я даже вынул из шкафа джемпер, который может, в случае необходимости (в особенности заочно), служить традиционной жилеткой. Так что, пишите...

Целуем Вас.

Кланяемся всему дому (включая трех собак)...

Ваш: [Александр Морозов]

2. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, 19 февраля 1958 г.

Возмутительный Тушканчик!

Что касается поспешного прощания на перроне, то тут было абсолютное понимание неуместности моего дальнейшего присутствия — и никаких обид с моей стороны быть не могло.

А вот с Вашей стороны грандиозный подвох — не прислать без напоминаний и тормозных писем и не сдержать доверительного обещания своего!

За это Вы будете наказаны — умолчанием о моих послеперронных наблюдениях и даже маленьких происшествиях... Вот Вам!

А вообще мы без Вас скучаем. Зверски!

В Эрмитаж ходить не с кем! Напишите подробнее о себе и обо всем прочем — вплоть до погоды.

Развивайте в себе эпистолярный дар.

Ваш незаслуженно обиженный: А[лександр] М[орозов]

19.02.1958 г.

Куколку после реставрации можно не спешить пересылать.

Тюшке персональный привет!

3. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 27 февраля 1958 г.

Незаслуженно обиженный, Александр Антонович!

Ах, мое женское любопытство нельзя карать столь жестоко! Что это за перронные наблюдения?

Развивать, говорите, эпистолярную бойкость? А мне все реже и реже вообще говорить хочется. Утомлять, знать, стала собственная болтливость, так что потерпите немножко, пока весеннее солнышко не развяжет мой бойкий язычок.

Итак, о погоде и обо мне... Погода мягкая, не установившаяся, неопределенная, я так же, как погода. «Влачу» полубарское существование: хорошо высыпаюсь, затем принимаю ванну, занимаюсь два часа либо английским, либо

французским. Позже берусь либо за археологию, либо диалектический материализм, и если, паче чаяния, с подобными книгами прилягу на кровать... то с удивлением пробуждаюсь через два часа. Вечером, в 6 часов, бегу в Университет, откуда возвращаюсь в 12 часов. И так каждый день. Жизнь на 70 % довольна, хотя и несколько бывает стыдно перед замученными, работающими сверстницами. Впрочем, утешаюсь и оправдываюсь тем, что праздное время не теряю, а вместо работы читаю Дидро, учу языки, и т. д.

Может, так оно и с большей пользой?

Встретила меня Москва приветливо, а в группе даже подарили мне, тогда еще совсем первые, кавказские подснежники.

Археологией приходится заниматься больше и больше, при этом все больше в ней запутываюсь, хотя прохожу на кафедру с неизменно важным, ученым видом. Профессора читают лекции с неизменной живостью и вдохновением, пересыпая речь названиями: «баденская культура», «джулешти», «кукутени», «Кёрёш» и т. д., о которых Вы не имеете никакого понятия, а я — лишь смутное.

Вдохновение профессоров заставляет видеть в данной науке нечто серьезное, что в наш технический век порой бывает трудно.

По воскресеньям хожу на лыжах, измучивая своим «мастерством» сопровождающих.

По Ленинграду скучаю, просто даже по самому городу. Однако, ни одного письма, кроме как к Вам, туда не отправила... не хочется: и самолюбие гложет, да и истину чувствую, а также долю фантазии, вымысла. Собою не довольна, но сопротивляюсь.

Вот пока и все.

Привет Эрне Георгиевне.

Тушканчик.

4. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, 1 марта 1958 г.

Милый Тушканчик!

Ну не обидно ли мне думать, что Вы написали мне, только сгорая от любопытства?

Конечно, все, кто читал хотя бы в детстве Брэма, знают, что Тушканчик — зверек, наделенный чрезвычайным любопытством, которое ему иногда даже дорого обходится...

Поэтому все же сообщу Вам, что, возвращаясь, я шел медленно-медленно по перрону — и поезд бежал все быстрее мне навстречу, пока не исчез.

Я поглядел ему вслед — и в толпе возвращающихся увидел высокого молодого человека в черном пальто и белой кепке... Он шел... торопливо — и рядом с ним — я увидел ... Двух! Собачек? нет — совсем не собачек, а двух...

(Впрочем, кого я увидел, и что потом воспоминание следовало, и что я сказал и что он мне ответил — и как мы провели часть вечера — обо всем этом в следующем письме) ... И при том все, что я Вам пишу — чистейшая правда...

Ну как, любопытный Тушканчик?

5. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 5 марта 1958 г.

Дорогой Александр Антонович!

Не надо думать, что лишь любопытство побуждает меня Вам писать. Я даже Вам признаюсь, что мне и в голову не приходило, что «послеперронные» наблюдения касаются меня, а не Вас, думала, что это какие-нибудь ваши романтические знакомства. И я, право, не так уж любопытна, и спросила больше из вежливости да укрепления доверия к себе.

Признаться, мне не любопытно, что говорил и с кем был Дима, а беспокоило и мучительно. И Вас, как друга, я прошу сказать мне всю правду и даже посоветовать, как поступать. У меня хватит силы не писать ему, не думать и не видеть. Во мне самой происходят какие-то сложные перемены: больше хочется быть одной, очень тягостно обществом молодых людей и совсем к ним не стремлюсь. Причем стремление к усовершенствованию себя и даже, по мере возможности, к внешней элегантности возрастает. Короче, появляется большая внутренняя сила к одиночеству и самостоятельности.

Я с большой сердечностью вспоминаю Вас с Эрной Георгиевной, ибо редко сталкивалась с такой теплотой и заботой.

Тепло ли у Вас? Москвичи, было, собрались встречать весну, а грянули вновь зимние холода.

Татьяна испробовала ряд красок, но той, которой раскрашена куколка, еще не нашла.

Поздравьте от меня Эрну Георгиевну с наступлением праздника «полного женского раскрепощения».

Ваш обеспокоенный, а не любопытный Тушканчик.

6. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, март 1958 г.

Милый, ни с кем не сравнимый Тушканчик!

Осьмое чудо света!

Мне вовсе не хотелось повергать Вас в тревогу.

Ну, что ж! Так и быть. Придется рассказать всю правду, как она ни смешна...

...Обернувшись я, действительно, увидел Д[иму] и рядом с ним двух разбитных, похоты-вающих девушек в белых платках... И мне на короткое время показалось, что они шли вместе. Но это просто была толпа. Он шел на полголовы от них — и их смех относился вовсе не к нему. Скоро они отделились, а я его окликнул. У него был несколько задумчивый и озабоченный вид, и шел он торопливо, словно стремясь поскорее покинуть вокзал...

Я ему шутливо сказал:

— Мне показалось, что вы шли сразу с двумя девушками. Признаться, я был ошеломлен... Это было бы даже, знаете, чересчур...

— Да. Вы правы. Это было бы чересчур... — ответил он вполне серьезно.

Дальше мы шли по перрону молча. Он никакого разговора не начинал. (Ваше воображение может дополнить эту психологическую картину.) Выходя с вокзала и желая его вызвать на разговор, я все же заметил:

— Когда кого-нибудь провожаешь, всегда немало грустно...

— Это справедливо, — сказал он.

Потом мы долго ждали автобуса, беседуя о вреде курения и алкоголя. Я говорил, что курение хуже водки.

— Пить тоже плохо, — сказал он.

Находясь на столь высоком моральном уровне, мы мерзли. Вдруг он неожиданно махнул рукой такси, и мы поехали. В такси мы продолжали разговоры на гигиенические темы. У моего дома он хотел за меня заплатить, но я, разумеется, не позволил.

Вот, собственно, и все. (Не присылайте мне только почтовой посылкой камня, который отвалился у Вас от сердца — будет слишком тяжелая посылка.)

По правде, я собирался растянуть этот эпизод на полсотни писем — выдавая понемногу, как Шахеразада. Но Вы меня разжалобили... В награду Вы должны написать мне сверхперсональное письмо...

Целую Вас.

Э[рна] Г[еоргиевна] шлет самый лучший привет.

7. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 14 марта 1958 г.

Дорогой, Александр Антонович!

Выражаю признательность, что не стали меня дразнить, ибо сие мне совсем не подобает.

Перехожу на жесткий режим в связи с написанием курсовой работы об англо-русских противоречиях и образовании Антанты. Книг много, времени мало, противоречий тьма, а я — одна.

Ничего достопримечательного у меня не происходит, а поскольку настроение рабочее, буду кратка.

Написала одно письмо к Д[име] и поражаюсь своей тупости: не о чем писать. Как Вы думаете, о чем я ему написала? О цветах? Весне? Любви? О нет, о трупах, которые на днях я видела в морге. А ведь дело-то плохо, коль заговорила лишь... о трупах.

Умолкаю.

Ваш Тушканчик.

8. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, 17 марта 1958 г.

Неописуемый Тушканчик!

Ваше письмо напомнило мне проповеди одного капуцина XVII века Абрагима Санта Клара, который огорошивал слушателей самыми неожиданными вещами, особенно в начале своих проповедей. Вот, пример:

«Я режу, я режу, я режу, но что же? Я отрезаю! Что? Носы? Нет! Нет. Константин Погонат отрезал носы своим братьям, дабы они не заполучили корону. Но это жестоко. Это тираническая свирепость. Я этого не делаю. Я режу, я режу, я режу, но что же? Уши? Нет-нет! Апостол Петр отсек ухо злодею Малху, каковое болезненное увечье вновь исцелил благостный Иисус. Я этого не делаю. Я режу, я режу, я режу, но что же? Я отрезаю... Языки? Нет, нет! Я отрезаю пальцы всем родителям, дабы они не смотрели больше сквозь пальцы на своих чад и держали бы их с молодых лет в строгости».

Каково? Я думаю, эта проповедь проняла бы Вашего достойного отца и пришлось бы ему по сердцу...

Но он не слышал и не читал этой проповеди, поэтому, возможно, не предостерег Вас должным образом от пагубного влияния художественной литературы...

Эк куда Вас понесло. В морг. Что Вы там делали? Как туда попали? Написали бы мне — меня ничем прошибить-таки невозможно. Когда я был студентом, то однажды, взяв у знакомого медика халат, пошел с ним в Анатомический театр (это еще тогда так называлось) и смотрел там на вскрытых и не вскрытых голых покойников,

лежавших штабелями... И во время Блокады я на них тоже насмотрелся... А кроме того, проклятая художественная литература — вроде некоторых сочинений Ф. Сологуба и раннего Сергеева-Ценского, где были всякие «трупики», мною читываемы... Так что я был бы самый подходящий адресат для Ваших трупифильских размышлений... Но Дима — с его цельной, неиспорченной натурой — и вдруг вы ему... про покойничков... Попахивают мол! Не ждал от Вас, что Вы такая декадентка. И совсем Вам это не к лицу!

Жаль, право, что Вы не сняли для меня копии с того, что написали там. Что он теперь о Вас подумает? Конечно, Вы — археолог. Черепа там — монетки. Чересседельники NN-ого века. Это еще куда ни шло!

В общем, Вам надо взять себя в руки. Больше работать, но не отговариваться работой, отвливая от писания писем Вашему, как никак дружелюбно расположенному.

Не будьте свиненком, а будьте тушканчиком и пишите.

9. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 11 апреля 1958 г.

Александр Антонович!

Рассказ оценен по достоинству. По данному телефону никогда данная особа не проживала, видно, Вы перепутали. Мой жизненный уровень колеблется от 65 и 80 %. Внутреннего роста не наблюдается, тупею же катастрофически. Совет Ваш выполняю: трудиться не ленюсь, но с организацией труда плохо.

Вот уже две недели присутствую на археологических сессиях, вывариваюсь в научном соку: знаний не прибавляется, но самоуверенность «возрастает». В то время, когда головы нормальных людей полны постановлениями о МТС и летающим над Москвой спутником, я весьма усердно записываю, что костяк надо очищать маленькой ложечкой, осторожно проводя по вертикали, не сдвигая с места, начинать расчистку с середины костяка к обоим концам, о том, как обнаруживать зольные, могильные пятна и многое другое. Это мне очень и очень интересно, но не лучше ли... сесть на комбайн? Впрочем, я бы в первую очередь посадила на комбайн... либеральных работников.

Передайте Эрне Георгиевне, что, несмотря на всяческие усилия — мои и моей мамы, в Москве никаких термосов, кроме китайских, не обнаружено. Мама постоянно бывает в магазинах и

когда увидит, непременно купит. Желаю хорошо трудиться и увлекаться в Дуболтах.

Тушканчик.

10. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, май-июнь 1958 г.

Дорогой Александр Антонович!

Не сердитесь на возмутительного Тушканчика. Тушканчик сегодня уезжает далеко-далеко, на границу Монголии. Ему немного страшно и очень грустно, как бывает обычно перед дальним незнакомым путешествием, когда не знаешь, что тебя там ждет. Тушканчик будет копать чей-то дворец, какой-то эпохи. Он напишет Вам, когда узнает свой адрес. Как Ваша жизнь? Что слышно о выставке в Эрмитаже? Тушканчик собирается быть в Монголии до сентября, а дальше быть в Красноярске, Минусинске, плыть по Енисею. Может, у Вас там друзья, может, есть поручения?

Напишите, когда пришлю свой адрес, если оный, конечно, у меня будет. И так, не сердчайте на искателя следов Чингиз-хана. Мне почему-то немного страшно... Глупо?

Привет Эрне Георгиевне. Я Вас очень люблю и, когда думаю о Ленинграде, становится так тепло-тепло.

11. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Читинская обл[асть], Борзинский р[айон], с. Кондуй [27 июня 1958 г.]¹⁵

Милый Александр Антонович!

Занесла меня судьба на край света, дальше Байкала, к самой китайской границе. Место красивое и чрезвычайно своеобразное: степь, окруженная высокими сопками, действующими вулканами, кишущая змеями, шумящая комарами. Вчера прибыла сюда после недельного путешествия в поезде Москва–Пекин, при необыкновенном обильном китайском окружении.

Начали жить по-туристически: в палатках, со спальными мешками, с кострами. Жизнь предстоит трудная, но физически здоровая. Колхозы здесь отстоят друг от друга более 50 км; мы же в полной дикости, лишь ездим за почтой. Недалеко любопытный колхоз-миллионер, к сожалению, очевидно, не будет времени с ним познакомиться, ибо рабочее время в экспедиции ничем не ограничивается. Пока я здесь самая маленькая, пока

¹⁵ Письмо возвратилось адресату. На конверте не была указана улица.

немножко грустно, но как будет в дальнейшем, не знаю.

Весна прошла бурно, но времени особенно развлекаться или отдохнуть не было. Надеюсь, что в сентябре смогу куда-нибудь поехать, хотя надежда некрепкая.

Очень мечтаю о Ленинграде, если никуда не смогу поехать на юг, в октябре выберусь к Вам.

Как Ваши настроение и планы? Как здоровье Эрны Георгиевны?

Писать мне еще нечего, ибо лишь постепенно осваиваюсь. Знаю, однако, что именно среди чужих, в глуши ценишь друзей и ждешь от них совета, обогревающего и поддерживающего.

Писать надо мне на Читинскую область Борзинский район Кондуевское почтовое отдел[ение], археологическая экспедиция. В августе, правда, я буду еще ближе к границе, но адрес этот пока действительный. Можно писать и на г. Борзя, но это от меня свыше 100 км.

Итак, если будете писать в июле, пишите на Читинскую область. Нечего и говорить, что письма — наша единственная связь с миром.

Знаете, я почему-то везде (и среди археологов) себя чувствую чужой, может быть, это лишь робость?

Тороплюсь с Вами распрощаться, ибо надо успеть отправить с машиной.

Пишите авиа, а то вот не получу в этакую даль. Ваш Тушканчик.

12. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову
Читинская обл[асть], Борзинский р[айо]н, с. Кондуй, 17 июля 1958 г.

Дорогой Александр Антонович!

Посылала Вам письмо, по рассеянности, не указав 6-ю линию. Пришло обратно.

Пользуюсь случаем переслать вновь.

Здесь идут сплошные тайфуны и циклоны, дважды пережили наводнение. В полночь особенно непогоды, при шуме ливня и резкого ветра, когда разбушевавшаяся стихия пыталась и грозила снести наши палатки, низкий, тихий голос по [нрзб.] радио четко и тихо призывал: «Братья, покайтесь, покайтесь, пока не поздно». Писать не могу больше, пользуюсь случаем отправить письмо, а возможность — редкая. Здесь я буду, думаю, и в начале августа. Дальнейшего адреса не знаю.

Обидно, что полмесяца письмо мое в воздухе, а я о Вас ничего не знаю.

Эльга.

13. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой
Ленинград, 25 июля 1958 г.

Милый, нелепый, славный Тушканчик-земле-ройка!

Получил твое письмо в письме. И вольно ж быть такой растрепой, что совершенно не вяжется с глубоко научным обликом девушки в очках, разрывающей остатки потрохов какого-то неведомого деспота.

И если бы хоть написала полностью мое имя и отчество — почта бы нашла. А теперь у меня нет даже уверенности, что мое послание дойдет вовремя. И разыщет моего прелестного (т. е. отвратительного) Тушканчика, ждущего «откровения в грозе и буре», подобно евангелисту Иоанну на острове Патмосе...

Надо думать, что Тушканчик весело загорел и загорел так, что даже разнузданному воображению родителя не покажется «цацой». Хотелось бы, чтобы Тушканчик появился у нас во всем своем учено-землекопном блеске.

Мерзкий Тушканчик! Милый противный Тушканчик! Пиши же! Пиши больше, неукоснительней, разборчивей, подробней, живописней, детальней, смешней, живей, нежней. Я всегда рад этим письмам.

Целую.

14. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову
Читинская обл[асть], Борзинский р[айо]н, с. Кондуй, 5 августа 1958 г.

Милый Александр Антонович!

«Цаца» живет в дикости и забвении. Копает плиты монгольского дворца, вытаскивает каменных драконов, редкие кости баранов, а также одиночные могилы в виде огромных каменных ящиков; люди явно неэкономно относились к своему труду, сейчас бы хоронили куда проще. По 8 часов каждый день Тушканчик обращается с первой техникой: киркой и лопатой. Руки Цацы покрылись мозолями, ее наследственный нос принял устойчивый малиновый оттенок, кожа облезла. Тушканчика поливают дожди, жжет солнце, едят комары и недоброжелатели. Зверек научился пить спирт и курить сигареты, спасаясь от комаров.

Закончили «первую партию» могил. С самым серьезным видом 12 взрослых людей копали, рыли, вытаскивали огромные каменные плиты. После недельных работ Бог отблагодарил за самоотверженные хлопоты: мы нашли человеческую косточку, зуб лошади, железную пластинку

[сантиметров] в 5. Окрыленные подобными успехами, приступаем к новой партии могил. А если б Вы видели, сколько труда затрачивалось и повторяется нами! Каждая могила — площадью в 25–40 кв. м в виде каменного ящика; каждая плита по несколько тонн, площадью в 4–5 кв. м.

Вокруг нас несколько геологических партий. Геологи, как кроты, бурят весь день землю, ползают по горам за камушками, а по вечерам приезжают к нам... «до девок». В порядке ухаживания дарят гадюк.

Закаляюсь, тело становится плотнее и сильнее. Выгорела и загорела. Стремлюсь думать проще, вести себя проще, говорить проще. Однако это не удастся. Большинству здесь я чужой, непонятный, [«заумничавший»] человек.

Мальчики, окружающие меня, славные, простые, однако еще в том возрасте, когда напыщенно и [безоговорочно] презирают женский пол, считают его низким, примитивным, ничтожным, тупым и т. д. Я, подобно умной старой деве, завоевала их дружбу и уважение, этим самым преградив дорогу каким-либо другим чувствам, ибо ум, по их теории, вредит женщине и лишает ее обаяния. К тому же мальчики склонны к реализму, а посему мой нос они видят красным, рот — большим, зубы — узкими, глаза — маленькими. Красоты во мне не чувствуют. Идиоты, правда?

По вечерам под луной вокруг костра мы жалобно, монотонно, протяжно, но старательно выводим лирические песни.

Здесь пробудем до 20-го. Затем — небольшая разведка и путешествие по Красноярску, Минусинску и Абакану, где буду прорываться в музейные архивы, куда меня не будут пускать.

Слышала, что у Вас открылась выставка, давно желанная. Приеду в сентябре в Москву и... может быть, соберусь в Ленинград. Какие Ваши планы? Пишите в свою очередь больше, подробнее.

Огромный привет милой Эрне Георгиевне.

Ваш Тушканчик. Село Кондуй. Читинская обл.

15. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой

Ленинград, 10 августа 1958 г.

Милый Тушканчик!

Получил интересное письмо с описанием быта. В сущности, это хорошо, полезно и оздоровительно. Мне, например, будет приятно повидать крепыша Тушканчика — с твердыми, как кирка, мышцами и коричневым загаром. А вот спирт все-таки пить не надо. И от курева отвыкнуть. Приедешь к нам, выпьем «Токай» или еще какое-нибудь интеллигентное вино.

А приехать бы надо — Пергамский алтарь — куда нам отказал в доступе Археолог, не чувствительный к девической красоте — открыт! Народу было уймища! Там еще замечательные вещи: средневековая немецкая деревянная скульптура, итальянская терракота очень большой выразительности, «Майское дерево» Гойя, три замечательных Сезанна и множество хороших и неожиданных рисунков. И все это — в том числе и открывшаяся параллельно в Москве — будет открыто только один месяц!!! Один. В начале сентября, в самых первых числах, увезут в Германию. Вот, свинство какое!

Не могла бы ты вырваться хотя бы ко 2 сентября? Хорошего — понемножку, и сувениры в виде живых гадюк должны принадлежать к тому времени...

Что касается реалистически настроенных мальчиков, то мне кажется, дело не столько в красноречивом носе, сколько в том, что они понимают, что тут «мороза»... и «только время зря потеряешь»... Вот это так реализм! А в остальном помни, что все зависит от тебя самой! И я надеюсь, что твой засушенный, «заумничавшийся» рассудок тебе пойдет на пользу!

Это хорошо иногда не распускать «чувств» под влиянием обстановки... Впрочем, ты все это сама знаешь не хуже меня, а лучше в 10 000 раз!

Пиши, пожалуйста, чаще и еще конкретнее!!!

Детали дня — отдельные фразы... Мне все это очень интересно читать, и я просто тебе завидую, что ты видишь необычные и новые вещи...

Изучай людей! Смотри на зверей, на мир, на его краски.

Хотел бы (потом хоть) получить твое изображение на фоне Драконов...

Я буду в Москве, вероятно, с 1 по 10 сентября, а то и дольше. Вот хорошо бы увидеться!

Привет тебе сердечный от нас!

Целую тебя персонально в облупленный нос!

16. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 7 октября 1958 г.

Дорогой Александр Антонович!

Ваше письмо долго бродило по свету и, наконец, застало меня в Красноярске. Я много путешествовала: жила в Чите, Красноярске, Абакане, Минусинске. Плавала по Енисею. Видела людей, лазила на Красноярские столбы, вызывала бурные возмущения своим «стиляжым» видом, ибо местные жители, не видевшие стилига в глаза, но распропагандированные, с ними борются, видели «стиль» во всем моем облике: мужской ковбойке, кедах, брюках, телогрейке и т. д.

Вообще, в дороге происходило много смешного, о чем жажду рассказать лично. Приведу пример: в поезде на Красноярск за мной начали «ухаживать» двое по купе; один усиленно намекал о своей симпатии, другой обучал тюремным песням. Подъезжаем к Красноярску ночью, выходить надо мне одной. Грустно! Скучно! Мои спутники тоже опечалены, и, как бы оправдываясь в собственных глазах за то, что сдружились лишь в последний день и не успели лучше познакомиться, один изрек: «Я ведь почему (не стал, мол, сразу ухаживать), потому что сперва думал, что ты интеллигентная!» Здорово! Подобного комплимента слышать еще не доводилось. А в устах этих ребят это было большой похвалой. Короче, все расскажу, когда Вас с Эрной Георгиевной увижу.

Однако путешествие кончилось, и я вновь... сижу одна на даче, сбежав от родителей и приятелей, ибо привыкла за три месяца к свободе, некоторой независимости, отвыкать от коих приходится, но трудно. Что-то в[о] мне изменилось, но что, понять не могу. Вроде, как бы повзрослела. Изменений же внешних нет, ибо экспедиционная огрубелость тут же улетучилась.

Подобные поездки чрезвычайно полезны, чувствуешь себя цельно и полнокровно. Сейчас с жадностью набросилась на книги, музыку, картины, поглощая все это с ощущением здорового голода. Ужас, как хочется к Вам в Ленинград!

Находясь за 7000–9000 км, думала, буду ездить часто-часто. А вот... не могу. И в этом особенно болезненно чувствую свою полную щенячью зависимость. Но думается, что смириться уже не смогу с ней.

Привет Эрне Георгиевне!
Ваш Тушканчик.

1959 год

Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Хакасия, 26 июля 1959 г.

Милые Эрна Георгиевна и Александр Антонович.

Давно вам не писала. Сразу же, приехав из Ленинграда, окунулась в мутный поток еще более мутных экзаменов. Только сдала — и вот уже в Хакасии 3 недели кормлю комаров.

Живу по-походному: каждый день на машине с утра и до ночи, каждый день на новом месте. Мелькают реки, озера, [сопки] и степи, поля, вновь степи.

Сегодня выдался первый день свободный и рядом с почтой. Завтра вновь «угоняют» в степь. Мой единственный адрес г. Абакан, либо Кызыл,

куда отправлюсь числа 10-го. Почту получаю раз в месяц. Живу трудно, но очень насыщенно; с 7 утра до ночи в поле: ищу могильники, черчу планы, копаю городища, склепы, холмы.

А когда раз в месяц вырываюсь в столицу типа Абакана, либо Кызыла — кучу, как разгулявшийся, вернувшийся из тайги золотоискатель.

Были единоборства со змеями, пока вела себя недостаточно мужественно и удирала от них в противоположную сторону. Мне удалось найти интересные наскальные [нрзб.] рисунки [нрзб.], фотографировали для «Лит[ературной] газеты».

<...>

Один горемычный корреспондент «Лит[ературной] газеты» неделю гнался за нами по следу, дабы что-нибудь написать о «трудных» людях Сибири. А Белла Ахмадулина, пробыв с нами полчаса, написала лирические стихи о том несчастном лучнике, которого так и не смогла разглядеть на одной из могильных плит. Однако статья о нас и стихи напечатаны в «Литературной газете» в Сибири.

Здесь очень много сусликов и тушканчиков, так что изучаю себя досконально.

Что Вы слышали об Американской выставке?

Крепко целую.

Ваш Тушканчик.

1960 год

1. Э. Б. Вадецкая — Э. Г. Морозовой

Москва, 29 апреля 1960 г.

Милая Эрна Георгиевна!

Моя дорогая ленинградская мама!

Тушканчик пишет диплом и не видит света. О Ленинграде пока мечтать не приходится. Диплом никому не нужен, работы нет, а посему состояние духа самое скверное: ни весны, ни молодости не чувствую.

У нас некоторые перемены в семье. Фаина «осмелилась» выйти замуж. Была буря, но трещина по домострою явная.

Очень хочется к Вам, но загадывать вперед не решаюсь.

Поздравляю Вас с весенним праздником и желаю бодрости.

Привет А[лександру] А[нтоновичу]. Ваш Свинтуш. 29/IV-60 г.

P. S. Напишу А[лександру] А[нтоновичу], когда воскресну.

2. Э. Б. Вадецкая — А. А. Морозову

Москва, 19 октября 1960 г.

My dear Leningrad Friends.

Для Туша уже давно наступили черные дни, и он не очень мужественен, тем важнее всякое ваше письмо, ибо не знаю, кто бы писал теплее.

Диплом защитила блестяще, но дело прошлое и уже неинтересное.

Так или иначе, цель доказать способность женщины к археологической науке более чем осуществлена. Пиши об этом несколько месяцев назад, я бы разразилась триумфальными подробностями, но ныне они кажутся лишь дополнительными горькими ирониями судьбы. Поскольку каждый добивается себе места у науки¹⁶ чаще своей административной активностью, а не способностями, я оказалась пока отпущенной от общей археологической стези. По-видимому, придется зарабатывать стаж иным путем.

На днях перечитывала все письма ко мне Александра Антоновича. Нахлынули пережитые дни, ленинградские, ваши заботы, мои любовные хлопоты. Очень потянуло к Вам.

У нас есть домашние новости, пророчески предугаданные Александром Антоновичем. У меня действительно ожидается племянник, и даже обещают назвать его Димой.

Другая сестра абсолютно взрослая, работает маляром на Мосфильме, замечает мое существование изредка и снисходительно.

Летом была в Вильнюсе, Калуге, Смоленске, Ульяновске. Впечатлений уйма, о чем расскажу при встрече.

Весной, наконец, познакомлюсь с пресловутой Марр¹⁷ (бог знает, как это пишется!)

Она отнеслась с присущей ей, по-видимому, эмоциональностью к моим скромным внешним данным и даже собиралась знакомить с племянником.

Целую Вас.
Ваш Туш.

3. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой
Ленинград, 22 октября 1960 г.

Милый Туш!

Мы очень тебя любим и были чрезвычайно рады получить твои каракули. Я даже впал в такую сентиментальность, что поцеловал твое письмо. Вот! При этом открылась какая-то мистикотелепатическая штука... Вчера ехал я на автобусе № 6. Шел мокрый снег, над городом стлалась

серая мгла, а Нева была совершенно черная. Так что, я — в качестве неисправимого поклонника живописи — вспомнил одну картину Северайса в Эрмитаже... Мимо меня проходит девушка в розовой вязаной шапочке и сером пальто — и мне показалось, вернее, захотелось показаться, что она похожа на тебя. Я встал и совершенно невежливо заглянул ей в лицо — ничего похожего! Так, скуластенькая, смуглая симпатичная девушка — и все! Мало для сходства с Тушем!

А утром пришло твое письмо... Значит ты — свинтуш! — почувствовала все-таки, что по тебе тут зверски, прямо невозможно как соскучились и вспоминают со всей мыслимой теплотой и нежностью. Помнишь, как ты мне плакалась в воображаемую жилетку и поскуливала?.. По своей натуре ты весьма скрытная личность и вот сейчас ничего не пишешь о подобных же переживаниях... Поэтому приезжай выговариваться!

Возьми какую-нибудь липу в Эрмитаж — в частности в библиотеку — там очень замечательные вещи ты будешь видеть и читать... И приезжай погостить и «обожаться»... Может быть, тебе попытаться присохнуть к какому-нибудь тутошнему археологическому учреждению? Или Институту Антропологии? (Там есть какие-то возможности!) Жаль, что у нас нет отдельной квартиры о трех комнатах, мы бы просто тебя на время к себе забрали — и дело с концом!

Привет. Целую тебя! Пиши сразу!

Э[рна] Г[еоргиевна] тебе сейчас не пишет, ибо занята, а медлить с ответом не хочется. Да и написала бы ты тоже персонально...

4. А. А. Морозов — Э. Б. Вадецкой
Ленинград, 6 ноября 1960 г.

Милый Туш!

У нас третий день в доме идет спор. Кто больше по тебе соскучился — я или Э[рна] Г[еоргиевна]. Каждый утверждает, что он. Тебе остается только лично его разрешить.

Кроме того, ты совершенно разрушила свою характеристику. Не болтлива (в письмах). Не хвастлива... А что касается третьего пункта, то он давным-давно разрушен и изничтожен полностью опровергнут так сказать фактами и наблюдениями научного и эстетического порядка.

А все же ты не столько Туш, сколько Свинтуш. Ибо не пишешь и не выражаешь никакого желания писать — в том числе мне лично и персонально.

Привет. Целую.

¹⁶ Здесь и далее в письме подчеркнуто Э. Б. Вадецкой.

¹⁷ Неясно, о ком идет речь.

Э. Б. Вадецкая — М. П. Грязнов: ученик — учитель / оппоненты...¹

С. В. Красниенко²

Аннотация. В статье дается краткий анализ научного метода М. П. Грязнова, особенностей его полевых и камеральных исследований, а также прослеживается творческое осмысление методики Грязнова и использование его опыта Э. Б. Вадецкой.

Ключевые слова: М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, методика археологических исследований, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, тагарская культура, таштыкская культура.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-48-52

Отношение Э. Б. Вадецкой к научному опыту и наследию М. П. Грязнова заключено в ее характеристике Михаила Петровича как «учителя многих» (Вадецкая, 1981. С. 50). Творчески освоив это наследие, Эльга Борисовна много сделала для развития археологии Южной Сибири, передав затем свой опыт — вместе с опытом предшественников — своим ученикам, направив и вдохновив их на новые открытия, поддержав их усилия по введению археологии на более высокий уровень.

Выпускница кафедры археологии МГУ, Э. Б. Вадецкая справедливо называла своими учителями С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова. Это и признание принадлежности к научной школе, обусловившей выбор исследовательских интересов, и признательность тем, кто долгие годы оставался для Эльги Борисовны образцом ученого.

Сотрудничество — научное и экспедиционное руководство, работа в одном секторе — связывало М. П. Грязнова и Э. Б. Вадецкую более 22 лет. В 1962 г. Эльга Борисовна поступила

в аспирантуру ЛОИА АН СССР, и тогда же началась ее работа в Красноярской экспедиции под руководством Грязнова — таким образом, ее научный руководитель оказался одновременно и начальником экспедиции.

Длительное участие в работе этой экспедиции позволило Эльге Борисовне получить бесценный опыт, который оставался для нее эталонным на протяжении всей жизни. С первых же лет работы в Красноярской экспедиции она имела возможность восхищаться «удивительной наблюдательностью» Грязнова, его умением «подмечать детали, ускользающие от внимания окружающих» (Вадецкая, 1971. С. 379). Так, например, наблюдательность и логика М. П. Грязнова позволили ему предложить реалистичную концепцию появления коллективных захоронений в Южной Сибири (Там же).

Э. Б. Вадецкая достаточно рано осознала ценность этого опыта. Уже в работах 1960–1970-х гг. она постоянно обращается к полевым исследованиям Михаила Петровича, его наблюдениям и интерпретациям — каждый раз осмысляя сделанное на новом уровне, с учетом новых данных, новых мнений.

Особенности формирования археологических культур Южной Сибири, их стратиграфическая преемственность просто вынуждают археолога быть специалистом по всей совокупности культур ранних кочевников. В полной мере это иллюстрируется научными биографиями М. П. Грязнова

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: krasnienkos@mail.ru.

и его учеников, в том числе и Э. Б. Вадецкой. В статье сделана попытка выявить ключевые особенности восприятия и трансформации Э. Б. Вадецкой опыта М. П. Грязнова, сохранения его достижений, дать критический обзор этих достижений, а также привести примеры оппонирования некоторым утверждениям и представлениям Грязнова со стороны Э. Б. Вадецкой.

Э. Б. Вадецкой удалось обобщить научное наследие М. П. Грязнова и охарактеризовать его значение. Прежде всего, это общая хронологическая шкала археологических культур Южной Сибири (или Среднего Енисея), основу которой заложил С. А. Теплоухов, усовершенствовали С. В. Киселев и М. П. Грязнов, а затем эта шкала была дополнена и скорректирована работами Красноярской экспедиции (Комплекс..., 1979; Вадецкая, 1986). По мнению Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязнов, изучая памятники афанасьевской культуры, внес важный вклад в совершенствование методики исследования именно погребального обряда (Вадецкая и др., 2014. С. 293): это раскопки широкими площадями, расчистка оград и надмогильных сооружений, выявление их конструкции и этапов строительства, подсчет трудозатрат при сооружении погребальных комплексов, анализ половозрастных характеристик и брачно-семейных отношений погребенных, версия об определенном летнем периоде одновременных захоронений. Ранее ею же отмечено: «Подробности обряда создают „этнографический“ фон сочинениям М. П. Грязнова, особенно когда они суммируются и образно описываются. В этой традиции продолжают исследования и его учениками» (Вадецкая, 1987. С. 15). «Этнографический фон», по мысли Вадецкой, означал реконструкцию всех обрядовых действий древнего населения с привлечением аналогий из обычаев и образа жизни современных или этнографически зафиксированных народов Сибири и соседних территорий.

Э. Б. Вадецкую, всегда интересовавшуюся наукой, изучающей народы и их культуры, особенно привлекал «этнографический» взгляд М. П. Грязнова. Речь идет не только об аналогиях, но и об использовании для доказательства этнографических параллелей трасологических наблюдений (интерпретация афанасьевских полых роговых стержней, догадка о форме деревянного изделия, инкрустированного роговыми гвоздиками, реконструкция деревянного сосуда по четырем мед-

ным оковкам). Знание этнографии проявилось и в реконструкции пищевого рациона афанасьевцев по следам накипи в сосудах.

Тщательно исследовав таштыкскую культуру, Э. Б. Вадецкая сформировала целое направление в изучении погребальных практик древнего населения Южной Сибири гунно-сарматского времени (Вадецкая, 1999). Но прежде Эльга Борисовна глубоко изучила методические установки М. П. Грязнова, считавшего, что раскопками должна изучаться «жизнь кургана»: последовательность его сооружения, вплоть до времени года, начиная от могильной ямы, сооружений в ней, над ней, положения погребенных, инвентаря при них, завершения захоронения, а также последующие процессы, происходившие внутри могилы, ограбления, естественные разрушения (Там же. С. 11–12.). На основе этих установок и опыта работ под руководством Грязнова Эльга Борисовна сформулировала собственные задачи: раскопки могильников не отдельными могилами, а, по меньшей мере, группами могил; реконструкция обряда не по могилам, а по кладбищам. Следующим этапом исследования Э. Б. Вадецкая считала непременно восстановление первичного состояния погребенного (труп или мумия, время захоронения относительно события смерти, состояние останков в момент захоронения, как и куда помещен пепел). В этом же ряду стоят и зафиксированные уже в 80-е гг. XX в. захоронения отдельных частей тел (парциальные захоронения) — например, коленных чашечек (см.: Кузьмин, 2011. С. 166–167). Сравнение могил и склепов должно происходить не только по инвентарю, но и по реконструкции похоронного обряда. Внимание к изучению опыта учителей, проявленное Эльгой Борисовной, иллюстрируется ее анализом способа разделки туши животного по фрагментам мясной пищи, помещенной в таштыкскую могилу или поминальник. Ею было замечено, что мясо таштыкцы помещали только в могилы, но не в склепы. М. П. Грязнов, а ранее и С. В. Киселев, обратил внимание на то, что обычно кости животных не разрублены, то есть туши разделаны ножом по суставам, но в отдельных случаях встречаются следы топора. Этот факт, по мнению Грязнова, может свидетельствовать о проникновении нового обычая — а значит, и нового этнического компонента.

Для Э. Б. Вадецкой, как и для М. П. Грязнова, важна была эволюция обычая помещать ку-

ски мяса в погребальное сооружение: от афанасьевцев, использовавших для этой цели любое доступное животное, через карасукцев, которые клали мертвому четыре определенных куска туши барана, и тагарцев, помещавших в могилы куски говядины, до таштыкцев, которые для тризны забивали крупных животных, а в могилы клали нижние части их ног.

Эльга Борисовна, сама рано обратившаяся к теме первобытного искусства, особенно ценила внимание Михаила Петровича к вопросам происхождения орнамента на керамических сосудах. В афанасьевских сосудах он рассматривал имитацию плетеных или вязаных изделий, в андроновских — намек на декор одежды.

Э. Б. Вадецкая рассматривала методические разработки М. П. Грязнова как учебник, которым надо руководствоваться, будучи, однако, готовым к тому, что всегда может выявиться что-то новое. В качестве подтверждения можно привести ее обращение к статье Грязнова о погребении в селе Батени, которое Михаил Петрович с осторожностью датировал как неолитическое — по архаическому облику материала и антропологическим свидетельствам, отличным от афанасьевских. Спустя 35 лет Эльга Борисовна на основе тщательного анализа с привлечением новых данных выявила в этой коллекции два компонента: первый — артефакты, не имеющие прямых аналогий, второй — кости животных и роговые пластины, характерные для окуневских погребений (Вадецкая, 1990.³ С. 69). Тем не менее Э. Б. Вадецкая подмечала как «досадные ошибки» то, что не соответствует наблюдениям и данным, полученным в результате новых раскопок. В частности, отмечено, что факт захоронения специально умерщвленной женщины вместе с мужчиной «на минусинском материале слабо прослеживается» (Вадецкая, 1986. С. 46). Разделяя версию М. П. Грязнова о периодизации карасукской культуры, Э. Б. Вадецкая принимала во внимание и иные мнения, изучила аргументацию сторонников других представлений, допуская дальнейшее развитие идей, предлагала изменение хронологии карасукских памятников в сторону их «омолаживания», характеризуя хронологию М. П. Грязнова как условную и ориентировочную.

³ Номер КСИА вышел в 1990 г., но на титульных листах разделов указан 1988 г.

Останавливаясь на проблемах, возникших при изучении тагарской культуры, Эльга Борисовна усомнилась в гипотезе М. П. Грязнова о том, что переход тагарцев к обряду коллективных захоронений связан с их полукочевым образом жизни. По мнению Э. Б. Вадецкой (Там же. С. 87), причины появления нового обряда тоже экономические, но другие: рост населения при одновременном сокращении площадей пастбищ, занимаемых погребальными сооружениями, что приводило к конфликтам между соседними коллективами; сам же способ ведения хозяйства не менялся на протяжении столетий. Не согласилась она и с другой гипотезой М. П. Грязнова, основанной на наблюдениях, полученных при раскопках коллективного захоронения в кургане Пристань I. Грязнов предположил, что это и подобные захоронения являются родовыми или фамильными склепами, функционировавшими долгое время (100 и более лет). Э. Б. Вадецкая возражала, приводя аргументы в пользу своей позиции: имели место как многократные подхоронения, так и одновременные захоронения. Последнее подтверждается положением погребенных, отсутствием земляных прослоек, захоронением частей умерших, положением инвентаря в определенных местах (но не с каждым погребенным).

Касаясь проблемы хронологии и периодизации таштыкской культуры, Э. Б. Вадецкая отмечает, что все имеющиеся «хронологические схемы (имея в виду и схему М. П. Грязнова. — С. К.), несмотря на формальную стройность, во многом дискуссионны» (Там же. С. 145), а «периодизация М. П. Грязнова (батеневский (I–II вв.) и тепсейский (III–V вв.) этапы) наглядна и убедительна, но требует проверки на дополнительных материалах, так как ранние формы керамики (батеневские), а также указанные вещи встречаются пока, как правило, лишь в грунтовых могильниках, но не в склепах» (Там же. С. 131). На полностью исследованном Грязновым таштыкском могильнике Тепсей III им были выделены два типа склепов — большие и малые (Грязнов, 1979), имевшие некоторые существенные отличия, которые как предполагал Михаил Петрович, носят социальный характер. Э. Б. Вадецкая на основании отсутствия строго датированных предметов в склепах усомнилась в такой интерпретации, предложив как версию хронологические различия погребальных сооружений, а в отношении социальных различий

допустила существование нескольких их вариантов (*Вадецкая*, 1986. С. 141).

Но все же эти «досадные ошибки» не акцентировались. Справедливо будет сказать, что Э. Б. Вадецкая не противопоставляла себя предшественникам (включая М. П. Грязнова), а развивала сделанное ими. Эльга Борисовна осознавала как выдающийся вклад Михаила Петровича в археологию Южной Сибири, так и собственную роль в этой области. Это осознание приводило ее к тому, что она не копировала слепо наблюдения, логику, умозаключения Грязнова. Кроме того, важно отметить признание М. П. Грязновым профессионализма, эрудиции и квалификации Э. Б. Вадецкой, выразившееся в том, что Эльга Борисовна, так же как и Г. А. Максименков, участвовала в фундаментальном проекте «История Сибири», а Э. Б. Вадецкая и в качестве соавтора М. П. Грязнова главы «Афанасьевская культура». Как дань уважения Грязнову можно рассматривать и мысль Э. Б. Вадецкой о том, что надо излагать и оценивать не только правильные мысли и выводы предшественников, но и их ошибочные суждения, так как все это является важным для общего

движения научного процесса. Требования научного поиска заставляли ее двигаться вперед, признавая несовершенство некоторых позиций и требуя их дальнейшего развития. Это касалось, в частности, дальнейшего исследования тагарской культуры, детализации ее хронологии, установления явлений, иллюстрирующих переход от скифского времени к гунно-сарматскому в ходе дальнейшего осмысления тесинского этапа, или, как теперь уже принято называть, культуры и таштыкской культуры. Погребальному обряду и похоронной практике таштыкской культуры Эльга Борисовна уделяла особое внимание в последние годы жизни. Часть этой работы осталась в столе исследователя в виде почти подготовленной к изданию рукописи.

Может показаться странным, что автор этих строк говорит о тех принципах полевого исследования, которые сейчас утвердились повсеместно. Но целью этой работы было показать часть той эволюции, которую прошла современная археология.

И последнее, грустное, совпадение: и Михаил Петрович, и Эльга Борисовна скончались в одном возрасте и в один день с разницей в 34 года — 18 августа.

Вадецкая, 1971 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах // На суше и на море / Редкол.: Н. Н. Проппин и др. М.: Мысль, 1971. С. 366–381.

Вадецкая, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, СО, 1981 (Страницы истории нашей Родины). 113 с.

Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, ЛО, 1986. 180 с.

Вадецкая, 1987 — *Вадецкая Э. Б.* Методологические разработки М. П. Грязнова // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов обл. науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1987. С. 14–17.

Вадецкая, 1990 — *Вадецкая Э. Б.* Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 68–74.

Вадецкая, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское

Востоковедение, 1999 (*Archaeologica Petropolitana*; Т. VII). 440 с.

Вадецкая и др., 2014 — *Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Грязнов, 1979 — *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, СО, 1979. С. 89–146.

Комплекс..., 1979 — *Грязнов М. П., Комарова М. П., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С., Миняев С. С.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Ред. М. П. Грязнов. Новосибирск: Наука, СО, 1979. 168 с.

Кузьмин, 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Ай-синг, 2011. 456 с.+CD.

E. B. Vadetskaya — M. P. Gryaznov: disciple — teacher / opponents...S. V. Krasnienko⁴

Keywords: M. P. Gryaznov, E. B. Vadetskaya, methodology of archaeological research, Afanasyevo culture, Okunev culture, Andronovo culture, Tagar culture, Tashtyk culture.

The scientific authority of M. P. Gryaznov was constituted by two qualities fairly infrequently combined in an archaeologist: knowledge of the theoretical bases of archaeology (particularly, of the epoch of early nomads) and the great care in conduction of archaeological excavations with an extreme attention for the details. These qualities of M. P. Gryaznov were not unheeded by E. B. Vadetskaya — his postgraduate student and the scientific assistant of the Krasnoyarsk Expedition headed by him. In addition to the above listed features she estimated in Mikhail Petrovich his knowledge of ethnography and the ability to discern in archaeological artefacts ethnographic features of the early collectives imparting an “ethnographic” background to his studies. The analytical abilities of M. P. Gryaznov were manifested in particular in the investigations of carbon deposits on the inner side of ceramic vessels, in trace-wear observations and in a great attention paid to the fragments of animal carcasses accompanying the interred and in reconstruction of the ‘life of the barrow’ — the sequence of the construction of the funerary complex, its functioning, manipulations with the bodies of the interred, etc. The understanding by E. B. Vadetskaya of all these factors was in turn noticed and estimated by M. P. Gryaznov that has been manifested inter alia in the co-authorship of the section “Afanas'yevskaya kul'tura” in the 1st volume of “Istoriya of Sibir” (1968). Nevertheless, although recognising the indisputable scientific authority of M. P. Gryaznov, E. B. Vadetskaya had critically revised some of his conclusions: the causes of the transition of the Tagarians to the rite of collective burials, Gryaznov’s concept of the Karasuk culture, etc. It is paradoxical, but these critical views are the best way to preserve a scientific heritage and the achievements of the teacher.

⁴ Sergey V. Krasnienko — Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsova nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: krasnienkos@mail.ru.

История изучения памятников энеолита и бронзы Минусинской котловины (основные проблемы)¹

Э. Б. Вадецкая (†)

Аннотация. В статье приводится подробный историографический обзор изучения памятников энеолита и бронзы Минусинской котловины начиная с первых дореволюционных раскопок до 1975 г. Для каждой из культур выделены основные проблемные вопросы и рассмотрены разные взгляды исследователей. Среди дискуссионных вопросов — происхождение афанасьевской, окуневской, андроновской и карасукской культур, их взаимоотношения и контексты формирования. Освещены проблемы абсолютной и относительной хронологии. В статье представлен авторский взгляд по затронутым вопросам.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, энеолит, бронзовый век, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, карасукская культура.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-53-65

Южная часть Красноярского края состоит из плосковершинных нагорий, хребтов и межгорных впадин, среди которых наибольшими являются Назаровская, Чулымо-Енисейская, Сыдо-Ербинская, Минусинская, или Абакано-Минусинская. Все указанные котловины имеют общее географическое название — Минусинская котловина, или Минусинская степная и лесостепная впадина. Территория котловины опоясана кольцом отрогов Кузнецкого Алатау, Западного и Восточного Саяна, большей частью покрытых тайгой, служивших естественными границами обитания древнего населения. Общая протяженность котловины с севера на юг — около 375 км, а с запада на восток — от 80 до 300 км (Клементи, 1886. С. 7; Кушев, Леонов, 1964. Рис. 1). Территория, которую занимают степь и лесостепь, меньше. Широко известно, что в Минусинских степях чрезвычайно много разнообразных археологических памятников, особенно могильников, преимущественно раннего железного века (тагарских). Но следует учитывать сравнительно небольшую площадь

котловины, особенно степную и лесостепную, при изучении древнего населения, в частности, вопроса возможности или невозможности сосуществования здесь различных этнических групп в том или другом районе котловины.

Историю изучения археологических памятников этой территории принято разделять на несколько последовательных хронологических этапов, отличающихся разными подходами к памятникам, методикой раскопок, задачами, стоявшими перед исследователями. Подробнее об этом изложено в специальной работе (Вадецкая, 1973. С. 91–159). Однако как не велик вклад в сибирскую историографию ученых XVIII–XIX вв., с их деятельностью связано изучение в первую очередь эпохи железного века, но не более ранних периодов, энеолита и бронзы, начавшееся только после революции, когда появились археологи-профессионалы и археология стала наукой.

До революции памятники энеолита и бронзы находили лишь случайно, чаще при раскопках тагарских курганов, иногда в обнажениях под дюнами, при строительстве. Так, А. В. Адрианов в 1903 г. у улуса Саргова раскопал пять афанасьевских могил (Адрианов, 1903), в 1898 г. под насыпью татарских курганов обнаружил два окуневских погребальных ящика (Адрианов, 1902–1924. С. 75–76), а в 1894 г. в трех местах котловины

¹ Рукопись статьи была подготовлена в середине 1980-х гг. для «Археологии СССР». В настоящем издании полностью сохранен авторский текст, но по условиям публикации были добавлены аннотация, ключевые слова, резюме, а также уточнен список литературы (Примеч. ред.).

(в логу Джесос на р. Тубе, на Татарском острове и у оз. Тагарского) исследовал 10 карасукских погребений (*Там же*. С. 41–49). В 1914 г. при строительстве моста через р. Серж, близ д. Андроновой, был обнаружен первый андроновский могильник, тогда же четыре могилы на его территории раскопал А. Я. Тугаринов (*Тугаринов*, 1926). Им же в 1913 г. под дюнами у с. Лугавского на берегу Енисея раскопано шесть могил, относящихся к позднему этапу карасукской культуры (*Теплоухов*, 1927. С. 100–101). И. П. Кузнецов-Красноярский в 1884 г. произвел раскопки 17 позднекарасукских погребений у с. Аскиз в долине р. Абакан, а в 1907 г. на р. Неня еще шести карасукских погребений (*Кузнецов-Красноярский*, 1907). Этими 50 могилами исчерпываются все дореволюционные раскопки памятников энеолита и бронзы, не считая вещей с пашен и разрушенных курганов, иногда попадавших в музеи. Характеристик, определений, названий перечисленным раскопанным могилам дано не было, но резкие отличия в собранных материалах отмечались. Помимо этого, А. В. Адрианов указал на разницу в конструкциях афанасьевских и тагарских могил (*Адрианов*, 1903). Позже Г. Мерхарт, публикуя лугавский могильник, отметил его сходство с раскопанными памятниками у с. Аскиза и отличия от раскопанных А. В. Адриановым. Таким образом, он первым выделил лугавский этап (*Merhart*, 1923). Малочисленность дореволюционных раскопок ранних могильников объясняется главным образом их неприметностью на поверхности земли — для их обнаружения требуются специальные поиски, опыт и наметанный глаз — и, в определенной степени, малой информативностью содержащихся в них вещей.

Начало научного исследования памятников бронзы в Минусинских степях связано с работами С. А. Теплоухова в районе с. Батени. Как известно, С. А. Теплоухов, считая, что могильники одного микрорайона, различающиеся устройством погребальных сооружений, обрядом погребения и положенными в могилу вещами, должны относиться к разным историческим периодам, выбрал участок долины Енисея протяженностью до 14 км и в течение 9 лет проводил здесь свои раскопки. В результате ему удалось найти памятники 12 периодов и установить последовательность развития культур племен Енисея от энеолита до монгольского времени. Хронологическая схема С. А. Теплоухова оказалась наиболее удачной

именно относительно памятников энеолита и бронзы. В этой своей части она в настоящее время лишь дополнена, и ее в целом придерживаются все исследователи (*Gryaznov*, 1969). С. А. Теплоухов отнес к памятникам энеолита афанасьевскую культуру, к памятникам развитой бронзы — андроновскую, к поздней бронзе — карасукскую. Каждой из них он дал характеристику и название по месту первых раскопок. С тех пор в эту часть теплоуховской классификации внесены лишь две существенные поправки. Во-первых, открыта и выделена энеолитическая окуневская культура, во-вторых, обоснован и выделен поздний этап карасукской культуры.

Перед анализом проблематики изучения древнего населения Минусинских степей остановимся на некоторых особенностях исследования памятников эпохи энеолита и бронзы этой территории.

Прежде всего обращает внимание, что в количественном и качественном отношении они в разные годы изучались крайне неравномерно. Уже говорилось о случайности и малочисленности дореволюционных раскопок. После революции положение несколько улучшилось благодаря раскопкам С. А. Теплоухова, Г. П. Сосновского, В. П. Левашёвой и С. В. Киселёва. Основными научными итогами явились коллективный труд «История СССР», вышедший в 1939 г., и спустя 10 лет монография С. В. Киселёва «Древняя история Южной Сибири». Последняя работа по своему хронологическому и территориальному охвату, научному обобщению и освещению экономики и социальных отношений древних племен до сих пор остается единственной для Южной Сибири. Монография С. В. Киселёва подытожила все исследования, проводимые на Енисее. Конкретно им использованы материалы около 50 афанасьевских могил, 75 — андроновских, 250 — карасукских обоих этапов. С 60-х годов резко возросло количество археологических работ в Сибири, в частности на Енисее, и главным образом благодаря многолетним работам Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в зоне Красноярского водохранилища. Наиболее значительные раскопки памятников энеолита и бронзы произвели сотрудники экспедиции М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Г. А. Максименков, Л. П. Зяблин, Э. Б. Вадецкая. Отдельные объекты были исследованы А. Д. Грачом, Я. А. Шером, М. Н. Пшеницыной. В те же годы раскопки аналогичных памятников на Енисее проводили А. Н. Липский,

Л. Р. Кызласов, Н. В. Нащёкин, Н. В. Леонтьев, В. А. Зимина и некоторые другие.

На период окончания работ Красноярской экспедиции, включая 1975 г., были собраны следующие статистические данные по памятникам энеолита и бронзы по всей котловине (в подсчет включены все работы с XIX в. до 1975 г.).

Афанасьевские памятники раскопаны в 28 пунктах и представлены 2 стоянками и 25 могильниками. В общей сложности раскопаны 150 оград, содержащих внутри или за пределами 270 могил.

Окуневские памятники раскопаны в 36 пунктах, не считая мест нахождения каменных стел и наскальных изображений. Составляют 41 курган и 302 могилы.

Андроновские памятники раскопаны в 32 пунктах и представлены 7 разрушенными и плохо сохранившимися поселениями, а также 25 могильниками. Составляют 167 раскопанных оград или систем из оград и 344 могилы.

Карасукские памятники раскопаны в 92 пунктах. Представлены 5 плохо сохранившимися поселениями и 87 могильниками. Составляют более одной тысячи раскопанных оград или систем из оград и около двух тысяч могил.

Памятники каменнолоожского этапа карасукской культуры раскопаны в 38 пунктах. Представлены 2 кладами, 1 поминальником, 1 медеплавильней, 4 поселениями, на двух из которых сохранились остатки жилищ, и 30 могильниками. Составляют 120 раскопанных оград, 180 могил.

В целом число раскопанных могил энеолита и бронзы превышает 3000, из которых 4/5 составляют раскопки Красноярской экспедиции (около 2500 могил).

В последние годы появились новые новоострочные экспедиции в двух районах котловины. Их целью стало освободить от курганов площади под оросительные системы и строительства. Поскольку экспедиции в основном осуществляют раскопки тагарских курганов, число исследуемых более ранних памятников резко уменьшается.

Работы Красноярской экспедиции (руководитель М. П. Грязнов) на Енисее осуществлялись со значительно более высокими методическими требованиями, чем раньше. Они составляют новый этап в истории археологических исследований данной территории, характеризующийся как большим количеством, так и высоким качеством раскопок. Но, к сожалению, как и раньше,

археологические культуры изучались однобоко, а именно практически только по погребениям. Эта еще одна особенность описываемого района, в результате чего сохраняется скудное представление об экономике и хозяйстве древнего населения и в то же время все больше и больше накапливается информации о погребальной обрядности. Однако преобладающее большинство могильников не опубликовано, поэтому конкретный материал раскопок известен разным исследователям далеко не в равной степени. Отсюда длительные и острые дискуссии по вопросам, связанным с происхождением культур, хронологии, их последовательности или сосуществования, дискуссии, вызванные не только сложностью перечисленных вопросов, но и объективной узостью информации. Проблемы происхождения и хронологии культур бронзы дискусируются во многих работах М. П. Грязнова, М. Н. Комаровой, Г. А. Максименкова, Н. Л. Членовой, Э. А. Новгородовой, М. Д. Хлобыстиной, однако опубликованы материалы лишь двух могильников Красноярской экспедиции (*Зяблин, 1977; Максименков, 1978*).

В современной периодизации эпоха энеолита и бронзы Минусинской котловины (Минусинских степей или степей Среднего Енисея) представлена культурами афанасьевской, окуневской, андроновской и карасукской. С каждой связано много широких и узких проблем, если понимать под этим словом задачу, сложный вопрос, загадку, предложение на решение и т. д. В этом понимании значения слова «проблема» проблематичной, т. е. сомнительной, предположительной, загадочной выглядит вся археологическая информация. Видимо, правильнее понимать это слово конкретнее, т. е. «научный вопрос, могущий быть различно решенным, причем в пользу каждого из возможных решений имеются веские доводы» (*Энциклопедический словарь..., 1898. С. 319*). При таком определении не все, а часть вопросов истории древнего населения Енисея является проблемными, другие же уже непроблемные или еще не составляющие проблему, т. е. не могущие быть решенными. К непроблемным вопросам, а именно имеющим лишь однозначное решение, относятся представления о погребальном обряде афанасьевцев-карасукцев и, как правило, хозяйство этих племен, так как основным их занятием всегда на этой территории степей было скотоводство (дискуссионным может быть лишь его форма). Непроблемными являются в силу слабой изученности вопросы

социальных отношений и идеологии. В литературе они не обсуждаются, по ним только высказывают предварительные суждения. Но во всех культурах энеолита и бронзы проблемными вопросами являются абсолютная и относительная хронология и происхождение. Именно они решаются неоднозначно, причем с обоснованием каждого из решений.

Афанасьевская культура известна на территории Минусинской котловины и Горного Алтая. Ее принято относить к эпохе энеолита, так как немногочисленные металлические изделия того времени изготавливали из разных самородных металлов: меди, серебра, золота, метеоритного железа. Культура датируется некоторыми аналогами из позднейших памятников в пределах с середины III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. Имеется девять радиоуглеродных дат. Хронологические границы согласно им для Енисея, по видимому, XXIII–XX вв. до н. э. (здесь и далее некалиброванные даты. — *Редкол.*). Возможно, что на Алтае культура появилась несколько раньше, но это предположение основывается пока лишь на единственной радиоуглеродной дате из одного погребения с этой территории. Более спорными являются роль скотоводства в хозяйстве афанасьевских племен, происхождение культуры и ее взаимоотношение с последующей окуневской.

Имеющиеся разногласия относительно уровня скотоводческого хозяйства афанасьевцев носят не дискуссионный характер, а отражают первоначальные и современные представления. Со времени раскопок С. А. Теплоухова принято считать, что скотоводство у афанасьевцев, хотя и было представлено всеми основными видами скота, только зарождалось. Поэтому в их пищевом рационе употреблялось примерно в равном количестве мясо как домашних, так и диких животных. Основанием для подобного вывода послужили сомнительная находка костей «дикого» быка в одной из могил под г. Афанасьевой, но в большей степени значительное число костей зубра, единичных кулана и сайги, найденные в насыпях афанасьевских курганов на р. Карасук. Первоначально они были отнесены М. П. Грязновым к афанасьевской культуре, но в процессе дальнейших раскопок он пересмотрел свою атрибуцию. Выяснилось, что курганы расположены на месте неолитической стоянки, и кости диких животных происходят из ее слоя. К сожалению, это опровержение есть только в полевых отчетах

о раскопках. На самом деле никаких костей диких животных ни в могилах, ни на поселениях, кроме козули, не встречено. Палеозоологический материал убеждает, что афанасьевцы имели производящее скотоводческое хозяйство с преобладанием в нем, видимо, овцеводства.

О происхождении афанасьевской культуры существует несколько мнений. Г. Ф. Дебец первым выдвинул гипотезу, что носители афанасьевской культуры являются пришельцами с Запада (*Дебец*, 1948. С. 68). Гипотеза в целом поддержана А. В. Алексеевым, но он предположил возможность передвижения европеоидного населения в Сибирь, как один из вариантов — с территории распространения ямной культуры (*Алексеев*, 1961а. С. 380). Основанием для подобного предположения является сходство черепов из афанасьевских и ямных погребений, достигавшее полного тождества. Меньше единства во взглядах среди археологов. С. В. Киселёв неоднократно указывал на основании археологического материала на контакты афанасьевской культуры с ямно-катакомбным миром, но не меньшее значение придавал возможным контактам с юго-западом, Приаральем, предполагая связь афанасьевской культуры с энеолитом Средней Азии через кельтеминарскую культуру. Однако аргументы в пользу юго-западных связей не подтвердились, поскольку С. В. Киселёв основывался на единичных и, как позже выяснилось, малодостоверных находках из афанасьевских могильников (*Иванова*, 1970. С. 9–10). Согласно гипотезе С. В. Киселёва, в формировании культуры наряду с новыми элементами, проникшими с Запада, большую роль играли и местные, от носителей неолитической культуры. Однако единственным аргументом в пользу местных корней культуры служило сходство афанасьевской керамики с единичными сосудами ее ареала из районов г. Красноярска, которые рассматривались С. В. Киселёвым как неолитические, но впоследствии оказались синхронными афанасьевским. Поэтому на основании этих сопоставлений решать генетические связи афанасьевской культуры невозможно. Противоположное мнение о происхождении культуры имеет А. П. Окладников, считавший, что афанасьевская культура чужда всему, что характеризует сибирский неолит, и предполагавший ее генетическую связь с Западом (*Окладников*, 1941. С. 13–14).

В свете новых полевых исследований к настоящему времени немногочисленные неолитические

памятники Минусинских степей и Алтая не позволяют генетически связывать афанасьевскую культуру с местным неолитом (Батени, Унюк, Чудацкая гора, Большой Мыс, Усть-Иша). К сожалению, сопоставление афанасьевских памятников с неолитом Западной Сибири и Верхней Оби затруднено тем обстоятельством, что нет полной ясности, какие из западносибирских неолитических памятников им предшествуют, а какие синхронны. С другой стороны, никто не отрицает, что афанасьевская культура находит близкие аналогии не в Сибири, а далеко на Западе, в степях Приуралья, Волги и Дона. Сходство ее с ямной прослеживается по антропологическому типу погребенных, погребальным сооружениям, обряду, в меньшей степени — инвентарю. На основании этого одни исследователи склонны видеть в афанасьевцах прямых выходцев с территории ямной общности (В. П. Алексеев, Э. Б. Вадецкая), другие — через их общую прародину, расположенную в районе Аральских степей (Н. Я. Мерперт). Самую осторожную позицию занимает М. П. Грязнов, считавший, что в связи со слабой изученностью местного неолита и памятников, синхронных афанасьевским в соседних с Алтаем и Минусинской котловиной районах, вопрос о происхождении афанасьевской культуры до сих пор не решен, но можно высказать некоторые предварительные суждения относительно отсутствия в ней местных корней и значительных связей с ямной.

Наиболее острой и затянувшейся стала дискуссия о взаимоотношениях афанасьевской и окуневской культур. Она была следствием значительного роста полевых исследований, примером неизбежности изменения первоначальных представлений и определила взгляды исследователей на дальнейшие судьбы племен, населявших Минусинские степи в андроновскую и карасукскую эпохи.

Могилы окуневского типа не вошли в периодизацию С. А. Теплоухова, так как были единичны и не привлекли внимание исследователя. Позже их выделила М. Н. Комарова — она показала их отличие от афанасьевских и определила как раннеандроновский этап (Комарова, 1947). В 50-х гг. аналогичные памятники были раскопаны на юге котловины, причем при сложных топографических и стратиграфических сочетаниях с афанасьевскими: они располагались среди афанасьевских курганов, в насыпях последних, иногда впущены

в афанасьевские могилы. Поэтому первоначально они многими были приняты за афанасьевские, но более позднего этапа (А. Н. Липский, Л. Р. Кызласов, В. А. Зиминова, В. П. Алексеев). Дискуссия об их культурной принадлежности затянулась на годы, несмотря на то что между афанасьевскими и окуневскими погребениями имеются неоспоримые и принципиальные отличия в конструкциях, обряде и антропологическом типе погребенных, инвентаре. Лишь после раскопок серии окуневских могильников, типологического и стратиграфического выделения впускных окуневских могил среди афанасьевских Г. А. Максименкову удалось доказать существование ранее неизвестной культуры (Максименков, 1975а). Окуневская культура не вызывает сомнения ни у кого, кроме Л. Р. Кызласова, специально ею не занимавшегося, но привыкшего ее памятники считать позднеафанасьевскими (Кызласов, 1971).

Окуневская культура известна в Минусинской котловине и Туве. Памятники, близкие к ней и синхронные, находятся в Западной и Восточной Сибири, на Алтае, в Восточном Казахстане. Происхождение культуры решается предварительно и однозначно. Г. А. Максименков считает ее местной, а не пришлой, видимо, связанной с сибирским неолитом. Правда, неолитических памятников на Енисее, говорящих об этой связи, нет, но их вообще здесь очень мало. Однако другие сибирские культуры окуневского типа (глазовская и самусьская) имеют бесспорную связь с предшествующими им неолитическими. В окуневских памятниках не содержится никаких черт, указывающих на ее южные или западные истоки. В то же время окуневские каменные изваяния рядом черт и приемов их изготовления напоминают изделия из дерева, что косвенно может свидетельствовать о таежных районах возникновения этого вида искусства (Максименков, 1975а. С. 36–37). Культурная принадлежность изваяний Енисея до недавнего времени являлась дискуссионной. Их первая научная датировка была предположительной, их относили к карасукской культуре, что прочно вошло в литературу (Грязнов, Шнейдер, 1929; Киселёв, 1951). Находки изваяний в могилах окуневской культуры заставили пересмотреть эту дату и определить более ранним временем. При этом одни исследователи считали их окуневскими (Э. Б. Вадецкая, М. П. Грязнов, Г. А. Максименков), другие — афанасьевскими и даже неолитическими (С. И. Руденко, П. М. Кожин, А. Н. Липский).

Мнение последних основывалось на том факте, что каменные изваяния находят в окуневских могилах во вторичном использовании, из них сделаны погребальные ящики. Мнение первых доказывалось стилистическим сходством, бесспорно, окуневских каменных миниатюр, положенных погребенным, с монументальными изваяниями и стелами, вторично использованными для могил (*Вадецкая*, 1967). Постепенно дискуссия сошла на нет, так как во многих последующих раскопанных окуневских могильниках найдены аналогичные изваяния и в тех же условиях. В то же время по-прежнему неизвестно никаких афанасьевских предметов искусства.

Наиболее спорным вопросом является абсолютная и относительная хронология культуры. По традиционным представлениям андроновская культура на Енисее сменила афанасьевскую (*С. А. Теплоухов, С. В. Киселёв*). С открытием окуневских памятников считается, что андроновские племена вытеснили окуневские (*М. П. Грязнов, Г. А. Максименков*). К сожалению, пока неизвестно случая, чтобы андроновские курганы или могилы перекрывали или были впущены в более ранние, иначе бы верхнюю дату окуневской культуры можно было считать бесспорной. Абсолютная датировка андроновской культуры определяется XVIII–XVI вв. до н. э., о чем еще будет речь ниже. Следовательно, XVIII в. до н. э. — возможная ориентировочная верхняя дата для окуневской культуры. Абсолютных радиоуглеродных дат из окуневских памятников нет. Но для ее нижней хронологической границы справедливо пользоваться датами афанасьевской культуры. Основание этому дает стратиграфическое расположение окуневских могил, впущенных в афанасьевские. Наблюдается следующее: окуневские могилы впущены в центральные афанасьевские могилы внутри ограды или сооружены в промежутке между оградой и центральным надмогильным холмом. Могилы впущены в уже заплывшие основные ямы с провалившимся покрытием, однако ранее, чем надмогильное каменное сооружение центральной ямы расплылось по всей ограде, в период, когда между холмом и оградой еще было свободное место. Значит, временной промежуток между афанасьевскими и окуневскими захоронениями сравнительно невелик и измеряется десятками, а не сотнями лет. Поэтому верхнюю границу афанасьевской культуры можно принять за нижнюю для окуневской. Хронологические рамки

афанасьевской для Енисея, как указывалось, составляют XXIII–XX вв. до н. э. Следовательно, предположительная абсолютная датировка окуневской культуры XX(XIX)–XVI вв. до н. э. *Г. А. Максименков* предлагает XXI–XVII вв. до н. э., но без учета трех афанасьевских дат, которые не могут быть старше, чем XX в. до н. э. (*Черновая VI, Карасук III, Восточное*). Отсутствие абсолютных дат для окуневской культуры оставляет возможность теоретически, без учета географического местоположения памятников, допускать синхронность окуневской культуры с андроновской и даже... карасукской. По словам *Н. Л. Членовой, Г. Ф. Дебецом* было отмечено антропологическое сходство между окуневским и карасукским населением. Для объяснения подобного сходства при резкой разнице материальной культуры и ее уровня она предлагает две гипотезы. Первая предполагает, что физический тип людей окуневской и карасукской культур объясняется тем, что та и другая смешались с третьей культурой, условно местной неолитической. Вторая гипотеза предполагает, что окуневская культура была значительно богаче того, что известно, более высокого уровня, но это не находило отражения в погребальном инвентаре, и что окуневцы и карасукцы представляли собой две группы близкородственного населения (*Членова*, 1977. С. 101–110). По археологическим материалам синхронность окуневского населения с карасукским невозможна. Карасукская культура имеет достаточно твердую абсолютную датировку не ранее XIII в. до н. э., что касается окуневской, то, как было показано на основании стратиграфических наблюдений, она не имеет большого хронологического разрыва с афанасьевской, исчезнувшей не позже, чем в начале II тыс. до н. э. Что касается антропологических материалов, то они свидетельствуют не о синхронности этих культур, а о том, что предки окуневцев принимали участие в формировании карасукской культуры. Так, *В. П. Алексеевым* отмечено наличие окуневского типа как одного из компонентов карасукского населения (*Алексеев*, 1961б. С. 163), а *Г. В. Рыкушиной* — несомненная генетическая близость окуневского и карасукского населения (*Рыкушина*, 1976. С. 196).

Андроновская культура занимала территорию значительно большую, чем Минусинская котловина, где она появляется в середине своего существования. Восточнее Енисея андроновских памятников нет. Дискуссионным моментом

является роль, которую сыграли местные культуры (афанасьевская и окуневская) в сложении енисейского варианта андроновской. Первоначально большинство исследователей считали афанасьевскую культуру основой для местной андроновской (С. В. Теплоухов, С. В. Киселёв, М. Н. Комарова, К. В. Сальников). С. В. Киселёв видел связь между культурами по сходству околмогильных сооружений в виде кольца в том, что в обеих культурах встречаются бревенчатые наклады над могилами, скорченные труположения на боку. Наконец, еще в афанасьевское время появляются баночные сосуды (особенно на Алтае) и андроновские орнаменты керамики. Наиболее обоснованную линию развития андроновской культуры из афанасьевской через окуневскую (окуневский переходный этап) предложила М. Н. Комарова, выделив при этом этнографические особенности андроновской культуры Енисея (Комарова, 1961. С. 56–57). Однако открытие окуневской культуры заставило подойти к этому вопросу иначе. В монографии «Андроновская культура на Енисее», куда вошла публикация почти всех раскопанных к настоящему времени андроновских памятников, Г. А. Максименков сопоставил все три культуры по всем характерным особенностям: надмогильным сооружениям, конструкциям могил, обряду погребения и керамики (Максименков, 1978). На основании проведенных сопоставлений он пришел к выводу, что для каждого из рассматриваемых периодов существовали свои особенности в конструкции погребений, обряде, а также технологии и орнаментации керамики, не позволяющие говорить о генетической связи между этими культурами. Его вывод относительно территории Минусинских степей подкрепляется также разным антропологическим типом погребенных (Максименков, 1978. С. 84–85). Каждое новое изучение андроновского антропологического материала подтверждает гипотезу южного происхождения культуры. Но это не исключает того, что это пришлое население, видимо, впитало в себя часть местного окуневского на юге Красноярского края и афанасьевского на Алтае (Рыкушина, 1976. С. 196).

В восточные районы андроновские племена проникали относительно медленно, постепенно вытесняя предшествовавшее население. В восточном варианте имеются ранние и поздние черты, характерные для андроновской культуры. Они проявляются в керамике, украшениях,

деталях погребального обряда, в конструкциях погребальных сооружений. На основании этого относительную хронологию енисейских памятников предлагают считать переходным временем между двумя этапами культуры (Фёдоровским и алакульским или алакульским и Фёдоровским), точнее, началом более позднего этапа. Абсолютная хронология культуры на Енисее устанавливается приблизительно и предположительно пределами с XVIII(XVI) до XIV в. до н. э. Начало культуры основывается на единичных радиоуглеродных датах. Верхняя граница определяется временем появления сложившихся карасукских форм бронзовых изделий в наиболее восточных памятниках (Максименков, 1978. С. 91–109). Хронологические границы культуры не бесспорны. Андроновских памятников на Енисее раскопано мало, дерево в них редко встречается, а среди немногочисленных радиоуглеродных дат есть очень сильно различающиеся, не согласующиеся с археологическими материалами (Максименков, 1978. С. 107). Хотя они безусловно ошибочны, отдельные исследователи их принимают для обоснования своих представлений сосуществования андроновской и карасукской культур. С другой стороны, нет достаточного обоснования датировать карасукские ножи XIV в. до н. э., а не XIII в. до н. э. (Новгородова, 1970. С. 98). Вопрос о роли андроновской культуры в сложении карасукской тесно связан с происхождением и хронологией последней, что более всего дискутируется в литературе.

Карасукская культура и ее варианты занимали широкую территорию от Енисея до Казахстана и Центральной Азии. Поскольку антропологический тип карасукского населения Минусинской котловины очень смешанный и в нем помимо местных компонентов (андоновского и окуневского) имеется пришлый, все исследователи в той или иной степени пытаются выяснить, откуда пришло новое население и определить его участие в сложении культуры.

Еще первый исследователь карасукской культуры С. А. Теплоухов указал на ее связь с Китаем. Позже С. В. Киселёв дал широкую аргументацию этой связи на основании карасукских бронз, встречающихся на территории Забайкалья, Монголии и Северного Китая, и, опираясь на палеоантропологические определения Г. Ф. Дебеца, выдвинул гипотезу происхождения культуры с юго-востока (Китай). Как известно, Г. Ф. Дебец считал,

что основным типом населения карасукской культуры является брахикранный тип, относящийся к европеоидной расе, но с примесью монголоидного элемента, относящегося к дальневосточной расе азиатского ствола. Гипотеза юго-восточного происхождения нового населения существовала недолго и была опровергнута Алексеевым (Алексеев, 1961б. С. 153–155; 1963. С. 158–159). В настоящее время она разделяется немногими археологами, продолжавшими видеть происхождение основных форм карасукского оружия с юго-востока (Волков, 1967; Новгородова, 1970).

В. П. Алексеев, отвергнув влияние дальневосточной монголоидной расы, в процессе формирования расового типа карасукского населения, предположил связь его с первоначальным ареалом европеоидной расы Среднеазиатского междуречья или, по другой терминологии, памиро-ферганской (Алексеев, 1961б. С. 163). Точка зрения о пришлой группе населения в карасукское время с юго-запада в настоящее время разделяется большинством исследователей. При этом имеются в виду территории Памира, Казахстана и Средней Азии, издревле населявшиеся племенами памиро-ферганского типа. Сложение самой карасукской культуры предполагается на базе андроновской на территории Южной Сибири и соседних с ней районов Казахстана и Средней Азии. Основной очаг формирования культуры находился в Сибири, откуда пошли на Восток некоторые карасукские культурные приобретения. Культура не могла быть принесена в Минусинские степи по следующим причинам: во-первых, форма карасукских ножей зародилась, видимо, здесь же, так как ножей карасукского типа в доиньское время на Дальнем Востоке нет; во-вторых, восточнее Енисея нет характерных карасукских могильных сооружений и керамики (Грязнов и др., 1968. С. 185). Последнее, однако, опровергается Э. А. Новгородовой, нашедшей в монгольских материалах немногочисленные аналогии карасукским сосудам (Новгородова, 1970).

В вопросе места формирования культуры крайнюю позицию занимает Н. Л. Членова, пытавшаяся найти истоки карасукской культуры на Ближнем Востоке (Иран) (Членова, 1972). Ее концепция участия переднеазиатского компонента в сложении карасукской культуры подвергнута обстоятельной критике Э. А. Новгородовой, показавшей, что Н. Л. Членова строит свои выводы на аналогиях, далеких и территориально, и хронологически, не предпринимая строго научного

анализа погребальных памятников как в Южной Сибири, так и на Ближнем Востоке (Новгородова, 1970. С. 25).

Таким образом, участие пришлого населения в формировании карасукской культуры никем не оспаривается, но его роль, а также роль местной андроновской культуры остро дискутируются. В целом все исследователи согласны с тем, что в погребальных конструкциях и инвентаре между обеими культурами есть сходство. Но важность этого сходства признается по-разному. С. В. Киселёв, находясь под влиянием своей гипотезы юго-восточного происхождения карасукской культуры, сходство с предшествовавшей андроновской считал случайностью и придавал большее значение новым элементам в культуре, связывая их с пришлым населением (Киселев, 1951). Э. А. Новгородова, во многом разделяя взгляды С. В. Киселёва, в то же время наибольшее значение в сложении карасукской культуры придает афанасьевской и окуневской, а меньшее — андроновской и культуре пришлого с Востока населения (Новгородова, 1970). Н. Л. Членова сходства между культурами объясняет их контактами в процессе сосуществования (Членова, 1972).

Преобладающее число исследователей придает первостепенное или большое значение сходству между культурами, на основании чего усматривает генетическую связь между ними (С. А. Теплоухов, Г. П. Сосновский, Э. Р. Рыгдылон, А. Н. Липский, М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Г. А. Максименков, Л. П. Зяблин). М. П. Грязнов отмечает андроновские черты в карасукском погребальном обряде, керамике, бронзовых кельтах и некоторых предметах украшения не только в Минусинской котловине, но в Центральном Казахстане и на Оби (Грязнов, 1956. С. 37–38). М. Н. Комарова на конкретном материале могильников близ улуса Орак, где расположены андроновские и карасукские памятники, подчеркивает их почти неразличимое внешнее сходство, а также наличие ряда типов андроновских вещей и композиционных приемов в орнаменте сосудов, продолжавших бытовать в карасукское время. В то же время она указывает на отсутствие андроновских могил, в которых находились бы характерные карасукские вещи, т. е. на одностороннее влияние андроновской культуры на карасукскую (Комарова, 1975. С. 92–93). Г. А. Максименков на основании сопоставления форм и орнаментации керамики обеих культур, конструкций погребальных сооружений и деталей обряда приходит к выводу,

что в карасукской, несомненно, есть черты, характерные для андроновской. Некоторые из них сохранились в неизменном виде, другие видоизменились, но их андроновское происхождение просматривается достаточно хорошо. Отсюда он делает заключение, что карасукская культура генетически связана с андроновской, вошедшей в первую составную часть. Это подтверждают и антропологические материалы (Максименков, 1978. С. 110–119). Наличие в карасукской серии черепов, по отдельным признакам или комбинациям признаков сближающихся с андроновскими, отмечено Г. Ф. Дебецом и В. А. Алексеевым (Алексеев, 1961б. С. 161; 1963. С. 159). По своей антропологической характеристике андроновцы являются промежуточным звеном между окуневско-карасукской группой населения и афанасьевскими сериями (Рыкушина, 1976. С. 194).

Сходство карасукской и андроновской культур рассматривается сторонниками их сосуществования как результат культурного влияния и заимствования. Однако обращает внимание факт одностороннего влияния андроновской культуры на карасукскую. Против сосуществования выступают и отдельные наблюдения в расположении могил. Так, в могильнике близ улуса Орак к андроновской ограде были много позже построены три детские карасукские оградки; одна андроновская могила оказалась разрушенной при строительстве карасукской, причем для сооружения последней использованы плиты первой (Комарова, 1961. С. 54).

В существующих разногласиях по вопросу местной основы карасукской культуры показательно, что часто сторонники разных точек зрения опираются на один и тот же материал, но приходят к противоположным выводам. Это объясняется, в свою очередь, разногласиями, касающимися абсолютной и относительной датировок этапов карасукской культуры.

Памятники карасукской культуры датируются по бронзовым предметам, находящим аналогии прежде всего в Китае. Основными датированными предметами являются бронзовые ножи, почти не отличимые от сибирских, встречающиеся в наиболее ранних погребениях иньского времени. От датировки последних зависит приблизительное начало сложения карасукской культуры. Дата китайских погребений определяется в настоящее время XIII в. до н. э. (Грязнов и др., 1968. С. 184; Членова, 1972. С. 9). Конец карасукской культуры относится приблизительно к VIII в. до н. э., так как

тагарская культура, сменившая на Енисее карасукскую, начинается с VII в. до н. э. Это наиболее принятые, уже традиционные хронологические рамки абсолютной датировки культуры, поскольку радиоуглеродных дат не имеется, за исключением единичных, позднего этапа культуры, относящихся к X–VIII вв. до н. э. (Членова, 1972. С. 39). Абсолютная датировка культуры по ножам, предложенная Н. Л. Членовой с привлечением широких аналогов с отдаленных от Енисея территорий, в целом совпадает с традиционной датировкой культуры в пределах XIII–VIII вв. до н. э. Лишь для немногих спорных памятников она предлагает более позднюю дату (Там же. С. 39–63).

Наиболее дискуссионным вопросом является относительная хронология культуры, не нашедшая отражения в работах С. А. Теплоухова и С. В. Киселёва, ибо в то время памятников было раскопано мало. Ныне среди них выделены две группы, которые одни исследователи считают этапами, другие — разными синхронными культурами. Первым увидел отличия среди карасукских памятников, как говорилось, Г. Мерхарт, позже М. П. Грязнов, М. Д. Хлобыстина, Н. Л. Членова, Э. А. Новгородова. Одна из групп называется собственно карасукская, другая имеет разную терминологию: по М. П. Грязнову — каменноложская, по М. Д. Хлобыстиной — бейская, по Н. Л. Членовой — лугавская, по А. Г. Козинцеву — атипичная. Большинство исследователей разделяет культуру на два хронологических этапа: ранний — карасукский (XIII–X вв. до н. э.) и поздний — каменноложский (X–VIII вв. до н. э.) (М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Г. А. Максименков, Б. Н. Пяткин, Л. П. Зяблин). Они исходят из представления, что карасукские памятники позже андроновских и раньше тагарских, поэтому те из карасукских, в которых ощущается влияние андроновской культуры, были ранними, а в которых есть черты уже тагарской культуры — более поздние (каменноложские). Они отмечают, что основные черты культуры (надмогильные и могильные сооружения, детали обряда, форма керамики, вещи и украшения) в обеих группах одни и те же или очень близки, но все, что возникает и становится характерным для карасукских памятников, продолжает бытовать в неизменном виде в каменноложских. Черт же, характерных для последнего этапа, нет в собственно карасукских памятниках, т. е. налицо одностороннее влияние со стороны одного (более раннего) из этапов (Максименков, 1975б. С. 53).

Н. Л. Членова, Э. А. Новгородова и М. Д. Хлобыстина выделенные ими отличительные от карасукских группы памятников считают самостоятельными культурами, синхронными с карасукскими (Э. А. Новгородова) или даже более ранними (М. Д. Хлобыстина, Н. Л. Членова). Обосновывают они это следующим образом. Во-первых, исходя из двукратного предположения, что древнейшие ложносоставные ножи появляются еще в XIV–XIII вв. до н. э. и происходят от составных глазковских и окуневских (Членова, 1972. С. 17, 41). Однако коленчатые ножи известны в Китае с X в. до н. э., а выводить их из окуневских необоснованно, так как в этой культуре помимо единичных составных коленчатых неоднократно найдены прямые составные. Причем техника изготовления окуневских и карасукских ножей разная (Максименков, 1975б. С. 53).

Во-вторых, в памятниках лугавского типа отмечается смешанность чисто карасукских и лугавских черт, а наличие карасукских вещей и черт обряда в лугавской культуре объясняется односторонним влиянием на нее со стороны карасукской (Членова, 1972. С. 119). Но их синхронность при одностороннем влиянии трудно допустить, поскольку в ряде случаев могилы обеих «культур» располагаются не только поблизости друг от друга (р. Карасук), а даже на одних могильниках (оз. Тагарское, с. Кривинское, г. Лысуха).

В-третьих, отмечается, что физический тип лугавского населения отличен от карасукского (Членова, 1972. С. 53; 1976. С. 110). Думается, такой вывод преждевременен, ибо антропологический материал из памятников каменоложского (лугавского) этапа непропорционально мал сравнительно с карасукским, поскольку, напомним, карасукских погребений раскопано около 2000, а каменоложских лишь 180. Антропологами не отмечается резкой разницы в типе погребенных. По своим антропологическим признакам погребенные в каменоложских (бейских, лугавских, атипичных) могилах занимают промежуточное положение между собственно карасукцами и тагарцами, причем ближе к последним, а погребенные в каменоложских могилах, раскопанных Красноярской экспедицией, в целом характеризуются карасукскими чертами (Козинцев, 1977. С. 24, 28). Таким образом, антропологические материалы подтверждают, что каменоложские памятники составляют переходный этап от чистого карасука к тагарским.

В-четвертых, абсолютная датировка погребений обоих этапов устанавливается в ряде случаев на основании единичных находок тагарских вещей в карасукских могильниках, хотя известно, что эти могилы не позволяют делать каких-либо выводов хронологического или генетического порядка. Они свидетельствуют об ограблении тагарцами карасукских могил, использовании ими вещей, вытщенных при ограблении, а также самих погребальных ящиков для своих покойников (Максименков, 1975в. С. 159–167).

Таким образом, аргументация сторонников культур, а не хронологических карасукских этапов, вызывает серьезные возражения, а между тем из разных представлений по этому вопросу вытекают и другие: о роли андроновской культуры в карасукской, различные концепции исторического развития древних племен Минусинских степей. В частности, сторонники местного развития карасукской культуры подчеркивают, что все общие андроновские и карасукские элементы наблюдаются в классических карасукских памятниках, а не в поздних. Сторонники же отсутствия преемственности сопоставляют их не с классическими карасукскими, а каменоложскими. При таком сопоставлении между андроновской и карасукской культурами связи не наблюдается. Отсюда — личная позиция автора, какой линии исторического развития древних племен он придерживается. С. А. Теплоухов и С. В. Киселёв проводили единую линию развития культур на Енисее от афанасьевской до тагарской. Сейчас господствует мнение о более сложном этническом и историческом процессе: афанасьевская, окуневская и андроновская культуры последовательно сменяют друг друга, причем отчетливых преемственных связей между ними в археологическом материале не наблюдается; позже, начиная с андроновской культуры и до тагарской включительно, между культурами прослеживается генетическая связь, не исключая при этом притока нового населения (Максименков, 1975б. С. 58).

Н. Л. Членова и Э. А. Новгородова иначе, но близко друг к другу, представляют себе историческое развитие племен Енисея. По Н. Л. Членовой, потомки афанасьевской и андроновской культур сосуществовали до вторжения карасукских племен, которые, смешавшись с афанасьевскими, образовали новую культуру, лугавскую, а смешавшись с андроновскими, были ими ассимилированы. Позже последних ассимилировали лугавцы, культура которых стала одним из компонентов тагарской (Членова, 1964. С. 276).

По Э. А. Новгородовой, в Минусинских степях одновременно и бок о бок жили две этнически разные группы племен. Происхождение первых связано с притоком нового населения из Центральной Азии, вторые же являлись потомками афанасьевцев-окуневцев. Постепенно их тесное общение привело к ассимиляции (*Новгородова*, 1970).

Эти оригинальные построения исторических судеб енисейских племен объясняются, с одной стороны, отсутствием твердых абсолютных датировок культур энеолита и бронзы, а с другой — попыткой выяснить, куда девались афанасьевцы, когда в степи пришли окуневцы, а затем и окуневцы, которых сменили андроновцы. Всё же в обосновании этих концепций слишком много спорного и неверного с позиций последних научных исследований и уточнившихся характеристик культур. Главным аргументом Н. Л. Членовой для обоснования отсутствия генетической связи между андроновским и карасукским населением служит резкое отличие их физических типов (*Членова*, 1964. С. 271), что, как выше говорилось, не подтвердилось. В то же время для обоснования связей между лугавцами и афанасьевцами она приводит отдельное сходство с черепами из могильников близ с. Аскиз, Бельтыры и Тас-Хазая, которые теперь определены как окуневские, а не афанасьевские (*Членова*, 1963. С. 54). К тому же антропологического сходства лугавцев с афанасьевцами и окуневцами не наблюдается (*Козинцев*, 1977. С. 67). Э. А. Новгородова, говоря о потомках афанасьевцев-окуневцев, игнорирует отсутствие генетической связи между их культурами, а также наличие памиро-ферганской группы населения в карасукскую эпоху, по-прежнему основываясь на опровергнутых находках черепов людей с чертами дальневосточной монголоидной расы (*Новгородова*, 1970. С. 174–176). По сопоставлениям археологического материала, проводимым этими авторами, можно также привести много неправильных примеров в связи с тем, что в ряде случаев сопоставляются окуневские вещи и детали обряда, выдаваемые за афанасьевские. Для обеих концепций остается абсолютно непонятным одностороннее влияние той либо иной группы населения на другую при сосуществовании на небольшой территории, иногда в одной долине реки, бок о бок.

Обращает внимание, что сторонники последовательности смены культур Енисея, как и их противники, сторонники длительного сосуществования

культур, для обоснования своих положений оперируют одними и теми же критериями; сравнивают околмогильные и могильные сооружения, керамику, реже вещи, но сравниваемые элементы описывают по-разному. Примеры подобных недоразумений и неточностей подробно разобраны в работе Г. А. Максименкова «Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины» (*Максименков*, 1975б). Подобное положение, с нашей точки зрения, объясняется не только определенной предвзятостью авторов, отстаивающих свою позицию, но и отсутствием публикаций основной массы раскопанных памятников, в результате чего объем конкретной информации по той или иной культуре у разных исследователей различен, а старые публикации нередко содержат ошибки в силу несовершенных методов раскопок тех лет и отсутствия стратиграфических разграничений могил разных эпох, но расположенных в одном могильнике, даже кургане. Уже говорилось, что в своей монографии С. В. Киселёв использовал около 250 карасукских и каменноложских могил. Однако в вышедшей спустя 20 лет монографии Э. А. Новгородовой для выделения особенностей обряда использовано 270 погребений, практически столько же, что и у С. В. Киселёва (*Новгородова*, 1970. С. 170). Между тем к 1975 г. раскопано около 2000 только чисто карасукских могил, среди которых 560 — близ оз. Сухого, 286 — у с. М. Копёны и 138 — на могильнике Кюргенер I. Эти и большинство других пунктов раскопаны сотрудниками Красноярской экспедиции, последовательными сторонниками преемственности сибирских культур, начиная от андроновской (М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Г. А. Максименков, Л. П. Зяблин). Безусловной помехой в изучении взаимоотношения племен энеолита и бронзы Южной Сибири является отставание исследований антропологических материалов от археологических. Между тем эта территория в древности имела очень сложный состав населения, причем не только носители разных культур существенно отличались по своему антропологическому типу, но и внутри каждой культурной группировки не было единства. Этническая сложность древнего населения может быть объяснена как миграциями, так и тем, что в Минусинских степях и на сопредельных территориях, по-видимому, существовало два этнокультурных пласта. Первый был представлен носителями окуневской и карасукской культур, второй — афанасьевской и андроновской (*Рыкушина*, 1976. С. 190, 196).

- Адрианов*, 1902–1924 — *Адрианов А. В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск: Гос. музей им. Н. М. Мартыанова, 1902–1924. 76 с.
- Адрианов*, 1903 — *Адрианов А. В.* Предварительный отчет о раскопках могильника и курганов в горной группе Оглахты в 1903 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 33. Л. 22–23.
- Алексеев*, 1961а — *Алексеев В. П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1961 (Труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март 1960). С. 377–385.
- Алексеев*, 1961б — *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 3. С. 107–206.
- Алексеев*, 1963 — *Алексеев В. П.* Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края / Отв. ред. А. Н. Липский. Красноярск: Книжное изд-во, 1963. С. 135–164.
- Вадецкая*, 1967 — *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 78 с.
- Вадецкая*, 1973 — *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 91–159.
- Волков*, 1967 — *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: АН Монгольской народной республики, 1967. 148 с.
- Грязнов*, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби. М.; Л.: Наука, 1956 (МИА; № 48). 228 с.
- Грязнов, Шнейдер*, 1929 — *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.
- Грязнов и др.*, 1968 — *Грязнов М. П., Максименков Г. А., Пяткин Б. Н.* Карасукская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 180–196.
- Дебец*, 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 (ТИЭ; Т. IV). 391 с.
- Зяблин*, 1977 — *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копены 3. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Иванова*, 1970 — *Иванова Л. А.* Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970. 15 с.
- Киселёв*, 1951 — *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Клеменц*, 1886 — *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Томск: Издание Иннокентия Кузнецова, 1886. 185 с.
- Козинцев*, 1977 — *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Комарова*, 1947 — *Комарова М. Н.* Погребения Окунева Улуса // СА. 1947. № 9. С. 47–60.
- Комарова*, 1961 — *Комарова М. Н.* Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1961. Вып. 3: Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. С. 32–73.
- Комарова*, 1975 — *Комарова М. Н.* Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 85–94.
- Кузнецов-Красноярский*, 1907 — *Кузнецов-Красноярский И. П.* Отчет о раскопках, проведенных в Минусинской и Енисейской губерниях в 1884 г. Томск: Паровая типолитография П. А. Макушина, 1907. 9 с.
- Кушев, Леонов*, 1964 — *Кушев С. Л., Леонов Б. Н.* Рельеф и геологическое строение // Средняя Сибирь / Отв. ред. Л. Г. Каманин, Б. Н. Лиханов. М.: Наука, 1964. С. 23–82.
- Кызласов*, 1971 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевская эпоха в истории Хакасии: [историко-археологическая характеристика] // Вестник МГУ. 1971. Серия 9, История. № 2. С. 66–75.
- Максименков*, 1975а — *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
- Максименков*, 1975б — *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 48–58.
- Максименков*, 1975в — *Максименков Г. А.* О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 159–167.
- Максименков*, 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.

- Новгородова, 1970 — Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.
- Окладников, 1941 — Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 5–14.
- Рыкушина, 1976 — Рыкушина Г. В. К антропологии эпохи энеолита — бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира / Отв. ред. Г. В. Рыкушина. М.: АН СССР, 1976. С. 187–201.
- Теплоухов, 1927 — Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 57–112.
- Тугаринов, 1926 — Тугаринов А. Я. Андроновские могилы // Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. Сибирская живая старина / Под ред. М. К. Азадовского, С. Г. Виноградова. Иркутск, 1926. Вып. I (V). С. 153–158.
- Членова, 1963 — Членова Н. Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. 1963. № 3. С. 48–66.
- Членова, 1964 — Членова Н. Л. Карасукская культура в Южной Сибири // Материалы по древней истории Сибири (Макет I тома «Истории Сибири») / Отв. ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ, 1964. С. 263–279.
- Членова, 1972 — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Членова, 1976 — Членова Н. Л. К разработке определения родства археологических культур // Языки и топонимия / Отв. ред. Р. Ф. Деннинг, Ю. А. Морев. Томск: Томский пед. ин-т, 1976. С. 104–112.
- Членова, 1977 — Членова Н. Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 96–112.
- Энциклопедический словарь..., 1898 — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. Т. XXV. 492 с.
- Gryaznov, 1969 — Gryaznov M. P. Southern Siberia (Archaeologia Mundi). Geneva: Nagel Publishers, 1969. 252 p.
- Merhart, 1923 — Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // Finska Fornminnesför. 1923. Vol. 34, no. 1. P. 2–46.

The history of the study of the sites of the Eneolithic and Bronze Age of the Minusinsk hollow (main problems)

E. B. Vadetskaya (†)

Keywords: Southern Siberia, Minusinsk Hollow, Eneolithic, Bronze Age, Afanasiev culture, Okunev culture, Andronovo culture, Karasuk culture.

In modern periodization, the Eneolithic and Bronze Age of the Minusinsk hollow (Minusinsk steppes or steppes of the Middle Yenisei) is represented by cultures: Afanasiev, Okunev, Andronovo and Karasuk. The history of the study of archaeological sites of the Eneolithic and Bronze Age of the Minusinsk Basin has always been associated with a number of broad acute problems, primarily related to issues of cultural genesis. Among such debatable issues are questions of the origin of cultures, relationships and contexts of their formation, questions of absolute and relative chronology, as well as the zoning of monuments and the anthropological type of representatives of different cultures. The article reflects the results of scientific discussions, as well as the author's opinion on a number of issues for the period of the 80s 20th century. The conclusions are made on the basis of the analysis of all the studied archaeological sites by 1975. Having a retrospective character, meanwhile, the article still does not lose its relevance and severity of the issues raised.

Археология как образ жизни (воспоминания об Эльге Борисовне Вадецкой)

С. В. Горюнков¹

Аннотация. Автор делится своими воспоминаниями о времени (1977–1982), проведенном им в археологических экспедициях в Южной Сибири под руководством Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой в качестве художника Сибирской археологической экспедиции. Вспоминает эпизоды, связанные с изучением окуневских стел и таштыкских погребальных масок, а также разговоры о теоретических проблемах исторической науки и о дружбе с Э. Б. Вадецкой.

Ключевые слова: курганы тагарской культуры, окуневские стелы, таштыкские погребальные маски, Э. Б. Вадецкая.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-66-70

Летом 1977 г. я в качестве художника оказался в составе Сибирской археологической экспедиции, которую возглавляли Глеб Алексеевич Максименков и его жена Эльга Борисовна Вадецкая. Экспедиция подарила массу ярких впечатлений. В Хакасии мы раскапывали курганы тагарской культуры с их богатым погребальным инвентарем. В музеях Абакана и Минусинска я впервые увидел знаменитые каменные стелы окуневской культуры. Знаменитыми я называю их потому, что широко известными в то время они стали благодаря популярной книге Эльги Борисовны «Древние идолы Енисея» (Вадецкая, 1967). С некоторых из этих стел мне пришлось даже снять кальки, чтобы в дальнейшем воспроизвести их в более четкой графике. А много лет спустя еще одной данью этим стелам явилась моя статья «Окуневский изобразительный канон как зеркало историко-семантических проблем» (Горюнков, 2017).

Археологический образ жизни настолько мне понравился, что захотелось его продолжить. По окончании первого археологического сезона я был принят на постоянную работу в Институт истории материальной культуры, формально — старшим лаборантом, а практически — художником

Сибирской археологической экспедиции. В общей сложности я провел в экспедициях пять лет.

С Глебом Алексеевичем я общался в основном по рабочим вопросам. А вот с Эльгой Борисовной у меня сложились дружеские отношения, которые продолжились и после моего ухода из археологии в 1982 г. Впервые мы сблизились с ней на почве изучения погребальных масок таштыкской культуры. Мною было зарисовано несколько десятков масок и их обломков в музеях Минусинска, Абакана и Новосибирска, а также в ленинградском Эрмитаже. Причем это были не просто зарисовки масок, но и подробное описание технологических аспектов их изготовления и прочей визуальной специфики. Все свои наблюдения я заносил на ту же миллиметровку, на которой зарисовывал маски (в масштабе один к одному). Они оченьгодились Эльге Борисовне в работе над ее последней книгой «Древние маски Енисея» (Вадецкая, 2009), что она и подтвердила своей надписью на подаренном мне экземпляре: «Дорогому другу, без которого бы не было ни этой книги, ни многих из моих научных успехов» (очень лестная для меня оценка).

«Древние маски Енисея» — необычное издание, сочетающее в себе популярный очерк по истории археологии Южной Сибири с конкретным исследованием одного из самых интересных материалов отечественной археологии. Здесь

¹ Член Международной академии социальных технологий, научный руководитель НИЦ МП SCIENTIFIC CONSORCIUM; e-mail: Gorunkov@yandex.ru.

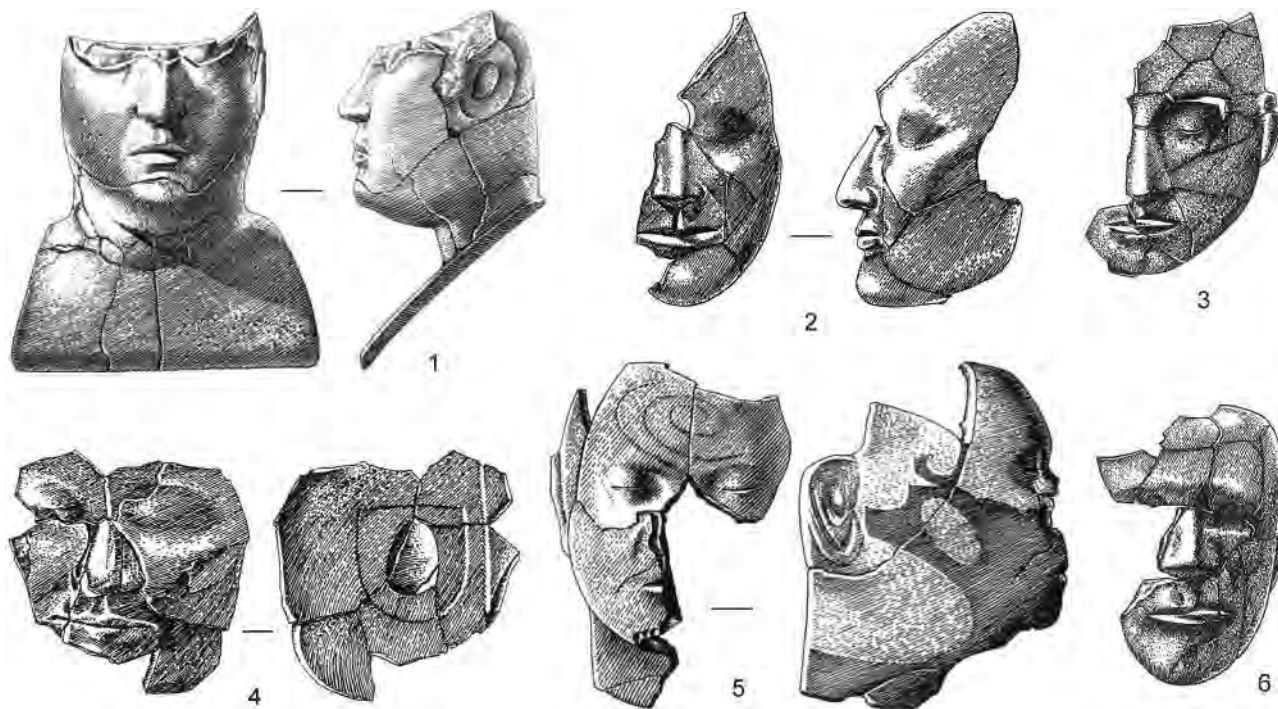

Рис. 1. Погребальные маски таштыкской культуры: 1 — Уйбат I, склеп 6 (Вадецкая, 1999. С. 96); 2, 3, 4, 6 — Усть-Тесь, курган 1 (Вадецкая, 2009. С. 131); 5 — Сырский чаа тас, курган 1 (Там же. С. 138)

Fig. 1. Funerary masks of the Tashtyk culture: 1 — Uybat I, tomb 6; 2, 3, 4, 6 — Ust-Tes, barrow 1; 5 — Syr chaa tas, barrow 1

погребальные маски древних енисейцев впервые собраны вместе и описаны как целостное явление, насыщенное тайнами древней истории. Книга содержит огромный иллюстративный материал из личного архива автора, многое до нее никогда не публиковалось (рис. 1). В этой книге, на мой взгляд, исследовательские знания и опыт Эльги Борисовны Вадецкой получили свое наиболее полное воплощение.

Неподготовленному сознанию не всегда бывает понятно, зачем нужно изучать какие-то там погребальные маски — плоды, казалось бы, пред-рассудков и фантазий наших далеких предков. Но так уж непредсказуемо устроена логика развития науки, что материал, считающийся до поры до времени малозначимым, оказывается вдруг в центре научного внимания. В полной мере это относится и к изучению семантики погребальных масок. Культурные предметы этого рода известны в традициях очень многих народов планеты, но нигде, наверное, они не представлены с такой полнотой информационного разнообразия и художественного богатства, как в археологических памятниках Южной Сибири. Соответственно нигде они не вызывают и такого огромного

количества вопросов: зачем нужно было усложнять погребальный обряд целой индустрией «портретирования» покойников; в какой мере можно доверять сходству «портретов» с портретируемыми; что означают замысловатые орнаменты, украшающие лицевую поверхность масок...

Прежде чем найти ответ на эти и многие другие вопросы, нужно провести огромную подготовительную работу по исчерпывающей инвентаризации масок и по введению их в широкий научный оборот. А данная заслуга как раз и принадлежит Эльге Борисовне Вадецкой.

В моих глазах Эльга Борисовна была довольно-таки романтичным человеком, не видевшим и не понимавшим смысла своей жизни вне науки. В этом плане она, можно сказать, воплощала собой классический (я бы сказал — жюльверновский) тип ученого. Ей в высшей степени были присущи такие профессиональные качества, как добросовестное, доходящее до скрупулезной дотошности, отношение к деталям изучаемых артефактов, способность пересматривать свои прежние выводы под влиянием новых данных, стремление к расширению кругозора. И в не меньшей степени ей были свойственны уважение к своим

учителям, внимательное отношение к ученикам, верность друзьям (кстати, все это очень помогало Эльге Борисовне переносить невзгоды того периода ее личной жизни, которые были связаны со смертью старшего сына Бориса и с проблемами в супружеских отношениях).

Зная о моем интересе к истории духовной культуры, она подарила мне вышедший в 1980 г. двухтомник «Мифы народов мира» — капитальное справочное издание, вобравшее в себя статьи крупнейших отечественных специалистов того времени. И с тех пор каждый раз, открывая эту книгу, я с благодарностью вспоминаю, что держу в руках ее подарок. Но, конечно же, главными подарками и для меня, и для археологической науки были творения самой Эльги Борисовны: уже упомянутые мною «Древние идолы Енисея» (Вадецкая, 1967), «Сказы о древних курганах» (Вадецкая, 1981), «Археологические памятники в степях среднего Енисея» (Вадецкая, 1986), «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири» (Вадецкая, 1999), «Древние маски Енисея» (Вадецкая, 2009), «Памятники окуневской культуры» в соавторстве с мужем Г. А. Максименковым и ее давним минусинским другом Н. В. Леонтьевым (Вадецкая и др., 1980). В этих своих книгах она как общепризнанный авторитетный специалист мирового масштаба помогала «войти в тему» и обрести соответствующий кругозор касательно любых вопросов по археологии древней Сибири.

Возникали и разногласия между мной и Эльгой Борисовной по общетеоретическим вопросам исторической науки. Дело в том, что лично меня в истории культуры больше всего интересовали ее духовные аспекты, а в археологической среде я с самого начала почувствовал дефицит внимания к ним. Что неудивительно: в советской исторической науке эти аспекты рассматривались как «надстроечные», второстепенные по своей значимости. Сегодня намечается возврат к пониманию их исключительно важной роли в историческом процессе. «Понять, какими идеями жило известное время — первая обязанность историка, без этого все века смешаются» (Бестужев-Рюмин, 1885; см. также: История идей как методология..., 2001). Но такой возврат невозможен без признания факта методологического кризиса в современном понимании предпосылочных основ исторической науки. Поэтому коснусь и этой, крайне важной, темы.

Кризис восходит к состоявшейся в первой половине XX в. радикальной перемене угла зрения на древнейшие — мифологические — формы духовной культуры. Оказалось, что мифы — не «плоды незрелой мысли» и не результат «отрыва фантазии от жизни», но универсальное мировоззрение, давшее начало абсолютно всем позднейшим проявлениям духовной жизни: фольклору, религии, искусству, литературе, философии и науке (Токарев, Мелетинский, 1980). В частности, выяснилось, что связь исторической науки и мифов «несомненна уже для космогонических текстов» (Топоров, 1980). С одной стороны, историческая наука — это конечный итог «размыкания последнего этапа в текстах об акте творения» (Топоров, 1982. С. 35). С другой стороны, современный «историзм» представляет собой не более чем поверхностно-онаученную языковую презумпцию «происхождения», унаследованную из ранних вненаучных источников позднейшей философией и наукой. Это отметил уже Э. Кассирер в своем труде «Философия символических форм»: «Вместо того, чтобы подразумевать под „происхождением“ мифологическую потенцию, мы начинаем видеть в нем научный принцип и именно как таковой учимся его понимать» (Кассирер, 2002. С. 32.). В. И. Вернадский (не только выдающийся геобиохимик, но и незаурядный историк и методолог науки) доходчиво объяснил, что мифологическая презумпция «происхождения» — в его терминологии идея «Начала Мира» — принята в европейско-американской науке, не без влияния И. Канта, форму представления о «естественном процессе» лишь к концу XVIII — началу XIX в. (Вернадский, 1987. С. 314).

В свою очередь взгляд на «историзм» как на поверхностно-онаученную (с помощью вульгарно-механистической схемы развития «от простого к сложному, от низшего к высшему») мифологию сделал очевидной логическую невозможность объяснить происхождение мифов тем же самым, что от них произошло: ведь «научное доказательство не вправе иметь предпосылкой то, обосновать что — его задача» (Хайдеггер, 2006. С. 150–153). В методологии такой способ объяснения считается «движением по кругу». «Круг же по элементарнейшим правилам логики есть *circulus vitiosus* (порочный круг. — С. Г.). Тем самым занятие историографического толкования оказывается *a priori* изгнано из сферы строгого познания» (Там же).

Проблема «круга», скрывающаяся за внешней научной рекспектабельностью так называемого «историзма», — это главная, хотя и не афишируемая, методологическая проблема исторической науки, предельно обнажающая «наивный объективизм» современного исторического образа мышления (Гадамер, 1988. С. 354–355). Трудность осознания этой проблемы как главной в том, что ее подлинный общенаучный масштаб доходит до «ушибленного прогрессизмом» массового научного сознания с огромным трудом. Об этом свидетельствуют два момента. Во-первых, «круг» воспринимается как следствие несовершенства доказательной процедуры: считается, что если данную процедуру усовершенствовать, то и «круг» исчезнет. Во-вторых, «круг» воспринимается в духе модного сегодня постмодернизма: как очередной, производный от «игры словами», симулякр (Горюнков, 2017а). То есть факт «круга» не отрицается, но и не обсуждается, причем даже в профессиональной среде. Поэтому о кризисе историзма сегодня если и говорится, то весьма уклончиво, как, например, в предисловии к справочнику «Теория и методология исторической науки» (отв. ред. академик А. О. Чубарьян): «Процессы снижения статуса исторической науки, девальвация ремесла и соответственно профессионального языка историка, общие для мирового научного сообщества, для отечественной историографии оказались отягощены самими условиями ее бытования в последние три десятилетия» (Теория и методология..., 2014. С. 6).

Вплотную изучением кризиса историзма и поиском путей его преодоления я занялся уже в постархеологический период своей жизни, что нашло отражение в огромном количестве моих статей, опубликованных в различных научных изданиях (многие из этих статей вошли в книгу: Горюнков, 2020). Что касается Эльги Борисовны, то она, будучи по роду своей научной деятельности достаточно далекой от вопросов общенаучной методологии, не слишком-то стремилась вникать в их суть. А я относился к ее позиции с пониманием, потому что видел: эта позиция обусловлена не ходом ее собственной мысли, а общей для исторической среды того времени ментальной атмосферой, чуждой традиции самостоятельного осмысления исходных предпосылок научного образа мышления.

Поясню: в советское время за предпосылочную (самую главную, но, к сожалению, редко

осознаваемую таковой. — С. Г.) сторону научных исследований отвечала, как известно, марксистско-ленинская философия, несоответствие которой реальным данным по истории духовной культуры и оборачивается сегодня тем, что выше названо «кризисом историзма». Но настоящее понимание серьезности ситуации далеко еще не овладело массовым сознанием тех узкопрофессиональных специалистов, которые продолжают жить в инерции бездумного доверия к спущенным когда-то сверху теоретико-методологическим установкам. Поэтому и остаются практически незамеченными констатации типа: «Наивность так называемого историзма состоит в том, что он, полагаясь на методологизм своего подхода, забывает о собственной историчности... Подлинно историческое мышление должно мыслить также и свою собственную историчность. Лишь в этом случае оно перестанет гоняться за призраком исторического объекта...» (Гадамер, 1988. С. 581–583). «Серьезные сомнения европейских интеллектуалов в правомерности концепции неограниченного социального прогресса (сердцевинны и „души“ исторического материализма) также содействовали закату этой некогда модной идеологической доктрины социально-философского толка» (Новейший..., 2002. С. 450).

Хочу все же отдать должное Эльге Борисовне: никакие теоретические разногласия между нами никоим образом не осложняли наших личных отношений. Наоборот, мы часто встречались в ее доме, чтобы отметить то или иное событие текущей жизни, будь то день ее рождения (1 января) или просто обоюдное желание встретиться и поговорить. К этим встречам располагала сама дружелюбная атмосфера дома, задававшаяся и ею самой, и ее младшим сыном Алексеем. И не менее часто летом мы собирались у нее на даче, в загородном «родовом имении» Г. А. Максименкова.

На этой даче я был у нее в гостях за несколько дней до ее неожиданной смерти. Все было как всегда, и ничто не предвещало трагического конца.

В моей памяти Эльга Борисовна Вадецкая запечатлелась как очень яркий ученый и теплый в личных отношениях человек. А время, проведенное мною в археологических экспедициях, вспоминается как восхитительный образ жизни на природе и одновременно в истории культуры.

- Бестужев-Рюмин*, 1885 — *Бестужев-Рюмин К. Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. С.-Петербург. 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. ССХХХVII. С. 95–140.
- Вадецкая*, 1967 — *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Les idoles anciennes de l'Enisseï. Л.: Наука, 1967. 80 с.
- Вадецкая*, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981. 113 с.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999 (Archaeologica Petropolitana; Т. VII). 440 с.
- Вадецкая*, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. СПб.; Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
- Вадецкая и др.*, 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Вернадский*, 1987 — *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы земли и её окружения. М.: Наука, 1987. 339 с.
- Гадамер*, 1988 — *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Горюнков*, 2017 — *Горюнков С. В.* Окуневский образительный канон как зеркало историко-семантических проблем // Homo Eurasicus в системах этнокультурных связей: коллективная монография по материалам VII междунар. всерос. конф. / Отв. ред. Е. А. Окладникова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 268–291.
- Горюнков*, 2017а — *Горюнков С. В.* О научной мифологии и о «круге в доказательстве» // SCIENTIFIC CONSORCIUM, НИЦ «МП» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sci.ast.social/resheniya.html>.
- Горюнков*, 2020 — *Горюнков С. В.* На пороге новой мировоззренческой парадигмы. СПб.: Алетейя, 2020. 550 с.
- История идей как методология...*, 2001 — *История идей как методология гуманитарных исследований. Философский век. Альманах. Вып. 17–18 (1): Материалы междунар. конф. 27–30 сентября 2001 г. СПб., 2001. 370 с.*
- Кассирер*, 2002 — *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. I. 272 с.
- Новейший...*, 2002 — *Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. Минск, 2002. 1087 с.*
- Теория и методология...*, 2014 — *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.*
- Токарев, Мелетинский*, 1980 — *Токарев С. А., Мелетинский Е. М.* Мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. I. С. 11–20.
- Топоров*, 1980 — *Топоров В. Н.* История и мифы // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. I. С. 572–574.
- Топоров*, 1982 — *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
- Хайдеггер*, 2006 — *Хайдеггер М.* Бытие и время. 3-е издание, испр. СПб.: Наука, 2006. 451 с.

Archaeology as a mode of life (reminiscences about Elga Borisovna Vadetskaya)

S. V. Goryunkov²

Keywords: mounds of the Tagar culture, Okunev steles, Tashtyk burial masks, Elga B. Vadetskaya.

The author shares his memories of the time he spent in southern Siberia as an artist of the Siberian archaeological expedition under the leadership of G. A. Maksimenkov and Elga B. Vadetskaya (1977–1982). He recalls episodes related to the study of Okunev steles and Tashtyk burial masks, as well as conversations about theoretical problems of historical science. He recalls his friendship with Elga B. Vadetskaya.

² Sergey V. Goryunkov — Member of the International Academy of Social Technologies, Academic Supervisor SCIENTIFIC CONSORCIUM; e-mail: Gorunkov@yandex.ru.

Глеб Алексеевич Максименков — ленинградский исследователь Сибири¹

С. В. Красниенко²

Аннотация. Статья посвящена биографии и творческого пути Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986). Ученый внес существенный вклад в археологию Сибири, выделил окуневскую археологическую культуру, являлся многолетним участником и руководителем нескольких экспедиций, был учеником и соратником М. П. Грязнова — основателя ленинградской школы археологического исследования Сибири. Значительная часть информации получена из неопубликованных архивных материалов.

Ключевые слова: Г. А. Максименков, неолит Южной Сибири, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, карасукская культура, тагарская культура, новостроечные экспедиции.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-71-81

Глеб Алексеевич Максименков³ родился в Киве 26 июля 1930 г. в семье врачей. Его отец — Алексей Николаевич Максименков (1906–1968) — в то время еще студент Медицинского института, затем слушатель Военно-медицинской академии (далее — ВМА), впоследствии ее профессор, генерал-майор, один из основателей учения об индивидуальной изменчивости органов и систем человеческого тела, основатель и первый начальник Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР (1943–1952). Мать — Елена Сергеевна Малышева-Максименкова (1906–1983), также студентка Медицинского института, впоследствии ученица выдающегося педиатра

академика М. С. Маслова, профессор ВМА и глава кафедры, основанной ее учителем, — в личном дневнике любовно фиксировала все события первых дней и месяцев новорожденного.

В том же 1930 г., видимо, из необходимости жить рядом с ВМА, семья переезжает в Ленинград. Уже в Ленинграде родилась младшая сестра Глеба — Маргарита (1933–2004), впоследствии тоже врач и сотрудница ВМА. В 1938 г. Глеб поступает в школу № 203 (ул. Салтыкова-Щедрина, 8а)⁴. С началом войны Академия вместе с семьями сотрудников эвакуируется в Самарканд. Вернувшись в 1944 г. в Ленинград, Глеб вернулся и в свою школу. В том же году он вступил в ВЛКСМ.

В июне 1948 г. Глеб окончил школу и поступил на исторический факультет ЛГУ, что было естественно, если судить по оценкам в аттестате и тому, что он с юности хотел быть историком⁵. Но этот выбор огорчил отца, видевшего в сыне продолжателя медицинской династии.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: krasnienkos@mail.ru.

³ Создание этого текста было бы невозможным без деятельного участия А. Г. Максименкова. Автор искренне благодарен ему за предоставленные данные из семейного архива.

⁴ В 2009 г. это здание передано Президентскому физико-математическому лицезу № 239 (ранее школа под тем же номером, до 1917 г. — Училище Святой Анны (Анненшуле)). Улице ныне возвращено историческое название Кирочная.

⁵ По воспоминаниям семьи.

Время учебы на истфаке (1948–1953) было непростым. В связи с «Ленинградским делом» был отстранен от должности декана В. В. Мавродин⁶, а его преемник Н. А. Корнатовский арестован (1949 г.). Факультет последовательно возглавляли К. М. Колобова (1949–1951) и В. Г. Ревуненков (с 1951 г.). Точно неизвестно, почему и как Глеб пришел к археологии, но о его интересе к ней можно судить по участию в экспедициях. Уже после поступления Максименкова на истфак археологическое отделение было закрыто, но его студентам дали возможность доучиться (Тихонов, 2003. С. 194–195). Краткие сведения об учебе Глеба можно найти в характеристике за подписью Б. М. Кочакова, составленной в 1954 г.

Из этого документа известно, что, участвуя в Волго-Донской (1949), Кармир-Блурской (1950–1951), Памиро-Ферганской (1952) экспедициях, Г. А. Максименков «проявил инициативу и значительный интерес к полевым археологическим исследованиям, показав себя способным полевым работником». В первой из этих экспедиций (под руководством М. И. Артамонова) он участвовал в качестве студента-практиканта, лаборанта. За участием в Кармир-Блурской экспедиции (раскопки Кармир-Блура и Аринберда в Армении с выполнением самостоятельных заданий) последовали курсовая работа, посвященная статуэтке бога Тейшебы из Кармир-Блура, посещение лекций Б. Б. Пиотровского и работа в спецсеминарах по археологии Закавказья и культуре Урарту. Что касается Памиро-Ферганской экспедиции (руководитель А. Н. Бернштам), то участие в ней привело к формированию новых интересов, результатом чего стала дипломная работа «Этнические и культурные связи Средней Азии и Нижнего Поволжья на рубеже н. э. и в первые века н. э.», защищенная с оценкой «отлично» и рекомендацией к печати. Написанная годом позже рекомендация в аспирантуру гласила: «Дипломное сочинение Г. А. Максименкова с полной несомненностью показало не только наличие у автора серьезного интереса к своей специальности, но и наличие у него незаурядных способностей к исследовательской работе».

1 июля 1953 г. Максименкову был вручен диплом Университета с присвоением квалификации «историк». В выписке из зачетной ведомости — отличные оценки по предметам славяно-русская

и античная археология; спецкурсам «Урарту», «Археология Ассирии», «Археология Средней Азии» и производственной практике, а также госэкзамену. Общий средний бал за время учебы в ЛГУ составил 4,6.

В упомянутой выше характеристике 1954 г. отмечены и «способности к самостоятельной научной работе» с перспективой поступления в аспирантуру, и изучение «социально-экономических дисциплин», и общественная работа. На первом курсе Глеб был избран старостой академической группы. Однако в 1950 г. он получил выговор с занесением в личное дело «за недобросовестное отношение к комсомольским поручениям». В дальнейшем он работал агитатором в Строительно-монтажном управлении № 1, а также во время трех избирательных кампаний, читал лекции на предприятиях города и области от лектория ЛГУ, вел кружок по изучению биографии И. В. Сталина. С этой работой он справлялся хорошо, и в 1953 г. выговор был снят.

Видимо, рекомендация в аспирантуру в ходе защиты дипломной работы осталась данной в устном виде, поэтому уже в июле 1953 г. Глеб Алексеевич поступил на должность старшего лаборанта Тянь-Шаньского отряда Киргизской археологической экспедиции АН СССР, проработавшей в том году до октября. Начальник экспедиции профессор А. П. Окладников после ее окончания отмечал: «За время работы в экспедиции т. Максименков проявил себя дисциплинированным, глубоко интересующимся своей специальностью сотрудником. Имеет большой интерес к общетеоретическим проблемам и к музейному делу. Инициативен, исполнительен, к порученным обязанностям относился добросовестно» (16 октября 1953 г.).

Окончание полевого сезона вновь заставило вернуться к проблеме поиска работы. В одном из писем Л. П. Зяблин предлагал Максименкову переехать в Москву: «...сложилась редкая обстановка: не хватает археологов» (12 ноября 1953 г.). Но к этому времени уже было готово решение — поступление на работу в Артиллерийский исторический музей (с октября 1953 г.). Это был «запасной вариант». Вместе с Глебом Алексеевичем в Музей были трудоустроены и друзья-однокурсники А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин, все вместе — «лорды» или «три мушкетера». По некоторым сведениям, это трудоустройство стало возможным благодаря хлопотам отца Глеба Алексеевича — А. Н. Максименкова.

⁶ См.: Институт истории... [Электронный ресурс].

В апреле 1954 г. наконец были получены рекомендации в аспирантуру от заведующего кафедрой археологии ЛГУ М. И. Артамонова, а также от А. П. Окладникова и Б. Б. Пиотровского. Но по неизвестной причине — в аспирантуру Института археологии АН УССР по специальности «Славянская археология». Возможно, выбор славянской археологии был обусловлен работой Г. А. Максименкова в Артиллерийском музее и темой, близкой к его работе.

Тем не менее младший научный сотрудник Артиллерийского музея продолжил научную деятельность и в его стенах. В июне 1954 г. Г. А. Максименков назначен на должность заместителя начальника Вологодской археологической экспедиции Артиллерийского исторического музея Министерства обороны СССР и послан в Устюженский район Вологодской области для проведения археологических работ согласно Открытому листу № 81 от 12 июня 1954 г., выданному на имя начальника экспедиции полковника К. А. Равевского. Работа в Вологодской экспедиции нашла отражение в совместной статье Максименкова и И. Н. Хлопина об археологических разведках в Устюжье и в прилегающих районах (см. библ.). Во время работы экспедиции была получена еще одна рекомендация в аспирантуру за подписью начальника экспедиции, в которой, в частности, шла речь о том, что рекомендуемый в аспирантуру работает над темой научно-исследовательской работы «Артиллерийское и оружейное производство Древней Руси», разрабатывая введение к теме, посвященное истории развития вооружения племен Юго-Восточной Европы в период разложения родового строя.

13 января 1955 г. Артиллерийский музей просит разрешить научному сотруднику Г. А. Максименкову заниматься в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР над I и II Остермановскими темами Никоновской летописи по теме «История русской артиллерии XIV–XVI вв.».

Незадолго до этого, 1 ноября 1954 г., вопреки предложениям в рекомендациях, Г. А. Максименков поступил в заочную аспирантуру ИИМК АН СССР⁷.

Летом 1955 г. им была продолжена работа в Вологодской экспедиции в той же должности,

⁷ Письмо директора ИИМК АН СССР, чл.-кор. АН СССР А. Д. Удальцова от 25 октября 1954 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 425. Л. 5).

а уже с 15 июля⁸ Глеб — в качестве старшего лаборанта — сотрудник Красноярской экспедиции ЛО ИИМК АН СССР. Здесь он должен был оставаться до 1 октября 1955 г., но уже с 25 сентября научный сотрудник Артиллерийского музея Г. А. Максименков был откомандирован в Молдавию для участия в работах Прутско-Днестровской экспедиции и оставался там до 5 ноября. По результатам этой последней экспедиции ее начальником Г. Б. Федоровым в музей был отправлен отзыв о работе, в котором, в частности, говорится: «Тов. Максименков проявил себя за время работы в экспедиции с самой лучшей стороны, как высококвалифицированный, умелый, дисциплинированный прекрасный работник. С чувством ответственности и энтузиазмом относился он к выполнению любого из порученных ему заданий и заслужил авторитет и уважение у всего коллектива экспедиции. Благодарю Вас за прикомандирование к экспедиции тов. Максименкова, прошу отметить его отличную работу и, если это возможно, закрепить его на ближайшее пятилетие за экспедицией для участия в полевых работах. Тов. Максименкову будут созданы в экспедиции все условия для получения материалов по его плановой теме по Артиллерийскому Историческому музею». Однако жизнь распорядилась иначе.

В начале 1956 г. Глеб Алексеевич был уволен из Артиллерийского исторического музея по сокращению штатов, в марте начал работу на временных ставках в Библиотеке Академии наук и продолжал работать там до конца года. Но в течение этого года он уже определился с выбором темы диссертации — об этом можно судить по заявке на получение Открытого листа, поданной в отдел полевых исследований ИИМК (апрель 1956 г.), где говорится о намерении заявителя «получить новые материалы для диссертации по теме „Тагарская культура Красноярского края“, так как имеющиеся материалы получены в дореволюционное время и нуждаются в некоторой проверке».

Открытый лист на разведки и раскопку курганов в окрестностях Красноярска был получен, и летом 1956 г. Г. А. Максименков в качестве аспиранта-заочника ИИМК⁹ приступил к работе.

⁸ Приказ № 76 по ЛО ИИМК АН СССР от 19 августа 1955 г. (Там же. Л. 12).

⁹ Выписка из приказа № 63 по ЛО ИИМК АН СССР от 2 июля 1956 г. (Там же. Л. 18).

Но «...провести работы в запланированном масштабе не удастся (по причине отсутствия финансирования со стороны Красноярского музея. — С. К.), и Глеб Алексеевич сосредоточивается лишь на пешей разведке. Главной своей целью он ставил, во-первых, осмотр района с. Сухобузимское, о котором в археологическом отношении не имелось почти никаких сведений, и, во-вторых, проверку состояния памятников, о которых сообщал В. Г. Карцов» (НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1350) Выяснилось, что «у с. Ладейки... археологических памятников не фиксируется. Такая же ситуация наблюдается и у с. Торгашино» (Виноградов, 2019. С. 64)¹⁰.

При продолжении разведки «...в окрестностях с. Сухобузимского..., в долине р. Бол. Бузим... отмечена группа из четырех распаханных курганов. Восточнее, напротив п. Бузим, зафиксирован большой курган овальной формы... Между д. Воробино и с. Сухобузимским им зафиксирован крупный курган с ямой четырехугольной формы в центре (НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1350). У с. Миндерла по дороге в с. Сухобузимское исследователем задокументировано два крупных кургана... По дороге от с. Сухобузимского в с. Атаманово он выявляет три небольших кургана, а восточнее них один крупный. У с. Частоостровского им осмотрены два кургана, раскопанные А. В. Адриановым.

В окрестностях села обнаружены два одиночных кургана и группа из шести сильно распаханных расплывшихся курганов. Отмечается два кургана в окрестностях с. Стрешнево. Он осматривает также группу из семи курганов у с. Куварино, упоминаемых В. Г. Карцовым (*Там же*)» (Виноградов, 2019. С. 66).

Полевой сезон 1956 г. был продолжен осенью работой в составе Ангарской экспедиции¹¹.

Тем не менее проблема трудоустройства оставалась нерешенной. В декабре 1956 г. Глеб Алексеевич подает заявление об устройстве на работу в Ленинградское отделение Института истории

АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН) на должность младшего научного сотрудника по вспомогательным историческим дисциплинам. Но, видимо, получив отказ, устраивается преподавателем истории 8-х и 10-х классов в ленинградской школе № 100¹², где работает с января по май 1957 г. Весной (с 1 апреля) 1957 г. Глеб Алексеевич был зачислен в состав Ангарской экспедиции «для проведения организационной работы»¹³ и, очевидно, некоторое время совмещал эту деятельность с учительством, а после увольнения из школы практически весь остаток 1957 г. посвятил экспедиционной работе. Наконец, 16 декабря 1957 г. Максименков был принят в ЛО ИИМК АН СССР на должность старшего лаборанта¹⁴, при этом аттестован и оставлен в заочной аспирантуре¹⁵. В том же 1957 г. вышла в свет его первая публикация — «Из истории древнерусской артиллерии» (Максименков, 1957).

Полевой сезон 1958 г. Максименков начинал уже в должности заместителя начальника Красноярской экспедиции¹⁶. Летом этого же года он произвел раскопки в окрестностях Канска, уже по собственному Открытому листу, о чем подробно рассказано в «Отчете о раскопке в 1958 г. в окрестностях г. Канска (у оз. Долгое)», а также в статье, опубликованной в 1964 г.¹⁷

Доклад «Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов», прочитанный на заседании сектора археологии Средней Азии и Кавказа 23 марта 1959 г., получил одобрение коллег и был опубликован в виде статьи.

¹² Школа № 100 располагалась по адресу: пр. Энгельса, д. 42.

¹³ Выписка из приказа № 31 по ЛО ИИМК АН СССР от 8 апреля 1957 г. (*Там же*. Л. 36).

¹⁴ Выписка из приказа № 117 по ЛО ИИМК АН СССР от 14 декабря 1957 г. (*Там же*. Л. 26). По неизвестной причине далее последовало уточнение «Г. А. Максименкова считать с 01. 01. 1958. в должности ст. лаборанта с тем же окладом» (Выписка из приказа № 124 по ЛО ИИМК АН СССР от 31 декабря 1957 г. (*Там же*. Л. 37).

¹⁵ Выписка из приказа № 54 по ЛО ИИМК АН СССР от 16 мая 1958 г. (*Там же*. Л. 38).

¹⁶ Выписка из приказа № 78 по ЛО ИИМК АН СССР от 9 июля 1958 г. (*Там же*. Л. 39).

¹⁷ За каждый год все опубликованные статьи Г. А. Максименкова отражены в библиографическом списке (см. С. 106–108).

¹⁰ Д. А. Виноградов, столь подробно описавший работы Г. А. Максименкова 1956 г., допустил неточность: Институт истории материальной культуры и его Ленинградское отделение были переименованы в Институт археологии 4 сентября 1959 г.

¹¹ Выписка из приказа № 84 по ЛО ИИМК АН СССР от 1 сентября 1956 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 425. Л. 19).

1 апреля 1959 г. Глеб Алексеевич окончил аспирантуру, выполнив научную работу на тему «Древние племена красноярско-алтайского района лесостепей в I тыс. до н. э.». Результаты этой работы были доложены на заседании Ученого совета ЛО ИИМК АН СССР и получили положительную оценку. После окончания аспирантуры Глеб Алексеевич был переведен на должность младшего научного сотрудника¹⁸.

В мае 1959 г. Максименков опять был назначен заместителем начальника экспедиции, на этот раз Иркутской¹⁹. Однако для работ в течение полевого сезона 1959 г. им был запрошен Открытый лист и запланированы работы на стоянке Кирпичики в окрестностях Канска, многослойном памятнике, содержащем палеолитические и мезолитические слои. В августе у находившегося в это время в Красноярске Глеба Алексеевича появилась возможность получить деньги от Отдела культуры на раскопки. М. П. Грязнов в письме весьма рекомендовал воспользоваться этим финансированием: «Дело в том, что Ачинско-Мариинский район это Ваш район...» (из письма августа 1959 г.). О дальнейшей судьбе этих исследований ничего неизвестно, но, судя по отсутствию сведений о работах к западу от Красноярска, проект не состоялся. Тем не менее важно подчеркнуть факт признания Грязновым сложившихся научных интересов и способностей Максименкова.

В 1960 г. подготовка к полевому сезону проходила по нескольким сибирским направлениям, что отразилось в поиске названия экспедиции: Красноярско-Иркутская, Красноярская, Иркутская²⁰. Что касается самого Максименкова, то он вслед за В. Г. Карцовым продолжил раскопки стоянки в устье р. Собакина и окрестностях Красноярска, о чем доложил в «Отчете о раскопках стоянки в устье р. Собакиной и окрестностях г. Красноярска». Кроме того, в рамках основных работ Красноярской экспедиции им были проведены раскопки раннетагарского могильника

Гришкин Лог I (*Вадецкая*, 1986)²¹. Спустя шесть лет — в 1966 г. — в Новосибирске вышла статья о работах в окрестностях Красноярска на Усть-Собакинской стоянке, в которой рассматривалось ее значение для изучения древней истории района Красноярска. Но еще в марте того же 1960 г. Максименков участвовал в конференции в Иркутске, в итоге были опубликованы сначала тезисы, а годом позже, в Новосибирске, и статья, в которой рассматривались новые данные, полученные при исследовании памятников археологии в районе Красноярска (см. библиографию). Там же, в Иркутске, Иркутский музей выпустил небольшую монографию Г. А. Максименкова «Верхне-Метляевский клад» (*Максименков*, 1960) — «полную публикацию этого уникального памятника, его датировку и историческую интерпретацию» (*Марсадалов*, 2019. С. 112).

В 1959–1961 гг., продолжая полевые исследования и на протяжении нескольких лет активно участвуя в научно-организационной деятельности института в составе оргкомитетов ежегодных пленумов по итогам годовой работы, Глеб Алексеевич в первую очередь сосредоточился на работе над кандидатской диссертацией. К марту 1961 г. она была готова. Три рецензента — Б. А. Латынин (Государственный Эрмитаж), В. С. Сорокин (ЛО ИА), В. Д. Рыбалова (кафедра археологии ЛГУ) — оценили работу положительно. 10 марта состоялось заседание сектора Средней Азии и Кавказа под председательством М. П. Грязнова, на котором диссертация была заслушана и представлена к защите. Совет вынес постановление: «Считать работу Г. А. Максименкова „Культура древних племен Среднего Енисея в эпоху бронзы“ полностью удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и рекомендовать ее к защите». По теме диссертации было опубликовано восемь работ. Защита диссертации (научный руководитель — М. П. Грязнов, официальные оппоненты — д-р ист. наук М. М. Герасимов и канд. ист. наук Б. А. Латынин) состоялась 1 июня 1961 г. на заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ.

Летом 1961-го, уже после успешной защиты, Максименков провел археологическое обследование в бассейне рек Хантайка, Курейка и нижнего

¹⁸ Выписка из протокола заседания Ленинградской секции Ученого совета ИИМК АН СССР (Там же. Л. 32); выписка из приказа № 118 по ЛО ИА АН СССР от 24. 10. 1959 (Там же. Л. 43).

¹⁹ Выписка из приказа № 46 по ЛО ИИМК АН СССР от 09 мая 1959 г. (Там же. Л. 42).

²⁰ Выписки из приказов по ЛО ИА АН СССР № 12 от 10 февраля 1960 г. (Там же. Л. 46) и № 24 от 10. 03. 1960 (Там же. Л. 47).

²¹ Здесь и далее информация о работах Г. А. Максименкова на конкретных памятниках получена из монографии Э. Б. Вадецкой (*Вадецкая*, 1986).

течения Енисея. В зоне строительства Красноярской ГЭС им были проведены раскопки эпонимного могильника Подгорное Озеро.

Но между защитой диссертации (или незадолго до защиты) и полевым сезоном происходит важное событие: весной все того же 1961 г. Глеб Алексеевич влюбляется в Эльгу Борисовну Вадецкую. 19 января следующего года состоялось бракосочетание Максименкова и поступающей в аспирантуру ЛО ИА Вадецкой.

Между тем Красноярская экспедиция, в предыдущие годы лишь эпизодически приступавшая к работам на основной территории — зоне затопления Красноярской ГЭС, перешла к планомерному исследованию будущего дна водохранилища. К сожалению, как теперь уже очевидно, исследована была лишь малая часть памятников, теперь уже затопленных. В 1962 г. в ходе полевых работ в результате случайного стечения обстоятельств — экстремально высохла из-за исключительной жары степь — был открыт окуневский могильник Черновая VIII, что позволило Глебу Алексеевичу предположить и в дальнейшем доказать, что окуневские могилы являются впускными в афанасьевских комплексах и оставлены носителями особой окуневской культуры. Всего в течение полевых сезонов 1962–1963 гг. в трех пунктах было исследовано 17 оград этого времени, содержавших 120 могил (Вадецкая, 1986. С. 37). Всего же в этом микрорайоне Максименков исследовал восемь памятников с общим названием «Черновая». Помимо уже упомянутого окуневского могильника VIII, это были пункты VI (афанасьевский могильник с впускными окуневскими могилами), два карасукских могильника (VII, II), два подгорновских (IV, IX) и два таштыкских могильника (I, IV).

В эти же годы произошло экспедиционное знакомство и началась многолетняя дружба с Н. В. Леонтьевым. В 1963 г. по рекомендации начальника экспедиции М. П. Грязнова и начальника отряда Г. А. Максименкова Н. В. Леонтьев был принят на работу в отдел фондов Минусинского краеведческого музея хранителем археологической коллекции (Вадецкая, 2013. С. 7).

Летом 1963 г. Черновским отрядом Красноярской экспедиции (начальник Г. А. Максименков) было исследовано 14 карасукских курганов²²

²² Отчет Г. А. Максименкова о раскопках Черновского отряда за 1963–1965 гг., а также рукопись отчета Э. Б. Вадецкой за 1966 г. (Личный архив Э. Б. Вадецкой).

на озере Сухое (Сухое Озеро II), а также продолжены работы на памятниках Черновая I, II, IV, VIII, IX, X начаты раскопки могильников андроновской культуры Сухое Озеро I и Ia.

В конце 1963 г. в жизни Глеба Алексеевича произошло важное событие: он стал отцом. 18 декабря у него и Эльги Борисовны родился сын Борислав. Имя было выбрано компромиссное: отец новорожденного хотел Славика, мать — Бориса (в честь скончавшегося годом ранее Бориса Александровича Вадецкого). Но компромисс был только «документальный»: каждый из родителей называл сына избранным именем.

В письме, написанном 2 марта 1964 г. и адресованном Н. В. Леонтьеву (с 1960 г. — лаборанту ЛО ИА, Красноярской экспедиции и отряда Г. А. Максименкова; во время написания письма — сотруднику Минусинского музея), Глеб Алексеевич делится планами на предстоящий полевой сезон. Экспедиция М. П. Грязнова должна была состоять из пяти отрядов (З. А. Абрамова, М. Н. Комарова, Л. П. Зяблин, А. Д. Грач и Г. А. Максименков) с общим бюджетом 45 тыс. рублей.

Г. А. Максименков планировал работы на Уйбате и Бири с привлечением Н. В. Леонтьева к выполнению этого и других своих планов. По итогам же сезона Черновской отряд Красноярской экспедиции раскопал семь карасукских курганов из могильника на озере Сухое (Сухое Озеро II), открытого Н. В. Леонтьевым (по сведениям из упомянутых выше отчетов), продолжил раскопки могильников Сухое Озеро I и Ia, начал раскопки карасукских могильников Байкалова I и II.

В 1964 же году вышла одна из наиболее важных работ Г. А. Максименкова — «Окуневская культура» (Максименков, 1964), в которой он, развивая идеи С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова и С. В. Киселева, сделал новый, ключевой шаг для понимания культурно-исторических процессов эпохи бронзы Минусинской котловины. Кроме факта публикации этой главы важным признанием квалификации и профессионального уровня Глеба Алексеевича стало его вхождение в авторитетный авторский коллектив, из-под пера которого сначала вышел макет первого тома «Истории Сибири» — «Древняя Сибирь», а спустя четыре года — и сам первый том. Общим местом стало упоминание и цитирование авторского параграфа, посвященного окуневской культуре

(Максименков, 1968), в четвертой главе этого коллективного труда. Однако в этой же главе, по сведениям, приведенным в редакционном предисловии к изданию (История Сибири..., 1968. С. 10–11), помещены параграфы об андроновской (написан совместно с А. И. Мартыновым с привлечением материалов В. И. Матющенко; Там же. С. 172–180) и карасукской (написан совместно с М. П. Грязновым и Б. Н. Пяткиным; Там же. С. 180–187) культурах. Существенным был вклад Максименкова и в подготовку третьей главы. Совместно с А. П. Окладниковым им был написан параграф о неолите Западной Сибири (Там же. С. 96–104). Параграф о неолите Восточной Сибири был написан В. Е. Ларичевым (Там же. С. 104–119), но автором части, посвященной неолиту Енисея, как и соответствующей главы в «Макете I тома „Истории Сибири“», является Максименков. Все перечисленное свидетельствует, что Глеб Алексеевич к этому времени вполне сформировался как специалист высокой научной квалификации по широкому кругу археологических культур Сибири, и его авторитет был признан коллегами.

Развитие представлений об окуневской и других археологических культурах Южной Сибири, о новациях в методике раскопок, применяемых Красноярской экспедицией, нашло отражение и в целом ряде работ Максименкова, опубликованных в 1964 и 1965 гг. (см. библиографию). Особо отметим изданную в эти годы Глебом Алексеевичем рецензию на Красноярский сборник краеведческого музея, в которой он в полемической форме рассматривает культурную эволюцию на пространствах Южной Сибири (см. библиографию).

По итогам следующих полевых сезонов 1965, 1966 и 1967 гг. Черновской отряд, продолжая раскопки могильного поля у заболоченного озера Сухое (около 800 курганов андроновского, карасукского и тагарского времени), исследовал соответственно 48, 52 (со 128 могилами) и 120 (более 200 могил) курганов в основном карасукского времени в памятниках Новая Черная I (1965–1966), II, III (1965), Подгорное Озеро (1965–1966), Сухое Озеро II (1965–1967), III (1966), Байкалова II (1965), Ключи (1965–1966), Новый Сарагаш (1966–1967). С 1966 г. в работах в качестве руководителя группы и обладателя Открытого листа участвовала и Э. Б. Вадецкая.

В 1968 г. работы были продолжены. Черновский отряд раскопал 59 курганов андроновского

и карасукского времени (Сухое Озеро II и III), содержащие 118 могил, в том числе два крупных кургана высотой более 2 м и диаметром более 30 м.

Успехи, достигнутые Глебом Алексеевичем, получили заслуженную оценку. В характеристике 1969 г. было подчеркнута, что «цикл его работ посвящен исследованию неолита, бронзы и раннего железа в Красноярско-Канском лесостепном районе. Собрав большой фактический материал, он показал своеобразие исторического процесса канско-красноярской группы древних племен <...> дал первую хорошо обоснованную хронологию археологических памятников и периодизацию истории культуры средне-енисейских племен». Сделан акцент на значении работ, исследующих памятники бронзы и раннего железа степного Енисея. Отмечена особая заслуга Максименкова в раскопках могильника окуневского этапа, что «позволило... обосновать и подробно характеризовать окуневскую культуру как значительный этап развития культуры древних племен Енисея». Указанные темы нашли отражение в 26 опубликованных и пяти подготовленных к печати работах, написанных в период с 1957 по 1969 г. В этот же период Глеб Алексеевич девять лет руководил работами большого отряда, а в последние годы обратился к новой для себя теме — археологии Западной Сибири. В характеристике по каким-то причинам не был отражен факт более чем десятилетней деятельности Максименкова как заместителя начальника экспедиции М. П. Грязнова — а значит, и значительной административно-хозяйственной работы. К написанному в характеристике стоит также добавить, что на протяжении всех этих лет деятельность Глеба Алексеевича отмечалась руководством ЛО ИА АН СССР благодарностями и премиями.

В эти же годы Глеб Алексеевич активно занимается общественной работой: профорг Сектора АСАиК в течение нескольких лет, он неоднократно избирается членом участковой избирательной комиссии, а в 1966 и 1968 гг. дважды становится депутатом Дзержинского районного совета депутатов трудящихся.

Летом 1968 г. Глеб Алексеевич пережил большую потерю. Находясь в экспедиции, он получил телеграмму: 8 августа неожиданно скончался его отец. Нелепая случайность — проблемы с машиной — привела к тому, что Максименков

опоздал на самолет и не успел на похороны. И смерть отца, и невозможность проститься чрезвычайно расстроили Глеба Алексеевича.

В 1969–1970 гг. Максименковым были подготовлены описи и сданы в Государственный Эрмитаж материалы из раскопок могильников Сухое озеро I–IV (Акт № 397 от 18 июня 1970 г.). В эти же годы продолжались исследования различных аспектов сибирской археологии. Список работ, опубликованных Г. А. Максименковым, отражает это разнообразие (см. библиографию).

Полевое лето Г. А. Максименкова в 1971 г. вместило работу двух экспедиций. Красноярская, силами одного из отрядов, обследовала три участка на побережье Красноярского водохранилища (Грязнов, Максименков, 1972. С. 248–249). Вторая заметка в «Археологических открытиях 1971 года» анонсировала создание новой — Тубинской — экспедиции (Вадецкая и др., 1972. С. 276–277). Летом 1971 г. в окрестностях села Тесь вновь созданная экспедиция раскопала три подгорновских и два сарагашенских кургана, часть поминальника таштыкской культуры и могилу кыргызского времени. По Открытому листу Глеба Алексеевича были продолжены раскопки тесинского могильника Красный Яр III. Однако, судя по отсутствию упоминания Тубинской экспедиции в дальнейшем, на сезоне 1971 г. ее деятельность закончилась.

Летом 1972 г. Г. А. Максименков вновь во главе отряда Красноярской экспедиции продолжал обследование размываемого правого берега водохранилища, а также произвел раскопки окуневского кургана (у села Лебяжье), исследовал 28 карасукских оград (50 могил) и девять тагарских курганов (27 могил) могильника Варча. Более чем десятилетняя работа Максименкова в качестве руководителя отряда Красноярской экспедиции и ближайшего сотрудника М. П. Грязнова позволила сформировать огромный массив материалов по всей совокупности культур ранних кочевников.

Осенью 1972 г., несмотря на возражения Глеба Алексеевича, Эльга Борисовна предложила пожить в их доме Лене Борисовой, когда-то работавшей в ее экспедиции. Это решение Эльги Борисовны положило начало череде событий, итогом которых в 1981 г. стали развод, распад семьи Глеба Алексеевича и судебная тяжба по поводу обладания жилой площадью.

Накануне нового 1973 г. Г. А. Максименков сделал еще один шаг на пути научного роста: 29 декабря 1972 г. он был утвержден в должности старшего научного сотрудника «как избранный по конкурсу»²³. Летом 1973-го и в 1974 г. вопреки возражениям московских коллег силами вновь созданной Минусинской экспедиции проводились раскопки афанасьевского кургана Большое Кольцо (у села Камышта Аскизского района). Кроме того, летом 1974 г. на юге Хакасии в зонах строительства Комсомольско-Есинской и Означенской оросительных систем проводились разведки археологических памятников, часть которых впоследствии стала объектом исследования образованной для этих целей Средне-Енисейской экспедиции. Кроме перечисленного, в эти годы была расчищена одна афанасьевская ограда (Ниня I, 1973), раскопано несколько каменоложских (Мочажная, 1974) и баиновских (Бельтыры I, 1974) могил.

По случаю юбилея и как дань уважения учителю в 1973 г. была опубликована работа «Михаил Петрович Грязнов: к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности» (Вадецкая и др., 1973. С. 154–156).

17 октября 1973 г. семья Максименкова и Вадецкой стала еще на одного человека больше: родился сын Алексей, названный в честь деда Алексея Николаевича.

В ноябре 1974 г. Глеб Алексеевич за успехи в работе, активное участие в общественной жизни коллектива и в связи с 250-летием АН СССР был награжден Почетной грамотой²⁴.

Уже практически накануне защиты докторской диссертации Максименкова вышли в свет работы, посвященные эпохе бронзы Минусинской котловины (см. библиографию).

15 мая 1975 г. в Новосибирске на заседании Объединенного ученого совета по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР состоялась защита докторской диссертации «Окуневская культура». Официальными оппонентами выступили д-ра ист. наук В. П. Алексеев, В. Е. Ларичев, Р. Ф. Итс.

²³ Выписка из приказа № 3 по ЛО ИА АН СССР от 10 января 1973 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 425. Л. 70).

²⁴ Выписка из приказа № 112 по ЛО ИА АН СССР от 5 ноября 1974 г. (Там же. Л. 81).

Постановлением Ученого совета Института археологии от 6 мая 1976 г. Г. А. Максименкову присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, но диплом доктора исторических наук был утвержден решением ВАК при Совете Министров СССР только 18 марта 1977 г.

Таким образом, новую Сибирскую экспедицию ЛО ИА АН СССР летом 1977 г. возглавил уже доктор исторических наук Г. А. Максименков. Этому событию предшествовала большая работа: переписка по предстоящим работам в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) велась по меньшей мере с 1975 г. Лето 1977 г. стало последним полевым сезоном Глеба Алексеевича.

В 1978 г. увидела свет монография Максименкова «Андроновская культура на Енисее» (Максименков, 1978), надолго ставшая основным трудом по этой тематике и настольной книгой для многих специалистов. Такое же значение приобрела и вышедшая двумя годами позднее коллективная — в соавторстве с Э. Б. Вадецкой и Н. В. Леонтьевым — монография «Памятники окуневской культуры» (Вадецкая и др., 1980). Тема окуневской культуры прозвучала и в отдельных публикациях этого времени (см. библиографию).

Очевидно, к 1981 г. уже было установлено заболевание и стал известен диагноз. Но еще с конца 1970-х гг. научная и административная активность Глеба Алексеевича постепенно снижается: он отходит от руководства Сибирской экспедицией, резко сокращается количество печатных работ. Однако даже проблемы со здоровьем не мешали Глебу Алексеевичу следить за работами коллег. Свидетельством этому служит, возможно, последняя прижизненная публикация Максименкова — рецензия на вышедший из печати сборник о новостроечных работах коллег по ЛО ИА (Максименков, 1985). В рецензии подчеркнута важность решения актуальной на то время проблемы — оперативности публикации новых данных и введения новой информации в научный оборот.

Формальное прекращение брака с Э. Б. Вадецкой в 1981 г. лишь окончательно оформило длящееся уже несколько лет состояние дел. Внешняя легкость, с которой Глеб Алексеевич получил развод, объяснялась Эльгой Борисовной нежеланием усугублять тяжесть его здоровья, однако сам он был обескуражен этой легкостью. Но за распадом

семьи последовала тяжба, связанная с жилищными проблемами. Все эти факты и события, конечно же, негативно повлияли на Глеба Алексеевича. Улучшить положение не смог и новый брак, с Еленой Владимировной Борисовой (1982 г.), а также многочисленные отпускные автомобильные поездки, в том числе с посещением полевых работ экспедиций коллег (1979–1981 гг.). Еще одним трагическим событием стала кончина матери, Елены Сергеевны (1983 г.).

Автор этих строк очень недолгое время работал вместе с Г. А. Максименковым в одном институте и редко встречал его. Лишь однажды мне случилось присутствовать на отчете по плановой теме на заседании сектора археологии Средней Азии и Кавказа. Было это, видимо, в 1984–1985 гг., и было заметно, что чувствует себя Глеб Алексеевич не лучшим образом.

Скончался Глеб Алексеевич Максименков в Павлово-на-Неве, на даче, построенной его отцом, 13 сентября 1986 г.

Сделанное Максименковым за 30 лет занятий археологией остается существенным вкладом в изучение древних культур Южной Сибири. Оценивая заслуги Глеба Алексеевича, коллеги отмечают, что отныне «окуневская культура занимает такое же прочное место в древней истории Южной Сибири и Центральной Азии, как андроновская, карасукская и тагарская культуры, и в этом отношении Глеб Алексеевич Максименков является достойным продолжателем таких выдающихся исследователей археологии Сибири, как С. А. Теплоухов, С. В. Киселев и М. П. Грязнов» (Савинов, Семенов, 1988). К сожалению, он не успел реализовать свой научно-педагогический потенциал. В 1986 г. Глеб Алексеевич принял научное руководство соискателем ученой степени кандидата исторических наук Вл. А. Семеновым. Но защита состоялась уже после кончины научного руководителя (как и второго научного руководителя Л. П. Хлобыстина) в 1988 г.

Г. А. Максименков оставил значительный и информационно важный корпус архивных материалов, часть из которых успела подготовить к печати и издать Э. Б. Вадецкая. В 2003 г. увидела свет монография «Материалы по ранней истории тагарской культуры» (Максименков, 2003). Но обширное научное наследие Глеба Алексеевича еще ждет своих исследователей.

- НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1350. 52 л., 25 ил. Максименков Г. А. Отчет об археологической разведке в районе г. Красноярска летом 1956 г.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 425. Личное дело Г. А. Максименкова.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, ЛО, 1986. 180 с.
- Вадецкая*, 2013 — *Вадецкая Э. Б.* Николай Владимирович Леонтьев (глазами коллеги и друга) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. 2013. № 1 (5). С. 7–16.
- Вадецкая и др.*, 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, ЛО, 1980. 148 с.
- Вадецкая и др.*, 1972 — *Вадецкая Э. Б., Максименков Г. А., Чижов В. Е.* Начало работ Тубинской экспедиции // АО 1971. М.: Наука, 1972. С. 276–277.
- Вадецкая и др.*, 1973 — *Вадецкая Э. Б., Максименков Г. А., Пяткин Б. Н.* Михаил Петрович Грязнов: к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности // Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук; вып. 2. 1973. С. 154–156.
- Виноградов*, 2019 — *Виноградов Д. А.* История изучения курганных могильников Красноярской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. Т. 26. 2019. № 2. С. 61–72.
- Грязнов, Максименков*, 1972 — *Грязнов М. П., Максименков Г. А.* Обследование берегов Красноярского моря // АО 1971. М.: Наука, 1972. С. 248–249.
- Институт истории... — Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета // Энциклопедия «Всемирная история» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/institut_istorii_sankt_pietierburgskogo_gosudarstviennogo_univiersitieta (дата обращения 15.11.2021).
- История Сибири..., 1968 — История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Т. 1: Древняя Сибирь / Отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, ЛО, 1968. 456 с.
- Максименков*, 1957 — *Максименков Г. А.* Из истории древнерусской артиллерии // СА. 1957. № 3. С. 77–83.
- Максименков*, 1960 — *Максименков Г. А.* Верхне-Метляевский клад / Иркутский обл. краевед. музей. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1960. 44 с.
- Максименков*, 1964 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири (Макет I тома «Истории Сибири») / Ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ: б. и., 1964. С. 147–156, вкл. с. 243–248.
- Максименков*, 1968 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Т. 1: Древняя Сибирь / Отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, ЛО, 1968. С. 165–172.
- Максименков*, 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, ЛО, 1978. 190 с.
- Максименков*, 1985 — *Максименков Г. А.* Рец.: Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках: [Сб. ст.] / АН СССР. ИА; Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, ЛО, 1983. 112 с.: ил. Библиогр.: с. 198–112 // СА. 1985. № 2. С. 290–294.
- Максименков*, 2003 — *Максименков Г. А.* Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VIII; Archaeologica Petropolitana; Т. XIII). 192 с.
- Марсадолов*, 2019 — *Марсадолов Л. С.* О дате Верхне-Метляевского клада в Сибири // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. В. А. Алексин, Л. Б. Кирчо. С. 112–115.
- Савинов, Семенов*, 1988 — *Савинов Д. Г., Семенов Вл. А.* Памяти Глеба Андреевича Максименкова (1930–1986) // СА. 1988. № 3. С. 304.
- Тихонов*, 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

Gleb Alekseyevich Maksimenkov — a Leningrad researcher of Siberia

S. V. Krasnienko²⁵

Keywords: G. A. Maksimenkov, Neolithic of South Siberia, Afanasyevo culture, Okunev culture, Andronovo culture, Karasuk culture, Tagar culture, rescue archaeological expeditions.

In the end of the 1950s, in connection with the construction of the Krasnoyarsk hydropower station, at the Leningrad Branch of the Institute of the History of Material Culture (since September 4 of 1959 — the Institute of Archaeology) of Academy of Sciences of the USSR there was organized an expedition under the direction of Michail P. Gryaznov, the most prominent specialist in archaeology of Siberia. The team of young archaeologists collected by him started the works in the submersion zone of the water storage reservoir under construction. The number of the participants of the investigations on the Yenisey included inter alia Gleb Alekseyevich Maksimenkov (1930–1986), a graduate of the Leningrad University who was searching for his scientific subject both in the history of the Russian artillery and among Slavic antiquities but found it in Siberia. Moreover, his interests were not limited to the valley of the Yenisey: Gleb A. Maksimenkov worked both in the Krasnoyarsk forest steppe to the north, east and west from Krasnoyarsk and on Lake Baykal. However the main scientific achievements of Maksimenkov are related with the works of the Krasnoyarsk expedition, where he participated personally for almost 30 years: the distinguishing and grounding of such a distinctive phenomenon as the Okunev archaeological culture (doctor thesis of 1975, a collective monograph jointly with Elga B. Vadetskaya and Nikolai V. Leont'yeu, "Sites of the Okunev culture" (1980)), a fundamental monograph "Andronovo culture on the Yenisey" (1978), published after his death "Materials for the early history of the Tagar culture" (2003) and, undoubtedly the unsurpassed until now by the scale of the investigations, excavations of funerary monuments of the Afanasyevo, Okunev, Tagar and, particularly, Karasuk cultures. The scientific heritage left by Gleb A. Maksimenkov still is waiting for its investigators.

²⁵ Sergey V. Krasnienko — Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: krasniенокos@mail.ru.

Из переписки Г. А. Максименкова

А. Г. Максименков¹, подготовка к публикации и комментарии

Письма — это источник ценной информации о жизни и творчестве ученого. И часто так случается, что одно и то же письмо несет в себе и деловую информацию, и личную. Подобных писем в архиве Г. А. Максименкова много, при том что сам фонд писем весьма невелик.

Все письма, которые сохранились в архиве Глеба Алексеевича, можно разделить на три группы. Самая малочисленная группа отражает в большей степени профессиональную деятельность Г. Максименкова — это письма археологов и переписка с научными учреждениями. Среди них три письма от Л. П. Зяблина за 1953 г., одно письмо от Н. Л. Членовой за 1957 г. и одно письмо от М. П. Грязнова за 1958 г. В этой группе нет писем Н. В. Леонтьева, они вошли в архив Э. Б. Вадецкой.

Вторая группа писем — это личные, семейные: от матери, Е. С. Малыжевой-Максименковой, за 1958 г., и несколько писем еще студенческой поры.

Третья группа, самая многочисленная, — это переписка между Г. А. Максименковым и Э. Б. Вадецкой. В них прослеживается неразрывная связь личного и профессионального, каждое письмо, будь оно написано Э. Вадецкой или Г. Максименковым, содержит упоминания об их археологической деятельности. Сохранились письма за 1961–1965, 1973 гг.

Практически все упомянутые письма после развода Глеб Алексеевич забрал с собой и хранил до конца своей жизни. Только через десять лет после его смерти эти письма вместе с архивными документами, отчетами о раскопках, рукописями, слайдами, фотопленками были обнаружены и обработаны Э. Б. Вадецкой.

Остановимся подробнее на письме М. П. Грязнова из первой группы и письмах Г. А. Максименкова к Э. Б. Вадецкой 1961-го года из третьей.

В 1958 г. Глеб Алексеевич Максименков участвовал в Красноярской экспедиции — был заместителем начальника экспедиции М. П. Грязнова. В этот период Г. Максименкову поступило предложение от отдела культуры, видимо, Красноярского края провести разведку, деньги обещали выделить. Глеб Алексеевича предложение заинтересовало, но он был в нерешительности, где именно копать: в Енисейске, Канске или Минусинске² — и обратился за советом к Михаилу Петровичу Грязнову. И получил ответ.

Письмо М. П. Грязнова Г. А. Максименкову

Новый Петергоф, Август 1958 г.

Дорогой Глеб!

Возможностью получить деньги на раскопки от Отдела культуры надо, по-моему, воспользоваться. Но не для раскопок в Енисейске, Канске или Минусинске, а в районе г. Ачинска. Я думаю, что на это [женщина] в Отделе культуры пойдет. Дело в том, что Ачинско-Мариинский район — это Ваш район. Около самого Ачинска раскопок почти не было — копались курганы преимущественно в Мариинском округе, за пределами Красноярского края. В районе г. Ачинска копали только Клеменц в Назаровском и Проскураков около Айдашинской пещеры. Чтобы ознакомиться с этими курганами, Вы возьмите Открытия археологической комиссии от 1899 г. (Красноярск) и, кажется, за 1888 (Клеменц). О более [законченных] курганах в Мариинском округе см. ОАК за 1895 и 1896 гг. (Оссовский). От Ачинска почти до Мариинска идет лесостепной островок, где много курганов, и все Красноярско-

¹ Независимый исследователь; e-mail: imerod1973@mail.ru.

² Совпадение ли, но в период с 21 июня по 5 июля того же года Г. А. Максименков был в командировке в краеведческих музеях Енисейска, Канска, Красноярска.

Ачинского типа. Это то, что вам надо. В районе Ачинска вам надо разведывать и копать около самого города и к западу от него. К югу пределом должно служить с. Назаровское. Так что самое лучшее — это район Ачинска (есть курганы и в самом городе. Выезжая на машине, мы ведь их видели). Если же на Ачинск Вам почему-либо денег не дадут, то из этих [упомянутых] Вами вариантов лучше всего выбрать Канск. Это тоже лесостепной остров, подобный Красноярскому и Ачинско-Мариинскому, возможно, одинаковый с ними и в культурном отношении. Но о памятниках района Канска я ничего не знаю, кроме случайных находок бронзовых орудий. Есть там курганы и поселения? Вероятно, есть, но только мне о них ничего не известно.

Постарайтесь, если можно, получить деньги и копать где-нибудь около Ачинска. И, конечно, лучше всего, если вам удастся найти небольшие курганы подгорновского или баиновского типа (переходного или I этапа) или современный им культурный слой. Я считаю, что хотя бы и самые скромные находки подгорновского и баиновского этапов на широте Ачинск — Красноярск были бы большой удачей.

Вот, кажется, все по интересующему Вас вопросу.

Желаю успеха, с приветом М. Грязнов.

По окончании работы Красноярской экспедиции, с 10 по 17 сентября Г. Максименковым были проведены разведывательные раскопки на западной окраине г. Канск, на дюне у берега озера Долгое. Деньги, 1000 рублей, на оплату рабочим он получил от Канского краеведческого музея³. Найденный материал был передан Канскому краеведческому музею.

Кроме раскопа дюны на озере Долгое Максименковым была проведена разведка еще одного памятника в 5 км выше г. Канск, на мысу. В следующем, 1959-м, году были проведены более детальные археологические раскопки: в период с 18 по 24 июля — на дюне озера Долгое и с 20 июля по 9 августа 1959 г. — на мысе, известном как «Кирпичики» или «Стрижова гора». Работы проводились по Открытому листу Г. Максименкова. Результаты исследования были опубликованы в журнале «Вопросы антропологии» за 1964 г.⁴.

³ Максименков Г. А. Отчет о полевой работе в окрестностях г. Канска Красноярского края // Архив Г. А. Максименкова.

⁴ Максименков Г. А. Могильник у Долгого озера в г. Канске // Вопросы антропологии. 1964. Вып. 18. С. 132–134.

Третья группа писем — переписка между Г. Максименковым и Э. Вадецкой. Письма наполнены нежностью, солнцем, небом, облаками, летним дождем, грозой, искренностью, лучиками счастья — любовью в самом чистом и светлом понимании этого слова. И, конечно, в полном объеме не могут быть опубликованы в академическом научном издании. Через много лет, когда будут изучать бытовую сторону жизни археологов второй половины XX в., эти письма представят интерес для этнографов и историков. В них много деталей, связанных с бытом, работой, раскопками, публикациями, что вполне естественно, ибо корреспонденты были не только мужем и женой, но и учеными. Однако несколько писем за 1961 г. опубликовать можно и даже нужно.

1961 г. — очень важный период в жизни Глеба Алексеевича и Эльги Борисовны. Они встретились. Известно, что они и раньше слышали друг о друге, возможно, пересекались, но встреча, которая перевернула весь их мир, произошла только в 1961 г. Почему шестеренки Вселенной задвигались и дверь захлопнулась? Кто повернул ключ в замке их отношений? Скорее всего, причина кроется в эмоциональной напряженности обоих. Г. А. Максименков защитил кандидатскую, а Э. Б. Вадецкая должна была со дня на день получить работу — место в Хорезмской экспедиции С. П. Толстова.

После защиты кандидатской диссертации Г. А. Максименков уехал в экспедицию. Его ждали раскопки в Хакасии и разведывательная экспедиция по Енисею и его притокам, рекам Хантайке и Курейке, с целью обнаружения археологических памятников в районах, которые будут затоплены при сооружении проектируемых на этих реках электростанций.

Казалось бы, Максименков уехал далеко от Москвы, но мысли его возвращаются к Э. Вадецкой. Он не может ее забыть. И он пишет письма. Пишет и... не отправляет, рвет. Боится написанного. *«Для меня писать письма — мука. Несколько раз пытался тебе позвонить, но все мои старания не увенчались успехом <...> Я не знаю, что со мной случилось. Подобного еще не было. Силуюсь все время понять себя и не могу. Мысли постоянно возвращаются к субботе в Москве. Этот день был каким-то розовым, очищенным от всякой грязи и наполненным высоким чувством <...> Сейчас могу сказать, что после многих лет полного равнодушия ко всему, кроме археологии, мне хочется все время быть с тобой. Помогите мне разобраться*

во всем происходящем. Напиши хоть несколько строк. Адрес: Абакан, музей, экспедиция. Я буду в Абакане до конца июня, как дальше сложатся мои дела, я пока не знаю. Жду, целую, Глеб».

В письмах чувствуются волнение, трепет, неуверенность. Но ответ пришел. И переписка продолжилась.

Письмо Г. А. Максименкова Э. Б. Вадецкой

Лагерь под с. Батени, 2 июля 1961г.

Эля, милая,

Твое письмо — моя настольная книга, которую я читаю и перечитываю тысячу раз в день. Жаль только, что в ней мало страниц. Сожалею о том, что долго не смогу получать от тебя писем, так как через неделю должен уехать на север, а вернуться сюда, на юг, только в августе.

Все это время занимаюсь организацией лагеря и отряда <...> Меня все время преследуют мысли о тебе. Хочется тебя увидеть и поговорить. Попытался опять позвонить тебе, но Абакан — не Красноярск. Здесь у меня нет таких возможностей. Прождал целые сутки, но так ничего и не добился. Думаю, что когда буду в Красноярске, а я должен там быть 7–8 июля, я обязательно позвоню тебе утром. Только, пожалуйста, не убегай.

Со мной опять повторилась старая история: пишу и не отправляю письма, хотя, кажется, обещал этого не делать. Но это письмо отправлю обязательно. Видимо, потому, что оно получается более сдержанным и сухим. Я боюсь <...> отправлять те, где больше эмоций.

Вчера ко мне приезжали мои новые друзья — ЛЕНГИДЭПовское⁵ и ГЭСовское начальство. Принял их хорошо, а ночью они пошли беседовать с девицами моего отряда, мне стало грустно, и я опять вернулся мыслями к Москве. Как жаль, что тебя здесь нет. А впереди еще столько времени. Пытаюсь забыть в работе, в вождении машины, изредка в вине, но последний способ, видимо, придется оставить, так как он приводит к противоположным результатам: еще больше обостряя желание увидеть тебя.

В этом году начальство решило давать рабочим каждое воскресенье⁶, а не через две недели, как было раньше. Все уехали на Енисей купаться, а я брожу по опустевшему лагерю и пишу тебе письмо.

Хочу больше быть с тобой. Жду осени. Надеюсь, что она будет такой же прекрасной, каким было начало лета. Пиши.

Целую Глеб.

Письмо Г. А. Максименкова Э. Б. Вадецкой

Кубеково, 14 июля 1961г.

Элечка, милая!

Я ждал Женьку⁷, как манну небесную, но с его приездом огорчился. Твое письмо — прелесть, но оно меня несколько расстроило. Я не знаю, как тебе помочь, так как нас разделяет огромное расстояние. Конечно, все было бы иначе, если бы мы были вместе. Но это совсем не значит, что мне можно писать только приятные вещи. Я очень хочу знать не только ситуацию, которая сложилась после моего отъезда, но и подробности.

<...>

У меня часто появляется желание слетать в Москву, но когда я вспоминаю о том, что я ответственен за людей, рассудок побеждает чувства, и я ... взором провожаю уходящие на запад самолеты.

Эленька, так мне и не удалось с тобой поговорить до отъезда на север. Все мои попытки заставить тебя не увенчались успехом, а мне очень хотелось услышать твой голос, так что до нашей встречи я полностью лишен этого удовольствия.

Спасибо тебе за подарки. Они мне очень понравились. Я с удовольствием познакомлюсь с твоим отцом, пока заочно, и попытаюсь его себе представить.

Завтра утром мы решили трогаться в путь. Первоначально планировалось взять на Хантайку 5 человек, но теперь отряд увеличился до 10 человек. Кажется, я переборщил с количеством людей, и мне придется раньше времени закруглиться.

Сейчас мы живем на базе геологической экспедиции в 30 км от Красноярска. Мои ребята всем очень нравятся. Я и сам, что бывает очень редко, доволен ими.

Но честно говоря, я очень устал, хотя экспедиция только начинается. Может быть, удастся отдохнуть, пока я буду спускаться к Хантайке.

Недели через две я должен буду слетать в Абакан, чтобы посмотреть, как там идут работы.

Женя все время твердит, что письма надо писать разом. Мне это из-за дел не удается. Пишу весь день урывками. Перед тем, как начал писать последнюю часть, со мной случилась неприятность — потерял твое письмо. Спрашивал у всех, искал везде. Нашел, и обрадовался так, как будто его получил впервые.

Считал весь вечер деньги. Погорел. Перерасход в 10 000 по старым деньгам. Пытаюсь исправить положение. Что будет, не знаю.

⁵ ЛенГИДЭП — Ленинградское отделение Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект».

⁶ Имеется в виду, выходной день.

⁷ Ефремов Евгений Георгиевич (18.08.1926 — не ранее 2009). Член Союза советских и российских архитекторов, член Творческого Союза художников и графиков при ЮНЕСКО. Снимал посмертную маску с лица Ольги Бергольц и слепок ее руки. Сделал памятную доску (портрет) на могилу Г. А. Максименкова.

Пишу все это коротко. Много волнений и тревог, различных неприятностей. Прости, что пишу тебе о них, но так хочется поговорить с тобой обо всем. Мысленно беседую с тобой каждую минуту. Как хочется тебя увидеть и поговорить! <...>

Целую Глеб.

Письмо Г. А. Максименкова Э. Б. Вадецкой

Усть-Кама, 16 июля 1961 г.

Эленька, милая!

Не успел еще отправить предыдущие письма, а уже пишу снова. Сегодня первый день пути. Мы прошли за полдня от Красноярска до устья Кама. Сейчас все ломаются спать, а мне захотелось поговорить с тобой. Все-таки это — огромное счастье знать, что есть человек, о котором непрестанно думаешь и с которым все время хочется говорить.

Я один в катере. Включен приемник. Слушаю Шопена и смотрю на «Туманность Андромеды». Мысли только о тебе. Хочется знать, что ты сейчас делаешь, о чем думаешь. Мечтаю о нашей встрече и хочу ее себе представить. Сейчас мне хорошо, хотя и грустно, потому что тебя нет здесь.

Начинаю понимать Енисей. Человек по сравнению с ним ничто. Чувствуешь себя хрупкой игрушкой в руках великана. Он что захочет, то с тобой и сделает.

Посольная, 17 июля 1961 г.

Дорогая, вот и второй день пути кончился. Мы прошли еще 20 км. Все мои расчеты рушатся. Я хочу стореть. Дело в том, что я не представлял себе, что такое Енисей, сколько потребуется времени на эту работу и сколько мне для нее нужно человек. Сейчас оказывается, я переборщил с людьми, а некоторые из них бросили ради поездки работу. Мне остается одно: везти их в туристический поход, пока хватит денег, а потом рассчитать.

Мой катер — дрянь. Каждую минуту ломается. Сегодня треснул и потек бак. Остановились в одной деревне, в которой на 20 дворов — 28 национальностей. Это поселенцы, бывшие ЗК⁸. Народ очень интересный и любопытный. Постоянные поломки еще больше расстраивают меня. Видимо, это так и должно быть, если человек счастлив в одном, то ему не везет в другом. Я счастлив, что есть ты, но работа у меня почему-то не клеится. Мысли заняты тобой, и для работы не остается места.

Я умышленно не пишу о красотах Енисея. Их нужно видеть, чтобы представить себе. Описать их я не в состоянии.

Читаю «Акын Терези»⁹. О впечатлениях говорить рано. Мой сосед¹⁰, археолог, который останется вместо

меня после моего отъезда, читает «Туманность Андромеды». Книга ему нравится, а посвящение Ефремова интригует. Он пытается найти тебя в ней, хотя о тебе ничего и не знает. Ром я не пробовал и спрятал, выпью его в день своего рождения 26 июля.

Стрелка, 18 июля 1961 г.

Эленька, на сутки позже дошли до Ангары, но опять потек бак, и мы здесь заночевали. Сегодня ели первую уху, так как за предыдущую ночь поймали первых трех стерлядей и несколько ершей. Завтра, если что-нибудь еще не испортится, дойдем до Енисейска, оттуда я хочу отправить тебе это письмо. Оно должно еще застать тебя в Москве. Мои планы изменились. Я буду в Абакане только в середине августа. Жаль, что до этого времени не смогу иметь никаких сведений о тебе. Но ты пиши.

Женька сказал мне, что наговорил тебе кучу всяких гадостей обо мне.

В одном он прав — я бываю часто ненастоящим, но то что делается со мной сейчас — совершенно необычно.

Я дал себе зарок не говорить тебе основного до нашей встречи. Если все будет так же, как в ту субботу, или как сейчас, то я тогда скажу тебе всё. Думаю, что я поступаю правильно. Эта экспедиция — проверка. Если бы ты была здесь! Я вспоминаю каждое твое слово, чистый взгляд, я мысленно разговариваю с тобой целый день, ночью вижу тебя во сне. Такого еще не было со мной.

Енисейск, 19 июля 1961 г.

Наконец дошли до Енисейска. Целый день мы ели. Сажу в ресторане и дописываю письмо.

Сообщи телеграфом адрес экспедиции¹¹ в Игарку, чтобы я смог написать.

Тоскливо от мысли, что на несколько недель прервется даже эта связь, но хочу надеяться, что, когда она восстановится, твое отношение ко мне останется неизменным. Хотя Женька и говорил, что я не постоянен, но на этот раз я в себе уверен. Боюсь только, чтобы не изменилось твое отношение ко мне.

Привет от Жени.

Целую, Глеб.

Письмо Г. А. Максименкова Э. Б. Вадецкой

Абакан, 24 августа 1961 г.

Милая Эленька!

Опять вместо того, чтобы написать тебе что-нибудь приятное, я жалуясь на судьбу и людей. Два дня тому назад я приехал в Абакан для работы в музее. Все отряды уже окончили работу, и люди разъехались. Должен

⁸ Заключенные.

⁹ Вадецкая Э. Б. Акын Терези. М.: Гослитиздат, 1961.

¹⁰ Леонтьев Н. В.

¹¹ Э. Вадецкая участвовала в Хорезмской экспедиции. На конверте от 20.09.1961 г. указан адрес: г. Кзыл-Орда, Казахская ССР.

был остаться только мой отряд, да и то в сокращенном виде. Мне оставалось только дочистить погребения. Но всю работу приказано сегодня свернуть. Деньги моего отряда истратили другие, пока я был на Хантайке, и, кроме того, банк снял некоторую сумму. Таким образом я, фактически, ничего за этот сезон не раскопал. Удалось окончить только 4 кургана из 22 раскапывавшихся. Экспедиция прошла для меня впустую. Некоторых людей это обстоятельство радует, особенно тех, кто приложил к этому руку. Я оказался не в состоянии что-либо изменить.

Через час должен ехать в поле снимать лагерь. Все уедут домой, а я должен сидеть еще в Красноярске и ожидать возвращение своих людей с Хантайки. Видимо, нам не удастся увидиться в Москве после экспедиции. Буду ждать твоего звонка в Ленинграде. Мой телефон: Ж-2-96-67. Сюда мне больше не пиши. Ленинградский адрес: Ленинград Д-28, ул. Салтыкова-Щедрина (или Кировская), д. 8, кв. 89.

Прости за сухое письмо, но я сейчас нахожусь в состоянии тихой ярости. Меня душит злоба, но я ничего не могу сделать, чтобы изменить ход событий. От этого мрачное настроение становится еще хуже.

Как-то странно все переплелось. Служебные и сердечные дела оказались в тесной связи и зависимости, так что крах одних отражается на других. Но я хочу надеяться на то, что в конечном счете сердечные дела от этого не пострадают.

Вынужденная отсрочка встречи не должна изменить наших отношений.

Очень хочу тебя видеть, жду встречи.

Крепко целую, твой Глеб.

Письмо Г. А. Максименкова Э. Б. Вадецкой

Красноярск, 6 сентября 1961 г.

Эленька, милая!

Вот и кончилась экспедиция. Я в Красноярске. Дня через два думаю лететь домой, но радости от этого почему-то не испытываю. Моему желанию прилететь к тебе в Кызыл-орду осуществиться не удалось.

Я в последнее время не имел от тебя писем, и это меня ужасно беспокоит. Не случилось ли с тобой чего-нибудь?

Москва, куда я обычно после экспедиции ехал с желанием, сейчас для меня не существует, она стала пустой без тебя.

Я только теперь по-настоящему понял, как мне навредили «заместители», сократив сроки работы. Приходится ехать раньше и, следовательно, наша встреча откладывается на некоторое время. Хочу только одного: чтобы это время пролетело как можно быстрее.

Последнее письмо, которое я написал из Абакана, могло произвести на тебя неприятное впечатление, но я писал его в состоянии полной растерянности от сложившегося безвыходного положения. Отправив тебе наскоро написанное письмо, я полетел в лагерь, чтобы устроить хороший скандал Михаилу Петровичу¹² за отсутствие твердости. Но оказалось, что он заместителю сказал, чтобы мне дали возможность окончить работу. <...> В результате, работая день и ночь, удалось окончить все, что было начато. Теперь хоть по этому отряду есть результаты.

Я не смог тебе сразу ничего написать, так как был страшно занят и взвинчен до предела. Вообще все было злыми и уставшими, и ни до кого нельзя было дотронуться.

Когда я прилетел в Красноярск, мной овладело тоже чувство, которое я испытывал после приезда из Москвы. Я хочу слышать твой голос и хоть несколько минут поговорить с тобой. Каким бы делом я не занимался и куда бы ни шел, я почему-то оказываюсь около телеграфа, который я считаю самым приятным местом в Красноярске, так как только там удавалось устанавливать с тобой живую связь. Сейчас я лишен и этого.

<...>

Крепко целую. Глеб.

Эти письма раскрывают перед нами Глеба Алексеевича как человека. Со своими думами, переживаниями, проблемами. И в этом их ценность.

Благодаря этим письмам, заложенному в них посылу изменилась судьба Э. Вадецкой. Она вышла замуж за Глеба Максименкова и переехала в другой город, в Ленинград, перевелась из аспирантуры Института этнографии в Институт археологии, ее научным руководителем вместо С. П. Толстова стал М. П. Грязнов.

¹² М. П. Грязнов — руководитель Красноярской археологической экспедиции.

Отчет об археологической разведке в районе г. Красноярска летом 1956 г.¹

Г. А. Максименков (†)

Аннотация. Впервые публикуется отчет Г. А. Максименкова из личного архива Э. Б. Вадецкой о разведках 1956 г., в результате которых была расширена археологическая карта региона.

Ключевые слова: Красноярский район, археологическая карта.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-87-94

В 1956 г. мною были получены открытые листы на право производства археологических работ в районе г. Красноярска. Открытый лист № 26 по форме № 1 был выдан на право производства археологических раскопок курганов между селами Частоостровское, Заледеево, Ладейки. Открытый лист № 27 по форме № 2 на право производства археологических разведок в Сухобузимском, Емельяновском и Березовском районах Красноярского края. Необходимые для этих целей средства обещал выделить Красноярский краеведческий музей.

По приезду в Красноярск выяснилось, что денег в музее нет, и что произвести работы в том масштабе, в каком они планировались, не удастся. В связи со сложившимися обстоятельствами открытый лист номер 26 остался неиспользованным. Была произведена только пешая разведка по рр. Б. и М. Бузим вблизи с. Сухобузимского, у с. Атаманово и в районе с. Частоостровское, где были рассмотрены важнейшие археологические памятники. Только в нескольких случаях на местах древних селищ была сделана зачистка культурного слоя для определения стратиграфии.

Цель настоящей разведки состояла в том чтобы, во-первых, рассмотреть район с. Сухобузимского, где в 1903 году побывал В. И. Анучин, но о котором в археологическом отношении не имеется почти никаких сведений, во-вторых,

осмотреть те памятники, о которых сообщает В. Г. Карцов, производивший обследование Красноярского района в 1928–1929 гг., и проверить их современное состояние с тем, чтобы внести соответствующие изменения в археологическую карту Красноярского района. Кроме того мне было поручено Отделом культуры Красноярского края составить паспорта на обследованные мной археологические памятники.

1. *Разведка на территории бывшего с. Ладейки.* На дюнах у села Ладейки в начале XX в. работавшими здесь исследователями (Бортвин, 1915. С. 173–195; Мергарт, 1923. С. 29–36; Сосновский, 1940. С. 86–89) был собран значительный археологический материал, относящийся к различным эпохам начиная с верхнего палеолита. В конце прошлого века П. С. Проскуряков между с. Ладейки и с. Торгашино видел несколько десятков каменных оград с камнями по углам и много курганов (Проскуряков, 1896. С. 103). В начале XX в. В. Г. Карцов насчитал там всего только девять курганов (Карцов, 1929. С. 12), так как в это время уже началось строительство, что привело к уничтожению большинства памятников. Мною была произведена разведка с целью выявления современного состояния этой местности.

Территория бывшего с. Ладейки находится км [в] 3-х от автобусной остановки «РайТЭЦ». На этой территории расположены новые кварталы промышленной части г. Красноярска. Между зданиями остались небольшие пустыри, еще не застроенные, но на них никаких следов археологических

¹ Из архива Э. Б. Вадецкой. Орфография и пунктуация авторские. Подготовлено к публикации С. В. Красниенко.

памятников нет, так как бывшие здесь когда-то дюны полностью снесены. Только в одном месте, в разрезе канала, рассекающего остатки береговой дюны, находящейся в конце Краснофлотской улицы, хорошо прослеживается культурный слой. В основном слой один, но в некоторых местах он разделяется на два тонкими песчаными прослойками.

Стратиграфия слоев в разрезе канавы следующая:

1. Верхний слой — выброс, состоящий из мелкого дюнного песка.
2. Второй слой — навоз, он лежит слоем толщиной от 0,8 до 1,5 м. Видимо, в этом месте раньше находился скотный двор.
3. Слой мелкого дюнного песка толщиной 70–80 см.
4. Культурный слой толщиной 20–30 см.
5. Под культурным слоем залегает дюнный песок.

В культурном слое много мелкого угля, иногда попадаются мелкие раздробленные кости животных. В одном месте слой расширяется, его нижняя граница опускается и очерчивает ямку, заполненную крупными кусками древесного угля и докрасна обожженной глины и песка. Это, видимо, остатки очага. Непосредственно из культурного слоя происходит кусок песчаниковой плитки со следами точения. Рядом с культурным слоем найдено грузило в виде гальки серого цвета с двумя зарубками, выбитыми на противоположных-краях гальки. В самом конце канавы, на берегу Енисея, было найдено второе такое же грузило.

Берег р. Енисея от б. с. Ладейки до Понтонного моста.

2. Поселение. Напротив острова «Большой». В обрыве правого берега р. Енисей видны остатки древнего поселения, тянущиеся с перерывами примерно на 300 м. Разрез дает следующую стратиграфию слоев: 1) слой шлака от каменного угля толщиной 10–15 см; 2) слой песка 10–20 см; 3) культурный слой темно-серого цвета с большим содержанием мелких кусков угля и обломков костей животных толщиной 15–25 см; 4) тонкая песчаная прослойка 5–10 см; 5) второй культурный слой серо-желтого цвета с небольшим содержанием угля и костей, его толщина 15–30 см. Ниже второго культурного слоя залегает мелкий желтый песок. Никаких вещественных находок сделано не было.

3. Поселение в 100–150 м от понтонного моста. Ниже моста по реке, в обрыве крутого правого берега р. Енисей виден мощный культурный слой. Он залегает непосредственно под почвенным слоем толщиной до 20 см, а в некоторых случаях

отделен от почвенного слоя песчаной светлой прослойкой от 10 до 30 см. Культурный слой имеет в различных местах разную толщину, доходя иногда до 1 м. Слой насыщен костями животных, раздробленными на мелкие куски. В нем было найдено два маленьких отщепов зеленого камня и два фрагмента неолитической керамики с орнаментом. Видимо, этот слой принадлежит известной в литературе стоянке у Переселенческого пункта (*Савенков*, 1889. С. 26–101; *Ауэрбах*, 1929; *Передольский*, 1896). В настоящее время вся территория стоянки застроена домами и изрыта траншеями. Нетронутыми остались небольшие участки ее по самому берегу реки.

4. *С. Торгашино*. В районе села в конце XIX в. П. С. Проскуряков видел много курганов (*Проскуряков*, 1898. С. 103–104), но уже в двадцатые годы В. Г. Карцов (*Карцов*, 1929. С. 13) смог насчитать к северу и северо-востоку от села только пять курганов. В 30-х гг. к северо-востоку от села на северо-восточном склоне террасы был найден клад бронзовых вещей². Разведка этого района преследовала цель осмотреть современное состояние могильных памятников и найти место, где был найден клад. Как и по всему правому берегу р. Енисей в районе Красноярска, вокруг села Торгашино идет строительство, которое уничтожает археологические памятники. Никаких следов курганов при осмотре местности вокруг села найдено не было. На месте террасы к северо-востоку от села сейчас разработан карьер для добывания глины, так что почти вся терраса снесена.

В разрезе карьера видно, что терраса была сложена из двух слоев глины. Верхний слой толщиной от 1,5 до 2,5 м и состоит из среза розовой глины, а нижний из желтой. На границе глин, на северо-восточной стене карьера был найден отщеп зеленовато-серого цвета овальной формы камня со следами нескольких сколов, а рядом с ним разрозненные кости животного. В другом месте карьера на останце, также на границе двух слоев, был найден кусок зеленой гальки, имеющий на внутренней стороне следы сколов, а на наружной гладкой поверхности точечные выбоины — следы использования гальки в работе.

Разведка по течению р. Малой Бузим.

5. Деревня Суханово. Поселение. На выезде из деревни по дороге на с. Иркутское, сразу же за мостом, на правой стороне дороги, в песчаной осыпи виден тонкий культурный слой. Он тянется

² Красноярский музей, коллекция 184.

в обрыве дороги на Иркутское примерно на 100 м, а по ручью, впадающему в М. Бузим около села, он виден в двух местах, каждое из которых имеет протяженность 20 м. Слой залегает непосредственно под почвой и имеет мощность в основном 10 см, доходя иногда до 20 см.

В нем встречаются кусочки угля и обломки кальцинированных костей, но не было найдено ни одного фрагмента керамики. Из опроса местных жителей выяснилось, что никто никогда ничего из древних предметов не находил. Около села колхозники не знают ни одного кургана.

Разведка в районе с. Сухобузимское и по реке Большой Бузим.

6. Местность Праснова пашня. Группа курганов. Примерно в 1,5 км к востоку–северо-востоку от с. Сухобузимское, на увале, в том месте, где начинается спуск в долину реки Б. Бузим, в 100 м на восток–юго-восток от дороги на с. Дуброво находится группа распаханных курганов. Удалось считать всего 4 кургана, но, может быть, их здесь было больше.

Курган № 1. Рядом с ним растет одинокая береза. Восточная и западная полы кургана распаханы. Он имеет в диаметре 16 м, а в высоту 1,5 м. В восточной части кургана глубокая яма.

Курган № 2. Большая часть кургана покрыта пшеницей. Он почти не возвышается над поверхностью земли, но в бороздах около него находятся мелкие куски разбитых плугом песчаниковых плит.

Курган № 3. Распахан в этом году. В настоящее время он имеет вид низкого продолговатого холма, на поверхности которого попадаются куски древесного угля и была найдена затылочная кость черепа человека.

Курган № 4. Имеет точно такой же вид, как и курган № 3.

7. *3-е отделение совхоза.* Курган. Напротив скотного двора 3-го отделения совхоза «Таежный» на левом берегу р. Б. Бузим находится большой курган овальной формы. Его диаметры 30 и 45 м, высота 3 м. Курган ограблен или раскопан колодецем, в центре его большая, 15 × 15 м, яма, дно которой находится на уровне современной почвы. В полах кургана сделаны еще 3 ямы, в одной из них лежат куски песчаниковых плит.

8. Местность «Государевка». Эта местность находится примерно в 1,5 км к северо-западу от села Сухобузимское. Здесь в р. Большой Бузим слева впадает небольшой ручей. [а] Вдоль верхней части ручья расположена терраса, которая в настоящее время распахана. На черном фоне паров ясно видны

желтые пятна округлых очертаний. При ближайшем осмотре оказалось, что это небольшие, сильно расплывшиеся возвышения земли высотой 20–25 см. Хотя на их поверхности не было найдено никаких материальных остатков, но, может быть, они являются распаханными насыпями курганов.

б) На ровном лугу, который начинается от террасы и тянется до реки Большой Бузим, непосредственно под террасой расположены низкие, сильно расплывшиеся, распаханные холмики диаметром от 10 до 16 см. Они расположены тесной группой в количестве около 20–25, но часть из них потеряла свои очертания, и только 10 сохранились относительно хорошо. Между ними имеются небольшие углубления, видимо, от выемки земли. Метрах в 50 от них был найден фрагмент венчика сосуда светло-коричневого цвета. Тесто грубое с большой примесью песка. Обжиг хороший.

9. На равном расстоянии между д. Воробинной и с. Сухобузимским на краю увала, в том месте, где начинается спуск в долину, на правом берегу р. Большой Бузим, в 0,5 км от дороги находится одинокий курган. Диаметр кургана 16 м. В центре его яма четырехугольной формы.

10. Дорога от с. Миндерла до с. Сухобузимское, Курганы. У самого с. Миндерла расположен лес (Миндерлинская лесная дача), в 1,3 км от опушки которого по дороге на село Сухобузимское и в 50 м правее ее находятся два больших кургана.

Курган № 1. Имеет большую плоскую насыпь диаметром 25 м и высотой 2 м. Почти в самом центре кургана находится глубокая круглая яма диаметром 8 м.

Курган № 2. В 43 м от первого. Он по внешнему виду похож на первый, только несколько меньше его. Диаметр кургана 22 м, а высота 1,5 м. В центре кургана большая 12-метровая яма.

От этих курганов, дальше по дороге к Сухобузимскому, в разных местах на черном фоне паров видны желтые пятна, видимо, от распаханных ранее насыпей курганов.

11. *Карьер у инкубатора.* Поселение. В 150 м от перехода через р. Большой Бузим, который находится против ул. Калинина, расположен карьер. В разрезе стенки карьера, непосредственно под дерновым слоем, толщина которого не превышает 10 см, идет темный песчаный слой, содержащий уголь. В этом слое найдены 3 отщепы серого кремня. Подобные же отщепы собраны на краю карьера.

12. *Карьер у Старой Мельницы.* Поселение. Карьер находится в 800 метрах от окраины села Сухобузимского по дороге на д. Высотину, в 50 м

правее дороги, на коренном берегу р. Большой Бузим. На краю карьера растет одинокая береза. Под очень тонким дерновым слоем толщиной всего 5–8 см залегает культурный слой толщиной 20–25 см, ниже которого идет материковый слой гальки и песка. Слой содержит большое количество угля и кусочки костей. В нем было найдено 73 мелких фрагмента керамики. Все фрагменты происходят из одного места. Из них 6 фрагментов венчиков, а остальные стенки сосудов. Тесто без примесей песка. Венчики двух типов: у 5 фрагментов венчика по самому краю идет валик с зашипами, ниже которого сделаны с наружной стороны отверстия. У одного фрагмента венчика вместо отверстий идет второй валик, также имеющий зашипы.

Разведка между сс. Сухобузимское и Атаманово.

13. Курган. В 3–4 км по дороге от с. Сухобузимского к с. Атаманово, в самом начале восточного склона возвышенности, через которую идет дорога, стоят три кургана. В этом месте находится молодая роща, первая встречающаяся на пути. Курганы расположены на небольшом мысу между двумя склонами лога, вправо от дороги. [а] Курган № 1 диаметром 6 м и высотой 40 см насыпан из земли и не имеет никаких камней. В центре кургана небольшая яма.

Курган № 2 имеет диаметр, равный 6 м, и высоту 35 см. Он находится на восток от первого на расстоянии 16 м. Так же как и первый, он имеет в центре небольшую яму.

Курган № 3 диаметром 6 м и высотой 15 см совершенно распахан. Сейчас это еле заметная возвышенность с блюдцеобразным углублением. В старых бороздах рядом с курганом встречаются мелкие кости человека.

б) Курган. Примерно в 500 м. Далее на восток, на увале находится один большой курган диаметром 25 м. В центре кургана имеются 3 ямы, две из них явно от кладоискательских раскопок. От этого кургана вдоль увала идут низкие распаханные возвышенности округлых очертаний, может быть, остатки насыпей курганов, но сейчас об этом говорить с уверенностью невозможно.

Село Атаманово находится на левом берегу реки Енисей, в долине, окруженной высокими холмами.

14. Поселение. На территории базы «Заготзерно» в разрезе берега видны остатки древнего поселения. Стратиграфия слоев следующая: 1) почвенный слой толщиной 15–20 см; 2) слой желтого мелкого песка 15–20 см; 3) культурный слой темного цвета, содержащий уголь, куски костей животных

и мелкие фрагменты темно-коричневой лепной керамики неолитического облика, толщина слоя 25–30 см; 4) слой светло-коричневого мелкого песка.

15. Поселение. Второе место со следами древнего поселения у деревни Атаманово находится на правом берегу, напротив села. Этот берег совершенно безлюдный. Его высота от реки примерно 15 м. На берегу вдоль обрыва ясно видны небольшие западины подчетыреугольной формы, имеющие глубину 10–15 см. Непосредственно под дерном толщиной 5 см идет слой мелкого речного песка, содержащий уголь и фрагменты керамики желтовато-белого цвета (черепки тонкие, тесто без видимых примесей). На одном из фрагментов имеется тонкий валик, ниже которого идет несколько треугольных вдавлений. Толщина культурного слоя 30–35 см, ниже идет слой желтого песка. Длина обнажения около 800 м.

Разведка у села Частоостровское.

16. «Змеиная Горка». Песчаная дюна в 1 км к северо-западу от села Частоостровское.

а) Поселение. В выдуве этой дюны В. Г. Карцов видел культурный слой стоянки, которую он назвал Частоостровская 1. При осмотре дюны на южной ее оконечности, в небольшом выдуве, в настоящее время заросшем травой, после зачистки действительно был обнаружен культурный слой. На протяжении 3 м, на которых была сделана зачистка, слой имеет толщину от 15 до 30 см, залегает на высоте 2,5 м от основания дюны. В слое встречается уголь, но, как и В. Г. Карцову, мне не удалось найти в нем никаких вещевых остатков.

б) Оградка. На южном склоне дюны были обнаружены три вертикально стоящих камня. Две плиты стоят на расстоянии 5 м одна от другой и выступают из земли на 20 см. Между ними, почти на середине расстояния, стоит еще одна плита, несколько бóльшая по размеру. Она выступает из земли на 50 см. Видимо, эти плиты принадлежат каменной курганной оградке, от которой к настоящему времени никаких других следов не сохранилось.

Село Частоостровское.

17. а) Поселение. На территории самого села, в обресе берега реки Енисей, В. Г. Карцов видел культурные слои стоянки, которую он назвал Частоостровское 2 (Карцов, 1929. С. 10). В настоящее время весь берег завален мусором и навозом. Только в одном месте, на юго-восточной окраине села, имеется небольшой участок берега, где еще можно проследить культурный слой, содержащий угли и куски костей.

18. [б)] Поселение. На северо-западной окраине села, на остатках песчаных дюн встроенные силосные траншеи. В некоторых из них виден культурный слой. Особенно ярко он выражен в траншее, расположенной в 200 м на северо-запад от церкви. Стратиграфия слоев в разрезе траншеи следующая: 1) слой навоза толщиной до 30 см; 2) почвенный слой 10–20 см; 3) культурный слой толщиной в среднем 30–40 см. Он насыщен углем и кусками обожженной докрасна глины. В нем встречаются мелкие невыразительные обломки от стенок сероглиняных сосудов с залощенной поверхностью, в тесте которых есть примесь слюды. Ниже культурного слоя залегает донный песок.

19. в) Поселение. На северо-восточной окраине села, на территории сушилки, в разрезе песчаной дюны видны остатки еще одного поселения. Культурный слой прослеживается как в обрыве дюны, обращенном в сторону реки, так и в траншеях, расположенных в 10 м к юго-западу от амбаров. Разрез по третьей от сушилки траншее дает следующую картину залегания слоев: 1) почвенный слой от 5–20 см; 2) слой желтого песка 10–15 см, он идет не везде, а только в той части траншеи, которая обращена к обрыву; 3) культурный слой 10–25 см, в нем встречаются скопления углей и обожженных кусков глины, а также небольшое количество костей. Ниже культурного слоя залегает желтый песок. Керамики найдено не было.

20. *Пашня за бором*. Поселение. Это место находится в 1 км на северо-восток от села и в 300 м в том же направлении от МТС. Здесь, в небольшом выдуве, расположенном между двух дюн, на северо-восточной его стороне непосредственно под почвенным слоем, толщина которого 15–20 см, залегает культурный слой мощностью 25–30 см, [в этом?] слое находится небольшое количество угольков и был найден маленький, совсем невыразительный фрагмент от стенки сероглиняного сосуда. Ниже культурного слоя желтый песок.

21. *Дорога в деревню Худоногову*. Курганы. В 500 м от западной окраины села Частоостровское, у дороги на деревню Худоногову, на берегу протоки реки Енисей находятся два кургана. Оба кургана раскопаны А. В. Адриановым в 1902 г. Курганы № 1 диаметром 20 м и высотой 1 м находится на самом обрыве. Половина кургана снесена рекой. На месте ямы от раскопок видны толстые короткие песчаниковые плиты, окружавшие кольцом могильную яму (Адрианов, 1904. С. 117–119).

Курганы № 2. Он стоит за дорогой в 90 м западнее–северо-западнее от первого. Диаметр его 22 м

и высота 1,5 м. В центре кургана большая яма от раскопок.

22. *Местность «Чертова Гора»*. Курганы. На террасе, расположенной в 4 км к северу от села Частоостровское стоит полевой стан, в 200 м к востоку от которого находится курган. Он имеет 20 м в диаметре [и] 1 м [в] высоту. В центре кургана яма, в которой растет черемуха. Покрытия кургана сильно распаханы. В бороздах видны мелкие обломки песчаниковых плит.

23. *Зимник, пашня на террасе*. Курганы. В 3 км на северо-запад от села Частоостровское, на самом краю террасы стоит одинокий курган диаметром 30 м. Он сильно оплыл в сторону склона, так что одна из его сторон сливается с поверхностью террасы. В центре кургана широкая, но неглубокая яма.

24. *Трубникова пашня*. Находится на террасе 3 км на запад от села Частоостровского. В 300 м от края террасы расположена группа курганов. Все курганы очень сильно распаханы и имеют ямы. Их удалось увидеть только потому, что пашня находилась под парами. Размеры курганов следующие:

Курган № 1 диаметром 25 м и высотой 1 м.

Курган № 2, в 200 м к юго-западу от первого. Диаметр 15 м, высота 90 см.

Курган № 3, в 200 м к западу от второго. Диаметр 16 м, высота 20 см.

Курган № 4, в 150 м к западу–юго-западу от третьего. Диаметр сохранившейся части 6 м.

Курган № 5 в 150 м на юго-запад от четвертого. Диаметр 20 м, высота 50 см.

Курган № 6, в 100 м на восток от пятого. От него сохранилась только половина насыпи.

В этом месте А. В. Адриановым (*Там же*. С. 117), а позже В. Г. Карцовым (*Карцов*, 1929. С. 13–14) были раскопаны случайные погребения. Следы раскопок В. Г. Карцова видны еще и сейчас. Видно, никто из них не заметил курганов, расположенных на поле. Нужно думать, что эти случайные погребения являются не чем иным, как распаханными курганами. Может быть, здесь было еще больше курганов, но они настолько распаханы, что об их присутствии можно судить только по светлым пятнам на черноземе.

25. *Село Стрешнево*. Курганы.

а) В 1 км к северо-западу от села, непосредственно у дороги на деревню Серебрякову находится низкий, 50 см в высоту, сильно распаханный курган. Диаметр кургана 25 м. В центре насыпи яма 6 м, в которой растет одинокое дерево.

б) Курганы. В 2 км к северу от села Стрешнево, на краю террасы, у опушки леса находится одинокий

курган высотой 1,5 м и диаметром 24 м. Полы кургана распахиваются, в центре кургана яма.

26. *Село Куваршино*. Курганный могильник. В 1 км на юго-запад от села Куваршино и в 50 м от дороги на село Частоостровское, на низкой болотистой террасе около современного кладбища расположена группа из 7 курганов. Эти курганы были осмотрены впервые В. Г. Карцовым (*Там же*).

Курган № 1 находится рядом с кладбищем. Диаметр его 18 м, высота 1 м. В центре кургана яма диаметром 4 м. В полах кургана небольшие ямки.

Курган № 2 на расстоянии 400 м на северо-запад от первого. Его диаметр 25 м и высота 80 см. В центре кургана яма диаметром 6 м.

Курган № 3 на юг в 20 м от второго. Его диаметр 21 м и высота 70 см. В центре кургана яма диаметром 5 м.

Курган № 4 в 50 м на юго-восток от третьего. Диаметр 30 м, высота 1 м. В центре кургана яма диаметром 7 м, в полах кургана небольшие ямки.

Курган № 5 в 80 м на юго-запад от четвертого. Его диаметр 20 м и высота 60 см. Ближе к южной стороне кургана яма диаметром 6 м.

Курган № 6 в 70 м на юго-юго-восток от пятого. Диаметр 17 м и высота 50 см. Насыпь кургана в небольших ямках. В центре его яма диаметром 4 м.

Курган № 7 в 150 м на запад-юго-запад от шестого. Диаметр 25 м и высота 1 м. В центре кургана яма диаметром 4 м.

Этот могильник не производит впечатление ограбленного, несмотря на ямы в насыпях. Все они, хотя и имеют по несколько метров в диаметре, очень неглубокие и похожи не на грабительские ямы, а на проседание насыпи над погребениями.

27. *Деревня Барабаново*. Поселение. К юго-западу от деревни находится местность под названием «Городище». Это остатки высокой террасы, заросшей лесом. К р. Енисей она обрывается почти отвесно и имеет высоту более 40 м. На глубине 1,5 м от современной поверхности почвы виден культурный слой. Он представляет собой отдельные довольно тонкие линзы 5–10 см толщиной, состоящие из угля и золы с большим содержанием мелких кусочков кальцинированных костей. Эти линзы тянутся на расстоянии нескольких метров отдельно одна от другой. Иногда они сливаются, иногда перекрывают одна другую. Они очень похожи на остатки отдельных кострищ или очагов. Характер культурного слоя необычен для эпохи бронзы, слою которой обычно залегают непосредственно под дерновым слоем и имеют довольно значительную толщину. Видимо, этот памятник

относится к более раннему времени. Где-то у деревни Барабаново В. Г. Карцов видел следы стоянки, но, судя по его описанию, речь идет о другом памятнике (*Там же*. С. 10).

28. *Деревня Худоногова*. Из района этой деревни происходит большое количество случайных находок бронзовых предметов. При осмотре местности вокруг деревни не было найдено ни одного ясно видимого памятника. Но к северу от деревни на террасе, распаханной под пары, на черном фоне видно много светлых пятен. Они не поднимаются над поверхностью земли и не имеют ясных очертаний. Эти пятна, видимо, являются остатками распаханных насыпей курганов. В разрезе дороги ясно виден слой чернозема, достигающий толщины 50 см. Распашка на такую глубину не ведется, и, следовательно, плуг не мог поднять наверх ниже лежащие слои красноватой глины. Если эти пятна действительно являются следами когда-то бывших здесь курганов, то, видимо, из них и происходят случайные находки.

Обследованные во время разведки памятники не дали вещественного материала, достаточного для того, чтобы с полным основанием отнести тот или иной памятник к определенной исторической эпохе. Это в первую очередь относится к обнаруженным стоянкам, которые можно датировать и определить только по вещественному материалу. Что касается курганов, то по сложившемуся мнению курганы к северу от Красноярска относятся исследователями к поздней поре Минусинской курганной (тагарской) культуры, так как все раскопанные до настоящего времени курганы давали материал, характерный для этой культуры. Сейчас нет достаточных оснований считать, что часть курганов может относиться к другим эпохам, хотя не все из осмотренных курганов одинаковы. От обычных поздних минусинских курганов несколько отличаются своей величиной и формой курганы, находящиеся на дороге из села Сухобузимского в село Атаманово, а также курганы в местности «Государевка», но без проверки раскопками ничего определенного о их культурной принадлежности сказать нельзя.

Относительно стоянок сейчас можно сказать только предположительно, что не все они относятся к одному и тому же времени. Видимо, две из них: в карьере у села Торгашино и у деревни Барабановой, можно отнести к эпохе камня, причем Торгашинскую — к верхнему палеолиту как давшую характерный для этого времени отщеп. Остальные стоянки, по всей видимости, должны быть отнесены к эпохе неолита и бронзы.

Основным и главным результатом разведки нужно считать то, что она позволила уточнить сведения, которые приводятся в работе В. Г. Карцова «Материалы к археологии Красноярского района», работе, явившейся сводкой по всем археологическим памятникам этого района. После работ В. Г. Карцова 1928–1929 гг. никто не производил разведок в Красноярске, но и сам В. Г. Карцов разведывал лишь Приенисейскую часть района, не заходя в глубь его.

Произведенная в этом году разведка позволяет несколько уточнить и привести в соответствие с современным состоянием археологических памятников района археологическую карту В. Г. Карцова. Исходя из современного состояния района, карту В. Г. Карцова можно разбить на пять участков.

Участок № 1 — между селами Ладейки и Базаиха. Это правый берег Енисея напротив города Красноярска. Отсюда происходит наибольшее количество различного археологического материала, собранного разными исследователями в конце XIX и начале XX в. Здесь же П. С. Проскуряков видел около 50 курганов, из которых ко времени В. Г. Карцова сохранилось всего 15. Кроме того, в различных местах этого участка в разное время В. В. Передольским (*Передольский*, 1896), С. М. Сергеевым и И. Т. Савенковым (*Савенков*, 1889. С. 26–101) были раскопаны отдельные погребения. В настоящее время на всей этой территории расположен промышленный Красноярск, строительство которого полностью уничтожило все бывшие здесь когда-то памятники.

Участок № 2 между селами Березовское и Додоново. Он находится ниже по течению реки Енисей и непосредственно примыкает к первому. Здесь В. Г. Карцовым были учтены курганы в селе Есаульское, стоянки у сс. Березовское, Ермолаево, Есаульское, Додоново, городище у села Ермолаево. В настоящее время на всей этой территории и далее вниз по Енисею расположено номерное учреждение, на территории которого ведется большое строительство, в результате чего уничтожаются имеющиеся там археологические памятники. Доступ же на эту территорию посторонним людям невозможен. Таким образом, почти все археологические памятники правого берега реки Енисей в районе города Красноярска в настоящее время уничтожены.

Участок № 3. Между городом Красноярском и деревней Коркино, левый берег реки Енисей. Здесь были зарегистрированы стоянки на Часовой горе и курганы у Военного городка и деревни

Коркино. Часовенная гора сейчас вся застроена, никаких следов стоянок при самом тщательном осмотре обнаружить не удалось. Курганы Военного городка полностью снесены. Курганы у деревни Коркино пока не разрушаются, но в связи со строительством алюминиевого комбината они будут разрушены. В этом году здесь были произведены раскопки сотрудником Красноярского музея.

Участок села Частоостровское. Здесь В. Г. Карцовым учтены курганы у деревни Серебряковой и у с. Куваршино, стоянки у сел Частоостровское и Барабаново, случайные погребения у Частоостровского и городище у того же села. В результате разведки удалось обнаружить еще 3 стоянки у села Частоостровское, каменную оградку, курганы на террасе, не отмеченные В. Г. Карцовым, курганы у деревни Стрешневой, тоже ранее неизвестные. Обнаружение курганов на «Пресновой пашне» позволило установить, что раскопанное В. Г. Карцовым случайное погребение является не бескурганым, как считает исследователь, а обыкновенным распаханным курганом.

Участок по реке Кача остался необследованным.

Обследование Сухобузимского района, как самого села, так и у села Атаманово, позволило расширить представление о распространении памятников к северу от Красноярска и дополнить археологическую карту Красноярского района. Наличие в этом районе памятников Минусинской курганной (тагарской) культуры, а также большого количества следов от распаханных курганов как здесь, так и в районе села Частоостровское, свидетельствует о том, что наше представление о масштабах ее распространения к северу от Красноярска является не совсем правильным.

Г. Мергартом впервые было высказано мнение, что курганы появились в районе Красноярска в связи с приходом сюда некоторой части минусинского населения (*Мергарт*, 1923. С. 29–36).

Этого же мнения придерживаются почти все исследователи минусинской курганной культуры, в том числе и В. Г. Карцов. Он пишет: «...на всей территории района учтен, несмотря на весьма тщательные поиски, всего 61 курган. Если по аналогии с раскопками считать в среднем на курган по 40 погребенных, то за все время существования тагарцев до окончательной потери ими своих обычаев мы имеем население, равное примерно 2500 человек. Допуская, что часть курганов распахана, что не всех почему-либо погребали в курганах, если мы даже увеличим эту цифру вдвое, то и тогда будет только 5000 человек — число для целого

района, конечно, небольшое, и допускать смену большого числа поколений здесь не приходится» (Карцов, 1929. С. 21, сноска 4). Разведка показала, что с этим мнением трудно согласиться, во-первых, потому что наше знание о масштабах распространения курганов в районе Красноярска весьма приблизительно и что новые поиски могут привести к обнаружению новых курганов; во-вторых, потому что очень большое число курганов к настоящему времени уничтожено, это тем более вероятно, что район Красноярска один из первых был заселен земледельческим русским населением, которое с момента своего появления уничтожает распашкой древние памятники. Кроме того, копались всегда только большие курганы, которые действительно относятся к самому концу тагарской культуры, однако это еще ничего не значит, что здесь не было более ранних памятников этой культуры. Об этом

свидетельствуют не только случайные находки отдельных предметов начала тагарской культуры, но комплексы вещей — клады, найденные у д. Зыково и с. Торгашино, которые датируются временем перехода от первой стадии ко второй и которые были изготовлены на территории Красноярского района. Эти находки заставляют проверить те представления о появлении тагарской культуры в районе Красноярска, которые существуют в настоящее время.

Как видно из отчета, современное состояние памятников Красноярского района внушает опасение в том отношении, что большинство из них будет в скором времени совершенно уничтожено, поэтому необходимо в ближайшее же время произвести широкие разведывательные работы и раскопки тех памятников, которым угрожает такая же участь, как и памятникам района сс. Ладейки и Базаиха.

Адрианов, 1904 — [Адрианов А. В.]. Производство археологических исследований. 13. Енисейская губерния // ОАК за 1902 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1904. С. 117–119.

Ауэрбах, 1929 — Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского Края. 1. Каменный период. Красноярск: Издание Средне-сибирского гос. геогр. общества, 1929 (Библиотека Приенисейского Краеведа / Под ред. В. П. Косованова; № 10). 19 с.

Бортвин, 1915 — Бортвин Н. Н. Из области древней сибирской керамики // ЗОРСА ИРАО. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. Т. XI. С. 173–195.

Карцов, 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов Музея [Приенисейского края]. Красноярск: Красноярск. гостипо-лит., 1929 (Государственный Музей Приенисейского Края. Описание коллекций и материалов Музея. Отдел археологический). 58 с.

Мергарт, 1923 — Мергарт Г. К. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае: Автореферат // Известия Красноярского подотдела РГО. 1923. Т. III, вып. 1. С. 29–36.

Передольский, 1896 — Передольский В. В. По Енисею и его притокам: Письмо В. В. Передольского // Известия РГО. 1896. Т. XXXII, вып. 3. С. 210–214.

Проскураков, 1898 — [Проскураков П. С.]. Производство археологических раскопок и разведок. Енисейская губерния // ОАК за 1896 г. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1898. С. 103–104.

Савенков, 1889 — Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОРГО. Иркутск: ВСОРГО, 1889. Т. XVII, № 3–4. С. 26–106.

Сосновский, 1940 — Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. Вып. VII. 1940. С. 86–90.

Report on archaeological exploration in the area of Krasnoyarsk in the summer of 1956

G. A. Maksimenkov (†)

Keywords: Krasnoyarsk region, archaeological map.

For the first time, a report by G. A. Maksimenkov from the personal archive of E. B. Vadetskaya on reconnaissance in the summer of 1956 in the region of Krasnoyarsk is published. As a result of the work, the archaeological map of this region was expanded and conclusions were drawn about the deplorable state of the monuments, many of which are in danger of destruction.

С поклоном Глебу Алексеевичу Максименкову

В. В. Бобров¹

Аннотация. В работе представлены воспоминания автора о Глебе Алексеевиче Максименкове и его роли в профессиональном становлении молодого археолога. Воспоминания содержат некоторые сюжеты о научном творчестве Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой.

Ключевые слова: Глеб Алексеевич Максименков, Эльга Борисовна Вадецкая, Михаил Петрович Грязнов, сектор археологии Средней Азии и Кавказа, ИИМК РАН.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-95-98

Начну с тривиальных слов о том, что в жизни каждого человека бывают встречи с людьми, которые коренным образом меняют его творческий путь или оставляют заметный след в дальнейшей деятельности. Для кого-то это звучит банально, в том числе для тех, кому просто не повезло. Для меня же они наполнены смыслом, памятью, чувством благодарности, возвращающими к началу моего становления как специалиста.

Мне удивительно повезло. В студенческие годы и в начале самостоятельного пути состоялись встречи со многими учеными-археологами, имена которых были известны научному сообществу огромной державы под названием СССР. Первым среди них был А. П. Окладников, к которому в 1963 г. я имел наглость напроситься в экспедицию после окончания первого курса Кемеровского педагогического института. Там же, в экспедиции, при раскопках неолитического поселения Кондон-Почта, расположенного севернее г. Комсомольск-на-Амуре, состоялась встреча с В. Е. Ларичевым, с которым спустя многие годы у меня сложились дружеские отношения. На старших курсах, во время командировки в Томский государственный университет, я познакомился с В. И. Матющенко. К нему я до сих пор испытываю признательность и уважение.

Детали знакомства с Г. А. Максименковым уже стерлись в памяти. Но это было на первом Западносибирском археологическом («этнографическое» присоединили позже) совещании в мае 1970 г. в Томском государственном университете, участников которого разместили в профилактории, находившемся в студенческом общежитии. Нет необходимости говорить о том, что конференция и тем более совместное проживание объединили участников.

В ходе обсуждения докладов одной из главных дискуссионных тем были вопросы о происхождении самусьских древностей и их культурно-хронологической атрибуции. Обсуждение сопровождалось отсылками к материалам неолита и ранней бронзы как лесостепного Приобья, так и Среднего Енисея, Алтая и Западной Сибири. Центральными фигурами в этой полемике были Глеб Алексеевич Максименков и Михаил Фёдорович Косарев, при поддержке исследователя поселения Самусь IV Владимира Ивановича Матющенко. Они были под стать друг другу — ростом, телосложением, научным статусом. На мой взгляд, верх в научной дуэли одерживал Г. А. Максименков. Его уверенный голос со слегка грассирующим звуком «р» выгодно отличался от глуховатого тембра голоса оппонента. Но важнее, что за плечами Глеба Алексеевича уже были обобщающие публикации: «Неолит Енисея» в макете первого тома «Истории Сибири» (Максименков, 1964), в которой им была впервые представлена окуневская культура, и труд «Окуневская культура и

¹ Институт экологии человека ФИЦ угля и углехимии СО РАН; Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650000, Россия; Кемеровский ГУ; ул. Красная, 6, Кемерово, 650065, Россия; e-mail: klae@kemsu.ru.

ее соседи на Оби» теперь уже в тиражированном томе (Максименков, 1968). По большому счету, за ним стояла утвердившаяся за полвека первая в азиатской части России периодизация археологических культур эпохи палеометалла, фундамент которой был создан С. А. Теплоуховым и позднее дополнен ленинградскими специалистами ЛОИА (ИИМК) РАН во главе с М. П. Грязновым.

Острота полемики была обусловлена тем, что в изучении ранней и развитой бронзы лесостепных и таежных районов Западной Сибири было еще предостаточно «белых пятен», а в решении проблем культурной и хронологической принадлежности комплексов этого времени — вопросов больше, чем ответов. Неслучайно, что аргументация М. Ф. Косарева чаще всего сводилась к новым материалам «только что» исследованных памятников или их публикациям в изданиях, которые еще пахли свежей типографской краской.

С позиции истории западносибирской археологии и современного уровня знаний об историко-хронологических периодах можно оценить эту дискуссию как противостояние двух методологических подходов. Но тогда, в 1970 г., я, 25-летний, воспринимал эту дискуссию с точки зрения позиций «знания» (Г. А. Максименков) и «поиска знания» (М. Ф. Косарев). Конечно, импонировало «знание». Кое-кто из молодых специалистов, читающих эти строки, может отнести к моему предпочтению с иронией и выбрать «путь к знаниям». Но они идут в этот путь уже подготовленными и вооруженными.

В Томске А. И. Мартынов, знакомя меня с Глебом Алексеевичем, рассказал ему о теме моей работы и попросил оказать помощь и поддержку. Меня поразило ответ: «Будешь в Ленинграде — остановишься у меня. Площадь четырехкомнатной квартиры позволяет. Запиши адрес и номер домашнего телефона. Как прилетишь, сразу звони из аэропорта».

Такое предложение, адресованное практически незнакомому человеку, и радовало, и шокировало одновременно. На моем лице, видимо, отчетливо проявились обуревавшие меня чувства. Поэтому Г. А. Максименков добавил: «Сибирякам я верю. Давай без стеснения».

Зимой 1971 г. мне была предоставлена командировка в Ленинград для работы с коллекциями Эрмитажа по теме диссертации. Прилетев в Пулковку, я набрал номер телефона и выслушал в подробностях, как мне доехать до квартиры на проспекте Энтузиастов.

Впечатление было такое, что я давно, не первый год, жил в этой квартире. В моем распоряжении был обширный кабинет и до боли (в костях тоже) знакомый экспедиционный спальный мешок. Окна первого этажа наглухо задрапированы темными тяжелыми шторами. Небольшая люстра и настольная лампа — герой всех советских и постсоветских фильмов о сталинском времени — освещали кабинет. Вдоль двух стен стояли стеллажи с книгами. Из мягкой мебели — небольшой диванчик. Но в моем «распоряжении» кабинет был только в позднее вечернее время и ночью. Днем он был во власти хозяина, который работал над докторской диссертацией.

Почти целый месяц командировки на поверку оказывался небольшим сроком, учитывая мою жадность к археологическим коллекциям. Кроме источников по теме диссертации хотелось познакомиться и с другими предметами тагарской культуры. Темп работы и максимальное использование рабочего времени — верные друзья исследователя. Но и они были бы бесполезны, если бы не помощь удивительного человека, хранителя древностей — Марии Павловны Завитухиной. Естественно, я возвращался домой поздно.

Но меня ждали. Эльга Борисовна в свойственной ей хлопотливой манере кормила меня ужином, непрерывно рассказывая археологические новости и о том, что ей удалось сделать. Она собирала материалы для каталога археологических памятников всех хронологических периодов на территории Минусинских котловин. Глеб Алексеевич в шутливо-ироничном тоне называл это ее научное творчество возведением памятника самой себе. После вечерней трапезы Эльга Борисовна садилась за стол в зале «создавать пьедестал для собственного памятника». Пройдут годы, и он предстанет перед нами в виде монографии «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (Вадецкая, 1986). Глеб Алексеевич обычно внимательно смотрел на меня, оценивая состояние, и уходил отдыхать. Иногда задавал один или два вопроса о ходе работы.

Однажды вечерняя встреча завершилась словами: «Володя, достаточно напрягаться. Ты впервые в Ленинграде, поэтому завтра с утра поедем, я покажу тебе наш город». Утром по снегу мы добрались до гаражного кооператива (благо, он находился напротив дома, через дорогу), «обласкали» шикарную по тем временам «Волгу» и отправились в поездку. Сначала Глеб Алексеевич

направил машину на Пискаревское мемориальное кладбище. Невозможно переоценить то, что сделали жители блокадного города. Человечество в бесконечном долгу перед ними. Несмотря на не поленинградски крепкий мороз, около центрального мемориального памятника я снял шапку. Слышу мягкий шепот Глеба Алексеевича: «Ты им уже ничем не поможешь, а тебе туда еще рано. Надень шапку». Я эту фразу запомнил на всю жизнь.

Колесили мы по городу долго. Передо мной проходила череда исторических зданий, и одновременно шел рассказ о связанных с ними событиях. Причем это были не описания в вычурно-приторной манере экскурсовода, это был разговор историка с историком. День закончился хорошим вечером, который скрашивал не только чай.

Комфортная жизнь и дружелюбная среда плохо влияют на восприятие времени. Сужу по себе, так как не могу точно вспомнить, в этот год или на следующий мне предстояло выступить с докладом по теме кандидатской диссертации на заседании сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Не могу, потому что в доме на проспекте Энтузиастов все было так же и даже в чем-то роднее: Глеб Алексеевич, Эльга Борисовна и сын Борислав, с которым у нас сложились доверительные отношения и который спустя многие годы пытался обрести себя в составе экспедиции под моим руководством.

Чего греха таить, я страшно волновался в ожидании выступления, неоднократно перекомпоновывал иллюстративный материал (в те времена все было, как сейчас принято говорить, на бумажных носителях). Глеб Алексеевич деликатно не вмешивался. Но накануне вечером, зайдя в кабинет, попросил показать «картинки». После просмотра и прослушивания моих пояснений он уверенным тоном спокойно сказал: «Не волнуйся, все будет хорошо».

Это был мой первый научный доклад, и судьбе так было угодно распорядиться, что состоялся он перед известными археологами СССР. В Дубовом зале на Дворцовой наб., 18, собрались сотрудники сектора. В первых рядах сидели М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин, А. М. Беленицкий. Здесь же присутствовали Л. П. Хлобыстин, Я. А. Шер, В. С. Бочкарев, М. Н. Пшеницына, М. Д. Хлобыстина и др. После доклада были вопросы и выступления, в частности М. П. Грязнова и С. С. Черникова. Меня поразило не только

то, что они говорили, но и как. Акцент делался не на замечаниях, а на советах, которые звучали в доброжелательно-заботливом тоне. Спустя годы, которые принесли новые знакомства в научных кругах в разных городах нашей великой страны, я сделал вывод, что такое отношение свойственно только питерским, ленинградцам (хотя сейчас я был бы не столь категоричен). И первым, кто так ко мне отнесся, был Глеб Алексеевич Максименков. При таком типе отношений изначально не устанавливается дистанция. В этом я убеждался и во время встреч с М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой у них дома, в общении с заведующим кафедрой этнографии ЛГУ Р. Ф. Итсом, с семьей моего друга Д. Г. Савинова. Это же чувство равенства не покидало меня во время встреч с коллегами ЛОИА–ИИМК, кафедр исторического факультета ЛГУ, с сотрудниками Эрмитажа и МАЭ. Сам город создает такую атмосферу общения. Видимо, причастна к этому его аура.

Вечером, сначала в кабинете, а затем в зале, продолжилось обсуждение моего доклада. Главным оппонентом выступил Глеб Алексеевич. Он сделал обстоятельный анализ моего выступления, обозначив оригинальность выразительности коллекции «оленных» бляшек, которая составила основу моей диссертационной работы, и причины сложности их исследования. Но больше всего он уделил внимание методической рецептуре их классификации — что сначала нужно обратить внимание на детали: как изображены глаз, ухо, ноздри и другие тонкости изображений животного, затем провести корреляцию этих изобразительных признаков с последующим их объединением с образом в целом. «Много раз я говорил Эльге сделать это в процессе исследования окуневских изваяний. Но убедить ее трудно». Позже я понял, что его слова являлись развитием идеи М. П. Грязнова. По сути Глеб Алексеевич предлагал то, что в современном изучении палеоискусства, в частности петроглифоведении, называют иконографическим подходом. Его детальный анализ, который затянулся допоздна, был для меня хорошим уроком. Я старался максимально следовать его советам. И сейчас не забываю их, когда принимаюсь за исследования, связанные с древним изобразительным искусством.

Вероятно, урок я усвоил неплохо, так как Глеб Алексеевич согласился быть оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. В конце февраля 1973 г. поздним вечером я встречал его в аэропорту Толмачево. Зная его отношение

к турбореактивной гражданской авиации, то, что он прилетел на самолете, уже было для него подвигом. Заседание диссертационного совета проходило на пятом этаже жилого дома, где тогда размещался Объединенный институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Присутствие на защите Глеба Алексеича придавало мне уверенности, как и его лаконичное, но емкое выступление, сделанное в характерной мягкой манере. Спустя два года уже я, как мог, старался поддержать своего наставника, присутствуя на его защите докторской диссертации. Эти события определили рубеж этапа моего профессионального становления как археолога. Но не рубеж наших отношений...

P. S. Еще один штрих к характеристике личности Г. А. Максименкова. В августе 1977 г. Западно-Сибирский отряд археологической экспедиции Объединенного института истории, филологии и философии СО АН СССР проводил раскопки палеолитической стоянки около села Шестаково на реке Кия. Руководил отрядом младший научный сотрудник, кандидат исторических наук В. И. Молодин. По каким-то причинам у него была необходимость встретиться с Глебом Алексеевичем Максименковым, в то время возглавлявшим археологическую экспедицию ЛОИА в зоне промышленного освоения Канско-Ачинского месторождения бурого угля. Вячеслав Иванович собрался в поездку, а я напросился в проводники, так как мне

были хорошо знакомы многие дороги еще по разведке на территории проектируемой первой очереди КАТЭК. Остались позади полевые дороги Тисульского района, брод через реку Урюп, и вот — Дубинино и базовый лагерь ленинградцев рядом с курганным могильником тагарской культуры с романтическим названием Березовый Ручей. Но встретились мы только с Эльгой Борисовной Вадецкой, Глеб Алексеевич отлучился на пару дней по экспедиционным делам. Э. Б. Вадецкая готовила на то, что встреча с руководителем экспедиции не состоялась. На что Вячеслав Иванович отвечал: «Ничего, ничего, дела прежде всего. Возможно, приеду позже. Все будет зависеть от того, как пойдет работа на раскопе». Утром, оставив коллегам ведро рыбы (сработали сети нашего водителя Олега Сентябова), прихватив с собой диких уток (на зорьке отличился В. И. Молодин), мы отправились в обратный путь. На обратном пути Вячеслав Иванович выразил сожаление о том, что встреча с Г. А. Максименковым не состоялась.

Два дня после нашего возвращения прошли в привычном рабочем режиме. Из раскопа, глубина которого достигала 8 м, уходить не хотелось, так как наверху постоянно преследовал пронизывающий ветер. Но в этот раз было тихо. И почти бесшумно медленно к лагерю подобрался ГАЗик — друг полевых дорог. Подъехав к палаткам, он остановился. Из машины со стороны водителя вышел Глеб Алексеевич: «Я не мог к вам не приехать».

Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
Максименков, 1964 — Максименков Г. А. Неолит Енисея // Материалы по древней истории Сибири (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964. С. 147–156.

Максименков, 1968 — Максименков Г. А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 165–171.

With kind regards for Gleb Alekseyevich Maksimenkov

V. V. Bobrov²

Keywords: Gleb Alekseyevich Maksimenkov, Elga Borisovna Vadetskaya, Mikhail Petrovich Gryaznov, Sector of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, IHMC RAS.

This publication presents brief reminiscences of the author about the prominent researcher of antiquities of Siberia Gleb Alekseyevich Maksimenkov as a personality and a teacher. The period which is covered is the time of the preparation for publication of the monograph by E. B. Vadetskaya “Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya” (“Archaeological sites in the steppe of the Middle Yenisey”) and some dissertations. This publication includes a story about the discussion devoted to the problem of the cultural and chronological attribution of Seima-Turbino sites arisen fifty thousand years BP in the south of Western Siberia. These memoirs can be of interest to historiographers and historians of archaeological science and as well to serve as a separate information source.

² Vladimir V. Bobrov — Federal State Budget Scientific Institution The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; 10 Leningradskij pr., Kemerovo, 650000, Russia; Kemerovo State University; 6 ul. Krasnaya, Kemerovo, 650065, Russia; e-mail: klae@kemsu.ru.

Фотографии Эльги Борисовны Вадецкой и Глеба Алексеевича Максименкова разных лет

Рис. 1. Э. Б. Вадецкая. 1 — семья Вадецких (Москва, весна 1941 г.), слева направо: Эльга, Б. А. Вадецкий (отец), Анатолий (сын Б. Вадецкого от первого брака), Фаина (сестра), Ф. Л. Вадецкая (мать); 2 — Москва, 1957–1959 гг.; 3 — с И. А. Ефремовым, 1961 г.

Fig. 1. E. B. Vadetskaya. 1 — family of Vadetskiys (Moscow, spring of 1941), from left to right: Elga, B. A. Vadetskiy (father), Anatoliy (son of B. A. Vadetskiy from the first marriage), Faina (sister), F. L. Vadetskaya (mother); 2 — Moscow, 1957–1959; 3 — with I. A. Efremov, 1961

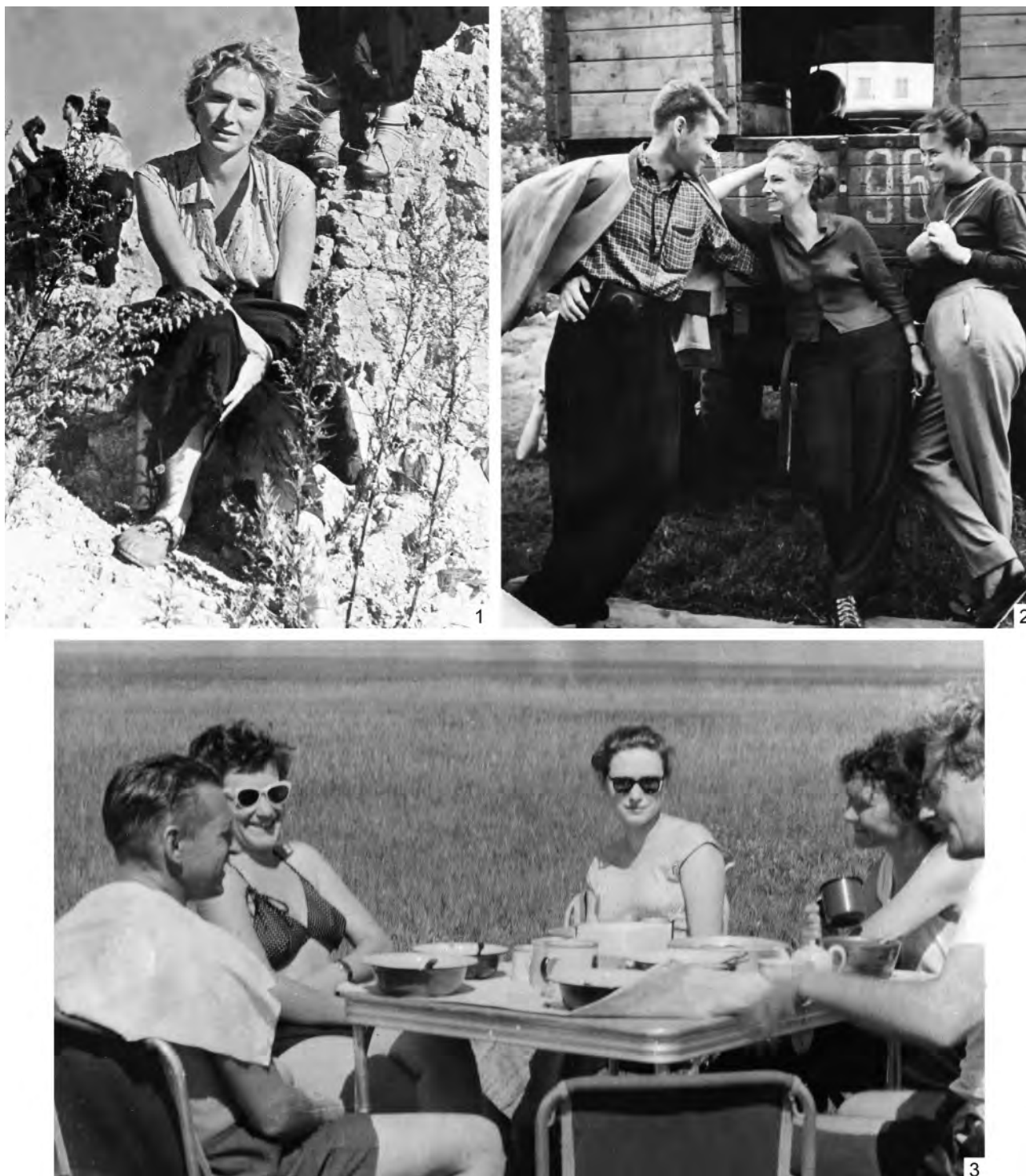

Рис. 2. Э. Б. Вадецкая. 1 — Новгородская экспедиция А. В. Арциховского, 1957 г.; 2 — Хакасия, экспедиция Л. Р. Кызласова, 1959 г. (слева направо: А. Шаров, корреспондент «Литературной газеты в Сибири», Э. Вадецкая, В. Ахмадулина); 3 — Забайкальская экспедиция С. В. Киселева, июль 1958 г.

Fig. 2. E. B. Vadetskaya. 1 — Novgorod expedition headed by A. V. Artsikhovskiy, 1957; 2 — Khakassia, expedition of L. R. Kyzlasov, 1959 (from left to right: A. Sharov, reporter of the “Literary Newspaper” in Siberia; E. Vadetskaya, V. Akhmadulina); 3 — Transbaikal expedition of S. V. Kiselev, July of 1958

Рис. 3. Э. Б. Вадецкая. 1–3 — Хорезмская экспедиция С. П. Толстова, 1961 г.; 4–6 — Красноярская экспедиция М. П. Грязнова: 4 — конец 1960-х — середина 1970-х гг.; 5 — 1967 г.; 6 — середина 1960-х гг.

Fig. 3. E. B. Vadetskaya. 1–3 — Khoresm expedition of S. P. Tolstov, 1961; 4–6 — Krasnoyarsk expedition of M. P. Gryaznov: 4 — late 1960s – middle of the 1970s; 5 — 1967; 6 — middle of the 1960s

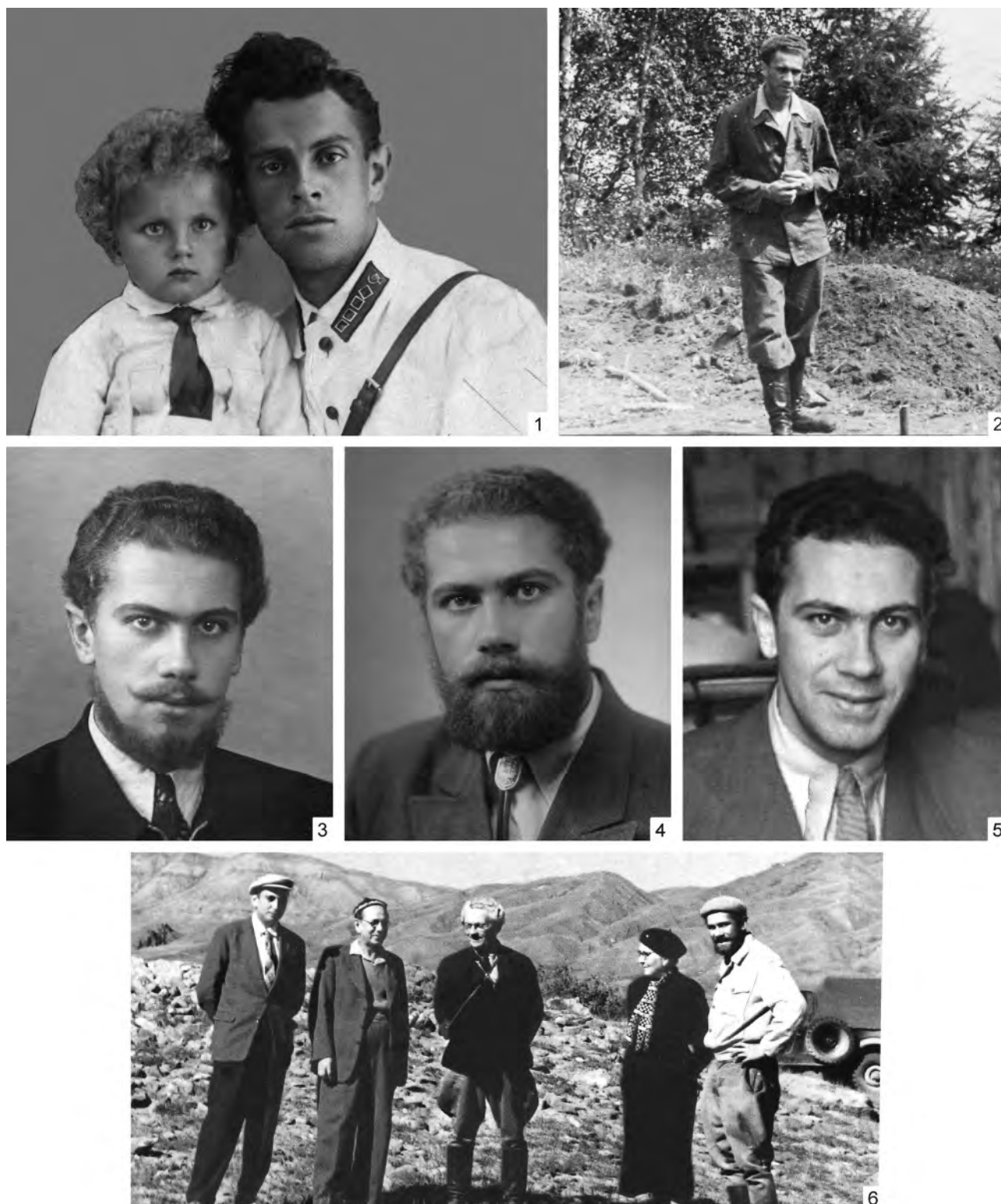

Рис. 4. Г. А. Максименков. 1 — с отцом, А. Н. Максименковым. 1932 г.; 2 — Красноярская экспедиция, 1960–1961 гг.; 3 — 1952 г.; 4 — конец 1950-х гг.; 5 — 1962–1965 гг.; 6 — 6 августа 1960 г., слева направо: водитель, М. П. Грязнов, А. Н. Липский, М. Н. Комарова, Г. А. Максименков

Fig. 4. G. A. Maksimenkov. 1 — with father, A. N. Maksimenkov. 1932; 2 — Krasnoyarsk expedition, 1960–1961; 3 — 1952; 4 — late 1950s; 5 — 1962–1965; 6 — August 6, 1960, from left to right: the driver, M. P. Gryaznov, A. N. Lipskiy, M. N. Komarova, G. A. Maksimenkov

Рис. 5. Э. Б. Вадецкая и Г. А. Максименков. 1, 2 — на церемонии бракосочетания, 19 января 1962 г.; 3–6 — Красноярская экспедиция: 3–5 — Хакасия, август 1965 г.; 6 — Енисей, 1968–1969 гг. (крайний слева Г. А. Максименков, в центре Э. Б. Вадецкая); 7 — Тубинская экспедиция, 1971 г.

Fig. 5. E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. 1, 2 — at the wedding ceremony, January 19, 1962; 3–6 — Krasnoyarsk expedition: 3–5 — Khakassia, August of 1965; 6 — Yenisey, 1968–1969 (G. A. Maksimenkov the last on the left, E. B. Vadetskaya in the centre); 7 — Tuba expedition, 1971

Рис. 6. Э. Б. Вадецкая и Г. А. Максименков. 1 — среди сотрудников Красноярской экспедиции, конец 1960-х — начало 1970-х гг.; 2 — г. Томск, 13 мая 1969 г.; 3 — начало 1980-х гг.; 4 — на раскопках могильника Кадатское Поле (Шарыповский район, Красноярского край), 1980 г.; 5 — Стамбул, в саду археологического музея, май 2007 г.

Fig. 6. E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. 1 — among participants of the Krasnoyarsk expedition, late 1960s — early 1970s; 2 — city of Tomsk, May 13, 1969; 3 — early 1980s; 4 — at the excavation of the cemetery of Kadatskoye Pole (Sharypovsky district, Krasnoyarsk Krai), 1980; 5 — Istanbul, in the garden of the archaeological museum, May of 2007

Рис. 7. Эльга Борисовна Вадецкая. 1 — с А. И. Поселяниным, Абакан, 2004 г.; 2 — Санкт-Петербург, 19 октября 2008 г.; 3 — Санкт-Петербург, дома, 2010 г.; 4 — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, на защите кандидатской диссертации А. И. Торгоева, 25 мая 2011 г.

Fig. 7. Elga Borisovna Vadetskaya. 1 — with A. I. Poselyanin, Abakan, 2004; 2 — St Petersburg, October 19, 2008; 3 — St Petersburg, at home, 2010; 4 — St Petersburg, IIMK RAS, at the defence of the thesis by A. I. Torgoev, May 25, 2011

Библиография работ Г. А. Максименкова

Составитель Л. М. Всевиов

- 1957**
Из истории древнерусской артиллерии // СА. № 3. С. 77–83.
- 1958**
Археологические разведки в Устюжне и прилегающих районах // СА. № 4. С. 187–193 (в соавторстве с И. Н. Хлопиным).
- 1960**
Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. № 1. С. 148–162: ил.
Верхне-Метляевский клад. Иркутск: Иркутский областной краеведческий музей. 44 с.: ил.
Новые данные о археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды конф. по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март, 1960) / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР. Иркутск. С. 43–46.
- 1961**
Культура древних племён Среднего Енисея в эпоху бронзы (Археол. исслед.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ЛГУ. Л.: б. и. 19 с.
Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март, 1960) / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск. С. 301–315: ил.
- 1964**
Могильник у Долгого оз. в г. Канске // Вестник антропологии. Вып. 8. С. 132–134: ил.
Неолит Енисея // Материалы по древней истории Сибири (макет I тома «Истории Сибири») /
- Ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ: б. и. С. 147–156.
Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. Вып. 101. С. 19–23.
Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири... С. 243–248.
Рец.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края: Археология: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Липский. Красноярск, 1963. 166 с.: ил. // СА. № 3. С. 337–340.
- 1965**
Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. № 4. С. 204–211: ил.
Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука (МИА; № 130). С. 168–174: ил.
- 1966**
Раскопки в долине речки Черновой // АО 1965. С. 7–9: ил.
Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Сибирский археологический сб. / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: б. и. (Материалы по истории Сибири. Вып. 2: Древняя Сибирь). С. 77–83: ил.
- 1967**
Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. 1. Кемерово. С. 137–152.
Раскопки в долине речки Черновой и на Подгорном озере // АО 1966. С. 139–141.
- 1968**
Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири с древнейших времен до наших

дней. В 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука. С. 165–172.

Раскопки Черновского отряда // АО 1967. С. 145–146.

1969

Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Межвузовской конф. 11–13 мая 1969 г. / Отв. ред. А. П. Дульзон. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 159–161.

О работах Черновского отряда // АО 1968. С. 182–183.

1970

О культурах эпохи бронзы южной части Сибири // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещаний. 25–31 мая 1970 г. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 75–85.

О некоторых особенностях культуры эпохи раннего железа в лесостепи Восточной Сибири (в связи с находкой погребения в Канске) // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. 2. Кемерово: б. и. С. 12–17: ил.

О развитии производства в первобытном обществе по материалам Сибири // Домашние промыслы и ремесло: Тезисы Расширенного заседания Сектора Средней Азии и Кавказа. 8–9 июня 1970 / Ленингр. отд. Ин-та археологии АН СССР. Л.: б. и. С. 23–26 (в соавторстве с Б. Н. Пяткиным).

Окуневская культура и ее окружение // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещания (25–31 мая 1970 г.) / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 69–74.

1972

Начало работ Тубинской экспедиции // АО 1971. С. 276–277 (в соавторстве с Э. Б. Вадецкой, В. Е. Чижевским).

Обследование берегов Красноярского моря // АО 1971. С. 248–249 (в соавторстве с М. П. Грязновым).

1973

Михаил Петрович Грязнов: К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности //

Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 154–156 (в соавторстве с Э. Б. Вадецкой, Б. Н. Пяткиным).

О работах второго отряда Красноярской экспедиции // АО 1972. С. 226–227: ил.

1974

Карасукский могильник на речке Черновой // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Кемерово: б. и. Вып. 5. С. 15–20: ил.

Могильник баиновского этапа «Левый берег Черновой 1» // Там же. С. 21–26: ил. (в соавторстве с В. Е. Чижевским).

Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири: Сб. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4). С. 8–17.

1975

Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 / АН СССР. СО. Объедин. Учен. Совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск: б. и., 1975. 39 с.

Означении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, СО. С. 159–167.

Работы Минусинской экспедиции // АО 1974. С. 218–219 (в соавторстве с А. М. Флотским).

Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука. С. 48–58.

1976

Своеобразные окуневские погребения // Из истории Сибири: Сб. ст. Вып. 1. Томск: Томский ун-т. С. 58–60.

1978

Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. 190 с.: ил.

Начало работ в зоне топливно-энергетического комплекса // АО 1977. С. 213 (в соавторстве с Э. Б. Вадецкой).

1979

О подходе к изучению памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского

культурно-исторического единства: Тезисы докладов Всесоюзной археол. конф. (Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) Кемерово: б. и. С. 38–41.

1980

Памятники окуневской культуры. Л.: Наука. 148 с.: ил. (в соавторстве с Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьевым).

1981

Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. С. 91–110: ил.

Сюжеты окуневского искусства // Древний Восток и мировая культура: Сб. ст. / Отв. ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. С. 35–41.

1985

Рец.: Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках: Сб. ст. / АН СССР. ИА; Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1983. 112 с.: ил. // СА. № 2. С 290–294.

1992

Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. М. Массон. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. С. 5–12 (в соавторстве с М. П. Грязновым).

Могильник в заливе Куркут // Там же. С. 59–64 (в соавторстве с В. С. Сорокиным).

2003

Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение. 192 с.: ил. (Труды ИИМК; Т. VIII. Archaeologica Petropolitana; 13).

Библиография работ Э. Б. Вадецкой

Составитель Л. М. Всевиов

1964

Афанасьевский могильник на речке Черновая // КСИА. Вып. 101. С. 116–120: ил.

«Музей» под открытым небом // Искусство. № 12. С. 68–69: ил.

1965

Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т археологии (Ленингр. отд-ние). Л.: б. и. 20 с.

Изображение зверя-божества из Хакасии // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва: К 60-летию со дня рождения. М., Наука (МИА; № 130). С. 174–176: ил.

О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине // СА. № 4. С. 211–219: ил.

1967

Древние идолы Енисея. Л.: Наука. 79 с.: ил.

1968

Афанасьевская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Т. 1: Древняя Сибирь / Отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, ЛО. С. 159–165 (в соавторстве с М. П. Грязновым).

Поэзия неведомого // Красноярский рабочий. 1968. 11 декабря.

Раскопки на месте дер. Новая Чёрная // АО 1967. С. 181–182.

1969

О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СА. № 1. С. 270–274: ил.

Работы Таштыкского отряда // АО 1968. С. 185–186.

Этнографические параллели таштыкской культуры // Этногенез народов Северной Азии: Материалы конф. Вып. 1. Новосибирск. С. 87–88.

1970

Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; Вып. 3). С. 261–265: ил.

1971

Поминальные камни таштыкских могильников // КСИА. Вып. 128. С. 33–36: ил.

Роль бугровщиков и мифы о «могильном золоте» на Енисее // СА. № 2. С. 208–211.

Сказы о древних курганах // На суше и на море / Ред. Н. Н. Пронин и др. М.: Мысль. С. 366–381.

1972

Начало работ Тубинской экспедиции // АО 1971. С. 276–277 (в соавторстве с Г. А. Максименковым, В. Е. Чижовым).

Тагарские погребальные ложа: по результатам раскопок 1971 г. // Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археологических исследований в СССР в 1971 г. М.: б. и. С. 388–389.

1973

Афанасьевский могильник «Красный Яр» и его датировка // Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археологических исследований в СССР в 1972 г. Ташкент: Фан. С. 236–238.

К истории археологического изучения Минусинской котловины // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. 6. Кемерово: Кемеровский гос. пед. ин-т. С. 91–159: карт.

Михаил Петрович Грязнов: К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 154–156 (в соавторстве с Г. А. Максименковым, Б. Н. Пяткиным).

Раскопки под горой Оглахты на р. Енисее // АО 1972. С. 201.

Сражение за страницы истории // Потомки Ермака. Кн. 4. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. С. 189–192.

1975

Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука. С. 167–175: ил.

Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука. С. 173–183: ил.

1976

Новые памятники у сёл Лебяжьего и Восточного // АО 1975. С. 220–222.

Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры Енисея // Из истории Сибири: Сб. ст. Вып. 21 / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Томский ун-т. С. 42–52.

Раскопки памятников таштыкской культуры у дер. Комарково // АО 1975. С. 222–223 (в соавторстве с А. Н. Барановым).

1978

Начало работ в зоне Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса // АО 1977. С. 214 (в соавторстве с Г. А. Максименковым).

1979

Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири: Сб. ст. / Ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томский ун-т. С. 98–100.

Значение Минусинского музея им. Н. М. Мартянова для изучения древней истории Сибири // Проблемы истории Хакасии: Сб. ст. / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: б. и. С. 101–109.

Итоги и задачи в изучении тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тезисы докладов Всесоюз. археологической конф. (14–17 ноября 1979 г., г. Кемерово). Кемерово: б. и. С. 41–43.

Раскопки тагарского могильника близ устья ручья Берёзового // АО 1978. С. 211–212.

1980

Афанасьевский курган у с. Восточного на Енисее // КСИА. Вып. 161. С. 101–107.

К методике определения первоначального положения погребенного в могиле // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский ун-т. С. 126–129: ил.

О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: Томский ун-т. С. 104–118: ил.

Памятники окуневской культуры. Л.: Наука. 148 с.: ил. (в соавторстве с Г. А. Максименковым, Н. В. Леонтьевым).

Первые скотоводы Сибири // Археология Прииртышья: Сб. ст. Томск: Томский ун-т. С. 79–93: ил.

Третий год работ Сибирской экспедиции // АО 1979. С. 192–193.

1981

Археологические и этнографические аспекты исследования погребальных памятников (на примере таштыкского могильника Комаркова Песчаная) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири: Материалы совещания / Ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 56–58.

Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. С. 33–62.

Инновация и культурные традиции в тагаро-таштыкских погребальных обрядах // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методологического семинара Ленингр. отд-ния ИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука. С. 57–60.

Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чёя // КСИА. Вып. 167. С. 59–65: ил.

Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 13–21: ил.

Работы Сибирской экспедиции // АО 1980. С. 168.

Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука (Страницы истории нашей Родины). 113 с.: ил.

Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии... С. 95–101: ил.

1982

Интерпретация сосуществования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках //

Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. (7–9 апреля 1982 г.) / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркутский ГУ. С. 114–115.

К вопросу об этногенезе племен Минусинской котловины в II в. до н. э. — V в. н. э. // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю. А. Мочанов. Якутск: б. и. С. 100–103.

1983

Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // *Siberia Kyokutou no Koukogaku*. Vol. 3 / Ed. G. I. Medvedev. Tokyo: Kawade shobou shinsha. P. 200–203 (на яп. яз.).

Исследования в зоне КАТЭК // АО 1981. С. 188–189.

Первые итоги работ на КАТЭЖе // Древние культуры евразийских степей: По материалам археол. работ на новостройках: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 45–47: ил.

Поиски «самодийцев» на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов областной науч. конф. по археологии / Ред. В. И. Матющенко, Н. А. Томилов. Омск: Омский ГУ. С. 20–23.

Проблема интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур: Сб. ст. / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука (Первобытное искусство). С. 86–97: ил.

1984

Берешский скульптурный портрет // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: Тезисы докладов 2-й археологической конф. по проблемам скифо-сибирского мира (3–6 апреля 1984 г.) / Отв. ред. Б. Н. Пяткин. Кемерово: б.и. С. 97–99.

Неизученное наследие И. Т. Савенкова // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): Тезисы докладов Краевой конф. (12–18 сентября 1984 г.) / Отв. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: б. и. С. 190–193.

Работы Сибирской экспедиции // АО 1982. С. 190–191.

Участие хуннов в сложении таштыкской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Матющенко, Н. А. Томилов. Омск: Омский ГУ. С. 80–84.

1985

Мумии и куклы в погребальной обрядности народов Западной и Южной Сибири //

Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Сб. ст. / Отв. ред. Э. Л. Львова. Томск: Томский ГУ. С. 36–38.

Сибирская экспедиция // АО 1983. С. 192–193.

Тагарский курган у с. Тесь на р. Тубе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 144–156: ил.

Таштыкские наконечники и прически // КСИА. Вып. 184: Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. С. 7–14: ил.

1986

Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 180 с.: ил.

Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг. // КСИА. Вып. 188: Археологические исследования на новостройках. С. 92–99 (в соавторстве с С. Б. Гультовым).

Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // КСИА. Вып. 186: Ранний железный век. С. 33–41: ил.

Сибирские курильницы // КСИА. Вып. 185: Памятники неолита и бронзы. С. 50–59: ил.

1987

К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: Томский ГУ. С. 40–52: ил.

Методологические разработки М. П. Грязнова // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов обл. науч. конф. (апрель 1987 г.). Ч. 1. Омск: Омский ГУ. С. 14–17.

Миграции в Западное Присаянье // Смены культур и миграции в Западной Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Томский ГУ. С. 20–21.

Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 67–75: ил.

О культурно-хронологических особенностях памятников таштыкского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии степей Евразии: Тезисы докладов конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Н. Добжанский. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 126–128.

Раскопки тагарского могильника Сопки I // АО 1985. С. 227 (в соавторстве с А. В. Субботиным).

1988

Древнейшие могилы Хакасии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири: Тезисы докладов и сообщений к науч. конф. (23–25 марта 1988 г.) / Отв. ред. А. П. Деревянко. Барнаул: Алтайский ГУ. С. 45–47.

Исследования Сибирской экспедиции // АО 1986. С. 240–242 (в соавторстве с С. В. Красниенко, С. Б. Гультовым).

Палеоэкономические причины погребальных ритуалов древних жителей Енисея // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тезисы докладов и сообщений всесоюз. науч. конф. (15–17 ноября 1988 г.). Вып. 1: Досоветский период / Отв. ред. Р. С. Васильевский, Л. М. Горюшкин. С. 27–29.

1989

Археологический комплекс под горой Оглахты // Памятники истории и культуры Красноярского края: Сб. ст. Кн. 4, вып. 1: Предварительные материалы / Гл. ред. Г. Л. Рукша; отв. ред. Г. Ф. Быконя, Н. И. Дроздов. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. С. 272–279; ил.

Методы изучения общественных отношений тагарцев // Проблемы скифо-сибирского мира: Тезисы Всесоюз. археологической конф. Ч. I / Отв. ред. В. Н. Добжанский. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 41–44.

Общественное значение музейных коллекций // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тезисы докладов науч.-практ. конф. / Ред. В. И. Парамонова и др. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та. С. 59–61.

Опыт реконструкции погребального обряда населения таштыкской культуры Енисея // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии: Тезисы докладов региональной науч. конф. / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: б. и. С. 164–167.

Особенности археологических исследований на КАТЭЖе // Новое в археологических работах на новостройках РСФСР: Сб. тезисов конф. (Суздаль, 13–17 февраля 1989 г.). Редкол. М. В. Александрова и др. М.: ИА АН СССР. С. 84–86.

1990

К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири:

Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Чидина. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 116–118.

Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. Вып. 199: Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири. С. 68–74.

Южносамодийские компоненты культуры древнего населения Присаянья // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: Материалы 3-й балто-славянской конф. (18–22 июня 1990 г.). Ч. II / Редкол.: Вяч. Вс. Иванов, Т. М. Судник, Е. А. Хелимский. М.: Институт славяноведения и балканистики. С. 71–80.

1991

Хронология таштыкского переходного этапа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов к всесоюз. науч. конф. (3–5 апреля 1991 г.) / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: б. и. С. 150–153.

1992

Античные бусы в Южной Сибири // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III Археологического семинара. Ч. 1 / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества. С. 76–82.

Археологическая аргументация южных черт в культуре народов Севера // Сибирские чтения: К 90-летию со дня рождения А. А. Попова (11–13 ноября 1992 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Г. Н. Грачев. СПб.: МАЭ РАН. С. 40–41.

Возвращение к С. А. Теплоухову // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов республиканской науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: б. и. 16–18.

Методы датирования минусинских памятников // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тезисы докладов конф. / Отв. ред. В. М. Массон, В. С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 4). С. 58–60.

По страницам старых писем Н. М. Ядринцева (1842–1894) // Науч. конф. памяти Н. М. Ядринцева (29–30 октября 1992 г.): Тезисы докладов. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ин-та. С. 3–5.

Проблемы моделирования связей минусинских культур // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы докладов конф. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 2). С. 146–150.

Стариграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2 / Под ред. А. М. Буровского. Красноярск: б. и. С. 8–11.

Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской России в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука (Археология СССР). С. 236–246: карт.

1993

Версии и гипотезы об этногенезе древних минусинцев // Проблемы этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов обл. науч. конф. по археологии. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1993. С. 14–20.

Внешние связи населения Присаянья в I–III вв. и их последствия // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конф. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 11). С. 110–114.

1994

Внешние связи древних культур Минусинской котловины (по материалам коллекции стеклянных бус) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 13). С. 66–69.

Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитарные курганы степей Евразии в скифо-сибирскую эпоху: Материалы заседаний круглого стола (СПб., 22–24 декабря 1994 г.) / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 18). С. 62–69.

1995

Динлино-гяньгуньская гипотеза в истории Сибири // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Доклады Всерос. науч. конф. (Омск, 20–22 марта 1995 г.). Ч. 1 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский ГУ. С. 19–23.

Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в Верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // АВ. № 4. С. 96–122: ил.

Таштыкский могильник «Соколовский разъезд» // Южная Сибирь в древности: Сб. ст. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: б. и. (Археологические изыскания; Вып. 24). С. 163–172: ил.

1996

Атрибуты служителей культа по древним погребениям Енисея // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. / Редкол. А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, В. Ю. Зуев, Вл. А. Семёнов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 46–50.

1997

Хронологические этапы таштыкской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов Всерос. науч. конф. (Омск, 2–3 декабря 1997 г.) / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский ГУ. С. 20–28: ил.

1998

Лицевые покрытия под таштыкскими масками // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача (декабрь 1998 г.) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс. С. 193–198: ил.

Маски из таштыкских склепов. Некоторые аспекты технологии и семантики // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1 / Отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 98–106.

1999

Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Archaeologica Petropolitana; 7). 436 с.: ил.

Таштыкская эпоха в древней истории Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / ИИМК РАН. СПб. 34 с.

2000

Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика: По материалам раскопок Таштыкского склепа 2 под горой Тепсей // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов Всерос. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.) / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский ГУ. С. 15–17: ил.

Окуневские традиции в таштыкском искусстве // Исторический ежегодник. Специальный выпуск, посвящ. 70-летию В. И. Матющенко / Отв. ред. А. В. Якуб. Омск: Омский ГУ. С. 47–55: ил.

2001

Погребальные маски из таштыкского склепа Арбан II // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова /

Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ. С. 144–147: ил.

2003

Енисейские мумии: Археологические источники и их анатомическая экспертиза // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 4. С. 36–47: ил. (в соавторстве с В. А. Протасовым).

Технология изготовления масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа [на обложке — 2002]. С. 217–224: ил. (в соавторстве с Л. С. Гавриленко).

2004

Новое о о таштыкских погребальных масках // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 1. С. 51–64: ил.

Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. 2003/2004. Вып. 6/7. Кемерово. С. 8–17. Текст парал. на англ., рус. яз.

Сибирские погребальные маски: Предварительные итоги и задачи исследования // АВ. № 11. С. 298–323: ил.

2005

Вклад С. В. Киселева в изучение таштыкских погребальных масок // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения чл.-кор. РАН С. В. Киселева (Минусинск, 20–26 июня 2005 г.) / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. С. 233–235.

Древние енисейские мумии и погребальные куклы в свете сибирской этнографии // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб: МАЭ РАН. С. 23–30: ил.

Маски-урны: По материалам склепа Белый Яр-III // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул: Алтайский ГУ. С. 140–148: ил.

Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея // ВСАИПИ. 2003 / 2004. Вып. 6 / 7. С. 8–17. Текст парал. на англ., рус. яз.

2006

Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение / Ред. кол. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб.: Элексис-Принт, С. 73–81: ил. (в соавторстве с А. Н. Липским).

Могильник Тас Хазаа // Там же. С. 9–52: ил. (в соавторстве с А. Н. Липским).

Технология изготовления и роспись гипсовых масок енисейских мумий // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3. Новосибирск. С. 55–66: ил. (в соавторстве с Л. С. Гавриленко).

Типы енисейских мумий (по мультимедийным исследованиям) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. II / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 2. С. 343–345.

The Yenisei Mummies with Modeled Skullsand Masks from Siberia // Skull Collection, Modification and Decoration. Oxford (BAR International Series 1539). P 67–75.

2007

Имитация мертвых для продления жизни // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе: Сб. науч. трудов / Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Азбука. Вып. 1. С. 66–80: ил.

Происхождение росписи таштыкских масок // Археологические материалы и исследования Северной Азии. Древности средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томский ГУ. С. 128–139: ил.

Реальные и мнимые связи между окуневской и таштыкской культурами // Birinci Uluslararası Avrasya Arkeoloji Kongresi, FICEA 2007, 21–24 Mayıs 2007, İzmir: bildiri özetleri. İzmir: Anadolu & Avrasya Enstitüsü. С. 214–216.

Роспись таштыкских масок // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 46–56: ил.

2008

Каменные подвески из карасукского могильника Черновой Лог I (трасологическое исследование) // VII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмскогоГУ. С. 287–300 (в соавторстве с Г. Н. Поплевко).

2009

Древние маски Енисея. Красноярск: Версо; СПб.: б. и. 248 с.: ил., карт.

Интерпретация коллективных могил Енисея и верховьев Чулыма // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: История, современное состояние, перспективы: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (3–5 сентября 2009 г.) / Отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Хакасское книжное изд-во. С. 20–25.

2010

Взгляды А. Н. Бернштама на дискуссионные памятники «хуннского» времени Среднего Енисея // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Редкол. В. А. Алекшин и др. СПб.: Инфо-ол. С. 142–149.

Могильник Черновая VI (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 35–46.

2011

Реконструкции кукол-мумий из кургана Белый Яр VI под Абаканом // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: История. Вып. 1, № 1 (1). Абакан: Издательский научный центр. С. 12–25 (в соавторстве с А. И. Поселяниным).

Тагарские погребальные куклы из могильника в урочище Каменка на правом берегу Енисея // Археология Южной Сибири. Вып. 25: Сб. науч. трудов, посвящ. 80-летию со дня рождения Я. А. Шера / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 137–145: ил.

2012

Афанасьевская керамика: классика археологического рисунка // Афанасьевский сборник 2: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука. С. 31–84: ил.

Культ диких животных в похоронной практике племен окуневской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Кн. 2 // Редкол. В. А. Алекшин, М. Т. Кашуба, Д. Г. Савинов и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. С. 208–220: ил.

Могильник Малые Копены II // Афанасьевский сборник 2... С. 85–102: ил.

2013

Николай Владимирович Леонтьев: глазами коллеги и друга // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. № 1. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. С. 7–16.

2014

Свод памятников афанасьевской культуры / Под ред. В. И. Молодина. Барнаул: Азбука. 378 с.: ил. (в соавторстве с А. В. Поляковым, Н. Ф. Степановой).

Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Масона / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб.: Арт-Экспресс (Труды ИИМК; Т. XLII). С. 315–331: ил.

2015

Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ. С. 7–20.

Сухобузимский курган (новый взгляд на старые раскопки) // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 6 / Ред. Н. П. Макаров, К. В. Карпунин. Красноярск: Литера-Принт. С. 59–87.

Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан: Хакас. книжное изд-во. 208 с.: ил. (в соавторстве с А. И. Поселяниным).

2016

Окуневские изваяния: обзор некоторых результатов их изучения // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 201–224: ил.

2018

Ашпыл — некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб.: ИИМК РАН. 294 с.: ил., карт. (в соавторстве с А. В. Субботиным, С. В. Красниенко).

Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей: Сб. трудов конф. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж (Труды ИИМК РАН; Т. XLVII). С. 164–175: ил.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕЩИ, ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ

Афанасьевская культура: об этапах ее изучения¹

Н. Ф. Степанова²

Аннотация. История изучения афанасьевской культуры разделяется на несколько этапов. Новый этап начался в 2000-е гг. Он характеризуется последовательным введением в научный оборот неопубликованных ранее материалов, обязательным применением комплекса естественнонаучных методов, получением новых радиоуглеродных дат, раскопками памятников афанасьевского типа в Синьцзяне, Восточном Казахстане, Монголии и т. д. Анализ материалов показывает, что памятники из разных регионов относятся к локальным вариантам афанасьевской культурно-исторической общности, которая занимает огромную территорию.

Ключевые слова: афанасьевская культура, этап, локальный вариант, памятники, керамика, погребальный обряд, хронология, Горный Алтай, Енисей.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-116-122

Афанасьевская культура занимает особое место в древней истории Сибири и Центральной Азии, и интерес к ней высок как среди отечественных, так и зарубежных исследователей. В истории изучения культуры можно выделить несколько этапов, различающихся не только хронологически, но и территориально (Степанова, Поляков, 2010).

Открытие первых памятников связывают с исследованиями В. В. Радлова в Горном Алтае в 1865 г. (Грязнов, Вадецкая, 1968).

Следующий этап — раскопки памятников, на основании которых была выделена и охарактеризована культура. Они проводились в 1920–1930-е гг. на Среднем Енисее С. А. Теплоуховым, В. П. Левашевой, Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым. В эти же годы были исследованы афанасьевские памятники Горного Алтая — работы С. М. Сергеева, Г. П. Соновского, А. Т. Кузнецовой и С. В. Киселева.

Третий этап — на Среднем Енисее — связан с масштабными раскопками в зоне строительства Красноярской ГЭС, осуществлявшимися Красноярской экспедицией ЛОИА (Вадецкая, 1986). В Горном Алтае в этот период раскопки проводились Е. М. Берс в устье р. Куюм (Берс, 1974).

Хронологические рамки культуры и ее характеристика были даны вначале в работах С. А. Теплоухова, С. В. Киселева, а затем — М. П. Грязнова и Э. Б. Вадецкой (Теплоухов, 1929; Киселев, 1951; Грязнов, Вадецкая, 1968). Последние указывали на то, что афанасьевцы — первые скотоводы в Сибири, и с ними связано появление металлопроизводства на этой территории. Хронологические рамки культуры были определены пределами второй половины III тыс. до н. э. (Грязнов, Вадецкая, 1968. С. 159). Также было высказано несколько гипотез о происхождении культуры.

Начало следующего этапа в изучении афанасьевских памятников относится к середине 1970-х гг., когда одновременно разные научные учреждения начали исследования в Горном Алтае. Этот этап характеризуется выявлением десятков новых афанасьевских памятников, раскопками многих из них, накоплением материалов.

Афанасьевские памятники Горного Алтая были единодушно признаны локальным вариантом афанасьевской культуры, и на основании первых радиоуглеродных дат — более древними

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

² Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, 630090, Россия; e-mail: nstepanova10@mail.ru.

по сравнению с енисейскими. В целом хронологические рамки культуры были определены в пределах конца IV — начала II тыс. до н. э. Была высказана гипотеза о «консервации» культурных традиций в Горном Алтае, о том, что афанасьевское население могло долго оставаться основным, хотя и не единственным населением Горного Алтая не только на протяжении III–II тыс. до н. э., но, возможно, до VII–VI вв. до н. э. (*Абдулганеев и др.*, 1982). Основывалось это утверждение на имеющихся радиоуглеродных датах и малочисленности памятников, которые могли быть датированы эпохой бронзы.

Несмотря на то что в этот период происходило накопление и изучение материалов других археологических культур эпохи бронзы, в частности окуневской, каракольской, датировка которых частично или полностью совпадала с датировкой афанасьевской культуры, широкие хронологические рамки последней не вызывали возражений. В остальном характеристика афанасьевской культуры, ранее сформулированная С. В. Киселевым, М. П. Грязновым и Э. Б. Вадецкой по результатам анализа материалов афанасьевских памятников Среднего Енисея, оставалась неизменной.

Новейший этап в истории изучения афанасьевской культуры относится к началу 2000-х гг. С этого момента и по настоящее время в научный оборот введена большая часть ранее не опубликованных материалов, широко применяются естественно-научные методы анализа материалов, проводится одновременное углубленное сравнительное изучение памятников Горного Алтая и Среднего Енисея (*Афанасьевский сборник*, 2010; 2012; *Вадецкая и др.*, 2014; и др.). Получена серия новых радиоуглеродных дат, проведены палеогенетические исследования, изучено несколько важных объектов в Синьцзяне, Монголии, Восточном Казахстане (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010; *Толеубаев и др.*, 2017; *Ковалев*, 2019; *Мериц и др.*, 2020; и др.).

В результате масштабных раскопок в Горном Алтае было выявлено большое количество типов надмогильных сооружений. Практически на каждом памятнике выделены своеобразные черты и новые «типы» конструкций (*Цыб*, 1980; *Абдулганеев*, 2006). Анализ признаков надмогильных конструкций установил для всех объектов характерные особенности: круглое или округлое сооружение в виде кольца, которое возводилось разными способами, — из крупных вертикально поставленных плит; из рваных камней и плиток, уложенных

горизонтально в несколько слоев (ограды-стенки); из крупных камней и валунов. Отмечены случаи совмещения на одном объекте разных видов камней и конструкций. Основное отличие состоит в том, как установлены и уложены плиты и камни, то есть находятся они в вертикальном или горизонтальном положении, полностью или частично заполнено камнями внутреннее пространство. В результате был сделан вывод, что разнообразие конструкций связано с двумя причинами: 1) доступностью материала, из которого сооружались объекты, 2) существованием определенных требований к конструкции над захоронением. Однако строгих канонов в возведения погребальных сооружений еще, видимо, не было. Это могло быть обусловлено как тем, что традиция еще полностью не сложилась, так и освоением новых территорий и приспособлением к новым условиям (*Степанова*, 2010; 2012а; *Вадецкая и др.*, 2014. С. 310–336).

Нельзя исключать, что разнообразие надмогильных конструкций частично связано и с обрядовыми (этнографическими) отличиями разных групп населения. Различия в погребальном обряде отмечены и по другим признакам. Например, известны *три* традиции сооружения перекрытий могил (массивные плиты из сланца, деревянные накаты и отсутствие перекрытий), различия в ориентации погребенных и др. Анализ погребального обряда выявил, что объекты афанасьевской культуры Горного Алтая с похожими надмогильными конструкциями имеют и другие общие черты (*Степанова*, 2012а). Устойчивое совмещение ряда черт позволило поставить вопрос о выделении обрядовых групп, которые свидетельствуют о том, что афанасьевское население было неоднородно по этнографическим характеристикам. Предположение о неоднородности афанасьевского населения подкреплено и антропологическими данными (*Солодовников*, 2005). Выделенные обрядовые группы по двум основным признакам (тип надмогильной конструкции и ориентация погребенных) различаются по численности объектов и не локализованы на отдельных территориях. Наличие бесспорных поздних черт (плоскодонной посуды, курильниц и др.) практически во всех группах говорит об одновременном функционировании памятников с разными типами надмогильных конструкций и о контактах населения. Анализ погребального обряда выявил также ряд объектов, которые отличаются от афанасьевских и составляют куротинский тип погребений,

включающий памятники, отражающие смешение афанасьевского населения с инокультурным, а также ряд объектов, вероятнее всего, относящихся к другой археологической культуре.

Одним из основных достижений современного периода изучения афанасьевской культуры можно считать изменение подхода к ее датированию. Предположение о том, что афанасьевская культура существовала с конца IV тыс. до н. э. до рубежа III–II тыс. до н. э., подверглось пересмотру. Первоначально эти хронологические границы были поставлены под сомнение вследствие изучения керамики. Были выявлены группы сосудов, каждая из которых была изготовлена отдельной группой гончаров. Выяснилось, что большинство памятников функционировали в один хронологический промежуток времени. Это позволило поставить вопрос о значительно более коротком сроке существования афанасьевской культуры Горного Алтая (Степанова, 2009). Затем были получены радиоуглеродные AMS даты. На их основании время существования культуры было значительно сокращено: в Горном Алтае — до XXXI–XXIX вв. до н. э., на Среднем Енисее — XXIX–XXV вв. до н. э. (Поляков и др., 2019). Тем не менее такую хронологию также нельзя считать окончательной, так как археологический материал указывает на одновременность существования многих афанасьевских памятников этих регионов, на возможные контакты населения. Хотя это не исключает, что на Енисее население этой культуры проживало дольше, чем на Алтае, или же связи между племенами на позднем этапе были утрачены.

Другим важнейшим достижением в изучении афанасьевской культуры следует считать выявление памятников афанасьевского типа в Синьцзяне, Монголии, Восточном Казахстане (Толеубаев и др., 2017; Ковалев, 2019; Мерц и др., 2020). На этих территориях проведены раскопки нескольких объектов, которые позволяют сравнить погребальный обряд и инвентарь. К сожалению,

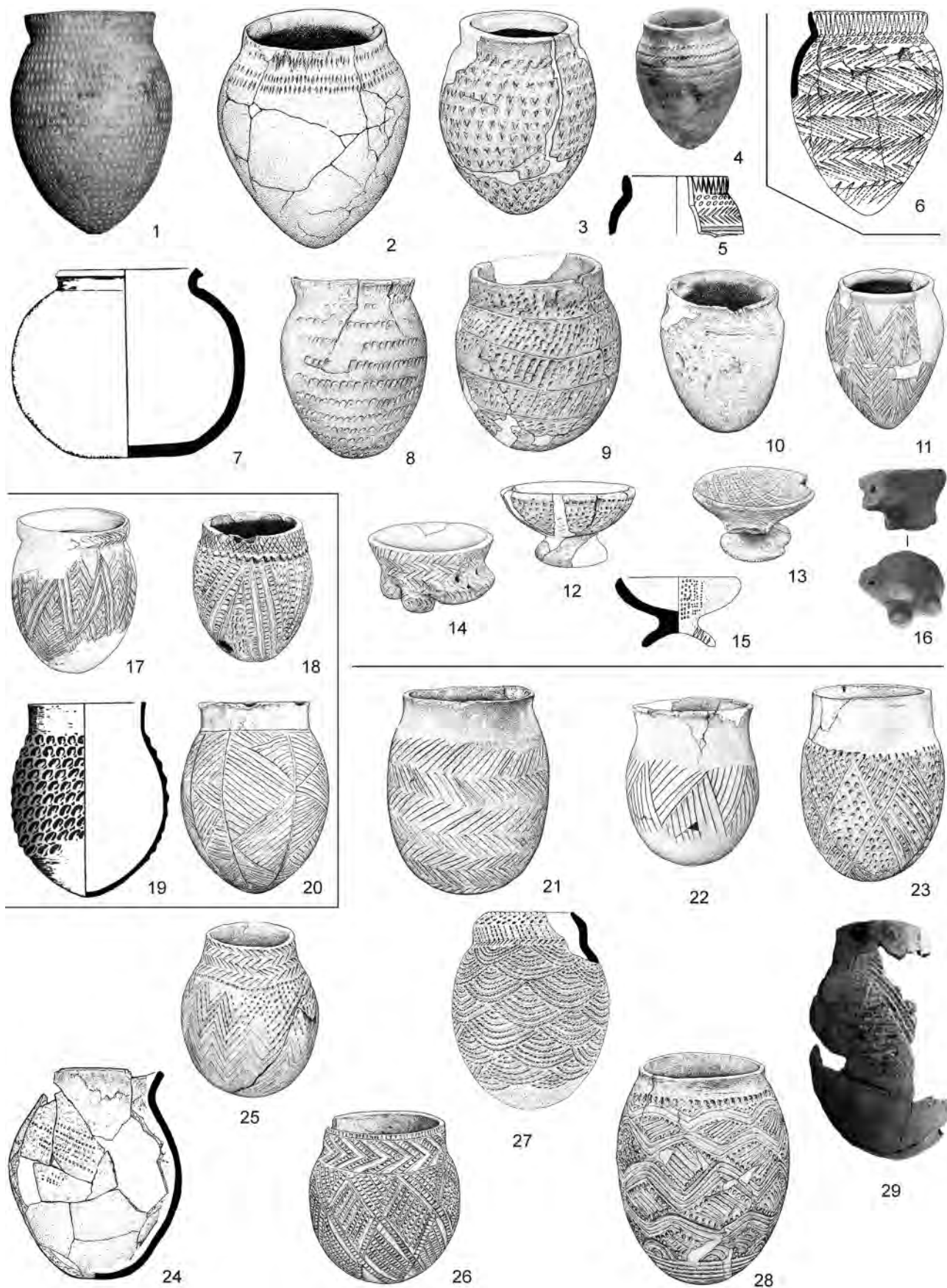
раскопанных объектов афанасьевского типа не много, но получено около 40 сосудов. Многие из них относятся к случайным находкам или же их происхождение неоднозначно (Ковалев, 2019). Анализ форм сосудов и орнамента показывает, что керамический комплекс неоднороден и предвзятельно может быть разделен на *три группы*.

Первая группа сосудов имеет большое сходство с афанасьевскими по форме и частично по орнаменту (рис. 1, 1–5, 7–16). Особенно хотелось бы отметить некоторые изделия. В частности, из могильника Водохранилище Абдра (рис. 1, 5). Подобные сосуды найдены на могильнике Нижний Тюмечин-1 в Горном Алтае (Вадецкая и др., 2014. Рис. 15, 3, 12). Сходство проявляется как в форме, так и в орнаментации, в том числе в украшении венчика и верхней части сосуда рядами оттисков незубчатого штампа, сменяющегося отпечатками инструмента с длинным рабочим краем, на Нижнем Тюмечине-1 — это ряды качалки (рис. 1, 6). Также вписывается в горноалтайскую серию и сосуд из могильника Синфу (Куэрцякэ III) (рис. 1, 4). Его отличие от алтайских незначительно, в то же время в коллекции сосудов из Горного Алтая есть намного более необычные экземпляры. Курильницы имеют сходство и с алтайскими, и с енисейскими экземплярами. Вполне вероятно, что различия между керамикой этой группы и афанасьевской того же порядка, что и между алтайскими и енисейскими керамическими комплексами.

Вторую группу сосудов с афанасьевскими сопоставить можно только на основании формы дна (округлое). Однако орнамент и форма изделий, включая оформление венчиков, с афанасьевскими несопоставимы (рис. 1, 21–29). Подобная форма дна характерна не только для афанасьевской керамики, поэтому не может быть основанием для определения культурной принадлежности. В этой группе по орнаменту выделяются *две подгруппы*: *первая* включает изделия с высокими неорнаментированными венчиками (рис. 1, 21–23), *вторая* —

Рис. 1. Керамика афанасьевского типа: 1–5, 7–16 — первая группа; 17–20 — третья группа; 21–29 — вторая группа. 1–5, 8–15, 17, 18, 20–23, 25–28 — Синьцзян (Ковалев, 2019); 7, 16, 19, 29 — Казахстан (7, 19 — Евдокимов, Ломан, 1989; 16, 29 — Толеубаев и др., 2017); 24 — Монголия (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010); 6 — афанасьевский сосуд из Горного Алтая (Вадецкая и др., 2014)

Fig. 1. Pottery of the Afanasyevo type: 1–5, 7–16 — first group; 17–20 — third group; 21–29 — second group. 1–5, 8–15, 17, 18, 20–23, 25–28 — from Xinjiang (Ковалев, 2019); 7, 16, 19, 29 — from Kazakhstan (7, 19 — Евдокимов, Ломан, 1989; 16, 29 — Толеубаев и др., 2017); 24 — from Mongolia (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010); 6 — Afanasyevo jar from Mountain Altai (Вадецкая и др., 2014)

сосуды, украшенные полностью орнаментом, нехарактерным для афанасьевской культуры (шевроны и т. д.) (рис. 1, 23, 25–29). Сосуды этого типа известны в Синьцзяне и Восточном Казахстане (*Толеубаев и др.*, 2017; *Ковалев*, 2019; *Мерц и др.*, 2020).

Третья группа сосудов малочисленна и может быть отнесена как к промежуточному варианту между первой и второй, так и к самостоятельной серии (рис. 1, 17–20). Эти сосуды сопоставимы с афанасьевскими по форме, но не по орнаменту.

Пока преждевременно делать вывод, составляют ли памятники, исследованные в последние годы на территории Синьцзяна, Восточного Казахстана и Монголии, единую группу или это памятники разных археологических культур. Картографирование сосудов первой группы не выявило их локализации в одном микрорайоне. При характеристике объектов из Синьцзяна, Восточного Казахстана, Монголии (Кургак говь) необходимо отметить частые находки изделий из металла, в том числе ножей. В афанасьевских погребениях на Алтае и Среднем Енисее такие вещи встречаются крайне редко (*Вадецкая и др.*, 2014). Очевидно, что некоторые из этих памятников относятся к особому локальному варианту афанасьевской культурно-исторической общности. Для нескольких погребений получены радиоуглеродные даты. Часть из них совпадают с датами, полученными для афанасьевских погребений Горного Алтая (*Ковалев*, 2019; *Поляков и др.*, 2019).

Проблема происхождения афанасьевской культуры по-прежнему остается актуальной, несмотря на результаты, полученные антропологами, палеогенетиками, подтверждающими особое сходство с населением древнеямной культуры. Утверждение факта происхождения населения афанасьевской культуры от древнеямного преждевременно, слишком велики различия в погребальном обряде и инвентаре (*Степанова*, 2008). На Алтай и Средний Енисей афанасьевское население пришло уже со сложившимися традициями — возведение надмогильных конструкций из камня в виде колец, устойчивый обряд помещения в могилу керамики, которая по формам и орнаменту значительно отличается от древнеямной. Да и в целом в большинстве афанасьевских погребений находят инвентарь, в отличие от древнеямных захоронений сами вещи намного разнообразнее. Для того чтобы сложились подобные различия в обряде и в материальной культуре, требовалось определенное время и

условия. Ответ на вопрос, где произошло становление этих традиций, по-прежнему остается открытым.

Изучение погребального обряда и керамики также позволяет утверждать, что на Средний Енисей афанасьевское население проникло не через Горный Алтай. Прослежены особенности в погребальном обряде алтайских и енисейских памятников, но наиболее заметны различия в формах и орнаментации керамики. Афанасьевцы Енисея не оставили следов в Горном Алтае (*Степанова*, 2010. С. 184). По крайней мере такой вывод следует сделать по материалам, известным в настоящее время. В то же время сходство, например, в возведении погребальных объектов из вертикально поставленных плит, украшении керамики качалкой и редкими способами орнаментации (орнамент нанесен аналогичными инструментами с необычным рабочим краем), свидетельствует о контактах населения или о том, что общие традиции еще не были утрачены и хронологические различия не могут быть существенными (*Степанова*, 2012б. Рис. 3). Возможно, о путях продвижения афанасьевского населения свидетельствуют находки неподалеку от Самарканда (*Аванесова*, 2012). Однако для подтверждения или опровержения этих предположений необходимы новые исследования.

Подводя итог, необходимо отметить, что за последние десятилетия изучение афанасьевской культуры вышло на новый уровень. Есть определенные достижения в определении хронологических границ, изучении погребального обряда, материальной культуры, антропологических материалов, получены данные о том, что афанасьевское население пришло в Сибири и др. На сегодняшний день с уверенностью можно утверждать, что территория распространения памятников афанасьевской культурно-исторической общности значительно шире, чем можно было предполагать еще недавно. Известно несколько локальных вариантов общности, занимающей огромную территорию. Это сравнимо с древнеямной культурой, памятники которой также занимают огромную территорию и имеют наряду с общими признаками ряд существенных различий. По-прежнему остается много загадок, связанных с афанасьевской культурой, например, происхождение, дальнейшие исторические судьбы, социальные отношения в обществе и ряд других.

- Абдулганеев*, 2006 — *Абдулганеев М. Т.* Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2006. С. 4–19.
- Абдулганеев и др.*, 1982 — *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1982. С. 52–77.
- Аванесова*, 2012 — *Аванесова Н. А.* Святилище ранних номадов Заравшана // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 8–27.
- Афанасьевский сборник, 2010 — Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.
- Афанасьевский сборник, 2012 — Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. 226 с.
- Берс*, 1974 — *Берс Е. М.* Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Курум // Бронзовый и железный век Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974 (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; Вып. 4). С. 18–31.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая и др.*, 2014 — *Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Грязнов, Вадецкая*, 1968 — *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 159–165.
- Евдокимов, Ломан*, 1989 — *Евдокимов В. В., Ломан В. Г.* Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. В. Евдокимов. Караганда: Карагандинский ГУ, 1989. С. 34–46.
- Киселев*, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Ковалев*, 2019 — *Ковалев А. А.* Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 2019. С. 188–209.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010 — *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 91–108.
- Мерц и др.*, 2020 — *Мерц И. В., Мерц В. К., Шакинов С. А.* Могильник Сапа — первый памятник афанасьевской культуры в Тарбагатае (первые результаты исследований) // Материалы междунар. научно-методической конф. «XII Оразбаевские чтения» по теме «Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: проблемы изучения, интерпретации и сохранения». Алматы: Қазақ университеті, 2020. С. 47–52.
- Поляков и др.*, 2019 — *Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф.* Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 2019. С. 181–187.
- Солодовников*, 2005 — *Солодовников К. Н.* Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // *Ларин О. В.* Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. С. 120–154.
- Степанова*, 2008 — *Степанова Н. Ф.* Афанасьевская культура и древнеямная КИО: сходство и различие // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 351–354.
- Степанова*, 2009 — *Степанова Н. Ф.* Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2009. С. 154–159.
- Степанова*, 2010 — *Степанова Н. Ф.* Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 177–187.
- Степанова*, 2012а — *Степанова Н. Ф.* К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры

- Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Кн. 2. С. 203–208.
- Степанова, 2012б — Степанова Н. Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2 / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012б. С. 183–195.
- Степанова, Поляков, 2010 — Степанова Н. Ф., Поляков А. В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 4–15.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: Тип. им. И. Федорова, 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Толеубаев и др., 2017 — Толеубаев А. Т., Жуматаев Р. С., Шакенов С. Т. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. №3(4). С. 611–625.
- Цыб, 1980 — Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1980. С. 38–51.

Afanasyevo culture: stages of its studies

N. F. Stepanova³

Keywords: Afanasyevo culture, stage, local variant, archaeological sites, pottery, burial rite, chronology, Mountain Altai, Yenisey.

Studies of the Afanasyevo culture include several stages which differ chronologically depending on the region where the sites are situated. The beginning of one of the stages is dated to the middle of the 1970s when large-scale investigations were started in the Mountain Altai. The Afanasyevo sites of the Mountain Altai were recognized as a local variant of that culture and, on the basis of radiocarbon dates, more ancient than the Yenisey ones. The characterisation of the culture, earlier formulated by S. V. Kiselev, M. P. Gryaznov and E. B. Vadetskaya basing on materials of the Afanasyevo sites on the Middle Yenisey was unchanged. A new stage in studies of the Afanasyevo culture is connected with the beginning of the 2000s. It is related with scientific publication of previous materials, comparative examination of finds from the Altai and Yenisey and application of natural science methods. Radiocarbon dates were obtained defining the chronological limits of the culture to the 31st–29th century BC (Mountain Altai) and 29th–25th century BC (Yenisey). It was proved that the Afanasyevo people were newly arrived to Siberia. On the basis of the Altai sites, ritual groups were distinguished as well as non-Afanasyevo objects. In Xinjiang, East Kazakhstan and Mongolia, monuments of the Afanasyevo type were discovered. The collection of pottery from these territories was divided into three groups, of which one was similar to the Afanasyevo type but the second and third groups were non-peculiar to this culture (Fig. 1). Analysis of the finds demonstrates that still another variant of the local Afanasyevo cultural and historical unity is distinguishable with its sites occupying a huge territory. The problem of the origin of the Afanasyevo population so far remains unsolved.

³ Nadezda F. Stepanova — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 17 pr. Akad. Lavrentieva, Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: nstepanova10@mail.ru.

Окуневская культура и сейминско-турбинский феномен (историографические заметки)¹

В. И. Молодин²

Аннотация. Окуневская археологическая культура, выделенная Г. А. Максименковым, является одним из важнейших открытий в археологии бронзового века Евразии. Культура изучена по материалам преимущественно погребальных комплексов, а также каменным изваяниям, плитам с рисунками, наскальным изображениям. В статье с историографической точки зрения рассматривается проблема вероятного соотношения комплексов окуневской культуры и бронзовых изделий сейминско-турбинского типа. Параллели окуневской культуры с западными культурами Сибири (кротовской, самусьской, одиновской, крохалевской, елунинской), почти в каждой из которых сейминско-турбинские предметы присутствуют в закрытых комплексах, позволяют связать находки классических изделий сейминско-турбинского облика с носителями окуневской культуры. Предлагаются вероятные пути проникновения сейминско-турбинских изделий в Минусинскую котловину.

Ключевые слова: Минусинская котловина, окуневская культура, сейминско-турбинские бронзы.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-123-129

Глеб Алексеевич Максименков принадлежит к ярким представителям ученых послевоенного поколения, внесшим огромный вклад в отечественную и мировую науку. По сути именно Максименкову принадлежит честь выделения самостоятельной археологической культуры раннего бронзового века в Минусинской котловине, названной им окуневской (Максименков, 1964; 1965; 1975). Выступивший в дискуссии на защите докторской диссертации Г. А. Максименкова «Окуневская культура» академик А. П. Окладников обозначил появление этой работы как открытие чрезвычайное в археологии эпохи бронзы Евразии³. И это действительно так. С момента

выделения Максименковым этой культуры прошло без малого полвека, но практически каждый год приносит замечательные находки.

Выделение окуневской культуры имеет достаточно богатую предысторию (Савинов, 1997), однако, как совершенно справедливо отметил в своем историографическом очерке Д. Г. Савинов, именно с исследований памятника Черновая VIII, на основании материалов которого Максименков выделил самостоятельную окуневскую археологическую культуру, наступил новый этап в изучении окуневских памятников (Там же. С. 9).

Выделение Г. А. Максименковым окуневской культуры существенно изменило представления исследователей об историко-культурных процессах в эпоху бронзы не только на территории Минусинской котловины, но и всей Западной Сибири. Исследователь пришел к чрезвычайно значимому выводу, который затем полностью подтвердился, что на территории Сибири от Байкала до Восточного Казахстана в определенный исторический период «были распространены культуры,

¹ Работа выполнена согласно проекту РФФИ №18-09-00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез».

² Отдел археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН; ул. Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 663690, Россия; e-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru.

³ Автор этих строк присутствовал на защите и в какой-то степени был участником данного события,

получив на память от соискателя автореферат с дарственной надписью.

близкие по форме вещей, принципам орнаментации керамики и ряду других черт, которые можно назвать культурами окуневско-самусьского типа» (Максименков, 1970; 1975. С. 21), вместе с тем содержащие и существенные отличия, «заставляющие видеть в каждой из них самостоятельную местную культуру» (*Там же*).

Следует напомнить и знаковые этапы в исследовании и публикации источников по окуневской культуре. Сначала Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая и Н. В. Леонтьев издали материалы на тот период опорного окуневского памятника Черновая VIII (*Вадецкая и др.*, 1980). Затем в 1981 г. появились серия статей, специально подготовленных М. Н. Комаровой (*Комарова*, 1981), Г. А. Максименковым (*Максименков*, 1981) и Д. Г. Савиновым (*Савинов*, 1981), вышедшая в тематическом сборнике в Новосибирске.

Однако настоящим событием в изучении окуневской проблематики стала подготовка и издание «Окуневского сборника» под редакцией Д. Г. Савинова и М. Л. Подольского (Окуневский сборник, 1997). В него вошли публикации и аналитические статьи, посвященные введению в научный оборот новейших источников (работы И. П. Лазаретова, С. В. Хаврина, А. А. Ковалёва, М. Л. Подольского, Е. Д. Паульса, Э. Н. Киргинекова, А. И. Готлиба, Вл. А. Семёнова), аналитические исследования по проблемам окуневской культуры и искусства (работы Д. Г. Савинова, М. Л. Подольского, Н. В. Леонтьева, К. В. Чугунова, М. А. Дзвлет, С. В. Студзицкой, Б. Н. Пяткина, Д. А. Мачинского), а также исследования по антропологии носителей окуневской культуры (Ю. Д. Беневолинская, А. В. Громов). Замечательно, что при поддержке Германского археологического института (Берлин, Германия) был подготовлен и выпущен «Окуневский сборник 2» (Окуневский сборник 2, 2006), под редакцией Д. Г. Савинова, М. Л. Подольского, А. Наглера и К. В. Чугунова, посвященный введению в научный оборот новых окуневских материалов, а также источников, синхронных по времени и территориально близких Минусинской котловине. В нем нашла продолжение идея Г. А. Максименкова об окуневской культуре и ее окружении.

К перечисленному следует добавить монографию А. Гасса, вышедшую в Германии и включающую отчетные материалы по окуневской культуре и аналитику (*Gass*, 2011).

И сам Глеб Алексеевич, и его многочисленные коллеги, сторонники и оппоненты не могли

оставить без внимания проблему сейминско-турбинского феномена в контексте окуневской культуры. Полагаю, что небезынтересно рассмотреть проблему с позиции сегодняшнего дня, с учетом новых материалов и концепций, которые, с моей точки зрения, подчеркивают глубину исследований Максименкова и их научную значимость.

Г. А. Максименков был склонен связывать распространение предметов сейминско-турбинского облика с андроновским проникновением на восток и, как следствие, формированием здесь синкретичных культурных образований (типа томской культуры) и датировать это явление XVI–XV вв. до н. э., согласно предположению О. Н. Бадера о появлении турбинских предметов (*Максименков*, 1975. С. 22). Таким образом, следуя логике исследователя, появление сейминско-турбинских изделий имело место лишь на заключительном этапе существования окуневской культуры. Тезис этот вряд ли может быть принят сегодня, поскольку в андроновских (фёдоровских) комплексах Минусинской котловины, опубликованных Г. А. Максименковым в специальной монографии (*Максименков*, 1978), предметов сейминско-турбинского типа найдено не было. Не обнаружены такие предметы и на более западных пространствах распространения андроновских (фёдоровских) памятников Кузбасса (*Мартынов*, 1964), равнинного Алтая (*Кирюшин и др.*, 2006), Барабинской лесостепи (*Молодин*, 1985), как, впрочем, и далее на запад (*Кузьмина*, 2008). Отметим, что со времени издания монографии Г. А. Максименкова количество исследованных андроновских (фёдоровских) памятников возросло многократно.

Вместе с тем Г. А. Максименков констатировал наличие в материалах окуневской культуры литых бронзовых изделий (*Максименков*, 1975. С. 16). Особое место здесь занимает бронзовый литой втульчатый наконечник копья (*Там же*. С. 9), позднее опубликованный Э. Б. Вадецкой (*Вадецкая*, 1981). Этот факт очень важен, поскольку свидетельствует о наличии у носителей окуневской культуры тонкостенного литья бронзы, появление которого в Западной Сибири принято связывать с сейминско-турбинским транскультурным феноменом.

В качестве дополнительного аргумента в пользу наличия у носителей окуневской культуры крупных бронзовых копий может служить стела из могильника Черновая VIII, где, по мнению ряда исследователей (*Подольский*, 1997. С. 192), с обеих

сторон от личины изображены «копья» (правда, данная композиция имеет и иное толкование — см.: *Мачинский*, 1997. С. 278).

В этой связи уместно напомнить высказанное Н. Л. Членовой предположение, что изделия сейминско-турбинского круга были свойственны носителям окуневской культуры, однако согласно их погребальной практике не помещались в захоронения (*Членова*, 1977. С. 110). Это не значит, конечно, что я разделяю концепцию Натальи Львовны о сосуществовании окуневской, андроновской и карасукской культур, однако тот факт, что сейминско-турбинские предметы бытуют вместе с керамикой, эпохально близкой окуневской (кротовской, елунинской, одиновской) в захоронениях и на поселениях, сейчас очевиден и не нуждается в дополнительной аргументации (см. подробно: *Молодин*, *Гришин*, 2016).

В статье Н. Л. Членовой, достаточно дискуссионной по сути, имеются совершенно верные суждения, которые прошли проверку временем. Исследовательница провела параллель между материалами окуневской и самусьской культур, а также могильника у с. Ростовка. Эти линии сопоставления были проведены Г. А. Максименковым и другими исследователями, однако именно Членова акцентировала внимание на том, что сейминско-турбинские изделия могли попасть в Минусинскую котловину благодаря контактам именно с носителями данных культурных образований. Более того, она наметила вероятные пути этого транзита: «...с верховьев Иртыша и из прилегающих районов <...> сейминские бронзы (вероятно, вместе с их носителями) распространялись главным образом вниз по Иртышу (где много случайных находок, а также Омский клад и Ростовкинский могильник под Омском), но частично и в Минусинскую котловину (вероятно, через Монголию, где есть случайные находки вещей сейминского типа, и Туву)» (*Членова*, 1977. С. 110)⁴. Идею Н. Л. Членовой о наличии серебряных предметов в окуневских комплексах как показателе сейминско-окуневских связей (*Там же*) как будто подтверждают исследования окуневского металла, проведенные С. В. Хавриным (*Хаврин*, 1997. С. 163).

⁴ Особо подчеркну, что я не разделяю дальнейшую идею Н. Л. Членовой о параллелях между карасукскими и сейминско-турбинскими бронзами и, как следствие, о сходстве материалов окуневской и карасукской культур, тиражируемую автором в ряде работ (*Членова*, 1972).

В настоящее время данная версия выглядит еще более убедительно. Открытие в Синцзяне, в верховьях Иртыша, предметов, по форме приближающихся к сейминско-турбинским, позволило Е. Н. Черныху и автору этих строк вообще видеть именно в этом районе Азии истоки сейминско-турбинского феномена (*Черных*, 2013; *Молодин*, 2017). Продвинувшись по акватории Иртыша, уже в лесостепи миграционный поток разделился — одна волна направилась на запад, другая — на восток. Новые открытия в Барабинской лесостепи комплексов с сейминско-турбинскими бронзами позволили обоснованно связывать Ростовку с кротовской культурой (*Молодин*, *Гришин*, 2016), а также выделить закрытые комплексы одиновской культуры с сейминско-турбинским металлом (*Молодин*, 2013).

Эпохальное сходство материальной культуры в окуневских и кротовских памятниках рассмотрено мною ранее (*Молодин*, 1988) и нашло отклик у специалистов (*Савинов*, 1997; *Семенов*, 1997 и др.). С позиций сегодняшнего дня, когда существенно расширились наши представления об «окуневском окружении» на западе, можно говорить, что пути проникновения сейминско-турбинских бронз на восток (в Минусинскую котловину) могли проходить по нескольким маршрутам. Помимо центрального (азиатского) пути сейминско-турбинский металл мог распространяться на восток через носителей кротовской, елунинской и одиновской культур и далее через представителей крохалевской культуры, памятники которой были открыты в Кузбассе (*Бобров*, *Марочкин*, 2016). В этой связи уместно напомнить, что керамика новоселовского типа, выделенная А. В. Виноградовым в Минусинской котловине, по мнению исследователя, не только близка раннеокуневской, но и сопоставима с крохалевской и одиновской посудой территории Приобья и Барабинской лесостепи (*Виноградов*, 1982). Кстати, именно в этом районе Кузбасса известны находки нескольких бронзовых кельтов сейминско-турбинского типа (*Баухник*, 1970; *Бобров*, 2000; *Ковтун*, *Марочкин*, 2011). И. П. Лазаретов отмечает, что уже в комплексах черновского типа окуневской культуры последние в целом все более подходят на самусьские, ростовкинские и кротовские из Западной Сибири (*Лазаретов*, 1997. С. 40).

Конечно, был и еще один путь возможных контактов, о котором писали практически все специалисты, занимающиеся проблемами

бронзового века Западной Сибири. Речь идет о взаимодействии носителей самусьской и окуневской культур (Максименков, 1968; 1975; Матющенко, 1973; Членова, 1977).

Действительно, параллелей (многие из которых имеют стадийный характер) отмечено немало, однако следует учитывать одно обстоятельство. Дело в том, что бронзы в Самусь IV, как это отметили Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, достаточно своеобразны и относятся к самусьско-кижировскому типу (Черных, Кузьминых, 1989). Последние отличаются от классических сейминско-турбинских, однако предметы самусьско-кижировского типа (например, кельт-лопатка из окрестностей с. Усинское — см.: Членова, 1977. Рис. 5, 12) присутствуют в Минусинской котловине и могли проникнуть сюда посредством контактов «окуневцев» с носителями самусьской культуры. Таким образом, возможные пути проникновения бронз сейминско-турбинского типа в Минусинскую котловину вырисовываются вполне отчетливо.

Находки бронз сейминско-турбинского типа давно известны на территории Минусинской котловины, и хотя они не были связаны каким-либо контекстом с археологическими памятниками вообще и окуневскими в частности, вероятность их отнесения к последним весьма велика, прежде всего в силу эпохальной близости элементов культур кротово-самусьско-окуневского круга (и другим вышеуказанным). В свое время М. Ф. Косарев определил эту эпоху как самусьско-сейминскую (Косарев, 1974), правда, хронология данной эпохи с получением серий радиоуглеродных дат таких комплексов все более удревяется, что, кстати сказать, ближе концепции Г. А. Максименкова, который датировал окуневскую культуру XXI–XVII вв. до н. э. (Максименков, 1975. С. 23), иначе говоря, концом III — началом II тыс. до н. э. Время бытования культур этого круга, несомненно, уходит в III тыс. до н. э., по крайней мере в его вторую половину. Доказательству этого посвящено много исследований.

Рассматривая предметы, не вызывающие сомнения в их классификации, следует упомянуть бронзовое втульчатое копье из Куртака, опубликованное академиком В. В. Радловым еще в конце XIX в. (Радлов, 1894. С. 175). Сюда же можно причислить кельт классического сейминско-турбинского типа из с. Бейское, хранящийся в Минусинском музее, опубликованный Н. Л. Членовой

(Членова, 1977. Рис. 5, 11). Согласно классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, этот кельт следует отнести к разряду К-18 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 52). К сейминско-турбинским предметам из Минусинской котловины Н. Л. Членова относил фигурку бронзовой лошади из Усть-Еси, хранящуюся в Государственном Эрмитаже и напоминающую навершие однолезвийных кинжалов из Сеймы, Турбино и Ростовки (Членова, 1977. Рис. 5, 15). Количество таких предметов, очевидно, несколько больше — о некоторых из них, например, упоминает в своей монографии Ю. С. Гришин, речь идет по меньшей мере о двух наконечниках копий и трех кельтах (Гришин, 1971), однако качество публикации не позволяет однозначно отнести их к предлагаемому нами ряду.

С течением времени количество предметов классического сейминско-турбинского облика из Минусинской котловины, обнаруженных в определенном контексте, увеличивалось. Так, в начале нашего столетия предметы классического сейминско-турбинского облика — кельт и втульчатое копье — были обнаружены в виде «клада» в бассейне р. Кизир на территории дер. Верхняя Мульга восточного таежного обрамления Хакасско-Минусинского региона (Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006). Предметы эти интерпретированы как инвентарь кенотафа XV–XIV вв. до н. э. (Леонтьев С., 2002. С. 181–183). Как сообщают исследователи, в непосредственной близости от клада «...были встречены единичные мелкие фрагменты толстостенной красноглиняной керамики <...> сопоставимые с посудой черновского типа окуневской культуры» (Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006). Н. В. Леонтьев и С. Н. Леонтьев неоднократно обращались к данному материалу, уточняя, в частности, хронологию и отдельные семантические моменты памятника (Леонтьев С., 2007; Леонтьев Н., Леонтьев С., 2009). Как бы то ни было, перед нами классические предметы сейминско-турбинского типа и, пожалуй, по своему местонахождению наиболее восточные на сегодняшний день в обрамлении Минусинской котловины.

Опираясь на типологическую схему сейминско-турбинских бронз, разработанную Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых (Черных, Кузьминых, 1989), кельт из клада Верхняя Мульга 1 относят к разряду К-18 и имеет абсолютные аналогии с изделиями классических сейминско-турбинских бронз. Согласно характеристике Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, кельты данного разряда

наиболее богато украшены в ряду сейминско-турбинских изделий и представляют как бы синтез комбинаций разрядов К-14 и К-16 (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 46, 49). Важно подчеркнуть, что такие изделия характерны для всей территории распространения сейминско-турбинского феномена. Втульчатое копье, следуя вышеуказанной разработке, относят к разряду КД-22. Оно аналогично подобным предметам из Турбина, Сеймы и Ростовки (*Там же*. С. 71).

Таким образом, пополнение свода археологических источников, происходящих как с территории Минусинской котловины, так и с прилегающих к ней пространств Западной и Южной Сибири, по-новому освещает проблему соотношения окуневской культуры и сейминско-турбинских бронзовых изделий, что способствует прояснению возможных путей их проникновения в данный регион.

* * *

Неумолимо быстро летит время. Казалось бы, еще совсем недавно, приезжая в Ленинград, я обязательно встречался с Глебом Алексеевичем, с которым меня связывали теплые дружеские отношения. На правах старшего коллеги он всегда стремился что-то подсказать, чем-то помочь, очень

живо интересовался нашими сибирскими делами. Разделяющие нас почти 20 лет не чувствовались. Бывал я и у них в гостях в те времена, когда они с Эльгой Борисовной были вместе...

Вообще в ленинградцах, и эта семья не была исключением, всегда чувствовалось особо теплое отношение к гостям города. Во всяком случае я это испытывал всегда, встречаясь с Михаилом Петровичем Грязновым и Марией Николаевной Комаровой, с Глебом Алексеевичем Максименковым и Эльгой Борисовной Вадецкой, и тогда, и сегодня с Наташей и Дмитрием Глебовичем Савиновыми.

Поколение исследователей сменилось, однако мне было очень приятно лишний раз убедиться, что настоящие питерцы-ленинградцы чтут славные традиции ЛОИА-ИИМК, яркое свидетельство чему — организация замечательной конференции в память Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой, посвятивших жизнь удивительной науке — археологии.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность своим коллегам и друзьям, оказавшим мне всевозможную организационную помощь при подготовке рукописи этой статьи: профессору В. В. Боброву, кандидатам ист. наук А. Е. Гришину, О. Ковалевой, Д. В. Селину и старшему инженеру-исследователю Д. А. Ненахову.

Баухник, 1970 — *Баухник И. И.* Археологические находки с горы Арчекас // *Известия лаборатории археологических исследований*. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. пед. института, 1970. Вып. 2. С. 49–53.

Бобров, 2000 — *Бобров В. В.* Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи в Кузнецкой котловине // *АЭАЕ*. 2000. № 1. С. 76–79.

Бобров, Марочкин, 2016 — *Бобров В. В., Марочкин А. Г.* Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология // *Вестник Томского ГУ (история)*. 2016. № 4 (42). С. 108–112.

Вадецкая, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Предметы вооружения из могил окуневской культуры // *Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии* / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 13–21.

Вадецкая и др., 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

Виноградов, 1982 — *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины:

Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — *Археология* / ЛГУ. Л.: б. и., 1982. 16 с.

Гришин, 1971 — *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. В3–12). 110 с.

Кирюшин и др., 2006 — *Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Папин Д. В., Шимшин А. Б.* Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века* / Отв. ред. С. П. Грушин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2006. С. 33–44.

Ковтун, Марочкин, 2011 — *Ковтун И. В., Марочкин А. Г.* Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинко-Мариинской лесостепи // *АЭАЕ*. 2011. № 1 (45). С. 69–76.

Комарова, 1981 — *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // *Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы* / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–91.

- Косарев, 1974 — Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 168 с.
- Кузьмина, 2008 — Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Пункт А, 2008. 358 с.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н., Леонтьев С., 2006 — Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб.: Герман. археол. ин-т, СПбГУ, 2006. С. 228–234.
- Леонтьев Н., Леонтьев С., 2009 — Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 178 с.
- Леонтьев С., 2002 — Леонтьев С. Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова: Сб. ст. / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. 1. С. 181–183.
- Леонтьев С., 2007 — Леонтьев С. Н. «Клад» бронз сейминско-турбинского типа из деревни Верхняя Мульга (юг Красноярского края) // РА. 2007. № 3. С. 141–143.
- Максименков, 1964 — Максименков Г. А. Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири (макет I тома «Истории Сибири») / Ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ: б. и., 1964. С. 243–248.
- Максименков, 1965 — Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения: Сб. ст. / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965 (МИА; № 130). С. 168–174.
- Максименков, 1968 — Максименков Г. А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / Гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шуньков. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 165–175.
- Максименков, 1970 — Максименков Г. А. Окуневская культура и ее окружение // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещаний. 25–31 мая 1970 г. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1970. С. 69–74.
- Максименков, 1975 — Максименков Г. А. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 — Археология / АН СССР. СО. Объедин. Учен. Совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск: б. и., 1975. 39 с.
- Максименков, 1978 — Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Максименков, 1981 — Максименков Г. А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 91–110.
- Мартынов, 1964 — Мартынов А. И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса: Сб. ст. / Редкол.: З. Г. Карпенко, З. П. Верховцев, А. И. Мартынов. Кемерово: б. и., 1964. С. 227–245.
- Матющенко, 1973 — Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (Из истории Сибири; Вып. 10). Ч. II: Самусьская культура / Отв. ред. В. И. Мошинская. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1973. 228 с.
- Мачинский, 1997 — Мачинский Д. А. Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 265–287.
- Молодин, 1985 — Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин, 1988 — Молодин В. И. О соотношении кротовской и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии: Сб. ст. / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1988. С. 6–15.
- Молодин, 2013 — Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: К 70-летию акад. А. П. Деревянко: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин, 2017 — Молодин В. И. Сейминско-турбинские проявления в Центральной Азии и Китае // VIII Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» (11–15 сентября 2017 г., г. Чанчунь). Б. м.: б. и., 2017. С. 337–347.
- Молодин, Гришин, 2016 — Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4:

- Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.
- Окуневский сборник, 1997 — Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: Сб. ст. / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. 358 с.
- Окуневский сборник 2, 2006 — Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение: Сб. ст. / Редкол.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб.: Герман. археол. ин-т, СПбГУ, 2006. 366 с.
- Подольский, 1997 — Подольский М. Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: Сб. ст. / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 168–201.
- Радлов, 1894 — Радлов В. В. Сибирские древности. СПб.: Тип. Императорской АН, 1894. Т. 1, вып. 3. 175 с.
- Савинов, 1981 — Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Савинов, 1997 — Савинов Д. Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: Сб. ст. / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 7–18.
- Семенов, 1997 — Семенов Вл. А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: Сб. ст. / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.
- Хаврин, 1997 — Хаврин С. В. Спектральный анализ окуневского металла // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: Сб. ст. / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 161–163.
- Черных, 2013 — Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 369 с.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 319 с.
- Членова, 1972 — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972 (МИА; № 182). 245 с.
- Членова, 1977 — Членова Н. Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 96–112.
- Gass, 2011 — Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Habelt Verlag, 2011 (Universitätsforschungen zur Prähistorische Archäologie; Bd. 199). 202 S., 177 Tab.

The Okunev culture and the Seima-Turbino phenomenon (historiographic notes)

V. I. Molodin⁵

Keywords: Minusinsk Hollow, Okunevo culture, Seima-Turbino bronzes.

The Okunev archaeological culture has been described by G. A. Maksimenkov. It is one of the most important discoveries in the archaeology of the Bronze Age of Eurasia. The Okunev culture is known for its burial complexes, stone slabs with paintings, and rock art. This article is dedicated to the probable correlation of the archaeological complexes of the Okunev culture and the Seima-Turbino bronzes. In nearly every West Siberian archaeological culture, artefacts of the Seima-Turbino type are represented in closed associations. The parallels between these cultures and the Okunev one allow us to connect the classic Seima-Turbino artefacts with bearers of the Okunev culture. Probable pathways of the distribution of the Seima-Turbino artefacts to the Minusinsk Hollow are suggested.

⁵ Vyacheslav I. Molodin — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 17 Lavrentieva str., Novosibirsk, 663690, Russia; e-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru.

Впускной окуневский курган в долине речки Камышта Хакасско-Минусинской котловины

Э. Н. Киргинеков¹

Аннотация. В начальный период формирования курганной традиции носители афанасьевской культуры возводили курганы круглой в плане формы с каменной насыпью и каменным кольцом в основании. В окуневской культуре (на уйбатском этапе) в долине р. Камышта на афанасьевском кургане зафиксировано строительство кургана в виде квадратной ограды с захоронениями — так называемый впускной курган.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, афанасьевская культура, окуневская культура, уйбатский этап, речка Камышта, впускной курган.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-130-146

Археологической экспедицией Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова под руководством автора в течение нескольких лет проводились исследования памятников эпохи бронзы в долине р. Камышта, левого притока р. Абакан (Аскизский район, Республика Хакасия). Археологические памятники этой территории известны с XIX в. На западе долина Камышты вплотную прилегает к Абаканскому хребту Кузнецкого Алатау — к востоку от горного массива Сахсар. Местность здесь представляет собой среднегорный рельеф, рассеченный межгорными долинами и логами. Географическое положение данной территории характеризуется непосредственным взаимопроникновением горного рельефа, покрытого таежной растительностью, степными долинами, логами, и разветвленной гидросистемы, состоящей из сети малых речек и ручьев. Немаловажным фактором являются залежи меди, находящиеся в непосредственной близости (Сунчугашев, 1975. С. 31). Такое расположение природных ресурсов создавало благоприятные условия для ведения комплексного охотничье-собирательско-скотоводческого хозяйства на самых ранних стадиях развития древнейшего общества.

Именно в долине Камышты было возведено самое крупное погребальное сооружение афанасьевской культуры — так называемый курган Большое кольцо (Киргинеков, 2010б. С. 73–79). При изучении памятников энеолита — раннего бронзового века, благодаря работам Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой, теперь можно надежно разделить материалы афанасьевской и окуневской культур.

На могильнике Камышта II, состоящем из 43 курганов, исследован курган, содержащий конструкцию и материалы афанасьевской и окуневской культур. На могильнике визуально выделяются сооружения округлой и прямоугольной в плане форм. Погребальные конструкции сложены из плит девонского песчаника, часть сложена из массивных блоков рваного камня, образующих округлые каменные насыпи. Ранее здесь нами были раскопаны ограды карасукской культуры, среди которых зафиксированы кольцевые и прямоугольные. В юго-западной части могильника располагались самые крупные объекты — курганы 1 и 2.

Курган 1

Раскопки проведены на кургане 1, возведенном на небольшой естественной возвышенности. До раскопок курган представлял собой округлую в плане возвышенность высотой до 0,4 м и диа-

¹ Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова; ул. Пушкина, 28А, Абакан, 655017, Республика Хакасия, Россия; e-mail: kirginekov8@mail.ru.

метром до 25 м. В кургане выявлено сооружение четырехугольной (близкой к квадратной) в плане формы: длина юго-западной стороны составляла 21,50 м, северо-западной — 22,75 м, северо-восточной — 21,25 м, юго-восточной — 22,40 м. Сооружение было ориентировано углами по сторонам света с незначительным отклонением к востоку и сложено из блоков массивных камней (рваный камень) преимущественно красноватого и белесого цвета (рис. 1).

По внешнему периметру прямоугольного сооружения фрагментарно прослеживались вертикально установленные плитки песчаника, образующие стенки ограды сооружения. В ближайшем ландшафтном окружении выходы песчаника отсутствуют. Плитки по своим размерам уступают каменным блокам, при этом создается впечатление декоративности ограды, имеющей признаки оформления. Плитки установлены встык в один ряд на незначительной высоте от уровня погребенной почвы и также незначительно вкопаны — на глубину до 0,15 м. Исключением являлись две массивные плиты юго-восточной стенки ограды. Ограда сохранилась частично. Не исключено, что часть ограды была разрушена. С внутренней стороны плиток ограды отмечены выложенные в 1–2 ряда в один слой блоки рваного камня. Подобная выкладка камней вдоль вертикальной ограды была зафиксирована в западной, южной, юго-восточной частях.

Внутри прямоугольной ограды из вертикально установленных плиток песчаника и выложенных с внутренней стороны рядом камней зафиксирована круглая в плане конструкция, сложенная из массивных камней в 2–3 слоя. Более крупные камни находились по периметру круга, они были уложены в 1–2 ряда и образовывали кольцо. Высота кладки от уровня погребенной почвы составляла 0,4–0,6 м. Внутренняя площадь кольца была сплошь уложена сравнительно небольшими камнями в 1–3 слоя. Таким образом, центральная конструкция представляла собой круглую каменную насыпь, в основании которой находилось кольцо (ограда), сложенное из массивных блоков камня. Диаметр кольцевой ограды составлял 16,6 м. Расстояние от внешнего края кольцевой ограды до прямоугольной ограды: до северо-западной стенки — 1,4 м, до юго-восточной стенки — 2,0 м. Каменный круг с юго-западной стороны почти вплотную примыкал к вертикальной стенке прямоугольной ограды, расстояние составляло 0,2 м.

Иная ситуация зафиксирована с северо-восточной стороны кольца, где расстояние составляло 6,3 м. С северо-восточной стороны от каменного круга до прямоугольной ограды зафиксирована выкладка из камней в 1–2 слоя подпрямоугольной в плане формы, расположенная по центру от кольца. В ходе ее исследования было установлено, что выкладка не вплотную примыкает к стенкам каменного кольца: нижний уровень каменного круга и выкладка находились на одном горизонте.

С южной стороны круга вдоль вертикальных плит прямоугольной ограды по всей длине отмечены скопления камней в 1–2 слоя. Предположительно, они были образованы в ходе ограбления могил, камни могли быть переброшены грабителями с перекрытия могил, так как внутри каменного кольца (в центральной и южной его частях) фиксировались участки без камней. Косвенно на это указывают находки в скоплениях (у юго-восточной внешней стороны кольца) фрагментов неорнаментированной керамики со следами заглаживания на внутренней поверхности; в юго-восточной части каменного кольца найдены фрагменты курильницы (рис. 2, 1). За пределами ограды с юго-восточной стороны на уровне погребенной почвы обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный округлыми наколами (рис. 2, 2). Описанные выше фрагменты керамики (со следами заглаживания и курильница), находящиеся внутри круглой каменной насыпи (с каменным кольцом), позволяют уверенно отнести центральную конструкцию кургана к афанасьевской культуре. В свою очередь находка фрагмента посуды с округлыми наколами указывает на присутствие материалов окуневской культуры.

С восточной стороны внешнего периметра круга между подпрямоугольной выкладкой обнаружен камень удлиненной формы (рис. 1, 1, б), на гранях которого прослеживается линия, выполненная в технике точечной выбивки. Выявить, был ли камень установлен вертикально, не удалось, следов ям или забутовок не прослежено, хотя не исключено, что камень мог являться стелой этого кургана.

Для определения первоначальных конструкций погребального сооружения камни были разобраны поэтапно. Было сделано предположение, что в кургане законченными конструкциями являлись: каменный круг с кольцом в основании, подпрямоугольная выкладка и прямоугольная ограда из вертикально установленных плиток

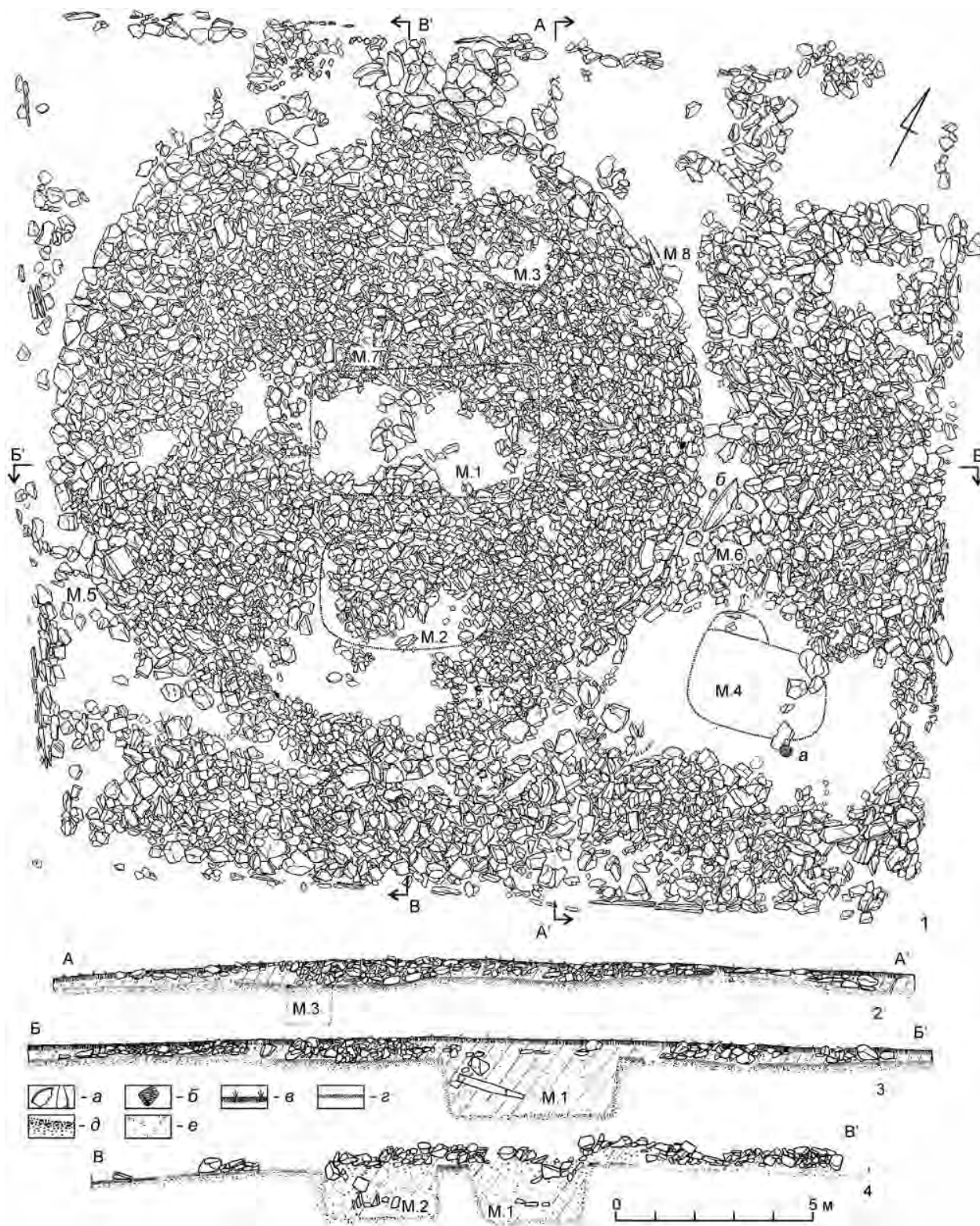

Рис. 1. Могильник Камышта-II. Курган 1. План-схема А: 1 — общий план (а — сосуд, с кальцинированными костями; б — камень удлиненной формы); 2-4 — разрезы. Условные обозначения (для рис. 1, 3-5, 6, 8): а — камни; б — керамика; в — дерновый слой; з — погребенная почва; д — материковая супесь; е — гумусированный грунт

Fig. 1. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Schematic plan A: 1 — general plan (a — vessel with calcined bones; б — a piece of stone of elongated shape); 2-4 — sections. Keys (to Figs. 1, 3-5, 6, 8): a — stones; б — pottery; в — turf layer; з — buried soil; д — virgin sandy loam; е — humic soil

песчаника с выложенными вдоль внутренней стороны камнями. У афанасьевских курганов с северо-восточной или восточной стороны ранее были отмечены подпрямоугольные либо округлые выкладки, однако в настоящее время их принято считать результатом максимального разрушения первичной конструкции (*Вадецкая и др.*, 2014. С. 162). Поэтому исследователи такие выкладки игнорируют и, как правило, удаляют. С учетом того, что выстроенная позже прямоугольная ограда оконтуривает каменное кольцо и подпрямоугольную выкладку, можно предположить, что эта выкладка являлась элементом погребальной конструкции афанасьевского каменного кольца. В результате сооружения прямоугольной ограды каменное кольцо оказалось смещенным к западу². Камни, находящиеся за пределами каменного круга, то есть переброшенные грабителями с перекрытия могил, были удалены. Предположительно именно такой вид («замочная скважина») имело погребальное сооружение афанасьевского времени, позже оконтуренное прямоугольной оградой из вертикально установленных плит песчаника в период существования окуневской культуры (рис. 3).

В ходе дальнейшего удаления камней было выявлено кольцо, ширина кладки которого составила 0,4–0,5 м (рис. 4). В южной части с внутренней стороны кольца на уровне погребенной почвы обнаружено теслообразное каменное изделие (долото?) со следами сработанности по утолщенной части. В северо-восточной части по внутренней стороне кольца отмечено скопление из четырех галек конусовидной формы, основания которых имеют следы шлифовки (рис. 2, 3–6). Следует отметить, что данное скопление фиксировалось вблизи могилы 1, при этом аналогичная галька найдена в ее заполнении. В юго-западной части на уровне погребенной почвы обнаружен камень цилиндрической формы с округлым верхом, основание которого сильно зашлифовано, предположительно, он служил для растирания или шлифования (рис. 2, 7).

По наружному периметру внешнего кольца в восточной части были выявлены могилы 6 и 4

² Объяснить появление подобных выкладок перебросом камней с могил во время ограбления явно недостаточно, так как это уже не переброс, а метание камней на дальность, точность и кучность. Результат разрушения как саморазрушения не более правдоподобен.

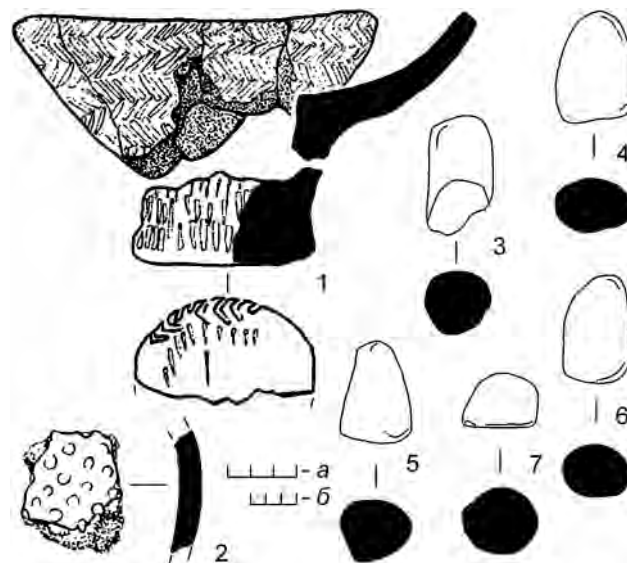

Рис. 2. Могильник Камышта-II. Курган 1. Находки в каменных конструкциях: 1 — фрагмент курильницы, юго-восточная часть каменного кольца; 2 — фрагмент керамики, юго-восточная часть за оградой; 3–6 — гальки конусовидной формы, северо-восточная часть, под внутренним краем кольца; 7 — камень цилиндрической формы, юго-западная часть, на уровне погребенной почвы. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3, 7

Fig. 2. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Finds from the inside of the stone structures: 1 — fragment of a censer, south-eastern section of the stone circle; 2 — fragment of pottery, south-eastern area outside the fence; 3–6 — cone-shaped pebbles, north-eastern area, under the inner edge of the circle; 7 — stone of cylindrical shape, south-western area, at the level of the buried soil. Scale: a — for 1, 2; b — for 3, 7

(рис. 5); в центральной части данного кольца находилось скопление камней могилы 1, к югу от нее — камни перекрытия могилы 2, к северу — камни перекрытия и контуры могилы 3.

Могилы 1 (рис. 1; 3–5) находилась по центру кольца, камни перекрытия располагались хаотично, что подтверждает предположение об ограблении в древности. Границы могильной ямы имели прямоугольные в плане контуры с округлыми углами. С учетом того, что при сооружении прямоугольной ограды использовался плитняк, отметим, что в заполнении зафиксирована массивная плита песчаника. Могильная яма (размерами 3,25 × 5,75 м и глубиной от уровня погребенной почвы 1,14–1,18 м) ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток–юго-запад (рис. 6, 1, 2).

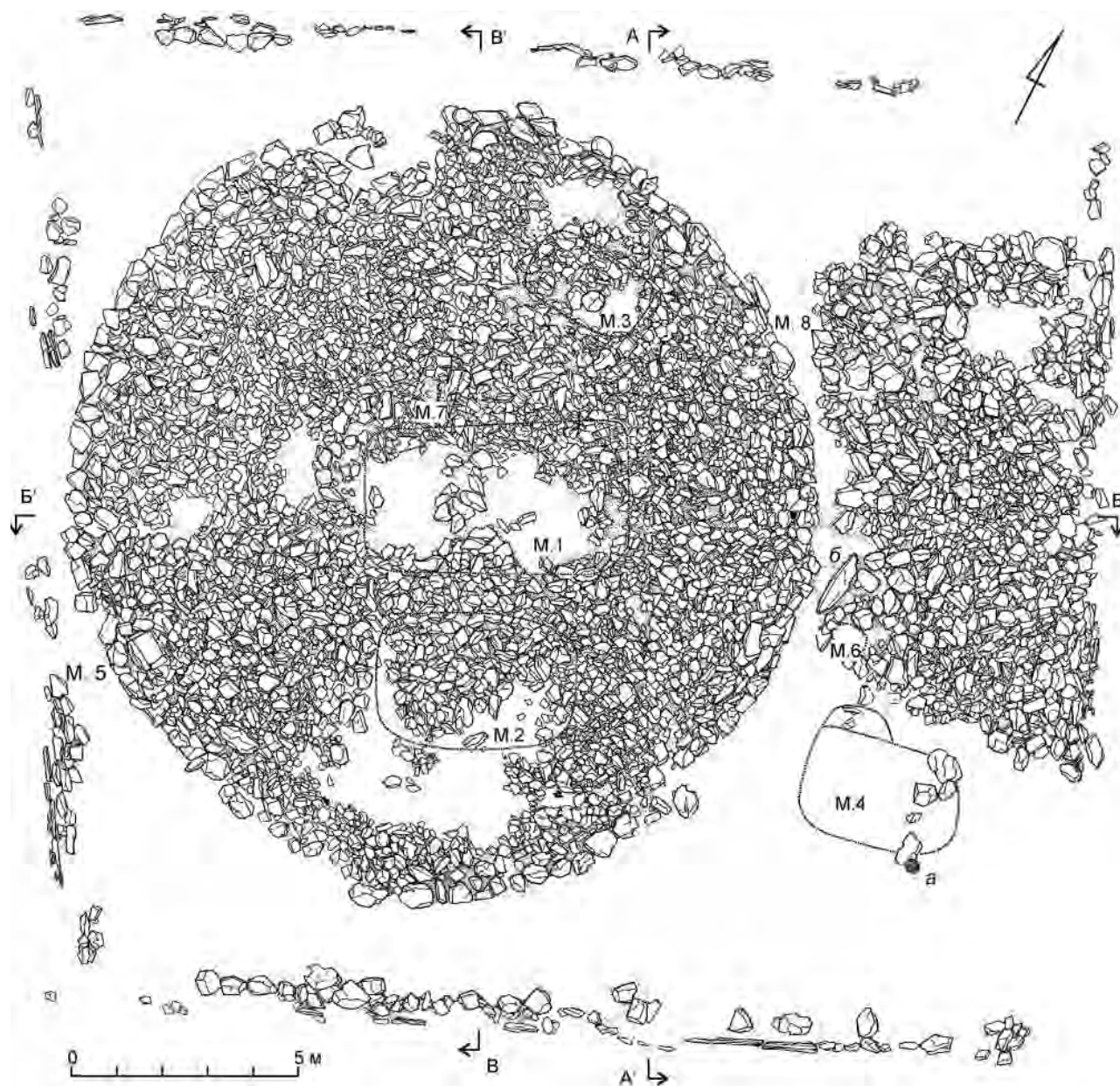

Рис. 3. Могильник Камышта-II. Курган 1. План-схема Б (а — сосуд, с кальцинированными костями; б — камень удлиненной формы)

Fig. 3. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Schematic plan Б (a — vessel with calcined bones; б — piece of stone of elongated shape)

В заполнении могилы зафиксированы кости человека и фрагменты курильницы красноватого цвета (в изломе черного), орнаментированной по венчику тремя рядами прочерченных параллельных линий, ниже — рядами линий, образующих зигзаги и покрывающих поверхность сплошным орнаментом. На поддоне имеются ромбовидные прорезы. На внутренней стороне просматривается антропоморфный рисунок прочерченной линией.

С внешней стороны сохранились следы охры (рис. 7, 1). Также найдены фрагменты: остродонного сосуда яйцевидной формы с отогнутым венчиком, орнаментированного сдвоенными рядами наколов (рис. 7, 4); прямой округленный венчик сосуда, орнаментированный рядами прочерченных коротких линий, образующих горизонтальную елочку (рис. 7, 6). В центральной части заполнения обнаружены фрагменты толстостенной керамики

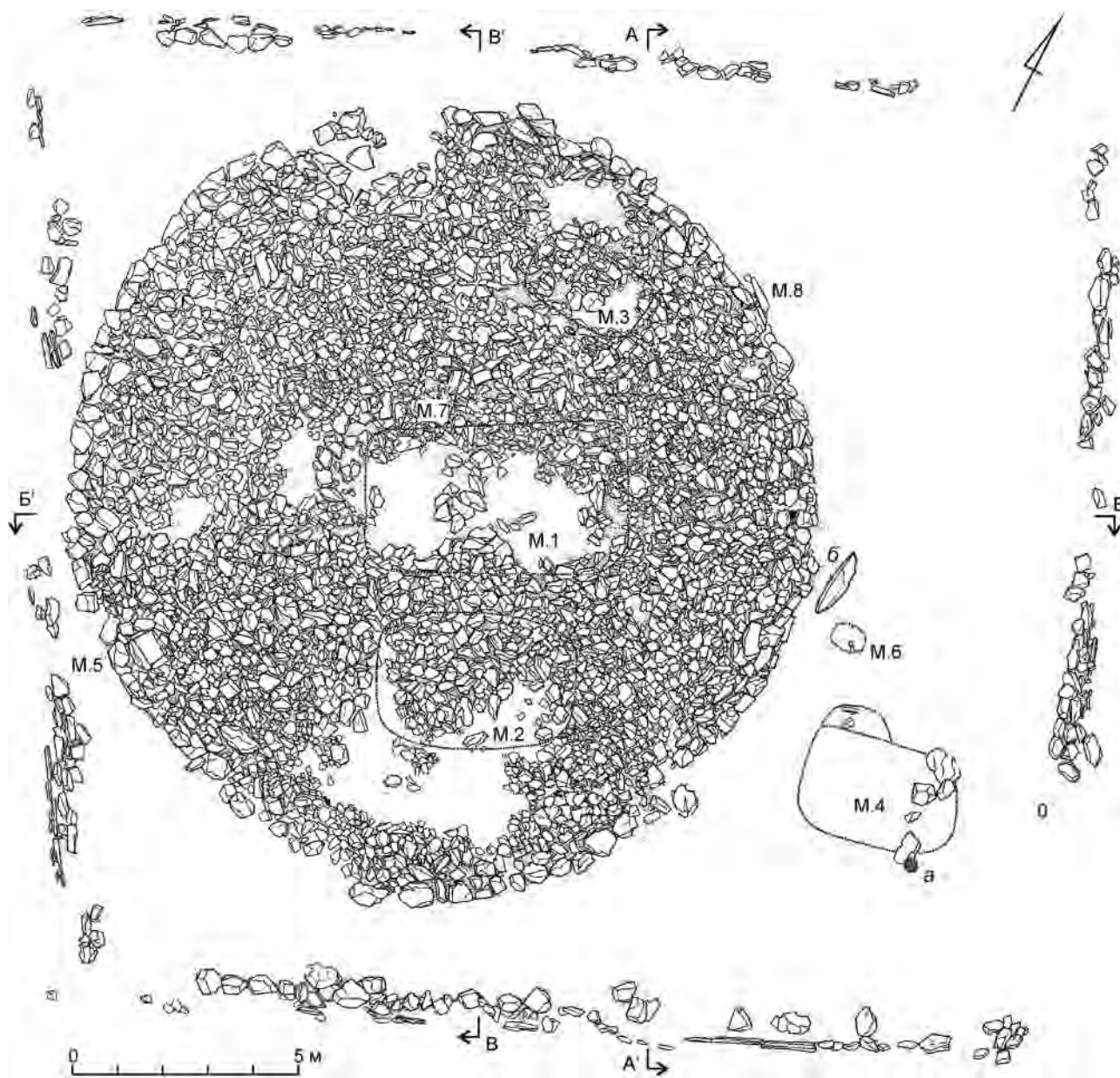

Рис. 4. Могильник Камышта-II. Курган 1. План-схема В (а — сосуд, с кальцинированными костями; б — камень удлиненной формы)

Fig. 4. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Schematic plan B (a — vessel with calcined bones; b — piece of stone of elongated shape)

с расчесами с внутренней и внешней сторон, предположительно от круглодонного сосуда типа корчаги.

В центральной части находился фрагмент дерева, вероятно, остатки перекрытия могилы. На дне могилы у южной стенки найдена берцовая кость человека в сочленении с пяточными костями, рядом обнаружены кости кисти человека, в центре — локтевые кости в сочленении. По расположению костей ноги можно предположить, что погребенный был уложен головой на юго-запад.

На дне зафиксировано скопление крупных фрагментов керамики (корчага) с расчесами с внутренней и внешней сторон (рис. 6, 2, а). Аналогичные фрагменты были выявлены ранее в заполнении могилы, очевидно, это фрагменты одного сосуда типа корчаги (рис. 7, 5а, 5б). В восточном углу на уровне дна могилы найден фрагмент лезвия медного ножа (?) листовидной формы (рис. 6, 2, а; 7, 2). В восточном углу находилось каменное изделие красноватого цвета (яшма?) прямоугольной

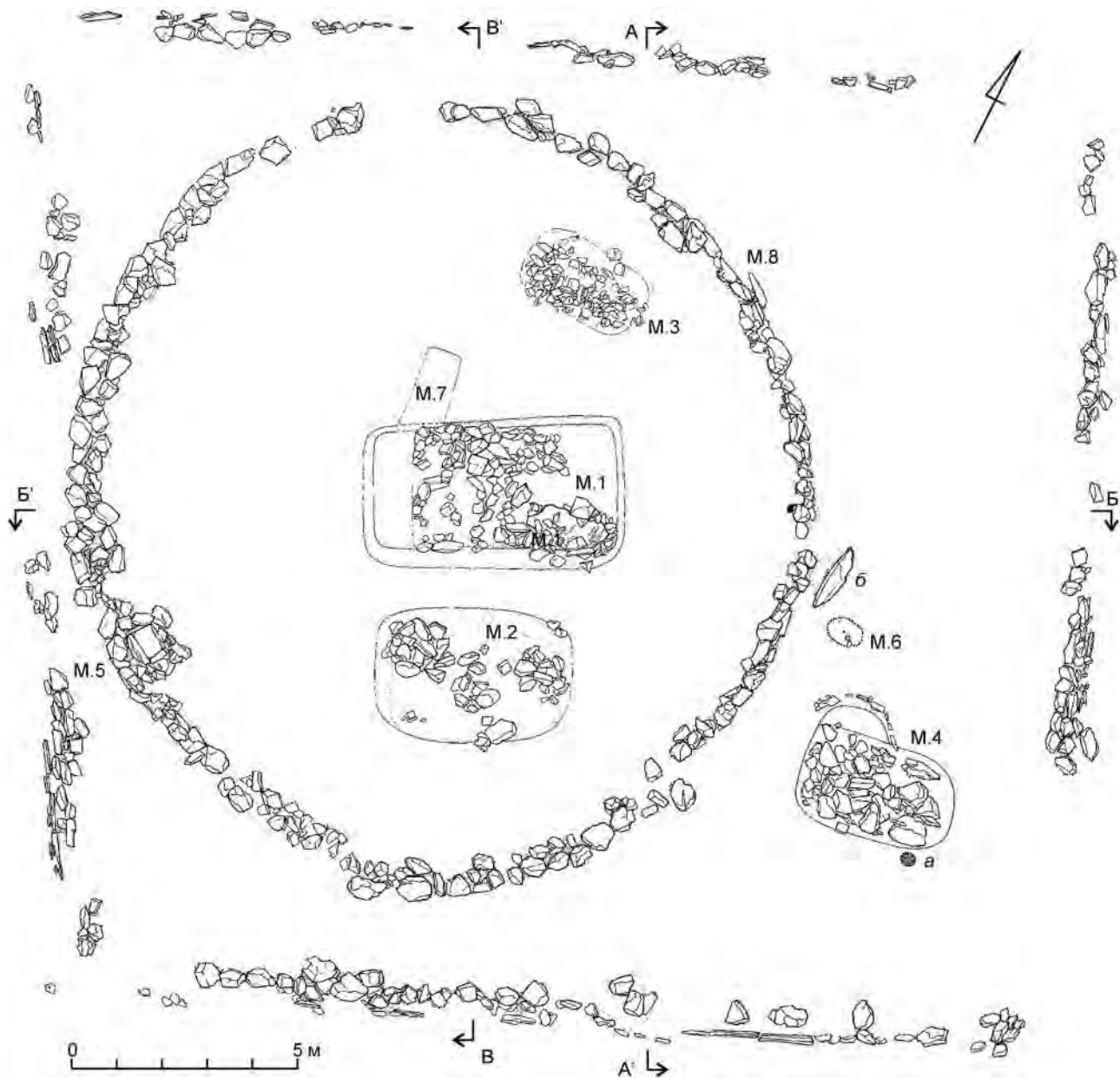

Рис. 5. Могильник Камышта-II. Курган 1. План-схема Г (а — сосуд, с кальцинированными костями; б — камень удлиненной формы)

Fig. 5. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Schematic plan Г (a — vessel with calcined bones; б — a piece of stone of elongated shape)

в плане формы с закругленными углами; по длинным краям имеются следы двусторонней обработки сколами, одна сторона зашлифована под клин (рис. 7, 3).

На малой берцовой и бедренной костях имеются следы охры (?). В могиле 1 найдены части посткраниальных скелетов и фрагментов черепов трех индивидов: 1) мужчины 35–45 лет; 2) мужчины 18–20 лет; 3) женщины 50–60 лет. На фрагментах теменных и затылочной костей старшего мужчины фиксируется теменно-затылочная деформация,

характерная для населения окуневской культуры³. Фрагменты округлодонного сосуда типа корчаги с отогнутым венчиком и остродонного сосуда датируются афанасьевской культурой. Обломки венчика с горизонтальной елочкой и фрагменты курильницы из заполнения могилы определенно относятся к окуневской культуре.

³ Здесь и далее определения выполнены К. Н. Солодовниковым.

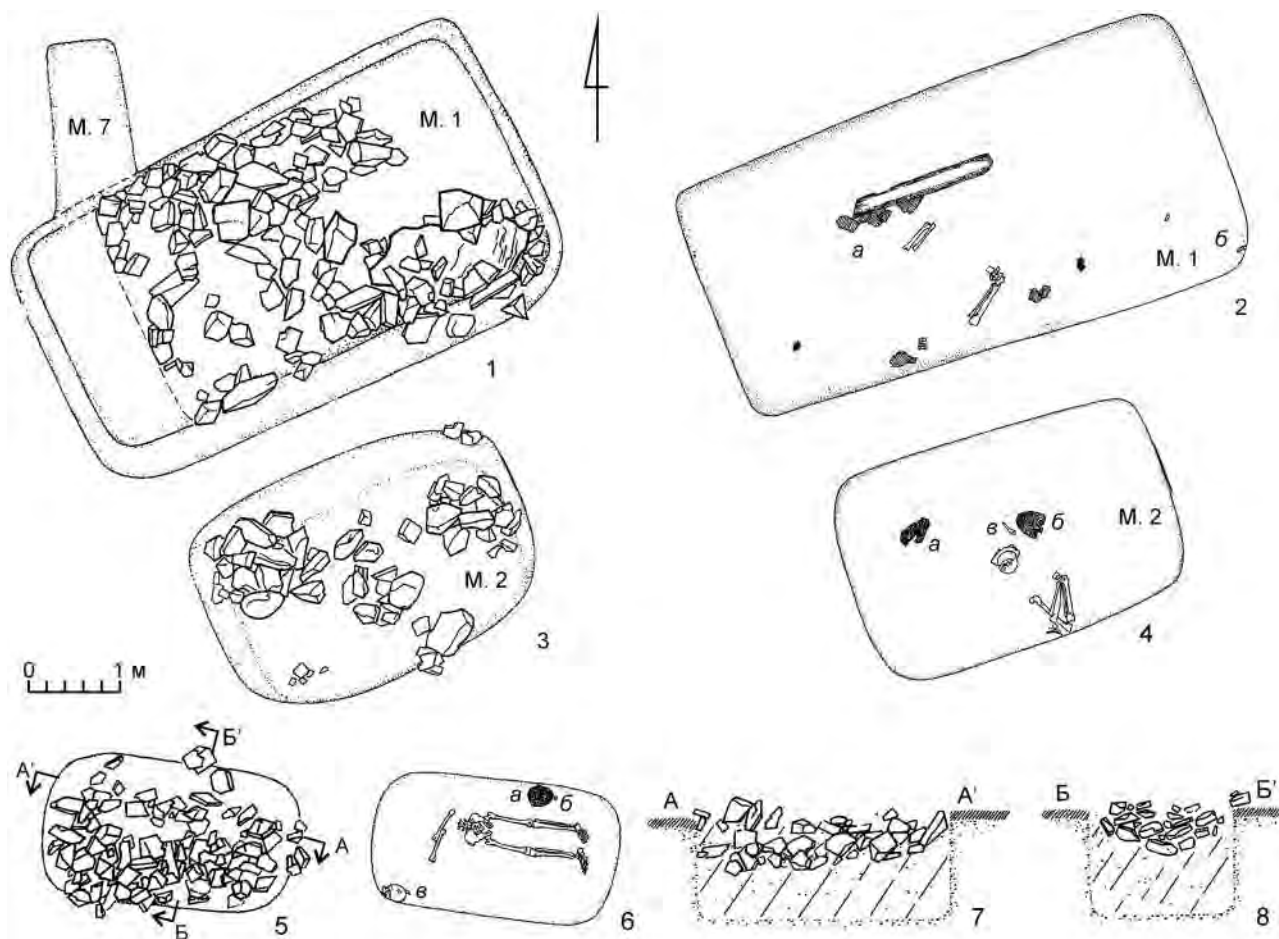

Рис. 6. Могильник Камышта-II. Курган 1. 1, 2 — могила 1, план каменного перекрытия и план на уровне дна (а — фрагменты керамики; б — фрагмент лезвия бронзового ножа); 3, 4 — могила 2, план каменного перекрытия и план на уровне дна (а — фрагмент круглодонного сосуда; б — остродонный сосуд; в — изделие из рога); 5–8 — могила 3: 5, 6 — план каменного перекрытия и план на уровне дна (а — остродонный сосуд; б — медная пластина; в — тесловидное изделие и пластина из камня); 7, 8 — разрезы

Fig. 6. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. 1, 2 — grave 1, plan of the stone roof and plan of the grave at the level of the bottom (a — pottery fragments; б — fragment of the blade of a bronze knife); 3, 4 — grave 2, plan of the stone roof and plan of the grave at the level of the bottom (a — fragment of a round-bottomed vessel; б — pointed bottom vessel; в — horn object); 5–8 — grave 3: 5, 6 — plan of the stone roof and plan of the grave at the level of the bottom (a — pointed bottom vessel; б — copper plate; в — adze-like object and a stone plate); 7, 8 — sections

Могила 2 находилась с южной стороны от могилы 1 (рис. 1; 3–5). В заполнении могильной ямы по всей площади на разных глубинах были выявлены человеческие кости. Костей в сочленении не было обнаружено, большая часть костей фрагментирована, предположительно они сломаны во время ограбления. В заполнении могилы найдены фрагменты толстостенного сосуда с отогнутым венчиком.

Могильная яма имела прямоугольную в плане форму с закругленными углами, длинными

сторонами ориентированной по линии северо-восток–юго-запад (как могила 1). Размеры могильной ямы на уровне погребенной почвы составляли 3,0 × 4,4 м, на уровне дна могилы — 2,00 × 3,75 м, глубина — 1,06 м от уровня погребенной почвы (рис. 6, 3, 4).

На дне могилы в центральной части был зафиксирован череп человека. В южной части у стенки могильной ямы найдены кости ног в сочленении, в согнутом состоянии. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на юго-запад.

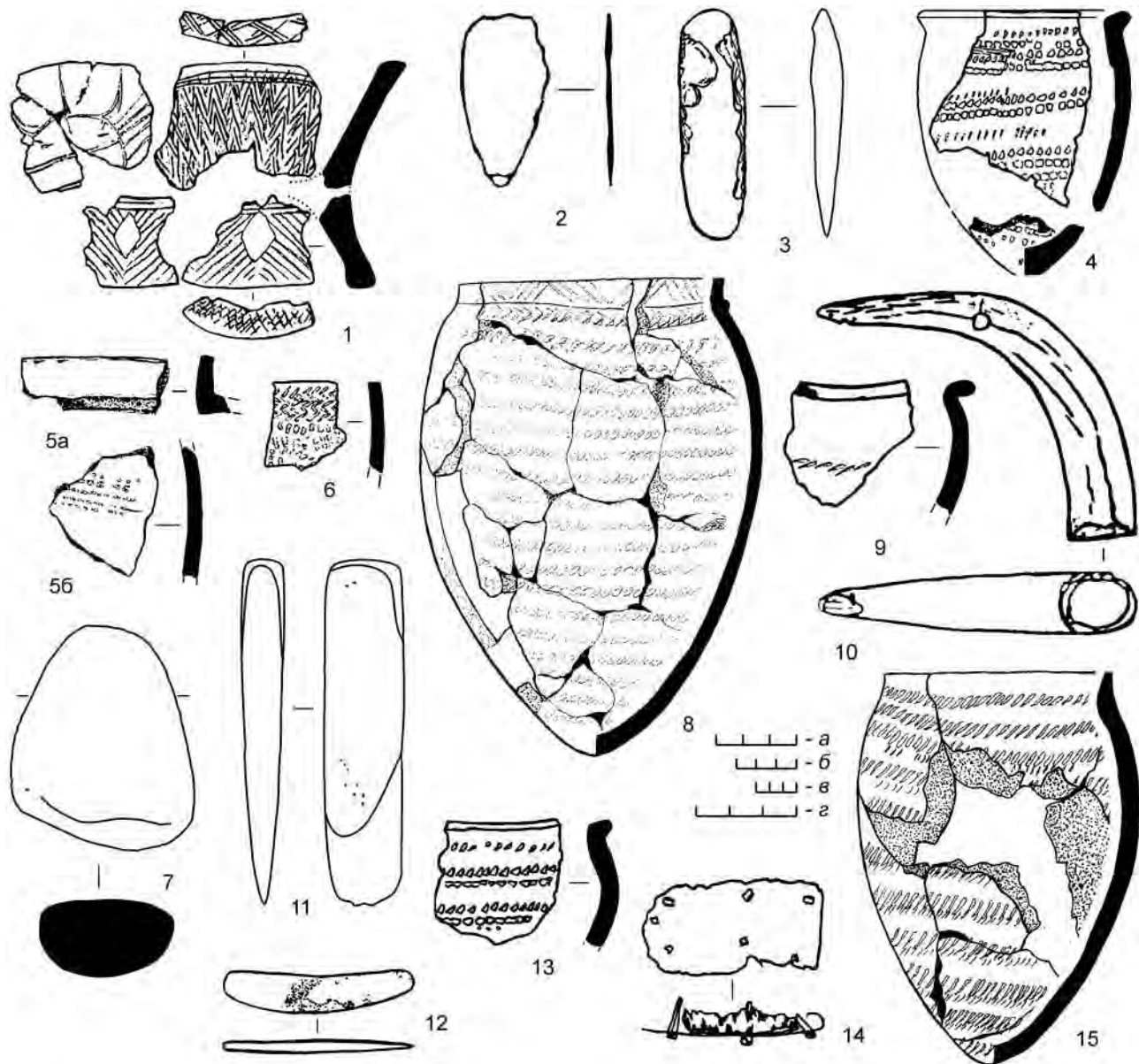

Рис. 7. Могильник Камышта-II. Курган 1. Находки: 1-7 — могила 1: 1 — фрагменты курильницы, 2 — фрагмент лезвия ножа (?), 3 — предмет неизвестного назначения, 4 — остродонный сосуд, 5а, 5б — фрагменты корчаги, 6 — фрагмент венчика сосуда, 7 — галька; 8-10 — могила 2: 8 — остродонный сосуд, 9 — фрагменты корчаги, 10 — полое изделие из рога; 11-15 — могила 3: 11 — тесловидное изделие, 12 — пластина, 13 — фрагмент венчика, 14 — пластина с гвоздиками, 15 — остродонный сосуд. 1, 4, 5, 6, 8, 9, 13, 15 — керамика; 2, 14 — бронза; 3, 7, 11, 12 — камень; 10 — рог. Масштаб: а — для 1, 4-6, 8-10, 13, 15; б — для 2, 3, 11, 12; в — для 7; з — для 14

Fig. 7. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Finds: 1-7 — grave 1: 1 — fragments of censers, 2 — fragment of a knife blade (?), 3 — unidentified object, 4 — fragments of a pointed bottom vessel, 5а, 5б — fragment of an earthenware vessel, 6 — fragment of the rim of a vessel, 7 — pebble; 8-10 — grave 2: 8 — pointed bottom vessel, 9 — fragment of an earthenware vessel, 10 — hollow horn object; 11-15 — grave 3: 11 — adze-shaped product, 12 — plate, 13 — rim fragment, 14 — plate with tacks, 15 — pointed bottom vessel. 1, 4, 5, 6, 8, 9, 13, 15 — pottery; 2, 14 — bronze; 3, 7, 11, 12 — stone; 10 — horn. Scale: а — for 1, 4-6, 8-10, 13, 15; б — for 2, 3, 11, 12; в — for 7; з — for 14

На дне могилы обнаружены фрагменты толстостенного керамического сосуда с расчесами с внутренней и внешней сторон (рис. 6, 4, а). Вероятно, данные фрагменты относятся к круглодонному сосуду типа корчаги (рис. 6, 4, б; 7, 9). К этому же сосуду относятся фрагменты керамики, найденные в заполнении могилы. Рядом с черепом находился остродонный сосуд с выделенным слегка отогнутым прямым венчиком (рис. 7, 8). Сосуд орнаментирован косыми линиями, образующими ряды зигзагов, под венчиком имеется рассеченное насечками утолщение (валик), по тулову — ряды оттисков уголка палочки. Здесь же зафиксировано полое изделие из рога, с прямым основанием и отверстием, находящимся ближе к концу (рис. 6, 4, в). Конец изделия уплощен, на нем имеется поперечный надрез (рис. 7, 10). В целом изделие напоминает собой орнитоморфный образ.

В могиле 2 была захоронена женщина 55–65 лет, антропологический тип европеоидный долихокранный. В ходе разбора каменного кольца в юго-восточной части обнаружены фрагменты курильницы и фрагменты сосуда со следами расчесов. Учитывая расположение могилы 2, можно предположить, что данные фрагменты были выброшены из нее грабителями.

Могилы 3 была расположена к северу от могилы 1 и смещена длинной стороной вдоль периметра каменного кольца (рис. 1; 3–5). На уровне погребенной почвы фиксировались камни ее перекрытия в 2–3 слоя. Толщина каменного перекрытия — до 0,5 м, далее могила была заполнена супесью. Камни были расположены равномерно, видимых следов ограбления нет. Среди камней перекрытия найдены два небольших камня округлой формы белесого цвета без следов обработки. На одном из них просматривается красный цвет, предположительно следы охры.

Могильная яма имела прямоугольную в плане форму с закругленными углами (размеры 1,62 × 2,75 м, глубина 0,94 м от уровня погребенной почвы). Она ориентирована длинными сторонами по линии запад–восток с небольшим смещением к северу и югу (рис. 6, 5–8).

При выемке заполнения могильной ямы найдены кости человека, находящиеся хаотично по всей площади могилы. Кости частично фрагментированы. В заполнении обнаружен орнаментированный фрагмент венчика. Венчик прямой, отогнут наружу, с выделенным плечиком, орна-

ментирован сдвоенными рядами оттисков углом палочки и прямым концом (рис. 7, 13). Нахождение фрагмента венчика сосуда косвенно свидетельствует о проникновении грабителей.

На дне могилы найдены кости скелета человека в сочленении, сохранились длинные кости ног, тазовые кости, нижние позвонки. Смещены плечевые кости и череп без нижней челюсти. Сохранившиеся кости скелета находились в положении на животе, предположительно смещены в ходе предполагаемого ограбления. Головой умерший был уложен на запад.

Из погребального инвентаря на дне могилы в юго-западном углу под черепом найдены две плоские в сечении пластины из камня белесого цвета со следами шлифовки (рис. 6, 6, в). Одна пластина удлиненной прямоугольной в плане формы, с одного торца зашлифована под клин, второй торец прямой (рис. 7, 11). Вторая пластина слегка вогнутой формы, один торец слегка заострен и зашлифован под клин, второй торец — прямой (рис. 7, 12). Также обнаружен остродонный сосуд с выделенным плечиком и невысоким прямым слегка отогнутым наружу венчиком. Орнаментирован сосуд рядами косо поставленных линий зубчатого штампа (рис. 6, 6, а; 7, 15). Рядом находилась медная (?) пластина прямоугольной формы с закругленными углами по краям, по одной стороне — три гвоздика. С одного края пластина согнута внутрь (рис. 6, 6, б; 7, 14). С внешней стороны сохранились фрагменты дерева. Вероятно, пластина была укреплена на деревянном сосуде (?).

Установить, была ли ограблена могила в древности либо смещенные кости свидетельствуют о деятельности норного животного, затруднительно. Косвенно на проникновение грабителей указывает нахождение в заполнении фрагмента венчика сосуда, других обломков которого не обнаружено. В могиле был захоронен мужчина 30–35 лет, антропологический тип европеоидный долихокранный, характерный для афанасьевского населения Хакасско-Минусинской котловины.

Могилы 4 располагалась за пределами каменного кольца в восточном углу прямоугольной ограды (рис. 1; 3–5). На уровне погребенной почвы зафиксированы вертикальные плитки песчаника, расположенные полукругом. После выборки внутренней части полукруга к югу фиксировались камни перекрытия могилы. Размеры могильной ямы на уровне погребенной почвы —

2,25 × 3,50 м. Ориентирована могильная яма длинными сторонами по линии запад–восток (рис. 8, 1–2).

В ходе исследований было установлено, что полукруглая стенка из вертикальных плит располагалась в северо-западной части длинного края могильной ямы, глубина внутри полукруга составила 0,44 м. На этой же глубине было зафиксировано сужение могильной ямы с восточной стороны и незначительно — с западной, при этом ее размеры составили 1,75 × 2,25 м. Могильная яма овальной в плане формы. Из-за сужения могильная яма напоминала могилу с заплечиками, характерную для погребений окуневской культуры.

Могильная яма была заполнена массивными блоками камней (рис. 8, 3, 4). В нижнем слое заполнения фиксировались плиты песчаника, вероятно, являвшиеся плитами перекрытия могилы. В заполнении верхнего уровня камней обнаружена цилиндрическая костяная бусина-пронизка белого цвета с пятью поперечными насечками с двух сторон (рис. 9, 1). Были также найдены зубрезец (?) животного (рис. 9, 2) и фрагмент венчика сосуда с прямыми стенками (рис. 9, 3). Венчик прямой, орнаментирован горизонтальными прочерченными тонкими линиями и рядами мелких насечек. С внутренней стороны видны наколотые, но не продавленные с внешней стороны ямки, что характерно для орнамента «жемчужник» окуневской культуры.

Среди камней заполнения могилы присутствовали фрагментированные кости человека, что указывало на ограбление могилы в древности. Глубина могилы от уровня погребенной почвы — 1,9 м. На дне могилы зафиксированы череп, лцевая и тазовая кости, кости ног (рис. 8, 2). На нижней челюсти просматриваются следы охры (?).

В могиле был захоронен мужчина 20–25 лет, антропологический тип европеоидный брахикранный, встречающийся у окуневского населения Хакасско-Минусинской котловины. Предположительно умерший был уложен головой на запад.

Могилы 5 зафиксирована в кладке массивных камней периметра в южной части каменного кольца (рис. 1; 3–5). Она представляла собой каменный ящик, состоящий из четырех массивных плит песчаника, поставленных на ребро встык, поддерживаемых камнями с внешней стороны. Ориентирован ящик вдоль периметра кольца, длинными сторонами по линии северо-

запад–юго-восток. Плит перекрытия не зафиксировано, заполнение могилы — супесь. Размеры ящика по дну составляли 0,35 × 0,55 м, глубина от верхнего края плиты северной стенки 0,12 м (рис. 8, 5, б).

На дне каменного ящика найдены кости скелета ребенка, уложенного головой на северо-запад, предположительно на правом боку (?). Часть костей не сохранилась. С левой стороны, напротив черепа, у южной стенки, находился миниатюрный афанасьевский остродонный сосуд с невыделенным венчиком (рис. 8, 5, а; 9, 5).

Могилы 6 выявлена в ходе разбора камней в восточной части, за внешней стороной каменного кольца, около камня удлинённой формы, в юго-восточной части прямоугольной выкладки. После разбора камней обнаружены смещенные кости скелета ребенка. Кости сохранились частично. Установить положение скелета не представлялось возможным. Границы могильной ямы не просматривались, глубина ее составляла не более 0,2 м (рис. 8, 7, 8).

В ходе разбора камней могилы 1 в западном углу, на глубине 0,42 м была обнаружена впускная *могила 7* (рис. 5). Могильная яма имела удлиненную прямоугольную форму, незначительно расширяющуюся к южной стороне и ориентированную длинными сторонами по линии север–юг. На дне могильной ямы находился скелет человека, расположенный головой на юг и уложенный на животе (рис. 8, 9, 10). Кисть правой руки лежала под правой подвздошной костью. Скелет принадлежал мужчине 50–60 лет, антропологический тип европеоидный долихокранный, с монголоидной примесью. Из погребального инвентаря были найдены: керамический сосуд (рис. 9, б), у левой локтевой кости — сильно коррозированный железный черешковый нож (?); под ребрами правого бока — железное коррозированное изделие. Могила датируется тесинским этапом тагарской культуры.

Могилы 8 находилась в кладке из массивных камней в периметре каменного кольца по всему периметру кольца — это было единственное место в кладке с плитами песчаника (рис. 5). Зафиксированы три горизонтально лежащие плиты песчаника, образующие площадку с небольшим понижением к центру. Каменная площадка ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад–юго-восток по направлению кладки периметра каменного кольца. В северо-

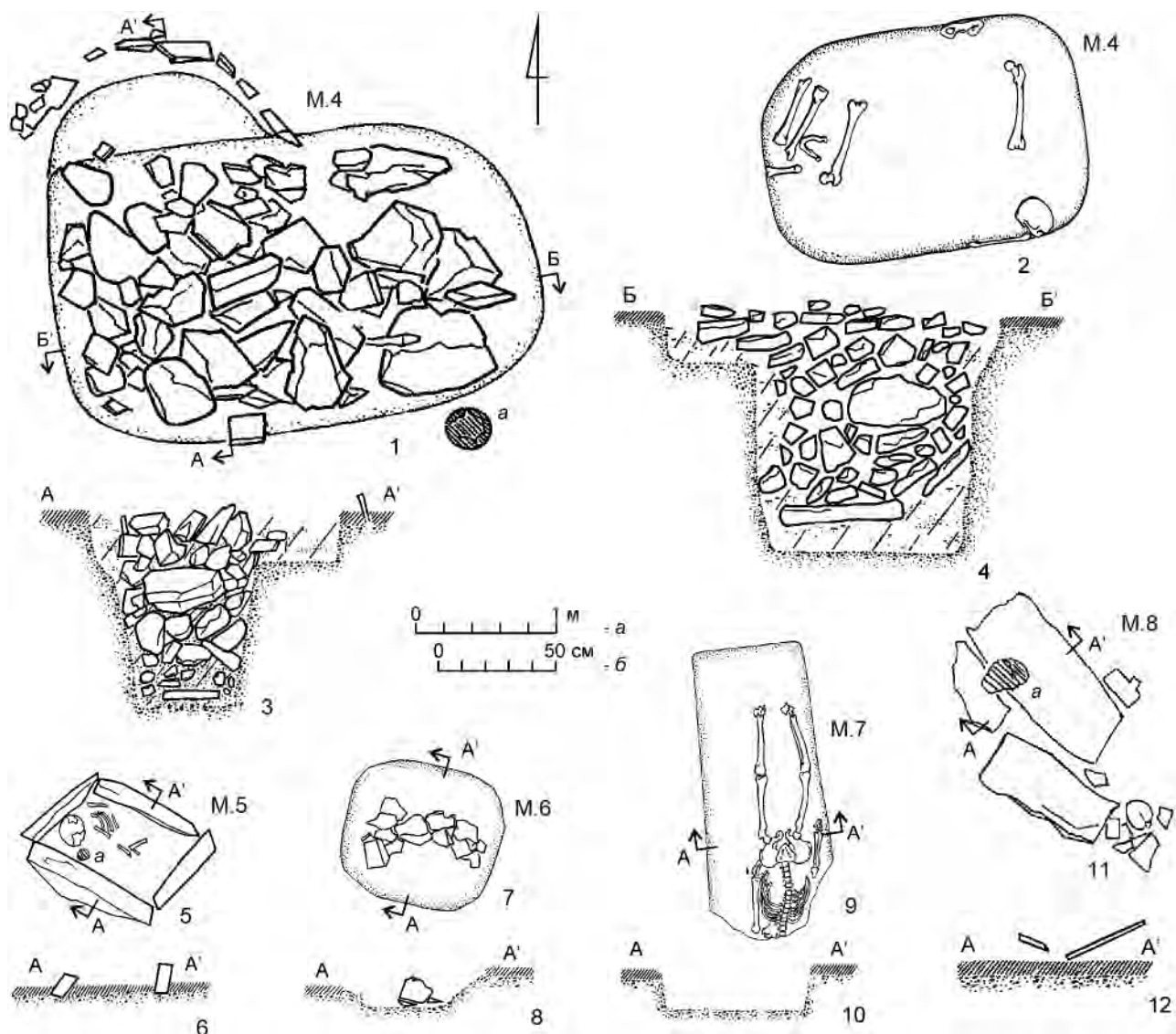

Рис. 8. Могильник Камышта-II. Курган 1. 1-4 — могила 4: 1, 2 — планы (*a* — сосуд с кальцинированными костями), 3, 4 — разрезы; 5, 6 — могила 5, план (*a* — остродонный сосуд) и разрез; 7, 8 — могила 6, план и разрез; 9, 10 — могила 7, план и разрез; 11-12 — могила 8, план (*a* — остродонный сосуд) и разрез. Масштаб: *a* — для 1-4; *b* — для 5-12

Fig. 8. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. 1-4 — grave 4: 1, 2 — plans (*a* — vessel with calcined bones), 3, 4 — sections; 5, 6 — grave 5, plan (*a* — pointed bottom vessel) and section; 7, 8 — grave 6, plan and section; 9, 10 — grave 7, plan and section; 11-12 — grave 8, plan (*a* — pointed bottom vessel) and section. Scale: *a* — for 1-4; *b* — for 5-12

восточной части каменной площадки обнаружены фрагментированный череп ребенка (рис. 8, 11, 12) и афанасьевский остродонный сосуд, орнаментированный рядами косо поставленных оттисков короткого зубчатого штампа (псевдоверевочный орнамент) (рис. 8, 11, *a*; 9, 7). Фрагментов венчика не обнаружено, вероятно, сосуд был помещен в могилу с уже отбитым венчиком.

С юго-восточной стороны могилы 4 на уровне погребенной почвы обнаружен керамический плоскодонный неорнаментированный сосуд баночной формы закрытого типа (рис. 8, 1, *a*; 9, 4). Сосуд был углублен на 0,1 м в погребенную почву. В сосуде находились жженные (кальцинированные) кости человека. Сосуд, вероятно, относится к таштыкской культуре, предположительно к камешковскому этапу.

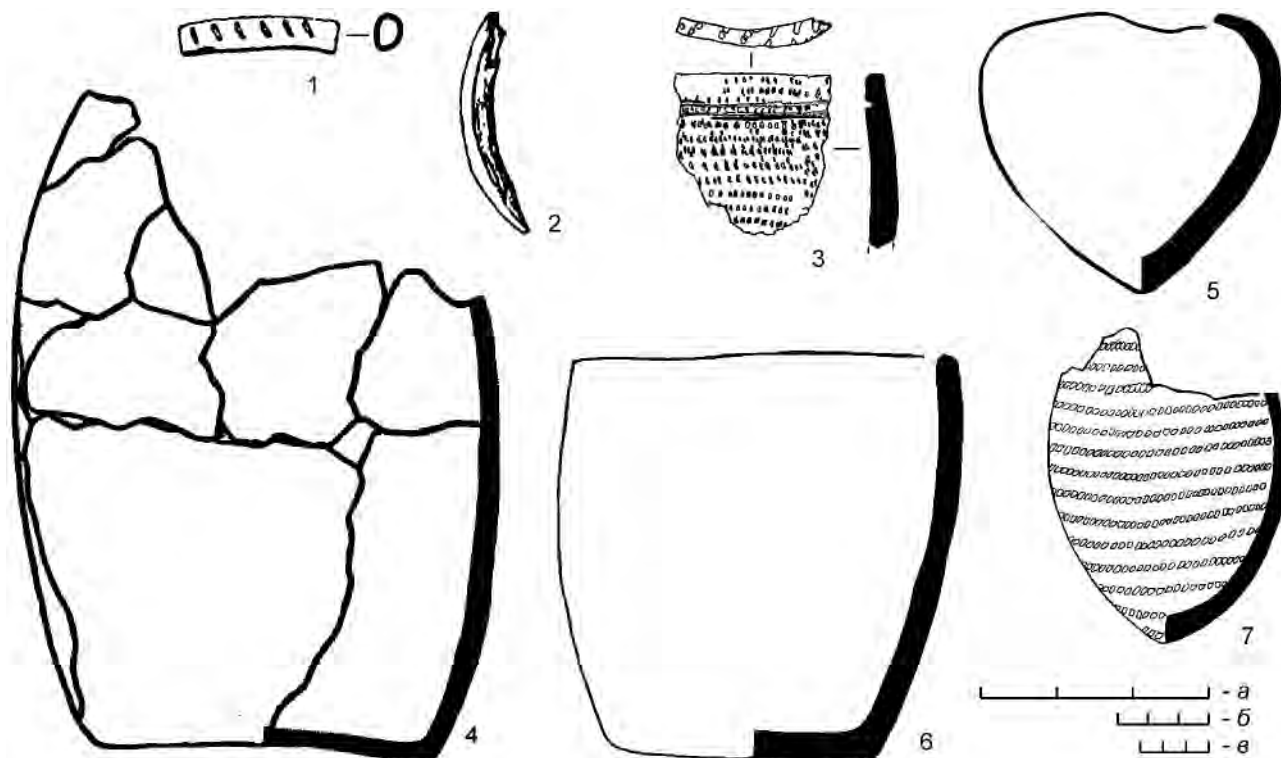

Рис. 9. Могильник Камышта-II. Курган 1. Находки: 1-4 — могила 4: 1 — пронизка, 2 — зуб, 3 — фрагмент венчика, 4 — сосуд с жжеными костями; 5 — могила 5, остродонный сосуд; 6 — могила 7, сосуд; 7 — могила 8, остродонный сосуд. 1 — кость; 2 — зуб; 3-7 — керамика. Масштаб: а — для 1, 2, 5; б — для 3, 7; в — для 4, 6

Fig. 9. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Finds: 1-4 — grave 4: 1 — spacer bead, 2 — tooth, 3 — rim fragment, 4 — vessel with burnt bones; 5 — grave 5, pointed bottom vessel; 6 — grave 7, a vessel; 7 — grave 8, pointed bottom vessel. 1 — bone; 2 — tooth; 3-7 — pottery. Scale: a — for 1, 2, 5; б — for 3, 7; в — for 4, 6

Интерпретация материалов

В ходе раскопок исследован курган, представляющий собой каменную круглую насыпь, в основании которой находилось кольцо, оградительное четырехугольной (близкой к квадрату) оградой. Круглая насыпь с кольцом в основании являлась сооружением афанасьевской культуры, затем уже в период бытования окуневской культуры вокруг нее были сооружены четырехугольная (подквадратная) ограда. Впервые подобный курган исследован М. Л. Подольским на р. Узунжул, он же предложил называть такого рода комплексы «впускным» курганом (Подольский, 1997. С. 113-122).

На кургане 1 в афанасьевском кольце возведена центральная могила 1, далее к западу от нее устроена могила 2, затем внутреннее пространство было полностью покрыто камнем, образовав сплошную каменную насыпь кургана. Подобная сплошная насыпь фиксировалась в кургане 8 могильника Камышта I (Кургинев, 2010а. С. 73-79).

Афанасьевский курган в завершенном виде представлял собой круглую каменную насыпь, в основании которой находилось кольцо.

В связи с этими наблюдениями можно уточнить внешний реконструируемый вид афанасьевских курганов, которые являются первыми курганами Хакасско-Минусинской котловины. Вероятно, часть афанасьевских курганов имела вид каменной круглой платформы, в основе которой находилось каменное кольцо. Можно предположить, что подобные афанасьевские сооружения являются более ранними по отношению к сооружениям в виде простых каменных колец без насыпи или с земляными насыпями. Косвенно на это может указывать конструкция кургана 8 могильника Камышта I со сплошной круглой каменной насыпью, где обнаружен керамический сосуд, имеющий такой ранний признак, как относительно высокий венчик (Лазаретов, 2017. С. 8-34).

На дне могил 1 и 2 имелись фрагменты двух типов афанасьевских сосудов: остродонного и

круглодонного. Подобный набор сосудов можно считать обязательным для погребения афанасьевской культуры. Два типа сосудов, поставленные для погребенного, видимо, имели разное функциональное назначение. Отметим, что фрагменты круглодонных сосудов, судя по толщине стенок сосуда, могут относиться к корчагам (большеобъемным сосудам, рассчитанным, вероятно, на коллектив людей). Остродонный сосуд из могилы 2 имел небольшой валик, рассеченный насечками в виде горизонтальной елочки. Если исходить из предложенной схемы развития керамического комплекса афанасьевской культуры, данный признак указывает скорее на принадлежность к группе 1, то есть данный остродонный сосуд из могилы 2 относительно ранний. Предположительно из могилы 2 могли происходить фрагменты курильницы, найденные в западной части среди камней насыпи и выброшенные во время проникновения в могилу грабителей. Редкой находкой является изделие из рога из могилы 2, имеющее орнитоморфные черты, возможно, данный предмет являлся навершием посоха (жезла?). Подобные роговые изделия известны, но определенных, узнаваемых черт они не имели (Грязнов, 1999. Рис. 6). Совокупность находок (курильница, сосуд типа корчаги, изделие из рога) позволяет предположить, что в могиле 2 был захоронен человек высокого социального статуса. В центральной могиле 1 найдены как фрагменты афанасьевских сосудов на уровне дна могильной ямы, так и курильница и фрагменты с орнаментацией, которые можно отнести к окуневской культуре.

Могилы 3 содержала материалы, относящиеся к афанасьевской культуре, среди которых остродонный сосуд и металлическая (медная?) обойма для деревянного сосуда. Каменные пластины встречены впервые, помимо них также не характерны для афанасьевской культуры небольшие размеры могилы, включая ее глубину. Установить, когда могла быть сооружена могила 3, затруднительно, вероятно, она была впущена в каменную насыпь афанасьевского кургана. К афанасьевским погребениям относятся могилы 5 и 8. Здесь можно отметить наличие каменного ящика в могиле 5 и ее расположение, так как детские погребения этой культуры, как правило, расположены у восточной части ограды либо за ней, но наличие остродонного сосуда позволяет уверенно отнести могилу к афанасьевской.

В дальнейшем по периметру афанасьевского кургана была впущена прямоугольная (квадратная) ограда из вкопанных на ребро плит песчаника, с внутренней стороны дополненная рядом камней в 1–2 ряда. Причем, как отмечалось ранее, в ограду включена выкладка с восточной стороны. Поэтому ограда смещена относительно центра круга. При этом сохранилась ограда близкой к квадрату формы. Скорее всего, прямоугольной ограду можно считать по точным размерам, исходя из которых разница в длине сторон варьирует в пределах 1 м. Возводилась она именно квадратной формы. Очевидно, что ограда возведена позже круга, априори она относится к окуневским, так как в центральной могиле 1 обнаружены фрагменты окуневской курильницы и фрагмент сосуда с орнаментацией, характерной для окуневской культуры. Такого рода находки традиционно относятся к материалам впускных окуневских могил.

При отсутствии строгой стратиграфической ситуации по наличию среди камней рваной формы в заполнении могилы 1 массивной плиты песчаника можно лишь косвенно предположить впускной характер окуневских материалов. Также в могиле 1 были найдены кости скелета, демонстрирующие теменно-затылочную деформацию, характерную для населения окуневской культуры. К окуневским относится могила 4, сооруженная за пределами кольца в восточном углу ограды. Судя по расположению окуневских могил, ограда из вкопанных на ребро плит была сооружена для могилы, впущенной в могилу 1, могила 4 была сооружена позже. Конструкция могилы 4 имеет уникальный элемент в виде полукруглой стенки из плиток песчаника с углублением, примыкающим к основной яме, — своеобразным входом. Форма самой могильной ямы с заплечиками позволяет отнести могилу 4 к относительно ранним в трехчастной схеме развития окуневской культуры. К окуневским деталям конструкции можно отнести и найденный камень удлиненной формы, выявленный как раз напротив центральной могилы 1 со впускной могилы в пределах квадратной ограды.

Можно отметить, что единственной фигурой, которую возможно построить вокруг круга, является квадрат. Согласно идее поэтапного развития культур, вслед за «афанасьевцами» в Хакасско-Минусинской котловине возводить крупные погребальные сооружения стали «окуневцы».

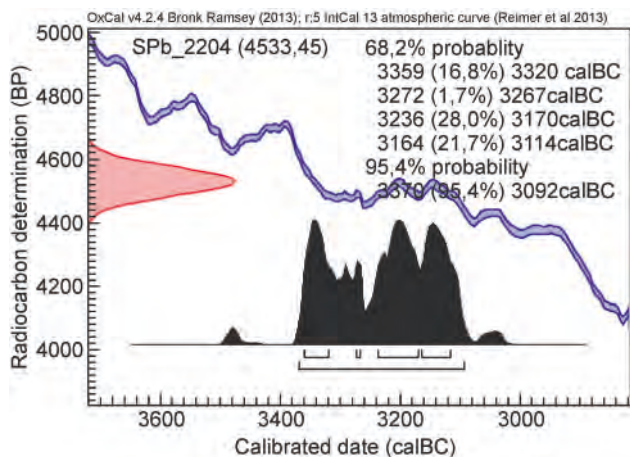

Рис. 10. Могильник Камышта-II. Курган 1.
Радиоуглеродные калиброванные даты могилы 1

Fig. 10. Cemetery of Kamyshta-II. Barrow 1. Calibrated radiocarbon dates of grave 1

Так как первые курганы уже были построены и имели форму круга, то следующие курганы должны были иметь форму квадрата. Можно думать, что поэтому окуневские курганы имеют квадратную в плане форму. Следуя логике рассуждения, именно квадратная в плане форма кургана с одной центральной могилой может являться самой ранней формой в относительной хронологии окуневской культуры. К подобным курганам, например, относится окуневский курган Мохов 6 (Киргинеков, 1997. С. 128–134).

Говоря об абсолютной хронологии кургана 1 могильника Камышта II, упомянем радиоуглеродную дату, установленную по угольку, который найден в могиле 1⁴. Калиброванная дата с вероятностью 95,4 % может находиться в пределах 3370–3092 гг. до н. э. (рис. 10), что относится ко времени афанасьевской культуры. Вероятно, дата получена по угольку, сохранившемуся в заполнении со времени возведения первоначальной афанасьевской могилы 1, так как столь ранняя дата противоречит современным абсолютным датам окуневской культуры. Тем не менее такая датировка в целом подтверждает выдвинутое предположение, что время строительства данного афанасьевского кургана с каменной насыпью, в основании которой кольцо, относится к первой половине существования афанасьевской культуры

⁴ Выполнена в РГПУ им. А. И. Герцена: факультет географии, кафедра геологии и геоэкологии, ЦКП «Геоэкология», лаборатория изотопных исследований.

в Хакасско-Минусинской котловине, то есть является относительно ранним. Согласно современным абсолютным датам, афанасьевская культура Хакасско-Минусинской котловины датируется XXXIII–XXV вв. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 20–56).

Отметим еще одну важную находку в могиле 1 — фрагменты окуневской курительницы с изображением личины с рогами. В настоящее время изображения на керамике уже не редки. В толковании их, несомненно, присутствует сакральное значение, как и в любом конкретном образе, будь то зоо- или антропоморфное изображение. В нашем случае находка интересна тем, что подобное изображение на курительнице обнаружено в могиле 3 кургана 12 могильника Итколь II, только нанесено оно, в отличие от нашего, с внешней стороны сосуда. Данный курган по конструкции могил и сосудам атрибутирован авторами как ранний (уйбатский этап), кроме этого, имеет абсолютную дату — 2573–2291 гг. до н. э. (Поляков, Есин, 2017. С. 339–343). Если учитывать, что точность дат абсолютная, тогда окуневский курган с могилой, в которой были найдены фрагменты с изображением, был впущен в афанасьевский курган через несколько столетий. Такое хронологическое различие, конечно же, исключает какой-либо прямой контакт между строителями этих курганов. Исходя из соотношения привлеченной абсолютной даты окуневского кургана 12 могильника Итколь II и особенностей конструкции могилы 4 рассматриваемого кургана, время сооружения впускного окуневского кургана 1 могильника Камышта II можно отнести к уйбатскому этапу окуневской культуры. Можно также предположить, что антропоморфные изображения (личины) на керамических сосудах появляются уже на раннем (уйбатском) этапе окуневской культуры. На поздних этапах в настоящее время они неизвестны, что может являться диагностирующим признаком ранних памятников.

Сейчас известны три афанасьевских кургана с впускными окуневскими курганами. Кроме указанного кургана могильника Пистах впускной окуневский курган был исследован в могильнике Итколь-II в кургане 14. Для него имеются радиоуглеродные даты, одна из которых определяла время сооружения афанасьевского кургана — самый конец существования афанасьевской

культуры. Вторая дата, полученная по костям, близка к самому началу окуневской культуры. Впускной окуневский курган в кургане 14, в том числе и по ряду конструктивных признаков, надежно отнесен к уйбатскому этапу (Поляков, Есин, 2015. С. 43–57). Приведенные даты подкрепляют предположение о строительстве впускных курганов окуневской культуры на уйбатском этапе.

Отмеченная М. Л. Подольским сакральная взаимосвязь афанасьевского кургана и впускного окуневского подчеркивается строительством подобных сооружений. Тем самым «окуневцы» стремились обозначить такое родство. При публикации материалов могильника Пистах он назвал его афанасьевско-окуневским комплексом и высказал некоторые сомнения в однозначности

решения вопроса возможных контактов носителей данных культур. На наш взгляд, этот вопрос необходимо рассматривать на основании предположения о сосуществовании носителей афанасьевской культуры в ее финале и носителей окуневской культуры в начале их появления в Хакасско-Минусинской котловине. Вероятно, такое сосуществование было относительно коротким, но при этом можно предполагать, что на строительство курганов в форме квадрата влияние оказали именно афанасьевские круглые насыпи курганов. Данная форма является результатом местного развития, так как на западе курганы квадратной в плане формы на ранних стадиях развития курганной традиции нам неизвестны.

Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Грязнов, 1999 — Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 156 с.

Киргинеков, 1997 — Киргинеков Э. Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–134.

Киргинеков, 2010а — Киргинеков Э. Н. Конструкции курганов афанасьевской культуры Хакасско-Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 73–79.

Киргинеков, 2010б — Киргинеков Э. Н. Итоги исследования кургана Большое кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 79–91.

Лазаретов, 2017 — Лазаретов И. П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея или хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. № 8 (20). С. 8–34.

Подольский, 1997 — Подольский М. Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 113–122.

Поляков, Есин, 2015 — Поляков А. В., Есин Ю. Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // АЭАЕ. 2015. Т. 43, № 2. С. 43–57.

Поляков, Есин, 2017 — Поляков А. В., Есин Ю. Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Иткуль-II // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле–Белокурихе / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 339–343.

Поляков, Святко, 2009 — Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

Сунчугашев, 1975 — Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 174 с.

Intrusive Okunev barrow in the valley of the Kamyshta Creek in the Khakass-Minusinsk Hollow

E. N. Kirginekov⁵

Keywords: Khakass-Minusinsk Hollow, Afanasyev culture, Okunev culture, Uibat stage, Kamyshta river, inlet barrow.

In the course of excavations by the archaeological expedition of the L. R. Kyzlasov Khakassian National Museum of Local History, there was investigated barrow No. 1 at the burial ground of Kamyshta-II. It was a round stone mound in the base of which there was a circle outlined with a quadrangular (nearly square) fence. The round stone mound with a circle in the base was an installation of the Afanasyevo culture. Presumably, such Afanasyevo structures with a mound are older than the structures in the form of simple stone circles without a mound. In the Okunev period, an Okunev fence of a quadrangular (nearly square) plan was built around the Afanasyevo kurgan and from the internal side it was supplemented with two rows of stone blocks with a grave intruded into the central grave and with grave 4 (Fig. 1; 2–5).

Within the circle, three Afanasyevo graves were arranged with burials of adults and three children's graves were intruded. Children's grave 5 had a stone cist (Fig. 6, 5). From a piece of charcoal found in grave 1, a radiocarbon date was obtained which after calibration indicated to a period of 3370–3092 BC. This date is concerned with the early stages of the Afanasyevo culture. The grave intruded into the central Afanasyevo grave was identified through the presence of fragments of an Okunev censer with a scratched anthropomorphic image (Fig. 7, 1). This representation is a practically exact analogue of the image on the censer from barrow 12 at the cemetery of Itkol-II which belongs to the Uibat stage of the Okunev culture.

At present three similar kurgans of the Okunev culture have been investigated. Some time ago M. P. Podolskiy proposed for them the term of "intrusive" kurgan. There is no doubt that the number of intrusive barrows will rise in the course of further investigations of Okunev funerary installations. Taking in consideration the obtained absolute dates and features of the burials it seems that they were made at the early (Uibat) stage of the Okunev culture.

⁵ Eduard N. Kirginekov — Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov; 28A ul. Pushkina, Abakan, 655017, Republic of Khakassia, Russia; e-mail: kirginekov8@mail.ru.

К вопросу о классификации и хронологии бронзовых ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин¹

А. В. Поляков²

Аннотация. В статье представлена новая классификация цельнолитых бронзовых ножей, найденных в погребениях периода поздней бронзы (конец XV — конец IX в. до н. э.) Минусинских котловин. Предложено их не объединять в единую линию развития таких изделий. Согласно авторской миграционной концепции культурогенеза в регионе, такие ножи были разделены на четыре отдельные группы, каждая из которых имеет свою историю формирования за пределами Саяно-Алтая. Кроме того, отдельно выделена группа «андроновских» ножей, появление которых в погребениях этого периода отражает процесс сосуществования культур на сопредельных территориях.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинские котловины, поздний бронзовый век, предскифское время, ножи.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-147-162

Введение

«Карасукские» ножи из Минусинских котловин давно стали нарицательным термином, который в своих работах от Причерноморья до Забайкалья используют археологи. Однако если попытаться выяснить какие-то наиболее общие и характерные признаки этих изделий, то обнаружится, что таковые признаки образуют длинный ряд. Ножи могут быть изогнутые и коленчатые; с шипом и упором или без них. Спектр видов на верший также чрезвычайно широк: разные варианты кольца или полукольца, грибовидные, зооморфные, двукольчатые, кольцо с тремя кнопками. По химическому составу встречены ножи из мышьяковистой меди, но также из высококачественной оловянистой бронзы. В чем же причина столь широкого диапазона характерных признаков? Правильно ли объединять все эти изделия

в единую группу? Этот вопрос более четверти века назад был справедливо поставлен С. В. Хавриным (Хаврин, 1994).

На данный момент исторически сложилось, что «карасукскими» называют изделия, происходящие из памятников продолжительного исторического периода: от финала андроновской культуры до начала скифского времени. По современным данным радиоуглеродного анализа этот период приходится на примерно 600 лет — от конца XV до конца IX в. до н. э. (Поляков, Лазаретов, 2019; Поляков, 2020. С. 43–44). Благодаря археологическому изучению комплексов этого периода обнаружено свыше 100 цельнолитых ножей, не считая многочисленных обломков лезвий, имеющих различный контекст. В подавляющем большинстве случаев ножи происходят из погребений, что позволяет изучать их на основе современной дробной хронологической шкалы (Лазаретов, Поляков, 2008). Число случайных находок приближается уже к 1000 экземпляров.

История изучения ножей

Изучение ножей периода поздней бронзы (далее ППБ. — А. П.) Минусинских котловин имеет

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (№ 0160-2020-0002).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: poliaikov@yandex.ru.

давнюю историю. На их характерные особенности обратили внимание еще первые коллекционеры в конце XIX в. Однако остановимся на ключевых научных исследованиях, в которых изложены концепции хронологического развития и классификации таких ножей.

Первой работой в этой области стал раздел в монографии С. В. Киселева. Он предложил классификацию, опирающуюся на форму ножей, согласно которой они были поделены на три «отдела»: коленчатые, дугообразнообушковые и вогнутообушковые (Киселев, 1951. С. 119–122). Коленчатые формы в основном он связывал с Минусинскими котловинами, а в отношении остальных экземпляров отмечал очень широкое географическое распространение на юго-восток «вплоть до Великой Стены» (Там же. С. 120).

Следующим исследованием стала работа М. Д. Хлобыстиной, вышедшая в 1962 г. Опираясь на сходство коленчатых «карасукских» ножей с близким по форме изделием из окуневского могильника Бельгыры, она выстроила концепцию развития во времени данного типа артефактов (Хлобыстина, 1962). Согласно ее гипотезе, хронологическим индикатором является центральный угол между рукояткой и лезвием ножа, который, по ее мнению, с течением времени постепенно увеличивался. Исходя из этого, коленчатые ножи, которые выглядели архаичнее, рассматривались как наиболее древние, а дугообразные и прямые экземпляры были отнесены к более позднему периоду. В дальнейшем на этой основе была выдвинута гипотеза хронологического развития памятников периода поздней бронзы Минусинских котловин (Хлобыстина, 1963). В своих работах М. Д. Хлобыстина преимущественно опиралась на случайные находки ножей с территории Минусинских котловин («до 300 экземпляров»), которые ею были разделены на 10 групп. Это деление отражало, по ее представлениям, процесс постепенного развития данного типа артефактов. Находки из погребальных комплексов в этот период были немногочисленны (12 экземпляров), что не могло являться основой для построения классификации, поэтому они привлекались только на конечном этапе работы для проверки полученных результатов.

Изучение этой темы в 1970 г. продолжила Э. А. Новгородова. Она использовала в своей работе классификацию С. В. Киселева, добавив к этой схеме еще один тип — прямые ножи,

которые в монографии С. В. Киселева упоминались, но выделены не были (Новгородова, 1970. С. 65–96). Особый упор в своей работе она сделала на местное (в Минусинских котловинах) происхождение коленчатой формы ножей, полемизируя с исследователями, которые возводили их к китайским прототипам эпохи Западного Чжоу (С. А. Теплоуховым, С. В. Киселевым). Именно в силу их местного происхождения и архаичности она считала коленчатые ножи наиболее ранними среди карасукских серий. При этом она не пыталась выводить одну группу из другой, считая их существующими отчасти параллельно (Новгородова, 1970. С. 171–176). Только ножи прямых форм, вслед за С. В. Киселевым, она отнесла к наиболее позднему, предскифскому, пласту.

Не менее масштабным и важным стало исследование Н. Л. Членовой, представленное в монографии 1972 г. На основе изучения 635 экземпляров ножей, среди которых только 55 происходили из комплексов, а остальные были случайными находками, она предложила выделять 13 групп, отчасти имеющих и хронологическое значение (Членова, 1972). В отличие от классификации М. Д. Хлобыстиной в основу систематизации был положен не один критерий, а целый ряд измерений и признаков, среди которых наиболее важными являлись форма ножа, тип навершия и способ соединения клинка с ручкой. Н. Л. Членова выстроила общую концепцию, только некоторыми деталями отличающуюся от более ранней. Точно также в качестве отправной точки она использовала ложносоставные коленчатые ножи, имитирующие более древние образцы, и, в частности, нож из погребения окуневской культуры в могильнике Бельгыры. Финальные группы 12–13, согласно ее классификации, представлены слабоизогнутыми образцами с кольцевидным навершием. Автор концепции предполагала постепенное развитие ножей от 1-й к 13-й группе, что подкреплялось корреляционными таблицами (Там же).

Все перечисленные выше классификации были основаны на изучении больших массивов случайных находок. Немногочисленные ножи из комплексов привлекались весьма ограниченно и только для оценки уже полученных результатов. Такой подход привел к тому, что построенные классификационные схемы противоречили реальным полевым наблюдениям, на которых базировалась хронологическая схема М. П. Грязнова.

Он, двигаясь от анализа комплексов и их взаимосвязи, выстроил последовательность смены «классического» (или карасукского) и каменнолоожского этапов. В результате наблюдалась иная картина. По его мнению, в более ранних комплексах встречались преимущественно дугообразные ножи с кольцом, а коленчатые формы появились в Минусинских котловинах позднее (Пяткин, 1967; Вадецкая, 1986. С. 51–65).

Большинство исследователей подразумевает существование только одной линии развития типов ножей, куда включены все образцы, обнаруженные на территории Минусинских котловин. Такой подход основан на автохтонной концепции развития древних популяций этого региона, то есть предполагается, что на Среднем Енисее постоянно проживало одно население, которое постепенно развивало свои навыки изготовления металлических ножей, что нашло отражение в изменении их форм, размеров и других характеристик. Такой подход был характерен для того времени исследований, когда эти схемы разрабатывались.

На сегодняшний день появились иные концепции, построенные на данных естественнонаучных анализов. Результаты палеогенетических исследований убедительно показывают, что формирование ключевых археологических культур эпохи палеометалла Минусинских котловин связано с активными миграционными процессами (Поляков, 2019). В основе сложения афанасьевской, окуневской и андроновской археологических культур лежит появление на Среднем Енисее значительных групп мигрантов, практически полностью заместивших предшествующее население (Поляков, 2020). Не прекратились эти процессы и с наступлением периода поздней бронзы, изучение которого показывает, что полного замещения населения уже не происходило, но фиксируются неоднократные инфильтрации значительных групп инородцев, которые на уже существующих могильных полях формировали свои самостоятельные кладбища (Грязнов и др., 2010. С. 83–94). Предложенная система разделения на этапы и хронологические горизонты отчасти отражает эти процессы (Лазаретов, Поляков, 2008). Регулярно и весьма кардинально менялся и сопроводительный инвентарь погребений. Каждый новый этап отражает не столько эволюционные процессы, сколько появление новых типов и категорий вещей.

Новая классификация ножей

В данной работе предлагается новый подход к классификации ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин, который основан на трех основных исходных положениях. Во-первых, увеличившееся количество ножей, обнаруженных в комплексах (около 100 экземпляров), позволяет при классификации изделий отказаться от ведущей роли случайных находок. Анализ контекста, в котором ножи были найдены, дает возможность изучать статистику их встречаемости с другими категориями инвентаря, а также учитывать особенности погребального обряда. Во-вторых, наличие проработанной схемы развития и смены памятников этого периода позволяет анализировать на основе контекста не только относительную, но и абсолютную хронологию конкретных групп ножей (Лазаретов, 2006; Поляков, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008). Классификация ножей, совмещенная с общими процессами культурогенеза населения, позволяет определить не только время формирования отдельных сообществ, но и причины их появления. В-третьих, отказ от опоры на автохтонную концепцию сложения популяций позволит объективно разделить группы ножей на основе их генезиса и не пытаться сводить их в единую линию развития форм.

Здесь следует отметить, что отсутствие типологического ряда не означает, что между разными группами не существует переходных форм. Их появление неизбежно. Однако необходимо понимать, что они не являются результатом постепенной трансформации одной группы в другую. Переходные формы лишь фиксируют процессы взаимодействия и взаимного влияния.

«Андроновская» группа. Пластинчатые ножи без навершия (рис. 1, 1, 2). На сегодняшний день в комплексах найдено только два экземпляра, но, учитывая их принципиальные отличия и важность для изучения процессов межкультурных контактов, есть основания их выделить и кратко проанализировать. Среди случайных находок если подобные экземпляры и встречались, то, скорее всего, они не были отнесены к «карасукским» изделиям. В результате этого в типологию других исследователей такие находки не попадали. Оба экземпляра изготовлены в односторонней литевой форме, имеют сравнительно простую форму без навершия.

Нож из могильника Орак III (могила 4) имеет плавный уступ на переходе между рукояткой и

лезвием, а также пластинчатое сечение (рис. 1, 2). Условия его обнаружения не совсем ясны. М. Н. Комарова, на основании дневников Г. П. Соосновского, указала, что могила не обнаружена. Зафиксированы только два скопления обожженных костей и два сосуда, между которыми находился нож (Комарова, 1975. С. 89). Обряд трупосожжения характерен для памятников андроновской культуры, но опубликованные сосуды относятся к «карасукской» традиции (хронологический горизонт I-а ППБ). Единственно возможное объяснение — механическое смешение элементов двух культур («карасукской» и андроновской), что уже рассматривалось в отдельной работе (Поляков, 2009). Нож из могилы 1 кургана 81 могильника Сухое Озеро II обнаружен вместе с шилом возле костей животного (рис. 1, 1). Все элементы обряда и сопроводительный инвентарь (сосуд, шило, височные кольца на черепе) демонстрируют исключительно традиционные черты I этапа ППБ.

Картографирование этих находок показывает, что они обнаружены в самой северной части ареала, на границе с Назаровской котловиной. В памятниках андроновской культуры на Среднем Енисее не обнаружено ни одного ножа, но на территории соседнего региона — Верхней Оби — известны находки полностью аналогичных экземпляров (Матющенко, 1973. С. 13, рис. 3, 4; 8, 1–13). Представлены они и в более отдаленных районах андроновской культурно-исторической общности (Аванесова, 1991. Рис. 33; Генинг, Стефанова, 1994. Рис. 2, 1; 6, 24).

Таким образом, в погребальных комплексах имеются две уникальные находки ножей этой группы. На основании анализа контекста можно утверждать, что оба ножа связаны с наиболее ранним хронологическим горизонтом I-а ППБ и представлены только в самых северных могильниках в пределах ареала. В ранее опубликованном исследовании было показано, что имеются основания выделять некий период сосуществования андроновской культуры на севере в Назаровской котловине и самых ранних памятников ППБ (I, «карасукский», этап) южнее, в Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах (Поляков, 2009). Все это позволяет думать, что эта группа ножей не является собственно «карасукской». Вероятно, это андроновские артефакты, попавшие в памятники I-а этапа ППБ в результате тесных контактов, происходивших тогда на границе их соприкосновения. Подтверждает такую точку

зрения комплекс Орак III (могила 4), где присутствуют следы трупосожжения, которое, без сомнения, имеет связь с андроновской традицией.

Группа I. Дугообразные ножи с кольцевидным навершием и особой профилировкой кольца, рукоятки и лезвия (рис. 1, 3–13). Это весьма многочисленная и очень четко выраженная группа ножей (19 экземпляров). Ее главной характеристикой является отнюдь не «дугообразный [нож] с кольцевидным навершием». Под это описание могли бы попадать ножи и других типов, а также большое число постандроновских экземпляров Сибири и Центральной Азии. Ведущее значение имеет уникальная профилировка всех элементов. Разрез кольцевого навершия представляет собой асимметричный ромб с короткой частью, ближе к внутренней части кольца, и длинной частью, обращенной наружу. Можно сказать, что кольцо имеет утолщение внутри и острый край снаружи. Это кардинально отличает его от кольцевых наверший других групп, которые имеют овальный или прямоугольный разрез. Еще более сложную форму имеет профиль рукоятки, который можно охарактеризовать как двутавровый с плавными переходами и острыми гранями. Схожий разрез имеет лезвие, немного вогнутое в плоскостях и с острой гранью по обуху.

У этой группы ножей имеется и второй чрезвычайно важный признак — несколько поперечных желобков в месте перехода от рукоятки к лезвию (рис. 1, 4, 7–13). Их насчитывается от одного до трех, и они имеют большое значение при идентификации ножей этой группы. К сожалению, они не всегда сохраняются на образцах из погребений, так как в могилы клали сильно сработанные экземпляры, на которых этот элемент был уже полностью утрачен (рис. 1, 3, 5, 6). Зато его можно во множестве обнаружить на ножах из случайных находок (Членова, 1972. Табл. 6).

Ножи группы I встречаются преимущественно в погребениях Сыда-Ербинской и Чулымо-Енисейской котловин. В южной части Минусинских котловин они в таком виде практически неизвестны. Зато наблюдается определенное число изделий, имеющих смешанные признаки групп I и II. Это неудивительно. Анализируя контекст погребений, в которых эти ножи встречаются, можно отметить, что они датируются исключительно ранним I этапом ППБ, памятники которого представлены в Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах и не зафиксированы южнее.

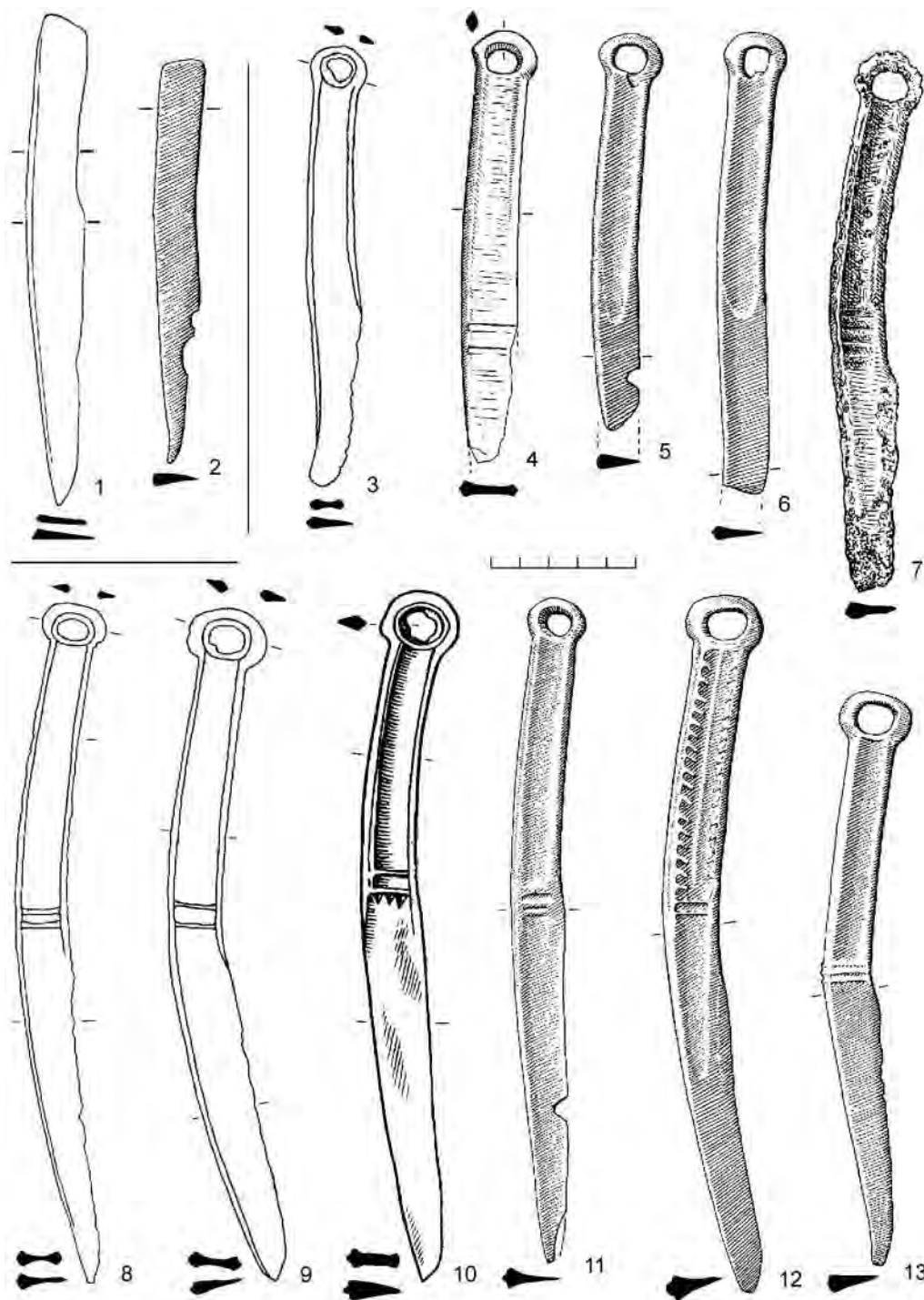

Рис. 1. Ножи «андроновской» (1, 2) и группы I (3-13): 1 — Сухое Озеро II, курган 81, могила 1; 2 — Орак III, могила 4; 3 — Карасук I, ограда 56, могила 1; 4 — Мара, курган 1, могила 2; 5 — Сухое Озеро II, курган 248-а, могила 1; 6 — Сухое Озеро II, курган 71, могила 3; 7 — Малые Копёны III, курган 127, могила 2; 8 — Окунев Улус I, могила 12; 9 — Карасук I, ограда 18, могила 2; 10 — Уйбат I, могила 10; 11 — Сухое Озеро II, курган 252, могила 4; 12 — Сухое Озеро II, курган 349, могила 1; 13 — Сухое Озеро II, курган 110. 1-13 — медь, бронза

Fig. 1. Knives of the 'Andronovo' group (1, 2) and group I (3-13): 1 — Sukhoye Ozero II, barrow 81, grave 1; 2 — Orak III, grave 4; 3 — Karasuk I, fence 56, grave 1; 4 — Mara, barrow 1, grave 2; 5 — Sukhoye Ozero II, barrow 248-a, grave 1; 6 — Sukhoye Ozero II, barrow 71, grave 3; 7 — Malye Kopyony III, barrow 127, grave 2; 8 — Okunev Ulus I, grave 12; 9 — Karasuk I, fence 18, grave 2; 10 — Uybat I, grave 10; 11 — Sukhoye Ozero II, barrow 252, grave 4; 12 — Sukhoye Ozero II, barrow 349, grave 1; 13 — Sukhoye Ozero II, barrow 110. 1-13 — copper, bronze

Эта уникальная группа ножей имеет совершенно особое значение, так как именно их можно в полном смысле этого слова называть «карасукскими». Артефакты этой облика были принесены той самой группой мигрантов, которые положили начало ППБ на Среднем Енисее. Они встречаются только в погребениях начального I этапа, а в более поздних захоронениях уже не представлены.

В процессе изучения ножей этого типа в коллекции Государственного Эрмитажа было сделано одно наблюдение, которое может иметь очень большое значение для их дальнейшего выделения и анализа. Было отмечено, что держать такой нож в руке обычным хватом неудобно, острые грани рукоятки впиваются в руку. При экспериментах с положением руки на рукоятке, был подобран принципиально иной хват, который позволяет избежать неприятных ощущений. При этом стало понятно назначение некоторых технических деталей. Суть хвата заключается в том, что большой палец кладется вдоль верхней плоскости рукоятки, а остальные четыре подушечками упираются в нижнюю плоскость. Такое положение не совсем привычно, но вполне удобно. При этом исключается контакт руки с острыми гранями рукоятки, зато становится понятна необходимость вогнутости обеих ее сторон. Пальцы ложатся в эти доли очень удобно и не соскальзывают. При таком хвате подушечка большого пальца оказывается прямо на поперечных канавках в месте перехода от рукоятки к лезвию, что обеспечивает дополнительное сцепление и контроль над положением руки на ноже.

Нужно отметить, что это единственный тип ножей, для которых данный хват применим. Все остальные имеют плоский или овальный профиль рукоятки, а также шип или уступ, предполагающие традиционный хват. Несколько отклоняясь от основной темы статьи, следует отметить, что все ножи коленчатых и дугообразных форм имеют исключительно хозяйственное назначение. Они неприменимы в военном деле, так как эта форма не предполагает нанесения колющих или рубящих ударов. Основное их назначение — разделка туш животных. Разрезы при этом делаются в направлении «на себя» (именно поэтому они имеют дугообразную или коленчатую форму), что не предполагает необходимости жесткого хвата. При такой технике использования шип или уступ в месте перехода от рукоятки к лезвию не имеет практического значения. Они необходимы,

чтобы рука не соскальзывала на лезвие при нанесении сильных колющих ударов, то есть предполагают принципиально иную технику использования. Появление подобных технических элементов на ножах дугообразных и коленчатых форм, что свойственно группам II и III, представляется следствием влияния со стороны совершенно других, явно военизированных, образцов, имеющих, вероятно, прямую форму. Это подтверждается исчезновением данных избыточных элементов на ножах группы IV и на более поздних скифских образцах.

Группа II. Дугообразные ножи с различными типами наверший: кольцом, иногда с тремя «кнопками», грибовидным или зооморфным (рис. 2). В могилах обнаружено 17 экземпляров. Кроме новых форм наверший эту группу выделяет появление шипа у основания лезвия, а также изменение профиля рукоятки: это либо обычный двуглав (без плавных переходов и острых граней), либо овал, в редких случаях — пластина. При всем разнообразии форм и типов наверший ножи этой группы существуют совершенно синхронно, отражая, вероятно, смешанный состав населения того периода.

Для ножей этой группы характерно массовое (до 80 % случаев) появление на них орнаментов. Обычно это направленные навстречу друг другу треугольники на рукоятке (рис. 2, 7, 12), имитация шнурка по ее краю (рис. 2, 1, 2, 9) или группы прочерченных поперечных линий (рис. 2, 3, 4, 6). На лезвии зафиксирован только один орнамент — группы треугольных шевронов, отходящих от линии шипа (рис. 2, 4, 6, 7). Учитывая, что на ножах группы I орнамент представлен только в двух случаях (10 %), — это очень существенное изменение, показывающее их принципиальное отличие. Интересно отметить, что отмеченные выше орнаментальные композиции также свойственны и керамике, происходящей из могил. На сосудах фиксируются аналогичные простые композиции из горизонтальных линий (как и на ручках ножей), а также свисающие вниз треугольные шевроны.

Анализ контекста, из которого происходят ножи этого типа, показывает их очень узкую хронологическую позицию. Погребальный обряд и остальной сопроводительный инвентарь, прежде всего керамика, позволяют датировать эти могилы исключительно II (карасук-лугавским) этапом ППБ. Они появляются в составе очень мощной

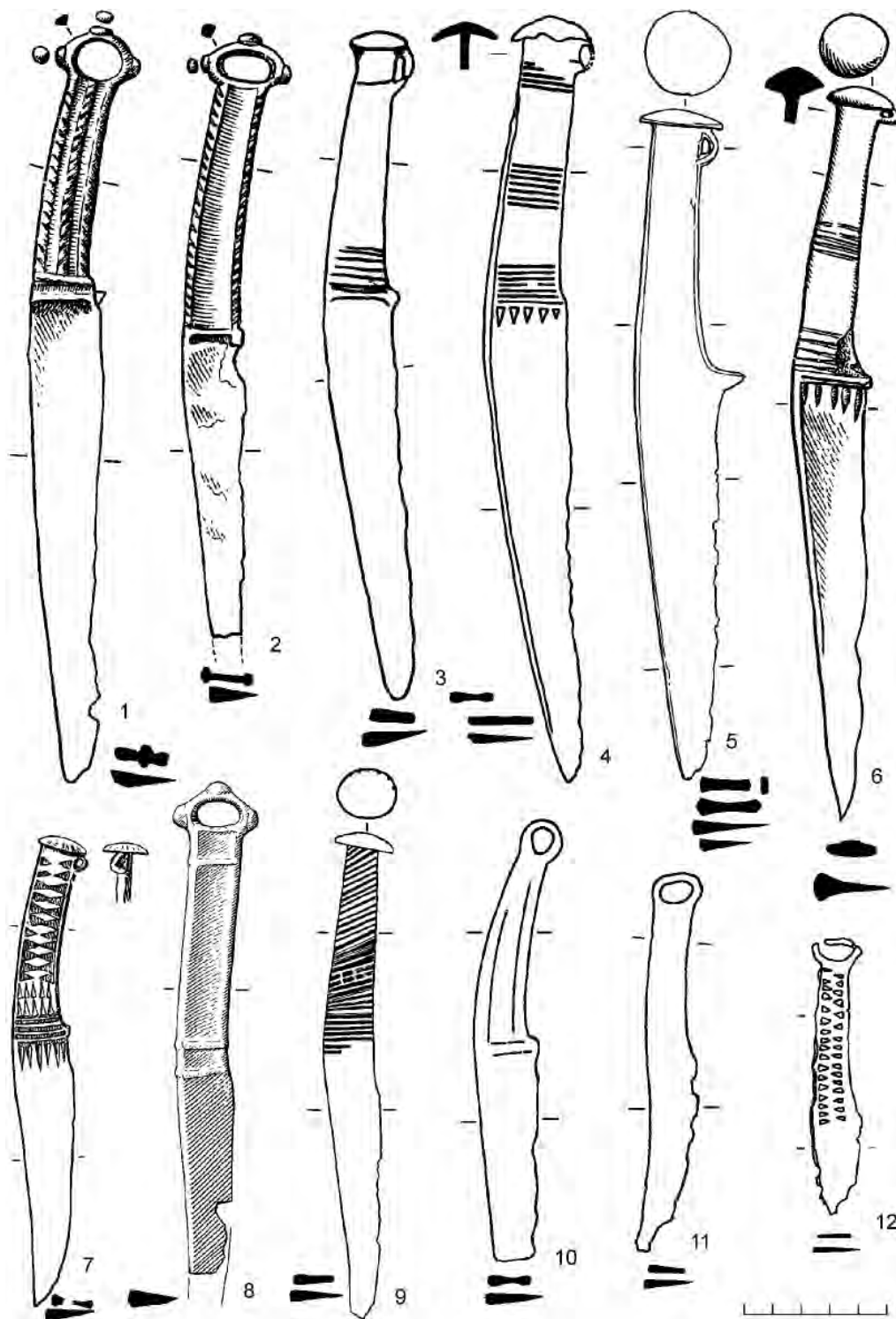

Рис. 2. Ножи группы II: 1 — Бея, могила 3; 2 — Абакан, погребения 15-16; 3 — Хара-Хая, погребение 33; 4 — Окунев Улус II, могила 2; 5 — Кюргеннер I, курган 28, могила 1; 6 — Абакан, погребение 21; 7 — Каменка II, могила 2, погребение 1; 8 — Сухое Озеро II, курган 381, могила 1; 9 — Терт-Аба, курган 18, могила 1; 10 — Терт-Аба, курган 19; 11 — Терт-Аба, курган 22а; 12 — Окунев Улус I, могила 9. 1-12 — медь, бронза

Fig. 2. Knives of group II: 1 — Beya, grave 3; 2 — Abakan, burials Nos. 15-16; 3 — Khara-Khaya, burial 33; 4 — Okunev Ulus II, grave 2; 5 — Kyurgenner I, barrow 28, grave 1; 6 — Abakan, burial 21; 7 — Kamenka II, grave 2, burial 1; 8 — Sukhoje Ozero II, barrow 381, grave 1; 9 — Tert-Aba, barrow 18, grave 1; 10 — Tert-Aba, barrow 19; 11 — Tert-Aba, barrow 22a; 12 — Okunev Ulus I, grave 9. 1-12 — copper, bronze

культурной волны, которая принесла в Минусинские котловины новые обрядовые элементы и артефакты, многие из которых восходят к андроновской традиции. Можно сказать, что эта волна привела к сложению II этапа, а ножи группы II являются ее неотъемлемой частью.

По разновидностям наверший есть основания разделить ножи на два основных варианта.

Вариант А. Ножи с кольцевидным навершием (рис. 2, 1, 2, 8, 10–12). Примерно в половине случаев на этом кольце расположены «кнопки», чаще всего три. Главное отличие от ножей группы I — изменение профиля кольца: он либо овальный, либо треугольный с расширением к внешней стороне. Особое значение имеют «кнопки» на навершии. Кроме четырех случаев обнаружения в погребениях имеется весьма представительная серия из случайных находок (Членова, 1972. Табл. 5, 14–28). Аналогичные «кнопки» встречаются и на других бронзовых изделиях этого времени: серьгах, кельтах, дугах предмета неизвестного назначения, ручках ножей (Поляков, 2015). Совершенно аналогичные ножи с тремя кнопками и шипом — довольно распространенная находка в погребениях эпохи Инь на территории Северного Китая (Варенов, 2017). Изучая указанные комплексы, можно отметить, что орнамент в виде «кнопок» или «жемчужин» встречается и на других бронзовых изделиях (кельтах, копьях, клевцах), составляя определенную изобразительную традицию. На территории современной Монголии в эпоху бронзы преобладает безынвентарный обряд погребения и на данный момент находки аналогичных ножей неизвестны, зато они представлены на оленных камнях (Волков, 2002. Табл. 17, 18). Таким образом, минусинские образцы оказываются на самой северной окраине территории, где подобные изделия были распространены.

Вариант Б. Ножи с грибовидными навершиями (рис. 2, 3–7, 9). Чаще всего этот тип навершия дополнен небольшим колечком, необходимым для крепления темляка (рис. 2, 3–7). Формы профиля рукояток максимально разнообразны: овал, слабовыраженный двутавр, пластина. Лезвие имеет клиновидный профиль. На подавляющем большинстве экземпляров имеется шип у основания лезвия. Навершия, при взгляде сверху, чаще всего имеют круглую форму, что отличает их от аналогичных шляпок ножей группы III, чаще овальных или подтреугольных. Ножи с зооморфными навершиями представляют собой, вероятно, только

частный случай грибовидных. Подобные экземпляры в погребениях встречаются крайне редко, но известна серия случайных находок (Членова, 1972. Табл. 9, 1–10). Как и ножи с тремя «кнопками» на кольце, они имеют большое значение для установления связи с относительно южными территориями, где они также представлены в комплексах Северного Китая и на оленных камнях Монголии (Варенов, 2004; 2005а; 2005б; Волков, 2002. Табл. 22, 23, 36, 41, 47, 50, 76, 78, 79; и др.).

Группа III. Коленчатые ножи (рис. 3). Именно форма является определяющей характеристикой данной группы. Здесь необходимо отметить, что изредка встречаются экземпляры, сработанные до полной потери формы. В подавляющем большинстве случаев навершие оформлено в виде «грибовидной» шляпки, имеющей овальную или подтреугольную форму. Гораздо реже оно может быть выполнено в виде кольца, двух колец или в зооморфном стиле, что, вероятно, является следствием влияния населения, оставившего памятники II этапа ППБ. Рукоятки обычно имеют пластинчатый или «скобчатый» профиль. Переход к лезвию выполнен в виде либо уступа, либо шипа. Профиль лезвия чаще всего Т-образный с утолщением вдоль обуха. В целом размеры коленчатых ножей заметно меньше, чем ножей двух предыдущих типов. Орнаменты на лезвии почти не встречаются, а на ручках представлены довольно часто и весьма разнообразны.

Как и с предыдущими группами, наблюдается устойчивая связь коленчатых ножей с определенным хронологическим периодом. М. П. Грязнов называл его каменноложским этапом, Н. Л. Членова — лугавской культурой. Современная хронологическая схема предполагает отнесение таких ножей к III (лугавскому) этапу ППБ. Отмечается особенность, позволяющая разделить коленчатые ножи на два типа, имеющих отчасти хронологическое значение (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 44–46). Жесткой границы между этими двумя типами не наблюдается, переход происходил очень постепенно.

Тип 1. Коленчатые ножи с петелькой под навершием и шипом при переходе от рукоятки к лезвию (рис. 3, 1, 2, 4, 7, 12, 13). Они имеют более раннюю хронологию и представлены преимущественно в погребениях хронологических горизонтов III-а и III-б.

Тип 2. Коленчатые ножи без петельки под навершием и с уступом при переходе от рукоятки

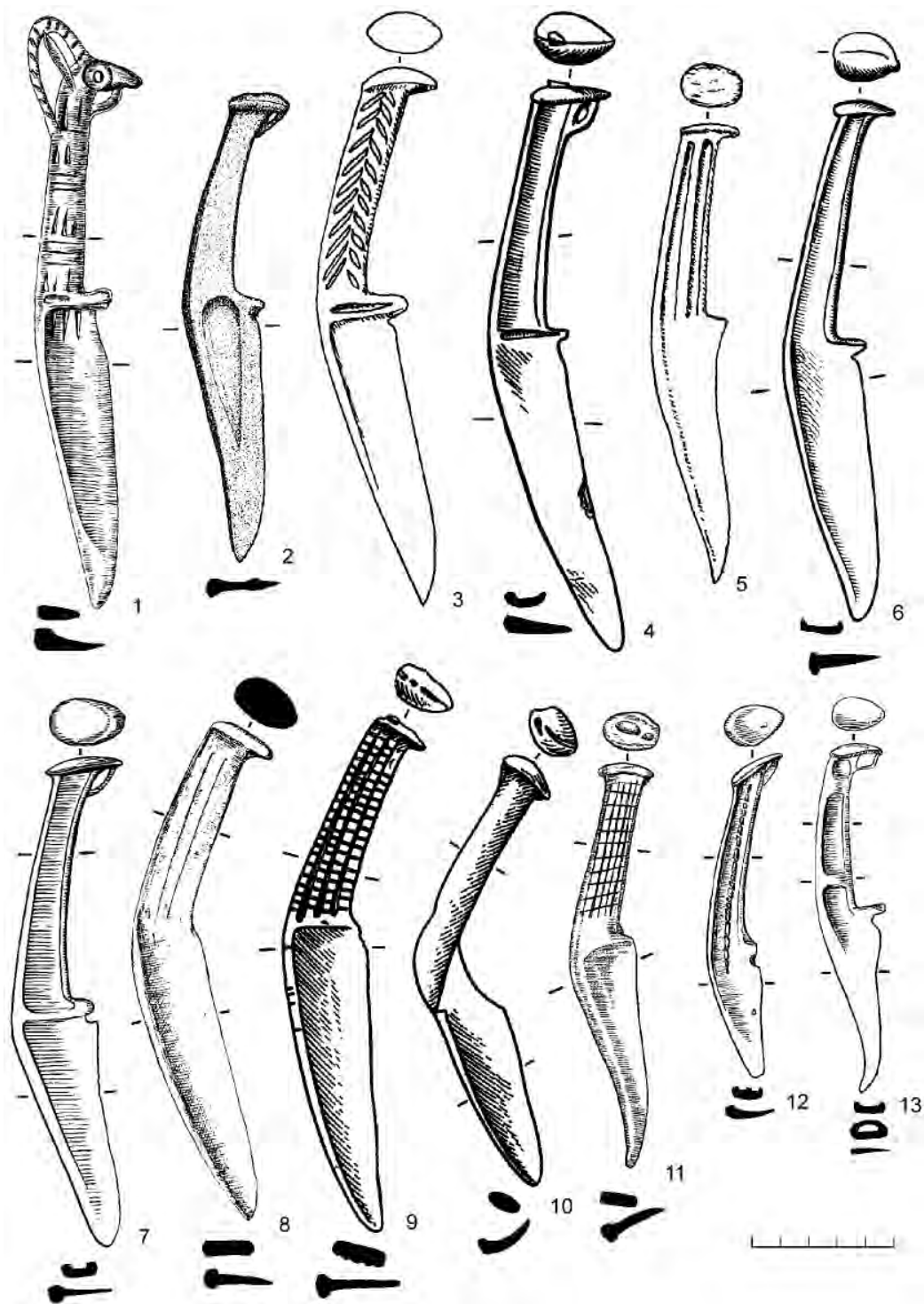

Рис. 3. Ножи группы III: 1, 2 — Подкунинские Горы, курган 1; 3 — Бейская Шахта, могила 1; 4 — Бейская Шахта, могила 2; 5 — Бейская Шахта, могила 3; 6 — Бейская Шахта, могила 5; 7 — Арбан I, могила 60; 8 — Устинкино, курган 8, могила 1; 9 — Фёдоров Улус, могила 10; 10 — Фёдоров Улус, могила 7; 11 — Усть-Бюрь IV, курган 2, могила 2; 12, 13 — Уйбат III, курган 4. 1-13 — медь, бронза

Fig. 3. Knives of group III: 1, 2 — Podkuninskiye Gory, barrow 1; 3 — Beyskaya Shakhta, grave 1; 4 — Beyskaya Shakhta, grave 2; 5 — Beyskaya Shakhta, grave 3; 6 — Beyskaya Shakhta, grave 5; 7 — Arban I, grave 60; 8 — Ustinkino, barrow 8, grave 1; 9 — Fyodorov Ulus, grave 10; 10 — Fyodorov Ulus, grave 7; 11 — Ust-Byur IV, barrow 2, grave 2; 12, 13 — Uybat III, barrow 4. 1-13 — copper, bronze

к лезвию (рис. 3, 8–11). Они чаще встречаются в относительно более поздних погребениях хронологических горизонтов III-б и III-в.

Появление ножей группы III не является результатом процесса постепенной трансформации ножей дугообразных форм (групп I и II). Они представляют полностью самостоятельную линию развития, которая до этого не была представлена в Минусинских котловинах. Нет сомнений, что они восходят к гораздо более древним типам ножей, у которых металлическое лезвие вставлялось под углом в деревянную или костяную рукоятку. Более того, в погребениях III этапа ППБ кроме цельнолитых ножей довольно часто встречаются обломанные кончики лезвий, которые положены в могилу вместо полновесных ножей в качестве столового прибора. Возможно, первоначально они были закреплены в деревянных рукоятках.

Совершенно справедливо Н. Л. Членова и М. Д. Хлобыстина в поисках происхождения этих ножей обратили внимание на нож окуневской культуры из могильника Бельтыры (*Липский, Вадецкая, 2006. Табл. II, 4*). Действительно, подобные изделия были характерны для черновского этапа окуневской культуры. Однако это не означает, что их трансформация в цельнолитые коленчатые ножи произошла в Минусинских котловинах. Между окуневскими и лугавскими образцами имеется лакуна протяженностью не менее 600 лет. Нет сомнений, что прототипы коленчатых ножей использовались в период ранней бронзы не только на Среднем Енисее. География подобных изделий весьма широка, и постепенное сложение традиции изготовления цельнолитых ножей, подражающих комбинированным прообразам, могло произойти на обширных просторах Центральной Азии.

Группа IV. Пластинчатые ножи (рис. 4). Ножи этой группы кардинально отличаются от всех описанных выше образцов. Они имеют очень простую форму со слабым изгибом или даже без него. Шип или уступ у основания рукоятки отсутствует. Профиль рукоятки пластинчатый, а лезвия — клиновидный. Навершие может отсутствовать либо представляет собой кольцо или «арку на кронштейне». Орнаментов на этих ножах не отмечено.

Все ножи обнаружены в погребениях IV (баиновского) этапа ППБ. Ранее эти памятники, по периодизации М. П. Грязнова, относились

к баиновскому этапу тагарской культуры. Однако продолжающиеся исследования хронологии памятников финала эпохи палеометалла убедительно показывают, что они продолжают линию развития периода поздней бронзы и не имеют прямого отношения к скифскому времени (*Лазаретов, 2007*).

Обращает на себя внимание примитивизм этих ножей. Фактически они представляют собой прямую или немного изогнутую пластину, заточенную с одного края, даже навершие присутствует не всегда. С предшествующими группами I, II и III их практически ничего не связывает. Полностью отсутствуют какие-либо переходные варианты или формы. По сути они оказываются гораздо ближе к «андроновской» группе, чем к группам I–III.

Химический состав металла ножей

Отдельное значение имеет химический анализ состава металла, использованного при изготовлении ножей. Анализ изделий «андроновской» группы не проводился. Ножи группы I чаще всего изготовлены из бронзы, легированной оловом (*Членова, 1972. Прил. 2*). Группа II представляет смешанный вариант, где наряду с оловянистыми бронзами встречаются в большом количестве изделия из мышьяковистой меди. Наконец, группа III представлена преимущественно ножами из мышьяковистой меди. В единичных случаях в этой группе обнаруживаются изделия с лигатурой олова, но, вероятнее всего, их появление является следствием переплавки более древних изделий. Наиболее ярко процесс постепенного снижения числа изделий с лигатурой оловом был прослежен на примере нижнетейской группы памятников (*Хаврин, 2001*). Изделия группы IV пока не изучались с точки зрения их химического состава.

Учитывая отсутствие месторождений олова в Минусинских котловинах, можно уверенно утверждать, что первые оловянистые бронзы, как и саму технологию легирования оловом, принесли мигранты первой волны, сформировавшие I этап ППБ. В дальнейшем связи с рудными источниками, вероятнее всего расположенными в Восточном Казахстане, были утрачены, и происходил постепенный переход от этой металлургической традиции к более простым технологиям, предполагающим использование металла с естественной повышенной примесью мышьяка, характерной для месторождений Саяно-Алтая.

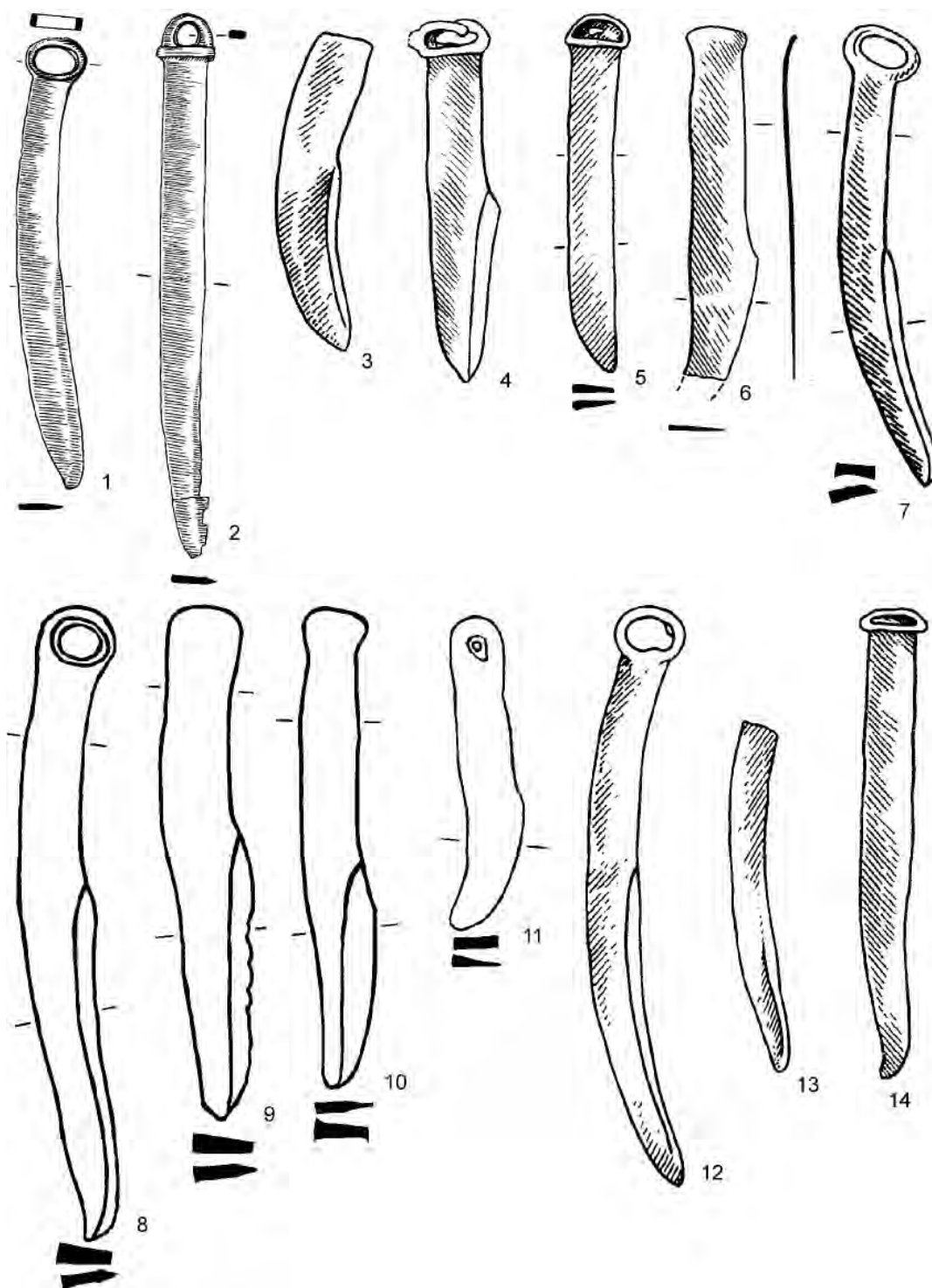

Рис. 4. Ножи группы IV: 1 — Бырганов V, курган 6, могила 1; 2 — Бырганов V, курган 1, могила 3; 3 — Байнов Улус, курган 4; 4 — Байнов Улус, курган 2; 5 — Самохвал, курган 9, могила 2; 6 — Малые Копёны I, курган 2, могила 3; 7 — Кривая I, скелет 4; 8-11 — Ефремкино, курган 16, могила 1; 12 — Аскиз (1914), курган 3; 13 — Аскиз (1914), курган 6; 14 — Ильинская Гора. 1-14 — медь, бронза

Fig. 4. Knives of group IV: 1 — Byrganov V, barrow 6, grave 1; 2 — Byrganov V, barrow 1, grave 3; 3 — Bainov Ulus, barrow 4; 4 — Bainov Ulus, barrow 2; 5 — Samokhval, barrow 9, grave 2; 6 — Malye Kopyony I, barrow 2, grave 3; 7 — Krivaya I, skeleton 4; 8-11 — Efremkiно, barrow 16, grave 1; 12 — Askiz (1914), barrow 3; 13 — Askiz (1914), barrow 6; 14 — Ilyinskaya Gora. 1-14 — copper, bronze

Заключение

Проведя анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно отметить, что весь массив бронзовых ножей, обнаруженных в погребениях ППБ, можно разделить на несколько отчетливых групп, имеющих хронологическое значение (рис. 5). Эти группы не связаны между собой единой линией развития. Каждая имеет свои корни и может изучаться как самостоятельное явление. Они не формировались в Минусинских котловинах, а были привнесены на эту территорию группами мигрантов — их носителями. Попытки выстроить единую линию развития ножей были возможны только на основе массива случайных находок. При использовании для классификации только изделия из комплексов, концепции, построенные исключительно на теоретических постулатах, вступают в явное противоречие с хорошо обоснованными колонными секвенциями.

«Андроновская» группа ножей пока крайне малочисленна и вряд ли в будущем будет представлена большим числом изделий. Из-за особенностей погребального обряда в андроновских памятниках на территории Минусинских котловин ножи пока не обнаружены. Поэтому название данной группы остается пока условным. Здесь приходится опираться на аналогии из могильников других, зачастую весьма отдаленных регионов. Относить эти ножи к периоду поздней бронзы нет никаких оснований. Они являются отражением некоего периода сосуществования различных групп населения на севере Минусинских котловин в конце XV в. до н. э.

Группа I по праву может рассматриваться как собственно «карасукская». Именно эти изделия были принесены на Енисей группой мигрантов, появление которых привело к формированию ППБ. Вероятнее всего, они пришли через Западную Сибирь с территории современного Казахстана, повторив путь андроновских (Фёдоровских) племен. Стоит отметить удивительную монолитность группы, которая демонстрирует очень четкий набор признаков, сохраняющийся в неизменном виде на протяжении всего I этапа. Это можно отнести не только к ножам, но и к погребальному обряду и другим артефактам этой популяции в целом. В Минусинских котловинах в конце XV в. до н. э. появляется группа населения с очень яркими сложившимися признаками, которые восходят к андроновской традиции. Она продолжает свое развитие на протяжении всего

XIV в. до н. э. Важнейшее значение имеет совершенно новый уровень металлургии и использование присадки олова при изготовлении предметов из бронзы.

На рубеже XIV–XIII вв. до н. э. с юга в Минусинские котловины начинает проникать новое население, обладающее весьма интересным набором культурных признаков, сочетающих андроновские и центральноазиатские элементы. Судя по всему, они являются потомками волны андроновского населения, проникшей на территорию современных Монголии и Северо-Западного Китая из казахстанских степей вдоль южных склонов Алтая. Следы этой юго-восточной линии экспансии сейчас активно изучаются (Кучера, 1988; Хаврин, 1992; Заднепровский, 1992, 1993; Кузьмина, 1994; Молодин, Алкин, 1997; Молодин, 1998; Бехтер, Хаврин, 2002; Чуев, Китов, 2007; Li et al., 2010; 2015; Козинцев, 2012; и др.). Это новое население продвигается в Минусинские котловины с юга через территорию Верхнего Енисея и приносит с собой не только новый набор признаков погребального обряда, но и значительное число артефактов, из которых следует особо выделить набор женских украшений и ножи группы II. Эти ножи сочетают признаки андроновской (двухтавовое сечение рукоятки, орнаментация треугольными шевронами, навершия в виде кольца) и центральноазиатской (шип у основания лезвия, овальное сечение рукоятки, грибовидные навершия с петелькой) традиций. Они имеют полностью самостоятельный генезис, а некоторые элементы сходства с группой I определяются их общей андроновской подосновой. Период бытования ножей группы II на Среднем Енисее относится к XIII–XI вв. до н. э. Именно в этот период (эпоха Инь) очень похожие образцы попадают в памятники Северного Китая и рассматриваются там как северные импорты (Линь Юнь, 1990. С. 40–42; Чугунов, Роусон, 2019. С. 274).

В XI в. до н. э. в Минусинские котловины вновь с юга через территорию Верхнего Енисея проникает новое население, которое также постепенно распространяет свое влияние с юга на север. Оставленные им памятники М. П. Грязнов выделял в каменнолоужский этап, а Н. Л. Членова — в отдельную лугавскую культуру. Согласно современной хронологии — это III (лугавский) этап ППБ. Вероятно, это было то самое коренное центрально-азиатское население, с которым долгое время контактировали постандроновские

Период поздней бронзы	IV этап					
	III этап					
	II этап					
	I этап					
		«Андроновская» группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV

Рис. 5. Схема хронологического соотношения разных групп ножей
 Fig. 5. Scheme of the chronological relationship of different groups of knives

племена, появившиеся на Среднем Енисее несколько ранее, на II этапе ППБ. Необходимо отметить, что по всем своим признакам и особенностям эта популяция выглядит более варваризированной, чем ее предшественники. В первую очередь это касается технологий изготовления гончарных изделий и металлургии.

С собой они принесли традицию изготовления коленчатых ножей группы III. Это особые изделия, отличающиеся не только формой, но и типами наверший, орнаментами и профилями рукояток. В Минусинских котловинах наблюдаются два этапа их развития. Более ранние образцы имеют петельку под шляпкой и шип на переходе от лезвия к рукоятке (тип 1). Постепенно они трансформируются в тип 2 — без петельки

и с уступом вместо шипа. Период развития этой группы в Минусинских котловинах охватывает XI–IX вв. до н. э. В качестве аналогии им обычно приводятся «монетные» ножи из Северного Китая, также имеющие коленчатую форму и датирующиеся эпохой Западного Чжоу (Новгородова, 1970. Рис. 20, 25).

Наконец, в IX в. до н. э. появляется еще одна группа населения, которую можно рассматривать как предвестницу прихода в Минусинские котловины скифских коллективов. Начиная с этого момента складывается IV (баиновский) этап ППБ. Часть этих памятников ранее включалась М. П. Грязновым в состав баиновского этапа тагарской культуры. Однако современные исследования позволяют отделить их

от скифской эпохи (Лазаретов, 2007). Вместе с ними появляется принципиально новая группа ножей — IV, не похожая ни на одну из более ранних. В дальнейшем, на рубеже IX–VIII вв. до н. э., происходит смена этой группы населения скифским.

Представленное разделение ножей на группы является только первым шагом нового этапа изучения этой категории предметов. Необходимо гораздо более углубленное рассмотрение

каждой из групп отдельно с целью построения типологических схем развития и поиска их истоков. При этом можно будет привлекать и случайные находки, что значительно расширит круг источников. Огромное значение имеет весьма узкая хронологическая позиция каждой из выделенных групп, что позволит в дальнейшем выстраивать горизонтальные связи на обширных территориях Центральной Азии, опираясь на эти знаковые артефакты.

Аванесова, 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Бехтер, Хаврин, 2002 — Бехтер А. В., Хаврин С. В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Бурятский ГУ, 2002. С. 10–12.

Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Варенов, 2004 — Варенов А. В. Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодаогу и Янхе с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Бурятский ГУ, 2004. Вып. 2. С. 66–81.

Варенов, 2005а — Варенов А. В. К датировке северокитайских памятников цинлунского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. Вып. 1. С. 162–166.

Варенов, 2005б — Варенов А. В. К датировке северокитайских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. Вып. 1. С. 79–90.

Варенов, 2017 — Варенов А. В. Бронзовые ножи с трехкнопочным кольцевым навершием в древнем Китае // V (XXI) ВАС в Барнауле–Белокурихе: В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 175–176.

Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Генинг, Стефанова, 1994 — Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург: Уральский ГУ, 1994. 68 с.

Грязнов и др., 2010 — Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пишеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.

Заднепровский, 1992 — Заднепровский Ю. А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. М.: б. и., 1992. № 3. С. 115–127.

Заднепровский, 1993 — Заднепровский Ю. А. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культуригенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: б. и., 1993. С. 99–103.

Козинцев, 2012 — Козинцев А. Г. Из степи — в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Редкол. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 1. С. 122–126.

Комарова, 1975 — Комарова М. Н. Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 85–94.

Кузьмина, 1994 — Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М.: Восточная литература, 1994. 462 с.

Кучера, 1988 — Кучера С. Р. Новое достижение археологов и антропологов КНР: краниологическая серия Гумугоу // Девятнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1988. Ч. II. С. 3–14.

Лазаретов, 2006 — Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2006. 34 с.

- Лазаретов, 2007* — Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // АВ. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Лазаретов, Поляков, 2008* — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Линь Юнь, 1990* — Линь Юнь. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 29–45.
- Липский, Вадецкая, 2006* — Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельгыры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 73–81.
- Матющенко, 1973* — Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973 (Из истории Сибири; Вып. 11). 151 с.
- Молодин, 1998* — Молодин В. И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 286–289.
- Молодин, Алкин, 1997* — Молодин В. И., Алкин С. В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тезисов конф., посвящ. 35-летию гуманитарного факультета Новосибирского ГУ. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 1997. С. 35–38.
- Новгородова, 1970* — Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.
- Поляков, 2006* — Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2006. 26 с.
- Поляков, 2009* — Поляков А. В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 90–109.
- Поляков, 2015* — Поляков А. В. Бронзовые изделия с орнаментом в виде объемных полусферических выступов в памятниках эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. конф. в Хух-Хото. Пекин: б. и., 2015. Т. I. С. 251–257.
- Поляков, 2019* — Поляков А. В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2019. № 2 (26). С. 91–108.
- Поляков, 2020* — Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2020. 54 с.
- Поляков, Лазаретов, 2019* — Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Пяткин, 1967* — Пяткин Б. Н. Датировка карасукских изогнутых ножей // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кемеровский пед. ин-т, 1967. Вып. 1. С. 53–59.
- Хаврин, 1992* — Хаврин С. В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья: к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 45–46.
- Хаврин, 1994* — Хаврин С. В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. СПб.: Ойум; Фарн, 1994. Вып. 8. С. 104–113.
- Хаврин, 2001* — Хаврин С. В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак — Арбан — Федоров улус) // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 117–125.
- Хлобыстина, 1962* — Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.: Наука, 1962. 32 с.
- Членова, 1972* — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.

- Чугунов, Роусон, 2019 — Чугунов К. В., Роусон Дж. Жертвенный бык и «господин коней» в Китае // ПИФК. 2019. Вып. 2 (64). С. 262–278.
- Чуев, Китов, 2007 — Чуев Н. И., Китов Е. П. Археолого-антропологическое изучение древнего населения Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // Вестник антропологии. М., 2007. Вып. 15, ч. II. С. 284–291.
- Li *et al.*, 2010 — Li C., Li H., Cui Y., Xie C., Cai D., Li W., Mair V., Xu Z., Zhang Q., Abuduresule I., Jin L., Zhu H., Zhou H. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age // BMC Biology. 2010. 8:15. P. 1–12.
- Li *et al.*, 2015 — Li C., Ning C., Hagelberg E., Li H., Zhao Y., Li W., Abuduresule I., Zhu H., Zhou H. Analysis of ancient human mitochondrial DNA from the Xiaohe cemetery: insights into prehistoric population movements in the Tarim Basin, China // BMC Genet-ics. 2015. 16:78. P. 1–11.

To the problem of classification and chronology of the bronze knives of the Late Bronze Age from the Minusinsk hollows

A. V. Polyakov³

Keywords: South Siberia, Minusinsk hollows, Late Bronze Age, pre-Scythian period, knives.

The “Karasuk” knives are among the “visiting cards” of the archaeology of Minusinsk hollows. Their studies continue already for over hundred years however the typologies and classifications proposed by the researchers have not so far become a reference for a wide circle of explorations. The problem is in the fact that all the products of that long chronological period (late 15th — late 9th century BC) were arranged along a single uninterrupted line with a gradual transition of one type to another. Modern investigations demonstrate that during the Palaeometallic Age in the area of the Minusinsk hollows, migration processes played a huge role. In the period of the Late Bronze Age, new groups of people were coming to the Yenisey bringing with them peculiar sets of artefacts including knives. As a result, the entire mass of these objects must be divided into several groups which, as investigations show, are of a chronological significance (Figs. 1–5). They were used in the most cases sequentially but at the same time do not present an evolutionary series of artefacts of this kind. The formation of each new group was the result of the appearance of a new population in the Minusinsk hollows with its set of artefacts.

³ Andrey V. Polyakov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: poliakov@yandex.ru.

Степновка II (к проблеме изучения малых таштыкских склепов)

Д. Г. Савинов¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о так называемых малых склепах таштыкской культуры как отдельного вида археологических памятников. Приводятся краткая историография вопроса и общая характеристика склепов. Дана полная публикация материалов малого склепа Степновка II на юге Хакасии, имеющего как общие признаки, типичные для малых склепов, так и некоторые специфические особенности (депонирование сосудов при входе в склеп, сооружение деревянного помоста посередине погребальной камеры, закладные жертвы семи расчлененных человеческих тел, помещенные в отдельные ямы в углах сруба). Совокупность специфичных признаков является свидетельством сложной социальной структуры таштыкского общества, которую на данном этапе изучения предполагается называть сословно-этнической.

Ключевые слова: таштыкская культура, склеп, малый склеп, погребения, обряд, жертвоприношение, керамика, социальная принадлежность.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-163-180

Таштыкская эпоха или культура — два определения периода, охватывающего большую часть первой половины и середину I тыс. н. э. То и другое одинаково имеют право на существование: первое из них является разделом археологической периодизации (Теплоухов, 1929; Грязнов, 1979); второе отражает особенности культурно-исторического развития населения этого времени на Среднем Енисее (Киселев, 1951; Кызласов, 1960). Принципиального различия между ними нет, в работах Э. Б. Вадецкой то и другое используются как синонимы (Вадецкая, 1992; 1999).

Несмотря на широкую известность, обилие археологических материалов (среди которых знаменитые таштыкские маски), большое количество специальных статей, тематический сборник (Таштыкские памятники..., 2007) и две фундаментальные монографии (Кызласов, 1960; Вадецкая, 1999), многие вопросы, связанные с изучением таштыкской культуры, или эпохи, — типология, районирование, этнокультурная атрибуция

памятников — остаются недостаточно изученными или дискуссионными. К их числу относится и вопрос о так называемых малых таштыкских склепах. Они уже раскопаны в достаточно большом количестве, но никак не систематизированы и не обобщены, а по своему значению явно уступают большим (или классическим) склепам. Тем не менее в истории их открытия и изучения наметилась своя особая историография.

Впервые выражение меньшие (или малые) склепы было употреблено М. П. Грязновым в публикации о раскопках двух таштыкских склепов на могильнике Барсучиха IV, причем в прямом значении этого слова — по отношению к большему: большой склеп здесь имел размеры 4 × 4 м, меньший (или малый) — 3,5 × 3,5 м (Грязнов, 1968. С. 149). Очевидно, увидев в этом определенную закономерность, то же самое М. П. Грязнов повторил в первом сообщении о раскопках двух таштыкских склепов на могильнике Тепсей III. Один из них (курган 2) был самым большим; «другой склеп (курган 3) в 4 раза меньше предыдущего» (Грязнов, 1970. С. 177). При этом были отмечены некоторые характерные особенности подобного рода памятников: упрощенные варианты

¹ Кафедра археологии, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

конструкции (по отношению к большим), сочетание обрядов трупосожжения и трупоположения; из находок — фрагменты глиняных масок, бронзовые поясные накладки и пряжки с прорезным орнаментом, подвески с парными головками лошадей (*Там же*).

Развивая эту тему и опираясь на сделанные при этом наблюдения в последующей публикации этих материалов, М. П. Грязнов писал, что «исследованные здесь (у горы Тепсей на Енисее. — Д. С.) 2 малых склепа (3 и 4) отличаются от многих других тем, что они сгорели после того, как уже успели в значительной степени заполниться землей, прикрывшей собой нижние ряды погребенных в них трупов, мумий и кукол с пеплом сожженных людей... Очень важно, что перед нами в данном случае не просто один из вариантов таштыкских склепов, а принципиально другой тип погребальных памятников» (*Грязнов, 1979. С. 122*). Именно здесь появилось известное выражение М. П. Грязнова о том, что «двух одинаковых таштыкских склепов *еще не находили* (курсив мой. — Д. С.). Конструкции таштыкских склепов сильно варьируют... Малые склепы отличает (от больших. — Д. С.) принадлежность другому типу памятников. Это места упокоения, очевидно, двух разных групп таштыкского населения» (*Там же*). Видимо, далее пишет М. П. Грязнов, они, то есть большие и малые склепы, «относились к разным этническим, а не социально-экономическим группам, и погребенные в больших склепах принадлежали господствующей группе, а погребенные в малых склепах — занимающей подчиненное положение по отношению к первой» (*Там же. С. 142*).

В дальнейшем, главным образом благодаря Э. Б. Вадецкой, ведущего после С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова и М. П. Грязнова исследователя памятников таштыкской культуры, название, а теперь уже термин, *малые склепы* стало общепотребительным, хотя специальный анализ их (или во всяком случае большинства относящихся к ним материалов) так и не производился.

В первую очередь это касается самого количества исследованных памятников. Так, в статье Э. Б. Вадецкой 1981 г. о малом таштыкском склепе на р. Дальняя Чая говорится о 55 раскопанных склепах; при этом «из 14 полностью изученных склепов пока опубликованы четыре, раскопанных под горой Тепсей» (*Вадецкая, 1981. С. 59*). Здесь же сказано, что «причины разнообразия таштыкских склепов (в первую очередь больших и малых. —

Д. С.) до сих пор остаются неясными. Отражает ли оно хронологические этапы культуры или ее социальные варианты?» (*Там же*).

Позднее, до полной публикации материалов раскопок самой Э. Б. Вадецкой, положение существенно не менялось. В общем обзоре памятников, составленном в 1986 г., также говорится о 55 раскопанных склепах; при этом, «к сожалению, свыше половины из них дали мало информации» (*Вадецкая, 1986. С. 131*). В разделе «Таштыкская культура» академического издания «Археология СССР» говорится уже о 60 склепах и, пожалуй, впервые дана краткая сравнительная характеристика больших и малых склепов: «Камеры склепов различаются размерами (от 16 до 90 кв. м) и сложностью конструкции. В малых склепах поставлен низкий сруб или клеть... В небольших склепах укладывали 10, а то и до 25–40 трупов, мумий и кукол... В большие помещали до 100, а то и более кукол и кучек „пепла“... В малых склепах, не имевших входа, покойников, очевидно, хоронили одновременно и покрывали берестяными полотнищами» (*Вадецкая, 1992. С. 241*).

Наконец, в итоговой монографии 1999 г. говорится, что «к настоящему времени раскопаны 20 чрезвычайно богатых вещами монументальных склепов, из которых в той или иной степени опубликованы только 3 склепа: Сыры, склеп 1; Тепсей, склепы 1, 2. Свыше 70 склепов были бедны находками. Среди них опубликована ¼ часть. Правда, главным образом это касается раскопок 50–60 гг., при этом публикация материалов не полная, а частичная» (*Вадецкая, 1999. С. 76–77*). Далее, но без конкретизации: «склепы, аналогичные большим тепсейским, раскопаны на Уйбатском, Ташебинском, Изыхском, Сырском, Койбальском чаатасах» (*Там же. С. 85*).

Итого — 90 (70 и 20), а сейчас, наверное, не менее 100 склепов; какую-то часть их составляют малые склепы. Однако характер публикации сведений о них, помимо склепов, раскопанных самой Э. Б. Вадецкой, и нескольких склепов могильников Маркелов Мыс I и II (*Митько, 2007; Тетерин, 2007*), оставляет желать лучшего. Из них определенную часть, несомненно, составляют малые склепы, критерии выделения которых, помимо размеров и бедности сопроводительного инвентаря, пока остаются малоразработанными.

Исходя из смысла наименования данного вида памятников (лучше именно *вида*, так как в дальнейшем они могут быть разделены на более дробные

Таблица 1. Размеры малых склепов (по: Вадецкая, 1981; 1999; Грязнов, 1979; Савинов, 1993; Боковенко, Смирнов, 1998; Худяков, 1980; 1985)

Table 1. Dimensions of small crypts (after Вадецкая, 1981; 1999; Грязнов, 1979; Савинов, 1993; Боковенко, Смирнов, 1998; Худяков, 1980; 1985)

Памятник	Номер склепа	Ограда		Котлован		Склеп-клеть	Погребение		
		Размеры, м	Высота, м	Размеры, м	Глубина, м		Сожжено	Положено	Всего
Соколовский разъезд	2	8,0 × 7,5	0,2–0,3	4,5 × 4,5	0,6–0,7	4 × 4	11	–	11
	3	8,0 × 8,0	–	–	0,9–1,2	–	14/15	–	14/15
Красная Грива	1	8,5 × 8,0	0,35–0,5	–	1	4 × 3,7	8/10	–	8/10
	2	10,0 × 8,0	–	4 × 3	0,5	–	18	–	18
Мысок	1	6,5 × 7,5	–	3,8 × 3,8	0,4–0,5	–	13	–	13
	2	7,5 × 7,0	0,3	3 × 3	0,6	–	3	–	3
Терский	1	4,5 × 4,2	0,4	2,4 × 2,1	0,8	–	4	1	5
	2	7,0 × 6,0	–	3,2 × 3,2	0,7–0,8	–	3/4	–	3/4
Барсучиха IV	4	8,0 × 8,0	0,7	6 × 6	1,5	–	15	–	15
	6	7,8 × 6,2	–	3,5 × 3,1	0,7	–	14	1	15
Хызылар	3	8,5 × 10,0	0,25	–	–	7 × 9	9	–	9
	4	3,5 × 3,5	–	–	–	–	3	1	4
Дальняя Чая	1	8,6 × 7,8	0,5	4,5 × 4,5	0,35	–	4	–	4
Июсский	1	8,4 × 7,6	0,5–0,6	–	–	4,2 × 4,4	9	–	9
Степновка II	1	10,0 × 5,0	–	4,5 × 4,5	1	4,2 × 4,2	11	1	12

типы), критерием их выделения в первую очередь являются размеры самого сооружения. На основе материалов, собранных в приложении к монографии Э. Б. Вадецкой (Вадецкая, 1999. С. 201–283), а также некоторых других источников, к ним можно отнести объекты с длиной стороны наземной части сооружения 10 и менее метров (соответственно к большим — от 10/11 и более метров). С этим соотносятся другие возможные критерии: помимо упрощенных конструктивных особенностей высота кладки в ограде, размер и глубина котлована, сочетание обрядов трупосожжения и трупоположения, меньшее число погребенных. В целом они представляют упрощенную схему сооружения больших таштыкских склепов. Данные о 15 таких выборочно (для примера) взятых склепах (на самом деле их, конечно, больше) были сведены в табл. 1².

В целом эти 15 склепов определяют основные особенности данного вида памятников, но,

² В табл. 1 не включены склепы, для которых не указаны размеры сооружения, а также склепы условно «переходного» типа, то есть близкие по размерам и сочетающие в себе признаки больших и малых склепов.

конечно, являются приблизительными, что связано как с точностью измерений, так и с самим принципом выявления малых склепов: ведь могут быть не только малые, но и условно средние склепы, грани между которыми пока неуловимы. Обозначенное в каждом конкретном случае число трупосожжений, определенных по кучкам пепла, тоже не означает их действительного количества.

Тем не менее на современном этапе изучения можно установить следующие основные параметры выделения малых таштыкских склепов: размеры наземной части сооружения в среднем — 8 × 8 м, высота — до 1 м; размеры котлована — 4,5 × 4,5 м, глубина — 0,6–0,8 м; общее количество погребенных от 6/8 до 10/12 человек. Известны более «густонаселенные» склепы — до 25 и даже более человек (Тепсей), но это уже отклонение от средней нормы. В основном это остатки трупосожжений, производимых на стороне; количество трупоположений единично или связано с какими-то иными (ритуальными) действиями в рамках производимых здесь же сопроводительных церемоний.

На местности малые склепы, как правило сравнительно бедные сопроводительным инвентарем, встречаются иногда по отдельности

Рис. 1. Курган-склеп Степновка II. Внешний вид сооружения, вид с юго-востока
 Fig. 1. Crypt-mound Stepnovka II. External view of the building, view from the southeast

(например Степновка II), по несколько малых склепов вместе (Барсучиха IV, Мысок, Соколовский разъезд) или непосредственно рядом с большими склепами в составе тех же могильников (Тепсей III, Маркелов Мыс I, II и др.). От чего зависело такое расположение, сказать пока трудно.

По всем избранным критериям склеп на могильнике Степновка II уверенно относится к категории малых таштыкских склепов.

* * *

Могильник Степновка II расположен на юге Минусинской котловины, в 6 км к северо-западу от пос. Новокурское (Бейский район, Республика Хакасия) и состоял из двух курганов: курган 1 заключительного этапа тагарской культуры³; курган 2 — таштыкский склеп. Степновка II, курган 2 — склеп (далее просто Степновка II) — был раскопан в 1985 г. О нем дважды была опубликована краткая информация (Савинов, 1987; 1993), которая использована в Своде памятников таштыкской культуры (Вадецкая, 1999. С. 283, табл. 139; 140). Однако при рассмотрении проблемы таштыкских склепов и общего состояния источников по данной теме этот комплекс заслуживает более полного представления и интерпретации.

Курган-склеп Степновка II находился в открытом поле, место его нахождения неоднократно

перепахивалось, поэтому первоначальный вид сооружения установить трудно. На поверхности были видны только отдельные явно перемещенные камни и небольшая западина посередине. Исследованиями этого участка были выявлены остатки сложного надмогильного сооружения общими размерами 10 × 5 м, вытянутого по линии юго-запад—запад—северо-восток—восток и составленного из двух частей: юго-западной (входной) и северо-восточной (погребальная камера) (рис. 1). Полевое изучение и фиксация склепа производились на трех уровнях: наземной части сооружения (рис. 2, 1); верхнего уровня внутримогильного сооружения, включая вход (рис. 2, 2); на уровне дна погребальной камеры (рис. 2, 3).

Входная часть представляла собой разрушенную каменную вымостку, в прошлом имевшую прямоугольную (или подпрямоугольную) форму размерами 4 × 4 м. Камни вымостки уложены в 2–3 слоя на уровне древней поверхности, при этом большая часть их не сохранилась или сдвинута с первоначальных мест. В процессе разборки с северо-западной и юго-восточной сторон вымостки были выявлены две кольцевые выкладки диаметром около 1 м из горизонтально положенных плиток. Никаких культурных остатков в них не было, но рядом с одной из них (северной) обнаружены разрозненные кости младенца (до 1 года). С юго-западной стороны

³ Раскопки Е. Д. Паульса, 1981 г.

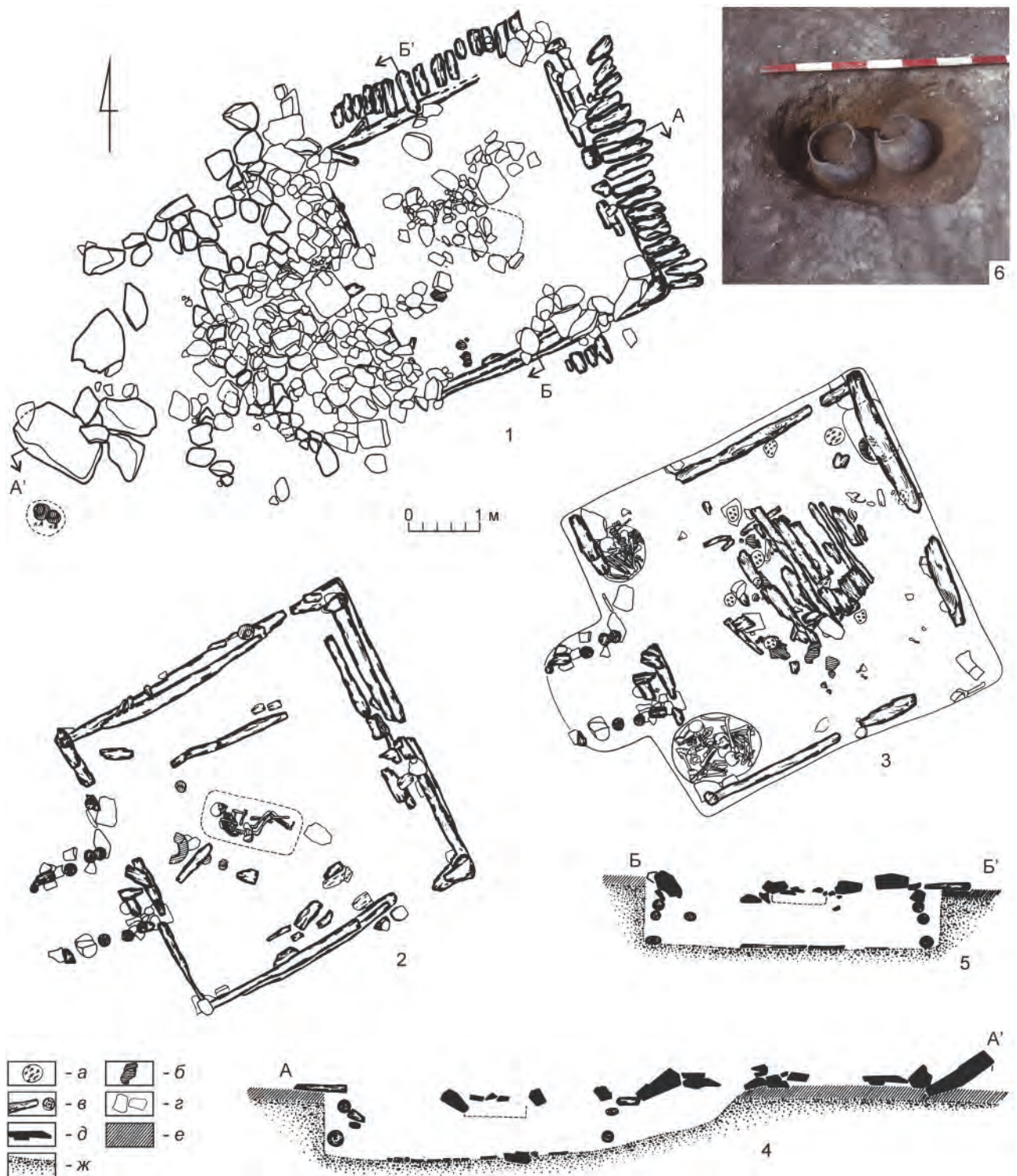

Рис. 2. Курган-склеп Степновка II: 1-3 — планы на различных этапах расчистки сооружения; 4, 5 — разрезы; 6 — глиняные сосуды в ямке у входной части сооружения, вид с юго-запада. Условные обозначения (для рис. 2, 11): а — трупосожжение; б — керамика; в — остатки древесины; г — камни (для планов); д — камни (для разрезов); е — погребенная почва; ж — материковая супесь

Fig. 2. Crypt-mound Stepnovka II: 1-3 — plans at various stages of clearing the structure; 4, 5 — sections; 6 — clay vessels in a hole at the entrance of the construction (from the southwest side). Keys: а — cremation; б — ceramics; в — wood residue; г — stones (for plans); д — stones (for sections); е — buried soil; ж — continental sandy loam

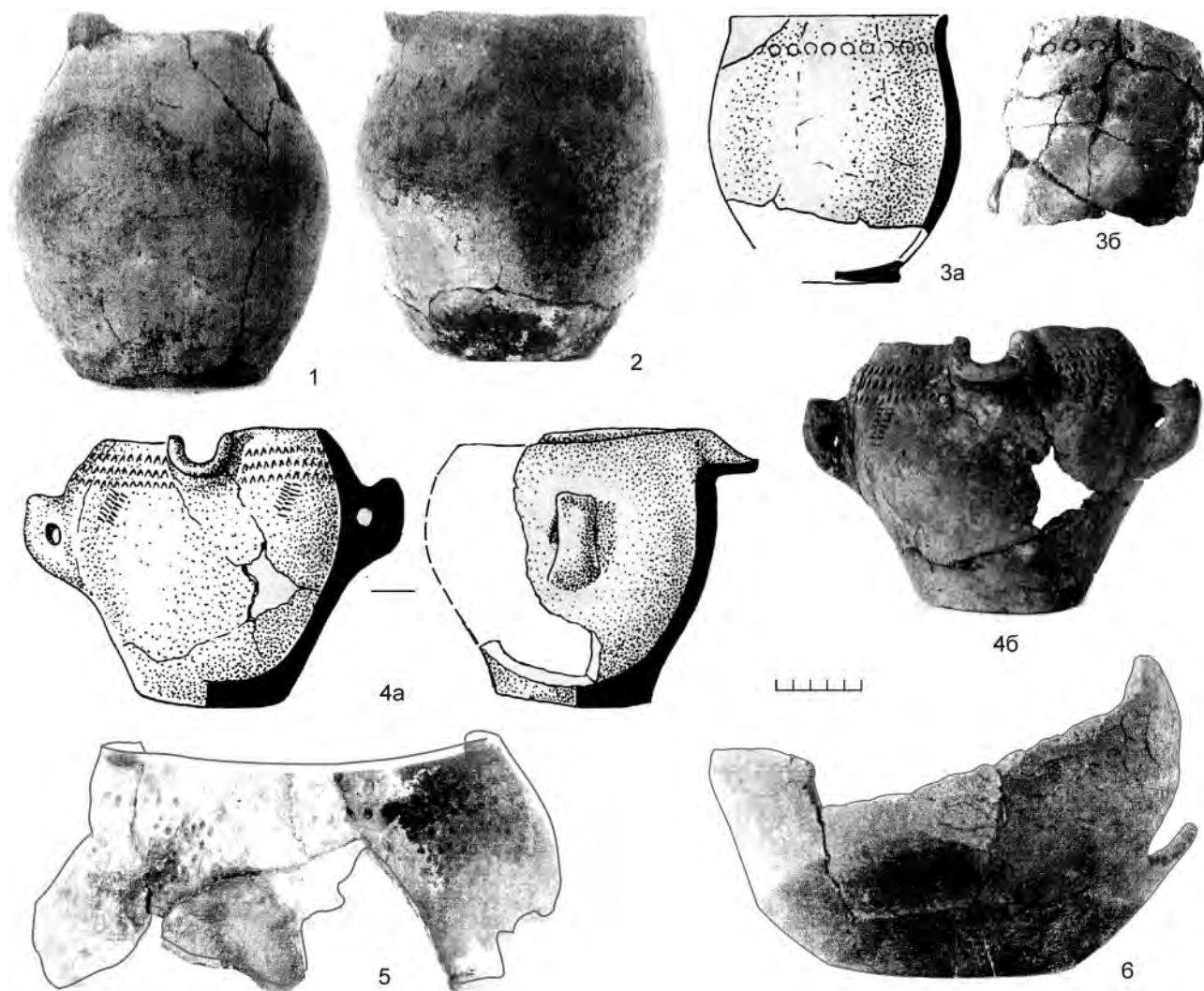

Рис. 3. Курган-склеп Степновка II. Керамика: 1, 2 — из ямы входной части сооружения; 3-6 — фрагменты сосудов со дна погребальной камеры, возле «помоста»

Fig. 3. Crypt-mound Stepnovka II. Ceramics: 1, 2 — from the pit of the entrance part of the structure; 3-6 — the fragments of vessels at the bottom of the burial chamber near the “platform”

от вымостки находилось несколько крупных камней, в том числе одна наклонно стоящая плита высотой около 1 м, возле которой в неглубокой ямке были вкопаны два глиняных сосуда (рис. 2, 6; 3, 1, 2).

Посередине северо-восточной стороны входного «отсека» находился вход в погребальную камеру, оформленный следующим образом. На расстоянии около 0,8 м от края могильной ямы была положена массивная каменная плита размерами 0,50 × 0,45 м, закрывающая вход в погребальную камеру с внешней стороны. От этой плиты в северо-восточном направлении вниз отходил короткий (длиной ≈ 1 м, шириной 1,5 м) коридор,

укрепленный по сторонам камнями и вертикально вкопанными столбами (по четыре с каждой стороны), доходящий до дна погребальной камеры. Спуск в погребальную камеру вырублен в материке в виде трех широких, к моменту исследований оплывших, ступеней (рис. 4). У основания этой «лестницы» была положена крупная деревянная жердь, закрывавшая вход в погребальную камеру с нижней стороны. Здесь же находились фрагменты верхней части крупного глиняного сосуда (рис. 5, 6). Таким образом входная часть отделялась от погребальной камеры как с внешней, так и с внутренней стороны. Все деревянные части входа имели следы обожжения.

Рис. 4. Курган-склеп Степновка II. Входная часть, вид с юго-запада–запада

Fig. 4. Crypt-mound Stepnovka II. Entrance from the southwest side

Погребальная камера (склеп). В основной части сооружения находились остатки перекрытия из расположенных перпендикулярно друг другу тонких деревянных стволов, от которых сохранились только концы, выходящие за границы могильной ямы (котлована). Судя по ним, перекрытие размерами $\approx 5 \times 5$ м было ориентировано углами по сторонам света, соответственно сторонами на северо-запад–юго-восток, юго-запад–северо-восток. Количество стволов перекрытия в направлении юго-восток–северо-запад — около 15, в направлении юго-запад–северо-восток — около 18. Некоторые деревянные части перекрытия имеют следы обожжения. По всей остальной площади сооружения, то есть непосредственно над могильной ямой, остатков перекрытия не сохранилось (рис. 2, 1). Скорее всего, это объясняется тем, что погребальная камера была сожжена, когда могильная яма еще не заполнилась землей. Часть перекрытия над воздушным пространством полностью сгорела, какие-то остатки его обрушились вниз, а концы стволов на бортах могильной ямы только обуглились. Было

ли это первоначально какое-то наземное сооружение или просто накат — сказать трудно.

Под перекрытием находился котлован квадратной формы со слегка скругленными углами размерами $4,5 \times 4,5$ м, ориентированный сторонами, как и все сооружение, северо-восток–юго-запад, юго-восток–северо-запад. Глубина котлована 1 м от уровня древней поверхности. На дне его находился трехвенцовый сруб размерами $4,2 \times 4,2$ м, ориентированный в соответствии с положением перекрытия и могильной ямы. Сруб сложен из тонких бревен по принципу клетки высотой 0,7–0,8 м таким образом, что между бревнами оставался зазор 15–20 см (в толщину одного бревна). Углы клетки сложены без остатка, верхние венцы слегка нависают над нижними. Венцы сруба, особенно верхние, обуглились и носят следы обожжения. Пол погребальной камеры земляной, каких-либо остатков перекрытия сруба не обнаружено.

При последовательной разборке котлована и сруба выявилась следующая картина.

На глубине 0,3 м посередине погребальной камеры находилась каменная выкладка размерами

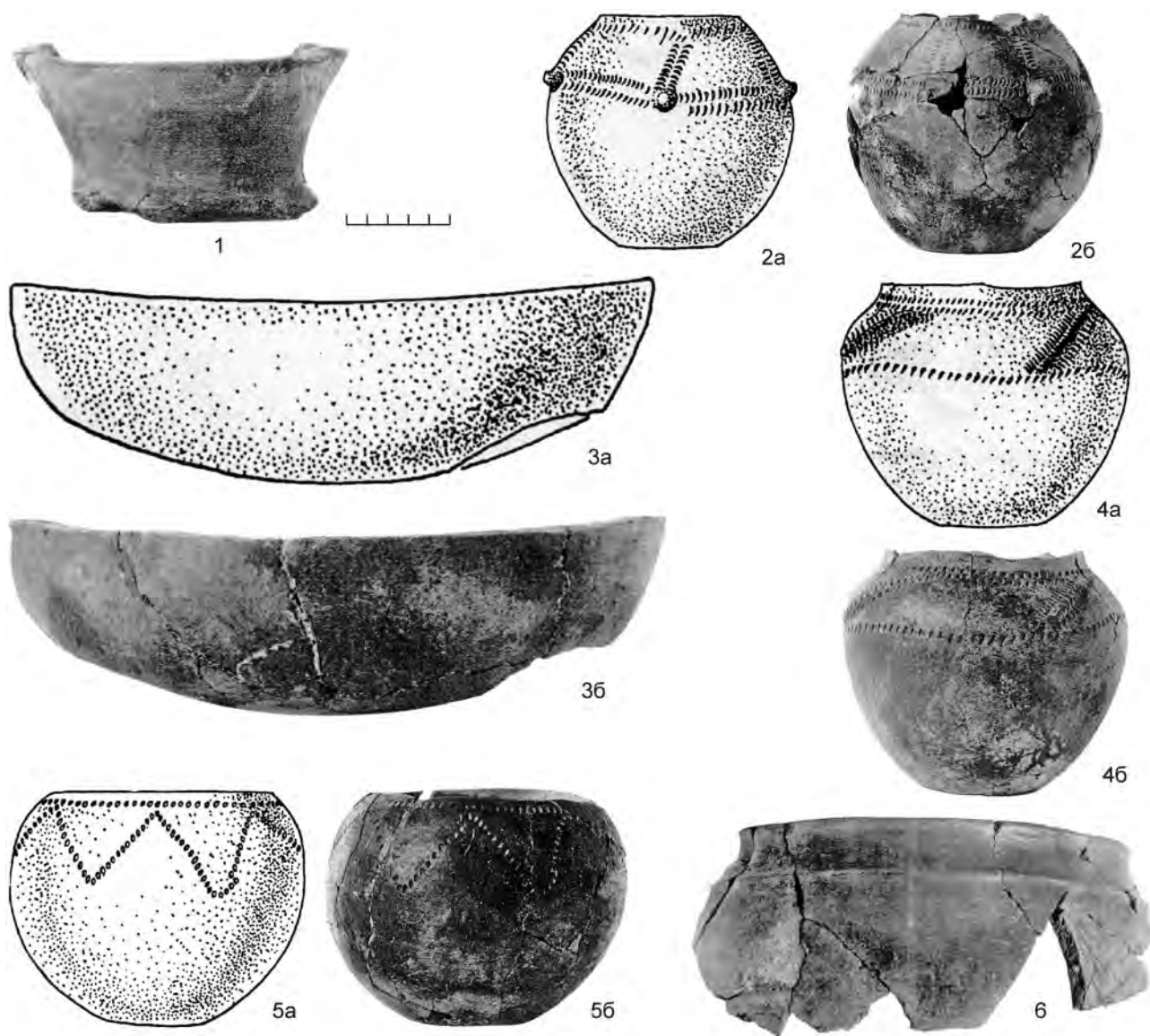

Рис. 5. Курган-склеп Степновка II. Керамика: 1–4, 6 — сосуды, находившиеся в юго-западной части сооружения, в пространстве между входом и «помостом»; 5 — сосуд из «частичного» захоронения под северо-восточной стенкой сруба

Fig. 5. Crypt-mound Stepnovka II. Ceramics: 1–4, 6 — vessels located in the southwestern part of the structure, in the space between the entrance and the “platform”; 5 — a vessel from a “partial” burial under the northeastern wall of the log house

≈ 2,0 × 1,5 м из камней различной величины без каких-либо следов обожжения. Непосредственно под ней — погребение взрослого человека (женщины?): на левом боку, со слегка согнутыми и перекрещенными ногами, головой на запад; без сопроводительного инвентаря. Отсутствие следов обожжения на камнях и на костях скелета позволяет предполагать, что это захоронение было совершено после того, как была сожжена погребальная камера и могильная яма заполнилась

землей. Возможно, что это захоронение было заключительным «аккордом» во всей процедуре погребального обряда или просто является впускным.

На этом же уровне и несколько ниже зафиксировано несколько кусков обгоревшего дерева в виде отдельных плах по сторонам от основной (осевой) линии сооружения (камера-вход) и относящихся, скорее всего, к наземной части перекрытия котлована. Найдены также отдельные

фрагменты обгоревшей бересты, свидетельствующие о том, что, вероятно, первоначально погребальная камера имела не только деревянное, но и берестяное покрытие. В юго-западном углу сруба найдены фрагменты еще одного сероглиняного сосуда, скорее всего, относящегося уже к основному погребению.

В придонной части котлована, на глубине 0,7–0,8 м, в пространстве между входом и серединой склепа находилось несколько раздавленных глиняных сосудов: часть плоского керамического блюда диаметром 30 см (рис. 5, 3а, 3б); чашка, сделанная из поддона крупного сосуда (рис. 5, 1); сосуд бомбовидной формы, украшенный по плечикам рядами серповидных вдавлений (рис. 5, 2а, 2б); стенка красноглиняного сосуда с кружковым орнаментом (рис. 3, 3а, 3б). Еще один сосуд бомбовидной формы с таким же характером орнаментации находился за северо-западной стенкой сруба (рис. 5, 4а, 4б). Рядом с ним втиснутые в стенку могильной ямы находились две глиняные маски: одна целая, изображающая лицо девочки (рис. 6); вторая — обломок нижней части подбородка взрослого человека со следами обожжения. Таким образом, в общей сложности здесь было найдено пять глиняных сосудов и две глиняные маски (от одной сохранился фрагмент). Можно предположить, что все они находились в переотложенном состоянии, то есть были как бы сдвинуты сюда в процессе ограбления кургана.

Нижний слой заполнения котлована состоял из земли, перемешанной с углем и золой. На его дне (на глубине 0,8–1,0 м) посередине находился деревянный помост квадратной формы размерами ~ 1,75 × 1,75 м, сложенный из досок, положенных в ряд в направлении северо-северо-запад–юго-юго-восток (рис. 7). Судя по всему, помост опирался на квадратную раму из жердей, частично сохранившуюся с северо-западной и юго-западной сторон и уложенную на находящиеся под нею плоские камни. В разных местах на помосте в виде отдельных скоплений найдены остатки нескольких трупосожжений — всего семь, каждое из которых представляло собой кучку пепла и мелких кальцинированных костей. Такие же остатки сожжений зафиксированы и за пределами помоста: у северо-западной стенки сруба, в северо-восточном углу и под северо-восточной стенкой. Всего, таким образом, в погребальной камере склепа находились остатки не менее десяти трупосожжений.

Рис. 6. Курган-склеп Степновка II. Глиняная маска девочки (?), взятая монолитом на гипсовой основе

Fig. 6. Crypt-mound Stepnovka II. Clay mask of a girl (?), taken as a monolith on a plaster basis

По краям помоста найдены обломки нескольких глиняных сосудов: в северной части — крупного бомбовидного сосуда с тычковым орнаментом (рис. 3, 5), с юго-западной стороны — придонная часть баночного сосуда (рис. 3, 6) и стенка сосуда с двумя ручками со сливом (рис. 3, 4а, 4б). Здесь же находились и отдельные, весьма немногочисленные, металлические вещи: бронзовые детали поясного набора — две пряжки на длинных щитках (рис. 8, 4, 5), ажурная псевдопряжка (рис. 8, 3) и обломанная деталь поясного украшения с волютообразным оформлением (рис. 8, 6); два бронзовых амулета с головками лошадей (рис. 8, 1, 2); звено железных удил (не сохранилось). Вокруг помоста со всех сторон, кроме «входной», находились кости животных (лопатки, ребра, альчики коров и баранов). В пространстве между помостом и входом на этом уровне никаких находок не было.

Создается впечатление, что такое нахождение глиняных сосудов, немногочисленных предметов и костей животных в погребении является не только результатом ограбления, но и целенаправленных ритуальных действий, когда предметы сопроводительного инвентаря (керамика, отдельные вещи) и кости животных

Рис. 7. Курган-склеп Степновка II. Деревянный помост с остатками сожжений посередине погребальной камеры, вид с северо-востока

Fig. 7. Crypt-mound Stepnovka II. Wooden platform with the remains of burnings in the middle of the burial chamber from the northeast side

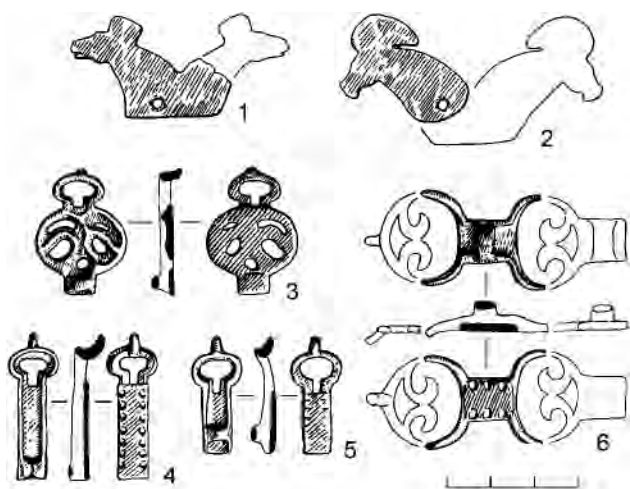

Рис. 8. Курган-склеп Степновка II. Бронзовые изделия: 1, 2 — амулеты с головками лошадей; 3–5 — пряжки; 6 — обломок поясной накладки

Fig. 8. Crypt-mound Stepnovka II. Bronze items from the crypt Stepnovka II: 1, 2 — amulets with horse heads; 3–5 — buckles; 6 — fragment of a belt pad

размещались вокруг помоста и были «общими» для всех находившихся на нем захоронений. Количество найденных здесь глиняных сосудов и число остатков трупосожжений тоже как будто соответствует друг другу.

После зачистки пола погребальной камеры (то есть ниже глубины 1 м) (рис. 9) в северо-восточном углу сруба, непосредственно под его стенкой, выявлено овальное углубление размерами 0,8 × 0,5 м и глубиной 0,4 м. На его дне была положена плоская каменная плита, на которой находились раздавленный человеческий череп, позвонки, ребра и два бараньих альчика (рис. 10), а рядом с ними — раздавленный глиняный сосуд шаровидной формы, орнаментированный вдавлениями из ряда свисающих треугольников (рис. 5, 5а, 5б). О характере этого предварительного (?) захоронения можно только догадываться.

Однако самые неожиданные находки были сделаны в углах котлована, по обеим сторонам от входа в погребальную камеру. Здесь

Рис. 9. Курган-склеп Степновка II. Дно погребальной камеры после расчистки, вид с юго-востока

Fig. 9. Crypt-mound Stepnovka II. The bottom of the burial chamber after clearing, view from the southeast side

Рис. 10. Курган-склеп Степновка II. «Частичное» захоронение под северо-восточной стенкой сруба, вид с северо-северо-запада

Fig. 10. Crypt-mound Stepnovka II. "Partial" burial under the northeastern wall of the log house, view from the northnorthwest

находились еще два захоронения с остатками человеческих скелетов (ямы 1, 2), расчистка которых также производилась на трех уровнях (рис. 11). Одно из них (рис. 11, 9) располагалось в юго-западном углу котлована. Это была могильная яма неправильно округлой формы размерами 1,05 × 0,85 м, вытянутая в направлении юго-запад–запад—северо-восток–восток; дно ямы округлое, глубина 0,5 м от уровня пола сруба. Яма была сплошь заполнена частями человеческих скелетов, находившихся в сочленении (спинные и поясничные отделы, руки, ноги с тазовыми костями, черепа). Общее количество скелетов, судя по черепам, — четыре (рис. 11, 1–3). На дне ямы находились ребра лошади (судя по всему, вырубленная часть грудной клетки).

Другое такое же захоронение располагалось симметрично в северо-западном углу котлована (рис. 11, 10). Могильная яма округлой формы размерами 0,6 × 0,7 м; дно ямы округлое, углублено относительно пола погребальной камеры на 0,4 м. Так же как и в предшествующем случае, яма заполнена частями человеческих скелетов в сочленениях (рис. 11, 4–6). Сверху располагались три черепа и в сочленениях — сильно согнутые нижние части скелетов (тазовые кости и кости ног), ниже — мелкие кости (ребра, позвонки и др.). Здесь захоронены, судя по количеству черепов, три человека. На дне ямы находились около 20 астрагалов мелкого и крупного рогатого скота.

По визуальным наблюдениям люди, предварительно расчлененные и затем похороненные в этих ямах (всего семь человек), — мужчины и женщины сравнительно молодого возраста (от 25 до 30 лет). Имеются все основания полагать, что они принесены в жертву при сооружении склепа (так называемые закладные жертвы). Следует отметить, что такого рода жертвоприношения на памятниках таштыкской культуры тогда были встречены впервые. Не исключено, что подобные случаи могли иметь место и раньше, но не были зафиксированы при исследовании таштыкских склепов и во всяком случае не имели столь ярко выраженный характер.

* * *

По своим размерам, устройству и наполнению Степновский склеп полностью соответствует категории малых таштыкских склепов, но вместе с тем обладает целым рядом специфических

особенностей. Некоторые из них являются новыми, другие позволяют дополнить существовавшие ранее представления. Во всяком случае, общая картина его создания, функционирования и ритуального использования оказывается значительно сложнее, чем можно было предположить.

Так, впервые в таштыкском склепе обнаружена маска ребенка, судя по чертам лица — девочки (?) в возрасте 10–12 лет (рис. 6). Не были известны раньше и случаи изготовления деревянного помоста посередине дна погребальной камеры (рис. 7), хотя выделение этого места для размещения здесь (или около него) предметов сопроводительного инвентаря отмечалось и раньше. Наиболее выразительный пример подобного рода случаев — Соколовский разъезд, склеп 3. «Остатки кремации здесь расположены вдоль трех стен, исключая вход. Их нет и в середине камеры, где складывали либо костер для того, чтобы поджечь камеру, либо нечто вроде „алтаря“. В качестве последнего использован естественный выступ скалы в виде аккуратной многоугольной плиты, вокруг которой положены вещи: железные котлы, деревянные модели оружия, плошка, модели удил» (Вадецкая, 1995. С. 165). Но специально сделанное деревянное сооружение — подиум на положенных под ним каменных плитах — встречено впервые в склепе Степновка II.

Появились и некоторые уточнения в плане исполнения обряда сожжения склепа — вопрос, которому посвящены специальные работы (Баранов 1975; 1992). Сначала считалось, что после окончательного заполнения погребальной камеры «изнутри склеп не поджигался. Он загорался от огромного костра, разведенного на насыпи» (Баранов, 1975. С. 165). Позже, по итогам раскопок всех таштыкских склепов на Тепсее, эта точка зрения несколько изменилась: «Укладку горючего материала — бревен, коры, сучьев, стружек (скорее всего, оставшихся при изготовлении деревянной части склепа. — Д. С.) делали, по-видимому, внутри погребальной камеры до отверстия в потолке, но поджигали сверху, и пылал он внутри камеры» (Баранов, 1992. С. 216). Та же ситуация отмечена и проиллюстрирована реконструкцией сожжения склепа Дальняя Чая в монографии Э. Б. Вадецкой (Вадецкая, 1999. Рис. 40).

Фактическое подтверждение этого получено Ю. В. Тетериным при раскопках одного из склепов

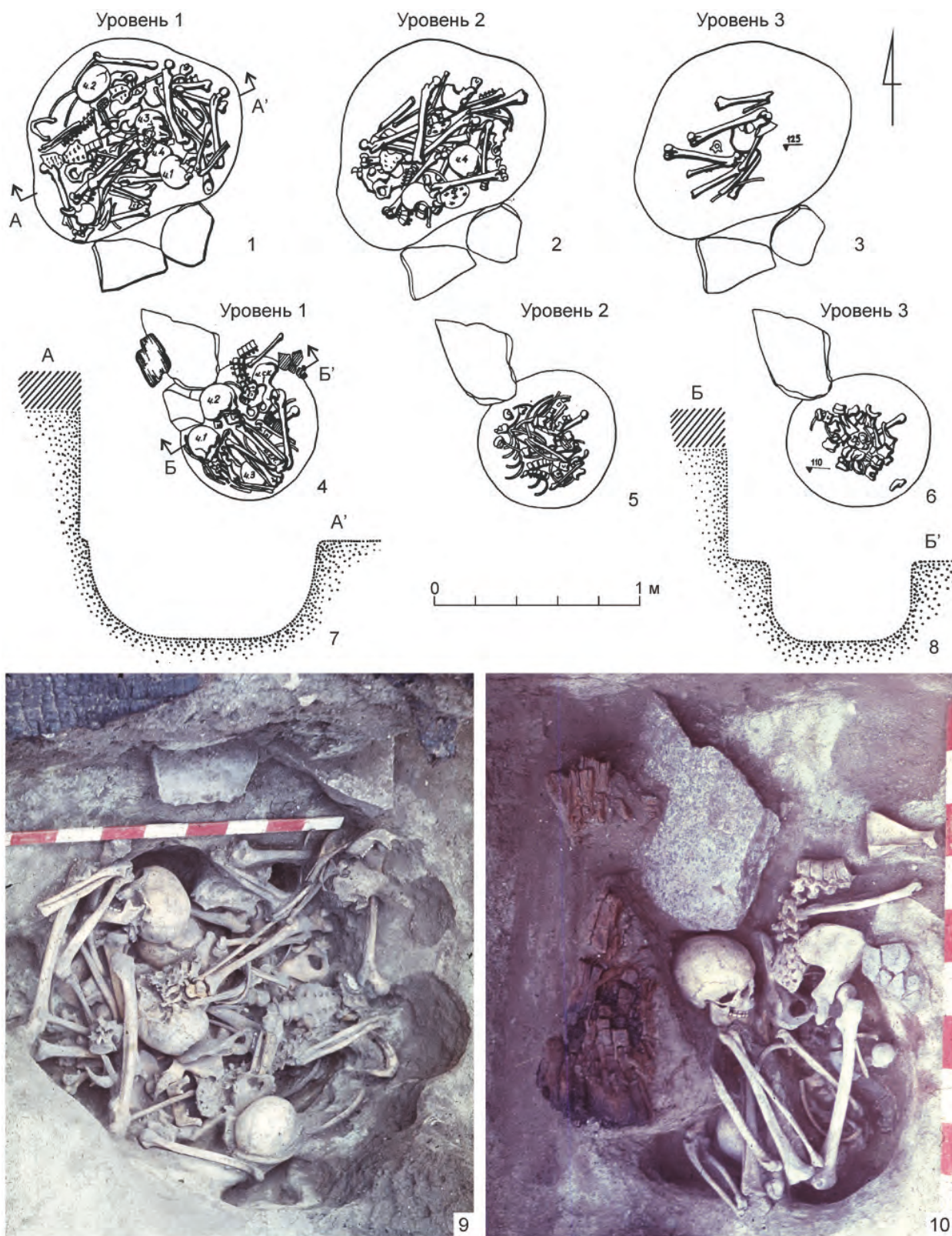

Рис. 11. Курган-склеп Степновка II. Ямы с частями разрубленных человеческих скелетов на трех уровнях расчистки: 1-3, 7, 9 — яма 1, планы и разрез, вид с юга; 4-6, 8, 10 — яма 2, планы и разрез, вид с юго-востока
 Fig. 11. Crypt-mound Stepnovka II. Pits with parts of chopped human skeletons, at three levels of clearing: 1-3, 7, 9 — pit 1, plans, section and view from the south; 4-6, 8, 10 — pit 2, plans, section and view from the southeast

могильника Маркелов Мыс I. «Весь внутренний объем погребальной камеры был заполнен травой, хворостом и вероятно другими горючими материалами, наибольшее количество которого размещалось у стенок камеры. Поэтому клеть и примыкающая к ней часть деревянного перекрытия сгорели почти полностью» (Тетерин, 2007. С. 86).

Некоторые наблюдения по этому поводу, сделанные при раскопках склепа Степновка II: слой пепла по дну погребальной камеры и практически полностью сгоревший помост (рис. 7), а также в меньшей степени обгоревшие концы бревен перекрытия на уровне древней поверхности, выступавшие за края могильной ямы, подтверждают такой порядок сгорания склепа.

При этом остается неясным — на каком этапе функционирования горючие материалы помещались в погребальную камеру? В этом отношении интересно еще одно наблюдение Ю. В. Тетерина, а именно, что «перед завершающим этапом сожжения склепа останки погребенных и сопроводительный инвентарь могли быть сознательно потревожены участниками погребальных церемоний», о чем свидетельствует «рассеянный характер расположения кальцинированных костей по всей площади погребальной камеры, а также наличие фрагментов одних и тех же глиняных сосудов в разных местах склепа» (Там же. С. 86). Вероятно, после этого погребальная камера могла быть заполнена горючим материалом. Рассматривать это как частный случай или ему можно придать более широкое значение — сказать трудно, но это дает возможность несколько иначе взглянуть на общепризнанный факт ограбления таштыкских склепов и подсчет точного количества погребенных по сохранившимся местам скопления пепла.

И последний важный и весьма ответственный (очевидно, для этого типа памятников. — Д. С.) вывод: «Никаких насыпей или сооружений иного рода над деревянными камерами склепов не было (возможно, так было и в Степновке II, где бревна перекрытия лежали на краях могильной ямы горизонтально. — Д. С.). До момента сожжения они стояли открытыми <...> [но] не могли существовать [в таком виде] длительное время... Умерших где-то накапливали и помещали в склеп в течение нескольких сезонов» (Там же. С. 87).

Что собой могли представлять места, где «накапливались» умершие перед помещением их в склеп, сказать трудно. Археологически они еще

не зафиксированы, но некоторые наблюдения в этом отношении уже можно сделать.

Иногда в качестве таких еще не открытых мест, где производились подготовка к погребению и сожжение умерших, называются коллективные сожжения в срубках, типа открытых на горе Арчекас (Кулемзин, 1979) с изделиями смешанного тагаро-таштыкского облика (Вадецкая, 1999. Рис. 38, 2). Но есть и более близкие (если не по времени, то по устройству сооружений) параллели, с этой точки зрения еще не учтенные. Это так называемые шлаковые могилы на юге Хакасии, конструктивно близко напоминающие малые таштыкские склепы.

В одном случае — это платформа с длиной стороны 12 м, высотой 0,5 м, с деревянной обвязкой; под ней — яма 4 × 4 м, оконтуренная бревнами, и клеть или сруб в 3–4 венца; на дне — кальцинированные кости, обломки сосудов, отдельные бронзовые предметы (Кызласов Л., Кызласов И., 1987. С. 255). В другом (там же, на р. Тея) — это котлован, стенки которого обмазаны глиной; в нем останки 28 человек, положенные у восточной стенки; у западной стенки — заготовленная поленница для сожжения. После засыпки котлована здесь же было оборудовано еще одно такое же место для сожжения (Кызласов Л., Кызласов И., 1988. С. 243). Судя по краткой информации, вещей здесь найдено не было, но во всем остальном они больше всего напоминают своего рода «заготовки» сооружений типа малых таштыкских склепов.

На могильнике Маркелов Мыс I был открыт малый склеп (общими размерами 10 × 12 м), полностью подготовленный к функционированию (с оградой, входной частью и деревянным склепом на дне), но без каких-либо следов захоронения, своего рода полностью завершенная «заготовка» (Тетерин, 2007. С. 75–79). Этот единственный пока случай интересен в том отношении, что позволяет представить три последовательных этапа функционирования склепа: 1) создание самого погребального сооружения; 2) заполнение склепа останками погребенных, сожженных в другом месте (в данном случае не состоялось); 3) заполнение склепа горючими материалами и его окончательное сожжение, очевидно, после всего цикла необходимых сопроводительных церемоний.

Захоронение разрубленных человеческих тел или скелетов (закладных жертв в ямах по углам склепа Степновка II (рис. 11, 9, 10) — всего семь человек) — случай беспрецедентный. Правда,

случаи нахождения отдельных частей человеческих скелетов или каких-то необычных захоронений встречались и раньше, но им не придавалось существенного значения. Первым на них обратил внимание С. В. Киселев, относивший их к социально и экономически зависимым группам погребенных: «Одни останки принадлежат людям, ради которых строилась усыпальница и совершался весь сложный ритуал похорон, другие принадлежали тем, кто сам сопровождал „полноправных“ в качестве инвентаря, наряду с масками, горшками и прочим» (Киселев, 1951. С. 423).

Можно привести еще два выразительных примера. Один из них на Тепсее, в склепе 4, где на большой плите (90 × 60 см) «лежал скелет женщины 40–60 лет в необычном положении — животом вниз, с сильно согнутыми в коленях ногами, закинутыми назад так, что стопы касались тазовых костей, руки были вытянуты вдоль тела... Такое положение обнаружено и в поминальнике возле склепа № 1» (Грязнов, 1979. С. 141). Вероятно, отмечает М. П. Грязнов, «такие необычные могилы следует считать какими-то ритуальными захоронениями не просто умерших людей, а людей, принесенных в жертву, или людей, умерших при особых обстоятельствах» (Там же).

Второй пример — это зафиксированные при раскопках склепа на могильнике Быстрая-2 многократные случаи расчленения и нарушения естественного состояния скелетов, пробоины в черепах некоторых погребенных и др. По мнению автора раскопок А. И. Поселянина, все это указывает на то, что такие погребенные «принадлежали к зависимому населению и, возможно, были принесены в жертву» (Поселянин, 2005. С. 77–78).

После открытия в Степновке II подобные случаи становятся закономерностью. В статье Ю. С. Корневой, посвященной типологии таштыкских склепов, приведены многочисленные примеры нахождения частей человеческих скелетов (или трупов?), как бы находящихся вне видимого контекста погребального обряда (Корнева, 2009). Все ли они являются жертвоприношениями или отражают какую-то иную особенность ритуальной практики людей, производивших эти захоронения, — пока неясно. Никаких критериев их смысловой дифференциации нет. Однако на данном этапе изучения важно другое: нахождение подобных захоронений в малых склепах

свидетельствует о сложных социально-этнических (?) отношениях не только между погребенными в больших и малых склепах, но и внутри самих склепов, отнесенных к категории малых — еще одно направление будущих возможных исследований.

Любопытная ситуация — зафиксированная с наружной юго-западной стороны входной части склепа Степновка II крупная, явно упавшая плита в выкладке из более мелких камней и вкопанные около нее два глиняных сосуда (рис. 2, б). Не есть ли это упрощенный (редуцированный) вариант так называемых поминальников, характерных для многих таштыкских склепов и представленных, как показало исследование А. И. Поселянина, в большом количестве типологических вариантов (Поселянин, 2000). На них в свое время обратил внимание М. П. Грязнов: «Наиболее обычный состав памятников, называемых нами поминами, таков: вертикально поставленный камень (плита), а перед ним <...> ямка и в ней горшок и кости домашнего скота... Часто встречается не один горшок, а два или три» (Грязнов, 1979. С. 141). Здесь похожая ситуация, только отсутствуют (или пропущены?) кости домашнего скота. Однако здесь же в относительной близости найдены кости младенца. Какое они имеют к этому отношение?

Что касается датировки склепа Степновка II, то ничего принципиально нового найденные в нем вещественные материалы не дают. По керамике он относится к позднему, тепсейскому, этапу по периодизации М. П. Грязнова — III–V вв. н. э. (Грязнов, 1971. С. 96–98), скорее всего к его заключительному периоду. В этом отношении показательна находка сероглиняного сосуда со сливом — одного из наиболее поздних образцов таштыкской керамической традиции (Панкова, 1995). В сводной таблице хронологии склепов по типам пряжек и другим датирующим материалам, составленной Э. Б. Вадецкой, он относится к V–VI вв. (Вадецкая, 1999. С. 64), что, видимо, близко к действительности⁴. В известной мере это

⁴ В данном случае мы не рассматриваем с точки зрения хронологии материалы Михайловского могильника в Кемеровской области (Мариинский район), представляющие самый западный локальный вариант таштыкской культуры (Мартынова, 1985. С. 95). В числе склепов Михайловского могильника есть два (1 и 2) заведомо поздних, наиболее обоснованно

подтверждается тем, что найденные здесь бронзовые изделия, характерные для тепсейского этапа (ажурная поясная накладка, амулеты с двумя головками лошадей), сломаны и уже были в употреблении (рис. 8); причем на уже сломанных амулетах с головками лошадей сделаны новые отверстия для крепления (рис. 8, 1, 2).

Обращает на себя внимание различие керамики, найденной в юго-западной части сооружения (при входе), а также в «частичном» захоронении за северо-восточной стенкой сруба, — из темноокрашенной глины, с лощением и орнаментом в виде мелких вдавлений, расположенных рядами, и в виде свисающих треугольников (рис. 5, 1–5) — и около помоста — из светлоокрашенной глины, других форм и иным характером орнаментации (рис. 3, 3–6). Не исключено, что это различие свидетельствует о двух эпизодах заполнения погребальной камеры. Однако насколько это является отражением общей закономерности, можно будет судить по большему количеству наблюдений.

Наконец, самый сложный и дискуссионный вопрос — о культурно-социальном статусе погребений в малых таштыкских склепах, хотя, конечно, на материалах одного памятника он не решается. Вместе с тем раскопки Степновки II показывают, что на основании данных этого отдельно взятого комплекса его решение оказывается гораздо сложнее, чем кажется. Определенную помощь при его рассмотрении может оказать районирование малых склепов, которое по сути еще не производилось. Судя по известным и раскопанным памятникам, большинство из них расположено в периферийных по отношению к степной части Минусинской котловины районах: в основном — на северо-западе (Соколовский разъезд, Мысок, Хызылар, Июсский склеп и др.), меньше — на севере (Красная Грива, один из склепов могильника Маркелов Мыс II) и на юге (Степновка II). Не исключено, правда, что это связано с тем, что в этих районах производились наиболее активные археологические исследования

(по орнаменту на «кыргызской вазе» и костяным накладкам колчана) относящихся к более позднему времени — вплоть до VIII–IX вв. (Мартынова, 1976. Рис. 35; и др.). Однако это ни в коей мере не является аргументами в пользу значительного омоложения таштыкской культуры в ее метрополии — Минусинской котловине.

(новостроечные экспедиции). Возможно, такое районирование имеет и более глубокое объяснение — в сфере социально-экономических (этнополитических?) условий существования таштыкского общества.

Наиболее очевидное из них — как памятников бедного, экономически зависимого населения или просто каких-то иных этнических групп. Из других возможных причин появления малых таштыкских склепов наиболее действенными представляются две, тесно связанные друг с другом. Одна из них — оттеснение какой-то части населения в окраинные районы его проживания, вызванное какими-то внешнеполитическими (?) событиями. Отсюда сокращение размеров и упрощение приемов устройства погребальных сооружений, общая бедность инвентаря и пр. Вторая, тесно связанная с этим — хронологическая, поскольку такие трансформации, как правило, происходили позднее исходной модели по пути ее упрощения и минимизации. Большие и малые склепы, учитывая «отраженный» характер последних, как бы несколько «сдвинуты» во времени. При этом хронологические причины были определяющими, тем более что иногда и те, и другие находятся в составе одних и тех же могильников (Красная Грива, Маркелов Мыс, Тепсей). Скорее всего, названные факторы могли действовать как по отдельности, так и стимулировать друг друга или вступать во взаимодействие, обуславливая тем самым сложный характер процессов культурогенеза.

В свою очередь все это отражается на этническом составе населения, условиях социальной зависимости и поляризации общественных отношений. В целом такую систему, нашедшую отражение в археологических материалах малых склепов таштыкской культуры, можно (достаточно нейтрально) определить как *сословно-этническую*.

Обо всем этом пока, в силу слабой обеспеченности фактическим материалом, можно говорить в порядке более или менее обоснованных предположений. В этом смысле полностью сохраняют свое значение слова М. П. Грязнова, сказанные в самом начале постановки данной проблемы: «Определение и изучение их (малых таштыкских склепов. — Д. С.) увлекательная и важная историческая задача, решение которой будет возможно лишь после раскопок серии памятников, подобных тепсейским» (Грязнов, 1979. С. 42).

- Баранов, 1975 — Баранов Л. Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири. К 70-летию М. П. Грязнова: Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 162–165.
- Баранов, 1992 — Баранов Л. Н. Таштыкские склепы у г. Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 214–217.
- Боковенко, Смирнов, 1981 — Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб.: ИИМК РАН, 1998. 91 с.
- Вадецкая, 1981 — Вадецкая Э. Б. Малый таштыкский склеп на речке Малая Чея // КСИА. 1981. Вып. 167: Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. С. 59–65.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 177 с.
- Вадецкая, 1992 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 236–246.
- Вадецкая, 1995 — Вадецкая Э. Б. Таштыкский могильник «Соколовский разъезд» // Южная Сибирь в древности / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 24). С. 163–172.
- Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 440 с.
- Грязнов, 1968 — Грязнов М. П. Работы карасукского отряда // АО 1967 года. М., 1968. С. 148–150.
- Грязнов, 1970 — Грязнов М. П. Могильники у горы Тепсей // АО 1969 года. М., 1970. С. 177–178.
- Грязнов, 1971 — Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 года) // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 94–106.
- Грязнов, 1979 — Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 637 с.
- Корнеева, 2009 — Корнеева Ю. С. Погребальный обряд населения таштыкской культуры: типология и локальные варианты склепов // Вестник Новосибирского ГУ. 2009. Серия: история, филология. Т. 8, вып. 5. С. 165–173.
- Кулемзин, 1979 — Кулемзин А. М. Арчекасские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1979. Вып. 10. С. 8–99.
- Кызласов, 1960 — Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 193 с.
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1987 — Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Шлаковые могилы — новый вид памятников тагарской культуры // АО 1985 года. М., 1987. С. 255.
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1988 — Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Раскопки в горах Хакасии // АО 1986 года. М., 1988. С. 242–243.
- Мартынова, 1976 — Мартынова Г. С. Погребения с «кыргызскими» вазами в курганах Михайловского могильника // Известия Лаборатории археологических изысканий. 1976. Вып. 7. С. 68–80.
- Мартынова, 1985 — Мартынова Г. С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Изд-во Красноярского ГУ, 1985. 111 с.
- Митько, 2007 — Митько О. А. Таштыкские памятники могильника Маркелов мыс II // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края: Сб. науч. тр. / Науч. ред. С. П. Нестеров. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2007. С. 39–61.
- Панкова, 1995 — Панкова С. В. Подвесные сосуды в памятниках таштыкской культуры на Енисее // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 34). С. 56–63.
- Поселянин, 2005 — Поселянин А. И. К вопросу о социальной дифференциации таштыкского общества (по материалам погребально-поминальных комплексов Белый Яр-3 и Быстровка-3) // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: история, филология. Т. 4, вып. 5. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2005. С. 76–80.
- Поселянин, 2009 — Поселянин А. И. Поминальные комплексы позднего этапа таштыкской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2009. 24 с.
- Савинов, 1987 — Савинов Д. Г. Раскопки таштыкского склепа на юге Хакасии // АО 1986 года. М., 1987. С. 279–280.
- Савинов, 1993 — Савинов Д. Г. Таштыкский склеп Степновка II на юге Хакасии // АВ. 1993. № 2. С. 44–54.
- Таштыкские памятники..., 2007 — Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края:

- Сб. науч. тр. / Науч. ред. С. П. Нестеров. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2007. 124 с.
- Теплоухов*, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии*. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 6–62.
- Тетерин*, 2007 — *Тетерин Ю. В.* Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // *Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края*: Сб. науч. тр. / Науч. ред. С. П. Нестеров. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2007. С. 62–88.
- Худяков*, 1980 — *Худяков Ю. С.* Исследования на Чулыме // *Археологический поиск*. Северная Азия: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Медведев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 99–115.
- Худяков*, 1985 — *Худяков Ю. С.* Новые данные по археологии Когунекской долины // *Археологические исследования в районах новостроек Сибири*: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 180–194.

Stepnovka II (on the problem of studying small Tashtyk crypts)

D. G. Savinov⁵

Keywords: Tashtyk culture, crypt, small crypt, burials, ritual, sacrifice, ceramics, social belonging.

The article considers the issue of the so-called small crypts of the Tashtyk culture. A brief historiographic review shows that initially the name small crypt was used to separate structures by size, but later the researchers also revealed the features of the funeral rite, which made it possible to consider them as a separate type of archaeological monuments. According to the selected criteria for identifying small crypts, including the size of the ground structure and the pit, the average number of buried from 6 to 12, cremation, poor accompanying inventory, the Stepnovka II burial mound in the south of Khakassia can also be classified as small crypts. A detailed analysis of the mound materials made it possible to identify a number of specific features. Among them are the burial of vessels at the entrance to the crypt, the construction of a wooden platform in the middle of the burial chamber, the mortgaged victims of seven dismembered human bodies placed in separate pits in the corners of the log house. The combination of these features and the comparison of Stepnovka II with other small crypts allow us to imagine three successive stages in the construction of small crypts, as well as raise questions about the duration of their functioning and ritual use. Finally, it becomes possible to consider the issue of the cultural and social status of small crypts. The selection of a separate category of small crypts from the burial monuments of the Tashtyk culture is a reflection of the complex social structure of the Tashtyk society, which at this stage of the study is supposed to be called a class-ethnic one.

⁵ Dmitriy. G. Savinov — Institute of History, St. Petersburg State University; 5 Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russia.

Комплекс с полужестким седлом из Кенкольского могильника

Е. В. Степанова, А. И. Торгоев¹

Аннотация. В статье рассматривается вещевой комплекс кургана 2 могильника Кенкол в долине р. Талас, раскопанного экспедицией А. Н. Бернштама в 1939 г. В ограбленной Т-образной катакомбе находилось парное погребение мужчины и женщины, в котором сохранилось много предметов из дерева, а также железные наконечники стрел. Особое место в погребальном инвентаре занимает конское снаряжение, в памятниках кенкольской культуры встречающееся очень редко. Здесь оно представлено железными удилами и пряжками уздечных ремней, а также деревянными луками полужесткого седла. Находки полужестких седел очень редки, а для Средней Азии эта находка уникальна. По особенностям лук кенкольское седло может быть отнесено к ранней группе полужестких седел, появившейся на рубеже эр. Совокупное рассмотрение инвентаря из кургана 2 могильника Кенкол позволяет отнести его к III в. н. э. и считать одним из самых ранних в могильнике.

Ключевые слова: Средняя Азия, Таласская долина, могильник Кенкол, кенкольская культура, Т-образные катакомбы, позднесарматское время, конское снаряжение, полужесткие седла, луки седла.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-181-200

Эльга Борисовна Вадецкая была удивительно добрым и отзывчивым человеком, всегда готовым помочь молодым коллегам и ученикам.

Во время работы над кандидатской диссертацией один из авторов статьи, чьим научным руководителем она являлась, часто бывал у нее дома и работал с материалами архива А. А. Гавриловой, а также с другими материалами из Южной Сибири. Сама она тогда готовила монографию по погребальным маскам таштыкской культуры. Мы часто вели разговоры о датировке и этнической принадлежности таштыкских погребений в Минусинской котловине. Ее интересовали синхронные таштыкским памятники в Средней Азии, в частности известный могильник Кенкол.

Более того, в последние годы своей жизни Эльга Борисовна со своим сыном А. Г. Максименковым хотела приехать в Киргизию, в г. Каракол на Иссык-Куле, где она родилась, но этой поездке не суждено было случиться...

Кенкольский могильник

Открытие и исследование Кенкольского могильника экспедицией А. Н. Бернштама в 1938–1939 гг. явилось яркой страницей в истории археологии Средней Азии. Сам А. Н. Бернштам полагал, что могильник создан в последние века до нашей эры. Однако в дальнейшем датировка могильника и его этническая атрибуция стали предметом ожесточенных споров, особенно в 50–70-х гг. XX в., что отражено в историографии (*Заднепровский, 1997; Свиридов, 2012*).

Основным источником информации о могильнике Кенкол является брошюра А. Н. Бернштама, оперативно изданная в 1940 г. (*Бернштам, 1940*). Однако она фактически представляет собой предварительную публикацию: в нее не вошли до сих пор не опубликованные материалы полевого сезона 1938 г.², а материалы 1939 г. представлены

² Раскопки 1938 г. были включены в подготовленный в 1949 г. том трудов Семиреченской археологической экспедиции под названием «Таласская долина», где под одной обложкой планировалось объединить памятники Верхнего и Нижнего Таласа, находящиеся в Киргизии и Казахстане. Издание его намечалось в Алма-Ате, книга должна была выйти в виде 1-го тома в серии «Материалы и исследования по археологии»

¹ Степанова Е. В., Торгоев А. И. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия. e-mail: stepalena@yandex.ru; torgoevasan@mail.ru.

менее чем наполовину. В 1939 г. предметы из раскопок 1938–1939 гг. поступили в Государственный Эрмитаж. До Великой Отечественной войны реставраторы Государственного Эрмитажа В. Н. Конов и Н. Н. Семенович произвели разборку взятого блоком парного погребения из кургана 9, а также отреставрировали текстиль из этого комплекса. После войны предметы из Кенкольского могильника постепенно были внесены в инвентарную книгу «СА» («Средняя Азия») сектора Советского Востока³ (ныне сектор Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока), и началась плановая работа по реставрации предметов. Лучшие экспонаты кенкольской коллекции заняли достойное место на постоянной экспозиции «Культура и искусство народов Средней Азии», и сейчас их можно увидеть в зале № 52 Зимнего дворца.

Большую работу по разборке материалов Кенкольского могильника провел С. С. Сорокин. Сергей Сергеевич предложил свою дату могильника Кенкол — II–IV вв., а также высказал мнение о этнической принадлежности погребенных в Т-образных катакомбах (Сорокин, 1956).

Курган 2 Кенкольского могильника

Среди семи курганов с погребальным инвентарем, раскопанных в 1939 г., выделяется курган 2, в котором были обнаружены хорошо сохранившиеся луки полужесткого седла — находка чрезвычайно редкая, а для Средней Азии до сих пор уникальная. Одна из луков опубликована А. Н. Бернштамом, а затем неоднократно воспроизводилась в различных изданиях. Из этого же кургана происходят удила и пряжки, а также большинство железных наконечников стрел, важных для определения даты этого погребения и могильника в целом. Однако комплекс кургана 2

Казахской ССР». По неясным причинам издание этого тома не состоялось. Отпечатано было только три (?) экземпляра текста, два из которых хранятся в Казахстане, а один, после смерти Г. Г. Бабанской, вдовы А. Н. Бернштама, был передан в библиотеку ИИМК РАН (Таласская долина, 1949). Этот экземпляр не имеет иллюстраций и даже их списка. Однако большая часть оригинальных фотографий и чертежей для этого тома, хотя и без нумерации рисунков, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1938. Д. 43).

³ Запись предметов кенкольской коллекции в инвентарную книгу осуществлялась в начале 1950-х гг. С. С. Сорокиным и Б. Я. Стависким.

до настоящего времени издан только частично, а в публикациях его инвентаря имеются неточности. В данной работе мы постараемся ликвидировать этот пробел: здесь впервые представлена публикация всего вещевого комплекса кургана 2, а также детально рассмотрены вопросы, связанные с изучением остатков седла.

Необходимо отметить, что курган 2 занимал обособленное положение в группе II Кенкольского могильника. В 1938–1939 гг. исследовались только две курганные группы этого могильника⁴. Основная группа (группа I) занимала северо-восточной склон горы Манас-Сула, у северо-западного склона которой находится знаменитый памятник зодчества XIV в. — Мавзолей Манаса. В группу I входили курганы 19–60, но в 1938 г. были исследованы только курганы 54–57. Группа II находилась юго-восточнее основной группы, на относительно ровной площадке; в нее входили курганы 1–18, при этом ее основу составляли курганы 3–18, а курганы 1 и 2 располагались на расстоянии около 60–70 м к югу от основного скопления. Всего в этой группе в 1938–1939 гг. было исследовано 12 объектов. Найти погребальное

⁴ На план могильника 1938 г. были нанесены только две курганные группы, всего 60 курганов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1938. Д. 43. Л. 35). Этот план могильника был снят, видимо, под непосредственным руководством А. М. Беленицкого, который пронумеровал курганы могильника и сделал их краткое описание (Беленицкий, 1938). В 1956–1957 гг. И. К. Кожомбердиев исследовал еще 36 курганов Кенкольского могильника. Он составил новый план могильника, при этом все оставшиеся к началу его раскопок курганы были пронумерованы заново (Кожомбердиев, 1963. Рис. 1). На этом плане появились еще две группы курганов, которые располагались к северу от группы I А. Н. Бернштама и не были им отмечены ни на плане, ни в полевой документации. На плане И. К. Кожомбердиева, судя по всему глазомерном, как и план А. М. Беленицкого, группа II, исследованная в 1939 г., показана лишь частично. Она находилась на ровной площадке и в 1950-е гг. уже была почти полностью распахана. Нужно отметить, что именно в насыпях курганов группы II было больше всего фрагментов керамики караханидского времени, что свидетельствует о какой-то хозяйственной деятельности на этой площадке уже в XI — начале XIII в. При этом почти все 12 курганов группы II, раскопанные экспедицией А. Н. Бернштама, на плане И. К. Кожомбердиева почему-то ошибочно отмечены в группе I, располагавшейся на склонах горы Манас-Сула.

сооружение под курганом 1 не удалось, зато находящийся рядом с ним курган 2 дал довольно информативный материал⁵.

Погребение в кургане 2 находилось в камере катакомбы и исследовалось, как и все остальные курганы могильника, «колодцем». При таком способе раскопок, широко практиковавшемся до 1960-х гг., насыпь кургана не сносилась, а входная яма как правило не попадала в площадь раскопа полностью. В центре кургана 2 был заложен Г-образный раскоп (6,2 × 5,6 м), благодаря которому были вскрыты большая часть катакомбы и часть входной ямы (дромоса, в терминологии А. Н. Бернштама).

В катакомбе находилось, судя по костям, парное погребение мужчины (≈ 60 лет) и женщины (≈ 40 лет). Погребение было ограблено. Кости обоих скелетов были смещены в основном к дальней стенке катакомбы и частично — к дромосу. Рядом с ними, судя по плану в восточном секторе, находились обломки столика и деревянная чаша. Одна из лук седла зафиксирована в западном секторе, рядом с дромосом, в меньшем скоплении костей. В опубликованном А. Н. Бернштамом описании этого погребения отсутствуют некоторые предметы, упомянутые в полевом дневнике М. В. Луппиан (1939а), а именно фрагменты деревянной посуды, деревянных деталей лука и посоха.

Находки из кургана 2

Перламутровые бусы из кургана 2 (инв. № СА-9330) весьма обычны для захоронений в Т-образных катакомбах на востоке Средней Азии (рис. 1) и не могут выступать в качестве хронологического индикатора.

Железные изделия

В брошюре А. Н. Бернштама из железных изделий упомянуты только три сильно деформированных наконечника стрел, кусочек дровка с обломком железного наконечника и несколько бесформенных фрагментов (Бернштам, 1940. С. 6). Рисунки этих предметов не приведены, хотя они имеются в иллюстрированной описи находок (Луппиан, 1939б). В процессе реставрации из нескольких бесформенных фрагментов железа удалось получить удила и две пряжки (инв. № СА-9241, СА-15007, 15008).

Рис. 1. Могильник Кенкол, курган 2. Перламутровые бусы (фото А. М. Кокшарова)

Fig. 1. Cemetery of Kenkol, barrow 2. Pearl beads (photo by A. M. Koksharov)

Железные удила с трензельными кольцами (рис. 2, 9) широко применялись на протяжении I тыс. н. э. и позднее. Однако нужно отметить, что подобные удила на востоке Средней Азии появляются только в Т-образных катакомбах. В катакомбах типа II, по К. Ф. Смирнову, такие удила еще отсутствуют.

Две железные пряжки, по-видимому, использовались как уздечные, так как были найдены в комплекте с удилами, то есть после разборки упомянутых «бесформенных фрагментов» уже в Ленинграде. Пряжки с округлыми рамками различаются длиной прямоугольных обойм (рис. 2, 10, 11). На рисунке в публикации С. С. Сорокина показаны некие «перепонки», перекрывающие язычки пряжек практически у основания (Сорокин, 1961. Рис. 2, 12, 13). В реальности никаких перепонок не было, и язычки свободно вращались на оси рамки. Так как пряжки сильно корродированны, их сложно использовать в качестве хроноиндикаторов, тем не менее имеются соображения по хронологии таких изделий.

Шарнирные пряжки с прямоугольными обоймами, как и удила с трензельными кольцами, появляются на востоке Средней Азии только вместе с катакомбами Т-образной формы. На удлиненной обойме одной из пряжек просматриваются продольные фасетки. Язычки обеих пряжек слегка прогнуты вовнутрь и выступают за край рамки, но не облегают ее. Эти признаки характерны для пряжек III в. (Малашев, 2000. С. 209). В степных памятниках Восточной Европы подобные пряжки, но с короткими обоймами, появляются также не ранее III в. (Там же. С. 209).

⁵ Курган 2 был раскопан 20–24 июля 1939 г. под непосредственным руководством М. В. Луппиан.

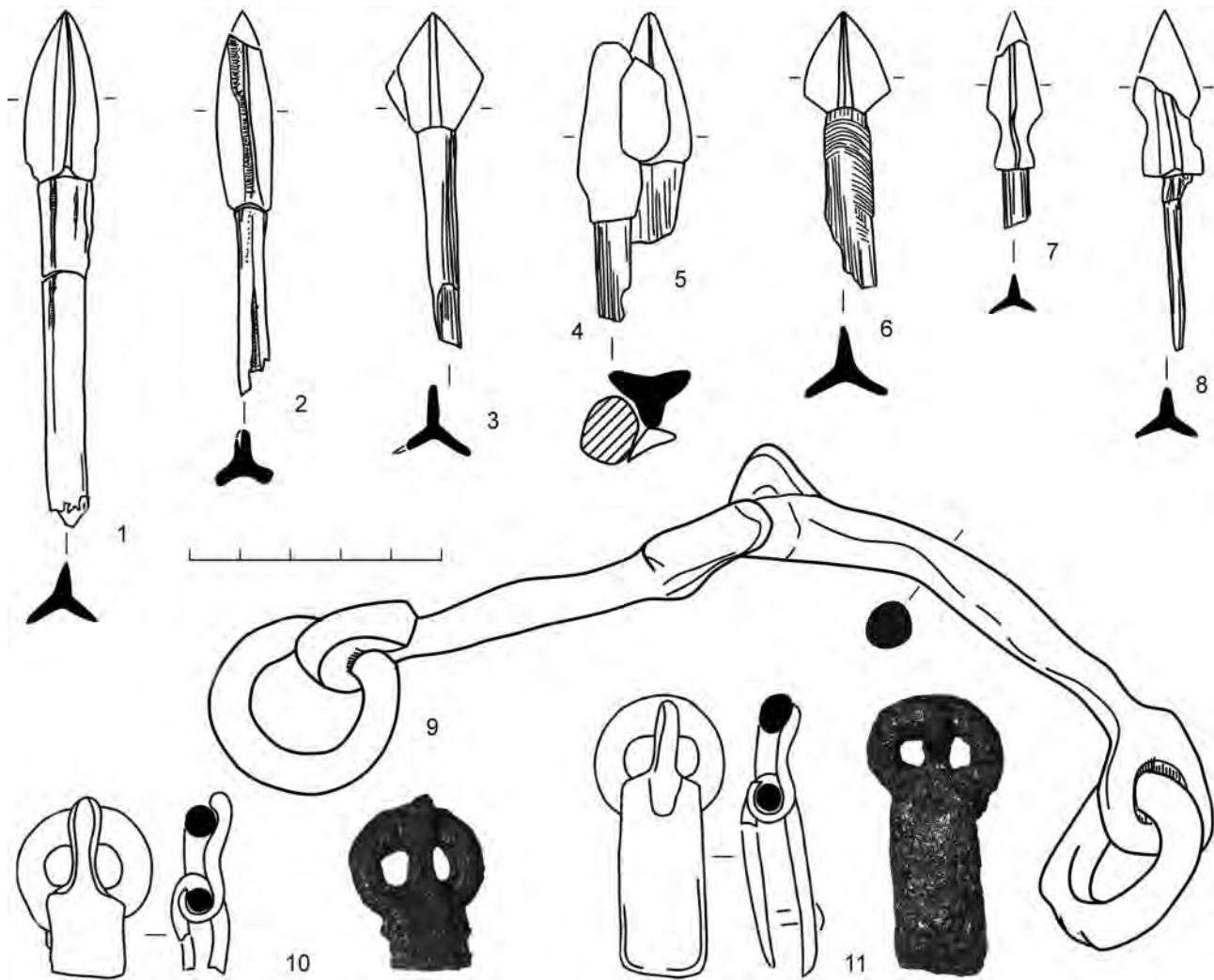

Рис. 2. Могильник Кенкол, курганы 2 и 7: 1-8 — наконечники стрел; 9 — удила; 10, 11 — пряжки (рисунки А. И. Торгоева). 1-5, 9-11 — курган 2; 6-8 — курган 7. 1-11 — железо

Fig. 2. Cemetery of Kenkol, barrows 2 and 7: 1-8 — arrowheads; 9 — bit; 10, 11 — buckles (drawings by A. I. Torgoev). 1-5, 9-11 — barrow 2; 6-8 — barrow 7. 1-11 — iron

Следует отметить, что для погребального обряда кенкольской культуры в целом нехарактерно помещение конского снаряжения в могилы. В близких по обряду и синхронных Кенколу Т-образных катакомбах среднего течения р. Арысь удила, аналогичные кенкольским, были встречены только трижды (из примерно 100 памятников), а именно в кургане 1 у с. Панфилово (Подушкин, 2000. С. 64, 66), в кургане 15 могильника Тулебайтобе II (Там же. С. 101, 8) и в кургане 7 юго-западной группы могильника Кылышжар (Подушкин, 2019. С. 163, рис. 5, 2). Из них наибольшее сходство с курганом 2 Кенкола имеет инвентарь кургана 15 могильника Тулебайтобе II. Помимо удила комплекс включал аналогичные

пряжки и близкий по типам набор наконечников стрел, а также гончарный сосуд с ушками для подвешивания, тождественный сосуду из кургана 55 Кенкола (Бернштам, 1940. Табл. XIV). Добавим, что по найденным пряжкам курган 55 можно уверенно датировать первой половиной — серединой III в. (Малашев, Торгоев, 2018. С. 46).

Довольно запутанным оказался вопрос о количестве железных наконечников стрел, происходящих из кургана 2. Публикуя железные наконечники стрел, С. С. Сорокин, основываясь на данных описи передачи вещей кенкольской коллекции в Государственный Эрмитаж, отнес к находкам из кургана 2 девять наконечников стрел (Сорокин, 1961. С. 51, рис. 1, 2, 4, 5, 7-11). Сама

опись, которой пользовался С. С. Сорокин, пока не обнаружена, не оказалось ее и в Научном архиве ИИМК РАН. Однако нет сомнений в том, что данные из этой описи были перенесены в инвентарную книгу «СА» при регистрации предметов Кенкольского могильника.

В Научном архиве ИИМК РАН хранится альбом иллюстрированной описи М. В. Луппиан с рисунками вещей из раскопок Кенкольского могильника в 1939 г. (далее — альбом. — А. Т.), номера вещей в котором, видимо, соответствуют порядковым номерам в описи и снабжены краткими описаниями (Луппиан, 1939б). Именно этот альбом скорее всего использовался как основа для утраченного машинописного варианта описи.

Судя по зарисовкам в этом альбоме, из кургана 2 кроме двух слипшихся наконечников (рис. 2, 4, 5; инв. № СА-9332) происходит узкий трехлопастной наконечник удлинненно-лавролистной формы (рис. 2, 2; инв. № СА-9334), малый трехлопастной наконечник с ромбическим пером (рис. 2, 3; инв. № СА-9278) или малый наконечник с асимметрично ромбическим пером (рис. 2, 6; инв. № СА-9282)⁶.

После реставрации вещей кенкольской коллекции из «бесформенных предметов» железа удалось получить еще один наконечник стрелы с головкой усеченно-лавролистной формы (рис. 2, 1; инв. № СА-9335). Подводя итог подсчетам, можно утверждать, что в кургане 2 было достоверно найдено всего пять наконечников стрел.

Оба наконечника с фигурными вырезами лопастей (рис. 2, 7, 8; инв. № СА-9331 и СА-9333) и, скорее всего, малый наконечник с асимметрично-ромбической головкой (рис. 2, 6; инв. № СА-9292) происходят из кургана 7. С. С. Сорокин относил их к кургану 2, видимо, из-за ошибки в машинописном варианте описи. В альбоме М. В. Луппиан написание цифр «2» и «7» похоже, и, очевидно, при перепечатке описи была допущена ошибка.

⁶ Рисунки в альбоме были выполнены обводкой наконечников, в значительной степени покрытых окислами. Учитывая, что черешок наконечника с ромбическим пером длиннее (Луппиан, 1939б, без номера, изображение на Л. 5), чем у наконечника с асимметрично-ромбической головкой, то, скорее всего, из кургана 2 происходил именно наконечник с ромбической головкой. Асимметрично-ромбический наконечник с коротким, обломанным черешком происходит из кургана 7 (Луппиан, 1939б. № 64). При этом оба наконечника являются вариантами одного типа, и между ними отсутствует хронологическая разница.

С. С. Сорокин считал все наконечники из Кенкольского могильника крупными, но он исходил из общей длины самого наконечника и черешка. В свою очередь Б. А. Литвинский, на наш взгляд совершенно справедливо, на основании длины головки разделил все среднеазиатские наконечники на малые (до 4 см), средние (от 4 до 6 см) и крупные (более 6 см) (Литвинский, 2001. С. 86). Так как наконечники стрел традиционно важны для датировки комплекса, рассмотрим их подробнее.

Наиболее характерным является наконечник с пером ромбической формы (рис. 2, 3; инв. № СА-9278). В публикациях он часто описывается как наконечник с асимметрично-ромбической формой боевой части (Сорокин, 1961. Рис. II, 4; Литвинский, 2001. Табл. 8, 23). Однако единственная сохранившаяся полностью лопасть дает основание считать его наконечником именно ромбической формы. В схеме развития железных наконечников стрел Б. А. Литвинского наконечники с ромбической головкой помещены в IV в. (Литвинский, 2001. Табл. 32). Действительно, сходные по форме и размеру наконечники находились в составе инвентаря погребений на Актобе Чардаринском и Кызыл-Кайнар-тобе, дата которых уверенно рассматривается в пределах IV в. (Яценко и др., 2020. С. 119). Однако в настоящее время имеются материалы, свидетельствующие о том, что наконечники с пером ромбических очертаний, так же как и наконечники с фигурными вырезами в лопастях, появились ранее IV в.

Наконечники с небольшой (до 4 см) головкой ромбической формы известны на Арыси в комплексах III в., например в кургане 15 могильника Тулебайтобе II (Подушкин, 2000. С. 101, 5; рисунки этих же наконечников⁷: Байтаков и др., 2005. Рис. 2.21, 29, 30, 44–49). В колчанном наборе из этого кургана преобладают как раз наконечники с асимметрично-ромбической формой головки, как у наконечника из кургана 7 Кенкола (рис. 2, 6), при этом они сочетаются с наконечниками, имеющими вырезы на лопастях, такими же, как в кургане 7 Кенкола.

Редким является трехлопастной наконечник с головкой лавролистной формы (рис. 2, 2). С. С. Сорокин считал, что этот тип наконечников

⁷ Рисунки наконечников несколько отличаются от их фотографий, в данном случае более информативной является фотография, приведенная в книге А. Н. Подушкина (Подушкин, 2000).

Рис. 3. Могильник Кенкол, курган 2. 1 — лук (реконструкция А. И. Торгоева); 2 — посох (фото А. М. Кокшарова). 1, 2 — дерево

Fig. 3. Cemetery of Kenkol, barrow 2. Bow fragments: 1 — handle, 2 — fragment of the transition from the shoulder to the horn (photo by A. M. Koksharov). 1, 2 — wood

появляется только в IV в. (Сорокин, 1961. С. 54). Его мнение, но без аргументации, было поддержано Б. А. Литвинским. Более того исследователь считал, что этот наконечник демонстрирует исходную форму для наконечников с фигурными вырезами-уступами в лопастях (Литвинский, 2001. С. 105). Однако ознакомление с оригиналом не оставляет сомнений в ошибочности этого предположения. Лопастей этого наконечника очень узкие, и на них просто нет места для каких-либо вырезов. В сущности это узкий наконечник удлиненно-ромбической формы со сглаженными гранями. Близкой аналогией ему является наконечник из кургана 1 могильника Тулебайтобе II (Подушкин, 2000. С. 71, 13; рисунок его см.: Байпаков и др., 2005. Рис. 2.21, 8). Комплекс из этого кургана на основании формы пряжек и керамики уверенно датируется в пределах III в.

Наконечник усеченно-лавровидной формы (рис. 2, 1) не находит точных аналогий, но он вполне может рассматриваться как вариант наконечников лавровидной формы. Исходя из этого существующее мнение о том, что наконечники лавровидной формы появляются лишь в IV в., по меньшей мере, нуждается в дополнительном обосновании.

Из двух слепшихся вместе наконечников (инв. № СА-9332) один представляет собой трехлопастной наконечник с треугольной формой головки и лопастями, срезанными под прямым углом (рис. 2, 5). Такие наконечники появились уже в последние века до нашей эры (Двуреченский, Двуреченская, 2019. С. 120–121), однако, как и другие наконечники комплекса, он имеет аналогии и в курганах III–IV вв. Второй наконечник сильно пострадал от коррозии, судить о его форме сложно, сейчас он имеет овальное

сечение (рис. 2, 4) — это свидетельствует о том, что это был, скорее, трех- или четырехгранный наконечник.

В дневнике М. В. Луппиан среди находок 24 июля 1939 г. отмечен «фрагмент древка копья с остатками железного черешка наконечника» (Луппиан, 1939а. Л. 3). В публикацию информация об этой находке не вошла, так как в реальности никакого копья найдено не было. Очевидно, что за древко копья была принята целиком сохранившаяся трость, а точнее посох для ходьбы с одним заостренным концом (рис. 3, 2; инв. № СА-9267). Один его конец, судя по зарисовкам планов, мог находиться рядом с бесформенными железными предметами. Поэтому изначально могло сложиться впечатление о наличии черенка, хотя явных следов окислившегося железа на посохе незаметно.

Деревянные изделия

Детали лука. В кургане 2 они представлены практически целой деревянной рукоятью трапециевидной формы (рис. 4, 1; инв. № СА-9254) и фрагментом плеча с переходом к рогу (рис. 4, 2; инв. № СА-9324). Об их находках в дневнике не сообщается, но по инвентарной книге они происходят именно из кургана 2. Вполне возможно, что во время раскопок на эти небольшие фрагменты не обратили внимание.

Описываемые фрагменты деталей лука аналогичны деталям лучше сохранившихся луков из Карабулака и Топрак-калы, на которых следует остановиться, так как они дают возможность достоверно реконструировать лук из кургана 2.

На Топрак-кале обнаружено не менее семи фрагментов луков (Топрак-кала, 1984. С. 206). Согласно публикации, в помещении 93 было найдено три больших обломка луков. Самый большой

фрагмент представлял собой две трети целого лука (*Там же*. Рис. 88а). При реставрации, видимо, уже в Москве, к обломанному краю рукояти на переходе к плечу удалось подклеить недостающий фрагмент — кусок плеча с рогом, найденный в этом же помещении. Таким образом, удалось получить целый лук, который ныне хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Хр-788)⁸. Предложенная С. А. Трудновской реконструкция лука, согласно которой каждое его плечо склеивалось из шести деталей (*Там же*. С. 207, рис. 88б), представляется слишком усложненной. При тщательном осмотре никаких возможных стыков между деталями на плечах лука определить не удалось. Создается впечатление, что каждое плечо сделано из единого куска дерева. В данном случае важно, что по найденным рядом с ним остаткам документов лук из Топрак-калы уверенно датируется около середины III в.

В могильнике Карабулак было найдено всего четыре комплекта луков с сохранившейся деревянной основой. Наиболее сохранившийся и опубликованный (*Баруздин*, 1961. С. 61–62, рис. 11) комплект деталей экспонируется ныне в Ошском музее. Плечи этого лука состояли из двух половин, они наклеивались на широкий торец рукояти и стыковались между собой за счет скошенных концов. Основа плеч лука из Карабулака была вырезана из одного куска, но с боков к плечам подклеивались дополнительные планки для достижения необходимой ширины плеч (*Там же*. Рис. 11).

Наиболее вероятно, что плечи лука из кургана 2 приклеивались к широкой стороне рукояти, как в случае с луком из Карабулака. Сохранность фрагмента плеча лука из кургана 2 (рис. 4, 2), к сожалению, не позволяет с уверенностью утверждать, были ли плечи цельными или усиливались с боков дополнительными планками. На одной стороне этого фрагмента сохранился участок поверхности с четко видимым срезом, от которого начинается сужение к концам рогов. На поверхности различимы следы какой-то краски или клея красноватого оттенка. Срез на этом фрагменте по контуру совпадает с обычным контуром края

⁸ При публикации книги, посвященной раскопкам Высокого дворца Топрак-калы, авторы использовали только полевые фотографии наиболее крупного фрагмента лука в момент расчистки и его реконструкцию. В тексте также отсутствует информация о том, что из кусков, найденных в помещении 93, все же удалось получить один целый лук.

Рис. 4. Могильник Кенкол, курган 2. Фрагменты лука: 1 — рукоять, 2 — фрагмент перехода плеча к рогу (фото А. М. Кокшарова). 1, 2 — дерево

Fig. 4. Cemetery of Kenkol, barrow 2. 1 — Bow (reconstruction by A. I. Torgoev); 2 — staff (photo by A. M. Koksharov). 1, 2 — wood

концевых накладок на лук, противоположного краю с вырезом.

Однако в погребении отсутствовали костяные накладки на лук, тогда как сами деревянные детали сохранились. Объяснить отсутствие накладок ограблением нельзя. Костяные накладки, пусть и во фрагментах, обычно сохраняются даже в сильно ограбленных погребениях. Грабителей вообще не интересовали костяные и тем более деревянные изделия. Например, в курганах 8 и 10 Кенкольского могильника были найдены практически целые комплекты костяных накладок на лук. Очевидно, что на луке из кургана 2 не было накладок, хотя по форме он уверенно реконструируется как М-видный асимметричный сложный лук (рис. 3, 1). Основой для его реконструкции послужил целый лук из Топрак-калы. Схожесть в размерах деталей говорит о том, что изначальная длина лука из кургана 2 вряд ли превышала 1,4 м, то есть длину лука из Топрак-калы.

Рис. 5. Могильник Кенкол, курган 2.
Деревянный столик. Фото А. М. Кокшарова
Fig. 5. Cemetery of Kenkol, barrow 2.
Wooden table. Photo by A. M. Koksharov

Обращает на себя внимание, что в колчанном наборе из кургана 2 были только наконечники с маленькой головкой. Вполне возможно, что их могли использовать для стрельбы из менее упругого лука, лишённого костяных накладок. Однако такой лук мог быть оклеен каким-то иным органическим материалом, например лубом.

В погребении был найден обычный для кенкольской культуры *столик* (рис. 5; инв. № СА-9328), вырезанный из цельного куска березы, на четырех ножках трапециевидной формы. Такие столики появились еще в скифское время и бытовали до начала древнетюркского времени (Торгоев, 2007. С. 18). Отсутствие бортика у столика характерно для более ранних вариантов этого типа изделий, массово встречающихся в курганах кенкольской культуры.

Целая деревянная чаша (рис. 6, 1; инв. № СА-9288) в памятниках кенкольской культуры не столь частая находка, как столики. Ее полусферическая форма отсылает к изделиям более раннего времени. В целом круглодонные деревянные сосуды довольно редки в памятниках кенкольской культуры.

Кроме целой чаши обнаружены *фрагменты* еще как минимум *двух деревянных сосудов*. Сосуд, от которого сохранились три фрагмента, один из которых скреплен бронзовой проволокой, имел форму цилиндрической кружки. Фрагменты находились в разных частях камеры и на разных уровнях, вероятно, поэтому они различаются цветом, но на всех обломках заметны следы красного наружного покрытия. Фрагмент с проволочной скрепой представляет собой обломок венчика сосуда (рис. 6, 4; инв. № СА-14620). По толщине ему близок фрагмент стенки (рис. 6, 5; инв. № СА-9326). Наиболее интересен фрагмент придонной части сосуда с пазом для вставного дна, который вырезан с торца изделия изнутри (рис. 6, 6;

инв. № СА-9322). Вероятно, что все три фрагмента принадлежали одному изделию, разбитому при ограблении. Аналогичная археологически целая кружка этого типа была найдена в катакомбе 1 могильника Караол-добе на Иссык-Куле (Торгоев, 2007. С. 18, рис. II, 3).

Еще один деревянный сосуд представлен небольшим *обломком венчика*. Особенностью этого сосуда является венчик с утолщенным валиком (рис. 6, 3; инв. № СА-9327). К сожалению, по этому фрагменту невозможно реконструировать форму сосуда.

Помимо деревянных сосудов в катакомбе кургана 2 обнаружены *половина деревянного кружка* (рис. 6, 2; инв. № СА-9328), назначение которого неясно, а также деревянный клин, выструганный из арчовой доски (рис. 6, 11; инв. № СА-9268).

Также по данным инвентарной описи к кургану 2 относится *обломок узкой дощечки* с двумя круглыми сквозными отверстиями вдоль одной длинной стороны (рис. 6, 8; инв. № СА-9240), вероятно, часть планки колчана. Мелкие, плохо сохранившиеся *продолговатые фрагменты дерева* (рис. 6, 7, 9, 10; инв. № СА-9321, СА-9322 и СА-9323), возможно, также относятся к планке колчана (на двух из них имеются сквозные отверстия вдоль края). По предположению А. Н. Бернштама, эти фрагменты — «от седла».

К сохранившимся деталям седла, бесспорно, принадлежат лишь две *луки седла* (инв. № СА-9269, СА-9311) (рис. 7). В брошюре 1940 г. отмечена только одна деревянная лука седла, которая показана на плане (Бернштам, 1940. Табл. IV, XXVI). На момент публикации вторая лука находилась в обломках и еще не была отреставрирована. В 1950-е гг. ее склеили, а в 2008 г. она прошла повторную реставрацию⁹.

Обе луки вырезаны из тополя¹⁰. Передняя лука полукруглой формы, сужается к концам, концы обломаны (рис. 7, 2, 4). Размеры: длина (по хорде) 44 см, высота общая 12,3 см, ширина в центральной части 3,6 см, толщина 2,6 см. Сечение трапециевидное, с округленными углами, нижняя (прилегающая к седлу) часть

⁹ Реставрация лук выполнена Н. А. Васильевой, художником-реставратором высшей категории Лаборатории научной реставрации предметов прикладного искусства из органических материалов Гос. Эрмитажа.

¹⁰ Определение М. И. Колосовой, ведущего науч. сотр. Отдела научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа.

Рис. 6. Могильник Кенкол, курган 2: 1 — чаша; 3–6 — фрагменты посуды; 2, 7–11 — фрагменты предметов (фото А. М. Кокшарова). 1–11 — дерево. Масштаб: а — для 1–6; б — для 7–11

Fig. 6. Cemetery of Kenkol, barrow 2. 1 — Bowl; 3–6 — pottery fragments; 2, 7–11 — fragments of artefacts (photo by A. M. Koksharov). 1–11 — wood. Scale: a — for 1–6; б — for 7–11

несколько уже верхней. Лицевая и оборотная стороны уплощены. На развилках сохранилось по три поперечных сквозных крепежных отверстия, но первоначально, с учетом утраченных концов, их, очевидно, было по четыре. Соответственно можно рассчитать исходную высоту и длину луки: высота 13,5 см, длина \approx 44 см.

Задняя лука М-образной (трапециевидной?) формы, возможно, в результате деформации (средняя часть сильно истлела), сужается к концам (рис. 7, 1, 3). Размеры: длина по хорде 45 см, высота 10,3 см, ширина в центральной части 3,3 см, толщина 2,3 см. Лука овальная в сечении, ее концы ровно срезаны, немного сужены

с нижней стороны. На развилках сохранилось по четыре сквозных крепежных отверстия.

Центральные части лук, располагавшиеся над седельным желобом, отверстий не имели.

Описанные деревянные луки, учитывая их форму и особенности крепления, принадлежали полужесткому седлу.

Полужесткими мы называем седла, имеющие луки при отсутствии полноценного ленчика. Полками у древних полужестких седел выступали подушки мягкого седла с четырьмя упорными элементами (упорами), располагавшиеся на концах седельных подушек. Деревянные или костяные луки крепились к этим упорам (Степанова, 2015).

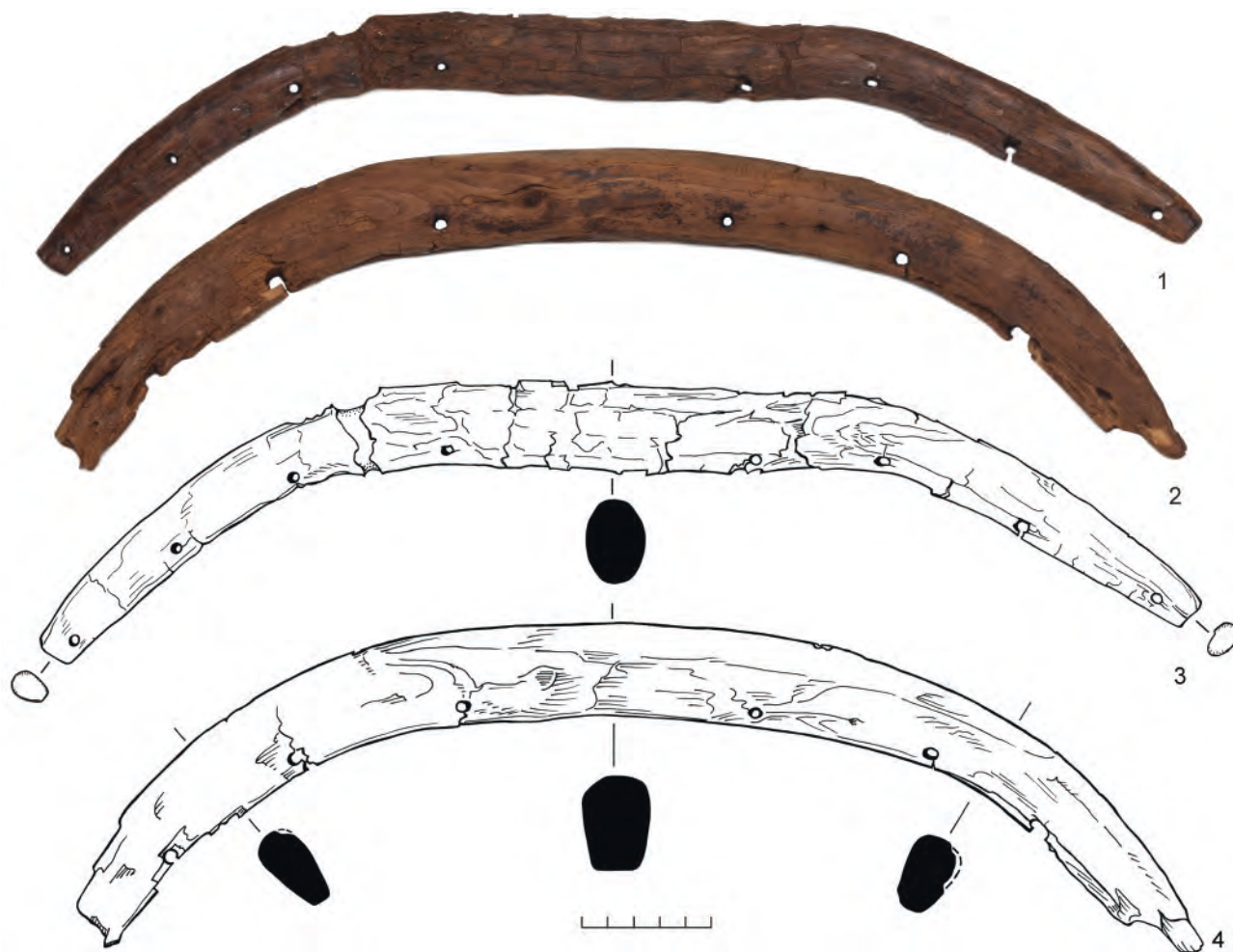

Рис. 7. Могильник Кенкол, курган 2. Луки полужесткого седла: 1, 3 — задняя лука; 2, 4 — передняя лука (фото А. М. Кокшарова, рисунки Е. В. Степановой). 1-4 — дерево

Fig. 7. Cemetery of Kenkol, barrow 2. Pommels of a semi-rigid saddle: 1, 3 — rear arch; 2, 4 — front arch (photo by A. M. Koksharov, drawings by E. V. Stepanova). 1-4 — wood

Для определения эволюционной и хронологической позиции лук из Кенкола, необходимо коротко рассмотреть историю возникновения лук у седел.

Долгое время седла, появившиеся в среде кочевников скифского круга не позднее VII в. до н. э., были исключительно мягкими. Такими седлами пользовались как сами номады, так и окружавшие Великую степь оседлые цивилизации от Греции до Китая. Седла скифского типа имели полукруглые упоры (четыре на седло). Позднее, уже в римское время, появились седла с упорами другой формы. Судя по изобразительным источникам, мягкие седла скифского типа продолжали использоваться (по крайней мере в причерноморских степях и Восточной Хань)

до II в. н. э., а римские седла с конусовидными упорами существовали вплоть до III в. н. э., а судя по некоторым изображениям, они были известны еще в IV в. н. э. Сасанидские седла с вытянутыми уплощенными упорами известны по изображениям III в. н. э. (Степанова, 2015).

Появившиеся на рубеже эр полужесткие седла имели в своей основе седло скифского типа. В первые века нашей эры они сосуществовали с мягкими седлами, но с III в. стали преобладать. С III по начало VI в. н. э. продолжалась сравнительно короткая эпоха полужестких седел, давшая значительное количество их модификаций. С IV в. у полужестких седел появились стремена.

Развитие и распространение полужестких седел, возможно, связано с потребностями тяжелой кавалерии, которая в это время все более уверенно выходит на театр военных действий. Действительно, высокие луки, тем более с металлическими накладками, давали определенные преимущества — более прочную посадку и защиту всадника, по сравнению с мягким седлом. Однако луки первых полужестких седел не были высокими, и их появление преследовало скорее декоративную, чем унитарную цель.

Самые первые луки у седел появляются в памятниках сунну конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. Причем сразу в двух модификациях. Первый вариант происходит из элитных курганов (Ноин-Ула, курган 6, Монголия; Царам, курган 7, Забайкалье¹¹) (Руденко, 1962. Табл. XXIV, 3; Миняев, 2009. С. 57). Это плоские полукруглые луки, состоящие из двух тонких (толщиной ≈ 1 см) дощечек, связанных ремешками (рис. 8, 1, 2).

В элитном кургане 7 могильника Царам найдена *in situ* одна такая лука, лежащая на кожаном тлене от подушек седла рядом с серебряными круглыми фаларами седельного нагрудника (Миняев, 2009. С. 57)¹². Сохранилась она частично, ее размеры: длина $\approx 37,5$ см, высота $\approx 18,5$ см, ширина 6–7 см.

В кургане 6 Ноин-Улы сохранились фрагменты не менее чем от восьми луков от четырех (пяти?) седел и большое количество обрывков декоративных покрытий седел. Передние луки из Ноин-Улы отличаются от задних наличием двух прямоугольных сквозных отверстий (против четырех у задних). Половинки луков из Ноин-Улы разрознены и фрагментированы. В тех случаях, когда луки могут быть полностью собраны и измерены,

¹¹ В настоящее время луки из обоих памятников хранятся в Гос. Эрмитаже.

¹² Первоначально С. С. Миняев полагал, что деревянная лука из кургана 7 Царама имела трапециевидную форму и состояла из трех дощечек (Миняев, 2009. С. 57). Но позднее он согласился, что она полностью соответствует ноин-улинским лукам. Предполагалась полная публикация седел Царама (лука, их покрытий и фурнитуры), которая, к сожалению, не была завершена. Принимая во внимание уточненные данные по лукам из Царама, была дополнена опубликованная ранее таблица с типами луков полужестких седел (Степанова, 2015. Ил. 3) — рис. 8.

длина передних луков составляет 42–44 см, задних — 44–50 см, высота — 22–23 см и 18–20 соответственно. Эти луки даже не имели собственного крепления к седлу. С наружной стороны к ним маленькими деревянными гвоздиками прибивалось декоративное покрытие (в Ноин-Уле — это кожа с шерстяным ворсом, имитация ворсового ковра) (Руденко, 1962). Затем луки накладывались на наружные стороны упоров, и обивка луков сшивалась с декоративной покрывкой, закрывавшей сидение и внутренние стороны упоров. Получался своего рода мешок с полукруглым каркасом спереди и сзади, одетый на китайский вариант мягкого седла. Так как луки были не видны, они выструганы довольно грубо, половинки не были строго симметричными, то же касается продельных в них условно прямоугольных отверстий.

Со времени Западной Хань у мягких китайских седел нагрудники, как и подхвостники, крепились к упорам, при этом на задних упорах всегда было по два отверстия (первоначально одно предназначалось для подвески). Такое крепление седельных ремней сохранялось и в последующие века. Для крепления нагрудников и подхвостников в луках ноин-улинских седел и были продельные прямоугольные отверстия (1,0–1,5 × 2,0 см) — по два отверстия на передней луке (по одному на каждый упор) и по четыре — на задней (по два на каждый упор). Снаружи, поверх декоративного покрытия, отверстия были прикрыты серебряными обоймами.

Второй вариант представлен одной костяной лукой из кургана 15 Царама, который является сопроводительным захоронением «царского» кургана 7 (Миняев, Сахаровская, 2002. Рис. 17, 1). По пропорциям и размерам (длина 34 см, высота ≈ 16 см) лука, вероятно, передняя (рис. 8, 3). Она вырезана из ствола оленьего рога с примыкающим отростком, поэтому по форме она скорее подтреугольная. Эта лука имела округлое сечение в центре и овальное на развилках и, судя по отверстиям, крепилась сверху к бортикам упоров. Она имела на каждой развилке по два вертикально расположенных отверстия (диаметром ≈ 1 см) и вертикальные пазы такого же диаметра на концах. На одной развилке имелось еще дополнительное отверстие меньшего диаметра ($\approx 0,6$ см), смещенное к центру. Центральная часть луки, располагавшаяся над седельным желобом, отверстий не имела. Эта лука возвышалась

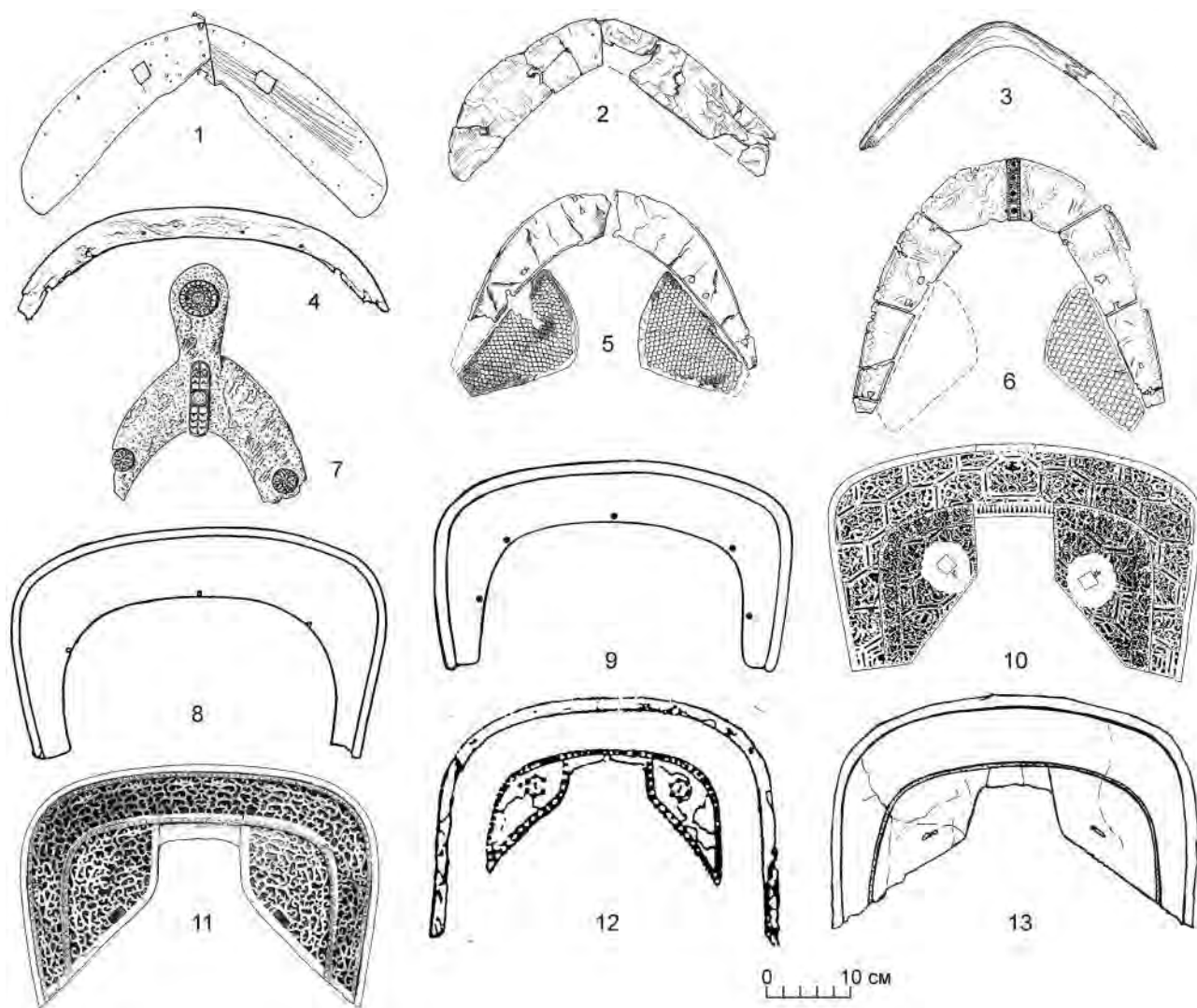

Рис. 8. Передние луки седел I — первой половины VI в. и накладки на них: 1 — Ноин-Ула, курган 6 (Монголия); 2 — Царам, курган 7 (Забайкалье); 3 — Царам, курган 15 (Забайкалье); 4 — Кенкол, курган 2 (Киргизия); 5 — Новогригорьевка, могила IX; 6 — Мелитополь (Кизлярская балка); 7 — Баллана, погребение «принцессы» (Нубия) (*Засецкая и др.*, 2007. С. 72, рис. 25, 4); 8 — Аньян, могила 154 (Китай) (*Аньян сяо*, 1983. Рис. 4); 9 — Бэйгоу, могила 8 (Китай) (*Wang Wei*, 1997. Fig. 3, 2); 10 — Чаоян, могила 88 (Китай) (*Excavation of a Tomb (coded 88M1)*, 1997. Fig. 22, 25); 11 — курган Маруяма (префектура Осака, Япония) (*Nihon bagu taikan*, 1990. Fig. 3, 10); 12 — Юйтянь, могила 3 (Корея) (*Wang Wei*, 1997. Fig. 25, 7); 13 — Сингай, могила 1 (Япония) (*Nihon bagu taikan*, 1990. Fig. 3, 10) (1–4 — рисунки Е. В. Степановой; 5, 6 — рисунки Е. В. Степановой по: *Засецкая*, 1994. Табл. 2, 7, 10; 7, 3, 9).

1, 2, 4, 8, 9 — дерево; 3 — олений рог; 5 — золото; 6 — золото, сердолик; 7 — дерево, золото; 10 — дерево, позолоченная бронза; 11, 12 — позолоченная бронза; 13 — железо

Fig. 8. Saddle front arches of the 1st half of the 6th century and plates for them: 1 — Noin-Ula, barrow 6 (Mongolia); 2 — Tsaram, barrow 7 (Transbaikalia); 3 — Tsaram, barrow 15 (Transbaikalia); 4 — Kenkol, barrow 2 (Kirgizia); 5 — Novogrigoryevka, grave IX; 6 — Melitopol (Kizlyar Balka); 7 — Ballana, burial of a “princess” (Nubia) (*Засецкая и др.*, 2007. С. 72, рис. 25, 4); 8 — Anyang, grave 154 (China) (*Аньян сяо*, 1983. Рис. 4); 9 — Beigou, grave 8 (China) (*Wang Wei*, 1997. Fig. 3, 2); 10 — Chaoyang, grave 88 (China) (*Excavation of a Tomb (coded 88M1)*, 1997. Fig. 22, 25); 11 — Maruyama barrow (Osaka Prefecture, Japan) (*Nihon bagu taikan*, 1990. Fig. 3, 10); 12 — Juityang, grave 3 (Korea) (*Wang Wei*, 1997. Fig. 25, 7); 13 — Singaj, grave 1 (Japan) (*Nihon bagu taikan*, 1990. Fig. 3, 10) (1–4 — drawings by E. V. Stepanova; 5, 6 — drawings by E. V. Stepanova after *Засецкая*, 1994. Табл. 2, 7, 10; 7, 3, 9).

1, 2, 4, 8, 9 — wood; 3 — antler; 5 — gold; 6 — gold, cornelian; 7 — wood, gold; 10 — wood, gilt bronze; 11, 12 — gilt bronze; 13 — iron

над бортиками упоров всего на 2–3 см¹³ при толщине 3,0–3,5 см.

Лука была найдена в ногах молодого мужчины в комплекте с роговой подпружной пряжкой (безязычковой, с отогнутым наружу носиком) и обломком костяного двухдырчатого псаля (Там же. Рис. 16, 1; 17, 7, 9). Погребение ограблено. Лука была разломана на три части, и неясно, в могилу были положены седло и узда или только несколько предметов роговой фурнитуры конского снаряжения.

Была ли у данного седла вторая лука — неизвестно. Но полужесткие седла могли, в принципе, иметь и единственную луку, так как в их основе было полноценное мягкое седло. По крайней мере от седел европейских гуннов также сохраняются накладки только на одну (переднюю) луку (рис. 8, 5, б).

Массивная округлая в сечении лука, которая привязывалась к бортикам упоров, была гораздо более функциональна, чем плоские накладные ноин-улинские. Она задавала фиксированный угол между подушками, препятствуя расползанию подушек под весом всадника и стабилизируя седельный желоб. Именно седла с луками, крепившимися к бортикам упоров, получили дальнейшее развитие. При этом сами луки постепенно стали плоскими, то есть специфические отличия двух первоначальных вариантов лук со временем были объединены.

Седла, подобные найденным в курганах сюнну, вероятно, изображены на бронзовых статуэтках из Лейтая, провинция Ганьсу, Китай (рис. 9, 5). Седла покрыты мешкообразными покрывками. По бортикам упоров показаны луки в виде продолговатых пластинок, ширина которых больше их высоты. Близкие параметры имеет костяная лука из Царама — ее толщина превышает относительную, очень небольшую, высоту над упорами. Сходство усиливают небольшие кружочки на развилках лук, возможно, передающие их вертикальное крепление. При этом передняя лука у седел из Лейтая более высокая, полукруглая, задняя — ниже, трапецевидной формы. Именно такую форму лук можно наблюдать в Кенколе. Гробница «генерала Джана» датируется концом Восточной Хань — началом III в.

¹³ Здесь и далее абсолютная и относительная (превышение над бортиками упоров) высота лук различаются.

В дальнейшем уплощенные полукруглые (дуговидные) и относительно более высокие луки стали привязывать к бортикам упоров через поперечные отверстия вдоль нижнего края лук. Эта конструкция оказалась наиболее удачной и получила широкое распространение. Изображения таких седел представлены на погребальных статуэтках III — начала IV в. династий Вэй (220–265 гг.) и Западной Цзынь (265–316 гг.) из Сигоу, Лояна и Чанша (рис. 9, 6, 7, 10). На фигурках из Сигоу и Лояна хорошо видны упоры с просветами между ними и плоские полукруглые луки. Нижние края подушек имеют подтреугольные очертания (как у седел из Туэкты или 1-го Пазырыкского кургана), к ним на ремешках могли подвешиваться дополнительные прямоугольные кожаные крылья. Тщательно воспроизведен прогиб мягкой основы, возникающий при затягивании подпруги, а также соответствующий легкий «завал» внутрь упоров с закрепленными на них луками. Такие седла китайские историки называют «седлами с вогнутыми сидениями» (Лю Хань, 1959. С. 100) и прослеживают их связь с мягкими седлами Западной Хань (Wang Wei, 1997. Fig. 1).

Ценный материал по конструкции полужестких седел дают их модели, сохранившиеся в могильниках Синьцзяна (Степанова, 2014. С. 235–240). Они датируются достаточно широко — от Восточной Хань до Западной Цзынь. Среди них имеются как модели, близкие ранним седлам из Ноин-улы и Царама, так и более поздние формы с плоскими луками, крепившимися по нижнему краю (рис. 9, 1–4).

Почти полноразмерная модель происходит из погребения 133 могильника Цзанхуньлук. Сохранились кожаные подушки, набитые травой, и плоские полукруглые луки толщиной 1 см, длиной 31,0 и 31,5 см (с учетом одного утраченного конца задняя лука должна быть длиной ≈ 40 см). На развилках передней луки имеется по две пары круглых крепежных отверстий, у задней луки отверстия только на концах развилки. Но на задней луке вырезаны еще два прямоугольных отверстия (длиной 1,0–1,5 см в центральной части), которые могли быть использованы для привязывания подхвостного ремня (Excavation of Zaghunluq, 1998. Fig. 10, 1, 2; 15, 2) (рис. 9, 1).

Модели седел с дуговидными, округлыми в сечении луками, сделанными из палочек, также представлены в могильнике Цзанхуньлук, в погребениях 149 и 138 (*Ibid.* Fig. 4; 15, 1) (рис. 9, 2, 3).

Рис. 9. Полу жесткие седла с полукруглыми луками. Модели лук: 1 — Цзанхуньлук, могила 133 (Excavation of Zaghunluq, 1998. Fig. 4); 2 — Цзанхуньлук, могила 138 (*Ibid.* Fig. 10, 1, 2). Модели седел: 3 — Цзанхуньлук, могила 149 (*Ibid.* Fig. 15, 1); 4 — Лоулань, могила 1 (Ursprünge der Seidenstraße, 2007. Kat. 146); статуэтки с изображениями седел: 5 — Лейтай; 6 — Сигоу, могила 5; 7 — Лоян, могила 1568; 8 — Нэйхуа; 9 — седло (часть статуэтки), Лоян, район Чжэнчжоу; 10 — Чанша, могила 21 (*Вайнштейн*, 1991. Рис. 97) (рисунки Е. В. Степановой по: 5 — China, 2008. Cat. 2 С, p. 98; 6 — Excavation of the Wei and Jin Tombs, 1996. Фото на обложке; 7 — Excavation of a Jin Dynasty Tomb, 2000. Fig. 2, 7; 8 — Сюйчжоу нэйхуа, 1999. Фото на обложке; 9 — Лю Хань, 1959. Рис. 1, 6). 1, 2 — дерево; 3 — кожа, тростник, дерево; 4 — кожа, шерсть, дерево; 5, 6 — бронза; 7-10 — керамика

Рис. 10. Полу жесткие седла с П-образными луками: 1, 2 — сосуды из захоронения Кымнён-чжон (г. Кенчжу, провинция Северная Кёнсан) (Силла, V — первая половина VI в.) (1 — National Museum of Korea, 1991. P. 60, fig. 5; 2 — фото Е. В. Степановой); 3 — Наньцзин, гробница М7 (Китай, Восточная Цзынь, 322 г.) (China, 2008. Cat. 125). 1–3 — керамика

Fig. 10. Semi-rigid saddles with П-shaped pommels: 1, 2 — pottery from the burial Kūmnyōng-ch'ong, Kyōngju (Silla, 5th — the first half of the 6th century) (1 — National Museum of Korea, 1991. P. 60, fig. 5; 2 — photo by E. V. Stepanova); 3 — Nanjing, tomb M7 (China, East Jin, 322 AD) (China, 2008. Cat. 125). 1–3 — ceramics

Длина модели из погребения 149 — 28,5 см, то есть в два раза меньше настоящего седла (длина пазырыкских седел 50–60 см). Седельные подушки с полукруглыми упорами выполнены из кожи, набитой сухим тростником, по краю сшиты мелкими стежками, простеганы крупными стежками конопляной веревкой. Луки сделаны из полукруглых палочек шириной 1 см и сильно деформированы (их длина 18 и 19 см, высота 14 см). Подпруга из шерстяной тесьмы, с роговой язычковой пряжкой (язычок надет на веревочку, закрепленную на рамке пряжки). Похожие луки, но из круглых палочек, сохранились в погребении 138. Одна лука — с семью отверстиями для привязывания (длиной 23,5 см, высотой 17 см и толщиной 0,8–1,7 см). Вторая лука не имеет отверстий, ее длина 19,6 см, высота 19,2 см и толщина 2 см.

Миниатюрная модель седла (длиной 13 см) из могилы 1 могильника Лоулань-Гу Ченг, Ярклик, иллюстрирует уже более поздние седла с плоскими

дуговидными луками, привязанными ремешками к упорам через отверстия по нижнему краю. Ее датировка периодом Восточная Хань — Западная Цзынь (Ursprünge der Seidenstraße, 2007. Kat. 146) может быть уверенно сужена до III — начала IV в. Кожаные простеганные подушки седла имеют подтреугольное крыло, поперек них закреплен подпружный ремень, с внутренней стороны упоров сохранились обрывки поперечных ремней (как у скифских седел). Показаны даже торочные ремешки.

Следующим этапом развития полу жестких седел стали седла с высокими П-образными луками, появление которых в начале IV в. связывают с сяньбийцами (рис. 10, 1–3). Они получили широкое распространение в Китае, Корее и Японии и существовали по первую половину VI в. П-образные деревянные луки были плоскими, крепежные отверстия располагались у них по нижнему краю, как и у полукруглых луков. Ранние

Fig. 9. Semi-rigid saddles with semicircular pommels. Pommel models: 1 — Zaghunluq, grave 133 (Excavation of Zaghunluq, 1998. Fig. 4); 2 — Zaghunluq, grave 138 (*Ibid.* Fig. 10, 1, 2). Saddle models: 3 — Zaghunluq, grave 149 (*Ibid.* Fig. 15, 1), 4 — Loulan-Gu Cheng, grave 1 (Ursprünge der Seidenstraße, 2007. Kat. 146); statuettes with representations of saddles: 5 — Leitai; 6 — Xigou, grave 5; 7 — Luoyang, grave 1568; 8 — Neihua; 9 — saddle (part of statuette) Luoyang, Zhengzhou district; 10 — Changsha, grave 21 (*Вайнштейн*, 1991. Рис. 97) (drawings by E. V. Stepanova after: 5 — China, 2008. Cat. 2 C, p. 98; 6 — Excavation of the Wei and Jin Tombs, 1996. Photo on the cover); 7 — Excavation of a Jin Dynasty Tomb, 2000. Fig. 2, 7; 8 — Xuzhou Neihua, 1999. Photo on the cover; 9 — Liu Han, 1959. Fig. 1, 6). 1, 2 — wood; 3 — leather, thatch, wood; 4 — leather, wool, wood; 5, 6 — bronze; 7–10 — ceramics

экземпляры этого типа седел (Аньян, могила 154; Бэйгоу, могила 8) уже имели односторонние подножки, но у них еще отсутствовал металлический декор лук (рис. 8, 8, 9). Позднее П-образные луки стали покрывать позолоченными ажурными бронзовыми или сплошными железными и бронзовыми пластинами снаружи и по верхнему торцу. К нижнему краю лук крепились парные сегментовидные накладки из тех же материалов, располагавшиеся вертикально (*Wang Wei*, 1997. Fig. 25, 2, 4–6, 8–10; *Excavation of a Tomb (coded 88M1)*, 1997. Fig. 17–19, 22–25; *National Museum of Korea*, 1991. P. 60, fig. 5; *Nihon bagu taikan*, 1990. Fig. 1–3, 6, 10, 11, 24, 25 и др.). Сегментовидные накладки имели слегка выпуклую форму и прикрывали упоры; расстояние между ними соответствует ширине седельного желоба (рис. 8, 10–13). Данные элементы декора, очевидно, являются продолжением развития накладок на полукруглые упоры пазырыкских и суннских седел. На передних и задних накладках, прикрывавших упоры, обычно размещались отверстия, в которых крепились пряжки для пристегивания нагрудников и подхвостников — продолжение западноханьской традиции.

Типичные образцы таких седел имеются, например, на статуэтке из гробницы М7, Наньцзин (*Nanjing*), Восточная Цзынь, сооруженной в 322 г., и на сосудах из Силлы V — первой половины VI в. (захоронение Кымынён-чжон, г. Кенчжу, провинция Северная Кёнсан) (рис. 10). На этих изображениях показаны седла без накладок на луках. Хорошо видны полукруглые упоры, к которым и крепятся луки. К седельным подушкам подвешены прямоугольные кожаные крылья. Все седла имеют стремена. Однако есть отличия культурного и хронологического порядка. Например, разные по конструкции подхвостники. У седла из Наньцзина нагрудник отсутствует, потник прямоугольный, а луки не выходят за края упоров: такие же луки имеются, например, у седла из Чаояна, могила 88 (Старшая Янь, 337–370 гг.) (рис. 8, 10). На седлах Силлы нагрудники традиционно пристегнуты к упорам, под седлами — характерные трапециевидные потники с декоративным покрытием, заостренные окончания лук спускаются ниже края седельных подушек. Опущенные ниже упоров суженные концы лук характерны для поздних седел с П-образными луками (рис. 8, 11–13).

Посадка в седло с высокими вертикальными П-образными луками была очень неудобной,

поэтому такие седла использовались сначала с подножками, а затем со стременами. Появление этих приспособлений также связывают с сянбийцами.

Седла с П-образными луками были хороши в сражениях, особенно усиленные металлическими накладками на луки и лицевые стороны упоров, но не очень удобны в обычной жизни. Поэтому полужесткие седла с полукруглыми луками продолжают использоваться в повседневном быту в Китае и в IV — начале VI в. Например, такие седла можно увидеть на статуэтке из Нэйхуа эпохи Южных и Северных династий (420–581 гг.) или под конными музыкантами из гробницы в Пинлинсян, Шанси (Шестнадцать царств, 304–439 гг.) (рис. 9, 8; 11, 2). Параллельное бытование двух разновидностей полужестких седел подтверждает их совместное нахождение в некоторых памятниках. Например, в Пинлинсян знатного погребенного сопровождали фигуры двух коней в доспехах, с седлами с П-образными луками и стременами, при этом трое музыкантов из погребальной процессии сидели в седлах с полукруглыми луками (рис. 11, 1, 2).

Интересно, что на китайских изображениях у седел с полукруглыми луками стремяна обычно не показаны, даже у седел IV — начала VI в. (рис. 9, 7–9; 11, 2). Является ли это отражением существовавшей практики или изобразительной традиции — трудно судить, хотя подножки появились еще у седел с полукруглыми луками. Так, в гробнице 21 близ Чанша, возведенной в 302 г., из 14 статуэток оседланных лошадей левосторонние подножки показаны у трех (рис. 9, 10). Положение ног всадников также может косвенно указывать на использование стремян (например, в Пинлинсян) (рис. 11, 2).

Седла европейских гуннов V — начала VI в. с высокими и плоскими полукруглыми луками стремян также не имели. Хотя по ряду признаков они близки седлам с П-образными луками из Юго-Восточной Азии: они имели сходный набор накладок на луки и упоры (дуговидные и парные сегментовидные), а также аналогичный способ их крепления (рис. 8, 5, 6) при некотором различии материалов. Луки покрывались золотым листком, а накладки на упоры могли быть из бронзы, но чаще были из дерева, покрытого золотой или серебряной фольгой. От гуннских седел сохранились почти исключительно накладки, причем накладки только на передние луки и упоры. У накладок на луки имеются сквозные отверстия

Рис. 11. «Военное» и «гражданское» седла из гробницы в Пинлинсян (Шанси, Китай) (Шестнадцать царств, 304–439 гг.): 1 — оседланная лошадь в доспехах; 2 — музыкант на лошади (China, 2008. P. 246, 249, cat. 126–127). 1, 2 — керамика

Fig. 11. “Military” and “civilian” saddles from a tomb in Pinglingxiang (Shaanxi, China) (Sixteen Kingdoms, 304–439 AD): 1 — saddled horse in armour; 2 — musician on a horse (China, 2008. P. 246, 249, cat. 126–127). 1, 2 — ceramics

по нижнему краю, показывающие как крепились луки. Возможно, гуннские седла происходят от восточноазиатских образцов II–III вв., еще не имевших стремян, то есть это другая линия развития седел с высокими луками наряду с сяньбийскими. Всего известно более двух десятков комплексов с подобными деталями от южнорусских степей, Поволжья и Северного Кавказа до Венгрии, Италии, Франции и Германии. Сегментовидные элементы зафиксированы также в погребении у озера Боровое (Казахстан).

В памятниках гуннского времени за пределами европейского ареала, таких как погребение в долине р. Шамси / Шамши (Киргизия) и погребение «принцессы» из могильника Баллана (Нубия), сохранились фрагменты передних деревянных плоских дуговидных луков, но вышеописанные накладки у них отсутствовали (Kožomberdieva et al., 1998. Abb. 7, 2; 8, 5; Засецкая и др., 2007. С. 72, рис. 25, 4). При этом лука из Баллана имела плоский выступ («рожок») в центральной части и была украшена бляхами, выполненными в технике «клуазонне» (рис. 8, 7), а из Шамси — овальными медальонами с вставками из красного стекла. Седла с сегментовидными накладками в настоящее время

датируются в пределах первой половины V — первой половины VI в., погребение из Шамси датировано второй половиной V — началом VI в., погребение «принцессы» из Баллана — 450–460 гг. (Засецкая, 1994. С. 46–49, 200–201, рис. 9, 10; Засецкая и др., 2007. С. 62, 72, 79–81, 142–146, рис. 21, 3, 6; 25, 4, 5; 55; 56). Высокая плоская полукруглая лука из Шамси, к сожалению, сохранилась фрагментарно, и ее реконструкцию нельзя признать удовлетворительной (Kožomberdieva et al., 1998. Abb. 7, 2; 8). Однако очевидно, что по форме и декору она принципиально отличается от луков из Кенкола.

Выводы

Таким образом, по совокупности признаков (полукруглая и трапециевидная форма лука, округлое сечение лука при небольшой относительной высоте, крепление лука к бортику упоров через поперечные отверстия) кенкольское полужесткое седло может быть датировано в пределах III в., что хорошо согласуется с датой, полученной на основании анализа остального инвентаря из кургана 2.

С учетом колчанного набора и особенностей конского снаряжения вероятно датировка кургана 2 Кенкола в пределах III в. (хотя нельзя

полностью исключить и начало IV в.). Таким образом, курган 2 — один из самых ранних курганов могильника.

Редчайшая находка деревянных лук седла в кургане 2 Кенкола не только дает представление о конском снаряжении носителей кенкольской культуры, но также позволяет восстановить еще

одно звено в эволюции древних седел на важном переходном этапе — в «эпоху полужестких седел». Этот сравнительно короткий период, немногим более трех столетий, предшествовал появлению и дальнейшему господству — с VI в. и по настоящее время — седел с жестким каркасом.

Аньян сяо, 1983 — Аньян сяо минь чунь цзинь му фа цзюэ бао чао (Отчет о раскопках могилы эпохи Цзинь в деревне Сяминьчунь в Аньяне) // Каогу. 1983. № 6. С. 501–511 (на кит. яз.).

Байпаков и др., 2005 — Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 236 с.

Баруздин, 1961 — Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. Серия общ. наук. Фрунзе, 1961. Т. III, вып. 3. С. 43–81.

Беленицкий, 1938 — Беленицкий А. М. Дневник с описанием памятников Манас-Супинской группы курганов, мазара «Манас» // НА ИММК РАН. РО. Ф. 35, 1938. Д. 37.

Бернштам, 1940 — Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л.: б. и., 1940 (Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа; Вып. II). 32 с.

Вайнштейн, 1991 — Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Двуреченский, Двуреченская, 2019 — Двуреченский О. В., Двуреченская Н. Д. Железные наконечники стрел крепости Узундара III–II вв. до н. э. // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Б. А. Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А. С. Балахванцев, Н. А. Макавеев. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 114–125.

Заднепровский, 1997 — Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания; Вып. 40). 113 с.

Засецкая, 1994 — Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 221 с.

Засецкая и др., 2007 — Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья

в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Кожомбердиев, 1963 — Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П. Н. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 33–77.

Литвинский, 2001 — Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.

Луптиан, 1939а — Луптиан М. В. Дневник раскопок курганов Манас-Супа № 2, 7, 9, 64, 91, 98, 126 с зарисовками и планами // НА ИММК РАН. РО. Ф. 35, 1939. Д. 127.

Луптиан, 1939б — Луптиан М. В. Дневник раскопок курганов Манас-Супа Кенкольского могильника № 2, 5, 7–10, 64, 91, 98, 126 с рисунками находок // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, 1939. Д. 128.

Лю Хань, 1959 — Лю Хань. Бэй чаоды кай ма ци юн (Погребальные статуэтки Северных династий — всадники и лошади в доспехах) // Каогу. 1959. № 2. С. 97–100 (на кит. яз.).

Малашев, 2000 — Малашев В. Ю. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов на/Д.: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев, Торгоев, 2018 — Малашев В. Ю., Торгоев А. И. Т-образные катакомбы Северного Кавказа и Средней Азии сарматского времени // РА. 2018. № 4. С. 36–52.

Миняев, 2009 — Миняев С. С. Элитный комплекс суннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2. С. 49–58.

Миняев, Сахаровская, 2002 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. Вып. 9. С. 86–118.

Подушкин, 2000 — Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан: Изд-во Междунар. казахско-турецкого ун-та, 2000. 202 с.

- Подушкин*, 2019 — *Подушкин А. Н.* Новые археологические комплексы могильников Клышжар и Мынтобе // Маргулановские чтения 2019: Материалы Междунар. археологической науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан: НИИ археологии им. К. А. Акишева, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2019. С. 153–169.
- Руденко*, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.
- Свиридов*, 2012 — *Свиридов А. Н.* Кангюйская проблема в истории Казахстана // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 113–128.
- Сорокин*, 1956 — *Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 3–14.
- Сорокин*, 1961 — *Сорокин С. С.* Железные изделия из Кенкольской коллекции // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1961. Вып. XX. С. 51–54.
- Степанова*, 2014 — *Степанова Е. В.* Китайские седла III в. до н. э. — III в. н. э. // Труды IV (XX) ВАС / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Дервянко. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 235–240.
- Степанова*, 2015 — *Степанова Е. В.* Седла гунно-сарматского времени // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 389–425.
- Сюйчжоу нэйхуа*, 1999 — *Сюйчжоу нэйхуа фасянь нань бэй чао таотун* (Развитие керамического производства эпохи Южных и Северных династий в деревне Нэйхуа округа Сюйчжоу) // Вэнью. 1999. № 3. С. 19–24 (на кит. яз.).
- Таласская долина*, 1949 — *Таласская долина. ТСАЭ 1936–1938 гг.* // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР / Под ред. проф. А. Н. Бернштама. Алма-ата, 1949. Т. 1 (только текст тома без иллюстраций; Библиотека ИИМК РАН, PQ1411/1).
- Топрак-кала*, 1984 — *Топрак-кала. Дворец.* Результаты исследований // Труды Хорезмской Археолого-Этнографической экспедиции. Т. XIV / Отв. ред. Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик. М.: Наука, 1984. 304 с.
- Торгоев*, 2007 — *Торгоев А. И.* Аварийные работы на могильнике Караол-дөбө // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. Вып. 2. С. 15–21.
- Яценко и др.*, 2020 — *Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С.* Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Тип. «Элем», 2020. 216 с.
- China*, 2008 — *China: at the court of the Emperors. Unknown Masterpieces from Han Tradition to Tang Elegance (25–907).* Florence, Palazzo Strozzi, 7 March — 8 June 2008. Milan: Skira editore, 2008. 317 p.
- Excavation of a Jin Dynasty Tomb*, 2000 — *Excavation of a Jin Dynasty Tomb in Luoyang* // *Wen Wu*. 2000. No. 10. P. 26–34 (на кит. яз.).
- Excavation of a Tomb (coded 88M1)*, 1997 — *Excavation of a Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang* // *Wen Wu*. 1997. No. 11. P. 19–32 (на кит. яз.).
- Excavation of the Wei and Jin Tombs*, 1996 — *Excavation of the Wei and Jin Tombs at Xigou, Jiuquan, Gansu* // *Wen Wu*. 1996. No. 7. P. 4–38 (на кит. яз.).
- Excavation of Zaghunluq*, 1998 — *Excavation of the 3rd Period Tombs of Zaghunluq, in 1998* // *Xinjiang Wen Wu*. 2003. No. 1. P. 1–19 (на кит. яз.).
- Kožomberdieva et al.*, 1998 — *Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožomjako P. N.* Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // *Eurasia Antiqua*. 1998. Bd. 4. S. 451–471.
- National Museum of Korea*, 1991 — *National Museum of Korea*. Seoul: T'ongch'ön Publishing Company, 1991. 199 p.
- Nihon bagu taikan*, 1990 — *Nihon bagu taikan. Comprehensive Catalogue of Japanese Horse Trappings. Vol. 1: Archaic Age. Part 1. Japan*, 1990. 394 p. (на япон. яз.).
- Ursprünge der Seidenstraße*, 2007 — *Ursprünge der Seidenstraße: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Begleitbuch zur Ausstellung* / Hrg. A. Wiczorek, C. Lind. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2007. 320 S.
- Wang Wei*, 1997 — *Wang Wei*. Exchanges between the Asian Countries in the 3rd–6th centuries in the light of Unearthed Harness // *Kaogu*. 1997. No. 12. P. 66–84 (на кит. яз.).

The Complex with the Semi-rigid Saddle from Kenkol Burial Ground

E. V. Stepanova, A. I. Torgoev¹⁴

Keywords: Central Asia, Talas valley, Kenkol burial ground, Kenkol culture, T-shaped catacombs, late-Sarmathian times, horse equipment, semi-rigid saddles, saddle bows.

While Kenkol's burial ground in Talas valley excavated by A. N. Bernshtam in 1938–1939, is a famous enough monument, only half of the proceeding of 1939 is published, and the ones from 1938 haven't been published yet at all. In this article, a set of objects from the barrow 2 of Kenkol burial researched in 1939 is discussed. The objects from this burial, together with other materials from Kenkol were placed in The State Hermitage Museum. Field documents are situated in the Scientific Archives of IHMC RAS.

Barrow 2 occupied a separate place in the burial and was situated at a distance from the main cluster of barrows of the P-group. In T-shaped catacomb two adults, a man and a woman were buried. Despite the robbery, a lot of wooden objects were preserved in the burial (the remains of a bow, arrow shafts, small wooden tables, a mug, and pieces of wooden vessels, a walking stick, and many fragments of some objects that couldn't be identified).

The most interesting feature of this burial is the presence of horse equipment: bits, bridle straps' buckles, and a wooden pommel and cantle of a semi-rigid saddle. For Kenkol culture's burials, the presence of horse equipment in the grave is not a ceremonial norm, and a semi-rigid saddle is a unique find for Middle Asia. Judging by the design of the pommel and the cantle, the saddle from the barrow 2 may be attributed to early semi-rigid saddles that had appeared at the turn of the eras. Specifically, the details of horse equipment and a set of arrowheads suggest that the barrow 2 of Kenkol burial can be dated within the 3rd century AD and is one of the earliest in the burial.

¹⁴ Elena V. Stepanova, Asan I. Torgoev — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: stepalena@yandex.ru; torgoevasan@mail.ru.

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Новые сцены с роженицами в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона¹

О. С. Советова, О. О. Шишкина²

Аннотация. В статье проанализированы сцены с участием женской фигуры в позе роженицы. Данный образ трижды встречается на скалах Тепсейского археологического микрорайона, два из них недавно открыты сотрудниками кафедры археологии Кемеровского ГУ. Фигуры рожениц на Тепсее встречаются как с изображениями животных, так и с мужским антропоморфным персонажем. На основе этого авторы сделали вывод, что эти образы связаны с многогранной темой плодородия, распространенной в наскальном искусстве Центральной Азии.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Тепсейский археологический микрорайон, наскальное искусство, роженица, тема плодородия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-201-208

Исследования в Тепсейском археологическом микрорайоне неизменно приводят к научным трудам Эльги Борисовны Вадецкой — выдающегося ученого и археолога, которая активно использовала в своих трудах тепсейские материалы широкого хронологического диапазона (*Вадецкая*, 1986; 1999; 2000; 2009; Афанасьевский сборник, 2010).

Эльга Борисовна обращалась ко многим важным археологическим проблемам, в сфере ее интересов были и темы искусства. Большое внимание она уделяла интереснейшим изобразительным материалам из окуневских могильников, среди которых она впервые проанализировала любопытный сюжет с персонажем, получившим название «роженица» (Черновая VIII, Сыда V и др.) (*Вадецкая*, 1970. С. 261, рис. 1в). Все фигуры этой серии объединяет общая поза: женщины показаны анфас с согнутыми в коленях и широко

разведенными в стороны ногами, но по ряду других признаков они различаются довольно существенно. Такие фигуры представлены на разных объектах: каменных стелах, скальных обнажениях, ритуальном керамическом сосуде; все они датируются временем существования окуневской культуры (*Есин*, 2010. С. 111). Э. Б. Вадецкая трактовала этот образ по-своему: она полагала, что в виде рожаящей женщины изображались богини-прародительницы, которые помогали реальным женщинам, облегчая им роды (*Вадецкая*, 1970). Ее идею развивали и другие исследователи (*Пяткин, Мартынов*, 1985. С. 129).

Корпус композиций с роженицами пополнялся на протяжении почти полувека, начиная со времени первого открытия. В одной из последних работ на эту тему Ю. Н. Есин приводит уже девять подобных изображений (*Есин*, 2010). В настоящей статье мы вводим в научный оборот еще два изображения, недавно открытые нами на скалах горы Тепсей.

К настоящему времени известно три тепсейских изображения, начиная с обнаруженного Я. А. Шером на скалах юго-восточного склона пункта Усть-Туба III сюжета с роженицей, запечатленной на фоне быка. Анализ этого сюжета впоследствии породил широкую дискуссию. Исследователи по-разному называют этот персонаж:

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».

² Советова О. С., Шишкина О. О. — Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет; ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; olgashishkina145@gmail.com.

«богиня-прародительница» (по Э. Б. Вадецкой), «мать-прародительница» (Шер, 1980. С. 273), «богиня-мать» (Есин, 2010. С. 113) и т. п. В целом все эти трактовки отражают одну суть — тесную связь изображений с культом плодородия.

Все фигуры рожениц из Тепсейского археологического микрорайона при всем своем сходстве своеобразны и отличаются друг от друга. Так, фигура из пункта Усть-Туба III показана без ступней и рук. Из-за отсутствия ступней Ю. Н. Есин сопоставил ее с рисунком на стенке гробницы каракольской культуры в с. Озёрное, а по отсутствию рук, которое, по его мнению, является важным стилистическим признаком, — с серией антропоморфных изображений Минусинской котловины раннеокуневского искусства.

Два новых изображения, в отличие от усть-тубинского, обнаружены на юго-западном склоне горы. Одно из них находится в Волчьем логе (пункт Тепсей II) (Советова, Ладыгина, 2015. Рис. 1, 9) (рис. 1), второе — на крутом склоне горы, спускающемся к Енисею (пункт Тепсей IV, по Я. А. Шеру) (рис. 2).

В Волчьем логе на большой плоскости (133 × 68 см), обращенной вглубь лога и, вероятно, удобной для многофигурной композиции (в момент ее открытия сплошь покрытой черным лишайником), после расчистки было выявлено несколько выбитых фигур, среди которых имелось изображение роженицы. Сохранность поверхности плоскости к настоящему времени оставляет желать лучшего. Хотя утраты древней корки значительные, тем не менее сохранившиеся фигуры остаются во вполне удовлетворительном состоянии, не считая остатков выбивки, по которым невозможно реконструировать разрушенный рисунок (рис. 1, 1, а–г). К настоящему времени на плоскости, в ее верхней части слева, сохранились: непонятное изображение, напоминающее перевернутую лодку с гребцами (рис. 1, 1, в), в некотором отдалении от него — неразборчивая фигура (рис. 1, 1, г). Справа располагается фигура быка в позе, характерной для целой серии подобных фигур быков, зафиксированных в этом же пункте, ориентированных головой вверх (рис. 1, 1, б). При общей реалистичности передняя нога быка показана укороченной и подогнутой под живот. В центральной части удивительным образом сохранилась фигурка роженицы (рис. 1, 1, а). В настоящее время это изображение находится над участком с полностью отслоившейся коркой, и невозможно

определить, были ли под ним еще какие-либо фигуры или другие элементы (например, изображенные плоды), ее дополняющие.

Фигурка роженицы небольшая, представлена анфас, ее тонкие ноги согнуты в коленях, а в верхней части туловища с двух сторон обозначены небольшие груди (в отличие от сыдинской «роженицы»), на голове ее показаны «отростки», которые можно трактовать как торчащие волосы или крону дерева (?). Руки отсутствуют (рис. 1, 2). С усть-тубинским изображением этот персонаж сближает отсутствие рук и высоко поставленные колени. При всем своеобразии оформления ее головы имеется немало аналогий и на других памятниках, как территориально близких, так и отдаленных. Из близких — изображение роженицы с «растрепанными» волосами из Верхнего Аскиза I (Есин, 2010. Рис. 1, 3). По уточненной прорисовке изображения из Лебяжьего у роженицы гравированными линиями тоже были прорисованы волосы (Миклашевич, 2002. Рис. 1). Однако у рассматриваемой тепсейской фигуры это, скорее, своеобразный «куст», больше напоминающий древовидные отростки у антропоморфных персонажей со скал провинции Юньнань (Южный Китай), Средней Лены, Нижней Ангары и др. (Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006. Табл. 7; Заика, 2013). К сожалению, нам неизвестны интерпретации подобных фигур, за исключением трактовки новосибирскими исследователями подобных «уборов» у тибетских фигур как «масок, украшенных перьями» (Черемисин и др., 2006. С. 250).

Относительно хронологии персонажей с подобными вертикальными отростками (чаще — с тройной развилкой, реже — с древовидными), характерными в основном для личин «каменского типа», можно сослаться на работы А. Л. Заики, в которых обоснована их датировка от конца III до середины II тыс. до н. э. (Заика, 2013. С. 94, рис. 2). Развилка дерева нередко рассматривается как эквивалент «женского родящего органа», а само дерево, особенно береза, отождествляется с женщиной (Ожередов, 2013. С. 128). У хакасов «иней тесь» — березовая ветка, фетиш богини Умай — была оберегом беременной женщины; оберег помогал при родах, его ставили рядом с роженицей (Сагалаев, 1991. С. 73). По И. В. Калининой, семантические поля образных понятий «развилка дерева» и «голова» пересекаются (Калинина, 2009. С. 257). Можно привести также мнение

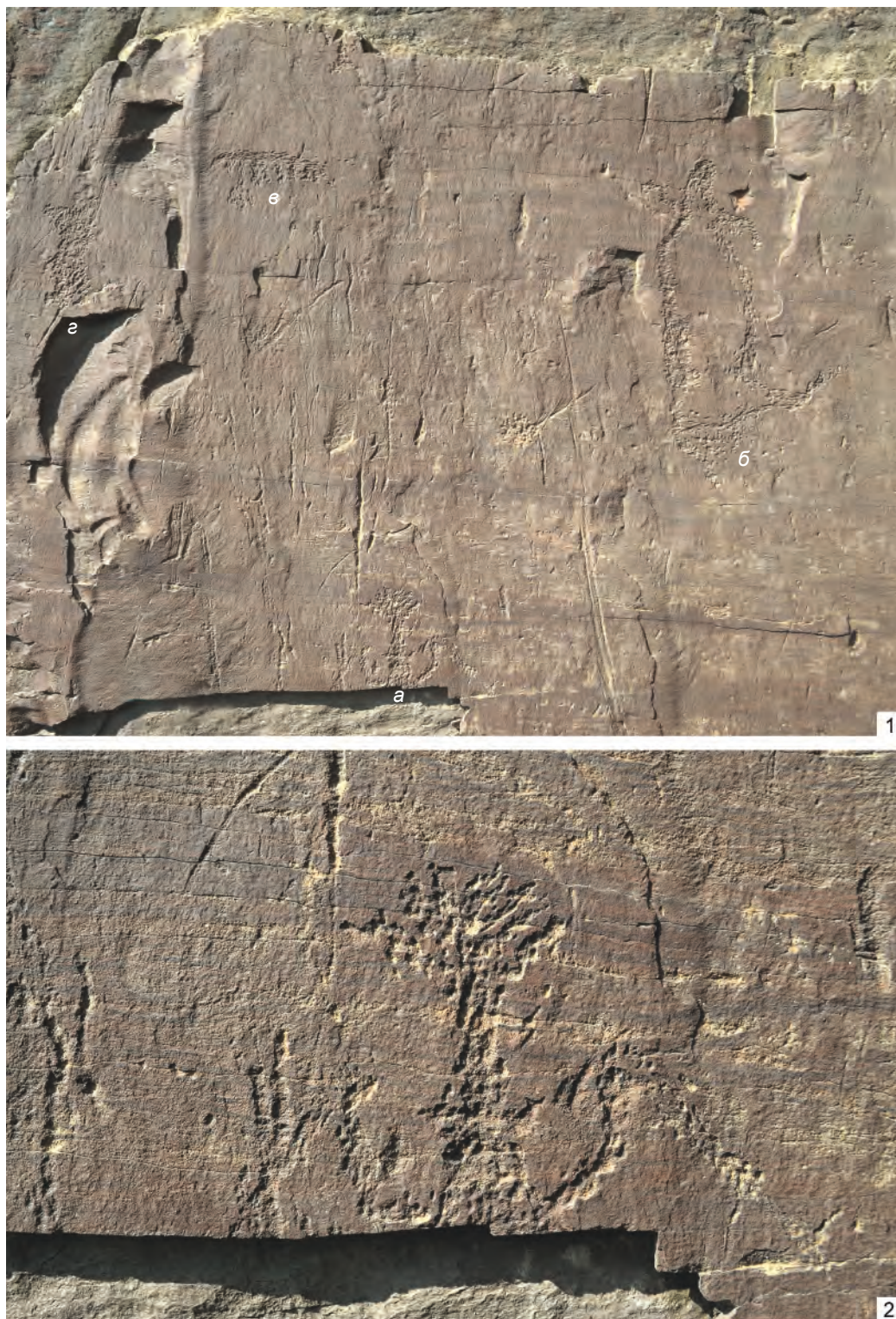

Рис. 1. Композиция с участием «роженицы», Тепсей II: 1 — общий вид плоскости (а — фигурка «роженица»; б — фигура быка; в — изображение перевернутой лодки с гребцами; з — неразборчивая фигура); 2 — фрагмент плоскости, фигура роженицы. Фото И. В. Аболонковой

Fig. 1. Composition comprising a “woman in labour” Tepsey II: 1 — the general view of the plane (a — figurine of a “woman in labour”; б — a bull figure; в — representation of an upturned boat with oarsmen; з — unclear figure); 2 — fragment of the plane, figure of a “woman in labour”. Photo by I. V. Abolonkova

Рис. 2. Композиция с участием «роженицы», Тепсей IV. Фото И. В. Аболонковой

Fig. 2. Composition comprising a “woman in labour”, Tepsey IV. Photo by I. V. Abolonkova

Т. А. Молдановой, которая возводит образное понятие голова-ветвь к материальным прототипам — древовидным идолам кулайской культуры, у которых «ветка» одновременно «голова» (Молданова, 1992. С. 137). Как бы то ни было, все эти данные не противоречат главной семантической составляющей персонажа «женщина = мать». Отметим, что тепсейская роженица, возможно, случайно расположена на одной плоскости и в композиционном единстве с быком. По сути здесь представлена еще одна вариация на тему «роженица и бык». Мы остановимся на этом пассаже подробнее, так как и второе обнаруженное на Тепсее изображение роженицы отчасти перекликается с темой «роженица — животное / зверь» (рис. 2).

М. Д. Хлобыстина, обратившая внимание на сочетание известных ей фигур рожениц с рисунком быка, сделала вывод, что это единая композиция, передающая представление о браке женщины и быка (Хлобыстина, 1971. С. 170–172; 1978. С. 157–159). Она считала сюжет окуневским, сформированным под влиянием афанасьевской культуры.

Я. А. Шер, анализируя усть-тубинский сюжет, полагал, что парное сочетание «женщина-бык» связано с приходом европеоидов ямно-афанасьевского облика (Шер, 1980. С. 272–277). Эта гипотеза имела как своих сторонников, так и оппонентов. Например, Н. В. Леонтьев вообще не видел связи между рисунками женщины и быка, а Л. Р. Кызласов полагал, что животное, поверх которого изображена женщина в усть-тубинской сцене, является не быком, а коровой, поэтому сам персонаж называл «женщиной-коровой» и объяснял появление этого сюжета приходом нового населения с юго-запада в период позднего неолита (Кызласов, 1986. С. 213–217). Анализируя сцену из Черновой-VIII, Е. А. Миклашевич связала образ роженицы со множеством других персонажей, представленных вместе с роженицей, среди которых лошадь, лось и др. (Миклашевич, 2002. С. 199–200).

В этом отношении интересна композиция из пункта Тепсей IV. Изображение нанесено на относительно ровную поверхность камня, но

Рис. 3. Мужской антропоморфный персонаж, Тепсей IV. Фото И. В. Аболонковой

Fig. 3. Male anthropomorphic figure, Tepsey IV. Photo by I. V. Abolonkova

имеющую несколько продольных трещин, а также отдельные разрушенные участки, к сожалению, приведшие к утрате отдельных элементов у изображенных персонажей. Фигура этой роженицы нетипична как сама по себе, так и композиционно, поскольку ее сопровождает мужской персонаж, переданный в профиль с эрегированным фаллосом. «Роженица» сочетает в себе антропоморфные и зооморфные признаки (рис. 3). Фигура выполнена в контурном стиле, выбивкой разной плотности, с некоторыми дополнительными элементами внутри корпуса. До груди — это женщина,

представленная в классической позе роженицы, плотного телосложения. Ее ноги укорочены, ступни расставлены в стороны. Как и у роженицы с Большого Табатского кургана, у нее показан признак пола или появившийся плод, возможно, начавшиеся роды. Ноги и нижняя часть фигуры проработаны довольно широкой линией, мелкими выбоинками. По-видимому, точками намечен округлый живот, а также отдельными точками показана левая грудь (справа от зрителя). На этом антропоморфные черты заканчиваются. Голова роженицы представлена головой животного

Рис. 4. Сцена совокупления, Тепсей II. Фото О. С. Советовой

Fig. 4. Scene of copulation, Tepsey II. Photo by O. S. Sovetova

на длинной шее. Показанная сплошной выбивкой морда заострена, на голове — ухо, возможно два (не удастся проследить из-за повреждения камня). В данном случае можно предположить, что подобная ориентация фигуры головой вверх перекликается с вышеописанной манерой изображения быков. Линия нижней части шеи этого персонажа выполнена в виде дуги и завершается то ли рукой роженицы, то ли передней ногой зверя. Если фигуру перевернуть на 45° вправо, то сходство с животным будет еще более очевидным. Расположенный рядом «одноногий» мужской персонаж, по меньшей мере в два раза меньше женского, показан под небольшим наклоном в сторону роженицы. Семантика его очевидна: он устремлен к женскому персонажу в возбужденном состоянии. К сожалению, голова фигуры уничтожена сколом, но поскольку недалеко на том же склоне нами была обнаружена аналогичная одиночная

мужская фигура, можно восстановить его облик, за исключением отдельных деталей (рис. 3).

Профильные мужские фигуры эпохи бронзы довольно часто встречаются в наскальном искусстве обширного региона, но особенно характерны для Казахстана, Горного Алтая, Монголии (Самашев, 2014. Рис. 430, 434, 466; Ковалев, 2015. Рис. 28, 35; Кубарев, 2010. Рис. XIV). Нередко они запечатлены в момент ритуального поединка или пляски рядом с ряженой фигурой (возможно, женской, за которую идет борьба), как это зафиксировано на ритуальном комплексе Хар чулуут 1 (Монголия) (Ковалев, 2015. Рис. 28), в другом случае на том же памятнике — без третьего персонажа (Там же. Рис. 35). Эти одноногие мужские персонажи практически аналогичны тепсейскому. Определенное сходство можно обнаружить и со сценой из Калбак-Таша (Горный Алтай), в которой профильная мужская фигура с эрегированным фаллосом

направляет лук в женский персонаж (*Кубарев*, 2010. Рис. XIV), а также с недвусмысленной композицией из Сауыскандыка (Казахстан), где аналогичный мужской персонаж представлен в эротичной сцене (*Самашев*, 2014. Рис. 609). Важно отметить, что в Волчьем логое на одной из плоскостей, находящейся на некотором удалении от роженицы, имеется сцена совокупления женского персонажа с ряженым мужским (во всяком случае совершенно очевидны рога на его голове) (рис. 4). А в одной из сцен Сауыскандыка рядом с парой одноногих персонажей, запечатленных либо в ритуальном поединке, либо в пляске, присутствует фигура животного, показанного в той же манере, как и в указанных нами случаях, — головой вверх (*Самашев*, 2014. Рис. 470).

Таким образом, смысл этих сцен увязывается с общей многогранной темой плодородия.

Это дает веские данные в пользу существования общей мифологической парадигмы, распространенной в эпоху бронзы на обширной территории Центральной Азии. Здесь можно согласиться с Ю. Н. Есиным, который писал, что «изображения окуневских богинь были приурочены к обряду, связанному с темой плодородия животного и растительного мира, во время которого люди стремились заручиться ее покровительством». Он справедливо полагает, что сводить иконографически разные рисунки к образу одной богини вряд ли правильно. Скорее всего, в окуневской ритуально-мифологической системе имелись различные женские божества с разными функциями, как в древнеиндийской, греческой, переднеазиатских и других мифологиях (*Есин*, 2010. С. 102). На наш взгляд, новые материалы этот вывод наглядно подтверждают.

Афанасьевский сборник, 2010 — Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.

Вадецкая, 1970 — *Вадецкая Э. Б.* Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 3. С. 261–264.

Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Вадецкая, 2000 — *Вадецкая Э. Б.* Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тезисы докладов Всерос. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.). Омск: Омский ГУ, 2000. С. 15–17.

Вадецкая, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. СПб.; Красноярск: ВЕРСО, 2009. 248 с.

Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006 — *Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* Антропоморфные личины как маркеры древних миграций // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 325–329.

Есин, 2010 — *Есин Ю. Н.* Изображения «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестник Новосибирского ГУ. Серия:

История, филология. Новосибирск, 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 111–122.

Заика, 2013 — *Заика А. Л.* Антропоморфные личины в петроглифах Азии — парадоксы соответствий // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2013. Вып. VI. С. 94–102.

Калинина, 2009 — *Калинина И. В.* Очерки по исторической семантике. СПб.: СПбГУ, 2009. 272 с.

Ковалев, 2015 — *Ковалев А. А.* Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчакский культурный феномен. СПб.: МИСР, 2015. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. 320 с.

Кубарев, 2010 — *Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.

Кызласов, 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: МГУ, 1986. 294 с.

Миклашевич, 2002 — *Миклашевич Е. А.* Обломки плит — фрагменты мифов (или о точности копирования и возможностях интерпретации окуневского искусства) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 197–200.

Молданова, 1992 — *Молданова Т. А.* Стилизованные изображения в орнаменте хантов р. Казым // Орнамент народов Западной Сибири / Под ред. Н. В. Лукиной. Томск: Томский ГУ, 1992. С. 75–102.

- Ожередов, 2013 — Ожередов Ю. И. «Ведийские ритуалы» у народов северо-западной Сибири: погребальная посуда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 2 (21). С. 120–132.
- Пяткин, Мартынов, 1985 — Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Красноярский ГУ, 1985. 192 с.
- Сагалаев, 1991 — Сагалаев А. М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, СО, 1991. 156 с.
- Самашев, 2014 — Самашев З. С. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 374 с.
- Советова, Ладыгина, 2015 — Советова О. С., Ладыгина Ю. М. Тема плодородия в наскальном искусстве Минусинской котловины // Вестник Кемеровского ГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 151–156.
- Хлобыстина, 1971 — Хлобыстина М. Д. Древнейшие южно-сибирские мифы в памятниках окуевского искусства // Первобытное искусство / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1971. С. 165–180.
- Хлобыстина, 1978 — Хлобыстина М. Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство. У истоков творчества / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 155–163.
- Черемисин и др., 2006 — Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. Петроглифы Тибета // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 248–255.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

New scenes with “women in labour” in the rock art of the Tepsey archaeological microregion

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina³

Keywords: Minusinsk hollow, Tepsey archaeological microregion, rock art, woman in labour, subject of fertility.

During last years, several new female representations supplementing the series “women in labour” have been discovered at sites of the rock art in the Tepsey archaeological microregion in the Minusinsk hollow. The scene with “women in labour” not once attracted the attention of scholars (E. B. Vadetskaya, M. D. Khlobystina, Ya. A. Sher, Yu. N. Esin). Discoveries of the last years allow us to expand our notions on the semantics of this subject. In the Tepsey archaeological microregion, now three representations of “women in labour” are known: in Volchy Log (Tepsey II); on the south-western slope looking onto the Yenisey (Tepsey IV); on the southern slope looking towards the Tuba River (Ust-Tuba III) (Figs. 1–4). Twice the figures of ‘women in labour’ are represented combined with a figure of a bull. In one case, near the female figure, a male person in profile is represented. The scenes analysed generally render a single subject, i.e. fertility. This fact allows us to suppose the existence of a common mythological paradigm distributed in the Bronze Age throughout a vast area of Central Asia and enabling us to link the representations of “women in labour” with the subject of fertility.

³ Olga S. Sovetova, Olga O. Shishkina — Kemerovo State University; 6 ul. Krasnaya, Kemerovo, 650065, Russia; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; olgashishkina145@gmail.com.

Об особенностях формирования и развития звериного стиля тагарской культуры

Д. Г. Савинов¹

Аннотация. В статье рассмотрен процесс формирования искусства звериного стиля в тагарской культуре. Особое внимание уделено основным стилиобразующим компонентам, восходящим к различным региональным и культурным особенностям. На рубеже VI–V вв. до н. э. на основе инкорпорации всех компонентов окончательно складывается тагарское искусство звериного стиля, представляющее собой сложное культурно-историческое явление.

Ключевые слова: искусство скифо-сибирского звериного стиля, тагарская культура, региональные традиции, проблема формирования.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-209-219

Имена Глеба Алексеевича Максименкова и Эльги Борисовны Вадецкой навсегда вписаны в историю сибирской археологии. Они были очень разными и в то же время как ближайшие сподвижники Михаила Петровича Грязнова в чем-то достаточно близкими. С именем каждого из них связаны важнейшие открытия и исследования в изучении древней истории Сибири: Г. А. Максименков — это открытие знаменитой окуневской культуры эпохи бронзы как древнейшей «сибирской цивилизации»; Э. Б. Вадецкая — скрупулезное, истинно историко-этнографическое изучение памятников таштыкской культуры первой половины I тыс. н. э., во многом исчерпывающее на сегодняшний день. В сфере внимания исследователей постоянно с точки зрения и полевых открытий, и интерпретации соответствующих материалов находились памятники тагарской культуры скифского времени. Однако так получилось, что это почти не коснулось произведений тагарского искусства — темы, которой посвящена настоящая статья.

* * *

Искусство скифо-сибирского звериного стиля — не только совершенно особый мир

художественных образов и композиций, но и очень сложное культурно-историческое явление, конкретные формы которого в каждой области распространения имеют свои особенности и различия в зависимости от происхождения, места расположения и составляющих компонентов. В этом отношении искусство звериного стиля тагарской культуры, иногда рассматриваемое в одном ряду с другими образцами культур скифского типа — от Причерноморья до Западного Китая, — отличается особой сложностью формирования и развития.

Причин этого несколько, и они неоднократно отмечены в литературе: 1) географическая отдаленность от предполагаемых очагов возникновения звериного стиля (независимо от принятия исследователями той или иной моноцентрической концепции — переднеазиатской или центральноазиатской); 2) отличие в хозяйственно-экономических условиях обитания населения тагарской культуры, сыгравшее свою роль в отборе наиболее популярных образов, стоящих за ними мифологем и местной системы ценностей; 3) охват территории Среднего Енисея (Минусинская котловина и ее ближайшие области) перифериями других, как правило, более обширных культурно-исторических ареалов, искусство которых могло принимать участие в качестве

¹ Кафедра археологии, Институт истории СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

компонентов в формировании тагарской изобразительной традиции.

При этом тагарская культура рассматривается нами не только как раздел археологической периодизации, хотя в целях исторического исследования это необходимо, а как археологическая общность (Савинов, 2012а), начало формирования которой связано с южными районами Минусинской котловины, где расположено большинство относящихся к ней ранних комплексов (Герман, 2007; Савинов, 2012б). В дальнейшем происходит освоение всей территории бассейна Среднего Енисея, а также соседних районов, где известны подобные памятники: Кузнецкой котловины, Томского Приобья и, возможно, вплоть до Западного Прибайкалья.

С точки зрения теоретического обоснования данной темы следует отметить уже давнюю, но целиком сохранившую свое значение работу Е. В. Переводчиковой «Центры и периферия в раннем скифском зверином стиле степей Евразии» (Переводчикова, 1989). В качестве примеров в ней рассматриваются две области распространения звериного стиля — лесостепная, окраинная часть Скифии в Причерноморье, и Минусинская котловина на Енисее (тагарская культура), где можно наблюдать «распространение звериного стиля вширь от областей его сложения и параллельно его нивелировку, унификацию приемов изображения» (Там же). При этом в Минусинской котловине «не было необходимости соблюдать заданный извне „скифский“ облик культуры», что стало причиной «уникального сочетания „центральных“ и „периферийных“ явлений в истории тагарского искусства» (Там же. С. 30, 32). Эта особенность отличает искусство звериного стиля тагарской культуры от искусства большинства других областей распространения скифо-сибирского звериного стиля (горноалтайского, среднеазиатского, казахстанского, приуральского), придает ему неповторимый и узнаваемый облик.

Минусинское искусство звериного стиля наиболее реалистично; изображения животных здесь чаще всего связаны с определенными видами бронзовых изделий, то есть носят в основном декоративно-прикладной характер. Образы (изображения) различных животных применительно к этому виду изделий, раз появившись, не исчезают, а испытывая внешние влияния, постепенно трансформируются, накладываются друг на друга и существуют до конца бытования данной

культурной традиции, исчезая только с наступлением новой исторической эпохи. В этом сочетании проявляются как будто противоречащие друг другу многокомпонентность и консервативность (в позитивном значении этого слова) искусства звериного стиля в тагарской изобразительной традиции.

Кроме того, искусство звериного стиля тагарской культуры, в отличие от всех остальных горно-степных районов Центральной Азии и Сибири, существует как бы в двух ипостасях: художественная металлопластика, которая в первую очередь ассоциируется с понятием искусства тагарской культуры («тагарские бронзы»), и наскальные изображения. Не всегда эти два вида изобразительной деятельности совпадают, хотя на глубинном уровне, очевидно, имеют одни и те же источники.

Искусство звериного стиля тагарской культуры многообразно. В отличие от Пазырыка здесь нет таких роскошных художественных изделий, но по количеству бронзовых предметов, украшенных изображениями различных животных, тагарская культура не имеет себе равных. В бронзе значительно труднее или даже невозможно воспроизвести все художественные изыски изображений звериного стиля, исполненных в дереве, коже и других органических материалах.

Бронзовые изделия тагарской культуры (в первую очередь предметы вооружения (кинжалы, кельты), ножи, зеркала, факельницы и др.), украшенные фигурками различных животных, представлены сериями однотипных предметов, что создает впечатление намеренной выборки соответствующих образов и их унификации. Само понятие «стиль» здесь носит несколько условный, расплывчатый характер, что объясняется наличием многих, во всяком случае нескольких, образующих их компонентов.

Воспринятые из различных источников образы звериного стиля, адаптированные в местной среде и приспособленные для украшения различного рода бронзовых предметов, составляют основной фонд изобразительных материалов тагарской художественной металлопластики. При этом, как уже упоминалось, все появившиеся ранее изображения не исчезали, а тиражировались в многочисленных серийных экземплярах применительно к данному виду изделий, то есть очевидно имели не только декоративное, но и определенное знаковое («функциональное») назначение.

По-видимому, в этом заключается главное качественное отличие изображений тагарской культуры от других областей распространения произведений скифо-сибирского звериного стиля. Бронзовых изделий, украшенных изображениями звериного стиля, много; фигурантов этих изображений значительно меньше.

Петроглифы скифского времени Минусинской котловины — это особый мир искусства, в котором наряду с зооморфными представлен мощный пласт антропоморфных образов (*Советова*, 2005), существующих как бы параллельно с тагарскими художественными бронзами. Вопрос о соотношении художественной металлопластики и петроглифов Центральной Азии и Южной Сибири уже поднимался в литературе (*Советова*, 2007; *Миклашевич*, 2010), однако вряд ли он имеет однозначное решение. Конечно, они взаимосвязаны, но помимо технических средств исполнения, во многом обусловивших особенности стиля, различия между ними функциональны: тагарские художественные бронзы, как правило, носят прикладной характер; наскальные изображения так или иначе связаны с культовыми действиями, назначение которых до сих пор остается загадкой.

Историография изучения искусства тагарской культуры на фоне большого количества работ, посвященных проблемам скифо-сибирского звериного стиля, выглядит достаточно скромно (*Моор*, 2010). Помимо сведений о сборах коллекций бронзовых изделий на Енисее (В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, И. Р. Аспелин, И. П. Кузнецов-Красноярский, Ф. Р. Мартин и др.), это несколько специальных исследований, в которых рассматривается поэтапное развитие (в соответствии с принятой археологической периодизацией) тагарского звериного стиля на каждом из выделенных этапов (*Киселев*, 1951. С. 233–250; *Членова*, 1967; *Бобров*, 1975; и др.). Наиболее подробная классификация зооморфных изображений тагарской культуры по видам изображенных животных представлена в монографии Н. Л. Членовой (*Членова*, 1967. С. 110–123) применительно к раннему этапу развития культуры, а в последние годы — в серии статей Н. Н. Моор, подробно рассмотревшей все (или во всяком случае большинство) наиболее популярные зооморфные образы тагарского искусства за весь период его существования и объединившей их в недавней успешно защищенной кандидатской диссертации (*Моор*, 2019).

В плане актуальности рассматриваемой темы для нас особенно важно выделение Н. Л. Членовой двух основных групп (или хронологических пластов) произведений тагарского звериного стиля, названных ею «минусинским» и «алтайским» стилями (*Членова*, 1967. С. 115–130, 135–144), граница между которыми проходит на рубеже VI–V вв. до н. э. Кроме того, ею выделяется «западный» стиль VI в. до н. э., источник которого остается неопределенным, а число изображений его в минусинском варианте, по ее мнению, «крайне незначительно» (*Там же*. С. 130).

Понятие «алтайского» стиля справедливо связывается Н. Л. Членовой в первую очередь с влиянием пазырыкской культуры соседнего Горного Алтая, что в целом укладывается в концепцию западных истоков культуры скифского типа на востоке. Однако следует отметить, что в Минусинской котловине это влияние коснулось прежде всего наскальных изображений и рисунков на курганных плитах, где для этого имелись достаточные изобразительные плоскости. Например, изображения на известной Бейской стеле (*Дэвлет*, 1990) или Оглахтинские лошади (*Советова*, 2005. Табл. 8; 9). Очевидно, тогда же на скалах Енисея появляются первые композиции с изображениями процессии идущих хищников (*Там же*. Рис. 24).

На бронзовых изделиях использование подобного рода зооморфных и орнаментальных мотивов чисто технически затруднено. Очевидно, что все наиболее характерные черты «алтайского» (то есть пазырыкского) стиля сложились в процессе резьбы, а не литья художественных изделий. Бронзовых предметов, украшенных в традициях «алтайского» стиля, в тагарском искусстве вообще очень мало. Наиболее выразительны в этом отношении изображения животных (хищников и копытных) на бронзовых пронизках из случайных сборов (*Завитухина*, 1983. № 47, 194).

Что касается «минусинского» стиля, то данное понятие имеет весьма условный характер. Точно также — «минусинский» стиль — определяется большой массив самых ранних (донеолитических?) енисейских петроглифов (*Шер*, 1980. С. 190–193; *Советова*, *Миклашевич*, 1999. С. 53–55). Характерные особенности этих изображений — крупные отдельно стоящие фигуры копытных животных — никакого отношения к скифскому времени не имеют. В том и другом случае название «минусинский» дано не по стилистическим особенностям (хотя именно это имеется в виду),

а по месту нахождения этих двух совершенно разных пластов изображений. Понятие «минусинский» стиль, по Н. Л. Членовой, вмещает большинство изображений с территории Минусинской котловины, многие из которых обладают своими стилистическими особенностями и могут быть определены как компоненты, образующие тагарскую изобразительную традицию.

Из предполагаемых компонентов, принимавших участие в формировании искусства тагарской культуры, в первую очередь привлекают внимание окуневский и карасукский, для которых в том или ином исполнении также были характерны зооморфные образы. Однако именно они оказываются наименее ощутимыми или опосредованными.

Окуневский компонент. Сам факт нахождения носителей тагарской культуры скифского времени и создателей замечательного искусства окуневской культуры эпохи бронзы на одной и той же территории (Минусинская котловина), на первый взгляд, не мог не отразиться на формировании искусства тагарской культуры, тем более, что в основе того и другого лежит мир зооморфных образов (в тагарской культуре — доминирующий, в окуневской традиции — частично, но весьма ощутимо). Однако совершенно очевидно, что это не произошло. Отдельные, очень немногочисленные стилистические приемы окуневского искусства (в частности, билатеральное сечение головы животного) перешли в практику изображений скифо-сибирского стиля (*Шер*, 1998. Рис. 2), но именно они отсутствуют в тагарской изобразительной традиции.

Более того, судя по условиям нахождения, многие окуневские изваяния с изображениями были использованы в качестве вертикальных плит в оградах тагарских курганов, но вкопаны в перевернутом виде («вниз головой»), что однозначно свидетельствует об отрицании (неприятиии) заложенных в них духовных ценностей и какого-то позитивного значения нанесенных на них изображений. Это тем более очевидно, что для разделяющей их — окуневскую и тагарскую изобразительные традиции — андроновской культуры фигуративное искусство вообще не было характерно. Таким образом, на территории Минусинской котловины искусство тагарской культуры вырастает почти с чистого листа, что, безусловно, должно было способствовать восприимчивости к различного рода инновациям.

Сейминский компонент. Участие сейминско-турбинского зооморфного кода на начальном этапе развития скифо-сибирского звериного стиля вообще и в искусстве тагарской культуры в частности уже предполагалось многими исследователями. Однако сделанные при этом выводы не столь однозначны, что позволяет еще раз обратиться к рассмотрению этого вопроса.

Основные стилистические особенности сейминско-турбинской (сокращенно — сейминской) изобразительной традиции в мелкой пластике и петроглифах были выделены в статье Б. Н. Пяткина и Е. А. Миклашевич (*Пяткин, Миклашевич*, 1990) и до сих пор являются одним из наиболее устойчивых ориентиров в культурно-хронологическом распределении изображений эпохи бронзы. Его отличительные особенности проявляются в изображениях лошадей: опущенная голова, массивное туловище, подстриженная прямо грива, так называемая челка, прямо свисающий хвост. Основная область происхождения изображений сейминского стиля — Центральный и Восточный Казахстан (*Самашев*, 1992. Рис. 167; 168), откуда они распространяются далее на восток — из Восточного Казахстана через Монгольский и Горный Алтай вплоть до Среднего Енисея (*Савинов*, 2007. Рис. 1).

Отражение сейминской изобразительной традиции внешне проявляется как будто незначительно, хотя факт присутствия изготовителей предметов сейминско-турбинской металлургии на Правобережье Енисея подтверждается археологически (*Леонтьев*, 2002). К подобного рода изображениям например относится фигурка стоящей лошади из села Есь со всеми признаками сейминского стиля (опущенная голова, висающий хвост, характерным образом подстриженная «челка»), отнесенная Н. Л. Членовой к раннему этапу тагарской культуры (*Членова*, 1967. Табл. 22, 4). При этом не исключено как собственно ее сейминско-турбинское происхождение, так и более позднее воспроизведение тех же стилистических особенностей в раннескифское время. С наследием того же сейминского изобразительного пласта связано оформление навершия кинжала из Новопятницкого клада в виде двух идущих друг за другом лошадей, в этом качестве уже обратившее на себя внимание исследователей (*Бобров, Моор*, 2011. Рис. 10). Время изготовления кинжала из Новопятницкого клада устанавливается достаточно определенно изображениями на рукояти

стоящих друг над другом хищников, выполненных уже в раннескифской (аржанской?) традиции (Макаров, 2012. Рис. 1, 1).

Влияние того же сейминского стиля явно ощущается в трактовке бегущих лошадей (с круто изогнутыми шеями и характерным образом подстриженной «челкой») на Большом фризе из Суханихи (Дэвлет, 1982). Передача ног у этих лошадей — раскнутых и скрещенных в одной «точке» — соответствует окуневской и, очевидно, изначально более ранней (неолитической?) ангарской изобразительной традиции. На той же плоскости находится несколько простых личин окуневского типа. Вполне вероятно, что здесь уникальным образом соединились все возможные исходные компоненты формирования искусства тагарской культуры. При этом, судя по весьма изысканной стилистике изображения лошадей, они могли быть нанесены уже в раннескифское время.

Приведенные материалы показывают, что сейминская изобразительная традиция одинаково проявляется как в художественной металлопластике, так и в наскальных изображениях, то есть, скорее всего, относится к самому началу формирования тагарского искусства звериного стиля. Позже в таком чистом виде она уже не встречается. Вместе с тем имеются основания полагать, что опосредованно с ее наследием в развитой тагарской культуре связано наличие некоторого количества реалистических изображений лошадей и куланов (?), выполненных в различных материалах (кость, бронза) и представленных в разных ситуациях — в виде стоящих полных фигур, помещенных в кольца, на бронзовом диске, а также отдельных голов и пр. (Членова, 1967. Табл. 25; Завитухина, 1983. № 154, 156). Не исключено, что с этим же пластом связаны головы лосей и лошадей с прижатыми ушами на коромыслообразных подвесках, «пангах» (Завитухина, 1983. № 158–182). Это реалистическое направление, скорее всего обязанное сохранению сейминского пласта, в значительной степени определило отличие искусства тагарской культуры от всех остальных областей распространения скифо-сибирского звериного стиля.

Карасукский компонент. Начиная с С. В. Киселева большинство исследователей так или иначе связывает происхождение истоков тагарского звериного стиля с наследием карасукской культуры, в первую очередь с зооморфными

навершиями ножей и кинжалов — наиболее яркими произведениями «карасукских бронз». Однако это положение, казалось бы в хронологическом и отчасти стилистическом отношении достаточно очевидное, на самом деле не может быть решено столь прямолинейно.

В настоящее время установлено, что основное количество изделий позднего бронзового века появляется на Среднем Енисее только уже в самом конце эпохи бронзы — по периодизации М. П. Грязнова, каменоложский этап карасукской культуры. Основная и исходная территория их распространения — это Монголия, возможно, западные провинции Китая, откуда они расходятся веерообразно далее в Китай и более западные пределы ареала культур эпохи бронзы (Новгородова, 1970). Отдельные экземпляры проникают в Забайкалье (Диков, 1958). В памятниках собственно карасукской культуры Минусинской котловины, несмотря на огромное количество относящихся к ней погребений, карасукских кинжалов практически нет (Членова, 1976). Известно только несколько (всего четыре) находок подобных изделий с зооморфными навершиями, и все они относятся к позднему каменоложскому этапу карасукской культуры (Легран, 1999). Создается впечатление, что такие крупные бронзовые предметы или не клали в погребения, или они были переплавлены, или вообще мало поступали в эту самую отдаленную область севера Центральной Азии. Во всяком случае, несмотря на известную стилистическую близость, признание их в качестве основного, тем более исходного источника формирования звериного стиля тагарской культуры является не столь безусловным и требует корректировки.

Кроме того, зооморфные навершия карасукских художественных бронз, даже если предположить их массовое распространение на Среднем Енисее, не имеют ничего общего с крайне схематическими линейными рисунками животных в «карасукском стиле», известными уже в достаточно большом количестве на скалах и курганных плитах Минусинской котловины (Савинов, 1993; Ковалева, 2011), принадлежность которых по находкам в погребениях и на поселениях этого времени сомнения не вызывает. Какую-либо связь между ними и карасукскими художественными бронзами предположить невозможно. Скорее такие схематические линейные изображения следует рассматривать как результат конечной трансформации реалистических рисунков

предшествующего времени, вообще характерных для наскального искусства Минусинской котловины.

Вместе с тем, допуская традиционную точку зрения о связи карасукской и тагарской художественных традиций (по С. В. Киселеву, «древнейший звериный орнамент» — Киселев, 1951. С. 233–258), хотелось бы обратить внимание еще на один наиболее вероятный, хотя и опосредованный путь сохранения и передачи некоторых стилистических приемов оформления одних и тех же зооморфных образов, чаще всего в изображениях горного козла. Это аржанская изобразительная традиция, в свою очередь генетически связанная с карасукской, принимая во внимание область ее возникновения.

Центральноазиатский компонент. Появление центральноазиатского компонента в искусстве тагарской культуры наиболее выразительно. Источником его являются северные районы Центральной Азии (Тува, Монголия, Сынцзян), откуда шло проникновение через Туву (?) на Средний Енисей. Оригинальных изделий этого происхождения немного, но, скорее всего, именно они оказывали консервирующее воздействие в дальнейшем развитии тагарского звериного стиля. В своем исходном центре (Тува, Монголия) изображения аржано-майэмирского стиля (по Я. А. Шеру и др. — Шер, 1980. С. 243–247) можно разделить на два хронологических варианта: более ранний, собственно аржанский, непосредственно связанный с наследием карасукского художественного стиля, и сравнительно более поздний, широко распространившийся — майэмирский (Савинов, 1993). Тот и другой нашли отражение в процессе формирования тагарского звериного стиля.

С проявлением первого (аржанского) мы связываем то, что обычно определяется как карасукские истоки тагарского искусства: наиболее ранние элементы скифского культурного комплекса могли проникать в пределы своего самого северного (минусинского) ареала. Скорее всего, именно в этой связи следует рассматривать появление в тагарском искусстве образа свернувшегося хищника, устойчиво приобретающего здесь черты волка (Богданов, 2006. Табл. I–III), изображения противопоставленных фигур стоящих хищников с неопределенными видовыми признаками, а также самые ранние навершия с изображениями различных животных на прямоугольных втулках с подвесными кольцами. Следует отметить, что наиболее известные из них находятся в составе

кладов на севере (Июсский клад — Бородавский, Ларичев, 2013. № 4) и на востоке (Корсуковский клад — Зуев, Исмаилов, 1995. Рис. 1, 2) тагарской археологической общности.

С майэмирским пластом связаны все изображения копытных животных (в первую очередь оленей и кабанов), стоящих «на цыпочках», например, на рукоятках ранних тагарских ножей, известных как в Минусинской котловине, так и в Туве (Хлобыстина, 1974); самые ранние колоколовидные навершия с фигурами стоящих козлов с чертами еще аржанского стиля (Завитухина, 1983. № 1–3); изображения стоящих кабанов с опущенными ногами на навершиях ножей и кинжалов (Бобров, Моор, 2018. Рис. 8–10). Одним из видимых признаков самых ранних изображений животных на бронзовых ножах и кинжалах можно считать опущенные на верхнюю часть рукояти ноги (то есть без промежуточной планки, на которую как бы поставлено это животное). Например, фигурка стоящего лосенка на ноже подгорновского этапа из Барсучихи (Завитухина, 1974).

Очевидно, достаточно быстро аржанский пласт был перекрыт майэмирским изобразительным пластом, имевшим значительно более широкое, преимущественно западное распространение: от Алды-Беля в Туве до Келермеса на Северном Кавказе. Стилистически очень близкие, иногда до полного тождества, изображения (например, стоящего «на пуантах» оленя) известны в Монголии, Туве, на Алтае, в Восточном Казахстане и Средней Азии, в Минусинской котловине на Енисее, обозначив тем самым вхождение тагарского искусства в круг скифо-сибирского звериного стиля.

Таким образом, из этих двух блоков — местного реалистического (вплоть до неолита) сейминско-турбинского и раннескифского (с разделением на два последовательных варианта — аржанский и майэмирский) — складывается основа тагарской изобразительной традиции. С точки зрения археологической периодизации это соответствует подгорновскому этапу (по современным представлениям — конец VIII — середина VI в. до н. э.). При этом изображений этого времени в Минусинской котловине известно сравнительно немного. Изобразительные материалы предшествующего баиновского этапа (при условии его выделения) вообще неизвестны, что еще раз подчеркивает условность

связи искусства тагарской культуры с карасукской изобразительной традицией.

Подавляющее количество зооморфных изображений относится уже к периоду сложившейся тагарской культуры (сарагашенский этап, согласно современным представлениям — конец VI — рубеж IV/III вв. до н. э.) и существует все это время без значительных изменений.

Для искусства звериного стиля развитой тагарской культуры, с учетом появившихся в это же время изображений «алтайского» стиля, характерно следующее. Во-первых, здесь представлен уже весь набор зооморфных образов, как появившихся ранее, так и вновь приобретенных. Во-вторых, происходит слияние тех или иных персонажей с определенными видами изделий, на которых они изображались: горных козлов — с чеканами, факельницами и зеркалами; стоящих или «скребущих» хищников — с навершиями ножей и кинжалов; птичьих (или грифонных) голов — с рукоятками ножей. При этом сами изделия приобретают серийный, массовый характер. В-третьих, появляются золотые украшения с изображениями различных животных, сделанные в стилистической манере прошлого, но обнаруженные в сравнительно поздних элитных погребениях (Курочкин, 1993. Рис. 19–20, 22, 43; Пшеницына, Поляков, 1989. Рис. 4). В этом плане они не являются датирующими.

Однако главное отличие изобразительных материалов развитой тагарской культуры — появление, вопреки приведенному выше мнению Н. Л. Членовой, многочисленных новых образов и композиций, видимо, западного происхождения, поскольку в соседних, более южных, культурах Саяно-Алтае-Хангайского нагорья они не имеют своих предшественников. Именно они придают тагарским бронзовым изделиям этого времени своеобразную художественно-эстетическую окраску.

Круг подобного рода изображений в художественной металлопластике тагарской культуры, с одной стороны, достаточно разнообразен; с другой — весьма устойчив, что может говорить о каком-то одном (разовом?) источнике их происхождения. Это — антиподально расположенные головы животных на навершиях и перекрестиях кинжалов; мотив противостояния зверей, стоящих или перевернутых на перекрестиях; «грифоньи кинжалы»; многочисленные орнитоморфные изображения; геральдические изображения

соединенных рогом голов горных козлов; изображения верхней части туловища оленя с вертикально поставленным рогом; изображения оскаленных волчьих голов с отведенным назад ухом и др. Все они в той или иной транскрипции известны в тагарских художественных бронзах (Завитухина, 1983. № 40–44, 87–88, 198–204; Бобров, Моор, 2018. Рис. 1 и сл.). Судить о конкретных носителях этих инноваций трудно; ясно только, что это более западные районы степной Евразии. Об унификации изделий с подобными изображениями говорят и так называемые копытовидные знаки, образно названные Н. Л. Членовой «следами копыт „скифских“ коней» (Членова, 1999).

Что стоит за этими совпадениями — можно только догадываться. Не исключено, что (только гипотетически) это могло быть связано с событиями 30–20-х гг. VI в. до н. э., а именно с походами создателей державы Ахеменидов в Среднюю Азию, вызвавшими оттеснение местного населения на Восток. В таком случае этот источник влияния пока чисто условно может быть назван «сакским» (?).

К тем же инновациям западного происхождения следует относить известные изображения тагарского оленя, «оленные бляхи». Они появляются достаточно неожиданно, но не из ареала оленных камней монголо-забайкальского типа с рисунками оленей со сходной иконографией, а откуда-то с запада: опорные памятники — Чиликты (Черников, 1965. Табл. XI), Гумарово (Исмагилов, 1988. Рис. 4) в уже сложившемся, ранее канонизированном облике, и в таком виде почему-то «оседают» на Енисее. Дальнейшее их распространение в тагарском искусстве демонстрирует не столько типологическое развитие (хотя в отдельных случаях, особенно в лесостепной тагарской культуре, оно может быть прослежено), а различные варианты отступления от заданного канона. Возможно, поэтому тщательные типологические исследования, посвященные образу скифского оленя вообще и тагарского оленя в частности (Членова, 1962; Бобров, 1975; Трифонов, 1975 — незаконченная работа) не принесли желаемых результатов. Смысловое значение тагарских оленных блях, известных по находкам многих экземпляров в одном погребении (связки изображений тотемов-охранителей, символика этнической, в данном случае сакской, принадлежности погребенных, подвески шаманского костюма, имитация оленных камней?), до сих пор остается неопределенным.

Особые стилистические изменения в искусстве звериного стиля развитой тагарской культуры мало прослеживаются. Вероятно, было важно изображение определенного вида животного именно в данном художественном исполнении, а не в каком-либо ином. Исключение, пожалуй, составляют только изображения горных козлов, которые в отличие от гордо стоящих покорителей вершин на ранних колоколовидных навершиях стали передаваться здесь, а также на обушках чеканов и на факельницах гораздо более упрощенно, иногда даже с известной долей гротеска. Не исключено, что это могло быть как-то связано с изменением отношения к самому образу горного козла в иерархии копытных животных, где он вытесняется образом «летающего» оленя. В известной мере это соответствует двум возможным истокам мифологии в искусстве тагарской культуры: более раннему — восточному — и последующему — западному.

Отражение тех же процессов прослеживается по материалам периферийных районов тагарской общности: лесостепной вариант тагарской культуры, или просто лесостепная тагарская культура, — Кузнецкая котловина; более северный — красноярский вариант тагарской культуры; Томское Приобье — шеломокская культура, по Л. М. Плетневой. Во всех этих случаях процессы развития тагарской изобразительной традиции, по-видимому, происходили в принципе идентично, но со своими местными особенностями.

В искусстве лесостепной тагарской культуры полностью отсутствуют ранние архаические элементы звериного стиля; наиболее многочисленны, как будто спрессованы, отдельные образы развитой степной тагарской культуры. Некоторые из них исчезают, другие, например, фигура стоящего в кольце оленя, оказываются наиболее востребованными. Особенно многочисленны оленные бляхи, иногда уже весьма стилизованные, но найденные в погребениях вместе с более реалистическими экземплярами (Мартынов, 1979. Табл. 39–43; Мартынов, Бобров, 1974). Наиболее логичное объяснение своеобразия звериного стиля лесостепного варианта тагарской культуры — отеснение местного населения на север, что не исключает «естественного отбора» внутри самой тагарской изобразительной традиции. Нечто подобное, скорее всего, могло происходить и в красноярском варианте

тагарской культуры (Николаев, 1980), но небольшое количество фактического материала не позволяет судить об этом более определенно.

На территории Томского Приобья находки тагарских художественных изделий довольно многочисленны. Выделять ли их в качестве самостоятельной шеломокской культуры — вопрос спорный. Среди них, в отличие от Кузнецкой котловины, представлены и весьма архаические образцы звериного стиля, в том числе изображения горных козлов, антиподально расположенных лошадей и свернувшихся хищников, по всем признакам сопоставимые с изображениями аржанского стиля (Плетнева, 2012. № 1, 2, 36 и др.). Вероятно, это объясняется тем, что в процессе широкого ареального распространения те или иные культурные явления, достигая дальних периферийных областей, консервируются, в то время как на промежуточных территориях происходит ассимиляция — они перекрываются последующими волнами и исчезают. Вместе с тем на Средней Оби оказываются и многие вещи, в первую очередь украшения, того же западного происхождения. Однако в целом, по мере отдаления от Минусинской котловины, традиции тагарского звериного стиля все более трансформируются и затухают.

* * *

В итоге всего сказанного можно представить следующие основные особенности формирования и развития тагарского искусства звериного стиля. Очевидно, изначально оно опиралось в плане обращения к зооморфным образам на реалистические традиции искусства более раннего времени (начиная с эпохи неолита?). Затем вошло в сферу влияния со стороны ряда соседних культурно-генерирующих ареалов: сейминско-турбинского; центральноазиатского (с разделением на два хронологических уровня — аржанский и майэмирский); наконец, западного, условно сакского. В то же время выделяется влияние со стороны пазырыкской культуры Горного Алтая («алтайский» стиль), особенно проявившийся в произведениях наскального искусства. С точки зрения инкорпорации всех этих компонентов наиболее результативным можно считать период рубежа VI–V вв. до н. э., когда окончательно складывается тагарское искусство звериного стиля, удивительно цельное и разнообразное: с одной стороны — архаичное, с другой — инновационное.

- Бобров, 1975 — Бобров В. В. Основные этапы развития тагарского искусства // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие тезисы докладов на конф. (ноябрь 1975 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: б. и., 1975. С. 62–64.
- Бобров, Моор, 2011 — Бобров В. В., Моор Н. Н. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии: Сб. науч. трудов к 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды САИПИ; Вып. VII). С. 70–76.
- Бобров, Моор, 2018 — Бобров В. В., Моор Н. Н. Мелкая художественная пластика в качестве декора оружия и ножей тагарской культуры // Бобров В. В., Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Моор Н. Н. Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха). Кемерово: Кузбасский регион. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2018. С. 6–66.
- Богданов, 2006 — Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 238 с.
- Бородовский, Ларичев, 2013 — Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 114 с.
- Герман, 2007 — Герман П. В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / Кемеровский ГУ. Кемерово: б. и., 2007. 26 с.
- Диков, 1958 — Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. 108 с.
- Дэвлет, 1982 — Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханихи на Среднем Енисее // КСИА. 1982. Вып. 169: Памятники эпохи неолита и бронзы. С. 53–60.
- Дэвлет, 1990 — Дэвлет М. А. О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея (Изображения на Бейской стеле в Хакасии) // Семантика древних образов: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1990. С. 83–90.
- Завитухина, 1974 — Завитухина М. П. Изображения на раннетагарских ножах // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Сб. / Отв. ред. Б. Е. Ларичев. Наука, 1974 (Древняя Сибирь; Вып. 4). С. 74–76.
- Завитухина, 1983 — Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время (публикация одной коллекции). Л.: Искусство, 1983. 190 с.
- Зуев, Исмагилов, 1995 — Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности: Сб. ст. / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 24). С. 67–75.
- Исмагилов, 1988 — Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана и Южное Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. № 29. С. 29–47.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 641 с.
- Ковалева, 2011 — Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 158 с.
- Курочкин, 1993 — Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. Большой Новоселовский и Полтаковский курганы. СПб.: ИИМК РАН, 1993 (Археологические изыскания; Вып. 7). 44 с.
- Легран, 1999 — Легран С. Звериный стиль карасукской эпохи в Минусинской котловине (по материалам бронзовых изделий) // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тезисы докладов. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1999. С. 104–106.
- Леонтьев, 2002 — Леонтьев С. Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф. к 100-летию М. П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ИИМК РАН, 2002. Кн. 1. С. 181–183.
- Макаров, 2012 — Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краеведческого музея // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр. к 80-летию со дня рождения А. И. Мартынова / Отв. ред. О. С. Советова. Кемерово: Изд-во Кемеровский ГУ, 2012. Вып. 26. С. 68–76.
- Мартынов, 1979 — Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 207 с.
- Мартынов, Бобров, 1974 — Мартынов А. И., Бобров В. В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры // Бронзовый и железный век Сибири: Сб. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974 (Древняя Сибирь; Вып. 4). С. 65–73.
- Миклашевич, 2010 — Миклашевич Е. А. Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии: Сб. / Редкол.: А. А. Тишкин и др. Барнаул: Азбука, 2010. С. 135–144.
- Моор, 2010 — Моор Н. Н. Тагарская мелкая пластика (историография вопроса) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2010 (Тр. САИПИ; Вып. 3). С. 55–57.

- Моор, 2019 — Моор Н. Н. Звериный стиль в декоре тагарского оружия и ножей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / Кемеровский ГУ. Кемерово: б. и., 2019. 29 с.
- Николаев, 1980 — Николаев Р. В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. археол. конф. (декабрь 1979 г.) / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1980. С. 239–247.
- Новгородова, 1970 — Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Гл. изд-во восточн. литер., 1970. 192 с.
- Переводчикова, 1989 — Переводчикова Е. В. «Центры» и «периферия» в раннем скифском зверином стиле степей Евразии // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения): Тезисы докладов Всесоюзн. археол. конф. / Отв. ред. В. Н. Добжанский. Кемерово: Кемеровский ГУ. Ч. II. С. 30–33.
- Плетнева, 2012 — Плетнева Л. М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья (шеломокская культура). Томск: Изд-во Томского ГУ, 2012. 185 с.
- Пшеницына, Поляков, 1989 — Пшеницына М. Н., Поляков А. С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. М., 1989. Вып. 196: Археологические исследования на новостройках. С. 58–66.
- Пяткин, Миклашевич, 1990 — Пяткин Б. Н., Миклашевич Е. А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: Сб. ст. / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: ИА РАН, 1990. С. 146–153.
- Савинов, 1993 — Савинов Д. Г. Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов юга Хакасии // Современные проблемы изучения петроглифов: Сб. ст. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1993. С. 61–87.
- Савинов, 2007 — Савинов Д. Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: Сб. ст. к 70-летию со дня рожд. Т. М. Потемкиной / Отв. ред. М. П. Вохменцев. Курган: Изд-во Курганского ГУ, 2007. С. 98–103.
- Савинов, 2012а — Савинов Д. Г. Тагарская археологическая общность // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2012. Вып. 26: К 80-летию со дня рождения А. И. Мартынова. С. 58–62.
- Савинов, 2012б — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Самашев, 1992 — Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 236 с.
- Советова, 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее. Сюжеты и образы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.
- Советова, 2007 — Советова О. С. Мелкая пластика и петроглифы тагарской эпохи (общее и особенное) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007 (Тр. САИПИ; Вып. III). С. 75–76.
- Советова, Миклашевич, 1999 — Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и семантические особенности среднеенисейских петроглифов (По итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского ГУ) // Археология, этнография и музейное дело / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1999. С. 47–72.
- Трифонов, 1975 — Трифонов Ю. И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве (в связи с вопросом о классификации тагарских «оленных» блях) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов конф. / Отв. ред. В. М. Масон. Л.: б. и., 1975. С. 70–72.
- Хлобыстина, 1974 — Хлобыстина М. Д. Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири: Сб. / Отв. ред. Б. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974 (Древняя Сибирь; Вып. 4). С. 55–64.
- Черников, 1965 — Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 187 с.
- Членова, 1962 — Членова Н. Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962 (МИА; № 115). С. 167–203.
- Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 253 с.
- Членова, 1976 — Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 102 с.
- Членова, 1999 — Членова Н. Л. Следы копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1999. С. 231–234.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Гл. изд-во восточн. литер., 1980. 327 с.
- Шер, 1998 — Шер Я. А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 218–230.

The peculiarities of the formation and evolution of the animal style in the Tagar culture

D. G. Savinov²

Keywords: art of the Scytho-Siberian animal style, Tagar culture, regional traditions, problem of the formation.

This paper analyses the process of the formation of the animal style art in the Tagar culture. The latter is considered as an archaeological unity beginning in southern regions of the Minusinsk hollow where the majority of its early complexes are situated. Later, the Tagar population opened up the entire territory of the basin of the Middle Yenisey and the neighbouring regions where sites left by this population have been discovered — the Kuznetsk hollow, Tomsk Ob River region and, possibly, the area as far as the Western Transbaikalia.

The Tagar art of the Scytho-Siberian animal style presents not only a peculiar world of artistic images and compositions but also is a complex cultural and historical phenomenon. It is marked by its diversity while, in comparison with the mountain-steppe regions of the Central and Middle Asia and Siberia, it exists as if in 'two hypostases': artistic metalloplastics (usually associated with the notion of the 'art of the Tagar culture') and rock images. Not always these two types of the artistic activities coincide, although they apparently have the same sources at the basic level.

On the basis of analysis of separate components constituting the Tagar figurative tradition it is possible to envisage the following principal peculiarities of the formation and evolution of the animal style Tagar art. Initially, it was based, as its zoomorphic images are concerned, on realistic traditions of the art of an earlier period (beginning from the Neolithic Age?). It then became influenced by a number of neighbouring culture generating areas: Seima-Turbino; Central-Asiatic (subdivided into two chronological levels — the Arzhan and Mayemir); and finally, the western, or conventionally the Saki cultural area. At the same time, there is a distinct influence from the Pazyryk culture of the Mountain Altay (Altay' style) which particularly was expressed in the works of the rock art. From the viewpoint of the incorporation of all these components, the period of the turn between the 6th to 5th centuries BC can be considered as the most informative. This was time when the Tagar art of the animal style had been finally established. It was markedly integral and diverse: archaic on the one hand and innovative on the other.

² Dmitriy G. Savinov — Saint-Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia.

Об одном «непопулярном» зооморфном образе в тагарской металлопластике

В. В. Бобров, Н. Н. Моор¹

Аннотация. Работа посвящена изображениям барана — одному из редких образов среди зооморфных и орнитоморфных персонажей в тагарской металлопластике. На основе иконографических и стилистических особенностей выделены две хронологически одновременные группы его изображений: ранняя, выполненная в традиции минусинского стиля (по Н. Л. Членовой), и более поздняя, близкая изображениям баранов, получивших широкое распространение в развитом искусстве эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая. В статье рассмотрены особенности изобразительной традиции рогов; определяются истоки этой традиции в сейминско-турбинской хронологической среде; публикуется карта местонахождения бронзовых предметов тагарской культуры, декорированных изображениями горного барана.

Ключевые слова: древнее искусство, скифский мир, тагарская культура, звериный стиль, художественная металлопластика, изобразительная традиция, сейминско-турбинское время.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-220-227

Среди культур скифской эпохи северной периферии Центральной Азии, в частности Южной Сибири, тагарская культура выделяется ярким изобразительным творчеством, в котором особое место занимает декор разнообразных предметов, выполненных в зверином стиле. В скульптуре, барельефе и гравировке нашли отражение разнообразные виды животных. Несмотря на множество публикаций, посвященных искусству тагарской культуры, остается еще достаточно обширное поле для ее исследования. Одновременно с этим открытия в изучении культур скифского времени Южной Сибири, сделанные за последние три десятилетия, заставляют исследователей вернуться к старым проблемам, уже ставшим,

казалось бы, достоянием историографической науки, и ставят перед исследователями новые вопросы. В их решении немаловажное место занимают результаты исследований в сфере искусства и духовной культуры в целом. В связи с этим возникла необходимость данной работы.

Отметим также отсутствие научных публикаций, посвященных исследованию именно образа барана в тагарском искусстве, в частности используемого для декора бронзовых изделий. Исключения составляют обобщенный анализ искусства в контексте исследования проблемы происхождения и ранней истории тагарской культуры, представленный в монографии Н. Л. Членовой (Членова, 1967. С. 117, 121, 129), а также небольшой раздел в работе В. В. Боброва и Н. Н. Моор, посвященный классификации этого образа как украшения оружия и ножей тагарской культуры (Бобров, Моор, 2018. С. 16–18).

Среди всех используемых образов в тагарской культуре изображения горного (?) барана составляют малочисленную группу как в декоре предметов, выполненных из различных материалов, так и в наскальном искусстве населения тагарской культуры. Целые фигурки или изображения

¹ Бобров В. В. — Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углекислоты Сибирского отделения РАН; Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650000, Россия; Кемеровский ГУ; ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650065, Россия; e-mail: klae@kemsu.ru. Моор Н. Н. — Кемеровский ГУ; ул. Красная, 6, Кемерово, 650065, Россия; Музей-заповедник «Томская Писаница»; д. Писаная, Кемеровская обл., 652038, Россия; e-mail: archaeology@kemsu.ru.

головы животного украшают такие тагарские бронзовые изделия, как ножи, кинжалы, ворворки, бляхи, зеркала, подвески. Животное достаточно хорошо узнаваемо по характерным видовым признакам — горбоносой морде, рогу с круто изогнутой дугой, обрамляющему голову животного своеобразной рамкой или спиралеобразно закрученному около глаз. Ухо, если оно было изображено древним мастером, как правило, имеет округлую форму. Коллекцию составляют как полнофигурные, так и редуцированные изображения, количество которых преобладает.

Несмотря на небольшое число тагарских изделий, декорированных фигурками баранов, среди этих изображений можно выделить две предположительно хронологически разновременные группы (условно группы 1 и 2) (рис. 1, 1–19). Каждой из них присущи стилистические и иконографические особенности передачи образа. К ранней группе 1 относятся изображения на навершии кинжала из Новопятницкого клада, который был обнаружен в окрестностях с. Новопятницкое Красноярского края, на берегу р. Рыбная (Макаров, Пискорский, 1988. Рис. 1; Макаров, 2012. Рис. 1, 1), на шиле-вкладыше ножа из дер. Метихово (МКМ², инв. № 3873), а также на поясной подвеске-костыльке из с. Анаш (МКМ³, инв. № 9223) (рис. 1, 1–3). Новопятницкий клад относительно информативен, несмотря на компактность набора предметов.

Животные изображены стоящими на прямых ногах (находка из с. Анаш) и расположены друг за другом (кинжал из с. Новопятницкое) либо в позе с подогнутыми под туловище ногами и повернутой назад головой (нож из дер. Метихово). Изображения баранов в целом характеризует единый набор иконографических признаков с незначительными вариациями передачи деталей. Эти скульптурные фигурки выполнены в так называемом минусинском стиле, который определяет сущность раннетагарского искусства — по Н. Л. Членовой (Членова, 1967. С. 155). Тело животного передано объемно, в частности, выделены

лопатка подтреугольной формы и округлый круп. Массивная голова поставлена горизонтально, морда — с незначительной горбинкой. Особенно примечательна у этой группы изображений передача рога. Объемные рога компактно закручены напротив глаз. Поверхность рогов гладкая, без акцентирования годичных колец. Глаза, уши и хвост не изображены. Несмотря на стилистическое единство изображений, можно отметить варианты передачи отдельных черт образа. Наиболее архаично по исполнению выглядит фигурка барана на костыльке из с. Анаш. В объемной скульптуре довольно отчетливо передан вид животного, акцентированный изображением небольшого рога. На кинжале из с. Новопятницкое и вкладыше ножа из дер. Метихово у фигурок баранов голова заканчивается крупным круглым отверстием или углублением с оконтуренным объемным валиком (вероятно, так переданы ноздри животных). Рельефными горизонтальными валиками проработаны ноги и копыта.

Тагарские предметы, декорированные изображениями баранов группы 1, кроме новопятницкого кинжала, происходят с правобережья р. Енисей северной части Минусинской котловины. Местонахождение Новопятницкого клада связано с территорией Канско-Рыбинской котловины (Макаров, Пискорский, 1988. С. 87–88; Макаров, 2012. С. 68–71), северо-восточным периферийным районом тагарской культуры.

Хронология изображений баранов группы 1 не выходит за пределы VIII(VII)–VI вв. до н. э. Основанием для данного заключения являются следующие данные. Новопятницкий клад с кинжалом, навершие которого украшено фигурками баранов, признан специалистами одновременным как по составу, так и по типу предметов. Н. П. Макаров и М. В. Пискорский относят клад к ранней стадии тагарской культуры и датируют его VII–VI вв. до н. э. (Макаров, Пискорский, 1988. С. 87–88). Раннюю дату кинжала подтверждают ярусные изображения кабанов на плоскости его рукояти в характерной позе «на цыпочках». По мнению многих исследователей, такое изображение животных характерно для искусства раннескифского времени (Грязнов, 1978. С. 228–229; Савинов, 1994. С. 126–127; Переводчикова, 1994. С. 92). Идентичные изображения кабанов украшают рукоять бронзового ножа из кургана 10 могильника Означенное, который датирован уже

² Авторы выражают глубокую признательность Минусинскому краеведческому музею им. Н. М. Мартянова за любезно предоставленную возможность использования в работе тагарских художественных изделий из фондов музея.

³ Из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова.

Рис. 1. Изображения баранов в декоре тагарских изделий: 1а, 1б — Новопятницкий клад (с. Новопятницкое) (Макаров, 2012. Рис. I, 1); 2а, 2б — дер. Метихово (МКМ, инв. № 3873); 3 — с. Анаш (МКМ, инв. № 9223); 4 — с. Борки (МКМ, инв. № 865); 5 — Минусинский край (Членова, 1967. Табл. 28, 6); 6 — Минусинский край (Там же. Табл. 34, 28); 7 — Минусинский округ (Завитухина, 1983. Кат. 48); 8 — д. Марьясово (МКМ, инв. № 9232); 9 — д. Иудино (современное с. Бондарёво) (МКМ, инв. № 9234); 10 — пос. гор. типа Курагино (Макаров, 2012. Рис. III, 8); 11 — Минусинский край (Завитухина, 1983. Кат. 47); 12 — с. Аскыз (Там же. Кат. 192); 13 — р. Кемчуг (Там же. Кат. 193); 14 — р. Ижкуль (МКМ, инв. № 9079); 15 — с. Колмаково (МКМ, инв. № 581); 16 — с. Уты (МКМ, инв. № 3960); 17 — Минусинский край (Членова, 1967. Табл. 34, 42); 18 — Минусинский край (Там же. Табл. 34, 43); 19 — Минусинский край (МКМ, инв. № 4262). Все — бронза. Без масштаба

Fig. 1. Representations of rams among decorations of artefacts of the Tagar culture: 1a, 1b — Novopyatnitskoye hoard (village of Novopyatnitskoye) (Макаров, 2012. Рис. I, 1); 2a, 2b — village of Metikhovo (МКМ, inv. no. 3873); 3 — village of Anash (МКМ, inv. no. 9223); 4 — village of Borki (МКМ, inv. no. 865); 5 — Minusinsk Krai (Членова, 1967. Табл. 28, 6); 6 — Minusinsk Krai (Ibid. Табл. 34, 28); 7 — Minusinsk District (Завитухина, 1983. Кат. 48); 8 — village of Maryasovo (МКМ, inv. no. 9232); 9 — village of Iudino (modern village of Bondaryovo) (МКМ, inv. no. 9234); 10 — urban community of Kuragino (Макаров, 2012. Рис. III, 8); 11 — Minusinsk Krai (Завитухина, 1983. Кат. 47); 12 — village of Askыз (Завитухина, 1983. Кат. 192); 13 — Kemchug River (Ibid. Кат. 193); 14 — Izhul River (МКМ, inv. no. 9079); 15 — village of Kolmakovo (МКМ, inv. no. 581); 16 — village of Uty (МКМ, inv. no. 3960); 17 — Minusinsk Krai (Членова, 1967. Табл. 34, 42); 18 — Minusinsk Krai (Ibid. Табл. 34, 43); 19 — Minusinsk Krai (МКМ, inv. no. 4262). All of bronze. Without scale

биджинским этапом тагарской культуры (Трифонов, 1974. С. 225–226, рис. 1, 4). Однако Д. Г. Савинов совершенно справедливо предложил рассматривать это изделие в качестве раритета (Савинов, 2002. С. 99). Подтверждением датировки, предлагаемой для изображений баранов группы 1, является время существования подобного типа тагарских кинжалов (Кулемзин, 1974. С. 28–29; Членова, 1992. С. 213). Кроме того, изобразительные особенности и приемы передачи образа барана можно проследить в изображении других видов животных в тагарском искусстве. По мнению исследователей, именно они определяют стиль ранне-тагарского искусства (Членова, 1967; Завитухина, 1983). Изложенное позволяет сделать вывод об архаичности изображений группы 1 и их редкости среди других зооморфных образов в ранний период развития тагарского искусства.

Возникновение в тагарском изобразительном творчестве изображений этой группы тесно связано с общей проблемой происхождения искусства звериного стиля скифского мира. Она — за рамками задач данной статьи. Однако обратим внимание на главную деталь изображения барана — рога животного. Они небольшие, объемные и закручены почти в один оборот на уровне глаза, причем так, что он как бы оказывается в центре описываемого круга. В какой-то степени изображение рога напоминает часть спирали. Априори можно заключить, что подобное оформление рогов при изображении баранов в искусстве раннего железного века — редкость и характерно исключительно для раннескифского времени. Н. Л. Членова обратила внимание на такую форму рогов при описании изображения барана из дер. Метихово (Членова, 1967. С. 117, 121). В рамках собственных взглядов на проблему происхождения звериного стиля тагарской культуры она предположила, что истоки этого элемента находятся в кобанских изображениях баранов Кавказа и в искусстве карасукской культуры. Для подтверждения связи с карасукской культурой Н. Л. Членова привела изображение головы барана на рукояти ножа эпохи бронзы из с. Беллык (Там же. С. 129).

На истоки этой характерной формы рогов указывает также изображение барана на ноже из погребения, раскопанного А. Н. Липским в г. Абакан, которое он отнес к карасукской культуре (Липский, 1949. С. 76–86, рис. 28, 3). В связи с новой трактовкой древностей, предшествующих тагарской культуре, которая представлена

в исследованиях А. В. Полякова и И. П. Лазаретова, эти два ножа следует относить к заключительному этапу поздней бронзы или переходному времени к раннему железу (Поляков, 2006; Лазаретов, 2006). У изображений животных на ноже из погребения в г. Абакан и ноже, обнаруженном в с. Беллык, длинные узкие и немного загнутые вниз морды, а небольшие рога закручены подобно тагарским в компактное объемное кольцо в области глаз (рис. 2, 3, 4).

Небезынтересно то, что такую же манеру изображения рогов можно проследить в искусстве более раннего времени. Близкой аналогией и географически, и стилистически является каменный жезл со скульптурным изображением головы барана из могильника Шипуново V Мамонтовского района Алтайского края (Кирюшин, Иванов, 2001. С. 51, рис. 2) (рис. 2, 5). Погребение, в котором он был найден, исследователи относят к елунинской культуре эпохи ранней бронзы. Хронологически и по эпохальным материальным компонентам елунинская культура входит в круг археологических культур сейминско-турбинского времени. В связи с шипуновской находкой уместно вновь обратиться к композиции «идущих друг за другом животных», в частности баранам на навершии рукояти новопятницкого кинжала. По мнению Д. Г. Савинова, такая композиция характерна для раннего этапа развития искусства культур скифского мира (Савинов, 2000. С. 59–60). Кроме композиционного построения имеется сходство позы, постановки ног и головы животных в декоре наверший бронзовых ножей сейминско-турбинского типа с изображениями на тагарском кинжале. Навершие рукояти ножа из Сеймы украшено скульптурной группой следующих друг за другом лошадей, а ножа из Турбино II — фигурами трех баранов (Бадер, 1961. Рис. 47; 1970. Рис. 3, 5). В одной из работ авторы уже рассматривали композицию на новопятницком кинжале с точки зрения реминисценции сейминско-турбинской изобразительной традиции в тагарском искусстве (Бобров, Моор, 2011. С. 70–71). Идея сохранения компонентов изобразительной традиции в разных хронологических горизонтах «карасукская эпоха — тагарская культура» или «сейминско-турбинская традиция — карасукская эпоха — тагарская культура (возможен более широкий вариант — восточный ареал культур скифского времени)» представлена в специальной литературе (Савинов, 2000; Парцингер, 2000).

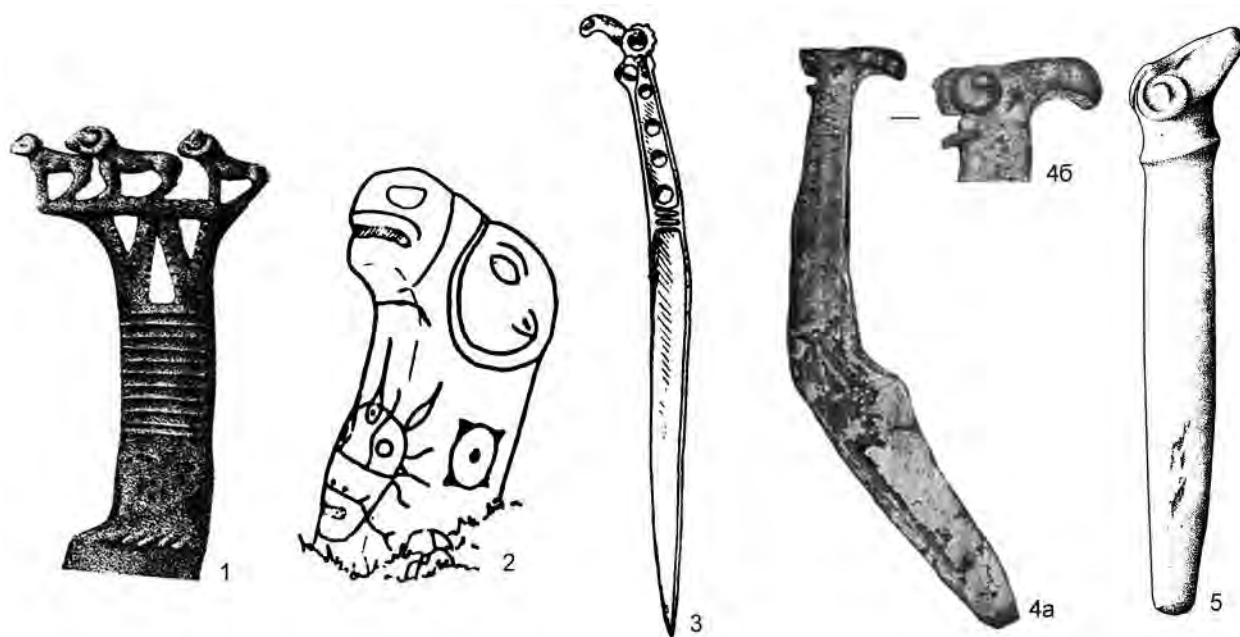

Рис. 2. Изображения баранов эпохи бронзы: 1 — Турбино II (Бадер, 1970. Рис. 113); 2 — в 3 км от улуса Верхне-Биджинский (Грязнов, Шнейдер, 1929. Табл. V, 45); 3 — могильник Абакан, могила 1 (Липский, 1949. Рис. 28, 3); 4а, 4б — с. Беллык (МКМ, инв. № 1374); 5 — могильник Шипуново V (Кирюшин, Иванов, 2001. Рис. 2). 1, 3, 4 — бронза; 2 — красный песчаник, 5 — камень. Без масштаба

Fig. 2. Bronze Age representations of rams: 1 — Turbino II (Бадер, 1970. Рис. 113); 2 — three km from the ulus Verkhe-Bidzhinsky (Грязнов, Шнейдер, 1929. Табл. V, 45); 3 — cemetery of Abakan, grave no. 1 (Липский, 1949. Рис. 28, 3); 4а, 4б — village of Bellyk (МКМ, inv. no. 1374); 5 — cemetery of Shipunovo V (Кирюшин, Иванов, 2001. Рис. 2). 1, 3, 4 — bronze; 2 — red sandstone, 5 — stone. Without scale

Изображения баранов группы 2 украшают разнообразные изделия: кинжалы, ножи, чеканы, ворворки, зеркала, пряжки и бляхи (рис. 1, 4–19). Данная группа сменила раннетагарские изображения, получив, видимо, распространение в более позднем искусстве, по крайней мере в количественном отношении они преобладают. Именно они демонстрируют значительную близость изображениям барана, получившим широкое распространение уже в развитом искусстве эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая. Тагарские предметы, украшенные изображениями баранов группы 2, распространены на более широкой территории по сравнению с изделиями, декорированными изображениями группы 1. Они обнаружены по обоим берегам р. Енисей по линии север-юг, причем их большая часть локализована в Минусинской котловине (рис. 3). Судя по всему, они практически не получили распространения в периферийных районах ареала тагарской культуры.

Среди группы 2 преобладают изображения головы барана, а целые фигуры представлены стоящими или лежащими животными с подогнутыми

под туловище ногами. Техника передачи образа — уплощенная скульптура или барельеф, хотя отдельные элементы переданы в технике, напоминающей гравировку. Несмотря на отдельные особенности воплощения образа барана, эта группа в своей основе представлена единым иконографическим набором. Изображения отличаются относительно реалистичной трактовкой внешнего вида животного. Верхняя линия морды, как правило, прямая, редко передана горбоносость. Ноздри показаны незначительными углублениями. Глаз круглый или каплевидной формы, выделен тонким рельефным ободком. Нередко рельефом выделен маленький зрачок. Приоткрытый рот животных оформлен в виде каплевидного углубления. Как правило, для этой группы изображений характерно ухо округлой, реже подтреугольной формы, с углублением внутри. Однако наиболее показательна передача рога животных. Мощный крутоизогнутый рог с рельефными насечками окаймляет голову баранов своеобразной округлой рамкой, а его окончание лежит в области между глазом и ноздрями животных.

Так передан рог в изображениях баранов на предметах, обнаруженных в Минусинском крае (Членова, 1967. Табл. 34, 28; Завитухина, 1983. Кат. 47, 48), в населенных пунктах — д. Марьясово (МКМ, инв. № 9232), д. Иудино (совр. с. Бондарёво) (МКМ, инв. № 9234), пос. гор. типа Курагино (Макаров, 2012. Рис. III, 8), с. Аскыз (совр. с. Аскиз) (Завитухина, 1983. Кат. 192), в устье р. Кемчуг (Завитухина, 1983. Кат. 193), на р. Ижугль (МКМ, инв. № 9079) (рис. 1, 6–14).

К группе 2 относятся еще пять изображений баранов, украшающих рукояти тагарских бронзовых ножей и чекан в композиции с орнитоморфной фигуркой, которые были найдены у с. Уты (МКМ, инв. № 3960), в Минусинском крае (Членова, 1967. Табл. 34, 42–43; МКМ, инв. № 4262), в окрестностях с. Колмаково (МКМ, инв. № 581). Особенность этих изображений заключается в роге, переданном в виде широкой дуги, конец которого упирается в основание уха животных (рис. 1, 15–19).

Подобные изображения типичны для искусства культур скифского времени Саяно-Алтая. Изображения группы 2 находят прямые аналогии в предметах изобразительного творчества из погребальных комплексов Тувы и Алтая: Туран IV, курган 121, Чинге, курган 22, Суглуг-Хем I (Килуновская, 1994. Рис. 1, 31, 38; Килуновская, Леус, 2017. Рис. 2, 2), Первый Пазырыкский курган (Грязнов, 1950. Табл. VI; XXI; Руденко, 1953. Табл. XXXIV, 1–2; СХII), Второй Пазырыкский курган (Руденко, 1948. Табл. II), Второй Башадарский курган (Руденко, 1960. Табл. L, 4, 5), Уландрык III, курган 4 (Кубарев, 1987. Табл. LXII, 12) и др.

Вариантом изображений баранов группы 2 является исполнение головы животного в декоре навершия и перекрестия кинжала, обнаруженного в окрестностях с. Борки (МКМ, инв. № 865) и на навершии фрагментарно сохранившегося кинжала из Минусинского края (Членова, 1967. Табл. 28, 6) (рис. 1, 4–5). Траптовка головы животного условно реалистична и соответствует признакам изображений баранов группы 2, однако сам рог тонкий, тесно примыкает к глазу, как бы оконтуривая его, концом упирается в область между глазом и ноздрями. Рог декорирован рельефными насечками.

В связи с охарактеризованной манерой изображения рога барана на представленной серии тагарских предметов вновь обратимся к фигуркам баранов на ноже из Турбино II (рис. 2, 1).

Рис. 3. Карта распространения тагарских изделий, декорированных изображениями баранов: 1 — с. Новопятницкое; 2 — дер. Метихово; 3 — с. Анаш; 8 — д. Марьясово; 9 — д. Иудино (совр. с. Бондарёво); 10 — пос. гор. типа Курагино; 12 — с. Аскыз (совр. с. Аскиз); 13 — р. Кемчуг; 14 — р. Ижугль; 15 — с. Колмаково; 16 — с. Уты (а — нумерация местонахождения предметов дана в соответствии с рис. 1). На карте не показаны: 4 — с. Борки; 5, 6, 11, 17–19 — Минусинский край; 7 — Минусинский округ

Fig. 3. Map of distribution of Tagar objects decorated with representations of rams: 1 — village of Novopyatnitskoye; 2 — village of Metikhovo; 3 — village of Anash; 8 — village of Maryasovo; 9 — village of Iudino (modern village of Bondaryovo); 10 — urban community of Kuragino; 12 — village of Askiz (modern village of Askiz); 13 — Kemchug River; 14 — Izhul River; 15 — village of Kolmakovo; 16 — village of Uty (a — findspots of the objects are numerated as in Fig. 1). Not shown on the map: 4 — village of Borki; 5, 6, 11, 17–19 — Minusinskij kraj; 7 — Minusinskij okrug

По нашему мнению, идентичность в изображении рога достаточно очевидна. Если обратиться к источникам из Минусинского края, то аналогично передан рог на изваяниях с головой барана, обнаруженных близ Усть-Бюрского и Верхне-Биджинского улусов (Грязнов, Шнейдер, 1929. Табл. V, 41, 45) (рис. 2, 2). Исследователи связывали подобные изваяния с карасукской, андроновской или окуневской археологической культурой, однако так или иначе они относятся к эпохе бронзы.

В заключение можно представить следующие выводы. Во-первых, в реестре образов, составляющих основу искусства звериного стиля евразийских культур скифского мира, только в изображении

барана в большей степени выражена линия сохранения традиции от сейминско-турбинского времени через пластику поздней бронзы, а точнее переходного времени, к раннему железному веку. Небезынтересно, что вывод продиктован результатом анализа тагарских древностей, которые постоянно находятся в центре решения ключевых проблем изучения истории ранних кочевников, в том числе искусства. Во-вторых, выделенные две группы изображений представляют тенденцию внутреннего развития и стилистические изменения в создании образа барана, которые

приобретают общий характер для искусства культур Южной Сибири и северных районов Центральной Азии. На этом этапе сейминская традиция устойчиво сохраняется. В-третьих, представлены два иконографических приема изображения рогов, которые имеют один общий исток. Зоологическая справочная литература позволяет заключить, что их прообраз связан с разными видами горного барана. Наконец, можно полагать, что образ этого животного имел неординарный смысл в духовной и социальной сферах, несмотря на скромное место в пантеоне тагарского искусства.

- Бадер, 1961 — Бадер О. Н. Второй турбинский могильник // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 108–113.
- Бадер, 1970 — Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Бобров, Моор, 2011 — Бобров В. В., Моор Н. Н. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова / Ред. кол. В. В. Бобров, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Тр. САИПИ; Вып. VII). С. 70–76.
- Бобров, Моор, 2018 — Бобров В. В., Моор Н. Н. Мелкая художественная пластика в качестве декора оружия и ножей тагарской культуры // Очерки первобытного искусства южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха): Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбасский региональный ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2018. С. 6–66.
- Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Грязнов, 1978 — Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень (этюда на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 222–232.
- Грязнов, Шнейдер, 1929 — Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л.: Изд-во ГРМ, 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.
- Завитухина, 1983 — Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Килуновская, 1994 — Килуновская М. Е. Производство мелкой пластики скифского времени из Тувы // Памятники древнего и средневекового искусства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994 (Проблемы археологии; Вып. 3). С. 109–123.
- Килуновская, Леус, 2017 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Искусство конца I тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 87–105.
- Кирюшин, Иванов, 2001 — Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2001. С. 43–52.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кулемзин, 1974 — Кулемзин А. М. Об эволюции тагарских кинжалов // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1974. Вып. 5. С. 27–36.
- Лазаретов, 2006 — Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2006. 34 с.
- Липский, 1949 — Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии // КСИИМК. М.; Л.: Наука, 1949. Вып. XXV. С. 78–86.
- Макаров, Пискорский, 1988 — Макаров Н. П., Пискорский М. В. Новопятницкий клад // Проблемы археологии Северной Азии: Тезисы конф. Чита: б. и., 1988. С. 87–88.
- Макаров, 2012 — Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология южной Сибири. Вып. 26: К 80-летию А. И. Мартынова / Отв. ред. О. С. Советова. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 2012. С. 68–76.
- Парцингер, 2000 — Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография, антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66–75.

- Переводчикова*, 1994 — *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
- Поляков*, 2006 — *Поляков А. В.* Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2006. 26 с.
- Руденко*, 1948 — *Руденко С. И.* Второй пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с.
- Руденко*, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко*, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Савинов*, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов*, 2000 — *Савинов Д. Г.* Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Спец. выпуск, посв. 70-летию В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омского ГУ, 2000. С. 179–187.
- Савинов*, 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культуругенез). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Трифонов*, 1974 — *Трифонов Ю. И.* Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 225–226.
- Членова*, 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова*, 1992 — *Членова Н. Л.* Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 206–224.

About one “unpopular” zoomorphic image in the Tagar metalloplastics

V. V. Bobrov, N. N. Moor⁴

Keywords: early art, Scythian World, Tagar culture, animal style, artistic metalloplastics, figurative tradition, Seima-Turbino period.

In the art of the Tagar culture on the middle Yenisey, there are found rather rare representations of moufflons. About twenty representations are known in the form of figurines or separate heads of the animal decorating bronze daggers, knives, pendants, mirrors, plaques, buckles, miniature harness suspensions. Iconographic and stylistic analysis has distinguished two groups of the representations. One of the criteria for discriminating the groups was the shape of the horns. The first group (Fig. 1, 1–3) is characteristic of the early stage of the Tagar culture (8th/7th – 6th century BC), the second group (Fig. 1, 4–19) is dated to its advanced period and became widely distributed in the art of cultures of the Scythian period of South Siberia and northern regions of Central Asia. By contrast to other zoomorphic and ornitomorphic figures of the Animal Style art of the early nomads of Eurasia, only representations of a ram and a horse are of the early age rooted in the art of the Seima-Turbino metalloplastics. In the present study the question is posed as to the origins of the animal style in the eastern regions of the Scythian world and the conclusion is drawn about the preservation of only iconographic elements of the artistic tradition of the period of the early Bronze Age of Eurasia. It also has been concluded about its continuity from the autochthonous art of the Final Bronze Age and the period transitional to the Early Iron Age on the Middle Yenisey.

⁴ Vladimir V. Bobrov — Federal State Budget Scientific Institution The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 10 Leningradskij pr., Kemerovo, 650000, Russia; Kemerovo State University; 6 ul. Krasnaya, Kemerovo, 650065, Russia; e-mail: klae@kemsu.ru. Natalia N. Moor — Kemerovo State University; 6 ul. Krasnaya, Kemerovo, 650065, Russia; e-mail: archaeology@kemsu.ru.

Случайная находка из Южной Сибири и художественная бронза постскифских комплексов Тувы¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. Среди предметов искусства конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. особое место занимают поясные пластины из бронзы с зооморфными изображениями или геометрическими композициями, свидетельствующими о творческом переосмыслении традиций скифского времени. Повсеместное распространение этих предметов в центральноазиатском регионе принято связывать с возникновением племенного объединения хунну. Среди них выделяется небольшая серия предметов, иконография которых позволяет соотнести их с художественной традицией сяньбэйских племен и рассматривать как культурно-хронологические маркеры для комплексов первых веков новой эры Забайкалья, Монголии, Саяно-Алтая и Южной Сибири.

Ключевые слова: хунну, сяньбэй, Тува, Южная Сибирь, постскифское время, художественная бронза, пряжки с единорогом.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-228-234

В 1931 г. из фондов Русского археологического общества на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж была передана археологическая коллекция Иннокентия Петровича Кузнецова-Красноярского. Определить точно, откуда происходят вещи, составляющие это собрание, нельзя. Однако достаточно уверенно можно говорить о том, что большинство из них было найдено на территории Среднего Енисея. В числе прочих в состав коллекции входит небольшая бронзовая пряжка длиной 6,7 см. Один ее край, шириной 4,2 см, скруглен, имеет шпенек и прорезь овальной формы 0,7 × 1,7 см на противоположном крае, шириной 3,5 см, проделаны три отверстия диаметром 0,6 см, на лицевой стороне изображен крылатый конь (рис. 1, 1).

В 1980 г. пряжка была опубликована М. А. Дэвлет в своде ажурных поясных пластин, происходящих

с территории Южной Сибири (Дэвлет, 1980. С. 13, рис. 5, 3). Однако в отличие от подавляющего большинства представленных в публикации находок пряжка из собрания И. П. Кузнецова-Красноярского не является «ажурной». Следует также отметить, что из всех пластин, представленных в работе М. А. Дэвлет, крылатый конь изображен только на ней. На остальных пластинах и пряжках, включенных в свод, воспроизведены сюжеты и образы, часть из которых встречает аналогии на хуннских художественных бронзах Монголии и Забайкалья. На момент издания работы М. А. Дэвлет пряжек, сопоставимых с пряжкой из коллекции И. П. Кузнецова-Красноярского, в хуннских комплексах известно не было. В Монголии похожие вещи были опубликованы в каталоге частной коллекции в 2011 г. (The sword of Heaven..., 2011. P. 386–387, № 381; P. 388, № 381a). В Забайкалье сопоставимые пряжки были обнаружены в погребении 52 могильника Енхор в 1985 г. (Коновалов и др., 2018. С. 67, рис. 2, 1–6). Забайкальские и монгольские пряжки отлиты из бронзы и лишены какой-либо «ажурности» в декоративном оформлении. Один их край скруглен, как у экземпляра из коллекции И. П. Кузнецова-Красноярского. Изображения на пряжках выполнены в высоком рельефе и стилистически

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru.

идентичны, однако на пряжках из могильника Енхор изображена бегущая лошадь, а на монгольских экземплярах — похожее на лошадь крылатое существо. Две пряжки, аналогичные монгольским, в 1924 г. были куплены Фондом Флетчера и находятся в собрании музея Метрополитен (*Nomadic Art...*, 2002. Р. 115, № 85). Первые находки таких пряжек в закрытых комплексах были сделаны в погребениях могильника Чжалайнор на северо-востоке Китая (*Чжэн Лун*, 1961. С. 17, рис. 4, 1, 3). В дальнейшем представительная серия подобных изделий была найдена на могильнике Лаохэшень (*Худяков и др.*, 1999. С. 166, рис. 1; 167, рис. 2). В комплексах за пределами Китая и Забайкалья пряжки с изображением бегущей лошади и крылатого существа были найдены на могильнике Аймырлыг XXXI в Туве (*Стамбульник*, 1983. С. 38, рис. 2; 39; *Николаев*, 2012. С. 122, № 336, 342) (рис. 1, 2, 3).

Коллизия заключается в том, что к хуннской художественной традиции эти вещи, видимо, не имеют никакого отношения. Считается, что могильник Лаохэшень был оставлен племенами сяньбэй, противниками и политическими преемниками хунну в степях Центральной Азии. «Одним из аргументов в пользу сяньбэйской атрибуции могильника Лаохэшень является обнаружение шести позолоченных бронзовых пряжек с изображением крылатого коня-единорога» (*Комиссаров*, 1996. С. 26). Следует отметить, что во всех зафиксированных случаях крылатые существа отличаются от лошадей формой морды, наличием рога, крыльев, шпор, гривы и хвоста (или хвостов). На изображениях лошадей почему-то отсутствуют не только признаки единорогов, но также грива и хвост. В отличие от лошадей, передние ноги единорогов вытянуты вперед, а задние поджаты. Возможно, они изображены в прыжке или летящими. С. А. Комиссаров отметил, что по мнению китайских исследователей на пряжках с единорогом изображен мифический «благовещий зверь» сяньбэй (*Там же*. С. 26). Атрибутирование этих предметов как культурно-хронологических маркеров вещевого комплекса сяньбэйских племен в среде китайских археологов сомнения не вызывает (*Юй Су-Хуа*, 2006. С. 16, 19).

Сяньбэйские параллели образу крылатого коня на пряжке из собрания И. П. Кузнецова-Красноярского первой отметила Е. А. Миклашевич. Она обратила внимание на то, что «кроме изображения крылатых единорогов, на поясных пластинах

встречаются и изображения крылатого коня. Одна из таких пластин найдена в Минусинской котловине... форма изделия, стиль и иконография изображения коня аналогичны сяньбэйским пряжкам с единорогом» (*Миклашевич*, 2004. С. 323). Действительно, несмотря на отсутствие рога и шпор, конь на минусинской находке копирует единорога. Подобно единорогу он изображен крылатым, летящим, с гривой и хвостом (рис. 1, 1). Вместе с тем изображение на пряжке, безусловно, связанное с сяньбэйской художественной традицией, все-таки является для нее атипичным. Мастер, отливший эту вещь, несомненно, видел оригинальное изделие, но, видимо, подошел к делу творчески. Он не использовал образец в качестве клише, по оттиску которого можно было бы изготовить копию. В результате на пряжке оказался изображен не единорог, а крылатый конь, персонаж чужеродный как для местной, так и сяньбэйской культурной традиции. Впрочем, не исключено, что литейщику просто не хватило мастерства или он не сумел «прочитать» изображение единорога на пряжке, которую использовал, в качестве образца. Возможно, что он проигнорировал не принципиальные на его взгляд детали, или для них просто не хватило места на заготовке. Поэтому появление пряжки с крылатым конем из коллекции И. П. Кузнецова-Красноярского, скорее всего, было обусловлено случайностью. Однако в культурно-историческом аспекте ее следует рассматривать в контексте сяньбэйских древностей.

Территориально ближайшая аналогия пряжке из собрания И. П. Кузнецова-Красноярского происходит из погребения 154 могильника Аймырлыг XXXI (рис. 1, 3). Следует отметить, что помимо этой пластины, а также пластины с изображением бегущей лошади (рис. 1, 2) (погребение 57) в Аймырлыге XXXI было сделано еще несколько заслуживающих внимания находок. В погребении 65 была зафиксирована маленькая нашивная бляшка с фигуркой оленя. Две аналогичные бляшки (рис. 1, 8, 9) входили в состав поясного набора из погребения 156, где также были найдены две детали поясной фурнитуры (прорезные подвесные бляхи), украшенные стилизованным растительным орнаментом (или стилизованным изображением рогов) (рис. 1, 6, 7), и две большие пряжки с фигурами оленей, стоящими друг напротив друга (рис. 1, 4, 5) (*Николаев*, 2012. С. 122, № 336, № 339, № 342–345; 130).

Рис. 1. Предметы поясной фурнитуры, выполненные в сяньбэйской художественной традиции: 1 — Минусинская котловина, случайная находка, пряжка с изображением крылатого коня; 2–9 — Тува, могильник Аймырлыг XXXI: 2 — поясная пластина (пряжка) с изображением бегущей лошади (погребение 57), 3 — поясная пластина (пряжка) с изображением крылатого единорога (погребение 154), 4, 5 — поясные пластины (пряжки) с изображением оленей (погребение 156), 6, 7 — подвесные пластины (?) со стилизованным растительным (?) орнаментом (погребение 156), 8, 9 — нашивные бляшки с изображением оленя (погребение 156). 1–9 — бронза

Fig. 1. Items of the belt fittings made in the Xianbei artistic tradition: 1 — Minusinsk hollow, stray find, buckle with a representation of a winged horse; 2–9 — Tuva, cemetery of Aymyrlyg XXXI: 2 — belt plate (buckle) with a representation of a running horse (burial 57), 3 — belt plate (buckle) with a representation of a winged unicorn (burial 154), 4, 5 — belt plates (buckles) with representations of deer (burial 156), 6, 7 — suspension plates (?) with a stylised vegetative (?) design (burial 156), 8, 9 — sewn-on plaques with a representation of a deer (burial 156). 1–9 — bronze

Аналогии пластинам-пряжкам из погребения 156 в комплексах сяньбэй нам неизвестны, а вот идентичная тувинской «прорезная подвесная бляха» была зафиксирована в материалах могильника Лаохэшень (Худяков и др., 1999. С. 167, рис. 2) (рис. 1, 6, 7). Еще одна такая находка была сделана в погребении 7 таштыкского могильника Салбык в Минусинской котловине (Вадецкая, 1999. С. 33, рис. 15, 12; 235). Помимо этого, с «подвесными бляхами» из погребения 156 могильника Аймырлыг XXXI сопоставимы детали поясного набора, опубликованного в каталоге частной коллекции в 2011 г. Местом находки считается Южно-Гобийский аймак Монголии. Следует отметить, что на представленной в каталоге реконструкции пояса одним из элементов его декоративного убранства являются маленькие нашивные бляшки с фигурками оленя, аналогичные тувинским (The sword of Heaven..., 2011. P. 388–389, № 381a). Практически полная аналогия поясному набору из Южно-Гобийского аймака была встречена в упоминавшемся погребении 52 могильника Енхор в Бурятии (Западное Забайкалье). Помимо ранее отмеченных поясных пряжек здесь была встречена небольшая округлая пластина с обломанным верхним краем, в которой проделано два отверстия. Пластинку, как и поясные пряжки, украшало изображение бегущей лошади, выполненное в высоком рельефе. Здесь также были найдены нашивные бляшки с фигурками оленя и «подвесные бляхи» со стилизованным орнаментом, идентичные тем, что были опубликованы в составе поясного набора из Южной Монголии (Коновалов и др., 2018. С. 67, рис. 2, 1–6). Вещи, сопоставимые с хуннскими художественными бронзами, в составе сопроводительного инвентаря погребения 52 могильника Енхор не упоминаются (Там же. С. 64–75). Кроме Енхора бляшки с оленями были найдены на могильнике Кия-13 в Восточном Забайкалье (Ковычев, 2006. С. 248, рис. 3, 18, 19). Это один из могильников, расположенных на северо-восточной периферии ареала распространения хуннских памятников, которые рассматриваются исследователями как принадлежащие собственно хунну (Там же. С. 247). Данный вывод основывается на результатах анализа погребальной обрядности и предметах сопроводительного инвентаря (Там же. С. 246, рис. 2; 248, рис. 3). Вместе с тем аналогии нашивным бляшкам с изображением оленя (рис. 1, 8, 9) из Аймырлыга XXXI встречены не только в комплексах Енхора и Кии-13.

Они зафиксированы в составе поясных наборов сяньбэйского могильника Лаохэшень (Худяков и др., 1999. С. 167, рис. 2).

Изображения на бляшках с оленями, крупных пряжках и деталях поясной фурнитуры из Аймырлыга XXXI (рис. 1, 2–9), Енхора, Кии-13 и Лаохэшения выполнены в одной стилистической манере. Иконография и декоративное оформление этих вещей, в отличие от художественных бронз хуннской эпохи, отличаются определенным лаконизмом. Примечательно, что на могильнике Аймырлыг XXXI не зафиксировано ни одного изделия, сопоставимого с художественными бронзами, появление которых в степях Центральной Азии традиционно связывают с распространением хуннских культурных традиций. Поскольку аналогии забайкальским и тувинским предметам торевтики происходят из памятников сяньбэй, перечисленные изделия можно рассматривать как культурно-хронологические маркеры для комплексов Забайкалья, Монголии, Саяно-Алтая и Южной Сибири первых веков новой эры.

В 1965 г. в Туве во впускном погребении кургана 1 могильника Урбюн III была найдена поясная пластина-пряжка «с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона». Ее ближайшие аналогии были отмечены в Ордосе и хуннских комплексах Забайкалья, где, возможно, эта вещь и была изготовлена (Савинов, 1969. С. 104–108; Миняев, 1980. С. 30; Длужневская, Савинов, 2007. С. 67). В последние десятилетия, благодаря исследованиям, начатым на могильниках Терезин и Ала-Тей I, тувинская серия художественных бронз стала гораздо представительнее. Она пополнилась несколькими ажурными пряжками и деталями поясной фурнитуры с зооморфными и геометрическими изображениями (Леус, Килуновская, 2017. С. 96, рис. 4, 1–11, 15–18, 21). Из числа тувинских находок в хуннских комплексах Забайкалья находят аналогии пряжка со сценой борьбы дракона с двумя тиграми и пряжка с изображением кусающихся лошадей. Помимо этого пряжка с кусающимися лошадьми встречена в одном из погребений могильника Даодуньцзы в Китае. На этом же памятнике был найден обломок пряжки с изображением двух верблюдов, сопоставимый с находкой из Ала-Тей I (Леус, Бельский, 2016. С. 100, рис. 8; Килуновская, Леус, 2018. С. 136, 139, 138, рис. 11, 2, 9; Давыдова, Миняев, 2008. С. 55, рис. 47; 68, рис. 64; 69, рис. 65; 70, рис. 66; 101, рис. 105; У Энь и др., 1990. С. 94, 95, рис. 9, 3, 6). Среди

случайных находок, сделанных на Иволгинском могильнике, есть пряжка с изображением четырех извивающихся змей, аналогичная пряжке из Терезина (Килуновская, Леус, 2018. С. 138, рис. 11, 9; Давыдова, Миняев, 2008. С. 98, рис. 100). Пластины с аналогичными сюжетами, включая экземпляры из хуннских комплексов, представлены в своде М. А. Дэвлет (*Дэвлет*, 1980, С. 6, рис. 1, 8, 9; 44, табл. 8; 45, табл. 9, 31, 32, 34, 39, 40; 46, табл. 10, 33, 35–37; 47, табл. 11, 43, 45; 48, табл. 12, 44; 49, табл. 13; 50, табл. 14; 51, табл. 15, 61, 62). Помимо этого, в материалах, опубликованных М. А. Дэвлет, есть аналогии ажурным пряжкам из Терезина и Ала-Тея I, не зафиксированные в хуннских памятниках (*Дэвлет*, 1980. С. 6, рис. 1, 1, 5, 7; 20, рис. 10; 37, табл. 1, 1, 4; 38, табл. 2; 39, табл. 3; 40, табл. 4; 41, табл. 5; 42, табл. 6; 51, табл. 15, 63, 64, 66; 52, табл. 16; 53, табл. 17, 69, 72–75, 77).

Особый интерес представляют пряжки с противостоящими яками, которые в основном известны по материалам сборов в Минусинской котловине (*Дэвлет*, 1980. С. 37, табл. 1, 1, 4; 38, табл. 2; 39, табл. 3; 40, табл. 4; 41, табл. 5; 42, табл. 6). М. Е. Килуновская и П. М. Леус упоминают только одну находку такой пряжки из комплекса за пределами Саяно-Алтая. Она происходит из могильника времен ранней Хань на территории Манчжурии (Килуновская, Леус, 2017. С. 97). В хуннских материалах Забайкалья такие пряжки не выявлены. В Монголии, скорее всего, также известны только случайные находки (*The sword of Heaven...*, 2011. P. 376, № 374; *Brosse-der*, 2011. P. 370, fig. 18; 418–419). Таким образом, на данный момент тувинские пряжки с изображением противостоящих яков составляют самую представительную серию находок этой группы, происходящую из закрытых комплексов.

Можно также отметить ажурную пряжку с головой быка, композиция которой, по мнению авторов раскопок, напоминает пряжку из Дыре-стуйского могильника (Леус, Килуновская, 2017. С. 98; Миняев, 1998. Табл. 118). Отдаленная аналогия тувинской находке представлена в своде М. А. Дэвлет (*Дэвлет*, 1980. С. 8, рис. 3, 9).

Уникальной является круглая пряжка, украшенная шестью головами грифонов (Леус, Бельский, 2016. С. 100, рис. 6, 3; Килуновская, Леус, 2018. С. 139, рис. 12, 2; 141).

Неизвестны в хуннских комплексах найденные на Терезине две бляшки с изображенными анфас головами двух яков и бляшки «с волюто-

образным орнаментом или девятью полусферами» (Килуновская, Леус, 2018. С. 142, рис. 14, 3–6). Кроме того, у хунну не отмечены случаи украшения поясов бронзовыми имитациями раковин каури — как правило, их делали из речных раковин или глинистого известняка (Килуновская, Леус, 2018. С. 142, 143, рис. 15, 2–6; Давыдова, 1996. С. 21, табл. 24, 7; 29, 29; 73, 13, 15; Миняев, 1998. Табл. 100, 17–19).

Из других тувинских находок поясной фурнитуры аналогии в хуннских материалах встречаются простые и ажурные кольца, ложечковидные окончания ремней, «пуговицы» и колокольчики (Леус, Бельский, 2016. С. 95, рис. 2, 2; 100, рис. 6, 5, 11; Килуновская, Леус, 2018. P. 58, fig. 17, 9, 11, 12, 16; Килуновская, Леус, 2018. С. 144, рис. 16, 4, 5, 6, 8–12, 14; Миняев, 1998. Табл. 3, 4, 5, 9, 10; 29, 6; 63, 4, 5; 80, 4–7, 10, 11; 84; 91, 7, 8; 93, 2, 3).

Этот перечень можно дополнить фрагментом нашивной бляшки с изображением лошади с подогнутыми ногами (Килуновская, Леус, 2018. С. 138, рис. 11, 10). Аналогия ей известна в могильнике Даодуньцзы (*У Энь и др.*, 1990. С. 95, рис. 10, 7). Помимо этого, здесь же была найдена бляшка, напоминающая «прямоугольные шести-лучевые бляшки» из Терезина и Ала-Тея I (Килуновская, Леус, 2018. С. 142, рис. 16, 1, 2; *У Энь и др.*, 1990. С. 96, рис. 11, 10).

Изучение состава металла бронзовых изделий могильника Терезин позволило сделать вывод, что все они имеют местное происхождение (Хаврин, 2016. С. 107). Несмотря на то что не все ажурные пряжки, детали фурнитуры и декоративные элементы поясных наборов, происходящие из Терезина и Ала-Тея, известны по материалам хуннских комплексов, их объединяет одна общая особенность. Иконография и стиль этих изделий характерны для художественных бронз, широкое распространение которых связано с формированием культурного пространства, обусловленного возникновением племенного объединения хунну. Художественные бронзы из Терезина и Ала-Тея I аналогий и параллелей в материалах Аймырлыга XXXI не находят.

Объяснить появление сяньбэйских пластин-пряжек и элементов поясных наборов в могильнике Аймырлыг XXXI можно событиями 90-х гг. I в. н. э. Согласно китайской летописной традиции, после разгрома северных хунну и бегства части из них вместе с шаньюем земли хуннских владений занимают племена сяньбэй. «Оставшиеся

роды хунну, которые все еще насчитывали свыше ста тысяч юрт, стали называть себя сяньбийцами» (*Таскин*, 1984. С. 71). Изменение политических и социальных реалий не могло не отразиться на престижных и иерархически значимых вещах, к числу которых относились пояса и детали фурнитуры, используемые в их украшении. Именно поэтому в материалах постскифских

могильников Центральной Тувы, расположенных на расстоянии нескольких километров друг от друга, представлены изделия торевтики, связанные с различными художественными традициями. Эти вещи позволяют хронологически дифференцировать данные памятники и рассматривать их появление в контексте различных исторических событий.

- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Давыдова*, 1996 — *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып 2). Т. 2: Иволгинский могильник. 176 с.
- Давыдова, Миняев*, 2008 — *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Художественная бронза хунну. СПб.: Изд. дом «ГАМАС», 2008. 120 с.
- Длужневская, Савинов*, 2007 — *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 198 с.
- Дэвлет*, 1980 — *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980 (САИ; Вып. Д 4-7). 66 с.
- Килуновская, Леус*, 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы Улуг-Хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Ковычев*, 2006 — *Ковычев Е. В.* Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // ИЛДТ ИрННТУ. Иркутск: Изд-во ИЛДТ ИрННТУ, 2006. Вып. 4. С. 242–258.
- Комиссаров*, 1996 — *Комиссаров С. А.* Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады / Отв. ред. А. И. Кобзев. М.: ИВ РАН, 1996. С. 24–28.
- Коновалов и др.*, 2018 — *Коновалов П. Б., Базаров Б. А., Именохоев Н. В., Миягашев Д. А.* Поясная фурнитура из Енхорского хуннского могильника (р. Джида, Республика Бурятия) // ИЛДТ ИрННТУ. Иркутск: Изд-во ИрННТУ, 2018. Т. 14, № 4. С. 64–77.
- Леус, Бельский*, 2016 — *Леус П. М., Бельский С. В.* Терезин I — могильник эпоху хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–104.
- Леус, Килуновская*, 2017 — *Леус П. М., Килуновская М. Е.* Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 87–102.
- Миклашевич*, 2004 — *Миклашевич Е. А.* «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Материалы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320–325.
- Миняев*, 1980 — *Миняев С. С.* Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Сибирские поясные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980 (САИ; Вып. Д 4-7). С. 29–34.
- Миняев*, 1998 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Фонд «Азиатика», 1998 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.
- Николаев*, 2012 — *Николаев Н. Н.* Хунну // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки / Ред. кат. О. А. Федосеев. СПб.: Славия, 2012. С. 118–132.
- Савинов*, 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119: Памятники раннего железного века. С. 104–108.
- Стамбульник*, 1983 — *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках): Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Масон. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.
- Таскин*, 1973 — *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Восточная литература, 1973. Вып. 2. 168 с.
- Хаврин*, 2016 — *Хаврин С. В.* Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) // АВ. 2016. Вып. 22. С. 105–107.
- Худяков и др.*, 1999 — *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 163–169.

- У Энь и др., 1990 — У Энь, Чжун Кань, Ли Цзинь-цзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии: Сб. ст. / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 88–101.
- Чжэн Лун, 1961 — Чжэн Лун. Сообщение о разведке древнего могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Вэньбу. 1961. № 9. С. 16–19 (на кит. яз.).
- Юй Су-Хуа, 2006 — Юй Су-Хуа. Изучение археологических памятников сяньбэй в китайской историографии // Вестник Новосибирского ГУ. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2006 (История. Филология; Т. 5). Вып. 3: Археология и этнография. С. 13–23.
- Brosseder, 2011 — Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu archaeology. Multi-disciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 349–424.
- Kilunovskaya, Leus, 2018 — Kilunovskaya M., Leus P. Archaeological discoveries of the Ala-Tey and Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015–2016 // Asian Archaeological. 2018. Vol. 1, no. 1–2. P. 45–63.
- Nomadic Art ..., 2002 — Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes (The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections). The catalog / Eds. E. C. Bunker, C. Y. James, W. Z. Sun. New York: The Metropolitan Museum of Art, New York Yale University Press, New Haven and London, 2002. 233 p.
- The sword of Heaven..., 2011 — The sword of Heaven (culture of bronze artifacts of the bronze age and Hunnu Empire). Collection of P. Erdenechuluun. The catalog / Ed. L. Ulzutug. Ulaanbaator: Sunny Mongolia Today Magazine, 2011. 495 p.

A stray find from South Siberia and artistic bronzes from post-Scythian complexes of Tuva

N. N. Nikolaev³

Keywords: Xiongnu, Xianbei, Tuva, South Siberia, Post-Scythian period, artistic bronze, buckles with a unicorn.

Among the artistic bronzes which became generally widespread throughout the vast spaces of the Central-Asiatic region in the end of the 1st millennium BC — early 1st millennium AD and are considered as connected with the appearance of the tribal union of Xiongnu, a small series of objects of belt fittings with zoomorphic representations is distinguishable with an iconography differing from that of the Xiongnu artefacts. Analogues to these representations are found on the items of toreutics discovered during investigations of Xianbei cemeteries in the territory of China (Fig. 1).

The events of the 90s AD can explain the appearance of objects of belt fittings designed according to canons of the Xianbei artistic tradition among the materials from Transbaikalia, Mongolia, Tuva and South Siberia. According to Chinese sources, after the defeat of the northern Xiongnu and flight of some of them together with their shanyu, the Xiongnu lands were occupied by Xianbei tribes. The change of political realities cannot have been unreflected in the prestige and hierarchically significant objects including elements of the decoration of belts (plaques-buckles, suspension plates and sewn-on plaques). This is why the items of the belt sets from the Sayan-Altai, South Siberia, Transbaikalia and Mongolia analogous to those from Xianbei sites of China can be considered as cultural and chronological markers of the first centuries of the 1st millennium AD.

³ Nikolay N. Nikolaev — The State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; IHMC RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru.

Изображение яка в искусстве хунну¹

М. Е. Килуновская, П. М. Леус²

Аннотация. На украшениях пояса — ажурных пряжках и бляшках — в эпоху хунну зачастую изображался як. Из гробниц хуннской знати в могильнике Ноин-Ула в Монголии происходят изображения яков на шерстяных коврах и серебряных бляхах конской упряжи. Животные могли быть показаны в разной стилистике, но у всех есть обязательные общие черты, позволяющие утверждать, что изображался именно як.

Изображения яков не характерны для предшествующего скифо-сибирского искусства и не встречаются в археологических памятниках этого времени. Образ яка в искусстве кочевников конца I тыс. до н. э. можно однозначно связывать именно с традициями хунну. Он обладает характерными чертами, которые древние мастера старались передать на любых видах изделий. Его изображения отсутствуют или пока неизвестны как в предшествующую скифскую эпоху, так и в памятниках позднее I в. н. э. Это ограничивает хронологические рамки традиции изображения яка у кочевников Центра Азии рубежом III–II вв. до н. — I в. н. э., временем расцвета эпохи хунну.

Ключевые слова: Тува, Монголия, хунну, грунтовые могильники, бронзовые пряжки, ковры, изображения яка.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-147-235-241 12

Одним из популярных образов в искусстве хунну был як. Его изображения представлены, в первую очередь, на украшениях пояса — ажурных пряжках и бляшках, изготовленных обычно из бронзы. Из гробниц хуннской знати в могильнике Ноин-Ула в Монголии происходят изображения яков на шерстяных коврах и серебряных бляхах конской упряжи.

Животные могли быть показаны в разной стилистике. Тем не менее у всех есть обязательные общие черты, позволяющие утверждать, что изображался именно як, а не какое-то другое животное. В первую очередь это характерная для яков длинная косматая шерсть, показанная внизу на теле и на загривке, иногда на ногах, голове и груди. Шерсть изображалась в виде волнистых

линий или каплевидных углублений, служивших на первичных образцах литых пряжек местами для вставок из полудрагоценных камней, как, например, на паре золотых пряжек из Сибирской коллекции Петра I.

Сама тема появления и распространения в декоративно-прикладном искусстве древних кочевников такого персонажа, как як, едва ли может быть раскрыта в формате небольшой статьи и будет в дальнейшем продолжена в более развернутом виде. Благодаря недавним находкам Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН значительного количества бронзовых пряжек и бляшек с изображением яков в могильниках эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин (II–I вв. до н. э.) база данных по этим вопросам существенно расширилась. Тем более что большинство этих предметов обнаружено там *in situ* в неразграбленных погребениях. Основная же часть известных ранее пряжек с яками из других регионов происходит из старых грабительских раскопок, случайных находок или кладов.

Предварительно можно выделить и коротко рассмотреть несколько вариантов изображения яка: это одиночные фигуры, парные или же як в схватке с другими персонажами.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Килуновская М. Е. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kilunmar@mail.ru. Леус П. М. — ИИМК РАН; e-mail: leuss@mail.ru.

Одиночная фигура

Бронзовые пряжки с фигурой стоящего яка в профиль, голова которого показана анфас. Хвост опущен (рис. 1, 2). Фигура вписана в прямоугольную рамку. Встречаются парные экземпляры с зеркальным изображением животных, при этом у рамки левой пряжки есть выступ с круглым отверстием для продевания ремешка. У правых пряжек никаких отверстий со стороны завязывания пояса нет. Места находок этих пряжек неизвестны, предположительно это северные провинции Китая или Внутренняя Монголия. Исключение составляет один экземпляр, происходящий, вероятно, из района могильника Даодуньцзы (*Kost*, 2014. Р. 208, pl. 1, 1), в погребениях которого обнаружено большое количество бронзовых пряжек хунну.

Пара похожих пряжек обнаружена в разграбленной гробнице в провинции Сычуань, датируемой по находкам монет 141–118 гг. до н. э. Здесь фигура яка показана припадающей к земле, одна из его передних ног подогнута (*Kost*, 2014. Р. 217–218, pl. 2, 7–8; 121) (рис. 1, 3). Еще одна пара пряжек показывает схожие изображения яков с подогнутой передней ногой и человеком, пытающимся набросить на животное аркан (рис. 1, 5). Вся композиция заключена в рамку, у левой пряжки отверстие для ремня (*So, Bunker*, 1995. Р. 93–94).

Следующую группу составляют несколько бронзовых пряжек с фигурой яка в профиль, голова анфас, с подогнутой передней ногой (рис. 1, 4). Хвост опущен. Пряжки массивные, не ажурные, без рамки. И у левой, и у правой может быть круглое отверстие над головой, вероятно, для ремешка. Иногда у левых пряжек такого отверстия нет. Местонахождением некоторых из них являются северные провинции Китая, но для большинства оно неизвестно (*Kost*, 2014. Pl. 3–5). В одной из коллекций есть похожая по стилю фигура яка, вырезанная из нефрита и вставленная в рамку из позолоченной бронзы (*Ibid.* Pl. 5, 3) (рис. 1, 6).

Из разграбленного в древности элитного хуннского кургана № 6 в Ноин-Уле в Северной Монголии происходят серебряные украшения конской сбруи, фалар и бляха (рис. 1, 10, 11). Одиночные фигуры яков стоят на окруженных деревьями горах. Они выполнены в совершенно другой манере, отличающейся от хуннских произведений искусства (*Руденко*, 1962. С. 81). Вполне вероятно, что эти изделия, как и подобные бляхи с изображением драконов, козлов и единорогов из Ноин-Улы и других могильников хуннской знати, были созданы

китайскими мастерами и являлись частью ханьских даров хуннам (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 106).

Несколько бронзовых ажурных пряжек с изображением одиночного яка анфас выполнены в другом стиле. Форма пряжек трапецевидная, верхняя часть закруглена, между головой с рогами и краем пряжки со шпеньком находится продолговатое отверстие для ремня. Несколько экземпляров разного размера и различной степени детализации происходят из Ордоса, но информация об их точном местонахождении отсутствует (рис. 1, 7). Несколько штук известно в Минусинской котловине (*Дэвлет*, 1980. Табл. 28). Один небольшой экземпляр происходит из долины р. Джиды в Забайкалье (*Давыдова, Миняев*, 2008. Рис. 50; 121) (рис. 1, 8). Наиболее выразительная большая пряжка такого типа найдена в женском погребении № 23 могильника Ала-Тей 1 в Туве (рис. 1, 9).

Парные фигуры

Прямоугольные пряжки с изображением двух стоящих яков (рис. 1, 13). Рамка украшена прямоугольными углублениями. Тело показано в профиль, опущенные вниз морды животных — в анфас. Хвосты с «кисточкой» на конце загнуты на спину. Фигуры производят впечатление готовящихся к схватке, напоминая фигуры яков на коврах Ноин-Улы. Длинная свисающая шерсть передана каплевидными углублениями. Такие пряжки наиболее распространены на территории Минусинской котловины (более двух десятков целых пряжек и их фрагментов). В основном это случайные находки, но есть и экземпляры из раскопанных погребений: сломанная пополам пряжка из насыпи кургана 5 могильника Утинка (*Бобров*, 1979. С. 254–256) и по одному небольшому фрагменту из могильников Разлив III и Гришкин Лог I, курган 5 (*Дэвлет*, 1980. С. 20–21, табл. 1, 6). Несколько целых пряжек и их фрагментов есть среди предметов Июсского и Косогольского кладов (*Бородовский, Ларичев*, 2013. С. 82–83; *Дэвлет*, 1980. Рис. 6, 5–8). Одна пряжка найдена в погребении эпохи ранней Хань (II–I вв. до н. э.) в Манчжурии (*Kost*, 2014. Р. 221, pl. 17). Несколько случайных находок происходят, вероятно, с территории Внутренней Монголии (*Brosseder*, 2011. Р. 419; *Rawson, Bunker*, 1990. № 222). В Забайкалье пряжки подобного типа неизвестны.

В Туве такие пряжки впервые найдены лишь недавно. Пока это 10 целых экземпляров, полученных в ходе продолжающихся раскопок

Рис. 1. Изображения яков на бронзовых пряжках: 1 — Суглуг-Хем II, сруб 7, Тува; 2, 5, 6, 7 — Китай (?), место находки неизвестно (2 — Kost, 2014. P. 1, 6; 5 — So, Bunker, 1995. P. 93; 6 — Kost, 2014. Pl. 5, 3; 7 — *Ibid.* P. 6, 4); 3 — Шиянь, Сычуань, Китай (*Ibid.* Pl. 2, 7); 4 — Субао, Нинся, Китай (*Ibid.* Pl. 3, 2); 8 — р. Джиды, Забайкалье (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 121); 9 — Ала-Тей 1, объект 23, Тува; 10, 11 — Ноин-Ула, курган 6, Монголия (Treasures, 2011. Fig. 314, 313); 12 — Терезин, объект 5, Тува; 13 — Ала-Тей 1, объект 11, Тува; 14 — Ала-Тей 1, объект 111, Тува. 1-5, 7-14 — бронза; 6 — нефрит в бронзовой рамке

Fig. 1. Representations of yaks on bronze buckles: 1 — Suglug-Khem II, wooden framework 7, Tuva; 2, 5, 6, 7 — China (?), the place of find unknown (2 — Kost, 2014. P. 1, 6; 5 — So, Bunker, 1995. P. 93; 6 — Kost, 2014. Pl. 5, 3; 7 — *Ibid.* P. 6, 4); 3 — Shiyang, Sichuan, China (*Ibid.* Pl. 2, 7); 4 — Subao, Ningxia, China (*Ibid.* Pl. 3, 2); 8 — Dzhida River, Transbaykalia (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 121); 9 — Ala-Tey 1, object no. 23, Tuva; 10, 11 — Noin-Ula, barrow 6, Mongolia (Treasures, 2011. Fig. 314, 313); 12 — Terezin, object No. 5, Tuva; 13 — Ala-Tey 1, object no. 11, Tuva; 14 — Ala-Tey 1, object no. 111, Tuva. 1-5, 7-14 — bronze; 6 — nephrite in a bronze frame

могильников Ала-Тей 1 и Терезин³. Могильники находятся в 4,5 км друг от друга и абсолютно схожи по погребальному инвентарю и радиоуглеродным датировкам (*Килуновская, Леус, 2018. С. 125–152; 2021. С. 79–91*). Найденные здесь пряжки несколько отличаются размерами и, вероятно, отличались в разных формах. Все они встречаются исключительно в женских погребениях, на поясе, и обычно по одной, за исключением пары пряжек в погребении АТ1/101. Одиночные пряжки бывают как со шпеньком, иногда проработанным довольно слабо, так и без него, что связано, вероятно, с первоначальным образцом, с которого изготавливалась литая копия. Таким образом, найденные в Туве пластины-пряжки с яками были центральным декоративным элементом женского пояса. Практически на всех больших бронзовых пряжках сохраняются следы тонких кожаных ремешков, которыми они привязывались к деревянной основе и поясу. Примечательным является наблюдение, что в обоих случаях нахождения парных пряжек на Ала-Тее 1 (пара пряжек с яками и пара с фантастическими животными из АТ1/47) одна из них была перевернута вверх ногами.

Ранее центром распространения таких пряжек считалась Минусинская котловина, но сейчас, после находок в могильниках Терезин и Ала-Тей 1, можно предполагать, что первоначально они появились на территории Тувы. Учитывая уже известное количество этих пряжек, их можно считать наиболее массовыми для этого региона в эпоху хунну. Они также могли являться символом принадлежности к какой-то определенной группе населения.

На могильнике Терезин найдено две небольшие бронзовые бляшки с парой яков, воспроизведенных анфас. Они происходят из разрушенного водохранилищем погребения, где также была найдена большая ажурная пряжка со ступенчатым орнаментом и головками ланей (*Килуновская, Леус, 2020. С. 108*). Возможно, эти бляшки представляют собой упрощенный вариант большой пряжки с парой яков. Именно на Терезине есть находки еще двух вариантов поясных бляшек, являющихся уменьшенными вариантами больших пластин-пряжек — с изображением двух лошадей и с решетчатым орнаментом (*Леус, 2019. С. 59; Килуновская, Леус, 2020. Рис. 22, 11–15*).

На могильнике Ала-Тей 1 (погребение 111) была обнаружена уникальная пряжка с изображением двух яков, изображенных в профиль (рис. 1, 14). Их удлиненные, опущенные вниз морды практически касаются носами друг друга, а рог одного заходит за рог другого. Хвосты с листовидными кисточками закинута на спину. Шерсть внизу показана двумя большими каплевидными углублениями. Рамка со шпеньком имеет орнамент в виде двух переплетающихся волнистых линий. Рты животных кажутся приоткрытыми, они как бы мирно пасутся, хотя это может быть и сценой противостояния. Подобный сюжет с двумя противостоящими пасущимися животными известен и на других пряжках: например, верблюды из могильника Даодуньэ (*Kost, 2014. Pl. 22, 2, 3*), лошади на пряжке из Северного Китая (*Ibid. Pl. 21, 5*) и трех пряжках из Минусинской котловины (*Дэвлет, 1980. Табл. 7, 20–22*). Возможно, этот сюжет идентичен более распространенным пряжкам с парой яков, описанным выше, но выполнен в другой манере.

Сцены борьбы животных / сцены терзания

Ярчайшим образцом древнего искусства является пара пряжек из Сибирской коллекции Петра I (рис. 2, 2). На ней показана сцена схватки крылатого грифона, тигра и яка. Пряжки массивные, отлиты из золота и украшены вставками из бирюзы (*Руденко, 1962. Табл. I, рис. 4; IV, рис. 3*).

Необычная пряжка хранится в Национальном музее Республики Тыва. На ней изображена сцена нападения грифона или феникса на копытное животное с длинной шерстью, возможно яка (его верхняя часть не сохранилась) (рис. 2, 1). Пряжка является случайной находкой и была обнаружена примерно в 15 км к юго-западу от могильника Терезин.

Также сцены схватки яка и фантастического хищника замечательно представлены на коврах из курганов 6, 20 и 25 Ноин-Улы. Фигуры животных выполнены аппликацией. На ковре из курганов 6 и 25 фигуры борющихся животных соприкасаются. Як показан в атакующей позе, хвост высоко поднят, голова пригнута, кажется, что он запечатлен в момент нанесения удара рогами. В это время противник, рогатый кошачий хищник, кусает его за загривок (*Руденко, 1962. Табл. XLII–XLIII; LXXII, 2*) (рис. 2, 3–5). Ковер из кургана 20 сохранился лишь фрагментарно, изображения яка и его противника практически идентичны предыдущим (рис. 2, 6–8) (*Полосьмак и др., 2011. С. 51, 69; Treasures of*

³ Работы проводятся при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а с 2018 г. — Русского географического общества.

Рис. 2. Сцены борьбы/терзания: 1 — случайная находка, Центральная Тува; 2 — Сибирская коллекция Петра I (Кочевники Евразии..., 2012. Кат. 187); 3–5 — Ноин-Ула, фрагменты ковра из кургана 6, Монголия (Treasures of the xiongnu, 2011. P. 6; Руденко, 1962. LXXII, 2; Кочевники Евразии..., 2012. Кат. 367); 6–8 — Ноин-Ула, фрагменты ковра из кургана 20, Монголия (Treasures of the xiongnu, 2011. Fig. 378, 379; Полосьмак и др., 2011. Рис. 1.41)

Fig. 2. Scenes of struggle/tearing to pieces: 1 — stray find, Central Tuva; 2 — Siberian collection of Peter I (Кочевники Евразии..., 2012. Кат. 187); 3–5 — Noin-Ula, fragments of a carpet from barrow 6, Mongolia (Treasures of the Xiongnu, 2011. P. 6; Руденко, 1962. LXXII, 2; Кочевники Евразии..., 2012. Кат. 367); 6–8 — Noin-Ula, fragments of a carpet from barrow 20, Mongolia (Treasures of the Xiongnu, 2011. Fig. 378, 379; Полосьмак и др., 2011. Рис. 1.41)

the xiongnu, 2011. Fig. 378–380), но не совсем понятно, соприкасаются ли их фигуры в борьбе или нет. Помимо схватки яка с фантастическим хищником на этих же коврах изображено нападение крылатого грифона на лося. Эти сюжеты могут символизировать борьбу жизни и смерти, где мифические существа — крылатый грифон и рогатый кошачий хищник — противостоят животным из реального мира — яку и лося (Елихина, 2018. С. 132).

Изображения яков не характерны для предшествующего скифо-сибирского искусства и не встречаются в археологических памятниках этого времени. Одно из редких исключений — находка в Центральной Туве в объекте 7 на могильнике Суглуг-Хем II бронзовой нашивной поясной пластины в виде фигуры яка (рис. 1, 1). У нее волнистыми линиями показана шерсть на ногах и хвосте, язык высунут, хвост закинут на спину.

Пластина была обнаружена в разграбленном коллективном захоронении в большом деревянном срубе, как бы в тайнике, около сосудов, стоящих за головами погребенных. Возможно, именно поэтому она осталась незамеченной древними грабителями. Рядом с ней было зеркало с боковой ручкой в виде кошачьего хищника.

Такой стиль не соответствует изображениям на массивных ажурных прямоугольных пряжках, но сам образ вполне сопоставим с изображением яков на ноин-улинских коврах — поднятый хвост, высунутый язык. Форма пластины отдаленно напоминает пряжки с одиночным яком с подогнутой передней ногой, также не имеющих рамки. Погребения могильника Суглуг-Хем II относятся к заключительному этапу уюкско-саглынской культуры скифского типа и по ряду признаков могут датироваться вплоть до II в. до н. э., то есть оставшее их население жило во время, непосредственно предшествующее появлению в Туве хунну, а возможно, и сосуществовало с ними (Семенов, 2003. С. 76–80). находка бронзовой пластины с яком лишь подтверждает это предположение.

К вопросам происхождения сюжетов на пряжках эпохи хунну неоднократно обращались многие исследователи. Тем не менее однозначно ответить на них пока не представляется возможным. С. С. Миняев связывал мотив противостояния животных с образом мирового древа, истоки которого лежат в передневожосточном искусстве (Давыдова, Миняев, 2008. С. 40–41). Оттуда он переходит в скифское искусство, где получает развитие в различных протомах, билатеральных композициях, а в наскальном искусстве — в сюжетах противостояния у «мирового древа» и «Господин коней» (Чугунов, Роусон, 2019. С. 262–278). В дальнейшем в хуннской среде, эти образы и сюжеты продолжают развиваться, обогащаясь как традициями других кочевых народов, так и Древнего Китая. В результате формируется своеобразный художественный стиль, который

мы сегодня называем искусством хунну. Многие ажурные пластины-пряжки из Тувы находят соответствия как в Минусинской котловине, так и в Забайкалье и Северном Китае. Таким образом, территория Тувы становится связующим звеном между регионами Внутренней Азии, находившимися в то время в сфере влияния хунну и распространения их культурных традиций.

Э. Б. Вадецкая связывала появление грунтовых инокультурных захоронений тесинской культуры Минусинской котловины с южным регионом (Вадецкая, 1993. С. 113–114). Это подтверждается находками в тесинских грунтовых погребениях таких специфических предметов материальной культуры хунну, как ажурные бронзы или пряжки из сибирского гагата, подобные найденным в хуннских захоронениях Тувы, Монголии и Забайкалья. При этом в Забайкалье пока отсутствуют находки бронзовых пряжек с изображением пары яков, тогда как в Туве и Минусинской котловине они являются наиболее распространенными. В.А.Кисель предполагал возникновение образа яка в среде охотников и воинов, живших в высокогорной местности. В дальнейшем они «оказались в роли основной политической силы хуннского союза, в результате чего их символика заняла видное место в формирующейся мифологии хунну (Кисель, 2010. С. 118).

Образ яка в искусстве кочевников конца I тыс. до н. э. можно однозначно связывать именно с традициями ранних хунну. Он обладает характерными чертами, которые древние мастера старались передать на любых видах изделий, будь то металлические детали поясного набора или шерстяные ковры. При этом подобные его изображения отсутствуют или пока неизвестны как в предшествующую скифскую эпоху, так и в памятниках первых веков нашей эры. Это ограничивает хронологические рамки традиции изображения яка у кочевников Центра Азии рубежом III–II вв. до н. э. — I в. н. э., то есть временем расцвета эпохи хунну.

Бобров, 1979 — Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из насыпи тагарского кургана // СА. 1979. № 1. С. 254–256.

Бородовский, Ларичев, 2013 — Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июкский клад (каталог коллекций). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. 120 с.

Вадецкая, 1993 — Вадецкая Э. Б. Внешние связи населения Присаянья в I–III вв. н. э. // Внешние связи населения Присаянья в I–III вв. и их последствия //

Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конференции. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 11), 1993. С. 110–114.

Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. СПб.: Гамас, 2008. 118 с.

Дэвлет, 1980 — Дэвлет М. А. Сибирские поясные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980. 67 с.

- Елихина*, 2018 — *Елихина Ю. И.* Сокровища курганов Ноин-Улы (северная Монголия). Находки экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. из коллекции Государственного Эрмитажа. LAP, Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2018. 316 с.
- Килуновская, Леус*, 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская, Леус*, 2020 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая Абакан, 2020. № 1 (25). С. 97–125.
- Килуновская, Леус*, 2021 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Датировка могильников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2021. №1 (29). С. 79–91.
- Кисель*, 2010 — *Кисель В. А.* Образ яка в торевтике гунно-сарматского времени // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии: Сб. / Ред. кол. А. А. Тишкин и др. Барнаул: Азбука, 2010 (Труды САИПИ; Вып. VI). С. 115–118.
- Кочевники Евразии...*, 2012 — *Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки.* СПб.: Славия, 2012. 272 с. *Леус*, 2019 — *Леус П. М.* Художественные бронзы эпохи хунну в Туве // Искусство Евразии. 2019. № 3 (14). С. 50–65. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.003.
- Полосьмак и др.*, 2011 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. 184 с.
- Руденко*, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.
- Семенов*, 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан. Могильники скифского времени в центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Чугунов, Роусон*, 2019 — *Чугунов К. В., Роусон Дж.* Жертвенный бык и «господин коней» в Китае // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2. С. 262–278.
- Brosseder*, 2011 — *Brosseder U.* Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia.* Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 349–424.
- Kost*, 2014 — *Kost C.* The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 p.
- Rawson, Bunker*, 1990 — *Rawson J., Bunker E.* Ancient Chinese and Ordos bronzes. Hong Kong: Oriental Ceramic Society, 1990. 68 p.
- So, Bunker*, 1995 — *So J., Bunker E.* Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Washington: University of Washington Pr., 1995. 203 p.
- Treasures of the xiongnu*, 2011 — *Treasures of the xiongnu. Culture of xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia.* Catalog. Ulaanbaatar, 2011. 296 p.

Representations of yaks in the art of the Xiongnu

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus⁴

Keywords: Tuva, Mongolia, Xiongnu, flat-grave cemeteries, bronze buckles, carpets, representations of yaks.

On belt decorations, openwork buckles and plaques, a yak was often represented in the Xiongnu period. Tombs of the Xiongnu elite at the cemetery of Noin-Ula in Mongolia yield representations of yaks on woollen carpets and silver plaques of horse harness. These animals may have been rendered in different styles but they all invariably have certain common features allowing us to state that exactly yaks are represented.

Representations of yaks are not characteristic of the previous Scytho-Siberian art and are never found at archaeological sites of that period. The image of a yak in the art of nomads of the late 1st millennium BC can be reliably connected with traditions of the Xiongnu. It possesses characteristic features which the early artisans tried to render in any types of objects. Its representations are absent or so far unknown both during the precedent Scythian period and at sites later than the 1st century AD. This fact is limiting the chronological frame of the tradition of representation of yaks by the nomads of the Centre of Asia to the boundary between the 3rd and 2nd centuries BC — 1st century AD, i. e. to the peak of the civilisation of the Xiongnu.

⁴ Marina E. Kilunovskaia, Pavel M. Leus — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kilunmar@mail.ru; leuss@mail.ru.

Образ оленя в сяньбэйской металлопластике¹

В. Б. Трубникова²

Аннотация. В статье анализируется образ оленя, известный на бронзовых поясных пластинах, атрибутируемых как сяньбэйские. Впервые выделены два типа пластин: с олененком и с тремя оленями — саньлу. На основании анализа иконографии изображений и хронологии памятников предложены аналогии сюжету. Пересмотрена сяньбэйская атрибуция пластин с олененком: на территории Северо-Восточного Китая в монокультурных сяньбэйских памятниках они неизвестны. Это позволяет считать их вторичным образом и ассоциировать с периодом военных походов сяньбэй за пределы Китая в I–II вв. н. э. Пластины саньлу, встречающиеся только в сяньбэйских памятниках, являются истинным сяньбэйским искусством и существуют длительный период — с I до конца IV в. н. э.

Ключевые слова: сяньбэй, тоба, мужун, образ оленя, сяньбэйские пластины, сяньбэйские пряжки, Северо-Восточный Китай, Северная Вэй, ранние сяньбэй, пластина саньлу.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-242-256

Долгое время существовало мнение о наличии единого сяньбэйского культурного пласта. Впоследствии по мере накопления объема археологических памятников были выделены четыре локальные культурные группы с особым керамическим и инвентарным комплексом (*Вэй Чжэн*, 2009. С. 349–352). Важным критерием для определения памятников сяньбэй стали находки эталонных бронз с уникальными сюжетами, ранее не встречавшиеся в других культурных традициях. Эти же находки стали в свое время основой атрибуции для памятников на территории России (*Худяков и др.*, 1999). Один из них — крылатая лошадь, или единорог, — сегодня наиболее хорошо известен и, безусловно, считается сяньбэйским. Образ лошади мог быть также выполнен стилистически как единорог, но без рога и крыльев. Изображение лошади встречается и в другом

типе металлопластики — на фигурных пластинах, где одно животное меньшего размера стоит на спине другого (*Линь Юнь*, 2004. С. 147, рис. 1). Для этого типа предметов отличительной чертой является наличие «султана» на голове двух или одной лошадей, выполненного в виде схематического круга.

Но самый часто встречающийся образ в сяньбэйской металлопластике — это олень. На ранних этапах сложения сяньбэйской культуры (I и II этапы) пластины с оленем представлены двумя типами: с олененком и с тремя оленями (рис. 1–4). Наряду с пряжками с крылатыми лошадьми они являются единственными эталонными предметами на памятниках. При этом важно, что между погребениями с фигурными бронзами и погребениями без них не прослеживается признаков какой-либо социальной диверсификации. На поздних этапах культуры (III и IV) сяньбэйский бестиарий пополняется новыми животными, но изображения оленя не исчезают с поясных пряжек. Появляются новые единичные изображения оленей. Примерами могут служить пояс из 16 пластин с бегущим оленем из Эрляньхаотэ (уезд Яньчи Нинся-Хуэйского автономного района — *Вэй Цзянь*, 2004. С. 109, рис. 3), три небольшие золотые пластины с оленями из могильников

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: barbarera@gmail.com.

Саньдаовань и Хоубаоши, повторяющие мотив пластин с двумя лошадьми, одна на спине другой (*Ни Жунань*, 2011. С. 86, рис. 8, 14–16). При этом и на поздних этапах сяньбэйской культуры пластины с тремя оленями продолжают существовать и, более того, остаются самым распространенным типом поясных пластин.

В отдельных памятниках на территории России, на формирование которых в последние годы традиционно усматривают влияние сяньбэй, пластины с оленями встречаются в единичных случаях. Это обстоятельство привело к почти полному отсутствию специальных исследований на русском языке, посвященных сяньбэйскому оленю. Зачастую пластины с олененком рассматриваются вместе с пряжками с крылатыми лошадьми и атрибутируются как сяньбэйские (*Худяков и др.*, 1999. С. 165–167). Несмотря на то что в работах зарубежных коллег этому образу уделяется больше внимания (*Цзяо Лян*, 2005; *Чи Синь*, 2008; *Otani*, 2013; *Цзинь Хуэй*, 2016), отдельное исследование изображений оленей в сяньбэйской металлопластике до сих пор отсутствует. Пластины с оленями рассматриваются либо в рамках общего обзора сяньбэйской иконографии изображений (не только оленей) (*Otani*, 2013), либо при изучении только одного из типов пластин с оленями (*Чи Синь*, 2008), либо анализируются все сяньбэйские изобразительные мотивы в отдельно взятой китайской провинции (*Цзинь Хуэй*, 2016). И даже в таких работах исследователи не привлекают все известные к моменту публикаций предметы металлопластики, не принимая во внимание случайные находки — крайне важные предметы для изучения иконографии изображений.

Между тем рассматривать образы двух типов пластин отдельно друг от друга представляется неправильным, так как изображения оленей, скорее всего, имеют общее происхождение. Они появляются одновременно на раннем этапе формирования сяньбэйской культуры. В настоящий момент имеется представительная коллекция пластин, позволяющая сделать важные наблюдения по иконографии изображений и их хронологии. В конечном итоге это позволит поставить вопросы, связанные с распространением сяньбэйского влияния за пределами Северо-Восточного Китая и пересмотром атрибуции некоторых памятников, находящихся за границами Китая.

Пластины с олененком

Образ оленя в сяньбэйской культуре нашел отражение преимущественно в нескольких типах пластин. Первый тип представлен прямоугольными вертикальными пластинами средних размеров 2,0 × 3,5 см с объемным изображением олененка — здесь и далее для этого типа изображений будет использоваться название «пластины с олененком» (рис. 1; 2, а). Определение животного было сделано на основе детального анализа иконографии изображения: тонкие длинные ноги, отсутствие рогов, поднятые вверх выразительные уши, а также измененные пропорции тела и головы относительно длины ног. Впрочем, трактовать этот образ можно и как лань (*Худяков и др.*, 1999. С. 164). Отличительным признаком изображений является характерное положение головы — животное поворачивает ее назад на 180°, благодаря чему мастерам удалось вписать композицию в узкую вертикально ориентированную пластину.

Бронзовые пластины выполнены в технике литья с тонким слоем амальгамного золочения, в связи с чем позолота сохранилась лишь в углублениях. Качество отливки, вероятно, не позволяло детализировать изображения: глаза, копыта, рельеф туловища часто не показаны. На пластинах не предусматривалось креплений или специальных отверстий на задней стороне, из-за этого многие из них имеют несколько круглых отверстий сверху и снизу. При этом важно, что большая их часть была сделана, вероятно, уже после изготовления изделий: они вписаны в небольшое пространство между ушами и ногами животного, зачастую частично нарушая его контур.

Пластины с олененком встречаются преимущественно в комплекте с другими пряжками: на сегодняшний день известно пять находок составного пояса с такими пластинами, происходящих из памятников Лаохэшэнь (№ 56), Аймырлыг XXXI (№ 65), Енхор (№ 52) и случайная находка из Монголии (Омно говы). Эти находки позволяют реконструировать элитный сяньбэйский пояс и место пластин с олененком в поясном наборе (*Сунь Цзи*, 1994. С. 60–62, табл. 10–12). Парные пряжки на поясе с крылатыми лошадьми — парадные фронтальные. Круглые подвесные пряжки с отверстиями для крепления в верхней части с такими же изображениями использовались как декоративные и располагались рядом с центральными. Одиночные пластины с олененком нашивались на пояс, они могли располагать-

Рис. 1. Пластины с олененком: 1 — Аймырлыг XXXI, № 65 (Кочевники..., 2012. С. 339); 2 — Кия-13 (Ковычев, Ковычев, 1996. С. 101, рис. 3, 1, 2); 3 — Енхор, № 52 (Коновалов и др., 2018. С. 67, рис. 2, 7); 4 — Зоргол, могила 20 (Яремчук, 2005. Рис. 117, 37); 5 — Лаохэшнь, М56 (Юйшу..., 1987. Табл. XXXV, 7, 8); 6, 7 — случайные находки из коллекции А. М. Sackler (Bunker, 1997. P. 281–282); 8 — случайная находка, Южная Монголия (The sword..., 2011. P. 388–389, tab. 381a). 1–9 — бронза с позолотой. Без масштаба

Fig. 1. Plates with a little deer: 1 — Aimyrylg XXXI, no. 65 (Кочевники..., 2012. С. 339); 2 — Kiyu-13 (Ковычев, Ковычев, 1996. С. 101, рис. 3, 1, 2); 3 — Enkhor, no. 52 (Коновалов и др., 2018. С. 67. Рис. 2, 7); 4 — Zorgol, burial 20 (Яремчук, 2005. Рис. 117, 37); 5 — Laoheshen, M56 (Юйшу..., 1987. Табл. XXXV, 7, 8); 6, 7 — random finds from the collection of A. M. Sackler (Bunker, 1997. P. 281–282); 8 — an accidental find, Southern Mongolia (The sword..., 2011. P. 388–389, tab. 381a). 1–9 — bronze with gilding. No scale

ся по одной или несколько с каждой стороны от центральных пряжек. Наконец они могли чередоваться с прорезными подвесными пряжками, через отверстия которых можно было повесить с помощью дополнительных ремней отдельные предметы. Такое устройство ремня появилось еще в конце периода Восточной Хань и было в обиходе вплоть до VI в. н. э. Китайские исследователи предполагают, что происхождение таких поясов связано прежде всего с ханьской традицией (Там же. С. 63). Впоследствии кочевые народы, проживавшие на территории Северо-Восточного Китая, заимствовали эту новацию, внося в сюжет

на пряжках и пластинах важные для себя образы. Так, в памятниках сяньбэй-тоба периода Северная Вэй появляется пояс с аналогичной системой устройства, но с уже другими зооморфными персонажами: кабаном, драконом и др. (И Кэцзянь, Лу Сысянь, 1984. Рис. 1; Нэймэнгу..., 1984. Рис. 1; Desroches et al., 2003. Fig. 15).

Любопытно, что пластины с олененком, происходящие из одного памятника, вероятно, были отлиты из одной формы, о чем предварительно можно судить, детально анализируя изображения (рис. 1, 1, 3, 5, 9). При этом пластины из комплексов с наборными поясами очень схожи друг с дру-

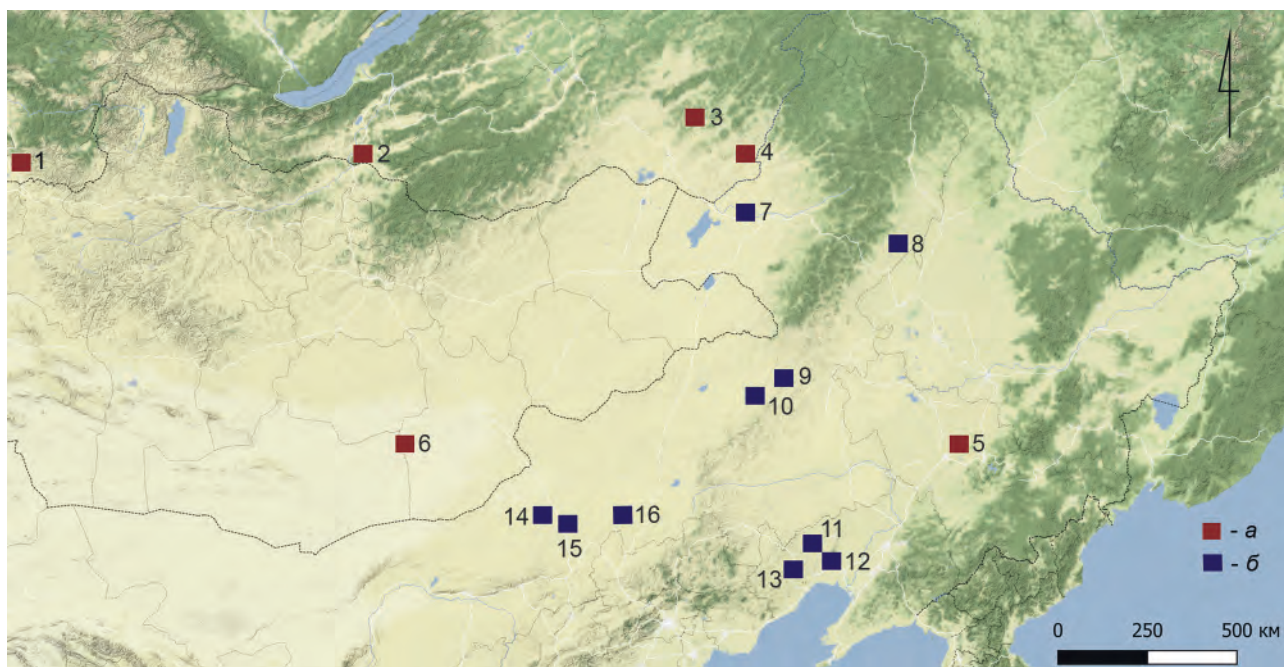

Рис. 2. Карта распространения двух типов пластин (а — с олененком; б — саньлу): 1 — Аймырлыг XXXI; 2 — Энхор; 3 — Кия-13; 4 — Зоргол; 5 — Лаохэшэнь; 6 — случайная находка, Южная Монголия; 7 — Чжалайнор; 8 — Эркэцянь; 9 — Хэримиту; 10 — Сусатай; 11 — Ламадон; 12 — Ваньцзыфэньшань; 13 — Баоаньсы; 14 — Эрланьхугоу; 15 — Саньдаовань; 16 — Шаньцзябао

Fig. 2. Map of the distribution of two types of plates (a — with a little deer; б — sanlu): 1 — Aimirlyg XXXI; 2 — Enhor; 3 — Kiya-13; 4 — Zorgol; 5 — Laoheshen; 6 — an accidental find, Southern Mongolia; 7 — Zhalaainor; 8 — Erkeqian; 9 — Herimitu; 10 — Susatai; 11 — Lamadong; 12 — Wanzifenshan; 13 — Baoansi; 14 — Erlanहुgou; 15 — Sandaowan; 16 — Shanjiabao

гом. В свою очередь пластины с олененком, встречающиеся в комплексах вне сочетания с другими пряжками, — две находки с территории Забайкалья из памятников Кия-13 (№ 1) (Ковычев, Ковычев, 1996. Рис. 3, 1, 2) и Зоргол-I (№ 20) (Яремчук, 2005. Рис. 117, 37) и отдельная находка из могильника Энхор — отличаются (рис. 1, 1–4). Животные на этих пластинах показаны более грацильными, само изображение менее объемное. Отдельные пластины с олененком также встречаются в коллекциях случайных находок неизвестного происхождения. Среди случайных находок выделяется пластина, отличающаяся от остальных наличием круглых отверстий в верхней части, что позволяет определить животное как оленя с раскидистыми рогами (рис. 1, 8). Эта пластина связана со следующим типом сяньбэйских пластин с тремя оленями (см. далее).

Большинство комплексов, откуда происходят пластины с олененком, не имеют точной датировки. По монетам и зеркалам могильник Лаохэшэнь датируется коротким временным

промежутком — серединой I — II в. н. э. (Юйшу..., 1987. С. 50, рис. 43, 4), Энхор, по хуннскому вещевому комплексу, — с конца I в. н. э. (Коновалов и др., 2018. С. 75), Аймырлыг XXXI исследователи относят ко времени деятельности «сюнну или родственного ему племени» (Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 198), могильник Кия-13 по нескольким обломкам зеркал и серии радиоуглеродных дат относят к широкому хронологическому периоду II–I вв. до н. э. — I–II вв. н. э. (Ковычев, Ковычев, 1996. С. 103; Яремчук, 2005. С. 128), могильник Зоргол-I по обломку зеркала конца Восточной Хань (Яремчук, 2005. Рис. 115, 1), а также по двум радиоуглеродным датам — к I–II вв. н. э. (Там же. С. 125). Следовательно, пластины с олененком можно датировать периодом I в. до н. э. — началом II в. н. э.

Помимо анализа иконографии, способа производства и датировки пластин следует обратить внимание на два примечательных обстоятельства. Во-первых, поражает широкая география распространения пластин при почти полном их

отсутствии непосредственно в памятниках внутри Китая (рис. 2, а). Во-вторых, инвентарный комплекс памятников, где были обнаружены пластины с олененком, является не монокультурным сяньбэйским, а наоборот, характеризуется совокупностью разнокультурных компонентов. Особенно ярко выражен хуннский компонент, что позволило исследователям атрибутировать отдельные памятники, такие как Енхор и Кия-13, как хуннские. В могильнике Зоргол-I в могиле 13 обнаружен богатый хуннский поясной набор (Яремчук, 2005. С. 138–142). Единственный памятник с находкой олененка на территории Китая — Лаохэшэнь — также является необычным сяньбэйским могильником, так как в его материальной культуре помимо сяньбэйского компонента ярко выражены пусьская и ханьская традиции (Юйшу..., 1987. С. 106–119).

Пластины саньлу

Второй тип сяньбэйских пластин с оленями менее известен отечественным археологам, скорее всего, по причине его распространения только на территории Северо-Восточного Китая. Он представлен 13 пластинами из 10 памятников (рис. 2, б; 3). На пластинах изображены три оленя, стоящие в ряд, с повернутыми назад головами, так же как и на пластинах с олененком. В китайской литературе этот тип называют саньлу, что дословно переводится с китайского языка как «три оленя». В отличие от пластин с одиночным изображением животного в пластинах саньлу над головами зверей имеются круглые сквозные отверстия. Комбинация отверстий создает мотив переплетения рогов, а животные на пластинах могут быть интерпретированы как взрослые особи. В большинстве случаев изображение оленей более схематично: так, у некоторых оленей могут быть показаны только три ноги, морды животных не проработаны, пропорции зачастую сильно нарушены.

Пластины выполнены из бронзы с позолотой или полностью из золота. Так же как и пластины с олененком, эти пластины не имеют с обратной стороны креплений. Возможно, пластины пришивались на пояс (?) через отверстия или рамку. Для реконструкции крепления пластин сяньбэйского пояса особенно важна находка пластины из могильника Эркэцзянь, вместе с которой были обнаружены остатки деревянной основы и кожного ремня (Ли Яньте и др., 2003. Прил. 2, рис. 5). Схожее устройство пряжек прослеживается и

у хунну (Миняев, 1998. С. 34; Килуновская, Леус, 2018. С. 141). Также важно, что пластины саньлу обнаруживают в погребениях в районе пояса без комплекта с другими пряжками.

В отличие от пластин с олененком пластины саньлу получили распространение только на территории Китая (рис. 2, б), при этом они встречаются в разновременных сяньбэйских памятниках. Датировка пластин совпадает с хронологией локальных групп памятников (Трубникова, 2020. С. 227–228). Четыре пластины происходят из памятников первой группы Чжалайнор и Эркэцзянь во Внутренней Монголии, относящихся к периоду формирования сяньбэйской культуры: I — началу II в. н. э. (рис. 3, I); две пластины — из памятников второй группы Хэримиту и Сусатай времени первых дипломатических связей с имперским Китаем и формирования сяньбэйского военного объединения: II в. н. э. (рис. 3, II); три пластины — из памятников третьей группы — Баоаньсы, Ваньцзыфэньшань и Ламадон (рис. 3, III); четыре — из памятников четвертой группы — Сандаовань, Шаньцзябао и Эрланьхугоу (рис. 3, IV). Памятники третьей и четвертой групп отражают династийный период истории сяньбэй и датируются III — серединой V в. н. э. Таким образом, пластины саньлу бытовали в течение продолжительного периода: с I в. н. э. вплоть до образования государства Северная Вэй.

Важным отличием пластин саньлу от пластин с олененком является появление декоративного обрамления пластины — ряда косых насечек. Отдельные пластины имеют двойную рамку из разнонаправленных рядов насечек-косичек.

Пластины саньлу из памятников третьего и четвертого сяньбэйского этапов, отражающие период становления государственности двух сяньбэйских племен, мужун и тоба, претерпевают изменения. Наиболее заметно это по находкам из памятников Баоаньсы, Сандаовань, Ламадон и Шаньцзябао (рис. 3, 8, 9, 13). Пластины сделаны из тонкого листа золота (вероятнее всего, для таких пластин предполагалась основа из другого материала). Наблюдается тенденция к еще большему упрощению и схематизации образа, что поставило древних мастеров перед необходимостью добавить в образ оленя детали, которые бы позволили сразу его идентифицировать: к примеру, у оленей из Баоаньсы и Шаньцзябао ветвистые рога выполнены уже не в виде отверстий, а переданы в рельефе, как туловище. Круглые отверстия,

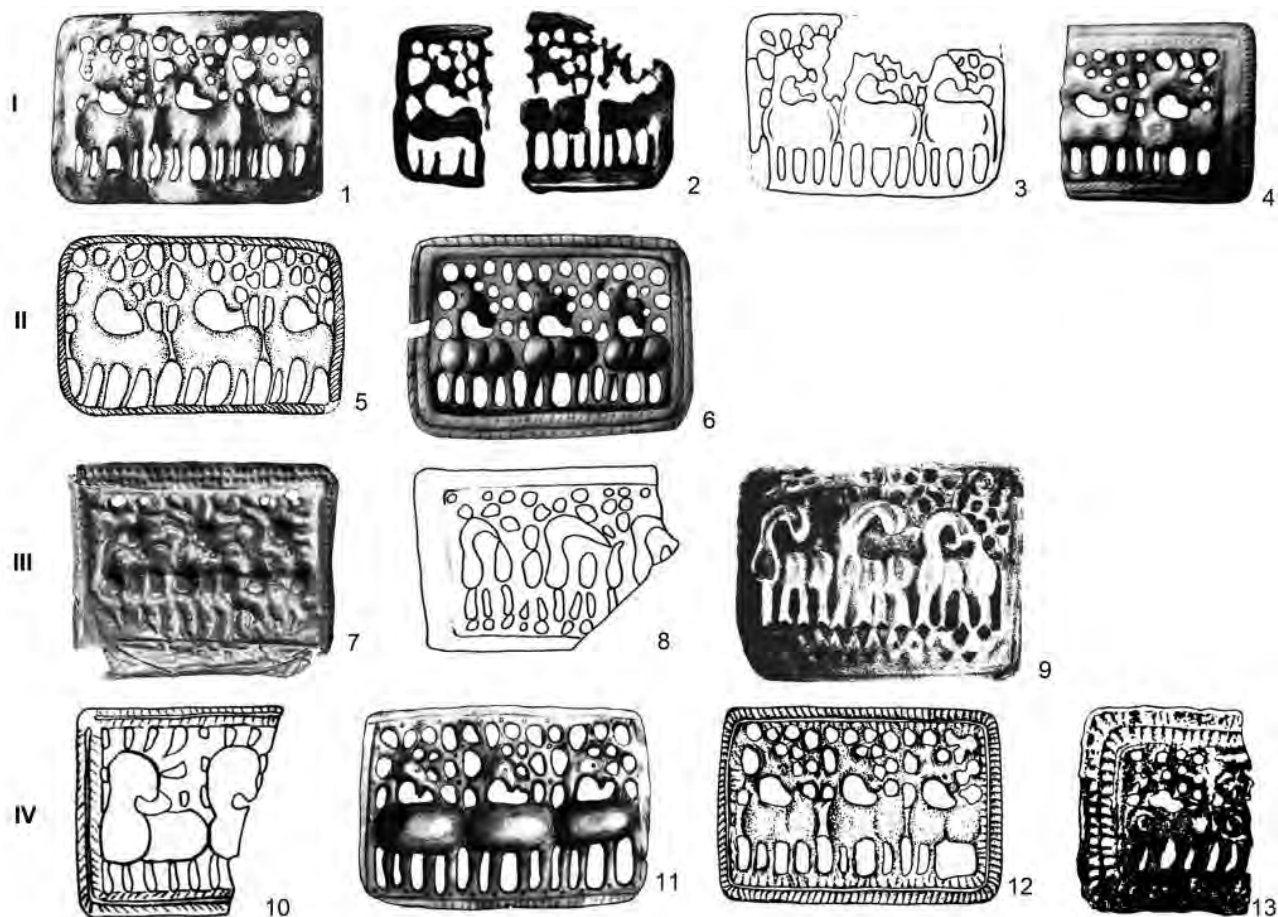

Рис. 3. Пластины саньлю: I — первая группа памятников сяньбэй, I — начало II в. н. э.; II — вторая группа памятников сяньбэй, II — начало III в. н. э.; III — третья группа памятников сяньбэй, III — середина V в. н. э.; IV — четвертая группа памятников сяньбэй, III — середина V в. н. э. 1 — Эркецянь, М36 (Ли Яньте и др., 2003. С. 18, рис. 13, 6); 2-4 — Чжалайнор (Чжэн Лун, 1961. С. 17, рис. 4, 2; Нэймэнгу, 1994. Рис. 12, 1; Ван Чэн, 1987. Рис. 1, 7); 5 — Хэримиту (Шань Дань, Вэй Цзянь, 2004. С. 104, рис. 2); 6 — Сусатай (Чи Синь, 2008. С. 65, рис. 10; Линьси..., 1997. С. 461, рис. 3); 7 — Баоаньсы (Сунь Вэй, 2013. С. 43, рис. 3; Лю Цянь, 1963. С. 53, рис. 1); 8 — Ваньцзыфэньшань М8173 (Шан Сяобо, 1997. С. 14, 16, рис. 35, 1); 9 — Ламадон, М192 (Сунь Вэй, 2013. С. 43); 10, 11 — Саньдаовань (Ни Жунань, 2011. С. 79, рис. 1, 15; Чи Синь, 2008. С. 65, рис. 6); 12 — Эрланьхугоу (Чи Синь, 2008. С. 64, рис. 5); 13 — Шаньцзябао М5 (Ван Кэлинь и др., 1992. Рис. 19, 4). 1-6, 10-12 — бронза с позолотой; 7-9, 13 — золото. Без масштаба

Fig. 3. Sanlu plates: I — the first group of Xianbei sites, 1st — early 2nd c. AD; II — second group of Xianbei sites, 2nd — early 3rd c. AD; III — third group of Xianbei sites, 3rd — middle of the 5th c. AD; IV — fourth group of Xianbei sites, 3rd — middle of the 5th c. AD. 1 — Erkeqian, M36 (Ли Яньте и др., 2003. С. 18, рис. 13, 6); 2-4 — Zhalainor (Чжэн Лун, 1961. С. 17, рис. 4, 2; Нэймэнгу, 1994. Рис. 12, 1; Ван Чэн, 1987. Рис. 1, 7); 5 — Herimitu (Шань Дань, Вэй Цзянь, 2004. С. 104, рис. 2); 6 — Susatai (Чи Синь, 2008. С. 65, рис. 10; Линьси..., 1997. С. 461, рис. 3); 7 — Baoansi (Сунь Вэй, 2013. С. 43, рис. 3; Лю Цянь, 1963. С. 53, рис. 1); 8 — Wanzifenshan, M8173 (Шан Сяобо, 1997. С. 14, 16, рис. 35, 1); 9 — Lamadong, M192 (Сунь Вэй, 2013. С. 43); 10, 11 — Sandaowan (Ни Жунань, 2011. С. 79, рис. 1, 15; Чи Синь, 2008. С. 65, рис. 6); 12 — Erlanhuogou (Чи Синь, 2008. С. 64, рис. 5); 13 — Shanjiabao M5 (Ван Кэлинь и др., 1992. Рис. 19, 4). 1-6, 10-12 — bronze with gilding; 7-9, 13 — gold. No scale

Рис. 4. Пластины саньлу, случайные находки: 1, 6 — Метрополитен-музей (Bunker, 2002. P. 169, tab. 154; P. 167, tab. 152); 2 — Цинъюань, провинция Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1991. С. 16–17, рис. 73); 3–5 — Ордос (3 — Ван Хайвэнь, 1993. Рис. 17; 4 — по: Дэвлет, 1980. Табл. 3, 3; 5 — Andersson, 1932. Tab. XXIX, 7); 7 — Музей Ордос, Китай (Донхань...); 8 — Музей Пен, Великобритания (Plaque...); 9 — Чжалайнор (Чжалайнор...). 1 — бронза с позолотой; 2–5, 8, 9 — бронза; 6, 7 — золото. Без масштаба

Fig. 4. Sanlu plates, random finds: 1, 6 — The Metropolitan Museum of Art (Bunker, 2002. P. 169, tab. 154; P. 167, tab. 155); 2 — Qingyuan District, Baoding (Чжэн Шаоцзун, 1991. С. 16–17, рис. 73); 3–5 — Ordos (3 — Ван Хайвэнь, 1993. Рис. 17; 4 — Дэвлет, 1980. Табл. 3, 3; 5 — Andersson, 1932. Tab. XXIX, 7); 7 — The Ordos Museum (Донхань...); 8 — The Penn Museum (Plaque...); 9 — Zhalaigor (Чжалайнор...). 1 — bronze with gilding; 2–5, 8, 9 — bronze; 6, 7 — gold. No scale

вероятно, постепенно перестают быть композиционно важной частью изображения и становятся декоративным элементом. Они появляются под ногами животных, заполняя свободное пространство пластин. Также на еще одной пластине саньлу из могильника Саньдаовань рога выполнены прорезями, но не круглыми, а продолговатыми, расходящимися лучами от голов животных. Выделение признаков для пластин разных хронологических групп позволяет датировать и случайные находки (рис. 4). К примеру, пластину из Метрополитен-музея можно отнести к третьей и четвертой группам памятников сяньбэй (рис. 4, б). Любопытно, что среди случайных находок пластин саньлу встречаются новые варианты изображений: два оленя вместо трех (рис. 4, 8, 9) или животные, головы которых упираются в рамку

пряжки (таким образом круглые отверстия расходятся не от макушки животных, а заполняют пространство за фигурами животных) (рис. 4, 7). Впрочем, эта пластина выделяется из ряда других и нарочито рельефным изображением.

Рассматривая пластины саньлу, необходимо упомянуть появившийся, вероятно, в более позднее время подтип предметов с образом парных животных, повернутых головами друг к другу, сочетающий в себе декоративные решения пластин саньлу (рис. 5). Животные трудно определимы, но могут интерпретироваться как олени по отверстиям над головой. Только одна подобная пластина (рис. 4, 4) происходит из закрытого комплекса Саньдаовань на территории Китая, уверенно атрибутируемого как сяньбэйский по керамическому комплексу, пластине саньлу и

Рис. 5. Пластины с двумя животными: 1 — случайная находка, университет Цзилинь (Ван Дань, 1992. С. 2, рис. 6); 2 — Эрланьхугоу, пров. Внутренняя Монголия (Kost, 2011. Tab. 27, 1); 3 — г. Чжанцзякоу, пров. Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1991. С. 12, 14, рис. 60); 4 — Сандаовань, М20 (Вэй Цзянь, 2004. С. 361, рис. 3); 5 — Забайкалье (?) (Ковычев, Крадин, 2011. Рис. 3); 6 — Дурой, Забайкалье (Ковычев, 2006. С. 254, рис. 6, 23); 7 — случайная находка, Метрополитен-музей (Bunker, 2002. P. 147, tab. 117); 8 — случайная находка (Хауся...); 9 — случайная находка, Шанхайский музей (Western...). 1-3, 6-9 — бронза; 4, 5 — золото. Без масштаба

Fig. 5. Plates with two animals: 1 — accidental find, Jilin University (Ван Дань, 1992. С. 2, рис. 6); 2 — Erlanhougou, prov. Inner Mongolia (Kost, 2011. Tab. 27, 1); 3 — Zhangjiakou city, prov. Hebei (Чжэн Шаоцзун, 1991. С. 12, 14, рис. 60); 4 — Sandaowan, M20 (Вэй Цзянь, 2004. С. 361, рис. 3); 5 — Transbaikalia (?) (Ковычев, Крадин, 2011. Рис. 3); 6 — Duroy, Transbaikalia (Ковычев, 2006. С. 254, рис. 6, 23); 7 — accidental find, Metropolitan Museum of Art (Bunker, 2002. P. 147, tab. 117); 8 — accidental find (Хауся...); 9 — accidental find, Shanghai Museum (Western...). 1-3, 6-9 — bronze; 4, 5 — gold. No scale

пластинам с двумя лошадьми, стоящими одна на спине другой (Ни Жунань, 2011. С. 87-89). Также две находки схожих пластин происходят из Забайкалья из памятников дуройской культуры (Ковычев, 2006. С. 255) (рис. 5, 5, 6). Дуройская культура, выделенная Е. В. Ковычевым и И. И. Кирилловым по результатам раскопок могильников Дурой-I и Большая Канга-I, была определена как поздний этап зоргольской культуры с хронологическими периодом II-IV вв. н. э., что соотносится с материалами сяньбэйских памятников третьего этапа

(керамическим комплексом, волютообразным сержкам из крученой проволоки). Схожие изображения встречаются в случайных находках ордосских бронз: среди них два барана, повернутые головами к образу дерева, выполненного из кругов, разделенных спицами (рис. 5, 7-9). Своеобразным переходным изображением между этими мотивами является находка, сделанная в окрестностях города Чжанцзякоу провинции Хэбэй, с фигурами двух оленей, обращенных к спирально закрученному стволу дерева, за спинами животных также

виднеются ветви (Чжэн Шаоцзун, 1991. С. 12, 14, рис. 60) (рис. 5, 3).

Круглые отверстия над головами животных, которые изначально могли олицетворять ветви, впоследствии, возможно, превратились в изображение рогов оленей. В пользу этой теории выступает серия находок ордосских пластин с тем же образом, но предполагаемые ветви дерева расходятся уже от голов двух животных (рис. 5, 1, 2), напоминая стилистику исполнения сюжета на пластине саньлу из Сяньдаовань (рис. 3, 10). Несмотря на то что пластины из закрытых комплексов датируются III в. н. э., трудно определить, какие образы были первичны: на пластине саньлу или на пластине с обращенными друг к другу животными. Возможно, племена сяньбэй, переселившись к юго-западу от озера Далайнор, столкнулись с местной традицией производства ордосских бронз и заимствовали отдельные сюжеты, привнеся свою стилистику изображений.

При описании растительных мотивов, встречающихся на сяньбэйских пластине, стоит упомянуть еще одно предположение касательно пластин саньлу. Сквозные отверстия над головами животных, возможно, являются изображениями ветвей деревьев, на фоне которых стоят олени или лани. Растительный орнамент часто используется у хунну и в Ордосе, к примеру в оформлении рамки пряжек. Также хуннские пряжки с геометрической композицией трактуются как упрощение мотива «парные животные у дерева» (Давыдова, Миняев, 2008. С. 43). Но нередки случаи сочетания животных с рогами и растительного орнамента в качестве фона. В Ноин-Уле, в кургане 6, встречаются два фалара с изображениями яков: на бляхе круглой формы по бокам от животного находятся деревья (рис. 6, 1), на бляхе в форме тыквы-горлянки дерево располагается прямо за спиной животного по центру, как будто вырастая из его головы, создавая синкретический образ, где яка можно принять и за оленя (рис. 6, 2). Обращают на себя внимание и две парные бронзовые с позолотой пластины из Аймырлыга XXXI с изображением оленей (рис. 6, 8). Они выполнены в той же художественной стилистике, что и пряжки с крылатыми лошадьми, олененком и прорезными пряжками. Животные с ветвистыми рогами стоят друг напротив друга. Между ними из земли растет дерево (?), ветви которого продолжаются и за спинами животных. Представляется, что таким образом передан

мотив «двух стоящих животных у дерева». Следовательно, в пластинах саньлу отверстия над головами животных могут одновременно интерпретироваться и как рога, и как растительный орнамент.

Происхождение сяньбэйского образа оленя

Выбор оленя как почитаемого животного, вероятно, восходит к историческому прошлому дунху (общее название для протосяньбэйских племен), когда они еще не покинули лесную зону предгорий Хингана и не перешли к полукочевому образу жизни. На рубеже эр, оказавшись в долинах Северо-Восточного Китая, племена не смогли заниматься разведением оленей из-за новых природных условий, но изображение животного осталось в иконографии и перешло в разряд почитаемых мифических образов предков. В связи с этим олень мог стать ключевым мотивом в металлопластике сяньбэй.

Однако формирование изобразительных канонов, вероятно, приходится уже на период после появления сяньбэй на новой территории: несомненно, они складывались под влиянием хунну и хань. Что касается хунну, хотя в их изобразительной традиции нет аналогичных сяньбэйским изображениям оленей, однако отдельные сюжеты позволяют обнаружить сходство между двумя художественными мирами. В первую очередь любопытно провести параллель между сяньбэйскими поясными пластинами и украшениями конской упряжи с оленями из хуннских комплексов. Изображение одинокого оленя/козла с повернутой назад головой назад в сочетании с характерным оконтуриванием пластин геометрическим или растительным орнаментом — яркий образ изобразительной традиции хунну. Самыми близкими аналогиями сяньбэйским пластинам с олененком являются хуннские серебряные бляхи из курганов 6, 20, 22 Ноин-Улы и кургана 7 в пади Царам (см. подробнее: *Полосьмак и др.*, 2011. С. 47, рис. 1) (рис. 6, 1–6). Любопытно также, что похожее обрамление рамки встречается и в сяньбэйской торевтике с изображениями лошадей — Аймырлыг XXXI, № 57 (*Стамбульник*, 1983. Рис. 2). Бляхи с подобной орнаментацией рамки встречаются и в ханьских элитных памятниках (Хэнань..., 2000. С. 42, рис. 11), вероятно, они восходят к традиции ордосских бронз начального периода Восточной Хань (*Бао Цинчуань и др.*, 2011. С. 39).

Рис. 6. Аналогии пластинам с оленями: 1-3 — Ноин-Ула, курган 6 (по: Руденко, 1962. Табл. XXXVI, 3; XXXVII, 1, 3); 4 — случайная находка, Метрополитен-музей (Bunker, 2002. P. 54, fig. 21); 5 — Царам, курган 7 (Миняев, 2009. С. 57, рис. 14); 6 — Ноин-Ула, курган 20 (Полосьмак и др., 2011. С. 48, рис. 5); 7 — случайная находка (Bunker, 1997. P. 269); 8 — Аймырлыг XXXI (Кочевники..., 2012. С. 344-345). 1-3, 5-7 — бронза; 4 — золото; 8 — бронза с позолотой. Без масштаба

Fig. 6. Analogies to plates with deer: 1-3 — Noin-Ula, tumulus no. 6 (Руденко, 1962. Табл. XXXVI, 3; XXXVII, 1, 3); 4 — accidental find, Metropolitan Museum of Art (Bunker, 2002. P. 54, fig. 21); 5 — Tsaram, tumulus no. 7 (Миняев, 2009. С. 57, рис. 14); 6 — Noin-Ula, tumulus No. 20 (Полосьмак и др., 2011. С. 48, рис. 5); 7 — accidental find (Bunker, 1997. P. 269); 8 — Aimyrlyg XXXI (Кочевники..., 2012. С. 344-345). 1-3, 5-7 — bronze; 4 — gold; 8 — bronze with gilding. No scale

Примечательно, что бляхи-фалары были обнаружены только в царских хуннских курганах, датированных концом I в. до н. э., что хронологически близко ко времени появления сяньбэй во Внутренней Монголии. Подобные изделия считаются произведенными китайскими мастерами, а сами предметы использовались непродолжительное время (Полосьмак, Богданов, 2015. С. 63). Аналогично хуннским фаларам сяньбэйские пластины также, вероятно, были изготовлены ханьскими мастерами. Материальная культура сяньбэй на раннем этапе своего сложения была достаточно примитивной, и бронзовые пластины с позолотой выделяются на фоне остальных находок высокой техникой исполнения. Предположение о работе ханьских мастеров над сяньбэйскими предметами металлопластики подтверждает примечательная находка обломков керамической формы для отливки пластин сянью в памятнике Восточной Хань Юаньтайцзы, в уезде Чаоян провинции Ляонин, в непосредственной близости от сяньбэйского памятника Ваньцзыфэньшань (Laurson, 2011.

P. 315, fig. 5.67; 5.68). Сама же форма ближе всего к пластине сянью из Ламадона (рис. 3, 9).

В отличие от пластин с олененком образ сянью можно считать более самобытным мотивом сяньбэй. Статичность художественных сяньбэйских бронз сянью противопоставляется экспрессивному звериному стилю хунну. Единственной возможной аналогией из хуннской торовтики являются пластины с тремя (известны пластины с двумя) стоящими животными на ажурных пряжках (рис. 6, 7). Сюжет, изображенный на этих пластинах, нетипичен для хунну: трое животных стоят в ряд, центральный — в анфас, крайние повернуты боком. Животных можно трактовать как баранов с закрученными рогами. Любопытны изображения двух стволов деревьев за спинами животных, расходящихся кверху ветками, переплетающимися с рогами. Все вместе создает узор с круглыми отверстиями, схожий с пластинами сянью. Коллекция подобных пластин была собрана на территории Ордоса: в закрытых хуннских комплексах ни одной находки неизвестно,

в том числе на основании этого факта они были продатированы I в. н. э. (подробнее см.: *Kost*, 2011. Taf. 24).

Несмотря на то что аналогий изображениям сяньбэйских оленей немного, все они попадают в один хронологический период рубежа эр и происходят с территории ханьского Китая и его ближайших окрестностей. Однако сами сяньбэйские пластины, как было отмечено ранее, имеют более широкий ареал распространения (рис. 2). Пластины с олененком встречаются исключительно на ойкумене сяньбэйской империи в многокультурных памятниках (Аймырлыг XXXI, Енхор, Лаохэшэнь, Зоргол-I, Кия-13), появление которых может быть отражением движения племен после падения хуннской империи и начала экспансионистских походов сяньбэй. С учетом памятников с находками ажурных подвесных пряжек, входящих в состав сяньбэйского пояса, география распространения «сяньбэйского влияния» расширяется вплоть до Алтая (*Вадецкая*, 1992. Табл. 97, 36; *Давыдова*, 1971. С. 95, рис. 1; *Тишкин, Горбунов*, 2006. Рис. 1, 22; *Тишкин, Матренин*, 2017. С. 77, рис. 2, 5–7).

Инвентарный комплекс перечисленных памятников смешанный, с превалирующим хуннским компонентом, из-за чего чаще всего многие из них относят к деятельности хунну. И напротив, каких-либо других маркеров сяньбэй (керамики, другой металлопластики и др.), кроме пластин с крылатыми лошадьми и олененком, в этих памятниках не обнаружено. В связи с этим представляется, что пластины с олененком — образ, скорее заимствованный у сяньбэй именно от пластин саньлу другими кочевыми народами, возможно, остатками хунну. Если появление пластин с олененком за пределами территории распространения непосредственно сяньбэйских памятников связано с военной деятельностью сяньбэй в конце I — начале II в. н. э., то можно выдвинуть еще несколько предположений. Во-первых, памятники с находками пластин с олененком и, соответственно, с крылатыми лошадьми можно считать синхронными. Во-вторых, эти два типа поясных пластин следует выделить в отдельную традицию и не считать их сяньбэйскими. В пользу последнего свидетельствует и тот факт, что ни в одном сяньбэйском могильнике не встречаются пластины с олененком и пластины саньлу вместе.

Что касается пластин саньлу, они появляются в сяньбэйской культуре уже в одном из самых

ранних восточных памятников Эркэцзянь и существуют на протяжении всей додинастической истории сяньбэй. Эти пластины имеют распространение только в Китае: нет ни одной находки за его пределами. Создание канона изображения может быть связано с попыткой передачи важной для сяньбэй символики сторонними мастерами (ханьскими?), которые были знакомы с хуннской металлопластикой. Использование образа на всех этапах сяньбэйской культуры позволяет заключить, что только эти пластины являются настоящей сяньбэйской металлопластикой. Подтип пластин со стоящими друг напротив друга животными является также развитием образа саньлу, но в более позднее время, после продвижения сяньбэйских племен на запад и восприятия некоторых ордосских традиций. В связи с этим крайне любопытно обнаружение нескольких таких пластин в забайкальских памятниках, что подтверждает длительное влияние сяньбэй на сложение местных культур или развитые контакты.

В поддержку тезиса о важном значении оленя для сяньбэй, а также в подкрепление сомнений в атрибуции крылатых лошадей следует упомянуть любопытное наблюдение китайских коллег. Они предлагают пересмотреть этимологию словосочетания «сяньбэй голодай» (鲜卑郭落带), встречающегося в различных китайских письменных источниках (комментарии Гао Юя, в «Исторических записках. Повествовании о сюнну», «Анналах Троецарствия» и др.). Принято считать, что это словосочетание переводится как «пряжка с благовещим зверем», и сам зверь — это крылатая лошадь, изображенная на парных пряжках (Юйшу..., 1987. С. 118; *Комиссаров*, 1996. С. 25). Однако в последнее время исследователи, анализируя сяньбэйский язык и относя его к алтайской языковой семье (*Лувсандэндэв*, 1997), находят новые аналогии словосочетанию в различных родственных языках, относящихся к этой же группе, — монгольском, маньчжурском и ороchonском. К примеру, с монгольского языка «гөрөөс» переводится как дикое животное или, более конкретно, — косуля, животное из семейства оленевых. В таком случае «сяньбэй голо» можно перевести как «благовещий олень». В связи с этим и «священного зверя» из популярной легенды, описанной в «Вэй шу», когда племена сяньбэй, мигрируя на запад, заблудились и не могли найти путь, китайские коллеги предлагают трактовать как оленя (*Ван Цигэ*, 2010. С. 3).

- Вадецкая*, 1992 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР; Т. 10). С. 236–247.
- Давыдова*, 1971 — *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 93–105.
- Давыдова*, *Миняев*, 2008 — *Давыдова А. В.*, *Миняев С. С.* Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008 (Археологические памятники сюнну; Вып. 6). 120 с.
- Дэвлет*, 1980 — *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980 (САИ; Вып. Д 4-7). 66 с., 29 табл.
- Килуновская*, *Леус*, 2018 — *Килуновская М. Е.*, *Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Ковычев*, 2006 — *Ковычев Е. В.* Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. № 1 (4). С. 242–258.
- Ковычев*, *Ковычев*, 1996 — *Ковычев Е. В.*, *Ковычев Е. Е.* Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов 36-й Российской археолого-этнографической конф. / Редкол. Н. Е. Бердникова и др. Иркутск: Иркутский ГУ, 1996. Ч. 2. С. 100–103.
- Ковычев*, *Крадин*, 2011 — *Ковычев Е. В.*, *Крадин Н. Н.* Хунну // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=6772> (дата обращения 02.10.2021).
- Комиссаров*, 1996 — *Комиссаров С. А.* Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М.: б. и., 1996. С. 24–28.
- Коновалов и др.*, 2018 — *Коновалов П. Б.*, *Базаров Б. А.*, *Именохоев Н. В.*, *Миягашев Д. А.* Поясная фурнитура из Енхорского хуннского могильника (Р. Джида, Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2018. № 4 (29). С. 64–77.
- Кочевники...*, 2012 — *Кочевники Евразии на пути к империи.* Каталог выставки (Центр «Эрмитаж — Казань», 28.VI.2012 — 31.III.2013). СПб.: Славия, 2012. 272 с.
- Лувсандэндэв*, 1997 — *Лувсандэндэв А.* Сяньбийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 144–147.
- Мандельштам*, *Стамбульник*, 1992 — *Мандельштам А. М.*, *Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 196–205.
- Миняев*, 1998 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский дом. 1998 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 118 с.
- Миняев*, 2009 — *Миняев С. С.* Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2. С. 49–58.
- Полосьмак*, *Богданов*, 2015 — *Полосьмак Н. В.*, *Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Новосибирск: Инфолио, 2015. Ч. 1. 136 с.
- Полосьмак и др.*, 2011 — *Полосьмак Н. В.*, *Богданов Е. С.*, *Цэвээндорж Д.*, *Эрдэне-Очир Н.* Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // АЭАЕ. 2011. № 2 (46). С. 46–54.
- Руденко*, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: АН СССР, 1962. 206 с.
- Стамбульник*, 1983 — *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках): Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.
- Тишкин*, *Горбунов*, 2006 — *Тишкин А. А.*, *Горбунов В. В.* Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Тишкин*, *Матренин*, 2017 — *Тишкин А. А.*, *Матренин С. С.* Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-II) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 74–86.
- Трубникова*, 2020 — *Трубникова В. Б.* Опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры // Древние и средневековые культуры Центральной Азии: становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 227–228.
- Худяков и др.*, 1999 — *Худяков Ю. С.*, *Алкин С. В.*, *Юй Сухуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999 (Известия лаборатории археологии; № 4). С. 163–168.

- Яремчук*, 2005 — *Яремчук О. А.* Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Чита, 2005. 295 с.
- Andersson*, 1932 — *Andersson J. G.* Hunting magic in the animal style // *Bulletin (Östasiatiska samlingarna)*. 1932. No. 4, pt. 6. P. 221–315+Pt. I–XXXVI.
- Bunker*, 1997 — *Bunker E. C.* Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 401 p.
- Bunker*, 2002 — *Bunker E. C.* Nomadic art of the eastern Eurasian steppes: the Eugene V. Thaw and other New York Collections. New York, 2002. 302 p.
- Desroches et al.*, 2003 — *Desroches S-P., Delacour C., Girard-Geslan M., Jacquot C., Valluy C.* Activités du musée national des Arts Asiatiques-Guimet // *Arts asiatiques*. Paris, 2003. No. 58. P. 98–120.
- Kost*, 2011 — *Kost C.* Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität. München, 2011. 245 S.
- Laurson*, 2011 — *Laurson S.* Leaves that sway: gold xianbei cap ornaments from Northeast China: Dissertation. University of Pennsylvania, 2011. 304 p.
- Otani*, 2013 — *Otani I.* Winged horse belt and galloping horse belt Northern Eurasia // *Archaeological Bulletin*, Kanzawa University. 2013. Vol. 34. P. 11–19 (на яп. яз.).
- Plaque... — Plaque № 41-37-33 // Penn Museum [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.penn.museum/collections/object_images.php?irn=119090 (дата обращения 25.10.2021).
- The sword..., 2011 — The sword of Heaven (culture of bronze artifacts of the bronze age and Hunnu Empire). Collection of P. Erdenechuluun. The catalog / Ed. L. Ulzutug. Ulaanbaator: «Sunny Mongolia Today» Magazine, 2011. 495 p.
- Western... — Western Han Bronze Ornament // Shanghai Museum Bronze Gallery [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.flickr.com/photos/101561334@N08/10180038336/in/photostream/ (дата обращения 02.10.2021).
- На китайском языке**
- Бао Цинчуань и др.*, 2011 — *Бао Цинчуань, Хуэй Сяонон, Ли Нин, Хао Сяовэй, Лян Цзинмин, Чжан Юньпин.* Ча юцянъ цы Байцзявань цзинь цы цзяо-цан фацзюэ цзяньбао [包青川, 胡晓农, 李宁, 郝晓菲, 梁京明, 张运平. 察右前旗白家湾金器窖藏发掘简报]. Краткий отчет о раскопках погребения с золотыми изделиями в Байцзяване, хошу-не Юицянъци // *Нэймэнгу вэньу каогу*. 2011. № 1. С. 34–39+121–122.
- Ван Дань*, 1992 — *Ван Дань.* Цзилинь дасюэ цан бэйфан цинтунци [王丹. 吉林大学藏北方青铜器]. Северные бронзовые предметы из университета Цзилинь // *Бэйфан вэньу*. 1992. № 3 (31). С. 16–23, 2.
- Ван Кэлинь и др.*, 1992 — *Ван Кэлинь, Нин Лисинь, Сунь Чуньлинь, Ху Шэн.* Шаньси шэн ю сянь Шаньцзябао муди [王克林, 宁立新, 孙春林, 胡生. 山西省右玉县善家堡墓地]. Кладбище Шаньцзябао, уезд Ю, провинция Шаньси // *Вэньу цзицянъ*. 1992. № 4. С. 1–21.
- Ван Хайвэнь*, 1993 — *Ван Хайвэнь.* Гугун боуянь цан эрдосы ши цинтунци [王海文. 故宫博物院藏鄂尔多斯式青铜器]. Ордосские бронзы из коллекций Гугуна // *Гугун боугуанъ юань кань*. 1993. № 1. С. 16–24, 98, 1.
- Ван Цигэ*, 2010 — *Ван Цигэ.* Цянь люнь аэртай юйси миньцзу «лу» «няо» тутэн [王其格. 浅论阿尔泰语系民族“鹿”“鸟”图腾]. О томенах «олень» и «птица» в семье алтайских языков // *Чифэн сюэюань сюэбао (ханьвэнь чжэсюэ кэсюэ бань)*. 2010. Вып. 31, № 8. С. 1–6.
- Ван Чэн*, 1987 — *Ван Чэн.* Чжалайнор цюань хэ гумму цинли цзяньбао [王成. 扎贵诺尔圪河古墓清理简报]. Краткий отчет о раскопках древней гробницы на реке Чжалайнор // *Бэйфан вэньу*. 1987. № 3. С. 19–23.
- Вэй Цзянь*, 2004 — *Вэй Цзянь.* Ди у чжан. Эрлянхэотэ ши Яньчи муцзан [魏坚. 第五章 二连浩特市盐池墓葬]. Глава 5. Гробницы в городе Эрлянхэотэ, уезд Яньчи // *Нэймэнгу дицзу сяньбэй муцзан дэ фасянь ю яньцзю* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование гробниц сяньбэй во Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ чубань-шэ, 2004. С. 106–111.
- Вэй Чжэн*, 2009 — *Вэй Чжэн.* Сяньбэй муцзан яньцзю [韦正. 鲜卑墓葬研究]. Исследование гробниц сяньбэй // *Каогу сюэбао*. 2009. № 3. С. 349–378.
- Донхань... — Донхань лоу дяо сань лу вэнь цзинь ши пай, № 6630.174 // *Эрдосы боугуанъ* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ordosbwg.org.cn/wwwdz_121925/jyq/201905/t20190516_2375782.html (дата обращения 25.10.2021).
- И Кэцзянь, Лу Сысянь*, 1984 — *И Кэцзянь, Лу Сысянь.* Тумотэ цзоци чуфу бэйвэй шици вэньу [伊克坚, 陆思贤. 土默特左旗出土北魏时期文物]. Памятники династии Северной Вэй, раскопанные из Тумэд-Цзоци // *Нэймэнгу вэньу каогу*. 1984. С. 51, 55.
- Ли Яньте и др.*, 2003 — *Ли Яньте, Тянь Хэ, Синь Цзянь, Ван Шан, Мин Чэньлу.* Хэйлунцзян Нэхэ ши Эркэцянъ цинтун шидай чжи цзоци теци шидай муцзан [李砚铁, 田禾, 辛建, 王长明, 陈璐. 黑龙江

- 江呐河市二克浅青铜时代至早期铁器时代墓葬]. Гробницы Эркэцян от бронзового века раннего железного века в городском уезде Нэхэ провинции Хэйлунцзян // Каогу. 2003. № 2. С. 11–23.
- Линь Юнь, 2004 — Линь Юнь. Сяньбэй цзу дэ цинь, тун ма син пай ши 林沅. 鲜卑[族的金, 铜马形牌饰]. Сяньбэйские золотые и бронзовые украшения с лошадьми // Бяньцзян каогу яньцзю. 2004. С. 147–151.
- Линьси..., 1997 — Линьси сянь вэньу гуаньли суо [Линьси-ханьский музей]. Управление культурными реликвиями округа Линьси. Линьси сянь Сусатай сяньбэй муцзан [Линьси-ханьский музей]. Сяньбэйское погребение в Сусатай, Линьси // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи [Внутренняя Монголия: Магистерская работа. Университет Чифэн. 2016. 38 с.
- Ни Жунань, 2011 — Ни Жунань. Нэймэнгу Саньдаовань хэ Дундацзин муди Вэй Таньшихуай сяньбэй юцунь лунь [倪润安. 内蒙古三道湾和东大井墓地为檀石槐鲜卑遗存论]. Реликвии сяньбэй Таньшихуая на кладбищах Саньдаовань и Дундацзин во Внутренней Монголии // Каогу. 2011. № 3. С. 77–90.
- Нэймэнгу..., 1984 — Нэймэнгу цзычжицзю боугуань, Хэлиньгэр сянь Вэньхуагуань [内蒙古自治区博物馆, 和林格尔县文化馆]. Музей автономной области Внутренняя Монголия, культурный центр округа Хорингэр. Юнь Хэлиньгэр сянь Линпицзяо цунь бэйвэй му чхуту дэ цзинь ци цзуй [松和林格尔县另皮窰村北魏墓出土的金器粹]. Золотые изделия, обнаруженные в погребении династии Северная Вэй в деревне Линпицзяо, округ Хорингэр // Юнь нэймэнгу вэньу каогу цзуй. 1984. № 3. С. 52–55.
- Нэймэнгу..., 1994 — Нэймэнгу вэньу каогу яньцзю-суо [内蒙古文物考古研究所]. Институт культурных реликвий и археологии Внутренней Монголии. Чжалайнор гуму цунь 1986 нянь циньли фацзюэ баогао [扎赉诺尔古墓群1986年清理发掘报告]. Отчет о раскопках древних погребений Чжалайнор в 1986 году // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи. Пекин: Чжонгоуда байкэцунаншу чубаншэ, 1994. Т. 1. С. 369–383.
- Сунь Вэй, 2013 — Сунь Вэй. Сяньбэй хуа юй сяньбэй хунь [孙危. 鲜卑花与鲜卑魂]. Цветок сяньбэй и душа сяньбэй // Дачжун каогу. 2013. № 1. С. 42–43.
- Сунь Ци, 1994 — Сунь Ци. Сяньцин, хань, цинь яодай юн цинь яодай коу [孙机. 先秦, 汉, 晋腰带用金银带扣]. Поясные пряжки из драгоценных металлов эпохи Хань, Сражающих царств и Цзинь // Вэньу. 1994. № 1. С. 50–64.
- Хуася... — Хуася вэньмин шаошу миньцзю. Сяньбэй дэ чжубао шоуши [华夏文明—少数民族|鲜卑的珠宝首饰]. Этнические меньшинства — хуася. Ювелирные изделия сяньбэй [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.memora.com.cn/Zhubaobaik/detail/id/2354.html (дата обращения 02.10.2021).
- Хэнань..., 2000 — Хэнань Ци сянь Сюцуньган и хаохань му фацзюэ цзяньбао [河南杞县许村岗一号汉墓发掘简报]. Краткий отчет о раскопках погребения № 1 эпохи Хань, в уезде Ци, село Сюцуньган // Каогу. 2000. № 1. С. 38–44.
- Цзинь Хуэй, 2016 — Цзинь Хуэй. Нэймэнгу дицзю сяньбэй цзиньшу пай ши яньцзю [金辉. 内蒙古地区鲜卑金属牌饰研究]. Исследование металлических орнаментов сяньбэй в провинции Внутренняя Монголия: Магистерская работа. Университет Чифэн. 2016. 38 с.
- Цяо Лян, 2005 — Цяо Лян. Эркэцян муди чуту саньлу вэньши пай дэ няньдай (Цзяньси Ханьшу эр ци вэньхуа дэ няньдай сясянь) [乔梁. 二克浅墓地出土三鹿纹饰牌的年代 (一兼析汉书二期文化的年代下限)]. Датировка пластин саньлу могильника Эркэцян (последний этап второй фазы культуры Ханьшу) // Бэйфан вэньу. 2005. № 4. С. 24–29.
- Чжалайнор... — Чжалайнор: ицзо мэю вэйцян дэ боугуань [扎赉诺尔: 一座没有围墙的博物馆]. Чжалайнор: музей без стен // Жибао шуцзю бао «Нэймэнгу жибао». [27.07.2018]. С. 11.
- Чжэн Лун, 1961 — Чжэн Лун. Нэймэнгу Чжалайнор гумуцзю дяоча цзи [郑隆. 内蒙古扎赉诺尔古墓群调查记]. Заметки об исследованиях могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Вэньу. 1961. № 9. С. 16–19.
- Чжэн Шаоцзун, 1991 — Чжэн Шаоцзун. Люэ лунь чжунгуо бэйбу чанчэн дидай фасянь дэ дону вэнь цинтун ши пай [郑绍宗. 略论中国北部长城地带发现的动物纹青铜饰牌]. Краткое обсуждение бронзовых пластин с изображениями животных, обнаруженных за Великой Китайской стеной в Северном Китае // Вэньу чуньцзю. 1991. № 4. С. 1–32.
- Чи Синь, 2008 — Чи Синь. Тоудяо «саньлу вэньши пай» дэ цаосин ишу цян ши [赤新. 透雕“三鹿纹饰牌”的造型艺术浅析]. Анализ изобразительного искусства ажурной резьбы «декоративной пластины с тремя оленями (саньлу)» // Нэймэнгу дасюэ ишу сюэюань сюэба. 2008. № 2. С. 63–70.
- Шан Сяобо, 1997 — Шан Сяобо. Юнь Чаоян Ваньцзы-фэньшань му цунь 1987, 1990 няньду каогу фацзюэ дэ чжу [尚晓波. 松朝阳王子坟山墓群1987, 1990年度考古发掘的主]. Основная часть археологических раскопок в 1987 и 1990 годах могильника Ваньцзы-фэньшань, Чаоян // Вэньу. 1997. № 11. С. 1–18.
- Шань Дань, Вэй Цзянь, 2004 — Шань Дань, Вэй Цзянь. Ди сы чжан. Чжэнлань ци Хэримиту сяньбэй

ицюнь [珊丹, 魏坚. 第四章. 正蓝旗和日木图鲜卑遗存]. Глава 4. Остатки сяньбэй в Хэримиту, уезде Чжэнлань // Нэйменгу дицу сяньбэй музан дэ фасянь ю яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование гробниц сяньбэй во

Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ чубань шэ, 2004. С. 103–105.

Юйшу..., 1987 — Юйшу Лаохэшэнь [榆树老河深]. Памятник Лаохэшэнь, уезд Юйшу. Пекин: Вэньбу Чубаньшэ, 1987. 171 с.

Image of a deer in Xianbei metal plastic

V. B. Trubnikova³

Keywords: Xianbei, Tuoba, Murong, deer image, Xianbei plates, Xianbei buckles, Northeast China, Northern Wei, early Xianbei, sanlu plate.

An important hallmark for attributing Xianbei sites is the finds of reference bronzes with unique plots. The most common image in Xianbei metal plastic is a deer. The article analyzes the bronze belt plates with a deer, attributed as Xianbei. For the first time, two types of plates were identified: with a little deer and with a triple deer named sanlu. An analysis of the iconography of the images was made, possible analogies were suggested from the Hunnic artistic tradition, and an assumption was made about the manufacture of plates by Han masters. Based on the analysis, the chronology of the plates was made: the first type — 1st–2nd cen. AD, the period of Xianbei military campaigns outside China, the second type — 1st–4th cen. AD, the time of existence of all four local-chronological groups of Xianbei sites. An important conclusion was the revision of the Xianbei attribution of plates with a little deer, since their findings in monocultural Xianbei sites in Northeastern China are unknown. Sanlu plates, on the contrary, are found only in Xianbei monuments and are real Xianbei art.

³ Varvara B. Trubnikova — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: barbarera@gmail.com.

АНТРОПОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Краниоскопия населения окуневской культуры и вопросы его происхождения¹

А. В. Громов, А. А. Казарницкий, Н. И. Лазаретова²

Аннотация. В статье обсуждаются частоты шести краниоскопических признаков в сериях окуневской культуры, которые сравниваются с группами эпох неолита и бронзы Сибири и Восточной Европы. Отмечена необычная для окуневцев высокая частота подглазничного узора типа II в выборке из наиболее ранних погребений этой культуры. Результаты анализа главных компонент показывают, что черепа ранних окуневцев сходны скорее с сериями западного происхождения, чем с остальными окуневскими выборками и другими сибирскими группами эпох неолита и бронзы.

Ключевые слова: окуневская культура, Минусинская котловина, эпоха бронзы, краниоскопия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-257-265

Введение

Проблема генезиса окуневской культуры уже многие десятилетия остается дискуссионной. Конкурирующие точки зрения — автохтонное происхождение на основе местного неолита (Максименков, 1975; Вадецкая и др., 1980; Вадецкая, 2014) и миграционное — как результат переселения одной или нескольких групп ямно-катакомбного круга культур (Лазаретов, 1997; Лазаретов и др., 2012; Лазаретов, Поляков, 2018; Поляков, 2020). То же можно сказать и о формировании окуневского населения. Крайние позиции выражены А. Г. Козинцевым (Козинцев, 2020) — местное происхождение — и А. В. Поляковым (Поляков, 2020) — военный поход в Сибирь представителей ямно-катакомбной культурной общности. Материалом для обоснования обеих точек зрения

служат по сути одни и те же краниометрические данные двадцатилетней давности (Громов, 1997; 2002) и новые палеогенетические исследования (Allentoft et al., 2015; Damgaard et al., 2018; Hollard et al., 2018).

Краниоскопия занимает особое место среди систем признаков, характеризующих окуневскую палеопопуляцию. Именно низкая частота подглазничного узора типа II (ПГУ II), обнаруженная у окуневцев, стимулировала исследования связи между ними и американскими индейцами (Козинцев и др., 1995) — связи, впоследствии подтвержденной палеогенетиками (Allentoft et al., 2015; Hollard et al., 2018). При дальнейшем изучении населения эпох неолита и бронзы Сибири оказалось, что низкая частота ПГУ II свойственна не только окуневцам. Это дало основание говорить о сибирском очаге низкой частоты этого признака, охватывавшем территорию как минимум от Барабинской лесостепи до Минусинской котловины (Громов, 1997; 2002).

Вернуться к исследованиям краниоскопических признаков населения окуневской культуры нас побудили два обстоятельства. Во-первых, благодаря усилиям И. П. Лазаретова, А. В. Полякова и С. В. Морозова были раскопаны окуневские могильники Итколь I и II, Уйбат-Чарков, Уйбат-Батень, Красный Камень, которые дали новый представительный краниологический материал,

¹ Н. И. Лазаретовой исследование проведено в рамках выполнения гос. задания по теме «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² Громов А. В., Казарницкий А. А. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru, kazarnitski@mail.ru. Лазаретова Н. И. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru.

увеличив общую выборку окуневцев примерно в полтора раза. Во-вторых, И. П. Лазаретовым была разработана новая схема периодизации погребений окуневской культуры (Лазаретов, 2019), которая позволила сформировать выборку индивидов из наиболее ранних погребений уйбатского хронологического горизонта. Использование понятия «хронологический горизонт» вместо термина «этап», по мнению автора периодизации, подчеркивает непрерывность развития культуры и отсутствие четких границ при изменении традиции погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Именно поэтому иногда невозможно четко атрибутировать погребения какого-либо археологического памятника как относящиеся к определенному хронологическому горизонту — например, ряд погребений из могильника Уйбат III (см. далее). Особо следует подчеркнуть, что термины «уйбатский хронологический горизонт» и «уйбатский этап» не являются синонимами, и краниологические серии из более ранних работ, в названии которых присутствует термин «уйбатский», не имеют отношения к наиболее ранним окуневцам уйбатского хронологического горизонта — серии, составленной в основном из материалов недавно раскопанных могильников Уйбат-Чарков и Итколь II, курганы 12 и 14.

Эта статья представляет собой результат исследования краниоскопических признаков значительно увеличившейся в последнее время серии окуневских черепов. Особое внимание мы уделили наиболее ранним окуневцам из погребений уйбатского хронологического горизонта — группе, ключевой для решения проблемы происхождения окуневского населения.

Материал и методика

В настоящей работе использованы краниологические материалы эпох неолита и бронзы Сибири и Восточной Европы общей численностью 1385 черепов (если для группы не указан источник — данные публикуются впервые).

Окуневская культура

Уйбатский хронологический горизонт — 24 черепа, из них 11 мужских, 12 женских и 1 неопределимого пола из могильников Уйбат (раскопки Н. В. Леонтьева в 1968 г.), Уйбат III, Уйбат-Чарков, Итколь II.

Тас-хазинский хронологический горизонт — 26 черепов, из них 14 мужских, 11 женских и 1 неопределимого пола из могильников Тас-Хазаа,

Уйбат III и V (погребения в могильнике Уйбат III И. П. Лазаретов охарактеризовал как тасхазинско-лебяжинские).

Черновский хронологический горизонт представлен пятью сериями из отдельных могильников: окуневцы из могильника Черновая IV, VI, VIII — 58 черепов, из них 34 мужских и 24 женских (из Черновой IV и VI — 3 черепа, подавляющее большинство — из Черновой VIII (Громов, 1997)); окуневцы из могильника Верхний Аскиз I — 30 черепов, из них 15 мужских и 15 женских (Там же); окуневцы из могильника Сыда V — 24 черепа, из них 15 мужских и 9 женских; окуневцы из могильника Итколь I — 26 черепов, из них 15 мужских и 11 женских; окуневцы из могильника Итколь II — 23 черепа, из них 7 мужских и 16 женских.

Собственно лебяжинский, а также разливский хронологические горизонты не обеспечены краниологическим материалом, достаточным для формирования самостоятельных выборок.

В качестве сравнительного материала привлечены следующие выборки.

Неолит и ранняя бронза Прибайкалья — 73 черепа, из них 45 мужских и 28 женских (Kozintsev, 1992).

Неолит и ранняя бронза Алтай — 37 черепов, из них 21 мужской и 16 женских (Громов, 1997).

Афанасьевская культура — 84 черепа, из них 52 мужских и 32 женских (Минусинская котловина и Алтай суммарно).

Усть-тартасская культура — 41 череп, из них 21 мужской и 20 женских из могильника Сопка 2.

Одиновская культура — 88 черепов, из них 45 мужских и 43 женских из могильника Сопка 2.

Кротовская культура классического этапа — 95 черепов, из них 51 мужской и 44 женских из могильника Сопка 2.

Кротовская культура позднего этапа — 36 черепов, из них 20 мужских и 16 женских из могильника Сопка 2.

ЕК II (андроновское время) — 102 черепа, из них 68 мужских и 34 женских (Там же).

Андроновцы Минусинской котловины — 38 черепов, из них 26 мужских и 12 женских (Там же).

Андроновцы Верхнего Приобья — 44 черепа, из них 21 мужской и 23 женских (Там же).

Андроновцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана — 50 черепов, из них 25 мужских и 25 женских (Там же).

Ямная культура Волго-Уралья — 35 черепов, из них 25 мужских и 10 женских (Казарницкий и др., 2021).

Ямная культура Приуралья (тамар-уткульская) — 25 черепов, из них 18 мужских, 6 женских и 1 неопределимого пола (*Там же*).

Ямная культура Прикаспия — 46 черепов, из них 34 мужских и 12 женских (*Там же*).

Ямная культура Нижнего Дона — 41 череп, из них 35 мужских и 6 женских (*Там же*).

Полтавкинская культура (Волго-Уралье) — 31 череп, из них 24 мужских и 7 женских (*Там же*).

Ранняя катакомбная культура Прикаспия — 22 черепа, из них 17 мужских, 4 женских и 1 неопределимого пола (*Там же*).

Катакомбная культура Прикаспия — 31 череп, из них 17 мужских и 14 женских (*Там же*).

Катакомбная культура Прикаспия с искусственной деформацией — 38 черепов, из них 11 мужских и 27 женских (*Там же*).

Катакомбная культура Волго-Донская — 27 черепов, из них 16 мужских и 11 женских (*Там же*).

Катакомбная культура Нижнего Дона, правый берег — 90 черепов, из них 67 мужских и 23 женских (*Там же*).

Катакомбная культура Нижнего Дона, левый берег — 63 черепа, из них 41 мужской и 22 женских (*Там же*).

Катакомбная культура Нижнего Дона с искусственной деформацией, правый берег — 37 черепов, из них 21 мужских, 15 женских и 1 неопределимого пола (*Там же*).

На черепах фиксировались шесть краниоскопических признаков: затылочный индекс (ЗИ), частота клиновидно-верхнечелюстного шва (КВШ), частота заднескулового шва (ЗСШ), частота подглазничного узора типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ), частота надглазничных отверстий (НО) (*Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992; Томашевич, 1988; Dodo, 1987*). Для ЗИ, ЗСШ, ПГУ II, ИПНШ и НО данные суммированы без учета пола, для КВШ вычислялись полусуммы мужских и женских значений. В подавляющем большинстве групп численность оказалась слишком малой для расчета ЗИ I. Реже встречалось недостаточное количество наблюдений КВШ у одного из полов. В обоих случаях частоты признаков были вычислены по регрессионным формулам (*Козинцев, 1988*).

Межгрупповое сопоставление проводилось с помощью анализа главных компонент преобразованных в радианы частот пяти краниоскопических признаков. Затылочный индекс был

исключен из-за наличия в отдельных группах деформированных черепов. Использована программа Б. А. Козинцева.

Результаты и обсуждение

Затылочный индекс, за исключением окуневской серии из Черновой, везде вычислен на основании регрессионной формулы. По его значению рассматриваемые группы делятся преимущественно по географическому принципу. Низкими (до 10 %) частотами ЗИ обладают ямно-катакомбные выборки и афанасьевцы, а среди сибирских групп — ЕК II и серия одиновской культуры (табл. 1). Основная масса сибирских выборок имеет значение ЗИ, превышающее 15 % (максимальное значение — в усть-тартасской выборке). Среди окуневских серий наименьшее значение ЗИ — в суммарной группе из погребений уйбатского хронологического горизонта. Особняком стоят андроновцы Минусинской котловины и Верхнего Приобья — группы европейского происхождения, характеризующиеся большими значениями ЗИ.

В отличие от ЗИ, по частоте КВШ европейские и сибирские (без афанасьевцев и андроновцев) группы существенно не отличаются. Можно отметить минимальное значение частоты КВШ в усть-тартасской серии. Из окуневских выборок наименьшая частота этого признака свойственна суммарной группе из погребений уйбатского хронологического горизонта, наибольшая — серии из могильника Сыда V.

Максимальная частота ЗСШ наблюдается в самой восточной группе (неолит и ранняя бронза Прибайкалья), минимальная — у афанасьевцев. У окуневских групп частота этого признака варьирует практически в пределах всей изменчивости рассматриваемых серий. Как уже отмечалось (*Громов, 1997*), ЗСШ часто встречается у индивидов, захороненных в пределах одного погребального сооружения, — скорее всего, родственников. Такая ситуация наблюдается в серии тасхазинского хронологического горизонта, где этот шов отмечен на черепах из кургана 1 могильника Уйбат III. Учитывая в среднем меньшую частоту встречаемости данного признака по сравнению с другими (за исключением разве что вставочных костей в затылочно-сосцевидном шве, определяющих значение ЗИ), нужно признать, что частота ЗСШ лучше характеризует большие суммарные серии.

Таблица 1. Частоты краниоскопических признаков в сериях эпох неолита и бронзы
 Table 1. Frequencies of cranioscopic signs in the series of the Neolithic and Bronze Ages

Выборка	ЗИ		КВШ		ЗШШ		ШГУ II		ИПНШ		НО	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Окуневская уйбатского хронол. горизонта, суммарно	32	15,1*	56	12,2	31	6,4	32	59,4	36	61,1	44	63,6
Окуневская гас-хазинского хронол. горизонта, суммарно	22	22,1*	61	22,0	31	16,1	31	29,0	39	64,1	46	43,5
Окуневская из Черновой IV, VI, VIII	63	22,7	168	37,0	88	6,8	72	30,6	75	60,0	115	59,1
Окуневская из Верхнего Аскиза I	15	31,9*	67	17,2	34	5,9	34	26,5	28	32,1	55	52,7
Окуневская из Итголя I	52	16,2*	82	34,5	44	13,6	31	51,6	27	40,7	52	28,8
Окуневская из Итголя II (черновский хронологический горизонт)	46	26,4*	68	28,0	36	5,6	29	31,0	20	45,0	45	55,6
Окуневская из Сыды V	19	25,5*	51	40,8*	26	11,5	25	36,0	23	65,2	30	50,0
Неолита и ранней бронзы Прибайкалья	34	54,2*	171	8,7	78	17,9	72	43,1	73	71,2	59	50,8
Неолита и ранней бронзы Алтая	19	58,5*	31	22,9	30	13,3	11	27,3	20	55,0	56	44,6
Афанасьевская суммарная	82	1,0*	161	17,9	90	2,2	76	56,6	89	64,0	158	49,7
Усть-таргасская	34	62,0*	33	8,6*	41	9,8	28	53,6	27	51,8	74	39,2
Одиновская	52	8,9*	45	20,9*	59	15,2	28	28,6	40	62,5	144	24,3
Кротовская классического этапа	58	21,0*	65	14,2	65	7,7	35	22,9	79	68,4	143	25,2
Кротовская позднего этапа	32	26,5*	60	24,8	40	15,0	18	55,6	22	72,7	68	19,2
ЕК-II	43	2,4*	55	15,9*	74	8,1	30	46,7	52	82,7	157	21,7
Андроновская Минусинской котловины	39	21,8*	110	59,8	56	5,4	38	65,8	49	63,3	73	37,0
Андроновская Верхнего Приобья	33	55,2*	79	33,3	36	5,6	29	62,1	42	61,9	79	43,0
Андроновская Северн., Вост. и Центр. Казахстана	40	11,9*	52	43,8	35	8,6	17	52,9	29	72,4	80	41,2
Ямная волго-уральская	54	1,9*	30	36,7*	41	4,9	28	39,3	25	64,0	60	38,3
Ямная приуральская (тамар-уткульская)	46	6,5*	36	19,4*	26	3,8	21	57,1	21	76,2	48	41,7

Выборка	ЗИ		КВШ		ЗСШ		ПГУ II		ИПНШ		НО	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Ямная прикаспийская	66	3,0*	66	22,7*	46	8,7	49	46,9	39	79,5	88	54,5
Ямная нижнедонская	41	4,9*	8	25,0*	18	11,1	21	57,1	15	86,7	73	38,4
Полтавкинская (волго-уральская)	46	6,5*	48	25,3	30	10,0	26	57,7	24	75,0	61	41,0
Ранняя катакомбная прикаспийская	45	2,2*	50	38,4	32	3,1	27	48,1	28	67,9	43	30,2
Катакомбная прикаспийская	94	1,1*	73	22,4	39	10,3	38	47,4	41	65,9	61	54,1
Катакомбная прикаспийская с деформацией	86	2,3*	71	26,9	43	14,0	51	49,0	47	80,9	71	39,4
Катакомбная волго-донская	58	3,4*	24	26,3	31	12,9	24	45,8	14	85,7	53	41,5
Катакомбная нижнедонская с деф., прав. берег	46	8,7*	38	25,4	17	5,9	18	50,0	23	73,9	65	43,1
Катакомбная нижнедонская, прав. берег	86	2,3*	84	8,9	48	10,4	57	59,6	45	75,6	157	45,2
Катакомбная нижнедонская, лев. берег	70	1,4*	78	16,5	35	17,1	47	44,7	53	79,2	99	45,5

* — Рассчитано по уравнению регрессии.

Таблица 2. Элементы главных компонент анализа серий эпох неолита и бронзы по пяти краниоскопическим признакам
Table 2. Elements of the principal components of the analysis of the Neolithic and Bronze Age series according to five cranioscopic features

Признак	ГК I	ГК II	ГК III
КВШ	-0,119	0,223	0,918
ЗСШ	0,394	-0,740	0,090
ПГУ II	0,514	0,751	-0,018
ИПНШ	0,850	0,105	-0,157
НО	-0,560	0,281	-0,386
Собственные числа	1,471	1,252	1,026
Общая изменчивость, %	29,42	25,03	20,52

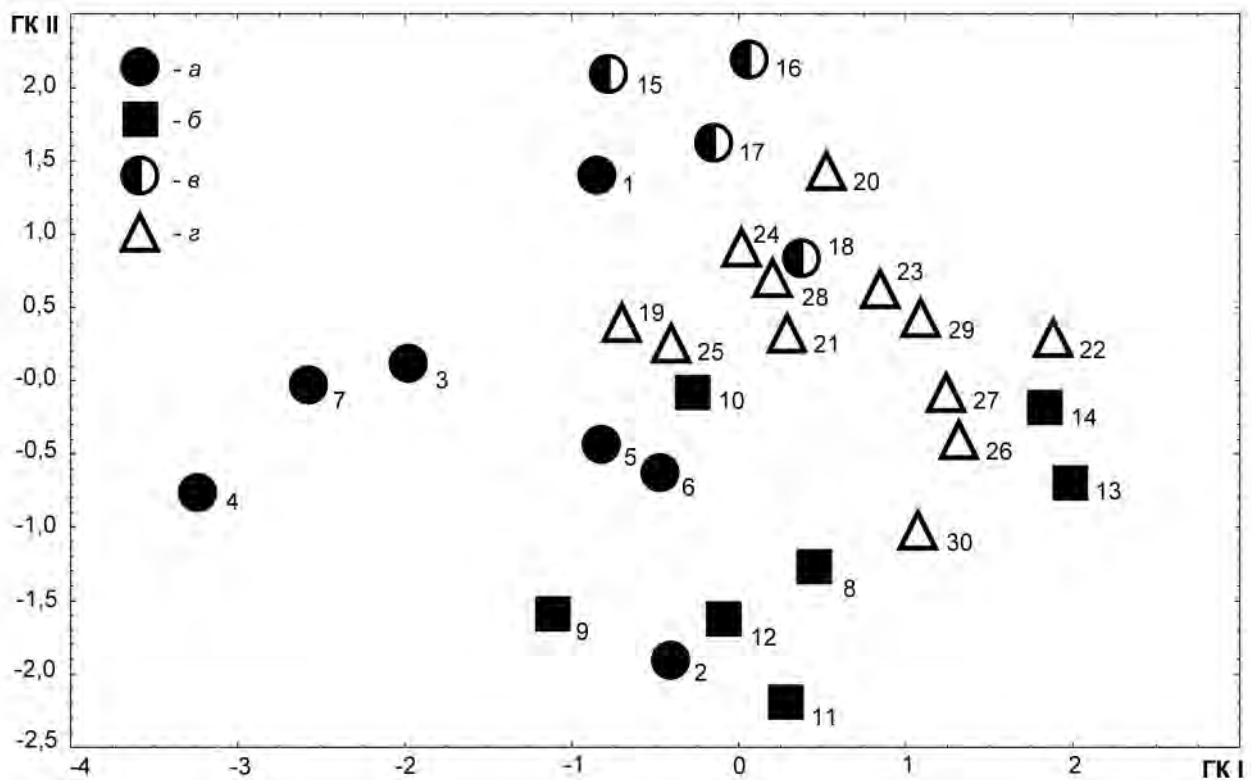

Рис. 1. Результаты анализа главных компонент серий эпох неолита и бронзы по пяти краниоскопическим признакам. Выборки: 1 — окуневская, уйбатский хронологический горизонт; 2 — окуневская, тас-хазинский хронологический горизонт; 3 — окуневская из могильника Черновая VIII; 4 — окуневская из могильника Верхний Аскиз I; 5 — окуневская из могильника Сыда V; 6 — окуневская из могильника Итколь I; 7 — окуневская из могильника Итколь II черновского хронологического горизонта; 8 — прибайкальского неолита и ранней бронзы; 9 — алтайского неолита и ранней бронзы; 10 — усть-тартасская; 11 — одиновская; 12 — кротовская классического этапа; 13 — кротовская позднего этапа; 14 — из могильника ЕК II; 15 — афанасьевская; 16 — андроновская минусинская; 17 — андроновская верхнеприобская; 18 — андроновская северо-восточно-центрально-казахстанская; 19 — ямная волго-уральская; 20 — ямная приуральская (тамар-уткульская); 21 — ямная прикаспийская; 22 — ямная нижнедонская; 23 — полтавкинская (волго-уральская); 24 — ранняя катакомбная прикаспийская; 25 — катакомбная прикаспийская; 26 — катакомбная прикаспийская с деформацией; 27 — катакомбная волго-донская; 28 — катакомбная нижнедонская, правый берег, с деформацией; 29 — катакомбная нижнедонская, правый берег; 30 — катакомбная нижнедонская, левый берег. Условные обозначения: *a* — окуневские группы; *б* — прочие сибирские группы; *в* — афанасьевская и андроновские группы; *г* — ямные и катакомбные группы

Fig. 1. Results of analysis of the principal components of series of the Neolithic and Bronze Age through five non-metric traits. Samples: 1 — Okunev Uybat chronological horizon; 2 — Okunev, Tas-Khazaa chronological horizon; 3 — Okunev group from the cemetery of Chernovaya VIII; 4 — Okunev from the cemetery of Verkhny Askiz I; 5 — Okunev from the cemetery of Syda V; 6 — Okunev from the cemetery of Itkol I; 7 — Okunev from the cemetery of Itkol II of the Chernovaya chronological horizon; 8 — Baikal Neolithic and early Bronze Age; 9 — Altay Neolithic and early Bronze Age; 10 — Ust-Tartas; 11 — Odino; 12 — Krotovo of the classic stage; 13 — Krotovo of the late stage; 14 — from the cemetery of EK II; 15 — Afanasyevskaya; 16 — Minusinsk Andronovo; 17 — Upper-Ob Andronovo; 18 — Andronovo of north-east-central Kazakhstan; 19 — Volga-Ural Yamnaya culture; 20 — Ural (Tamar-Utkul) Yamnaya; 21 — Caspian Yamnaya; 22 — Low-Don Yamnaya; 23 — Poltavka (Volga-Ural) culture; 24 — early Caspian catacomb culture; 25 — Caspian catacomb culture; 26 — Caspian catacomb culture with deformation; 27 — Volga-Don catacomb culture; 28 — Low-Don catacomb culture, right bank, with deformation; 29 — Low-Don catacomb culture right bank; 30 — Low-Don catacomb culture, left bank. Keys: *a* — Okunev groups; *б* — other Siberian groups; *в* — Afanasyevskaya and Andronovo groups; *г* — Yamnaya and Catacomb groups

Низкая частота ПГУ II (около 30 %) — ключевой признак, характеризующий население окуневской культуры. До последнего времени нам не было известно исключений в локальных группах окуневцев. Однако новые материалы из могильников Уйбат-Чарков и Итколь II нарушили это единообразие. Суммарная серия из погребений уйбатского хронологического горизонта в этих двух могильниках дала частоту ПГУ II — 70,4 % (Громов и др., 2021). Объединение этих материалов с черепами из других памятников долины р. Уйбат (см. ранее) уменьшило эту долю до 59,4 % (табл. 1), тем не менее значение частоты ПГУ II в серии уйбатского хронологического горизонта по-прежнему вдвое превышает ранее фиксировавшееся у окуневцев. Однако эта группа уже не одинока: у черепов из могильника Итколь I черновского хронологического горизонта ПГУ II также встречается довольно часто (51,6 %). Странно, что в погребениях этого периода в соседнем могильнике Итколь II частота ПГУ II вполне обычна для окуневских выборок — 31,0 %.

ИПНШ в ямно-катакомбных выборках в среднем больше (75,9 %), чем в сибирских группах (59,5 % без афанасьевцев и андроновцев), у окуневцев он еще меньше (52,6 %). Какие-либо хронологические тенденции в распределении частот этого признака у окуневских выборок отсутствуют. Отметим очень большое значение ИПНШ в серии из ЕК II.

Высокая частота надглазничных отверстий — второй признак, характерный для всех известных до последнего времени окуневских групп (Громов, 2002). В отличие от ПГУ II, низкая частота которого объединяет окуневские группы Минусинской котловины и барабинские серии доандроновского времени, высокая частота НО — характерная окуневская черта. Отметим, что максимальна она у самых ранних окуневцев, а минимальна — в серии из Итколя I, которая предстает наиболее нестандартной

из окуневских групп черновского хронологического горизонта.

Все выборки, приведенные в таблице 1, были привлечены для анализа главных компонент по пяти краниоскопическим признакам. Две первые главные компоненты (ГК) охватывают в сумме 54,4 % общей изменчивости. В ГК I наибольшую роль играют ИПНШ, НО и ПГУ II, в ГК II — ПГУ II и ЗСШ (табл. 2). Все выборки разделились по географическому принципу с учетом происхождения (рис. 1). Одну группу составляют серии ямно-катакомбного круга культур, к которым примыкают афанасьевцы, андроновцы, две барабинские группы (ЕК II и позднекротовская), испытавшие влияние андроновской миграции, и окуневская выборка из погребений уйбатского хронологического горизонта. Последняя наиболее близка афанасьевцам и андроновцам. Окуневские серии черновского хронологического горизонта располагаются в области отрицательных значений ГК I и близких к нулю — ГК II. Серия тас-хазинского хронологического горизонта смещена к группе сибирских доандроновских групп, характеризующихся большой частотой ЗСШ. Данное обстоятельство может быть случайным (см. ранее). Несмотря на отмеченное своеобразие серии из Итколя I, оно недостаточно велико, чтобы данная группа выпала из общей массы черновских выборок, хотя и располагается ближе всего из них к нулевому значению ГК I.

Таким образом, по данным краниоскопии индивиды из погребений уйбатского хронологического горизонта отличаются от остальных окуневцев. Прежде всего речь идет об очень высокой частоте ПГУ II. Но и по результатам анализа главных компонент наиболее ранние окуневцы предстают скорее европейской группой, чем сибирской. Возможно, изучение данных краниометрии поможет более точно ответить на вопрос о происхождении этой своеобразной краниологической серии.

Вадецкая, 2014 — Вадецкая Э. Б. Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014 (Тр. ИИМК; Т. XLII). С. 315–331.

Вадецкая и др., 1980 — Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

Громов, 1997 — Громов А. В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 294–300.

- Громов, 2002 — Громов А. В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. СПб.: б. и., 2002. 34 с.
- Громов и др., 2021 — Громов А. В., Казарницкий А. А., Лазаретова Н. И., Хохлов А. А. Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 151–153.
- Казарницкий и др., 2021 — Казарницкий А. А., Григорьев А. П., Капинус Ю. О., Громов А. В., Хохлов А. А. Краниоскопические данные о населении степной и лесостепной зон Восточной Европы IV–III тыс. до н. э. // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 115–128.
- Козинцев, 1988 — Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 168 с.
- Козинцев, 2020 — Козинцев А. Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // АЭАЕ. 2020. № 4 (48). С. 135–145.
- Козинцев и др., 1995 — Козинцев А. Г., Громов А. В., Моисеев В. Г. Американцы на Енисее? (Антропологические параллели одной гипотезе) // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конф. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 74–77.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 28, № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 23, № 3. С. 41–69.
- Лазаретов и др., 2012 — Лазаретов И. П., Поляков А. В., Есин Ю. Н., Лазаретова Н. И. Новые данные по формированию окуневского культурного феномена // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОССПЭН, 2012. С. 130–136.
- Максименков, 1975 — Максименков Г. А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.06 / АН СССР. СО. Объед. уч. совет по ист.-филол. и философ. наукам. Новосибирск: б. и., 1975. 39 с.
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 3–6.
- Томашевич, 1988 — Томашевич Т. В. Закономерности распределения частот надглазничных каналов черепа человека // Вопросы антропологии. 1988. № 80. С. 106–113.
- Allentoft et al., 2015 — Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa Ph. D., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522, no. 7555. P. 167–172.
- Damgaard et al., 2018 — Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J. V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediay F. E., Ullah I., Sjögren K.-G., Iversen K. H., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S. Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M. H., Goriunova O. I., Bazaliiskii V. I., Novembre J., Weber A. W., Orlando L., Allentoft M. E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A. K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // Science. 2018. Vol. 360, is. 6396. P. 1422. DOI: 10.1126/science.aar7711.

Dodo, 1987 — *Dodo Y.* Supraorbital foramen and hypoglossal canal bridging: the two most suggestive non-metric cranial traits in discriminating major racial groupings of man // *Journal of the Anthropological Society of Nippon*. 1987. Vol. 95. P. 19–35.

Hollard et al., 2018 — *Hollard C.*, *Zvenigorosky V.*, *Kovalev A.*, *Kiryushin Y.*, *Tishkin A.*, *Lazaretov I.*,

Crubezy E., *Ludes B.*, *Keyser C.* New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. No. 167. P. 97–107.

Kozintsev, 1992 — *Kozintsev A. G.* Ethnic epigenetics: A new approach // *Homo*. 1992. Vol. 43, no. 3. P. 213–244.

Cranioscopy of the population of the Okunev culture and problems of its origin

A. V. Gromov, A. A. Kazarnitskiy, N. I. Lazaretova³

Keywords: Okunevo culture, Minusinsk basin, Bronze Age, cranioscopy.

The authors analyse the distribution of the frequencies of six non-metric traits at 1,385 skulls from Neolithic and Bronze Age Siberia and East Europe grouped into 30 series. Seven of these series belong to the Okunev culture. There is noted a high frequency of the suborbital pattern of type II (IOP II) in the total series of the Uybat chronological horizon which is the earliest Okunev group. It exceeds the 30-percent frequency of IOP II common for populations of this culture. Still another Okunev series from the cemetery of Itkol I peculiar in terms of its frequencies of the non-metric traits belongs to the late i. e. Chernovaya chronological horizon. It is characteristic of a frequency of the supraorbital foramens unusually low for the Okunev people, as well as of some increase of IOP II. The results of principal components analysis show a peculiarity of the early Okunev people who proved to be similar rather to series of the western origin than to other Okunev groups. In the diapason of the first two principal components, the series from burials of the Uybat chronological horizon is most similar to the Afanasyevskaya and Andronovo samples. The series from Itkol I does not fall out from the general mass of the samples from the Chernovaya chronological horizon still further stressing the peculiarity of the early Okunev population.

³ Andrey V. Gromov, Aleksey A. Kazarnitskiy — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru, kazarnitski@mail.ru. Natalia I. Lazaretova — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru.

Искусственная деформация головы у ранних окуневцев

А. В. Громов, А. А. Казарницкий¹

Аннотация. Методами геометрической морфометрии изучены сагиттальные контуры искусственно деформированных черепов представителей окуневской культуры и эпохи ранней бронзы Калмыкии. Установлено, что наиболее ранние окуневские черепа (уйбатский хронологический горизонт) отличаются от поздних характером деформации. У первых больший акцент деформирующего воздействия приходится на затылочную область мозговой коробки, у вторых — на теменную. Морфология искусственно деформированных черепов эпохи ранней бронзы Калмыкии сходна с таковой ранних окуневских черепов.

Ключевые слова: искусственная деформация черепа, геометрическая морфометрия, окуневская культура, эпоха ранней бронзы, Калмыкия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-266-274

Введение

Более 20 лет назад было доказано, что своеобразная форма большей части черепов представителей окуневской культуры является результатом искусственной деформации (Беневоленская, Громов, 1997). Эта деформация была определена авторами указанной работы как уплощение затылочно-теменной части черепа. Для ее количественного описания были разработаны индекс формы затылка (далее — ИФЗ) и индекс высоты затылка (далее — ИВЗ) (Там же. С. 288–289), а также приведены аргументы в пользу колыбельного характера деформации. Одновременно был определен круг краниологических серий со сходной искусственной деформацией — теменной, по классификации Е. В. Жирова (Жиров, 1940): зороастрийцы Фринкента, несториане Чуйской долины, отдельные серии ямно-катакомбного круга культур. Согласно значениям ИФЗ и ИВЗ, наиболее сходными с окуневскими оказались черепа носителей ямной культуры Калмыкии и группы XIII в. из Фринкента.

Описывая фринкентскую краниологическую серию, Е. В. Жиров на основании письменных

источников и морфологии черепов восстановил предположительный способ деформирования: «...можно реконструировать практику деформирования у зороастрийцев Фринкента следующим образом. На дощечку, привязанную к голове, сверху накладывались мешки (с песком? — А. Г., А. К.), а затем ребенка привязывали к столу обычно на востоке „бешику“. При достаточно высоком изголовье давление было почти перпендикулярно теменной области, в ином же случае оно смещалось по направлению к затылку, причем по небрежности матери или няньки могло быть перенесено уже прямо на затылочную область... Таким образом, деформация, наблюдающаяся на фринкентских черепах, в целом должна быть определена как затылочно-теменная...» (Жиров, 1949. С. 270). Автор подчеркнул роль изменений формы черепа в затылочной области, а кроме того, отметил у отдельных черепов случаи перехода к затылочной деформации (Там же. С. 269). Подобные примеры были описаны и для окуневцев (Громов, 1998. С. 151; Галеев, 2010).

Большое количество исследованных памятников окуневской культуры позволило установить их внутреннюю хронологию, которая продолжает уточняться (Лазаретов, 2019). Первым из авторов этой статьи (Громов, 2002; 2004) в свое время было отмечено, что на черепах из ранних погребений следов деформирующего воздействия

¹ Громов А. В., Казарницкий А. А. — Отдел антропологии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru, kazarnitski@mail.ru.

либо нет вовсе, либо они очень слабые, в то время как у поздних («черновских») деформация обычна и выражена более явно. За время, прошедшее после публикации указанных работ, выборка окуневских антропологических материалов существенно увеличилась благодаря раскопкам могильников Итколь I и II, Уйбат-Чарков и других под руководством И. П. Лазаретова, А. В. Полякова и С. В. Морозова. В том числе стала более представительной выборка из ранних окуневских погребений. Наличие и характер деформации черепов, обнаруженных там, требует более детального рассмотрения.

В последние годы в арсенале методов краниологов прочное место заняла геометрическая морфометрия. Благодаря ей мы можем избавиться от основного недостатка использования индексов, а именно игнорирования строения свода черепа вне точек измерения. Особенно ярко этот недостаток проявился при изучении теменной деформации черепов из тесинских грунтовых погребений (Громов, 2004). У этих черепов деформация визуально сходна с окуневской, но уплощенность свода начинается дорсальнее проекции опистиона на сагиттальный шов и занимает меньшую площадь, практически не затрагивая затылочную кость. В результате ИВЗ не работает вовсе, а по ИФЗ тесинцы оказываются на границе с недеформированными сериями (Там же). Похожая ситуация наблюдалась в анализе материалов ямной и ямно-катакомбной культур Калмыкии в случае слабодеформированных черепов (Казарницкий, 2012). Геометрическая же морфометрия позволяет нам оценить форму сагиттального контура черепа в целом.

Задачей данной работы является изучение искусственной деформации черепов окуневцев разных хронологических периодов и сравнение ее с таковой у черепов из погребений ранней бронзы Калмыкии (далее — РБК). Привлечение калмыцких материалов оправдано, во-первых, максимальным сходством с окуневцами по значениям ИФЗ и ИВЗ, во-вторых, миграционной гипотезой происхождения окуневской культуры (Поляков, 2020).

Материал и методы

Из краниологических серий окуневской культуры нами были отобраны черепа с признаками искусственной деформации (35 мужских и 28 женских), сагиттальный контур которых не

был поврежден. Использованы материалы памятников Верхний Аскиз I, Уйбат III и V, Уйбат-Чарков, Итколь I и II, Красный камень. Таким же образом были отобраны черепа эпохи РБК (14 мужских и 12 женских) из могильников Чограй I и II, Архаринский, Лолинский (ямная, ямно-катакомбная и раннекатакомбная культуры).

Деформированные черепа были сфотографированы в левой латеральной норме. Затем на фотографиях с помощью программы tpsDig (Rohlf, 2005) были расставлены 15 точек по сагиттальному контуру мозгового отдела на равном расстоянии друг от друга от назиона до основания сосцевидного отростка. Координаты точек были обработаны стандартными для геометрической морфометрии методами (в том числе проведен анализ главных компонент) с помощью программы MorphoJ (Klingenberg, 2011).

Материалы окуневской культуры были сгруппированы нами согласно схеме И. П. Лазаретова, включающей пять хронологических горизонтов (Лазаретов, 2019). Уйбатский и тас-хазинский хронологические горизонты (далее — ХГ) рассматривались отдельно, единичные черепа лебяжинского и разливского ХГ были включены в серию черновского ХГ. Таким образом мы сформировали суммарную позднюю группу и две отдельные ранние. Последние, в свою очередь, были объединены в суммарную раннюю выборку при проведении с помощью программы Statistica 12.0 теста Манна–Уитни (U-test) по краниометрическим признакам.

Результаты и обсуждение

Еще на этапе отбора материала мы обратили внимание на то, что у некоторых черепов представителей окуневской культуры уплощенная область приходится в основном не на теменные кости (как у большинства), а на затылочную. Практически все такие черепа относятся к ранним ХГ окуневской культуры. Условно обозначим эти два типа деформации буквами А и Б (рис. 1). Наличие черепов с деформацией разных типов в одной палеопопуляции — не редкость. Так, Р. М. Галеев описал черепа с затылочно-теменной и затылочной («бешиковой») деформациями в окуневской серии из Черновой VIII (Галеев, 2010); Т. К. Ходжайов отметил два принципиально разных типа искусственной деформации головы у средневекового населения Хорезма — теменную и лобно-затылочную (Ходжайов, 2000). Авторы данной

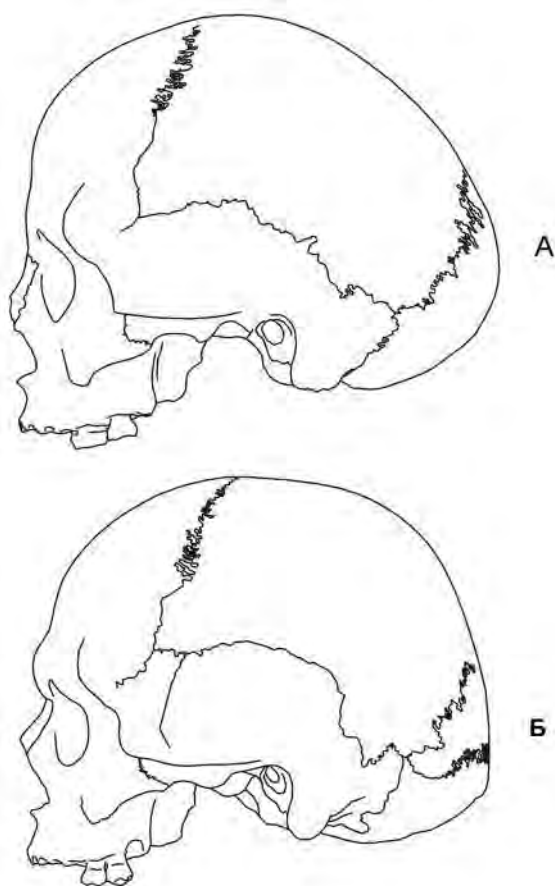

Рис. 1. Черепа с разными типами искусственной деформации из могильника окуневской культуры Итколь II: А — курган 22, могила 2, череп А (тип деформации А); Б — курган 12, могила 10, череп Б (тип деформации Б)

Fig. 1. Crania with different types of artificial deformation from the cemetery of Itkol II of the Okunev culture. А — barrow 22, grave 2, skull А (type А of deformation), Б — barrow 12, grave 10, skull Б (type Б of deformation)

статьи, исследуя средневековые искусственно деформированные черепа из среднеазиатского могильника Шулуктепа с помощью методов геометрической морфометрии и классической краниометрии, показали не только разницу в типах деформации внутри этой серии, но и связь этих типов с различными вариантами строения лицевого скелета выделенных подгрупп (Громов, Казарницкий, 2020).

В результате анализа главных компонент мужских серий окуневской культуры было выяснено, что две первые главные компоненты (далее — ГК) охватывают две трети изменчивости (36,6 и 29,5 %). Обе ГК примерно одинаково описывают

изменение формы от небольшого уплощения верхней части затылочной чешуи до выраженной теменной деформации (рис. 2) — иными словами, от типа Б к типу А. Таким образом, вектор изменения формы сагиттального контура направлен по диагонали графика. Все индивиды из погребений самого раннего уйбатского ХГ находятся у основания диагонали, не смешиваясь с поздней окуневской выборкой. Черепа тас-хазинского ХГ распределились поровну между самой ранней и поздней выборками.

Женские ранние черепа очень малочисленны, но в поле ГК I и ГК II мы можем наблюдать примерно ту же картину (рис. 3). Содержание первых двух ГК не отличается от такового в случае мужчин, разве что у женщин большую роль играет угол наклона лба. Размах описываемой изменчивости также составляет около двух третей (40,6 и 32,4 %).

Таким образом, наблюдается четкое хронологическое различие в вариантах искусственной деформации черепов окуневской культуры: ранние образцы обнаруживают скорее затылочную деформацию (тип Б), в то время как поздние — теменную (тип А). Единичные деформированные черепа лебяжинского и разлиевского ХГ в этом смысле не отличаются от таковых черновского ХГ.

На следующем этапе нашей работы мы добавили к окуневским выборкам черепа эпохи РБК. Размах изменчивости, описываемой двумя первыми ГК, у мужчин практически не изменился (37,4 и 32,8 %), но поменялось содержание ГК I. В отличие от ГК II, которая, как и в случае только окуневских серий, фиксирует изменение формы сагиттального контура от затылочной деформации к теменной, ГК I отражает скорее изменение формы затылка (рис. 4). В результате массив точек, относящихся к окуневским индивидам, оказывается слегка повернут против часовой стрелки относительно результата предыдущего анализа. Разброс координат мужских черепов РБК в пространстве двух ГК очень велик. Имеются два индивида, отличающиеся низким положением полюса затылка, которые, видимо, повлияли на характер ГК I: они занимают крайнее положение на ее положительном полюсе. Имеются также три индивида с теменной деформацией (тип А), которые попали в область координат, характерных для поздних окуневцев. Но подавляющее большинство мужских черепов РБК оказались похожи на самые ранние окуневские образцы (тип Б, см. рис. 4).

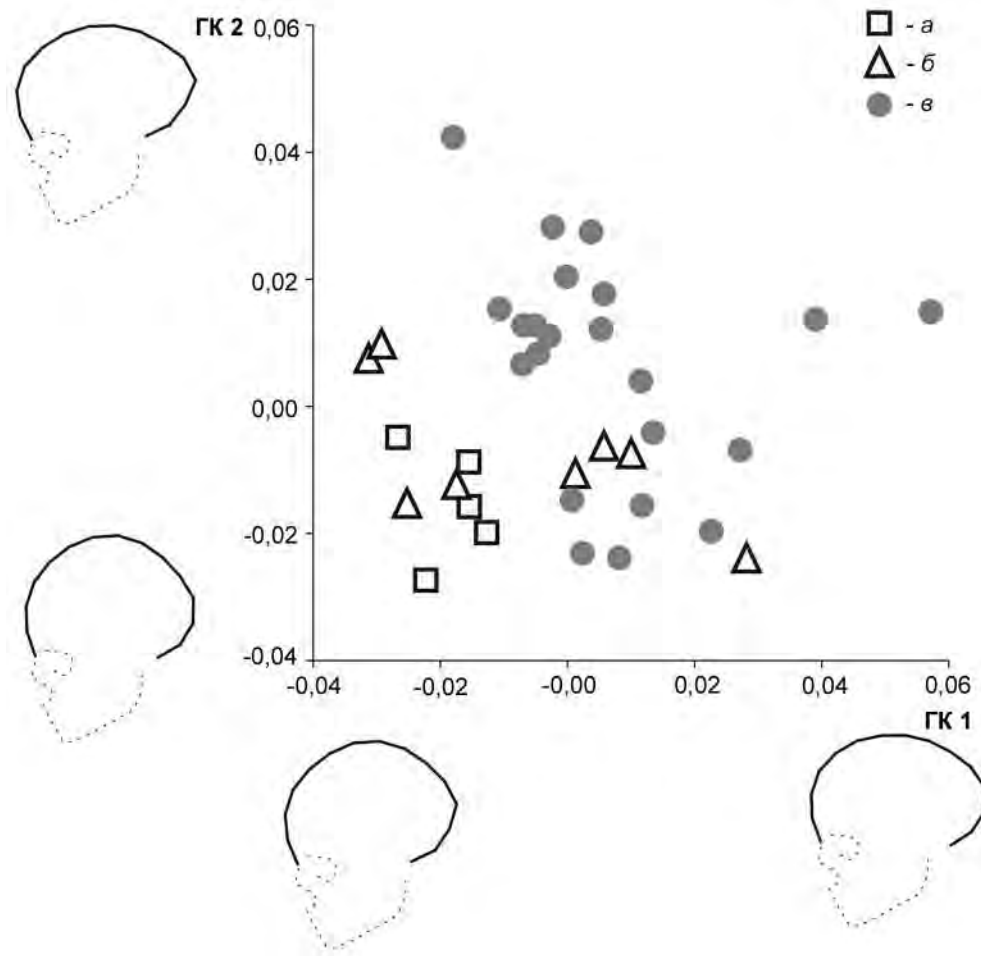

Рис. 2. Результаты анализа главных компонент (ГК) сагиттального контура деформированных черепов мужчин окуневской культуры. Условные обозначения: *a* — черепа из погребений уйбатского хронологического горизонта; *б* — черепа из погребений тас-хазинского хронологического горизонта; *в* — черепа из погребений черновского хронологического горизонта

Fig. 2. Results of analysis of principal components (PC) of the sagittal contour of the deformed skulls of males of the Okunev culture. Keys: *a* — crania from burials of the Uybat chronological horizon; *б* — crania from burials of the Tas-Khazaa chronological horizon; *в* — crania from burials of the Chernovaya chronological horizon

Анализ женских серий окуневской культуры и РБК выявил, прежде всего, своеобразие формы сагиттального контура последних. Содержание двух первых ГК (рис. 5) практически аналогично тому, что мы получили при анализе одних только окуневских черепов. Правда, в данном случае ГК I описывает существенно бóльшую часть изменчивости (49,3 %) по сравнению с ГК II (25,2 %). Это обстоятельство коррелирует с положением черепов женщин РБК на графике: они занимают полярное положение по ГК I. В отличие от черепов мужчин, форма сагиттального контура черепов женщин РБК весьма однообразна. У них не встре-

чается деформация типа А и нет черепов с низким полюсом затылка. Все деформированные черепа женщин РБК имеют тип деформации Б. Хотя массив черепов РБК занимает обособленное положение на графике, ближе всего к нему единичные окуневские черепа уйбатского ХГ. Их слишком мало, чтобы сделать однозначные выводы, но, учитывая ситуацию у мужчин, скорее всего, некоторое сходство деформации черепов женщин РБК и ранних окуневских неслучайно.

Что касается существенных различий черепов мужчин и женщин РБК, то заключение, сделанное авторами (Громов, Казарницкий, 2011;

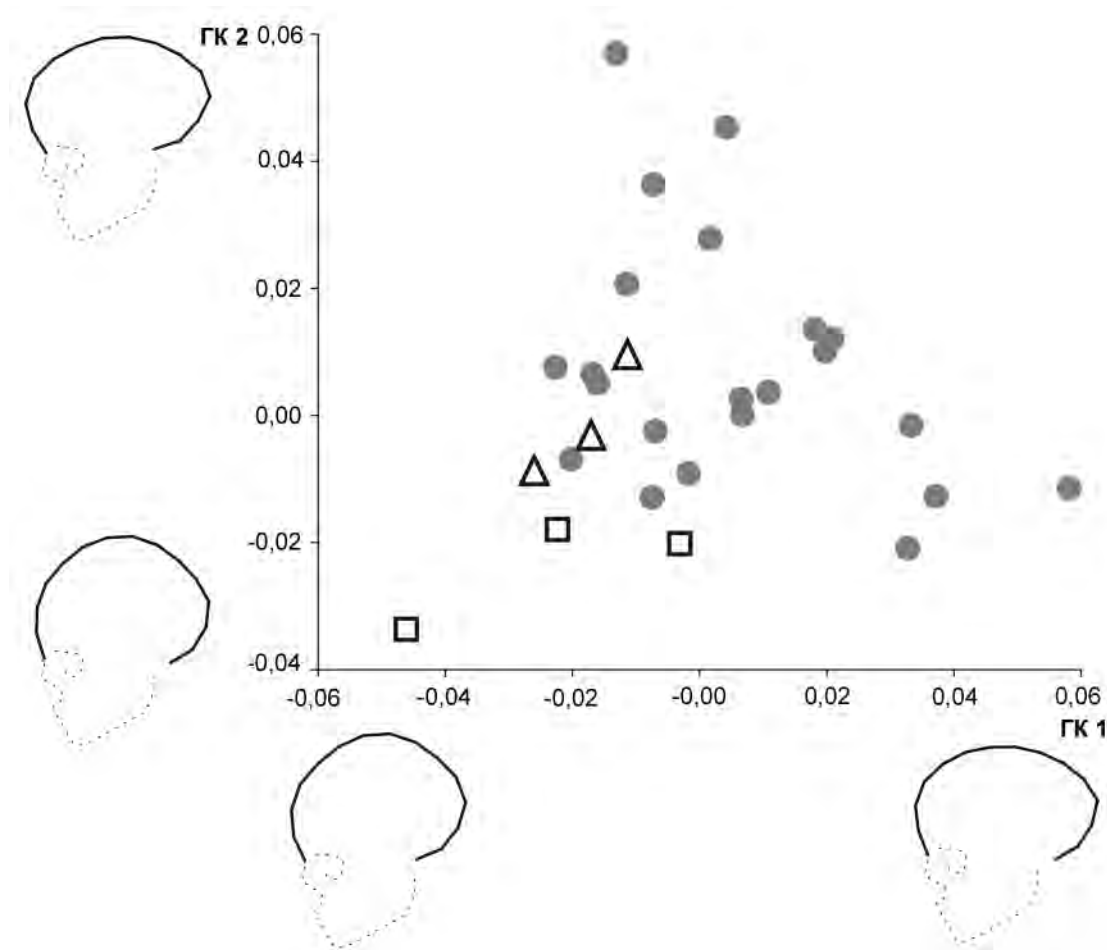

Рис. 3. Результаты анализа главных компонент (ГК) сагиттального контура деформированных черепов женщин окуневской культуры. Условные обозначения: см. рис. 2

Fig. 3. Results of analysis of principal components of the sagittal contour of the deformed skulls of females of the Okunev culture. For keys see Fig. 2

Казарницкий, 2012) на основании изучения ИФЗ, ИВЗ и краниометрических признаков этих черепов, актуально и для результатов анализа сагиттального контура методами геометрической морфометрии. Мы показали, что затылочно-теменная деформация чаще встречается и лучше выражена на брахикранных черепах небольшого размера (а таковы все исследованные черепа женщин РБК). Морфология мужской части этой серии более разнообразна, и, соответственно, разнообразна форма сагиттального контура.

Попарное сравнение трех выборок деформированных черепов мужчин — РБК, ранней окуневской и поздней окуневской — по 30 краниометрическим признакам с помощью критерия Манна–Уитни демонстрирует статистически значимые различия между мужчинами РБК и поздней

окуневской серии по 13 параметрам (при $p < 0,05$). В то же время ранняя окуневская выборка достоверно отличается от РБК лишь по двум признакам, а от поздней окуневской — по четырем.

Таким образом, методами геометрической морфометрии установлены хронологические различия в типе искусственной деформации головы у ранних и поздних окуневцев. Первые обнаруживают существенно большее сходство по форме сагиттального контура черепа и по большинству краниометрических признаков с представителями ямной, ямно-катакомбной и раннекатакомбной культур Калмыкии.

А. Г. Козинцев, являющийся противником миграционной теории происхождения окуневского населения, отмечает, что «обелионное уплощение» (то есть теменная деформация, тип А)

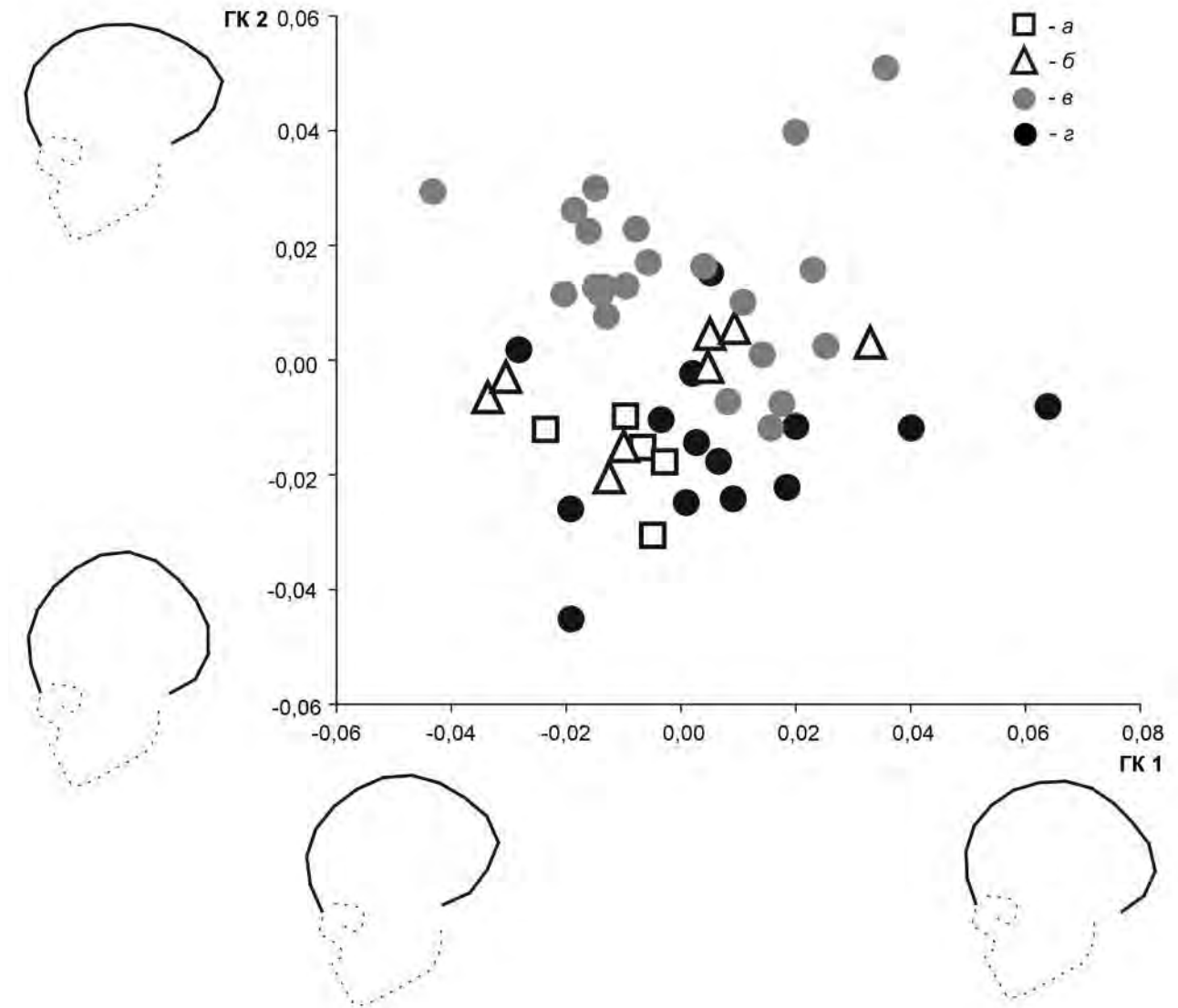

Рис. 4. Результаты анализа главных компонент (ГК) сагиттального контура деформированных черепов мужчин эпохи ранней бронзы Калмыкии и окуневской культуры. Условные обозначения: см. рис. 2; z — черепа из погребений эпохи ранней бронзы Калмыкии

Fig. 4. Results of analysis of principal components of the sagittal contour of the deformed skulls of males of the early Bronze Age of Kalmykia and Okunev culture. For keys see Fig. 2; z — skulls from burials of the early Bronze Age of Kalmykia

встречается у индейцев пуэбло (юго-запад США, IX–XIV вв.). Поскольку наличие общих предков у окуневцев и американских индейцев можно считать общепризнанным (Kozintsev et al., 1999; Козинцев и др., 2003; Allentoft et al., 2015), то существования сходной деформации на американском континенте, по мнению А. Г. Козинцева, достаточно, чтобы объяснить происхождение окуневской деформации без влияния западных мигрантов эпохи бронзы (Козинцев, 2020). Правда, для этого нужно допустить возникновение этой обычая у общих предков окуневцев и индейцев

до заселения Америки и сохранение его в течение нескольких тысяч лет. Версия миграции с Запада представляется нам все же более вероятной.

Интересно, что у индейцев пуэбло помимо обелионного уплощения отмечено также лямбдоидальное (наш тип Б) и окципитальное (классическая бешиковая деформация), которые авторы публикации связывают с разной конструкцией колыбелей (Nelson, Madimenos, 2010). Наличие разных вариантов деформации затылочного-теменного отдела в популяциях, где таковая присутствует, пожалуй, следует считать нормой.

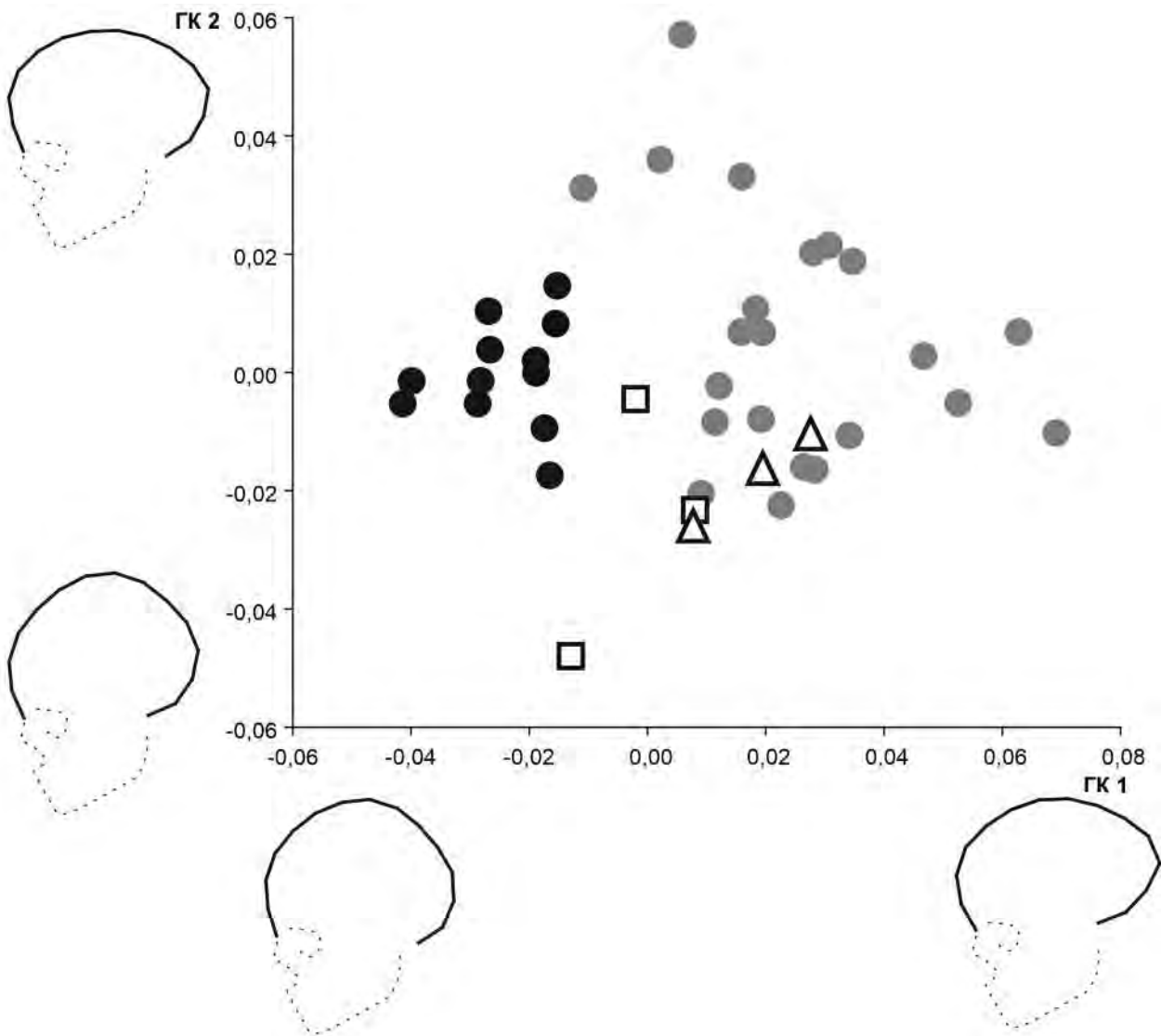

Рис. 5. Результаты анализа главных компонент сагиттального контура деформированных черепов женщин эпохи ранней бронзы Калмыкии и окуневской культуры. Условные обозначения: см. рис. 4

Fig. 5. Results of analysis of principal components of the sagittal contour of the deformed skulls of females of the early Bronze Age of Kalmykia and Okunev culture. For keys see Fig. 4

Их удается обнаружить практически во всех достаточно представительных сериях. Если считать все такие деформации колыбельными (а это более чем вероятно), то вряд ли их разнообразие объясняется разницей в конструкции колыбелей или небрежностью няньки. Скорее дело в дополнительных аксессуарах (подушечки, мешочки с песком, дощечки и т. д.), которые могли варьировать, в том числе изменяться со временем.

Выводы

1. Деформированные черепа из ранних окуневских погребений (уйбатский ХГ) отличаются от поздних (черновский ХГ) формой

сагиттального контура мозговой части. У первых уплощение приходится на область лямбды и затылочную кость, у вторых — в первую очередь на теменные кости.

2. Подавляющее большинство деформированных черепов из погребений эпохи РБК по форме сагиттального контура сходно с черепами из ранних погребений окуневской культуры.

3. Согласно тесту Манна–Уитни (U-test), черепа поздних окуневских мужчин отличаются от таковых эпохи РБК по значительному числу признаков, в то время как черепа ранних окуневских мужчин похожи и на поздние образцы, и на черепа эпохи РБК.

- Беневоленская, Громов, 1997* — Беневоленская Ю. Д., Громов А. В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 288–293.
- Галеев, 2010* — Галеев Р. М. Краниотригонометрическое исследование черепов из могильника Черновая VIII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2010. № 2 (13). С. 109–117.
- Громов, 1998* — Громов А. В. К вопросу об искусственной деформации черепов окуневской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 147–156.
- Громов, 2002* — Громов А. В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. СПб.: б. и., 2002. 34 с.
- Громов, 2004* — Громов А. В. Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеиранских степей: морфология и обряд // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 162–170.
- Громов, Казарницкий, 2011* — Громов А. В., Казарницкий А. А. К вопросу о влиянии затылочно-теменной деформации на черепной указатель // Радловский сборник. 2011: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 206–211.
- Громов, Казарницкий, 2020* — Громов А. В., Казарницкий А. А. Шулуқтапа: деформация головы как популяционный маркер // Население раннего железного века и Средневековья Северной Евразии по материалам музейных коллекций / Отв. ред. А. В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, 2020 (Сб. МАЭ; Т. LXVII). С. 575–595.
- Жиров, 1940* — Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 81–88.
- Жиров, 1949* — Жиров Е. В. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии // Сборник МАЭ. 1949. Вып. X. С. 266–272.
- Казарницкий, 2012* — Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Козинцев, 2020* — Козинцев А. Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2020. Т. 48, № 4. С. 135–145.
- Козинцев и др., 2003* — Козинцев А. Г., Громов А. В., Моисеев В. Г. Новые данные о сибирских «американоидах» // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 3. С. 149–154.
- Лазаретов, 2019* — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: Современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2019. № 4. С. 15–50.
- Поляков, 2020* — Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2020. № 1. С. 3–6.
- Ходжайов, 2000* — Ходжайов Т. К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый Сад, 2000. С. 22–46.
- Allentoft et al., 2015* — Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarycz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522, no. 7555. P. 167–172.
- Klingenberg, 2011* — Klingenberg C. P. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. 2011. Vol. 11. P. 353–357.
- Kozintsev et al., 1999* — Kozintsev A. G., Gromov A. V., Moiseyev V. G. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // Am. J. Phys. Anthropol. 1999. Vol. 108, iss. 2. P. 193–204.
- Nelson, Madimenos, 2010* — Nelson G. C., Madimenos F. C. Obelionic cranial deformation in the Puebloan Southwest // Am. J. Phys. Anthropol. 2010. Vol. 143, iss. 3. P. 465–472.
- Rohlf, 2006* — Rohlf F. J. TpsDig, digitize landmarks and outlines, version 2.05 // Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://life.bio.sunysb.edu/morph/> (дата обращения 10. 12. 2019).

Artificial cranial deformation of the head among early Okunev people

A. V. Gromov, A. A. Kazarnitskiy²

Keywords: artificial cranial deformation, geometric morphometrics, Okunevo culture, Early Bronze Age, Kalmykia.

This paper presents the results of studies of sagittal contours of artificially deformed crania of representatives of the Okunev culture (35 males and 28 females) and people of the early Bronze Age from Kalmykia (14 males and 12 females) by the methods of geometric morphometrics. Applying the tpsDig software, 15 landmarks were positioned in photos of the skulls in the left norma lateralis around the sagittal contours of the cerebral segment at an equal distance from each other beginning from the nasion towards the base of the mastoid process. The further processing of the configurations of the landmarks characterising the sagittal contours of the neurocrania, including analysis of the principal components, was conducted using the MorphoJ software. It was discovered that among the materials of the Okunev culture, two variants of deformation are encountered differing in the morphology of the parietal and occipital segments of the cranium. Among the earliest Okunev people (Uybat chronological horizon), a greater accent of the deforming impact is found in the occipital area of the cranium while for the later population it is in the parietal region. The morphology of the artificially deformed skulls dated to the early Bronze Age from Kalmykia is similar to that of the early Okunev crania. Mann-Whitney U-test has demonstrated that the late Okunev male crania differ from those of the early Bronze Age in Kalmykia in a considerable series of features, while the early Okunev people resemble the later ones and the Kalmykian materials of the early Bronze Age.

² Andrey V. Gromov, Aleksey A. Kazarnitskiy — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru, kazarnitski@mail.ru.

Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника

И. Г. Ширококов, С. В. Панкова¹

Аннотация. Изучены сканы и 3D-модели черепа, головы и маски мужчины из могильника Оглахты. Швы на лице оглахтинца, вероятно, являются результатом посмертных процедур, нацеленных на замедление процесса разложения мягких тканей. Установлено, что его лицо характеризовалось более европеоидными чертами, чем изображение на маске.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Хакасия, таштыкские грунтовые могильники, мумификация, трепанация, погребальная маска, компьютерная томография, краниометрия, погребальный обряд.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-275-293

Введение

Особым направлением исследований Э. Б. Вадецкой была область ритуально-погребальных представлений и действий населения Южной Сибири посттагарского и таштыкского времени, включая изготовление погребальных масок и манипуляции с телами покойных. Сложность мировоззрения и неоднородность состава населения Минусинской котловины в период сооружения таштыкских грунтовых могильников проявилась в одновременном существовании разных погребальных обрядов, включая обряд кремации, из-за чего пригодный для изучения методами физической антропологии фонд источников — костные останки погребений по обряду ингумации — оказался относительно невелик. С 1980-х гг. антропологические исследования таштыкских материалов практически не велись, несмотря на продолжающиеся раскопки. Неизученными оставались и мумифицированные останки из Оглахтинского могильника, в том числе мумии из могилы 4 (раскопки Л. Р. Кызласова, 1969 г.) — наиболее

полного таштыкского комплекса, содержавшего яркие многочисленные находки из сохранившихся органических материалов. В числе останков пяти погребенных здесь находились мумифицированные тела двух взрослых — мужчины и женщины, захороненных по обряду ингумации с трепанированными черепами и гипсовыми масками на лицах. Вместе с другими находками из этого погребения они хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

Изучение древних мумий позволяет существенно расширить объем информации о населении, оставившем их. Однако получение необходимых данных требует использования специальных неразрушающих методов, без которых даже проведение стандартных измерений костей скелета методами физической антропологии оказывается невозможным. В случае с рассматриваемой ниже мумией дополнительная сложность заключалась в том, что ее лицо и верхняя часть головы скрыты несъемной погребальной маской — плотно прилегающей к лицу гипсовой обмазкой, манипуляции с которой могут легко привести к ее повреждению (рис. 1, 1).

Тело мужчины из могилы 4 представляет собой сухую мумию (ткани живота частично разрушены грызунами), тогда как останки женщины — разрушенный скелет с отдельными фрагментами

¹ Ширококов И. Г. — Отдел антропологии, МАЭ РАН (Кунсткамера); Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: ivansmith@bk.ru. Панкова С. В. — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: svpankova@gmail.com.

Рис. 1. 1 — голова мужчины в гипсовой маске из погребения 4 Оглахтинского могильника. Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/2. Фото Д. А. Бобровой; 2–5 — 3D-модели, созданные на основе сканов компьютерной томографии (2 — голова в маске; 3 — маска; 4 — голова на уровне мягких тканей; 5 — череп)

Fig. 1. 1 — male head in a gypsum mask from burial 4 of the Oglakhty cemetery. State Hermitage Museum, inv. no. 2864/2. Photo by D. A. Bobrova; 2–5 — 3D models made after scans by computerized tomography (2 — head in the mask; 3 — mask; 4 — head at the level of the soft tissues; 5 — skull)

мягких тканей и связок. В целом это наиболее полно сохранившиеся останки людей из раннеташтыкских захоронений. На лицах погребенных — тонкие гипсовые маски из необожженного гипса, крайне редко сохраняющиеся *in situ* и практически не поддающиеся восстановлению в случае разрушения. Для безопасной транспортировки

из Хакасии в Ленинград в 1969 г. Л. Р. Кызласов принял решение об отделении голов мумий с масками от тел. Черепа обоих взрослых трепанированы: у мужчины отверстие в левой височно-теменной области практически закрыто маской (рис. 2, 1), у женщины крупное грубо пробитое отверстие в затылочной кости (Гохман, 1989.

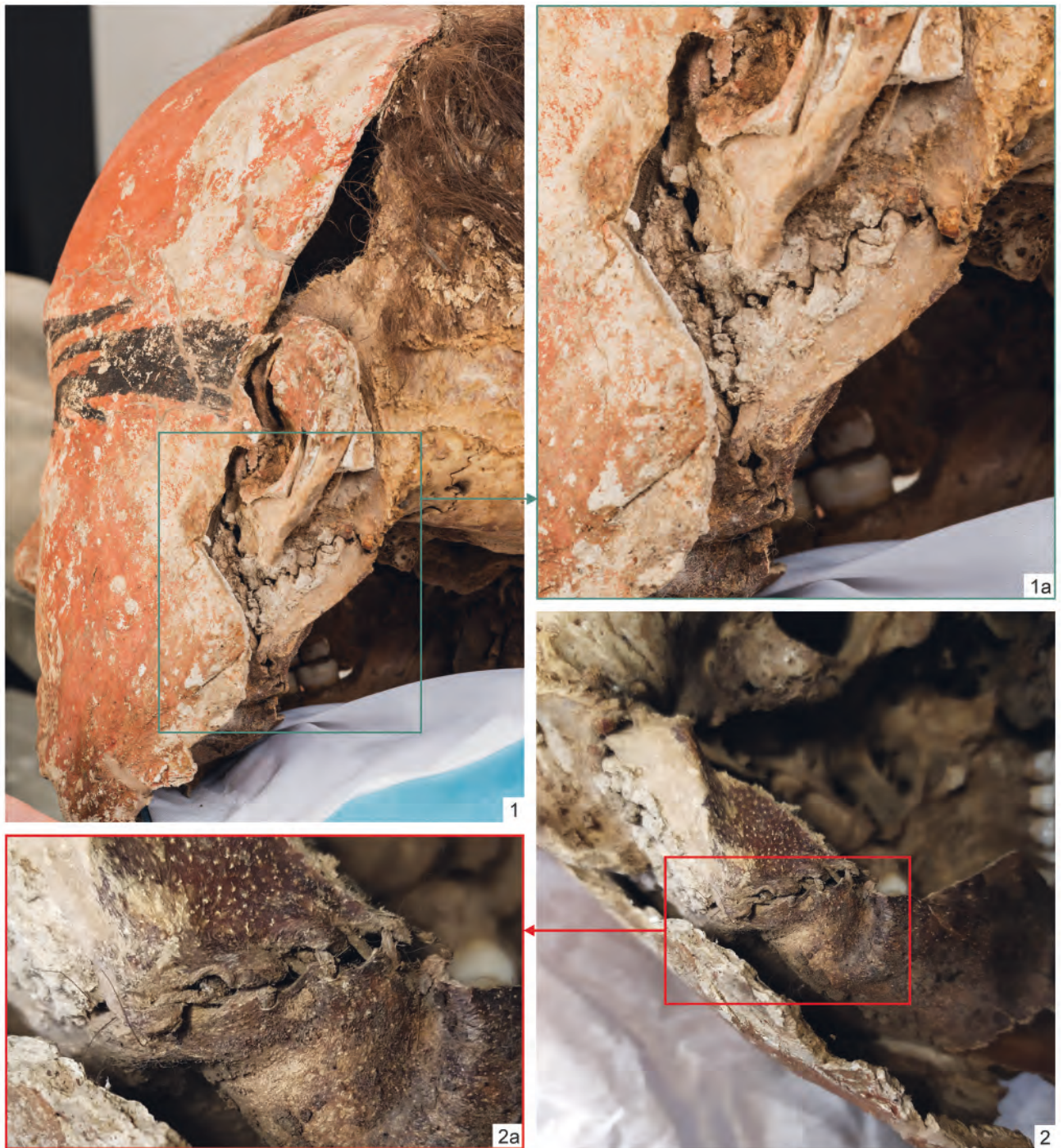

Рис. 2. 1 — голова оглахтинца со стороны левого уха со швом на коже; 1a — деталь; 2 — вид на разрез со стороны шеи; 2a — деталь, сухожильная нить

Fig. 2. 1 — head of the Oglakhty man from the side of the left ear with a stitch on the skin, 1a — detail; 2 — view of the incision from the side of the neck, 2a — detail, tendinous fibre

Рис. 5; Панкова, 2018. Рис. 1, 3). Останки женщины, включая голову в маске, пока не исследованы. Трепанация черепа, обычная для таштыкских захоронений и проводимая, вероятно, для извлечения мозга, могла быть частью процедуры мумификации — именно поэтому таштыкские ингумации с трепанациями условно называют мумиями. Однако по-прежнему нет данных о том, совершались ли какие-то манипуляции с телами умерших. В ходе осмотра мужской мумии из могилы 4, проведенного судмедэкспертами в 2004 г., следы посмертных операций на теле зафиксированы не были, и эксперты отметили возможность его естественной мумификации в подходящих климатических условиях (Кызласов, Панкова, 2004). Голова в маске, находившаяся на экспозиции в специальной подставке, тогда не обследовалась. Лишь недавно на сохранившемся участке кожи, выступающем из-под маски у левого уха, были замечены разрезы неясного назначения, зашитые сухожильной нитью (рис. 2).

В 2016 г. в медицинском центре «Магнит» в Санкт-Петербурге было проведено сканирование головы и тела мумии на компьютерном томографе Siemens Somatom Emotion 16. В результате обработки сканов компьютерной томографии на станции *syngo.via* были созданы графические 3D-модели головы в маске, а также виртуально разделенные 3D-модели маски, лица и черепа² (рис. 1, 2–5). Дальнейшая работа с 3D-моделями позволила получить данные о внутренней стороне маски и ее толщине на разных участках, о возрасте погребенного и морфологии его черепа, а также о проведенных с его головой посмертных процедурах.

Изучение 3D-моделей головы в маске

Обследование конкретных участков головы и маски, а также измерения параметров черепа осуществлялись при помощи программы RadiAnt DICOM Viewer. Описание результатов изучения снимков и 3D-моделей головы и маски приводится от внутренних структур к внешним (череп — ткани лица — маска), поскольку, как представляется, именно такое изложение позволяет свести полученные данные в целостную картину. Результаты

² Благодарим за создание этих моделей врача-рентгенолога, ведущего специалиста по применению оборудования КТ Т. А. Кутузова (Москва, ООО «Сименс Здоровоохранение»).

изучения морфологической характеристики черепа и следов посмертных манипуляций с головой помогают объяснить некоторые особенности посмертной маски, описание которой на первый взгляд логично было бы привести первым.

Возраст погребенного. Автор раскопок Л. Р. Кызласов предположил, что обоим взрослым погребенным из оглахтинской могилы 4 было «около 40 лет», но, к сожалению, не указал основания для этой оценки (Кызласов, 1971. С. 175). Изучение снимков компьютерной томографии (КТ) мужского черепа показывает, что мумия принадлежала молодому человеку, возраст которого на момент смерти, вероятно, составлял около 25–30 лет. Во всяком случае его принадлежность к возрастной группе *adultus* (20–35 лет) не вызывает сомнений. Все четыре третьих моляра полностью прорезались, бугорки на первых молярах стерты до дентина, однако эмаль на других зубах не несет следов заметной стертости. Рассмотреть особенности венечного шва на всем его протяжении не удалось, сагиттальный и затылочный швы открыты и хорошо прослеживаются на всех участках. Какие-либо заметные патологические изменения костей черепа и зубной системы не выявлены, можно лишь отметить небольшое расширение (гиперплазию) одной из носовых раковин (*conchabullosa*)³.

Следы посмертных манипуляций. К следам посмертных манипуляций относятся, прежде всего, трепанационное отверстие в левой височно-теменной области, а также зашитый разрез на левой стороне лица, начинающийся от внешнего края глазной щели, проходящий через околоушно-жевательную область и раздваивающийся ниже уха.

Трепанация. При помощи программы RadiAnt DICOM Viewer было проведено обследование трепанационного отверстия и установлены его размеры. Отверстие имеет форму неправильного многоугольника и располагается в области левых височной и теменной костей (рис. 3, 2, 4, 5). Следов заживления нет. Максимальные диаметры отверстия с наружной стороны составляют 78 × 61 мм, причем вертикальный диаметр является наибольшим. Следует отметить, что превышение вертикального диаметра отверстия над

³ Авторы благодарят Н. Я. Березину (НИИ и Музей антропологии МГУ) за исследование снимков КТ головы на предмет наличия явных патологий.

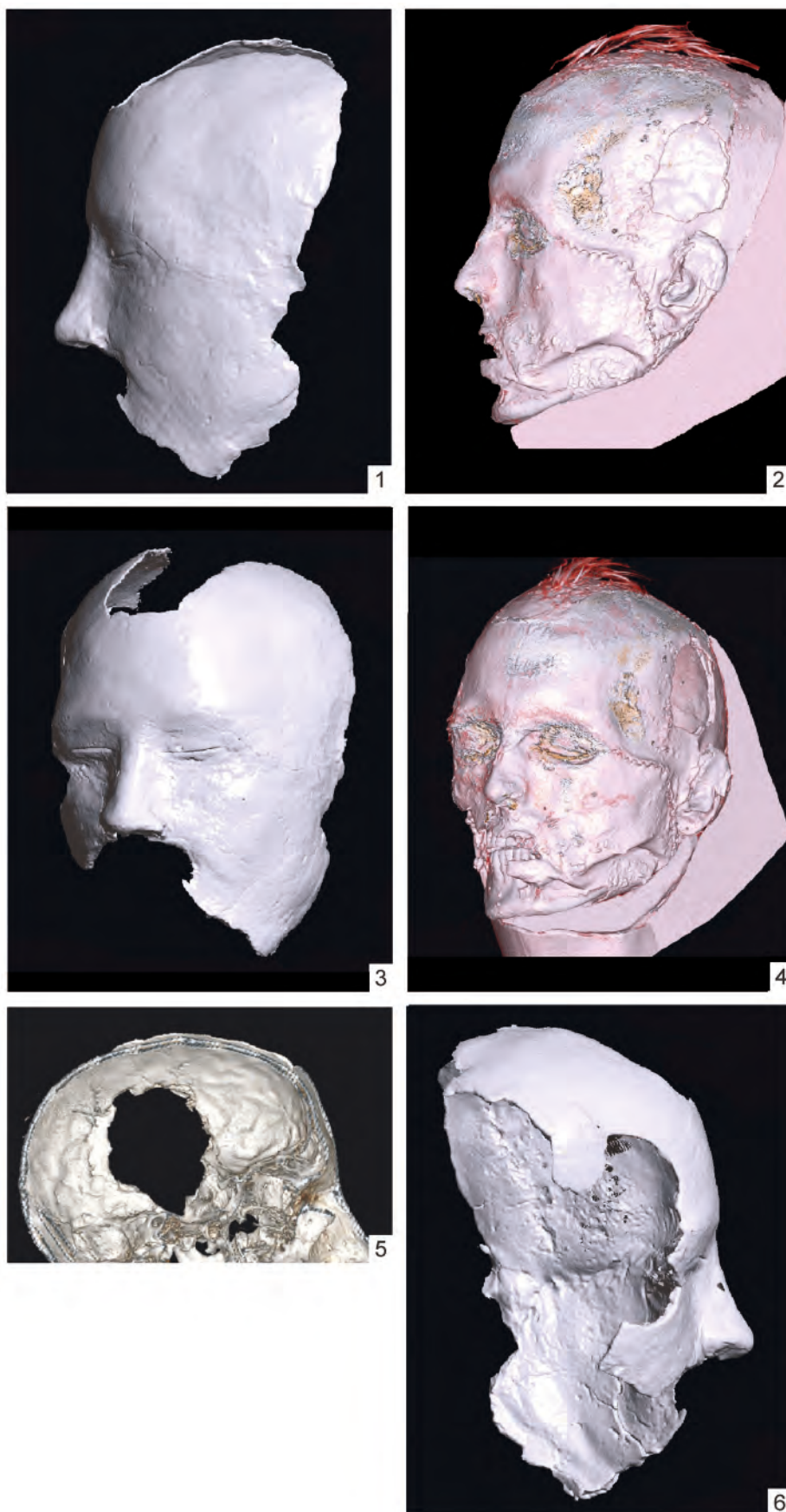

Рис. 3. 1–6 — 3D-модели, созданные на основе сканов компьютерной томографии: 1, 3, 6 — маски; 2, 4 — головы на уровне мягких тканей; 5 — фрагмента черепа изнутри с трепанационным отверстием

Fig. 3. 1–6 — 3D models made after CT scans: 1, 3, 6 — mask; 2, 4 — head at the level of the soft tissues; 5 — fragment of the cranium with a trepanation hole scanned from inside

горизонтальным на левых височных костях было также выявлено в ходе изучения посмертных трепанаций погребенных из тесинских склепов. Предположительно, эта особенность может быть обусловлена характером движения инструментов в процессе трепанирования (Учанева, 2018).

На большинстве участков отверстия его края неровные, причем с внутренней стороны оно имеет несколько большую площадь (рис. 3, 5). Внутри черепа был обнаружен выбитый кусок кости. Его размеры уступают размерам отверстия (максимальные диаметры составляют 54×46 мм), а площадь внутренней стороны костной пластинки меньше, чем наружной. Подобная ситуация возможна в случае, когда трепанация проводится путем выдалбливания кости по периметру намеченного участка. В процессе трепанирования кость растрескивалась, что приводило не только к отделению участка намеченной площади, но и образованию дополнительных мелких фрагментов. Именно поэтому сохранившийся внутри черепа выбитый фрагмент кости имеет меньшие размеры по сравнению с отверстием. Локальные растяжения и растрескивания внутренней стороны компактной пластинки, возникшие под давлением трепанатора, сопровождались выкрашиванием большего числа фрагментов, чем с наружной стороны, испытывавшей нагрузку на сжатие.

Вероятно, трепанация была проведена путем нанесения последовательной серии ударов инструментом типа долота (или долота и молотка). На разных участках периметра отверстия зафиксированы короткие отрезки приблизительно одинаковой длины (около 12 мм). Можно предположить, что рабочий край инструмента был прямым и имел приблизительно ту же ширину. Следы такого рода инструментов, а также сами предполагаемые инструменты установлены в ходе изучения трепанационных отверстий в черепах из тесинских склепов (Гиря и др., 2020). Для более точного определения формы и размеров ударной части инструмента, при помощи которого была совершена трепанация черепа огластинца, может также потребоваться трасологический анализ.

Разрезы мягких тканей. На лицевой части черепа погребенного, скрытой под маской, частично сохранились мягкие ткани, особенно с левой стороны головы, где маска сохранила целостность. Благодаря их хорошей сохранности видно, что очертания лица в профиль и в три четверти довольно сходны с формой маски (рис. 3, 1–4). И все

же несомненно, что сохранившиеся ткани несут следы посмертной деформации и разрушения, а также преднамеренного нарушения целостности.

Компьютерная томография головы мужчины показала наличие шва, начинающегося от наружного края левой глазной щели, пересекающего околоушно-жевательную область и раздваивающегося под ухом: один шов спускается к шее, другой направлен к сосцевидному отростку (рис. 3, 2, 4). На внутренней стороне маски, в височно-теменной области, на участке, соответствующем переднему краю трепанационного отверстия на черепе, виден еще один неясный отпечаток, не отразившийся на снимках головы (рис. 3, 6; 4, 2). Это может быть отпечаток разреза, совершенного для отгибания (отведения в сторону) мягких тканей головы на участке проведения трепанации, однако это предположение еще требует подтверждения. С правой стороны лица, к сожалению, мягкие ткани сохранились заметно хуже, что не позволяет достоверно установить наличие здесь швов.

О природе и назначении швов были высказаны три основные версии:

— разрезы были совершены в ходе хирургической операции, связанной с прижизненной травмой или заболеванием мужчины;

— разрезы возникли в результате посмертной операции, направленной на приведение в порядок травмированной при жизни головы перед изготовлением погребальной маски и прочими погребальными обрядами;

— разрезы нанесены для минимизации гнилостных изменений мягких тканей лица и, возможно, способствовали мумификации головы.

Первичные консультации с заинтересованными коллегами позволяют снизить до минимума или даже полностью исключить вероятность прижизненной успешной операции. По мнению врача скорой помощи М. Гиллема (Michael Gillam, США), характер шва (отсутствие следов формирования рубцовой ткани, сохранение шовного материала без признаков его отторжения организмом) уверенно свидетельствует об отсутствии заживления раны. Следовательно, операция была совершена непосредственно перед смертью или уже после ее наступления.

Маловероятно также, что разрез/разрыв возник в результате травмы. Шов имеет форму плавно изгибающейся кривой линии, какие-либо следы первичного разрыва или ранения режущим/

рубящим орудием, которое затем постарались бы выправить и зашить, на снимках не прослеживаются. Если же перед нами следы хирургической операции, например, по удалению опухоли околоушной слюнной железы, не очень понятно, почему разрез начинается сразу от наружного края глазной щели.

По мнению антрополога Д. И. Ражева, отсутствие явных переломов кости черепа не позволяет считать рану следствием удара и причиной смерти. Он полагает, что надрез кожи и последующее наложение шва могли быть сделаны с целью бальзамирования — например, для отодвигания лоскута кожи на месте будущего трепанационного отверстия. Однако, как признает сам Д. И. Ражев, тогда трудно объяснить наличие разреза возле глаза и его продолжение вниз под ухо (если только не бальзамировалось тело, в котором достаточно продвинулись процессы разложения и мог произойти незапланированный разрыв или обезображивающая локальная порча кожи)⁴.

Возможно, швы были наложены на месте разрезов, имеющих своей целью минимизацию гнилостных изменений мягких тканей лица. В таком случае трепанация и разрезы преследовали одну цель. Разрезы проходят над местом расположения крупных артерий и околоушной слюнной железы, то есть тканей, наполненных кровью и лимфой, некроз которых может препятствовать естественной мумификации, так как сопряжен с превращением клеток в жидкую вязкую массу. Рассечение мягких тканей способствует их иссушению, а уменьшение количества жидкости создает неблагоприятные условия для жизнедеятельности гнилостных микроорганизмов, в результате чего гниение постепенно прекращается и труп начинает быстро высыхать (Хижнякова, 1981).

Неизвестно, было ли совершено извлечение или только рассечение тканей, использовались ли при совершении разрезов какие-то консервирующие вещества. Обзор публикаций, посвященный мумифицированию у древних египтян, не обнаружил данных о совершении ими лицевых разрезов. Однако похожие рассечения тканей лица описаны С. И. Руденко на некоторых пазырыкских мумиях. У женщины из Пазырыкского кургана 5 имеются зашитые сухожильной нитью симметричные

вертикальные разрезы на щеках длиной около 10 см, начинающиеся от висков перед ухом, а также полукруглый разрез на шее. Зашитый разрез на виске есть у мужской мумии из Пазырыкского кургана 2 (Руденко, 1953. С. 327–330).

По мнению И. Г. Широбокова, наиболее правдоподобным является предположение, что разрезы на лице огластинской мумии были совершены для предотвращения или снятия отека лица, который могли вызвать газы, скопившиеся в мягких тканях из-за деятельности бактерий. Такой отек затрагивает в первую очередь область щек и шею, но может привести и к выпячиванию глазных яблок. Как указано в руководстве по обращению с телами мертвых Панамериканской организации здравоохранения, нанесение разрезов с внутренней стороны щек с последующим давлением на них может помочь вернуть лицу покойного первоначальный вид (Management of Dead Bodies..., 2004. Р. 63). Необходимость в снятии отека могла возникнуть, например, в связи с изготовлением гипсовой маски, которая формовалась непосредственно на лице умершего. Сохранение формы лица могло способствовать предотвращению возможного разрушения маски, хрупкий материал которой (необожженный гипс) мог не пройти испытания посмертными изменениями тканей лица, или облегчить передачу определенного портретного сходства с умершим.

Так или иначе, более вероятно, что разрезы, как и трепанация, были нацелены на замедление гнилостных изменений тканей и сохранение головы в состоянии, максимально приближенном к естественному, нежели совершены в ходе некоей операции, не имеющей прямого отношения к погребальному обряду или связанной с косметическим преобразованием обезображенного при жизни лица.

Дальнейшее специальное изучение снимков КТ с участием врачей и судмедэкспертов позволит, надеемся, более уверенно определить характер разрезов и швов на голове огластинца. Если наша версия о назначении сохранившихся швов справедлива, то предположение о существовании мумификации у населения раннего этапа таштыкской культуры получает независимое подтверждение. Отсутствие швов на теле может объясняться как его неполной сохранностью, поскольку швы могли быть расположены на утраченных участках мягких тканей, так и особенностями процедуры мумификации, принятой в конкретной

⁴ Авторы благодарят канд. ист. наук Д. И. Ражева и М. Гиллема за участие в обсуждении природы и характера швов.

культурной среде. Не исключено проведение специальных посмертных процедур только с головой покойного (Медникова, 2001; 2010). На более позднем этапе таштыкской культуры — в период строительства склепов — отголоском особого отношения к голове умершего могли быть так называемые маски-урны, служившие вместилищами кремированных костей вместо кукол-манекенов (Вадецкая, 2005).

Антропологическая характеристика погребенного. В ходе исследования были измерены некоторые метрические признаки черепа, позволившие получить его относительно точную антропологическую характеристику. В целом череп мужчины имеет европеоидный облик и характеризуется долихокранной формой, высоким сводом и широким лицом с сильно выступающим носом. При помощи расчета расстояний Махаланобиса (D^2) с поправкой на численность был определен круг краниологических серий тагарской и таштыкской культур, средние характеристики которых в наибольшей степени близки оглахтинцу (см. источники данных в работах: Гохман, Громов, 2009; Громов и др., 2012; Козинцев, 1977; Алексеев, 1954; 1961). Отметим тот удивительный факт, что объем опубликованных индивидуальных краниометрических данных, характеризующих таштыкцев, практически не увеличился за последние более чем столетия⁵. И даже напротив — в настоящее время приходится признать, что число черепов, подходящих для корректного анализа, требует некоторого сокращения. Характеристика суммарной таштыкской серии, происходящей из грунтовых могил, рассчитанная В. П. Алексеевым с учетом материалов, опубликованных ранее Г. Ф. Дебецем (1948), была нами пересмотрена, так как некоторые из черепов, использованных для измерений В. П. Алексеевым, происходят из непубликованных памятников, и сегодня нет полной

⁵ Последней опубликована небольшая серия из Салбыкского II могильника, включающая четыре мужских и три женских черепа, половина из которых имеет плохую сохранность (Залкинд, 1959). Справедливости ради нужно отметить также, что ранее не публиковавшиеся материалы вошли в состав суммарной серии таштыкской культуры, опубликованной в монографии В. П. Алексеева и И. И. Гохмана в 1984 г. (Алексеев, Гохман, 1984). Однако в книге не только не приведены индивидуальные данные измерений, но даже не указаны названия памятников, из которых происходят исследованные черепа.

уверенности в их таштыкской принадлежности, либо они связаны с периодом таштыкских склепов. Всего в нашу выборку вошли 18 мужских черепов из шести могильников: Абаканская управа (курган 5/а; I группа, курган 2, могила I; I группа, курган 5, могила I), Быстрая (кольцо 8), Батени (Горькое озеро, могила 12), Оглахты (могилы 1 и 3; I группа, скелет 1 из могилы 4, скелет 1 из могилы 7; II группа, скелет ц из могилы 1, скелеты 1 и 3 из могилы 2, скелеты 1 и 2 из могилы 4, скелет 7 из могилы 8), а также погребений, обнаруженных у Копенского чаатаса и в г. Абакане (у зданий Госбанка и больницы) (Алексеев, 1954; 1961). Значения некоторых метрических признаков оглахтинца и других таштыкцев приведены в таблице 1.

При измерении параметров на снимках КТ и на 3D-моделях (в первую очередь углов горизонтальной профилировки) могли быть допущены ошибки. Поэтому в сравнительном анализе учитывались данные измерений только наиболее надежных десяти признаков (номер по Мартину и др.): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 52, 75 (1).

В соответствии с результатами анализа близость выборок к оглахтинцу убывает в следующем порядке: суммарная серия тагарской культуры ($D^2 = -3,5$), сарагашенский этап (-3,2), биджинский этап (-2,5), подгорновский этап (-1,9), тесинские грунтовые могилы (-1,4), тесинские склепы (5,1), таштыкские грунтовые могилы (5,5).

В целом краниометрические признаки мужчины из оглахтинской могилы 4 вписываются в рамки изменчивости тагарских серий и тесинцев из грунтовых могил (расстояния Махаланобиса имеют отрицательное значение), при этом средние арифметические сарагашенцев обнаруживают с ним наибольшее сходство. Обобщенная серия собственно таштыкцев, напротив, не входит в число близких оглахтинцу, сближаясь в первую очередь с тесинцами как из склепов, так и (в несколько меньшей степени) из грунтовых могил⁶.

⁶ В качестве предварительного наблюдения отметим, что рассмотренные таштыкцы (кроме оглахтинца) еще больше, чем на тесинцев, похожи на население кенкольской культуры, результаты краниометрического изучения которого опубликованы В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой (1972). Это подтверждают и статистические расчеты (расстояния Махаланобиса между таштыкцами и указанными группами составляют 3,5 и 2,1 соответственно), что не означает их прямого родства, но свидетельствует о том, что именно на южных территориях следует искать скелетные выборки для

Таблица 1. Значения некоторых краниометрических признаков мужского черепа из могилы 4 Оглахты (1969 г.) и суммарной таштыкской серии из грунтовых могил
 Table 1. Values of some craniometric features of the male cranium from grave 4 at Oglakhty (1969) and the total Tashtyk series from flat graves

Признак	Мужчина, Оглахты (1969 г.) могила 4	Таштыкцы (мужчины) из грунтовых могильников, 18 черепов		
		M	sd	
1	Продольный диаметр	197	179,8	7,0
8	Поперечный диаметр	143	139,6	5,1
17	Высотный диаметр	138?	130,9	4,3
9	Наименьшая ширина лба	95	96,2	3,1
45	Скуловой диаметр	138	132,7	4,4
48	Верхняя высота лица	72	72,1	2,9
55	Высота носа	53	51,7	3,4
54	Ширина носа	24	25,8	1,9
51	Ширина орбиты от <i>mf</i> *	42	42,5	2,0
52	Высота орбиты	34	34,0	2,2
SC	Симотическая ширина	3,7	–	–
SS	Симотическая высота	6,6	–	–
SS:SC	Симотический указатель	56,1	50,7	11,1
77	Назомаллярный угол	137?	140,9	4,2
Hzm'	Зигомаксиллярный угол	126,3?	129,3	4,8
75 (1)	Угол выступания носа	29	24,5	4,0

* *mf* — максилло-фронтале, *maxillofrontale*, точка пересечения внутреннего края орбиты с лобно-челюстным швом; M — среднее арифметическое значение; sd — стандартное отклонение.

Причем после исключения черепов сомнительной культурной принадлежности таштыкская серия оказалась еще менее сходной с оглахтинцем, чем исходная группа, а наименьшее сходство с ним обнаруживает группа черепов из других оглахтинских погребений.

Таким образом, краниометрическая характеристика мужчины из оглахтинской могилы 4 нетипична для измеренных таштыкцев из грунтовых могил, погребенных по обряду ингумации. Отличия оглахтинца проявляются главным образом в заметно более вытянутой форме черепа с высоким сводом и широким клиногнатным лицом. Предположим, что признаки в палеопопуляции,

проведения сравнительного межгруппового анализа. Важность изучения антропологических материалов из этого региона (Тянь-Шань и примыкающие к нему Джунгария и бассейн р. Тарим) определяется и отмеченным сходством археологических материалов из Минусинской котловины и этих областей (Pankova, 2020).

к которой относится исследуемый мужчина, подчиняются нормальному распределению, а установленные средние значения и изменчивость признаков близки к реальным. Тогда вероятность того, что длина черепа у случайно взятого таштыкца будет составлять 197 мм, как у оглахтинца, или будет иметь еще больший размер, составит менее 0,1 %. Почти столь же редко встречающейся придется признать значительную высоту свода — только у 4,7 % мужчин таштыкской культуры она будет такой же или больше, чем у оглахтинца. Но весьма вероятно, что предположение о нормальном распределении признаков у таштыкцев ошибочно. Антропологический состав населения, вероятно, был неоднороден, так как складывался при участии пришлых групп (Дебец, 1948; Алексеев, 1961); о последнем свидетельствуют и культурные новшества, фиксируемые в материалах таштыкских грунтовых могильников, включая обряд кремации. В целом по краниометрическим признакам таштыкцы заметно

Таблица 2. Половая характеристика погребенных в таштыкских грунтовых могильниках по обрядам кремации и ингумации (по данным из публикаций Э. Б. Вадецкой)
 Table 2. Gender characteristic of interred at Tashtyk flat grave cemeteries according to the rites of cremation and inhumation (after the data by E. B. Vadetskaya)

Памятник, автор определений	Ингумация				Кремация				Источник
	Число, возраст	Пол			Число, возраст	Пол			
		Ж	М	Не определен		М	Ж	Не определен	
Всего проанализировано, автор определений	>250 взрослых и подростков из более 200 могил ¹	130	16	Не указано	Не указано, только взрослые	20	0	Не указано	Вадецкая, 1999. С. 48
Комаркова (М. П. Грязнов ² , Н. Е. Ермолова)	47 скелетов	36	0	«Небольшое число неопределимых скелетов»	Не указано			Не указано	
Мысок (М. П. Грязнов)	Не указано	11	0						
Новая Черная IV (М. П. Грязнов)	Не указано								
Новая Черная V (М. П. Грязнов)	Не указано	11	2						
Терский (А. В. Громов)	Не указано	12	1						
«Анализируемые могилы» (Комаркова, Мысок, Новая Черная IV, V)	230 взрослых и подростков	111	15	Не указано	Только взрослые	20 ³	–	Не указано	Вадецкая, 1986. С. 37

¹ Судя по общему количеству мужских ингумаций и отдельно по памятникам, в общее число вошли как материалы из раскопок Э. Б. Вадецкой (расписанные подробно), так и из более ранних, данные о которых опубликованы Г. Ф. Дебецем (1948) и В. П. Алексеевым (1954).

² В книге 1999 г. для всех могильников, кроме Терского, ошибочно упомянуто имя И. И. Гохмана (в статье 1986 г. указаны определения М. П. Грязнова).

³ Определенных с большой вероятностью.

отличаются от тагарцев, в том числе и их поздних групп (Козинцев, 1977. С. 9–10, 44). Следует подчеркнуть, однако, что характеристика той части населения, тела которых после смерти подвергались кремации, нам неизвестна. Сегодня просто невозможно установить, отличались ли они антропологически от своих современников, погребенных по обряду ингумации/мумификации.

Кремации массово появляются в Минусинской котловине только в таштыкских грунтовых могильниках и могут рассматриваться как обряд, принесенный мигрантами, принявшими участие в сложении новой культуры (Кызласов, 1960. С. 78, 162). Тогда в людях, погребенных в виде кукол с сожжениями, можно предполагать «представителей» и культурных наследников этих мигрантов.

По данным Э. Б. Вадецкой, в раскопанных ею могильниках (Комаркова Песчаная, Мысок, Новая Черная IV, V, Терский) все определимые кремации принадлежали мужчинам, тогда как подавляющее большинство ингумаций — женские (табл. 2) (Вадецкая, 1999. С. 48). Видимо, культурное наследие мигрантов, наиболее явно уловимое в следовании обряду кремации, закрепилось у таштыкцев по мужской линии. В этом плане рассмотренное погребение мужчины из оглахтинской могилы 4 можно расценивать как редкое и задаваться вопросом о его специфике в ряду других таштыкских ингумаций.

Однако среди материалов из таштыкских грунтовых могил, проанализированных Г. Ф. Дебецем и В. П. Алексеевым, резкого

преобладания женских скелетов не наблюдается. Напротив, в выборке Г. Ф. Дебеца присутствуют 13 женских и 23 мужских черепа (Дебец, 1948. Приложение 10 к § 25), а среди черепов, добавленных В. П. Алексеевым, — три женских и два мужских (Алексеев, 1954. С. 53–54). На могильнике Сахсар «антропологические данные свидетельствуют, что выбор кремации или труположения не зависел от того, кто был умерший — мужчина или женщина» (Грачев, 2013. С. 30). Необходимы исследования новых материалов и повторное изучение сохранившихся старых образцов для проверки гипотезы о гендерном своеобразии таштыкских кремаций и ингумаций.

В таштыкских погребениях, содержащих от двух до пяти погребенных обоих полов, можно предполагать семейные гробницы (Кызласов, 1992. С. 64). Тогда антропологические/генетические особенности мигрантов (скрытые в костях кремаций и недоступные для изучения) так или иначе должны были проявиться и в их потомках, что позволяет надеяться на их обнаружение в ходе антропологических и генетических исследований таштыкских ингумаций. Возможно, при анализе результатов таких исследований важно будет учитывать относительный возраст погребений, из которых они происходят: более показательными в плане биологических и культурных особенностей людей, погребенных по разным обрядам, могут оказаться материалы ранних таштыкских могильников⁷.

Отмеченное относительное сходство оглахтинца из могилы 4 с сарагашенцами и тесинцами из грунтовых захоронений (антропологически близкими сарагашенцам (Гохман, Громов, 2009)) заманчиво интерпретировать как свидетельство его принадлежности к потомкам тагарского

⁷ На материалах оглахтинской могилы 4 проведено сравнение костюма и погребальных принадлежностей двух мумий и двух кукол с кремациями с целью выявления возможных культурных различий между ними. Сравнение показало отсутствие существенной разницы между предметами одежды и прическами людей, погребенных по разным обрядам (Панкова, 2020). Возможно, это объясняется нивелированием предполагаемых культурных различий между таштыкцами разного происхождения к III–IV вв. — времени создания оглахтинской могилы 4, относительно поздней в пределах принятой хронологии таштыкских грунтовых могильников (Вадецкая, 1999; Панкова и др., 2010; Панкова et al., 2020).

населения, но подтвердить или опровергнуть это предположение могут только данные генетики. Во всяком случае наличие общего гаплотипа Y-хромосомы у таштыкца из могильника Абакано-Перевоз I (S 34) и тагарца из Черногорска (S 24)⁸ (Keyser et al., 2009. P. 400) предполагает их потенциальное родство по мужской линии. Проведение полногеномных исследований этих индивидов может дать более определенную информацию.

Конечно, интерпретация результатов измерений отдельных черепов всегда связана с риском больших ошибок, и нельзя исключать, что морфологические особенности оглахтинца являются просто проявлением индивидуальной изменчивости. Антропологическое сходство оглахтинца с сарагашенцами согласуется с существующими представлениями о том, что таштыкское население, хоронившее своих умерших по обряду ингумации, являлось преемниками тагарцев. Правда, как показало ознакомление с археологической и антропологической литературой, данный вопрос требует отдельного историографического исследования. Здесь только отметим, что эти взгляды сформировались в те годы, когда тесинские памятники еще не были выделены в отдельный этап или культуру, а таштыкские склепы и грунтовые могилы считались одновременными (Киселев, 1949; Кызласов, 1960). На историографический факт сопоставления таштыкских памятников не с собственно тагарскими (например, сарагашенскими), а с тесинскими, «культурная принадлежность которых составляет предмет дискуссии», обратила внимание Э. Б. Вадецкая, затем специально рассмотревшая сарагашенские традиции в таштыкской культуре, в первую очередь имея в виду грунтовые могильники (Вадецкая, 1981. С. 95–98). Однако в книге 1999 г. Э. Б. Вадецкая рассматривает вопрос о тагаро-таштыкской преемственности иначе, на основании материалов «позднетагарских», то есть опять-таки тесинских, склепов (Вадецкая, 1999. С. 174–175).

В самом общем виде «тагарским» наследием в таштыкских грунтовых могильниках считают обряд ингумации, сохраняющийся у части населения,

⁸ Благодарим канд. ист. наук Э. Н. Киргинекова и канд. ист. наук Т. М. Савенкову за помощь в идентификации этих образцов. Таштыкский (S 34): Абакано-Перевоз I, могила 4, скелет 2, раскопки А. И. Готлиба. Тагарский (S 24): Черногорск, курган Майский, могила 6 (по отчету 5), скелет 1, раскопки Э. Н. Киргинекова (позднебиджинский этап тагарской культуры).

и положенные в качестве сопровождающего инвентаря глиняные сосуды кубковидного типа. Однако как обряд, так и кубки были характерны и для населения, хоронившего своих умерших в тесинских грунтовых могильниках и склепах, причем сам по себе обряд ингумации — это слишком общее и распространенное явление, чтобы без детализации использовать его как доказательство происхождения той или иной культурно-исторической группы.

В немногочисленных работах антропологов, посвященных таштыкским материалам, тагарское население рассматривалось как субстратное для таштыкцев, а основное внимание фокусировалось не на сходстве, а на отличиях таштыкских черепов и скелетов от тагарских и проблеме появления монголоидного компонента в Минусинской котловине (Дебец, 1948. С. 129–130; Алексеев, 1954; 1961. С. 239, 279). В. П. Алексеев отметил присутствие группы, краниологически сходной с таштыкской, еще в раннетагарских материалах (Алексеев, 1973, С. 226). Он предполагал, что население, отличавшееся антропологическими особенностями, позднее характерными для таштыкских ингумаций, могло проникнуть в Минусинскую котловину сначала на ранних этапах тагарской культуры, а затем уже накануне сложения таштыкской культуры (Алексеев, 1975. С. 115, 117). Однако уже тогда А. Г. Козинцев указывал, что заключение В. П. Алексеева ошибочно, поскольку последний отчасти опирался на материалы с сомнительной датировкой и игнорировал данные Г. Ф. Дебеца. Расчеты А. Г. Козинцева показывают, что в целом тагарские черепа не сходны с таштыкскими ни на одном из этапов культуры (Козинцев, 1977. С. 9–10, 44). На сегодняшний день совершенно очевидна необходимость возобновления антропологического изучения таштыкских материалов и их сопоставления с другими группами Минусинской котловины с учетом современных представлений о типологии, периодизации и хронологии ее памятников.

Возвращаясь к оглахтинцу, отметим, что своеобразие его облика было, вероятно, вполне заметным для его окружения, о чем могут свидетельствовать и некоторые особенности его погребальной маски.

Гипсовая маска. В отличие от настоящей маски, снять которую с головы мумии без повреждения целостности невозможно, 3D-модель маски может быть осмотрена внутренней стороны.

Сканы КТ зафиксировали здесь детали, отпечатавшиеся на мягком гипсе. Во-первых, это предположительные фрагменты тканей, положенных на глаза умершему: на них указывают складки вокруг глаз и прямой край отпечатка выше левого глаза (рис. 4, 2). Фрагмент зеленоватого шелка действительно выглядывает из-под маски в месте ее слома на уровне глаз (рис. 4, 1, а), другой фрагмент шелка закрывает рот погребенного (рис. 4, 1, б) (Панкова, Миколайчук, 2019), однако сами эти тонкие ткани остались за пределами разрешающей способности томографа и не отразились на снимках КТ.

Во-вторых, на внутренней стороне маски сохранился отпечаток самого лица погребенного, позволяющий не только представить его посмертный облик, но и оценить, насколько он близок «лицу» внешней стороны маски, то есть как точно она передает черты умершего.

Вопросы о портретной достоверности таштыкских масок и об отражении в них антропологического типа погребенных неоднократно привлекали внимание исследователей, хотя в большинстве случаев оно было обращено на многочисленные, лучше сохраняющиеся маски из склепов — памятников более позднего этапа таштыкской культуры, в которых хоронили уже почти только по обряду кремации. При этом толстые маски из склепов формовались на заменявших головы условных «болванках» — частях человекообразных манекенов или самостоятельных «головных» урнах, тогда как тонкие маски из грунтовых могильников создавались прямо на лицах умерших, с учетом их рельефа (Вадецкая, 2004; 2005). В этом принципиальное отличие масок из склепов и грунтовых могил и их разный потенциал в плане передачи портретности.

Мужская маска из оглахтинской могилы 4 на сегодняшний день, похоже, единственная, на оборотной стороне которой запечатлено лицо погребенного. Кроме нее и еще неизученной женской маски из той же могилы 4, в литературе описаны всего четыре сохранившиеся целиком или сохранившиеся из фрагментов маски из грунтовых могильников:

— маска мужчины из погребения в Абакане «возле банка» (раскопки А. Н. Липского 1947 г., Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова);

— маска женщины из могильника Абакано-Перевоз I, могила 1 (раскопки А. И. Готлиба 1993–

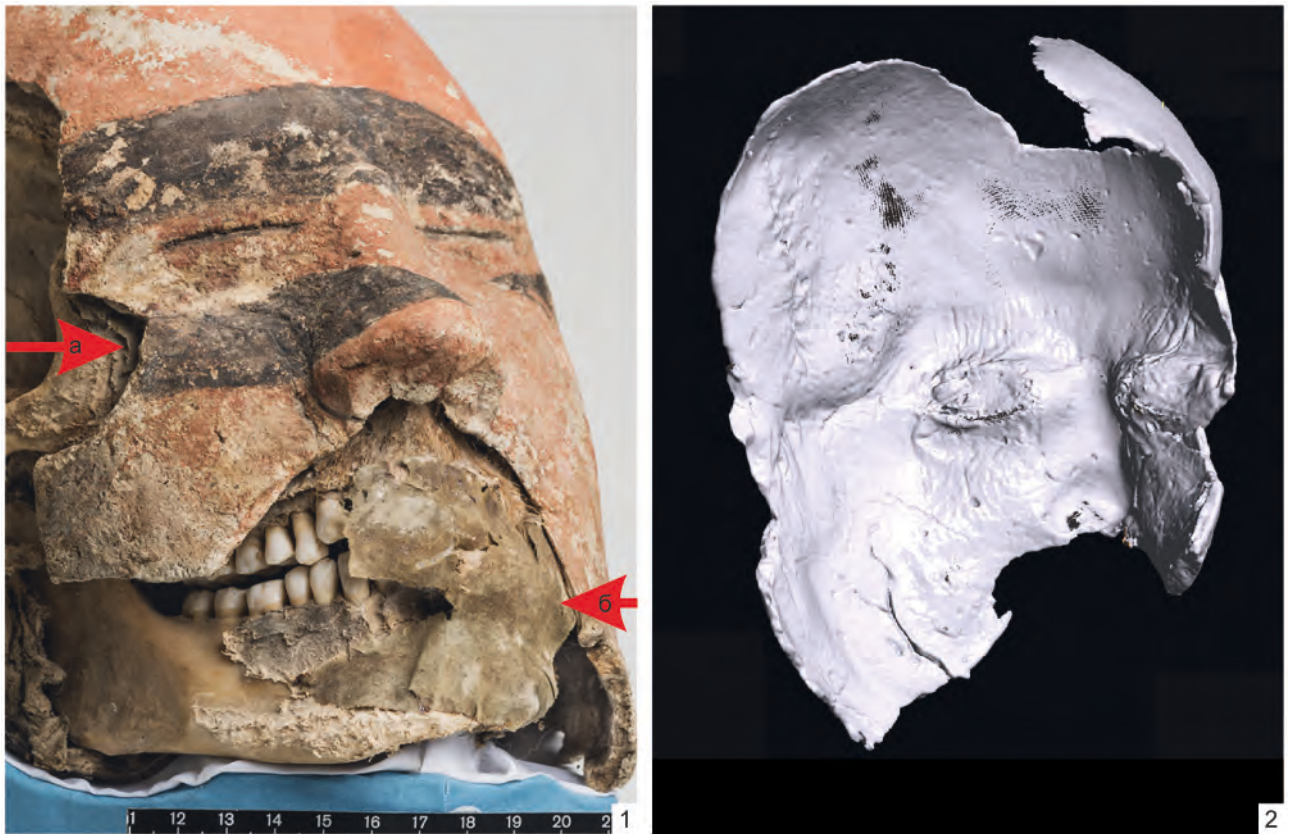

Рис. 4. 1 — фрагменты шелка на лице мужчины в местах разрушения маски; 2 — внутренняя сторона маски с отпечатками кусочков тонкой ткани вокруг глаз (фото на основе сканов компьютерной томографии)

Fig. 4. 1 — fragments of silk on the face of the male in the places of destruction of the mask; 2 — internal side of the mask with imprints from pieces of thin textile around the eyes (photo based on CT scans)

1994 гг., Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова);

— маска с черепа женщины из могильника Терский (раскопки Э. Б. Вадецкой 1989 г., Государственный Эрмитаж);

— маска подростка из могилы 7 Оглахтинского могильника (раскопки А. В. Адрианова 1903 г.; Государственный Исторический музей) (Адрианов, 1903).

На оборотной стороне этих масок, согласно описаниям Э. Б. Вадецкой, прямых отпечатков лиц погребенных нет. На них отмечены оттиски кожи, шнуров и складки, все определяемые Э. Б. Вадецкой как следы лицевых покрывал, присутствие которых и объясняет «схематичную, а иногда и вовсе произвольную» передачу черт лица на масках (Вадецкая, 1998. С. 196, рис. 1, 2–3; 2004. С. 54–55, рис. 3; 2009. С. 119–122, рис. 105, 106).

Рельеф внутренней стороны маски оглахтинца запечатлел непосредственно его лицо. На нем заметны посмертные изменения, начавшиеся

к моменту создания маски: несколько заостренные черты, западины на месте глазных яблок, деформация участка, подвергнутого трепанации. При этом рельеф внешней стороны маски отличается от внутреннего (рис. 5, 1–2). На лице, представленном с внешней стороны маски, веки изображены сомкнутыми, отсутствуют как названные изменения, так и следы посмертных манипуляций, осуществленных с головой оглахтинца. Кроме того, лицевая часть маски выглядит более уплощенной, нос отличается несколько вогнутой спинкой с более широкими крыльями, надбровье и надпереносье выражены слабее, чем отпечаток с внутренней стороны маски.

Субъективные визуальные наблюдения дополняются данными КТ, свидетельствующими о том, что толщина гипсовой маски отличается на разных участках, что и определяет отличие внешнего и внутреннего профилей. Так, на уровне горизонтальной плоскости, проходящей через середину носа, толщина маски варьирует от 2 мм

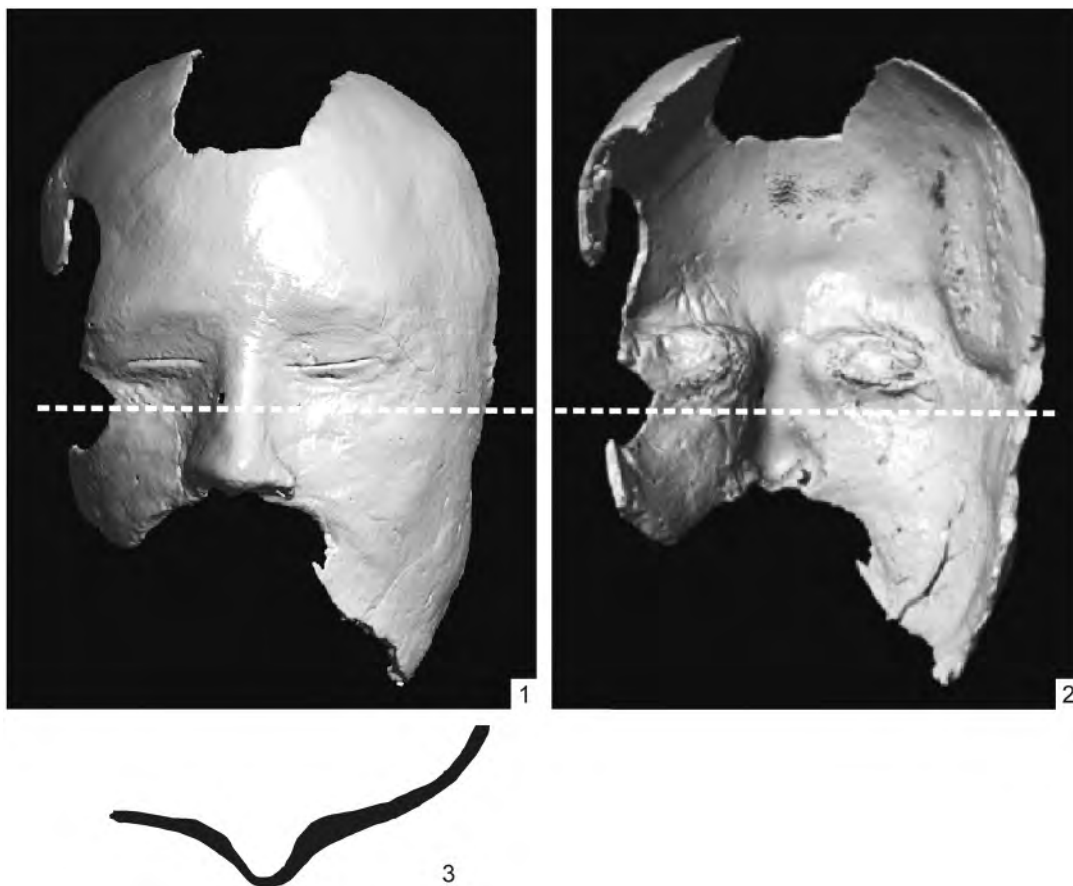

Рис. 5. 1–2 — 3D-модели маски, созданные на основе сканов компьютерной томографии: внешняя (1) и внутренняя (2) стороны маски; 3 — горизонтальный разрез маски на уровне середины носа (по сканам КТ)

Fig. 5. 1–2 — 3D models made after CT scans: 1 — external side of the mask, 2 — internal side of the mask; 3 — horizontal section of the mask at the level of the middle of the nose (after CT scans)

в области носовых костей (при этом распределение гипса асимметрично, с правой стороны его толщина меньше) до 8,5 мм в районе максимального перегиба, а затем вновь понижается до 4 мм (рис. 5, 3). По сравнению с внешней стороной маски, ее внутренний профиль демонстрирует более клиногнатное (более европеоидное) строение лица.

Если относительное сходство между двумя сторонами тонкой маски связано с технологией ее изготовления (мастер, нанося слои гипса, очевидно, следовал рельефу лица), то отличия между ними могли определяться доработкой ее внешней стороны. Причины доработки и конкретные особенности моделировки внешней стороны маски могли объясняться разными причинами: технологическими традициями, навыками мастера, существующими культурными нормами, эстетическими предпочтениями и др.

Отпечаток лица на внутренней стороне маски является, с учетом посмертных изменений, наиболее сходные с усредненными портретами

вполне надежным источником сведений об облике оглахтинца. Интересно, что несколько более выраженная европеоидность отпечатка лица с внутренней стороны маски по сравнению с «лицом» ее внешней стороны совпадает с направлением отличий оглахтинского черепа от других таштыкцев по краниометрическим параметрам. Если хоронившие оглахтинца сородичи обладали теми же антропологическими чертами, которые характеризуют используемую нами краниологическую таштыкскую выборку, можно предполагать, что они придали его посмертному изображению более типичный для местных жителей облик. Трудно сказать, насколько сознательно и по какой причине была совершена коррекция изображения лица умершего. Нельзя, например, исключать, что здесь сыграло роль то отмеченное психологами обстоятельство, что люди воспринимают в качестве более привлекательных лица,

людей, проживающих в том же регионе (см. например: *Rhodes*, 2006).

Значительно большая монголоидность внешней стороны маски по сравнению с восстановленным по черепу вполне европеоидным лицом была также зафиксирована по результатам анализа женской головы с маской из могильника Абакано-Перевоз I, могила 1 (*Медникова, Лебединская*, 2004. С. 146). Авторы отметили соблюдение в маске пропорций лица погребенной, однако в главном поддержали мнение А. Н. Липского о «крайней относительности» передачи масками как расового типа, так и особенностей внешности покойного, и отметили «необходимость взвешенного подхода к антропологическому изучению таштыкских посмертных изображений» (*Липский*, 1956. С. 148–149). Из-за отмеченного контраста в облике маски и лица из Абакано-Перевоза антропологи предположили, что на облик маски могла повлиять отечность мягких тканей, либо она была изготовлена по шаблону, без учета облика покойной (*Там же*. С. 146). В свою очередь А. И. Готлиб задался вопросом о вероятности намеренного придания маскам монголоидных черт (*Готлиб*, 2008. С. 44–45), а Э. Б. Вадецкая — о «популярности» восточных черт лица у таштыкцев (*Вадецкая*, 2009. С. 119–120, рис. 103–104; цв. ил. 10).

Попытка сопоставить маску из таштыкского погребения в Абакане «возле банка» с лицом погребенного с ней мужчины была много ранее предпринята М. М. Герасимовым, реконструировавшим по черепу лицо погребенного и снявшего с него маску для сравнения с древней (*Вадецкая*, 2009. С. 119, рис. 102; цв. ил. 7). Череп мужчины определен В. П. Алексеевым как европеоидный (*Алексеев*, 1954. С. 53); лицо, изображенное на маске, также обладает заметным европеоидным признаком — сильно выступающим носом (*Вадецкая*, 2009. Рис. 101). Оригинальная маска заметно отличается от маски, снятой с воссозданного лица. Даже если учитывать возможные погрешности, обусловленные несовершенством метода реконструкции лица по черепу, следует признать, что основная причина отличий между масками заключается в условности изображения лица на древней маске, особенно ярко выраженная в форме и размерах носа.

О черепках, находившихся под тремя другими упомянутыми масками из грунтовых могильников, информации пока нет, однако все они

сохранились, так что их анализ — дело будущего. Параллельное изучение масок и черепов, на которых они были найдены, представляется интересным направлением дальнейших исследований, с обязательной фиксацией внутренней поверхности маски и желательной реконструкцией по черепу облика погребенного. Реконструкция лица молодого оглахтинца по черепу пока не проведена, интересно будет сравнить ее с лицом, известным по отпечатку на внутренней стороне маски.

Заключение

Изучение головы мужской мумии из оглахтинской могилы 4 по снимкам компьютерной томографии позволило прийти к следующим выводам и поставить ряд вопросов.

1. Разрезы на лице оглахтинца с большой вероятностью могут быть интерпретированы как результат преднамеренной процедуры, имеющей своей целью замедление процесса разложения мягких тканей головы. Можно реконструировать серию специальных посмертных процедур, проводимых с головами умерших таштыкцев, подготавливаемых к погребению по обряду ингумации: трепанацию черепа (и, видимо, извлечение мозга; данных о заполнении полостей черепа травой или другими материалами нет), рассечение наполненных кровью и лимфой мягких тканей головы с последующим сшиванием лоскутов кожи; после такой подготовки головы — помещение на глаза и рот умершего кусочков шелковых тканей и создание гипсовой маски-обмазки. Указанные манипуляции проводились, видимо, приблизительно в первую неделю после смерти, так как изменения лица, отпечатавшиеся на обратной стороне маске, еще незначительны. Данные относительно посмертной обработки тела погребенного пока отсутствуют.

2. Отмечено антропологическое сходство оглахтинца с тагарцами (в первую очередь с сарагашенцами), что согласуется с идеей о вхождении их потомков в состав населения, представленного культурой таштыкских грунтовых могильников. В то же время значительное отличие оглахтинца из могилы 4 от других таштыкцев, захороненных по обряду ингумации, свидетельствует об антропологической неоднородности мужской части населения из таштыкских грунтовых могильников. Среди таштыкских материалов череп оглахтинца из могилы 4 больше всего отличается от средней характеристики черепов того же Оглахтинского могильника. Измеренная серия таштыкцев

в целом в большей степени похожа на тесинцев (как из грунтовых захоронений, так и склепов, несмотря на их различие между собой), нежели тагарцев более раннего времени, к которым тяготеет антропологический тип оглахтинца. Вероятно, этот молодой мужчина внешне выделялся на фоне соплеменников. Индивидуальная вариабельность краниометрических признаков и в целом малое число проанализированных таштыкских материалов позволяет пока рассматривать это наблюдение как предварительное.

Существует общее представление о том, что в таштыкском обществе ингумации подвергались носители местных культурных традиций, в то время как обряд кремации был свойственен пришлому населению. В подавляющем большинстве случаев, согласно данным Э. Б. Вадецкой, такими «наследниками» старых обычаев выступали таштыкские женщины, однако из-за присутствия на ряде памятников ингумаций мужчин вопрос о корреляции пола погребенного с обрядом захоронения требует рассмотрения на более широком круге материалов. Кроме того, при обсуждении «местных» признаков погребального обряда необходимо иметь более детальное представление об этом ритуале, учитывающее такие особенности, как, например, наличие и характер трепанации, на что обращал внимание и Л. Р. Кызласов (1960. С. 101). Само понятие «местные традиции» в связи с таштыкскими грунтовыми могильниками достаточно неопределенно. Что это — наследие сарагашенцев, тесинцев из склепов или тесинцев грунтовых могил? По данным антропологов, тесинцы из грунтовых захоронений вполне могут претендовать на роль наследников местной сарагашенской группы, а из склепов — инородного населения в Минусинской котловине (Учанева и др., 2017; Учанева, Савенкова, 2019; Гохман, Громов, 2009; Громов и др., 2012). При этом предметный комплекс тесинцев из склепов, напротив, ближе сарагашенцам (уменьшенные копии предметов вооружения сарагашенских типов, керамика), тогда как погребенные в тесинских

грунтовых могилах сопровождаются предметами нового, «хуннского» облика (Савинов, 2009). С теми и другими у таштыкцев есть черты преемственности. Для получения достоверных выводов необходимо провести сопоставление конкретных особенностей разных видов погребений на большом материале. Также и с антропологическими характеристиками: нужно *по отдельности* сопоставлять таштыкцев с сарагашенцами, с тесинцами из грунтовых могил и из склепов, и такой же дискретный подход важен при изучении этих материалов методами генетики.

3. Изучение маски позволило составить представление о лице оглахтинца, отпечатавшемся на ее внутренней стороне, и сравнить его с внешней стороной маски. Маска представляет лицо с более уплощенным профилем — более монголоидное, чем реальное лицо погребенного. Вероятно, своеобразие облика молодого оглахтинца было вполне заметным для его окружения, предпринявшего — сознательно или нет — некоторые действия для посмертной коррекции образа при изготовлении маски.

Накопление большого числа неопубликованных антропологических материалов, полученных в ходе раскопок таштыкских грунтовых могильников в 1970–1980-е гг. и последующие десятилетия, делает необходимым выявление этих материалов в хранилищах и проведение их исследований с учетом современных методов и представлений о периодизации и хронологии памятников Минусинской котловины. Особое внимание стоит уделить сопоставлению таштыкских костных останков с антропологическими материалами из тесинских грунтовых могил и, отдельно, тесинских склепов, представляющих, по результатам недавних исследований, различные группы населения. Важно провести ревизию материалов старых раскопок, вошедших в публикации Г. Ф. Дебеца и В. П. Алексева. Отдельную задачу представляет дальнейшая обработка антропологических материалов из Оглахтинского могильника, включая мумифицированные останки.

Адрианов, 1903 — Адрианов А. В. Оглахтинский могильник // XXX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская Жизнь» 1903. № 254 от 23 ноября 1903 г.

Алексеев, 1954 — Алексеев В. П. Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины

времени таштыкской культуры // КСИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 20. С. 52–58.

Алексеев, 1961 — Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. XX. С. 238–327.

- Алексеев*, 1973 — *Алексеев В. П.* К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. ст., посвящ. памяти В. Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 220–232.
- Алексеев*, 1975 — *Алексеев В. П.* Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, ЛО, 1975. С. 109–119.
- Алексеев, Гохман*, 1984 — *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Вадецкая*, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 95–101.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // КСИА. 1986. Вып. 186: Ранний железный век. С. 33–41.
- Вадецкая*, 1998 — *Вадецкая Э. Б.* Лицевые покрытия под таштыкскими масками // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 192–198.
- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999 (Archaeologica Petropolitana; T. VII). 440 с.
- Вадецкая*, 2004 — *Вадецкая Э. Б.* Новое о таштыкских погребальных масках // АЭАЕ. 2004. № 1. С. 51–64.
- Вадецкая*, 2005 — *Вадецкая Э. Б.* Маски-урны (по материалам склепа Белый Яр-III) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. Вып. 1. С. 140–148.
- Вадецкая*, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
- Гинзбург, Трофимова*, 1972 — *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Гиря и др.*, 2020 — *Гиря Е. Ю., Учанева Е. Н., Милютин А. А., Бусова В. С., Лазаретова Н. И.* Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // ПАЖМИ. 2020. № 1. С. 135–171.
- Готлиб*, 2008 — *Готлиб А. И.* Специфические черты погребальной обрядности таштыкского грунтового могильника Абакано-Перевоз-1 // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию старейшего историка и краеведа Хакасии А. Н. Гладышевского (18–19 декабря 2008 г., Абакан). Абакан: Хакасский ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 40–45.
- Гохман*, 1989 — *Гохман И. И.* Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 5–16.
- Гохман, Громов*, 2009 — *Гохман И. И., Громов А. В.* Тесинский грунтовой могильник Каменка III: данные краниометрии и краниоскопии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. № 1 (37). С. 136–145.
- Грачев*, 2013 — *Грачев И. А.* Новые данные о раннесредневековых памятниках Южной Сибири // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 28–32.
- Громов и др.*, 2012 — *Громов А. В., Лазаретова Н. И., Учанева Е. Н.* Население Минусинской котловины на рубеже нашей эры (по антропологическим материалам из склепов) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 117–122.
- Дебец*, 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948 (ТИЭ. Новая серия; Т. IV). 392 с.
- Залкинд*, 1959 — *Залкинд Н. Г.* Краниологические материалы из таштыкских и тагарских погребений Большого Салбыкского кургана // Советская антропология. 1959. № 1. С. 57–66.
- Киселев*, 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Наука, 1949 (МИА; № 9). 364 с.
- Козинцев*, 1977 — *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, ЛО, 1977. 144 с.
- Кызласов*, 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
- Кызласов*, 1971 — *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1969 года (Предварительное сообщение) // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан: Хакас. обл. национальное изд-во, 1971 (Серия историческая; № 3). Вып. XVI. С. 173–176.
- Кызласов*, 1992 — *Кызласов Л. Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.

- Кызласов, Панкова, 2004 — Кызласов Л. Р., Панкова С. В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Вып. LXII. С. 61–67.
- Липский, 1956 — Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н. э. — IV в. н. э.) в свете сибирской этнографии // Краеведческий сборник. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1956. № 1. С. 9–92.
- Медникова, 2001 — Медникова М. Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Медникова, 2010 — Медникова М. Б. Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 98–106.
- Медникова, Лебединская, 2004 — Медникова М. Б., Лебединская Г. В. К вопросу об антропологическом изучении посмертных масок // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Ред. М. Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 142–152.
- Панкова, 2018 — Панкова С. В. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской) / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Панкова, Миколайчук, 2019 — Панкова С. В., Миколайчук Е. А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.) / Ред. И. И. Елкина, М. Вагнер, П. Е. Тарасов. М.: ИА РАН, 2020 (Archaeology in China and East Asia; Vol. 7). С. 108–141.
- Панкова и др., 2010 — Панкова С. В., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом “wiggle matching” // АЭАЕ. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Руденко, 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 387 с.
- Савинов, 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.
- Учанева, 2018 — Учанева Е. Н. Анализ формы трепанационных отверстий методами геометрической морфометрии (по материалам из тесинских склепов) // Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р. М. Юсупова (Уфа, 23 ноября 2018 г.). Уфа: ИИЯЛ Уральского ФИЦ РАН, 2018. С. 270–273.
- Учанева, Савенкова, 2019 — Учанева Е. Н., Савенкова Т. М. Новые палеоантропологические материалы из раннетесинских склепов Минусинской котловины // Camera praehistorica. 2019. Вып. 2. С. 123–136.
- Учанева и др., 2017 — Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Хижнякова, 1981 — Хижнякова К. И. Мумификация // Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ). 3-е изд. В 30 т. 1974–1989 / Ред. Б. В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Т. 16: Музеи–Нил [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bmэ.org/index.php/МУМИФИКАЦИЯ> (дата обращения 03.03.2021).
- Management..., 2004 — Management of Dead Bodies in Disaster Situations. Disaster Manuals and Guidelines Series. No. 5. Washington, D. C., 2004. 190 p.
- Keyser et al., 2009 — Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. No. 126 (3). P. 395–410.
- Pankova, 2020 — Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum (27–29 October 2017) / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.
- Pankova et al., 2020 — Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P. E., Wagner M. Oglakhty, Russland — Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? // e-Forschungsberichte des DAI 2020, 2. Available to: https://lens.idai.world/?url=/repository/eDAI-F_2020-2/eDAI-F_Wagner.xml (accessed 10.03.2021).
- Rhodes, 2006 — Rhodes G. The Evolutionary Psychology of Facial Beauty // Annual Review of Psychology. 2006. Vol. 57. P. 199–226.

Data of computer-assisted tomography in studies of the head of a male mummy from grave 4 at the cemetery of Oglakhty

I. G. Shirobokov, S. V. Pankova⁹

Keywords: Southern Siberia, Khakasia, Tashtyk flat-grave cemeteries, mummification, trepanation, funerary mask, computerized tomography, craniometry, funerary ritual.

In 2016, the mummy of a male from the Oglakhty cemetery (excavation by L. R. Kyzlasov in 1969, Khakasia, the early stage of the Tashtyk culture, 2nd–4th century AD) was investigated using computerized tomography at a clinic in St Petersburg. This paper presents the results of the investigation of the head of a mummy in a gypsum mask (Fig. 1) conducted using analysis of 3D models created on the basis of the CT scans.

The investigation showed that the age of the man at the death moment was about 25–30 years. The chirurgical stitches preserved on the left side of the face of the Oglakhty resident (Fig. 3, 2, 4) were interpreted as a result of the post-mortem procedures aimed at retardation of the process of decomposition of the soft tissues. As it seems, the incisions on the face, as well as the postmortal trepanation of the skull, were elements of the utilitarian preparation of the body for the funerary ritual.

After measurements obtained on the basis of CT scans, a craniological characteristic of the interred was composed and its comparative analysis was conducted. The appearance of the male is characterized by an elongated form of the skull with a high fornix, sharply profiled facial skeleton with a strongly protruding nose. Basing on a calculation of the squares of Mahalanobis distances (D^2), a comparison of the characteristic of the interred man and a number of craniological series from the same and antecedent periods was conducted. The morphology of the skull of the Oglakhty resident most resembles that of the population of the Saragash stage of the Tagar culture and least of all it is close to the people of the Tashtyk culture proper (flat grave burial sites) and particularly those from the Oglakhty cemetery. The morphological complex described above has not been found for any other now measured cranium from the Oglakhty cemetery. In addition, the real appearance of the Oglakhty male under study possessed more pronounced Caucasoid traits than those of the representation on the mask; this fact is notable also through comparison of the external side of the mask and the post-mortem imprint of the face on its internal side.

⁹ Ivan G. Shirobokov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: ivansmith@bk.ru. Svetlana V. Pankova — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: svpankova@gmail.com.

Зооморфные изображения как индикатор культурных изменений на заключительной фазе раннетагарского периода¹

Н. Ю. Кузьмин (†)²

Аннотация. Выделение среди памятников баиновского этапа раннетагарского периода группы погребений, относящихся к финалу позднего бронзового века, привело к ситуации, когда образовавшаяся временная лакуна стала заполняться более поздними комплексами подгорновского типа. По этой причине к настоящему времени сложилось искаженное представление об особенностях развития тагарской культуры в ее ранний период. Для определения относительной хронологии раннетагарских погребальных сооружений в статье проводится сравнение ряда ключевых могильников степной зоны Минусинской котловины, в которых отсутствие или наличие изделий с зооморфными изображениями определяет относительное положение групп комплексов на временной шкале. Представление об особенностях поздней группы курганов дает более подробная характеристика могильника у Подгорного озера, материалы которого до сих пор не опубликованы. Появление изображений животных и птиц на предметах инвентаря подгорновских погребений становится своеобразным индикатором культурных изменений, связанных с проникновением в Минусинскую котловину в то же время новых племен, соорудивших погребальные комплексы биджинского типа.

Ключевые слова: Минусинская котловина, ранний период тагарской культуры, зооморфные изображения на предметах погребального инвентаря.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-294-311

Из истории выделения раннетагарского периода

Еще в первых периодизациях тагарской культуры (по С. А. Теплоухову — минусинской курганной), достаточно веско аргументированных материалами раскопок, раннюю фазу ее эволюции выделяют в отдельный этап, стадию или период.

С. А. Теплоухов отнес ранние погребальные комплексы минусинской курганной культуры, появившейся, по его мнению, в начале I тыс. до н. э., к первому этапу и дал их обобщенную характеристику (Теплоухов, 1929. С. 46–47, табл. I; IV, 1). В качестве эталонного памятника в работе был указан могильник у Подгорного озера.

¹ В работе речь идет только о тагарских памятниках степного региона, комплексы лесостепной тагарской культуры не привлекаются. Обнаруженные вне комплексов случайные находки тагарских предметов с изображениями животных и птиц не рассматриваются.

² Независимый исследователь. 58A Reinickendorfer Straße, Berlin, 13347, Deutschland.

С. В. Киселев привел также обобщенное, без выделения последовательных хронологических групп, но более полное описание ранних тагарских курганов, отнесенных к I стадии, датируемой им VII–VI вв. до н. э. (Киселев, 1949. С. 128–152).

В периодизации М. П. Грязнова 1968 г. раннетагарские комплексы по времени существования отнесены к двум этапам: баиновскому (VII–VI вв. до н. э.) и подгорновскому (VI–V вв. до н. э.) (Грязнов, 1968. С. 188–190). Особо отметим, что в таблицах, иллюстрирующих типичный для раннетагарских курганов инвентарь, для баиновского этапа не показаны предметы с зооморфными изображениями, они приведены только в разделе инвентаря, характерного для подгорновского этапа (Там же. С. 193).

Наиболее подробная из существующих периодизаций тагарской культуры была предложена М. П. Грязновым в 1979 г. В ней раннетагарские курганы распределялись уже по трем хронологически последовательным этапам: баиновскому — около VIII в. до н. э., черновскому — около VII в. до н. э.,

подгорновскому — около VI в. до н. э., а несколько известных тогда курганов биджинского этапа, датируемых временем около V в. до н. э., интерпретировались как переходные между подгорновскими и сарагашенскими (Грязнов, 1979. С. 4).

По сравнению с периодизацией 1968 г. для раннетагарского времени дополнительно был введен черновский этап (по раскопкам Г. А. Максименкова у бывшей дер. Новая Черная и на р. Черновая — см.: Максименков, 2003. С. 77–135). Представление о памятниках переходного типа (биджинских курганах) основывалось на кратких тезисах М. П. Завитухиной (Завитухина, 1968. С. 14–16), давшей им название по раскопкам А. Н. Липского на р. Биджа (Липский, 1966. С. 312–317).

По итогам типологического анализа материалов раскопок, проведенных сотрудниками Красноярской экспедиции, автором настоящей статьи было предложено выделять в тагарской культуре три культурно-исторических периода, первый из которых — раннетагарский — включал памятники трех первых этапов М. П. Грязнова (Кузьмин, 1979).

Современное состояние проблемы

За годы, прошедшие после публикации М. П. Грязновым расширенной периодизации тагарской культуры, изданы материалы, полученные при раскопках нескольких ключевых раннетагарских могильников, расположенных в степном регионе Среднего Енисея:³ у дер. Знаменка (24 кургана) — в Сыда-Ербинской котловине (Podol'ski, 1996. Р. 61–96); Гришкин Лог I (25 курганов), Черновая I (9 курганов), Новая Черная I (21 курган) — в Чулымо-Енисейской котловине (Максименков, 2003), а также 52 кургана Есинской группы памятников из 100 раскопанных на территории Комсомольско-Есинской оросительной системы в юго-западной части Минусинской котловины (Савинов, 2012).

Относительное хронологическое положение комплексов определено каждым из проводивших

³ Большая часть упомянутых в работе тагарских могильников показана на составленной Н. Л. Членовой карте (Членова, 1992. С. 208, карта 11). На карте отмечены могильники Сектах, Шаман Гора, у дер. Знаменка, у с. Верх-Аскиз, Тогр-Таг, в долине р. Уйбат, Луговое и Есинская группа памятников. Их конкретное местоположение указано авторами раскопок в публикациях, на которые даны ссылки в тексте настоящей статьи.

раскопки исследователей. Для могильников Чулымо-Енисейской котловины обоснована следующая последовательность их сооружения: Гришкин Лог I — Новая Черная I — Черновая I (Максименков, 2003. С. 134–135). В предисловии редактора Э. Б. Вадецкая отметила, что сам Г. А. Максименков не употреблял термин «черновский этап», но постоянно подчеркивал, что все три могильника моложе баиновских памятников и древнее подгорновских (Вадецкая, 2003. С. 6). М. Л. Подольский отнес раскопанные у дер. Знаменка комплексы к «предподгорновскому» типу (Podol'ski, 1996. Р. 92). Все раскопанные курганы Есинской группы памятников отнесены Д. Г. Савиновым к подгорновскому этапу (Савинов, 2012. С. 5–6). П. В. Герман на основе типологического анализа распределил те же самые комплексы по разным хронологическим горизонтам раннетагарского периода (Герман, 2007. С. 21–22).

В ряде работ последних лет отчетливо прослеживается тенденция расширенной трактовки понятия «памятники подгорновского типа», охватывающей уже и раннетагарские комплексы, существовавшие раньше подгорновских, что вступает в противоречие с их относительным хронологическим положением. Возможно, причина появления подобной тенденции объясняется расхождениями в понимании разными исследователями сути происходящих в раннетагарский период культурных процессов, а также терминологической путаницей, истоки которой вполне понятны.

Анализ инвентаря курганов, отнесенных М. П. Грязновым к баиновскому этапу, позволил И. П. Лазаретову выделить группу собственно баиновских погребений (по раскопкам в могильнике Баинов Улус) без оружия и со специфической орнаментацией керамики, относящихся к заключительной фазе эпохи поздней бронзы (Лазаретов, 2005. С. 86–89; 2007. С. 93–105). Исследователь признал неудачным употребление термина «черновские памятники», так как с самим термином «в большей мере ассоциируются поздние комплексы окуневской культуры типа Черновой VIII» (Лазаретов, 2007. С. 99). П. В. Герман предложил вообще исключить этот термин из периодизации тагарской культуры (Герман, 2017. С. 21).

Так как часть курганов баиновского этапа, кроме оставшихся раннетагарских, была отнесена к заключительному IV этапу периода поздней бронзы, встал вопрос о названии наиболее

ранних комплексов тагарской культуры, раньше относимых к баиновскому этапу. И. П. Лазаретов предложил называть их раннеподгорновскими, например Гришкин Лог I (Лазаретов, 2007. С. 99). Затем автор уточнил, что «раннеподгорновские памятники, в нашем понимании, соответствуют черновскому этапу тагарской культуры Г. А. Максимова, с добавлением отдельных комплексов, неправомерно названных баиновскими» (Там же. С. 104, сноска 4).

Непосредственно после публикации этой работы в литературе началось употребление расширенного понятия «памятники подгорновского типа», включающего самые ранние из тагарских курганов начальной фазы формирования культуры, а также последующие по времени, определяемые ранее как «предподгорновские». Подобная атрибуция ряда ранних комплексов представляется ошибочной: она не оставляет места тагарской архаике, памятники подгорновского типа не являются самыми ранними и не перекрывают весь период раннего существования тагарской культуры.

Одновременно с выходом в свет статьи И. П. Лазаретова были опубликованы результаты изучения П. В. Германом комплексов раннего этапа тагарской культуры (Герман, 2007). Автор отказался от названий этапов и применил буквенно-цифровые обозначения трех условно-хронологических горизонтов последовательного изменения памятников двух выделенных локальных вариантов культуры: Аскизского (А¹, Б¹, В¹) и Приенисейского (А, Б, В), отметив разницу в динамике их развития. Для аскизской локальной группы к горизонту А¹ им были отнесены курганы могильников Верх-Аскиз I и III; к горизонту Б¹ — могильники Есино I и II; к горизонту В¹ — Кок-Хая, Тунчух, Сарой. Для приенисейской локальной группы к горизонту А — Гришкин Лог I, Новая Черная I; Б — Каменка I, Подгорное озеро, Черновая I, Барсучиха V; В — Кичик-Кюзюр I, Туран I, Тепсей IX (Там же. С. 21–22). Исследователь пришел к выводу, что, учитывая данные радиоуглеродного анализа и своеобразии культурного развития памятников каждой из локальных групп, оснований для построения последовательной хронологической колонки нет (Там же. С. 25).

Проведенная П. В. Германом систематизация раннетагарских курганов, включая выделение хронологических горизонтов, представляется на сегодняшний день наиболее аргументированной.

Далее при рассмотрении фактического материала по теме работы мы будем в основном придерживаться этой относительной хронологии групп комплексов, но с некоторыми уточнениями.

В настоящей статье основное внимание уделяется не локальным и типологическим особенностям отдельных групп памятников, а общим для всего степного региона закономерностям эволюции, где определяющими становятся «переходные» моменты их развития, одним из маркеров которых являются зооморфные изображения (рис. 1; 2). В предлагаемом общем обзоре мы акцентируем основное внимание на наиболее значимых этапах развития культуры в пределах раннетагарского периода: первый — формирование и появление сложившихся комплексов тагарской культуры, второй — распространение сложившихся комплексов по всему степному региону Минусинской котловины, третий (подгорновский) — максимальный расцвет и постепенная трансформация культуры.

Зооморфные изображения на предметах из курганов первого и второго этапов раннетагарского периода

Группа памятников первого этапа (по П. В. Герману, хронологический горизонт А¹) исследована только на юго-западе Минусинской котловины. Она выделяется по материалам раскопок курганов у с. Верх-Аскиз.

Охранные раскопки памятников, попадающих в зону реконструкции автодороги с. Аскиз — пос. Бирикчуль, проводились одним из отрядов Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР (с 1991 г. — ИИМК РАН) под руководством автора настоящей статьи в 1986–1989 гг. На 17–21 км трассы (от горы Хара-Хая до ж.д. ст. Кизлас), в 3 км от с. Верх-Аскиз, раскопаны ограды периода поздней бронзы (Кузьмин, 2018. С. 68–88) и 31 курган раннетагарского периода (материалы готовятся к публикации). Предметов с изображениями животных в могилах раннетагарских курганов не обнаружено.

Курганы второго этапа исследованы на всей территории степной зоны Среднего Енисея. В работе рассматриваются материалы полностью или в значительной степени раскопанных могильников: от северной котловины до находящихся южнее кладбищ.

В Чулымо-Енисейской котловине помимо уже упомянутых (Гришкин Лог I, Черновая I, Новая

Черная I) исследованы девять курганов в могильнике Барсучиха V (*Завитухина*, 1979а. С. 68–86). Автором раскопок определено относительное хронологическое место памятника: Гришкин Лог I — Барсучиха V — Подгорное озеро (*Там же*. С. 83).

Среди предметов инвентаря из курганов четырех перечисленных могильников только в могильнике Гришкин Лог I встречены два изображения на предметах. В могиле 8 кургана 13 обнаружен трехдырчатый роговой псалий (*Максименков*, 2003. Табл. 25, б) с «...закругленными концами, несколько напоминающими птичьей головки, но очень сильно стилизованными, так что характер изображения можно определить только предположительно» (*Там же*. С. 41). Плохо различимая фигура кабана (?) венчала рукоять бронзового ножа из могилы 4 кургана 16 (*Там же*. Табл. 24, 12). Однако по разрезу ограды кургана можно заметить, что могила 4 впущена позднее с более высокого уровня, чем смежные могилы 3 и 5 (*Там же*. Табл. 4). Следовательно, могила и нож датируются более поздним временем.

В раскопанных М. Л. Подольским курганах у дер. Знаменка в Сыда-Ербинской котловине не найдено ни одного изделия с зооморфными изображениями. Не обнаружены зооморфные изображения и в могильнике Каменка I, находившемся на правом берегу Енисея в этой же котловине, где из 13 курганов (два полностью разрушены грабителями и оврагом) Я. А. Шер в 1963 г. раскопал 11 (*Шер, Прокофьева*, 1966. С. 57–61)⁴.

Среди инвентаря курганов Есинской группы, раскопанных в Минусинской котловине, обнаружено одно зооморфное изображение: в могиле 4 кургана 2 группы Есино IX находился обломок бронзового предмета, украшенного головкой горного козла. Стилистические особенности изображения автор раскопок связывает с карасукской и ранней центрально-азиатской художественными традициями (*Савинов*, 2012. С. 25). Вероятнее всего, это изделие является импортным.

Изображения животных и птиц на предметах из курганов подгорновского типа

Особый интерес представляют материалы исследований могильника у Подгорного озера, давшего название подгорновскому этапу в первой

⁴ Видимо, могилы 3 и 4 кургана 6 в этом могильнике являются биджинскими, судя по находкам в них «ножных браслетов».

периодизации тагарской культуры М. П. Грязнова (*Грязнов*, 1968. С. 188–190). Так как материалы раскопок могильника никогда не публиковались, а они крайне важны для понимания сути проблемы, рассмотрим их более подробно.

Могильник у Подгорного озера⁵ находился на левом берегу Енисея в Чулымо-Енисейской котловине в 0,4 км к востоку от Подгорного озера (Богградский район, Республика Хакасия). Он насчитывал более 200 курганов: по сводке Э. Б. Вадецкой — 216 подгорновских и сарагашенских (*Вадецкая*, 1986. С. 108). Так как общий план расположения курганов у Подгорного озера не опубликован, можно лишь предполагать, что это было большое могильное поле, состоящее из комплексов разного времени.

С. А. Теплоухов в 1920 г. раскопал в могильнике два кургана, а еще три — в 1926 г. (1–5). А. В. Давыдова исследовала в 1960 г. два кургана (6 и 7), Г. А. Максименков в 1961 г. — 21 курган (8–28), а в 1966 г. — еще девять курганов (29–37). В настоящее время территория, где находился могильник, затоплена Красноярским водохранилищем.

Высота насыпей раскопанных курганов доходила до 0,5–0,7 м от древней дневной поверхности. Ограды имели прямоугольную форму, были ориентированы углами по странам света и вытянуты длинной осью по линии северо-запад–юго-восток; по углам были установлены более высокие плиты. В ограде кургана 15 с двумя могилами на продольных сторонах были поставлены промежуточные камни. Три раза к основной ограде были пристроены дополнительные — с северо-востока (курган 18) и юго-востока по длинной оси (курганы 19, 32). Еще в трех случаях оград вокруг могил обнаружено не было (курганы 12, 14, 16).

В каждой ограде находилось от одной до трех основных могил, расположенных в ряд по длинной оси кургана. В оградах с одной могилой в центре в 70 % она была устроена в виде каменного ящика.

⁵ С личного разрешения А. В. Давыдовой и Г. А. Максименкова архивные материалы раскопок были привлечены автором статьи, работавшим с 1974 г. в Красноярской экспедиции, к анализу при написании дипломной работы «Погребальные сооружения тагарской культуры на Среднем Енисее» (1978 г., научный руководитель — М. П. Грязнов). Сведения о раскопках С. А. Теплоухова были предоставлены М. П. Грязновым из его личного архива. Все приводимые ниже данные взяты выборочно из этой работы, опубликованной тезисно и в переработанном виде (*Кузьмин*, 1979. С. 44–47).

Всего в могильнике раскопано 70 могил, из них шесть (в кургане 3 (5?)) при дальнейших подсчетах не учитываются. По конструктивному устройству выделяются четыре типа могил: каменный ящик, каменный ящик из мелких плит (больше половины из них дополнительно укреплены срубом или рамой), сруб, грунтовая яма. Выделенные типы могил не распределяются по отдельным курганам. Часто они сочетаются в одной ограде: курган 23 — каменный ящик и сруб, курган 21 — каменный ящик и грунтовая могила, курган 13 — каменный ящик и могила с облицовкой из мелких плит, укрепленных деревом, курган 29 — ящик из мелких плит и сруб.

Покрытие могил почти везде одинаково: одна — три массивные плиты, поверх которых укладывались в несколько слоев мелкие плитки. Могила 2 (сруб в грунтовой яме) в кургане 23 была перекрыта продольно положенными плахами, поверх которых лежали плиты.

В 64 могилах было погребено не менее 81 человека, из которых 63 — взрослые, 18 — дети. Взрослых чаще всего хоронили индивидуально (47 человек). Говорить о реальном соотношении мужских и женских погребений сложно, так как пол умерших во многих случаях не определен. В пяти могилах было похоронено по двое умерших. Из них — три погребения мужчины и женщины, одно — двух мужчин, в одном случае пол погребенных не определен. Погребения трех взрослых людей встречены два раза. В одной могиле были погребены три женщины, в другой — двое мужчин и женщина.

Детей захоранивали либо в отдельных могилах, либо вместе с взрослыми, в основном с женщинами. В одном случае два ребенка были погребены вместе с мужчиной и женщиной.

Основное положение погребенных — вытянуто на спине, руки расположены вдоль тела; головой умершие ориентированы на юго-запад. На северо-восток были ориентированы тела четверых взрослых и двух детей.

Чаще всего каждому погребенному ставили слева от головы глиняный сосуд больших размеров, справа в ногах — еще один, меньших размеров, или плоску, сделанную из старого горшка с отбитой верхней частью, но встречаются и отклонения от стандарта. Мясные части туш животных (овец, крупного рогатого скота, реже лошади) укладывали в ногах слева.

Суммарный перечень находок в погребениях могильника Подгорное озеро приведен Э. Б. Вадецкой: «...более 60 сосудов, 6 кинжалов, 6 чеканов, 3 втока, 12 бронзовых и 5 костяных ножей, 5 шильев, 25 стрел, 7 зеркал, 6 гребешков, иголка, бляшки, пронизки, ножные браслеты, бусины, клык медведя и лисицы» (Вадецкая, 1986. С. 108).

Найденные в могилах изделия с зооморфными изображениями опубликованы М. П. Завитухиной (Завитухина, 1983). Здесь необходимо отметить определенные расхождения между нумерацией раскопанных С. А. Теплоуховым курганов, могил в каталоге М. П. Завитухиной и сохранившихся в личном архиве материалов М. П. Грязнова. По сведениям из архива М. П. Грязнова, в курганах 1 и 2 было по одной могиле, в кургане 3 — три могилы (15, 16, 17), в кургане 4 — три могилы (18, 19, 20), в кургане 5 — три основные могилы (21, 23, 24) и три дополнительные. Во избежание путаницы ссылки на номера курганов и могил приводятся по публикации М. П. Завитухиной.

Особый интерес представляет самой большой из исследованных курганов — 3 (5?), в ограде которого, размерами 14,2 × 11,6 м, находились три основные (21, 23, 24) и три дополнительные могилы. В могиле 21 были захоронены взрослый мужчина и подросток. По находкам так называемых «ножных браслетов» (украшение голенищ сапог) и других характерных вещей ее можно идентифицировать как биджинскую. Среди прочего инвентаря здесь обнаружены: бронзовый кинжал с фигуркой кабана на рукояти и характерным для кинжалов биджинского времени перекрестьем в виде рельефных усиков (рис. 1, 12) и чекан с головкой птицы, помещенной между втулкой и бойком (рис. 1, 17). Могилы 23 и 24 сооружены позднее и являются впускными. Судя по обряду и инвентарю, они датируются сарагашенским временем. В составе инвентаря находились две бронзовые оленные бляшки (одна в обломках) (Там же. Кат. № 109). Возможно, к этой же могиле относится и чекан с горным козлом на обушке, принадлежность которого к конкретному кургану в каталоге не указана (Там же. Кат. № 15).

В могиле 1 кургана 16, раскопанного Г. А. Максименковым, обнаружен бронзовый нож, рукоять которого украшена фигуркой стоящего горного козла с повернутой назад головой (рис. 2, 15)⁶. Все

⁶ Автор выражает искреннюю благодарность Е. А. Миклашевич за помощь в составлении рисунков

остальные предметы с изображениями найдены в исследованных С. А. Теплоуховым курганах. Из двух могил кургана 1 (3?) происходят бронзовые секира-чекан, на обушке которой помещена фигурная композиция, составленная из двух передних половин кабанов (*Там же*. Кат. № 83), и нож с фигуркой стоящего лося на рукояти (рис. 2, 13)⁷.

Зооморфные изображения на предметах инвентаря обнаружены и в других курганах подгорновского типа. Ограничимся несколькими примерами.

В 1990 г. на северной окраине с. Аскиз (левый берег Енисея, Минусинская котловина) С. В. Александров и Е. Д. Паульс исследовали четыре подгорновские кургана в могильнике Луговое (*Александров и др.*, 2001. С. 30–51). В стратиграфическом отношении интерес представляет могила 2 кургана 3. Первоначально в срубе были погребены мужчина и ребенок, позднее, когда мягкие ткани трупов уже разложились, в могилу было совершено подхоронение: разрозненные кости первых погребенных сдвинуты в северный и восточный углы сруба вместе с массивными бронзовыми кинжалом и чеканом, а на освободившемся месте похоронены женщина и подросток. Помимо других вещей, найденных при скелете женщины, здесь был обнаружен бронзовый нож с литой фигуркой стоящего кабана на рукояти (рис. 1, 14). Данный пример показывает, что предметы с изображениями животных появляются не в самых ранних погребениях подгорновского типа.

Из раскопанных на правом берегу Енисея в Минусинской котловине подгорновских могильников полностью опубликованы материалы исследований у горы Тепсей. В пункте III исследованы четыре могилы в разрушенных курганах (13, 35, 38, 62), в пункте VII — три кургана

и предоставленные сведения о биджинском кургане, раскопанном Б. Н. Пяткиным в 1983 г. у горы Туран.

⁷ Типологически секира-чекан может быть отнесена к группе предметов, изготовленных во время, предшествующее подгорновскому. Стилистические особенности изображений кабанов также отличаются от характерной для подгорновского времени манеры трактовки образов этих животных. Видимо, комплекс с могилой 17 был сооружен в более раннее время, о чем можно судить по форме и орнаментации найденных в ней сосудов. Ближайшей аналогией секире-чекану является упоминаемый далее втульчатый топор из могильника Тунчух, но помещенная на нем фигурка кабана выполнена уже в иной изобразительной манере, близкой подгорновской.

(1–3), в пункте VIII — шесть курганов (7–10, 12, 13), в пункте IX — семь курганов (1–7) (*Завитухина*, 1979б. С. 40–54). В погребениях из курганов в Тепсей III обнаружены зооморфные изображения: в могиле 13 — бронзовый пластинчатый нож с фигуркой стоящего хищника на рукояти, в могиле 62 — бронзовый вкладышевый нож, на уступе которого между рукоятью и клинком размещено изображение головки хищной птицы (*Там же*. Рис. 26, 22, 23). Отметим, что вкладышевые ножи характерны для биджинских могил.

В подгорновской могиле 1 ограды 5 могильника Карасук IV, расположенного в Чулымо-Енисейской котловине, М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой в 1962 г. обнаружен бронзовый нож с рельефной головкой копытного животного на окончании рукояти (рис. 2, б).

В могиле 1 подгорновского кургана 1 могильника Сектах, исследованного И. П. Лазаретовым в 1998 г. в той же котловине, найден бронзовый нож с фигуркой припавшего на задние лапы кошачьего хищника на рукояти и рельефно выступающей головкой хищной птицы в месте перехода рукояти к клинку (рис. 1, 15).

Приведенные при рассмотрении материалов раскопок ранних тагарских могильников факты, а также результаты более детального анализа комплексов заключительной фазы раннетагарского периода у Подгорного озера позволяют сформулировать предварительные выводы.

1. В степном регионе Минусинской котловины исследован целый ряд раннетагарских могильников, в погребениях которых практически нет предметов с зооморфными изображениями. Объяснить этот факт ограблением могил невозможно, так как более поздние памятники (с зооморфными изображениями на предметах) разграблены в той же степени. По этому признаку, наряду с другими, отличаются от более ранних памятников погребальные комплексы подгорновского типа.
2. Инновационным является появление в них предметов с изображениями животных и птиц, определяющими в данном и подобных случаях более позднее относительное хронологическое положение курганов подгорновского типа по сравнению с предшествующими комплексами, не содержащими предметы погребального инвентаря с изображением зверей.
3. Наличие в могильнике у Подгорного озера кургана с захоронением биджинского типа

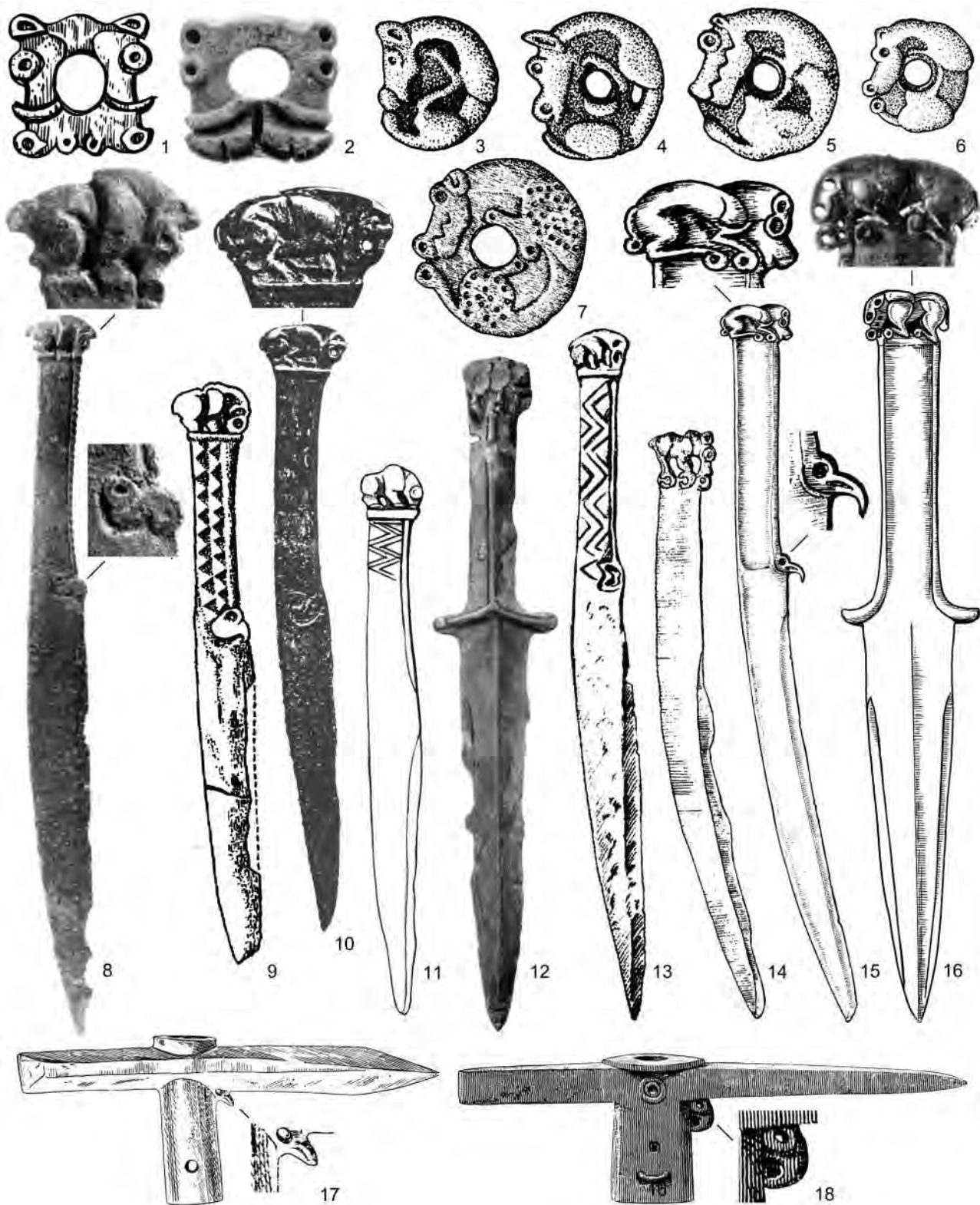

Рис. 1. Изображения кошачьих хищников, кабанов и птиц на предметах погребального инвентаря: 1, 16 — Уйбат, пункт VII (у горы Багульная), курган 1, могила 1 (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 3, 2); 2 — могильник Кичик-Кюзюр I, курган 2, могила 4 (Завитухина, 1983. Кат. № 87); 3 — могильник Тагарское озеро, курган 32, могила 1 (Богданов, 2006. Табл. I, 5); 4 — могильник Тагарское озеро, курган 33, могила 1 (Там же. Табл. II, 6); 5, 6 — могильник Тигей, курган 1, могила 1 (Там же. Табл. I, 3, 4); 7 — могильник Туран II, курган 5, могила 2 (Там же. Табл. I, 2); 8 — Уйбат (Чарков), пункт XVII, курган 1, могила 5 (по материалам раскопок автора в 1994 г.; фото автора); 9 — Старое Означенное, курган 10, могила 2 (Трифонов, 1974. С. 226, рис. 2); 10 — Уйбат (Усть-Бюрь), пункт I, курган 2, могила 2 (по материалам раскопок автора в 1992 г.; фото автора); 11 — могильник Белое озеро I, курган 55, впускная могила (по материалам раскопок И. П. Лазаретова в 1989 г.; рис. И. П. Лазаретова); 12 — могильник Подгорное озеро, курган 3 (?), могила 21 (Завитухина, 1983. Кат. № 51); 13 — могильник Улуг-Кюзюр I, курган 4, могила 1 (Пшеницына, 2010. Рис. 3, 10); 14 — могильник Луговое, курган 3, могила 2 (Александров и др., 2001. Рис. 19, 8); 15 — могильник Сектах, курган 1, могила 1 (Лазаретов, 2007. Рис. 5, 9); 17 — могильник Подгорное озеро, курган 3 (?), могила 21 (Завитухина, 1983. Кат. № 240); 18 — могильник Тагарское озеро, курган 32, могила 1 (Отчет о раскопках..., 1896. Рис. 194). 1, 2, 7 — кость, остальное — бронза. Без масштаба

Fig. 1. Representations of feline predators, wild boars and birds on items of the grave inventory: 1, 16 — Uybat, point VII (near Mt Bagulnaya), barrow 1, grave 1 (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 3, 2); 2 — cemetery of Kichik-Kyuzuur I, barrow 2, grave 4 (Zavituhina, 1983. Кат. № 87); 3 — cemetery of Lake Tagarskoye, barrow 32, grave 1 (Bogdanov, 2006. Табл. I, 5); 4 — cemetery of Lake Tagarskoye, barrow 33, grave 1 (Там же. Табл. II, 6); 5, 6 — cemetery of Tigey, barrow 1, grave 1 (Там же. Табл. I, 3, 4); 7 — cemetery of Turan II, barrow 5, grave 2 (Там же. Табл. I, 2); 8 — Uybat (Charkov), point XVII, barrow 1, grave 5 (after materials from the author's excavations in 1994; photo by the author); 9 — Staroye Oznachennoye, barrow 10, grave 2 (Трифонов, 1974. С. 226, рис. 2); 10 — Uybat (Ust-Byur), point I, barrow 2, grave 2 (after materials from the author's excavations in 1992; photo by the author); 11 — cemetery of Lake Belaye I, barrow 55, intrusive grave (after materials from I. P. Lazaretov's excavations in 1989; drawing by I. P. Lazaretov); 12 — cemetery of Lake Podgornoye, barrow 3 (?), grave 21 (Завитухина, 1983. Кат. № 51); 13 — cemetery of Ulug-Kyuzuur I, barrow 4, grave 1 (Пшеницына, 2010. Рис. 3, 10); 14 — cemetery of Lugovoye, barrow 3, grave 2 (Александров и др., 2001. Рис. 19, 8); 15 — cemetery of Sektakh, barrow 1, grave 1 (Лазаретов, 2007. Рис. 5, 9); 17 — cemetery of Lake Podgornoye, barrow 3 (?), grave 21 (Завитухина, 1983. Кат. № 240); 18 — cemetery of Lake Tagarskoye, barrow 32, grave 1 (Отчет о раскопках..., 1896. Рис. 194). 1, 2, 7 — bone, the rest is bronze. Without scale

(могила 21), где найдены предметы с изображениями животных, позволяет предположить причинно-следственную связь между появлением биджинского комплекса и распространением изделий с изображениями в подгорновских могилах.

Для подтверждения того, что выявленная закономерность неслучайна, приведем примеры находок изделий с зооморфными изображениями в биджинских курганах, предварительно дав им краткую характеристику.

Погребальные комплексы биджинского типа

Выше было отмечено, что представление о биджинских памятниках до сих пор основывалось на их краткой характеристике (Завитухина, 1968. С. 14–16). К настоящему времени число исследованных биджинских курганов значительно возросло: по крайне ограниченным подсчетам автора статьи раскопано более 70 комплексов только в степном регионе Минусинской котловины. Соответственно изменилось и представление о специфике этих памятников. Постепенно становится все более очевидным, что

речь идет не о нескольких курганах переходного этапа, а о представительной группе комплексов особого периода развития тагарской культуры. По результатам анализа новых данных опубликована предварительная информация о стратиграфии биджинских памятников, некоторых закономерностях сооружения курганов, характерных предметах инвентаря, химическом составе бронзовых изделий (Кузьмин, 2020. С. 105–107). Начаты исследования антропологических особенностей биджинского населения (Лазаретова, 2006. С. 66–75; Лазаретов, Лазаретова, 2007. С. 187–190; и др.).

Из всей совокупности вопросов, связанных с изучением биджинских памятников, остановимся на двух, определяемых темой настоящего исследования: 1) хронологическое соотношение подгорновских и биджинских комплексов; 2) набор и трактовка образов животных и птиц на предметах из подгорновских и раннебиджинских могил.

Планиграфически большинство биджинских курганов расположено рядом с подгорновскими (Тагарское озеро, Сарагашенское озеро, Подгорное озеро, Барсучиха VI, Летник VI и др.), реже

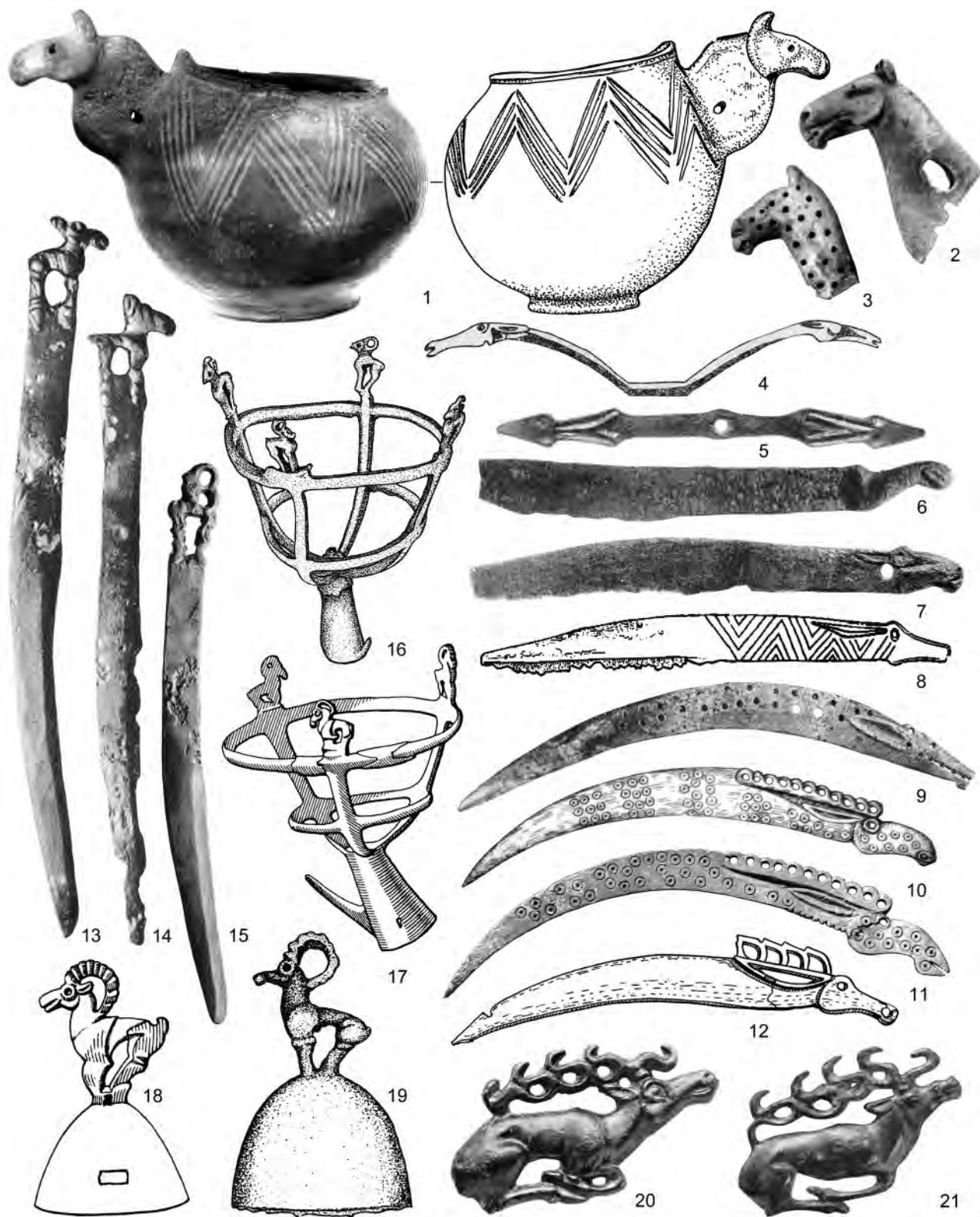

Рис. 2. Изображения лошадей, лосей, горных козлов и оленей на предметах погребального инвентаря: 1 — Уйбат, пункт VII (у горы Багульной), курган 1, могила 3 (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 25); 2, 7, 9 — могильник Кызыл-Куль, группа I, курган 1, могила 1 (Завитухина, 1983. Кат. № 154, 159, 164); 3 — могильник Кызыл-Куль, группа I, курган 5, могила 1 (Производство археологических раскопок..., 1900. Рис. 150); 4 — могильник Тагарское озеро, курган 32, могила 1 (Членова, 1967. Табл. 25, 12); 5 — могильник Туран II, курган 9, могила 1 (Завитухина, 1983. Кат. № 178); 6 — могильник Карасук IV, ограда 5, могила 1 (Там же. Кат. № 158); 8 — Означенное, курган 10 (?) (Трифонов, 1974. С. 226, рис. 1); 10 — могильник Пригорск, курган 1, могила 1 (Боковенко и др., 1997. С. 303, рис. 35); 11 — могильник у горы Туран, курган 1, могила 1 (по материалам раскопок Б. Н. Пяткина в 1983 г.; Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского ГУ. Инв. № КМАЭЭ, ВА 171/1; фото Е. А. Миклашевич); 12 — могильник Тогр-Таг (северная часть), курган 1, могила 2 (по материалам раскопок автора в 1990 г.; рис. автора); 13 — могильник Подгорное озеро, курган 1, могила 3 (Завитухина, 1983. Кат. № 151); 14 — могильник Кичик-Кюзюр I, курган 2, могила 7 (Там же. Кат. № 152); 15 — могильник Подгорное озеро, курган 16, могила 1 (Там же. Кат. № 27); 16, 19 — могильник Белый Яр I, курган 4, могила 1 (Zubkov, Posel'janin, 1999. Taf. 33, 2; Taf. 32, 10); 17, 18 — могильник у дер. Новомихайловка, курган 1, могила 2 (Кузьмин, 1994б. Рис. 18, 1, 2); 20 — могильник Туран II, курган 3, могила 2 (Завитухина, 1983. Кат. № 95); 21 — могильник Туран II, курган 9, могила 2 (Там же. Кат. № 96). 1 — керамика; 2, 3, 9–12 — кость; остальное — бронза. Без масштаба

Fig. 2. Representations of horses, elks, ibexes and deer on items of the grave inventory: 1 — Uybat, point VII (near Mt Bagulnaya), barrow 1, grave 3 (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 25); 2, 7, 9 — cemetery of Kyzyl-Kul, group I, barrow 1, grave 1 (Завитухина, 1983. Кат. № 154, 159, 164); 3 — cemetery of Kyzyl-Kul, group I, barrow 5, grave 1 (Производство археологических раскопок..., 1900. Рис. 150); 4 — cemetery of Lake Tagarskoye, barrow 32, grave 1 (Членова, 1967. Табл. 25, 12); 5 — cemetery of Turan II, barrow 9, grave 1 (Завитухина, 1983. Кат. № 178); 6 — cemetery of Karasuk IV, fence 5, grave 1 (Там же. Кат. № 158); 8 — Oznachennoye, barrow 10 (?) (Трифонов, 1974. С. 226, рис. 1); 10 — cemetery of Prigorsk, barrow 1, grave 1 (Боковенко и др., 1997. С. 303, рис. 35); 11 — cemetery near Mt Turan, barrow 1, grave 1 (after materials from B. N. Pyatkin's excavations in 1983; Museum 'Archaeology, ethnography and ecology of Siberia' at the Kemerovo State University. Inv. No. КМАЭЭ, ВА 171/1; photo by E. A. Miklashevich); 12 — cemetery of Togr-Tag (northern section), barrow 1, grave 2 (after materials from the author's excavations in 1990; drawing by the author); 13 — cemetery of Lake Podgornoye, barrow 1, grave 3 (Завитухина, 1983. Кат. № 151); 14 — cemetery of Kichik-Kyuzyr I, barrow 2, grave 7 (Там же. Кат. № 152); 15 — cemetery of Lake Podgornoye, barrow 16, grave 1 (Там же. Кат. № 27); 16, 19 — cemetery of Bely Yar I, barrow 4, grave 1 (Zubkov, Posel'janin, 1999. Taf. 33, 2; Taf. 32, 10); 17, 18 — cemetery near vil. of Novomikhaylovka, barrow 1, grave 2 (Кузьмин, 1994б. Рис. 18, 1, 2); 20 — cemetery of Turan II, barrow 3, grave 2 (Завитухина, 1983. Кат. № 95); 21 — cemetery of Turan II, barrow 9, grave 2 (Там же. Кат. № 96). 1 — pottery; 2, 3, 9–12 — bone, the rest is bronze. Without scale

они образуют отдельные могильники (Биджа, Улуг-Кюзюр I и др.).

Предварительно определяются три хронологически последовательные группы памятников. Для инвентаря могил позднейшей группы характерно наличие стеклянных бусин.

Абсолютная хронология биджинских комплексов, впервые предложенная автором на основе данных радиоуглеродного анализа, охватывает период с VIII по V в. до н. э. Археологическая датировка уже — VII–V вв. до н. э. (Кузьмин, 2020. С. 107). Учитывая, что в пределах так называемого гальштатского плато (800–400 гг. до н. э.) радиоуглеродному возрасту образцов из памятников разных этапов соответствует широкий диапазон календарных дат (см.: Евразия в скифскую

эпоху..., 2005. С. 42), определить точный возраст комплексов сложно. По радиоуглеродным датам ясно одно: в VII в. до н. э. раннебиджинские памятники сосуществовали с подгорновскими, а в V в. до н. э. позднебиджинские курганы сооружались одновременно с сарагашенскими. Исходя из этих дат, биджинские комплексы среднего этапа датируются VI в. до н. э. В связи с предложенной датировкой биджинских памятников возникает вопрос о верхней границе существования курганов позднеподгорновского типа. Предварительно, пока без развернутой аргументации, она может быть отнесена к рубежу VII–VI вв. до н. э., возможно, к самому началу VI в. до н. э.

Одной из характерных особенностей погребального инвентаря биджинских могил, начиная

с самых ранних курганов, является наличие изображений хищных и травоядных животных, а также головок хищных птиц на предметах, изготовленных из бронзы, кости и глины.

Из раннебиджинских комплексов помимо рассмотренного выше кургана 3 (5 ?) (могила 21) у Подгорного озера подобные предметы найдены в курганах 32 и 33, исследованных А. В. Адриановым в 1894 г. на правом берегу Енисея, в Минусинской котловине, в могильнике у Тагарского озера (Отчет о раскопках..., 1896. С. 115–122).

В ограде кургана 32 находились две могилы — северная и южная. В северной был погребен мужчина с «ножными браслетами». Среди инвентаря найдены бронзовые предметы: большой по размерам чекан с головкой хищной птицы между бойком и втулкой (рис. 1, 18), предмет неизвестного назначения (далее — ПНН) с изображениями лошадиных головок на концах (рис. 2, 4), кинжал с вкладышевым шилом в рукояти, верхняя плоскость шляпки которого украшена изображением свернувшегося хищника (рис. 1, 3). В грунтовой яме второй могилы обнаружены истлевшие кости человека, обломки двух сосудов, пять цилиндрических белых бусин и головной нож.

В ограде кургана 33 также исследованы две могилы — северная и южная. В северной обнаружен скелет мужчины с «ножными браслетами» на голених. Помимо других вещей при погребенном найдены бронзовые изделия — чекан с изображением головки хищной птицы между бойком и втулкой, ПНН с оформленными в виде копыт концами, кинжал с вкладышем-шилом, украшенным навершием в виде фигурки кабана (Членова, 1967. Табл. 23, 2), бляшка с изображением свернувшегося хищника (рис. 1, 4). Южная могила была сожжена. Судя по находкам бронзовых небольших по размерам изделий и глиняных сосудов с наклепными ушками, она датируется сарагашенским или тесинским временем.

В 1895 г. А. В. Адрианов раскопал три кургана в группе I могильника Кызыл-Куль, находящегося в Уйбатской степи. В восьмикаменной ограде кургана 1 со входом с восточной стороны находились две могилы — северная и южная. На дне южной могилы около скелетов трех погребенных кроме «ножных браслетов» найдены костяное навершие в виде головы лошади (рис. 2, 2), бронзовый нож с рукоятью, заканчивающейся рельефно выполненной головой копытного животного (рис. 2, 7), костяной головной нож с изображением головы

копытного животного в верхней части (рис. 2, 9), бронзовый чекан с головкой хищной птицы между бойком и втулкой (Адрианов, 1902–1924. С. 58; Завитухина, 1983. Кат. № 238)⁸. В северной могиле, где найдены кости одного скелета мужчины, подобных предметов не обнаружено.

В этой же группе курганов могильника Кызыл-Куль А. В. Адрианов исследовал в 1897 г. еще два кургана. В могиле 1 кургана 5 помимо других вещей была найдена костяная накладка в виде головы лошади (рис. 2, 3).

Автором настоящей статьи в 1992–1995 гг. проводились раскопки памятников, попадающих в зону реконструкции автодороги г. Абакан — г. Сорск, в долине р. Уйбат. Были исследованы ограда периода поздней бронзы (Кузьмин, 2018. С. 49–67), склеп и могилы таштыкской культуры (Кузьмин, 2011. С. 309–313), а также три раннетагарских кургана; три раннетагарских кургана с дополнительными биджинскими захоронениями; биджинский курган, сооруженный на месте раннетагарского; поздне-сарагашенский курган лепешкинского типа с двумя коллективными могилами (Кузьмин, 1994а). Зооморфные изображения на предметах обнаружены только в биджинских и сарагашенских могилах (материалы раскопок готовятся к публикации).

Среди исследованных курганов выделялся по размерам раннебиджинский элитный мегакомплекс, перекрывший раннетагарский курган у горы Багульная (хакасское название — Хулган). В основной могиле помимо другого инвентаря найдены бронзовый кинжал с полой фигуркой припавшего на лапы кошачьего хищника на рукояти (рис. 1, 16), костяная бляшка с резными протомами двух кабанов (рис. 1, 1), в одной из дополнительных детских могил — лощеная красноглиняная кружка с ручкой, выполненной в виде головы лошади (рис. 2, 1).

В составе инвентаря двух биджинских могил, раскопанных в пристроенных к раннетагарским курганам оградках в пункте I у пос. Усть-Бюрь и в пункте XVII у пос. Степное (Чарков), находились бронзовые ножи с фигурками кабанов на рукояти (рис. 1, 10; 1, 8). На втором ноже в месте перехода от рукояти к клинку помещено изображение

⁸ Похожий чекан с головкой хищной птицы найден в раскопанном А. Н. Мелентьевым в 1963 г. биджинском кургане 1 в пункте Заготзерно у пристани с. Новоселово (Завитухина, 1983. Кат. № 239).

головки хищной птицы, на первом — изображение в этом месте плохо различимо (копыто?).

Похожая фигурка кабана украшала рукоять бронзового ножа из впускной биджинской могилы в позднелугавском кургане 55, раскопанном И. П. Лазаретовым в 1989 г. в могильнике Белое озеро I (рис. 1, 11)⁹.

В 1973 г. Ю. И. Трифонов раскопал курган 10 в могильнике Старое Означенное на окраине г. Саяногорск, в ограде которого находились три основные могилы (Трифонов, 1974). Сейчас этот курган можно идентифицировать как биджинский. В могиле 2 найден бронзовый нож с фигуркой кабана на навершии и изображением хищной птицы в месте перехода от рукояти к клинку (рис. 1, 9). Видимо, в одной из могил того же кургана найден и бронзовый нож с рукоятью, оформленной в виде головы копытного животного (рис. 2, 8).

Бронзовые ножи с фигурками кабанов на рукояти, найденные в могиле 1 кургана 3 на озере Сарагаш, могиле 1 кургана 4 могильника Улукююр I (рис. 1, 13), кургане 2 могильника Ай-Дай II (Грязнов, Пшеницына, 1966. Рис. 20, 21; Пшеницына, 2006. Рис. 1, 15; 2010. Рис. 3, 10), ранее датировались сарагашенским временем (Пшеницына, 2010. С. 235). Сейчас все эти комплексы по совокупности идентифицирующих признаков следует относить к биджинскому периоду.

Две бронзовые бляшки с изображениями свернувшегося в кольцо хищника (рис. 1, 5, 6) найдены в могиле внутри ограды со входом кургана у ст. Тигей, исследованного в 1980 г. В. Н. Седых при участии Е. Д. Паульса и М. Л. Подольского (Паульс и др., 1985). Этот курган также отнесен нами к группе биджинских.

В 1996 г. Н. А. Боковенко исследовал в могильнике Пригорск курган, идентифицированный им как биджинский (Боковенко и др., 1997). В ограде кургана обнаружены три основные могилы и две дополнительные детские. В составе инвентаря северной могилы находился костяной головной нож с изображением головы оленя с рогами и циркульным орнаментом по всей поверхности (рис. 2, 10); в южной могиле — костяное колечко с изображением свернувшегося хищника.

Зооморфные изображения на предметах из памятников среднего и позднего этапов

биджинского периода подробно не рассматриваются: они лишь косвенно относятся к исследуемой теме, так как существовали позднее подгорновских. В это время при сохранении набора образов животных и птиц раннего этапа появляются и новые изображения: головы оленей со схематично проработанными рогами на рукоятях костяных ножей (рис. 2, 10–12), фигурки горных козлов на бронзовых факельницах и навершиях (рис. 2, 16–19) и др.¹⁰

Чаще встречаются бронзовые ножи с изображением головки хищной птицы или копыта в месте перехода от рукояти к клинку. Изображения свернувшихся в кольцо хищников появляются на изделиях из кости (рис. 1, 7).

В книге М. П. Завитухиной приведено много предметов с изображениями животных из курганов, исследованных А. Д. Грачом в 1963–1964 гг. в могильниках Туран I, II и III (Завитухина, 1983).

¹⁰ При публикации материалов раскопанного автором в 1985 г. кургана у дер. Новомихайловка центральная могила 2 и северная 1 были отнесены к сарагашенскому времени, а впускная могила 3 — к позднесарагашенскому — лепешкинскому типу (Кузьмин, 1994в). Могила 1 по составу инвентаря, бесспорно, относится к сарагашенской группе памятников. Основанием для отнесения центральной могилы 2 к этому же времени являлись: факт перекрывания песчаным выкидом из могилы 2 деревянного покрытия могилы 1, находки факельницы и навершия с фигурками горных козлов (рис. 2, 17, 18), считавшихся в то время типично сарагашенскими предметами инвентаря, а также специфическая орнаментация глиняного сосуда, не встречающаяся на керамике из курганов подгорновского типа (Там же. Рис. 20, 2). Теперь, после выделения характерных форм биджинских сосудов и их орнаментации, стало понятно, что декор сосуда является типично биджинским. Навершия и факельницы иногда встречаются в не самых ранних биджинских захоронениях. Покрытие могилы 1, видимо, было засыпано песком из выкида после завершения захоронений, в процессе окончательной консервации могилы и возведения над ней насыпи. Следовательно, имеются все основания полагать, что центральная могила 2 и окружающая ее ограда со входом сооружены в биджинское время. Автором статьи изменена атрибуция и некоторых комплексов могильника Белый Яр I, все курганы которого его исследователи, В. С. Зубков и А. И. Поселянин, отнесли к сарагашенскому времени (Zubkov, Posel'janin, 1999). В составе инвентаря одного из таких комплексов находились в сочетании с «ножными браслетами» факельница и навершие, украшенные фигурками горных козлов (рис. 2, 16, 19).

⁹ Автор благодарит И. П. Лазаретова за предоставленную возможность опубликовать рисунок ножа.

Значительное их число явно изготовлено в биджинское время. Более поздние предметы относятся к сарагашенскому периоду. К сожалению, материалы раскопок до сих пор не опубликованы, выделить биджинские комплексы пока сложно¹¹.

Перечень предметов с изображениями животных и птиц из раннебиджинских комплексов не ограничивается приведенными выше примерами. Однако их вполне достаточно для того, чтобы сделать несколько наблюдений.

1. Предметы с изображениями животных и птиц встречаются в подгорновских могилах гораздо реже, чем в раннебиджинских. В этой связи необходимо отметить, что по уточненным критериям идентификации биджинских комплексов к группе последних автором статьи теперь отнесены ряд считавшихся ранее подгорновскими курганов: Тагарское озеро, курганы 32, 33 — раскопки А. В. Адрианова в 1894 г.; Узун-Оба, курганы 1, 2, 5 и Кызыл-Куль, группа I, курганы 1, 5 — раскопки А. В. Адрианова в 1895 и 1897 гг.; курган Тигей — раскопки В. Н. Седых в 1980 г., Большой Полтаковский курган (центральная могила 4) — раскопки Г. Н. Курочкина в 1988 г. (*Курочкин*, 1993) и др.
2. Набор образов животных на предметах из могил тех и других памятников в основном совпадает.
3. Стилистические особенности изображений на подгорновских и раннебиджинских изделиях

¹¹ Приведем два кратких примера, показывающих возможность выделения биджинских комплексов по материалам раскопок могильника Туран II (*Грач*, 1963; 1964). В восьмикомнатной ограде со входом кургана 9 находилась одна центральная могила (1), с характерными для биджинского времени вещами, и сооруженная позднее к северо-западу от нее могила (2) с типично сарагашенским инвентарем. В могиле 1 помимо «ножных браслетов», чеканов, ножей, зеркал и прочего найден небольших размеров ПНН, края которого оформлены в виде головок копытного животного (рис. 2, 5). В составе инвентаря могилы 2 находилась оленяная бляха (рис. 2, 21). Более ранний образец подобной бляхи найден в сарагашенской могиле 2 кургана 3 (рис. 2, 20). Видимо, биджинской является также и могила 2 кургана 5, где найдена костяная бляшка с изображением свернувшегося хищника, относящимся к числу характерных биджинских образов (рис. 1, 7). Судя по опубликованному плану дна могилы, захоронение не было одноактным: кости скелетов трех погребенных ранее людей сдвинуты к стенке, после чего в могиле совершено дополнительное захоронение не менее четырех человек (*Членова*, 1992. Табл. 90, 16).

отчасти близки, но подгорновские фигурки животных кажутся редуцированными по сравнению с биджинскими (оригиналами?) (ср.: кошачий хищник на навершии ножа из могильника Сектах и на кинжале кургана у г. Багульная; копытное животное на бронзовом ноже из могильника Карасук IV и на ноже из могильника Кызыл-Куль; фигурка кабана на ноже из кургана 1 в пункте XVII на Уйбате и на ноже из могильника Луговое и др.).

Приведенные наблюдения дают основания сделать вывод о близком времени изготовления подгорновских и раннебиджинских предметов и, самое главное, учитывая количественное преобладание биджинских изображений и их более отчетливые образцы, — о культурном воздействии биджинского населения на позднеподгорновское.

Факт синхронного проживания позднеподгорновских и раннебиджинских племен на одной территории подтверждается материалами раскопок могильников смешанного типа. Одно из таких кладбищ, где курганы трудно поддаются точной идентификации, исследовалось на левом берегу Енисея в Сыда-Ербинской котловине.

В 1965–1967 гг. М. П. Завитухина раскопала восемь курганов из 15 в могильнике Кичик-Кюзюр I, расположенном в 2 км к западу от пос. Советская Хакасия (*Завитухина, Морозов*, 2003. С. 110–116). По мнению автора раскопок, некоторые из курганов относятся к подгорновскому времени, другие — к позднеподгорновскому (или к биджинскому, по нашему мнению), когда появляются коллективные могилы и распространяются новые типы инвентаря (*Там же*. С. 112). К сожалению, подробного описания могил в статье не приведено, основные сведения суммированы в таблицах.

Действительно, в инвентаре ряда могил присутствуют вещи, характерные не для подгорновских, а для биджинских комплексов, например, бронзовый проушной топор (могила 2, курган 4), сосуд с основанием цилиндрической формы и расширяющимся туловом, украшенным желобками (могила 6, курган 7), кружка с ручкой и зигзагообразным орнаментом (могила 2, курган 3) и др. (*Там же*. Рис. 6, 11; 9, 11; 11, 1). Из предметов с зооморфными изображениями найдены бронзовый нож с навершием в виде фигурки стоящего лося (могила 7, курган 2) (рис. 2, 14) и костяная бляшка с протомами кабанов (могила 5, курган 2)

(рис. 1, 2), почти идентичная обнаруженной в кургане у горы Багульная. По ряду признаков по меньшей мере четыре могилы из курганов 2–4 и 7 могильника Кичик-Кюзюр I могут быть идентифицированы по инвентарю как биджинские.

Материалы этого могильника красноречиво свидетельствуют не только о распространении биджинских культурных традиций в подгорновской среде, но и, видимо, о частичном смешении двух этнически разных групп населения — местной и пришлой¹².

Заключение: факты и их интерпретация

В курганах первого этапа раннетагарского периода (ориентировочно — вторая половина IX — начало VIII в. до н. э.), когда происходило формирование тагарской культуры и появились ее первые, уже сложившиеся погребальные комплексы (пока известные только на юго-западе Минусинской котловины), предметов с зооморфными изображениями в могилах не обнаружено.

На втором этапе (ориентировочно — VIII в. до н. э.) распространения сложившихся раннетагарских комплексов, различающихся некоторыми локальными типологическими особенностями, по всей территории степной зоны Минусинской котловины находки подобных вещей в комплексах единичны и спорны. Одна из известных автору (помимо указанных ранее рогового псаля из могильника Гришкин Лог I и секиры-чекана из могильника у Подгорного озера) — бронзовый

нож с изображением головы хищника на рукояти — обнаружена в 1996 г. Н. А. Боковенко в могиле 1 ограды Б кургана 1 могильника Хыстаглар (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. Рис. 3.13, 1). Вторая — бронзовый втульчатый топор с фигурой стоящего на обушке кабана встречена в сочетании с массивным ПНН и кинжалом с кольчатый навершием в кургане 41 могильника у горы Тунчух, исследовавшегося Э. А. Севастьяновой в 1974 и 1975 гг. (Севастьянова, 1975. С. 232–233; 1976. С. 277–278). Следует отметить, что материалы раскопок последних двух памятников не опубликованы, не исключено, что они сооружались уже в подгорновское время.

В любом случае бесспорным остается один факт: до наступления заключительной фазы раннетагарского периода массового производства изделий с зооморфными изображениями в Минусинской котловине не было.

На третьем (заключительном) этапе раннетагарского периода (ориентировочно — VII — начало VI в. до н. э.) изделия с зооморфными изображениями появляются в могилах подгорновских курганов. В то же самое время начинают сооружаться раннебиджинские комплексы, в которых предметов с изображениями животных и птиц значительно больше, чем в подгорновских курганах. Стилистика изображений на предметах из тех и других памятников близка, но подгорновские создают впечатление вторичных копий с биджинских образцов.

Можно составить предварительный перечень художественных изображений на предметах из биджинских захоронений (без полного учета всех биджинских памятников): кабан; припавший на лапы или свернувшийся в кольцо кошачий хищник; лось; лошадь; олень; горный козел. Крайне редко встречены баран и головки хищных птиц. Наиболее часто отмечено изображение кабана, позднее — оленя со стилизованными рогами (рис. 2, 10–12). В ряде случаев вид копытного животного определить трудно. В раннесарагашенское время к этому списку добавляются бронзовые бляшки в виде фигуры оленя с подогнутыми ногами (рис. 2, 20, 21).

На современном уровне знаний о биджинских погребальных комплексах можно с большой степенью достоверности предположить, что инокультурные (биджинские) племена проникли на территорию Минусинской котловины в VII в. до н. э., принеся с собой ряд новшеств

¹² Проследить археологически закономерности культурной метисации (ассимиляции, взаимоассимиляции) практически невозможно. В связи с этим мнения исследователей об атрибуции некоторых из биджинских комплексов могут в дальнейшем, после публикации собранных материалов, значительно различаться. Как интерпретировать, например, отмеченные выше захоронения с биджинским инвентарем в могилах, где на дне погребены умершие с типично подгорновскими вещами? Можно предположить, что это захоронения родственников, так как первоначальные погребения не ограблены (Лазаретов, Лазаретова, 2007. С. 174–197). Или же определить их как поздние впускные захоронения в могилы предшествующего времени. Можно интерпретировать и иначе: это погребенные позднее родственники, которые уже переняли культурные традиции пришельцев. А может быть, это смешанные пары, в которой один из покойных — родственник похороненных в могиле ранее? Вариантов интерпретации много, и каждый из исследователей будет по-своему прав.

(Кузьмин, 1994в, С. 57–61), среди которых ярчайшее — малоизвестная до этого традиция художественного украшения изделий из бронзы, кости и глины. Видимо, с этого времени началось массовое изготовление подобных предметов¹³. Более

¹³ Как отмечено выше, памятники лесостепной зоны в работе не рассматриваются, однако для представления о масштабах происходивших в биджинское время культурных процессов приведем одно наблюдение. В свете новых данных о появлении биджинских племен в степях Минусинской котловины, учитывая почти полное отсутствие раннетагарских комплексов на территории лесостепи, можно достаточно уверенно полагать, что массовое заселение лесостепного региона в скифское время началось ориентировочно на рубеже VII–VI вв. до н. э. биджинскими племенами, о чем свидетельствуют многочисленные параллели биджинским вещам из степных комплексов в инвентаре курганов, отнесенных к большепичугинскому этапу выделенной А. И. Мартыновым лесостепной тагарской культуры, в частности зооморфным изображениям на предметах (Мартынов, 1979. С. 74–77, табл. 33). Отметим также, что в плане сопоставления культуры биджинских племен с культурами населения смежных регионов Саяно-Алтая наиболее перспективным представляется поиск параллелей в памятниках алды-бельской культуры Тувы (Кузьмин, 2020. С. 113), а учитывая присутствие инокультурного компонента в среде алды-бельского населения (Чузунов, 2020, С. 141), возможно и выявление их общей субстратной основы. Среди тувинских памятников скифского времени по наличию вещей, имеющих прямые аналогии в биджинских комплексах, можно выделить курганы, исследованные М. Э. Дэвлет в Тоджинском районе на правом берегу р. Тоора-Хем, в месте, называемом Вторая поляна (Дэвлет, 1975. С. 119–127; 2005. С. 104–112), погребение 3 кургана 1 могильника Сарыг-Булун на правом берегу р. Улуг-Хем (Семенов, Килуновская, 1990. С. 36–47) и др. В могилах отмеченных курганов найдены изделия

ранние изображения животных и птиц известны в основном по рисункам на скалах и плитах оград курганов.

Биджинские переселенцы оказали культурное воздействие на местное население, в частности, в области изобразительного творчества — изделия, украшенные фигурами животных и головками птиц, стали появляться в подгорновских могилах. Позднее часть пришельцев смешалась с аборигенами, но полной ассимиляции, видимо, не произошло.

В конечном итоге культурные традиции пришлых племен оказались жизнеспособнее: дальнейшее развитие пошло по биджинским канонам, а подгорновские постепенно исчезают. Такая ситуация продолжалась до начала сарагашенского периода, на раннем этапе которого позднебиджинские памятники сосуществовали с раннесарагашенскими в V в. до н. э. Значительная часть биджинского культурного наследия отчетливо прослеживается в курганах сарагашенского периода.

Безусловно, многие специфические особенности памятников биджинского периода тагарской культуры еще не раскрыты в полной мере и требуют дальнейшего изучения. В настоящей работе из них рассмотрена лишь одна, наиболее выразительная. Но даже на этом направлении исследований сразу же возникают дополнительные вопросы. Возможно ли выделить среди рисунков на писаницах и плитах оград курганов пласт изображений биджинского периода? Не войдут ли в эту группу и некоторые из наиболее ранних тагарских рисунков животных и птиц?

с зооморфными изображениями и стеклянные бусины, что может стать решающим для точного датирования комплексов.

Адрианов, 1902–1924 — Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае (доп. к работе К. Горощенко «Курганные черепя Минусинского округа»). Минусинск: Гос. муз. им. Н. М. Мартыанова, 1902–1924. С. 41–76.

Александров и др., 2001 — Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: б. и., 2001 (Древняя Хакасия). 100 с.

Богданов, 2006 — Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная

традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

Боковенко и др., 1997 — Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А., Соколова Л. А. Археологические исследования в Хакасии // АО 1996 г. М.: Наука, 1997. С. 302–304.

Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.

Вадецкая, 2003 — Вадецкая Э. Б. Предисловие редактора // Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VIII. Archaeologica Petropolitana; XIII). С. 5–7.

- Герман*, 2007 — *Герман П. В.* Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Кемеровский ГУ. Кемерово, 2007. 28 с.
- Герман*, 2017 — *Герман П. В.* К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. II. С. 19–25.
- Грач*, 1963 — *Грач А. Д.* Отчет о работах Туранского отряда в 1963 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1963 г. Д. 65.
- Грач*, 1964 — *Грач А. Д.* Отчет о работах Туранского отряда в 1964 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1964 г. Д. 55.
- Грязнов*, 1968 — *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. I: Древняя Сибирь / Ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. I. С. 187–196.
- Грязнов*, 1979 — *Грязнов М. П.* Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–6.
- Грязнов, Пшеницына*, 1966 — *Грязнов М. П., Пшеницына М. Н.* Курганы IV–III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. С. 62–59.
- Дэвлет*, 1975 — *Дэвлет М. А.* Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 119–127.
- Дэвлет*, 2005 — *Дэвлет М. А.* Курганы скифского времени «Тоора-Хем Вторая поляна» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 104–112.
- Евразия в скифскую эпоху..., 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева, Н. А. Бокоренко, Ю. А. Алексеев, К. В. Чугунов, Е. М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Завитухина*, 1968 — *Завитухина М. П.* Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов науч. сессии, посвящ. итогам работ Государственного Эрмитажа за 1967 г. (25–26 апреля 1968 г.) / Отв. ред. Н. Н. Леман. Л.: Советский художник, 1968. С. 14–17.
- Завитухина*, 1979а — *Завитухина М. П.* Ранне-тагарский могильник Барсучиха V // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XX / Отв. ред. А. М. Микляев. Л.: Искусство, 1979. С. 68–86.
- Завитухина*, 1979б — *Завитухина М. П.* Подгорновский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 40–54.
- Завитухина*, 1983 — *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Завитухина, Морозов*, 2003 — *Завитухина М. П., Морозов С. В.* Тагарский могильник Кичик Кюжур-I в Хакасии (по раскопкам 1965–1966 гг.) // АСГЭ. 2003. Вып. 36: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 100–116.
- Киселев*, 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; Вып. 9). 364 с.
- Кузьмин*, 1979 — *Кузьмин Н. Ю.* Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тезисы докладов Всесоюз. археологической конф. / Отв. ред. В. Н. Добжанский. Кемерово: б. и., 1979. С. 44–47.
- Кузьмин*, 1994а — *Кузьмин Н. Ю.* Некоторые итоги охранных раскопок в долине реки Уйбат в Хакасии // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Петербургкомстат, 1994 (Археологические изыскания; Вып. 14). С. 24–28.
- Кузьмин*, 1994б — *Кузьмин Н. Ю.* Курган у деревни Новомихайловка. СПб.: б. и., 1994 (Археологические изыскания; Вып. 15). 60 с.
- Кузьмин*, 1994в — *Кузьмин Н. Ю.* Внешнее воздействие как один из факторов формирования, развития и трансформации тагарской культуры // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Петербургкомстат, 1994 (Археологические изыскания; Вып. 13). С. 57–61.
- Кузьмин*, 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Ай-синг, 2011. 456 с.
- Кузьмин*, 2018 — *Кузьмин Н. Ю.* Исследования памятников эпохи поздней бронзы на юге Хакасии. СПб.: Компьютербург, 2018. 116 с.
- Кузьмин*, 2020 — *Кузьмин Н. Ю.* О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // *Camera praehistorica*. 2020. № 2. С. 101–121.
- Курочкин*, 1993 — *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: Петербургкомстат, 1993 (Археологические изыскания; Вып. 7). 44 с.
- Лазаретов*, 2005 — *Лазаретов И. П.* О месте памятников баиновского типа в периодизации

- Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения чл.-кор. РАН С. В. Киселева / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2005. С. 86–89.
- Лазаретов, 2007 — Лазаретов И. П. Памятники баинновского типа и тагарская культура // АВ. 2007. № 14. С. 93–105.
- Лазаретов, Лазаретова, 2007 — Лазаретов И. П., Лазаретова Н. И. Могильник Трошкино II и некоторые актуальные проблемы тагарской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томский ГУ, 2007. С. 174–197.
- Лазаретова, 2006 — Лазаретова Н. И. Краниологические материалы из биджинских курганов в контексте межгрупповой изменчивости населения тагарской культуры // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии / Отв. ред. И. И. Гохман, А. В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 66–75.
- Липский, 1966 — Липский А. Н. Погребения тагарских воинов на р. Биджа // СА. 1966. № 2. С. 312–317.
- Максименков, 2003 — Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VIII. Archaeologica Petropolitana; XIII). 192 с.
- Мартынов, 1979 — Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Отчет о раскопках..., 1896 — Отчет о раскопках, произведенных А. В. Адриановым в Минусинском округе // ОАК за 1894 г. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. С. 104–138.
- Паульс и др., 1985 — Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Седых В. Н. Большой тагарский курган около ст. Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–144.
- Производство археологических раскопок..., 1900 — Производство археологических раскопок и разведок в Енисейской губернии // ОАК за 1897 г. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900. С. 52–56.
- Пшеницына, 2006 — Пшеницына М. Н. Особенности погребального обряда памятников тагарской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Современные проблемы археологии России: Материалы ВАС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 2. С. 52–54.
- Пшеницына, 2010 — Пшеницына М. Н. Тагарский могильник Улуг-Кюзюр I на Среднем Енисее // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Редкол. В. А. Алёшкин и др. СПб: Инфо-ол, 2010. С. 225–237.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи. СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Севастьянова, 1975 — Севастьянова Э. А. Работы абаканского музея // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 232–233.
- Севастьянова, 1976 — Севастьянова Э. А. Работы в зоне Старо-Аскизской оросительной системы // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 277–278.
- Семенов, Килуновская, 1990 — Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. Вып. 17. С. 36–47.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: Изд-во Гос. Русского музея, 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Трифонов, 1974 — Трифонов Ю. И. Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 225–226.
- Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова, 1992 — Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифосарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 206–224.
- Чугунов, 2020 — Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // АВ. 2020. № 26. С. 136–143.
- Шер, Прокофьева, 1966 — Шер Я. А., Прокофьева А. М. Каменка-I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // КСИА. 1966. Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. С. 57–61.
- Kuzmin, 2010 — Kuzmin N. Die aktuellen Probleme der Forschung der Kulturen der skythischen Epoche und der Hunnenzeit in Südsibirien (Grabdenkmaler des Minusinsker Beckens) // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Callmer zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune et al. Rahden/Westf.: Lidorf, 2010 (Internationale Archäologie. Studia honoraria; Bd. 31). S. 375–407.

Podol'ski, 1996 — *Podol'ski M. L.* Early tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1996. Vol. III/1. P. 61–96.

Zubkov, Posel'janin, 1999 — *Zubkov V. S, Posel'janin A. I.* Das tagarzeitliche Gräberfeld Belyj Jar I in Chakassien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1999 (Archäologie in Eurasien; Bd. 8). 40 S.

Zoomorphic images as an indicator of cultural changes at the concluding phase of the early Tagar period

N. Yu. Kuz'min (†)¹⁴

Keywords: Minusinsk Hollow, early stage of the Tagar culture, zoomorphic representations on items of grave goods.

The conducted study resulted in distinguishing three stages of the evolution of funerary sites within the early Tagar period. For each of the cemeteries preliminary dates are proposed. At the second stage (8th century BC), the early burial grounds marked by their specific peculiarity became widespread throughout the steppe zone of the Minusinsk Hollow. The objects with zoomorphic representations are rare and arguable. The third stage (7th — early 6th century BC) is characterized by the appearance of sites of the Podgornoye type yielding objects with zoomorphic representations among their grave goods. The origination of these objects, as well as of some other innovations, is probably connected with the penetration of the Minusinsk Hollow by Bidzhin tribes. The latter influenced the local population, in particular, in the sphere of the visual art. The result was that the cultural traditions of the newcomer tribes turned to be more viable: the further evolution was occurring according to the Bidzhin canons while the Podgornoye ones were gradually disappearing.

¹⁴ Nikolay. Yu. Kuz'min — Independent Researcher. 58A Reinickendorfer Straße, Berlin, 13347, Deutschland.

Могильник Сектах и проблема звериного стиля тагарской культуры¹

И. П. Лазаретов²

Аннотация. В статье публикуются материалы раскопок могильника Сектах, в комплексах которого был обнаружен уникальный нож, выполненный в скифо-сибирском зверином стиле. Автором собраны и проанализированы находки зооморфных изделий из комплексов подгорновского этапа тагарской культуры, проведено их сопоставление с предметами из памятников биджинского типа. Сделан вывод о наличии двух различных художественных традиций, привнесенных в Южную Сибирь из Центральной Азии с разрывом во времени в 150–200 лет.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, скифо-сибирский звериный стиль, тагарская культура, подгорновский этап, комплексы биджинского типа.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-312-327

Могильник Сектах. Описание

Могильник тагарской культуры расположен в 200 м к северу от с. Кирово Ширинского района Республики Хакасия. Ранее этот населенный пункт имел хакасское название Сектах, а на картах вплоть до 1960-х гг. обозначался как с. Секта. Памятник находится на пологой надпойменной террасе правого берега р. Черный Июс. На площадке размерами $\approx 500 \times 800$ м разбросано свыше 20 курганов, как одиночных, так и образующих небольшие скопления. Четкого деления на отдельные могильники не наблюдается. В 1998 г. сотрудниками Среднеенисейской экспедиции ИИМК РАН было исследовано три кургана, непосредственно попадавших в зону строительства автодороги Подкамень–Кирово (рис. 1–6).

Курган 1. Находился в северной части могильного поля. До начала работ на поверхности степи наблюдалось всхолмление высотой 0,7 м. Из земли выступали едва заметные края отдель-

ных плит и один угловой камень ограды. Насыпь кургана частично сливалась с насыпью соседнего кургана, что позволяло предположить существование единого сооружения из нескольких пристроенных друг к другу оград. Однако в процессе работ эта версия не подтвердилась. После снятия насыпи была выявлена прямоугольная ограда размерами $10,0 \times 9,2$ м, ориентированная углами по сторонам света (рис. 1, 1). Она была сооружена из плит песчаника, врытых на ребро, высота конструкции над уровнем погребенной почвы — 0,5–0,6 м. Угловые камни несколько более массивны и заметно выступают за контур ограды: они обломаны, и только западный сохранился на высоту 1,1 м, южный угловой камень укреплен контрфорсом. Аналогичная особенность прослежена и в конструкции кургана 2 этого же могильника. К северо-восточной стенке основной ограды, ближе к восточному углу, была сделана прямоугольная пристройка размерами $3,0 \times 2,8$ м. Сохранились три угловых камня высотой около 0,5 м над уровнем погребенной почвы. В пристройке располагались детские могилы 2 и 3. К северо-западу от них под плитами обнаружены еще два захоронения — могилы 4 и 5.

Могила 1. Грунтовая яма размерами $3,5 \times 2,2$ м и глубиной 1,1 м располагалась в центре основной ограды (рис. 1, 4), ориентирована осью по линии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (№ 0160-2020-0002).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: lazaretov@yandex.ru.

юго-запад–северо-восток. Могила перекрыта продольным бревенчатым накатом и поверх заложена плитками песчаника. В придонной части ямы выявлены остатки сруба в 3–4 венца из бревен диаметром 10–15 см. На дне могилы прослежены следы тлена от тонких плах или коры лиственницы. Захоронение потревожено грабителями. Все кости женщины возраста около 30 лет находились в заполнении могилы, здесь же обнаружены: правые бедро, берцовая кость, лопатка и ребра взрослой лошади; правая лопатка другой лошади; нижний эпифиз метаподии молодой коровы; правые бедро, берцовая кость, лопатка, нижняя челюсть и фрагменты верхней челюсти взрослой овцы. Часть костей животных, по-видимому, не относится непосредственно к погребению, а представляет собой остатки тризны. На дне могилы, ближе к восточному углу, обнаружен развал крупного баночного сосуда (рис. 1, 4, а; 4, 12), а в северном — аналогичного сосуда меньшего размера (рис. 1, 4, б; 4, 3). Между ними найдены: бронзовое зеркало с бортиком и петелькой (рис. 1, 4, г; 4, 4), а также сложное бронзовое украшение, состоявшее из крупной пронизи, трех мелких пронизок, нескольких цилиндрических и биконических бус (рис. 1, 4, д; 4, 5). Две малые пронизки были обернуты тонким золотым листком. Составные части аналогичного украшения, а также две бронзовые полусферические бляшки встречены в заполнении ямы (рис. 4, 1, 2, 6–8). В центре могилы компактной кучкой, возможно в общем кожаном чехле, лежали бронзовые нож, шило и игла (рис. 1, 4, в; 4, 9–11). Навершие ножа украшено скульптурным изображением кошачьего хищника, а выступающая гарда оформлена в виде головки грифона. Судя по расположению посуды и инвентаря, можно утверждать, что погребенная в могиле женщина была ориентирована головой на северо-восток.

Могила 2. Грунтовая яма размерами 1,05 × 0,55 м и глубиной 0,3 м находилась в юго-восточной части пристройки (рис. 1, 5), ориентирована осью по линии юго-запад–северо-восток и перекрыта плитами песчаника. На дне могилы в центральной части найдены фрагменты черепа ребенка в возрасте около полугода. Находки отсутствовали.

Могила 3. В центре пристройки — каменный ящик размерами 1,2 × 0,6 м и высотой 0,7 м (рис. 1, 6), ориентирован осью по линии юго-запад–северо-восток и перекрыт плитами пес-

чаника. На дне могилы у юго-западной стенки найдены фрагменты черепа ребенка в возрасте до полугода, а в южном углу — миниатюрный баночный сосуд (рис. 1, 6, а; 4, 13). Судя по расположению останков и посуды, ребенок был ориентирован головой на юго-запад.

Могила 4. Каменный ящик размерами 0,8 × 0,4 м и высотой 0,6 м располагался за северо-западной стенкой пристройки (рис. 1, 7), ориентирован осью по линии юго-запад–северо-восток и перекрыт плитами песчаника. Дно ящика выстлано плитками. Следов погребения и находок не обнаружено.

Могила 5. Грунтовая яма размерами 1,1 × 0,5 м и глубиной 0,45 м расположена за северо-восточной стенкой основной ограды, ближе к ее северному углу (рис. 1, 8), ориентирована осью по линии юго-запад–северо-восток и перекрыта плитами песчаника. На дне могилы обнаружена верхняя часть скелета ребенка в возрасте 2–3 месяцев, лежавшего на спине, вытянуто, головой на северо-восток. Находки отсутствовали.

Курган 2. Находился в центральной части могильника, по нему проходит существующая полевая дорога, которая его частично разрушила (рис. 2, 1). Насыпь кургана срезана полотном дороги и кюветом, а затем подсыпана слоем щебня. После снятия грунта зафиксирована прямоугольная ограда размерами 14 × 8 м, ориентированная углами по сторонам света. Она сооружена из плит песчаника, врытых на ребро. Фиксируются два периода ее строительства. Первоначально была возведена северная часть ограды размерами 9 × 8 м. В ее углах были установлены массивные плиты, несколько выступающие за общий контур сооружения, южный угловой камень укреплен дополнительным контрфорсом. Затем юго-восточная стенка первоначальной ограды была разобрана, и к ней сделана пристройка размерами 6 × 7 м, вследствие чего сооружение приобрело прямоугольные очертания. Пристройка также имела угловые камни. Верхние края плит ограды обломаны при прокладке дороги, и установить их исходную высоту не представляется возможным.

Могила 1. В центре первоначальной ограды находилась грунтовая яма размерами 2,7 × 1,8 м и глубиной 1,2 м (рис. 2, 3), ориентирована осью по линии юго-запад–северо-восток. Перекрыта продольным бревенчатым накатом и заложена плитками песчаника. Погребение ограблено.

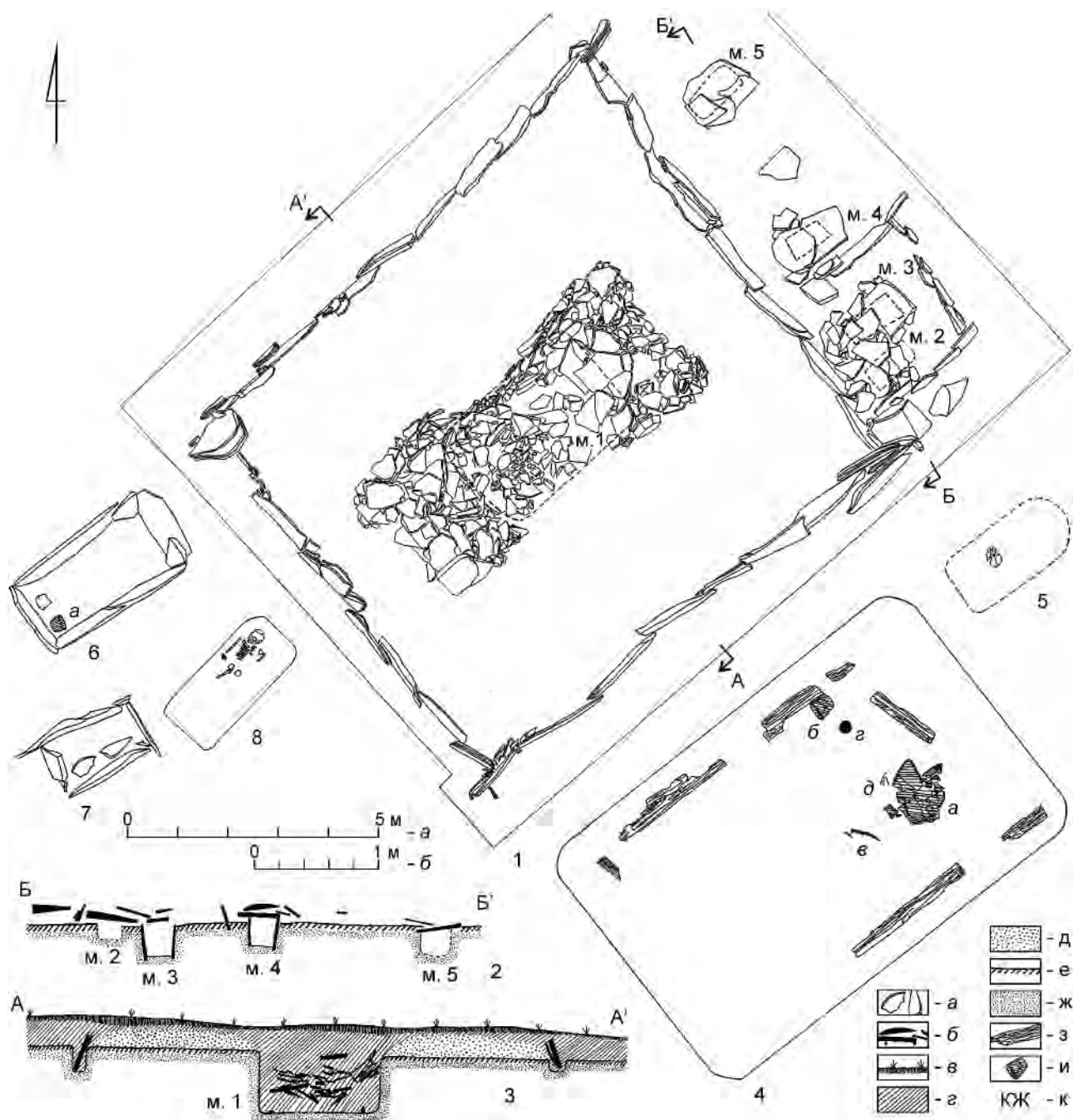

Рис. 1. Могильник Сектах, курган 1: 1 — план ограды; 2, 3 — разрезы А-А' и Б-Б'; 4-8 — планы могил 1-5. Условные обозначения (для рис. 1-3): а — камни (для планов); б — камни (для разрезов); в — дерновый слой; г — гумусированный грунт; д — выкид материковой супеси; е — погребенная почва; ж — материковая супесь; з — остатки древесины; и — керамика; к — кости животного. Масштабы (для рис. 1-3): а — для общих планов и разрезов; б — для могил

Fig. 1. Cemetery of Sektaxh, barrow 1: 1 — plan of the fence; 2, 3 — sections A-A' and B-B'; 4-8 — plans of graves 1-5. Keys (to Figs. 1-3): а — stones (in the plans); б — stones (in the sections); в — turf layer; г — humic soil; д — spoil of the virgin sandy loam; е — buried soil; ж — virgin sandy loam; з — remains of wood; и — pottery; к — animal bones. Scales (to Figs. 1-3): а — to general plans and sections; б — to graves

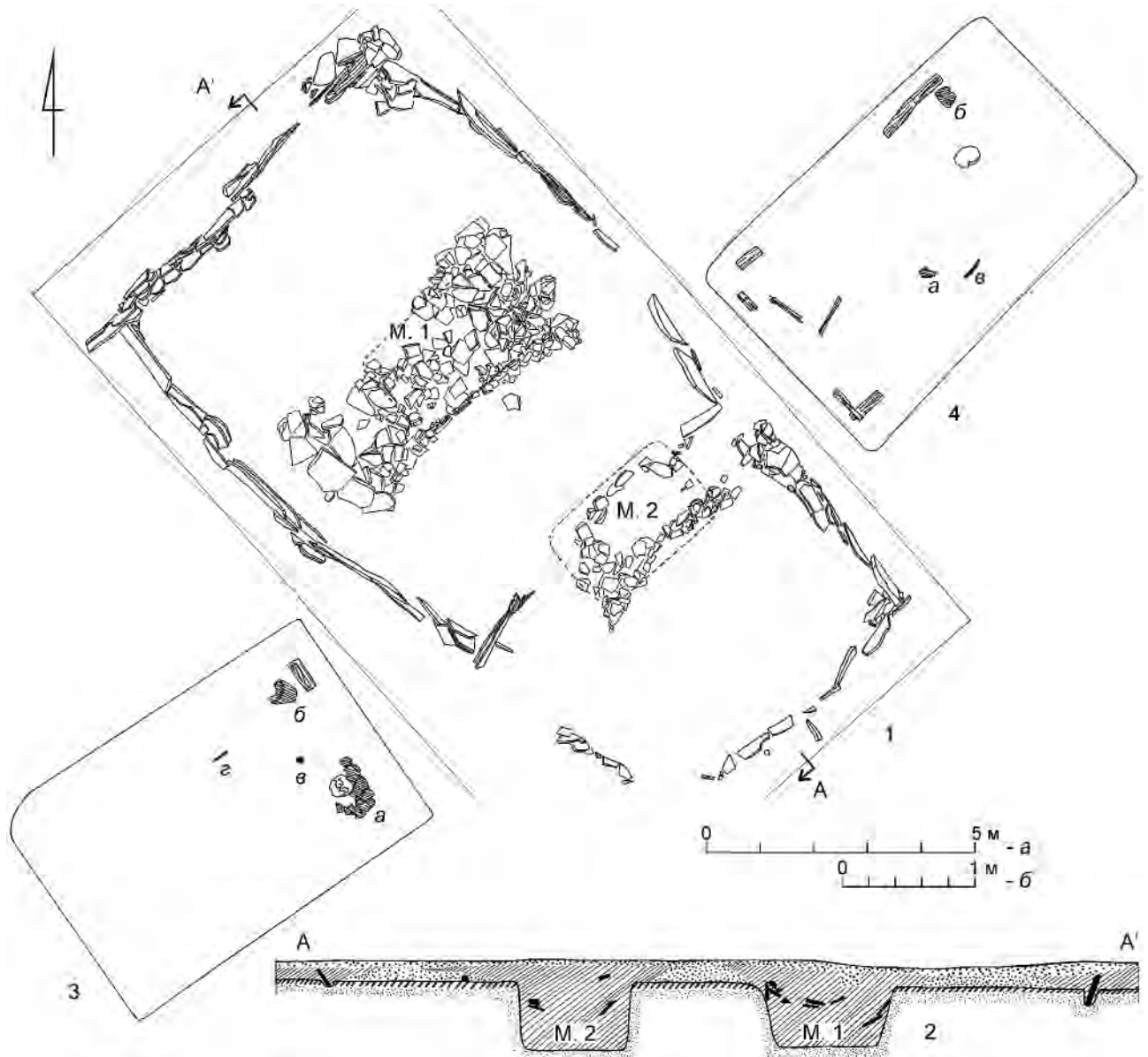

Рис. 2. Могильник Сектах, курган 2: 1 — план ограды; 2 — разрез А-А'; 3, 4 — планы могил 1 и 2

Fig. 2. Cemetery of Sektakh, barrow № 2: 1 — plan of the fence; 2 — section A-A'; 3, 4 — plans of graves Nos. 1 and 2

На дне могилы у северо-восточной стенки сохранился небольшой фрагмент сруба. Дно ямы, по-видимому, было выстлано тонкими плахами или корой лиственницы. В восточном углу могилы обнаружен развал крупного баночного сосуда (рис. 2, 3, а; 4, 17), а в северном — аналогичный сосуд меньшего размера (рис. 2, 3, б; 4, 18). Между ними найдена бронзовая полусферическая бляшка (рис. 2, 3, в; 4, 15), а ближе к центру ямы — бронзовый нож с обломанным навершием (рис. 2, 3, г; 4, 19). Поверх фрагментов крупного сосуда лежал череп мужчины в возрасте 45–55 лет. Кости его

скелета, а также правая лопатка взрослой овцы; фрагменты черепа, таза, метаподии, правая плечевая кость и ребра взрослой коровы; правые бедренная кость, лопатка и ребра молодой коровы обнаружены в заполнении могилы. Часть костей животных, по-видимому, не относится непосредственно к погребению, а представляет собой остатки тризны. В заполнении ямы также найдены бронзовая рифленая пронизка, обернутая тонким золотым листком (рис. 4, 16), и бронзовая полусферическая бляшка (рис. 4, 14). Еще одна аналогичная бляшка полностью разрушилась.

На костях предплечья человека зафиксировано крупное пятно окиси меди, вероятно, от лежавшего здесь бронзового зеркала. Судя по расположению посуды и инвентаря, можно утверждать, что погребенный в могиле мужчина был ориентирован головой на северо-восток.

Мои́ла 2. Под разобранный юго-восточной стенкой первоначальной ограды располагалась грунтовая яма размерами 2,8 × 1,8 м и глубиной 1,2 м, ориентированная осью по линии юго-запад–северо-восток (рис. 2, 4). Она перекрыта продольным бревенчатым накатом и заложена плитками песчаника. На дне могилы сохранились отдельные фрагменты сруба. В северном углу обнаружен небольшой баночный сосуд (рис. 2, 4, б; 5, 1), а обломок крупного сосуда (рис. 2, 4, а; 5, 2) перемещен в центральную часть ямы. Рядом с ним найдены бронзовые нож и шило (рис. 2, 4, в; 5, 4, 5). В северо-восточной части могилы обнаружены перевернутый лицом вниз череп женщины в возрасте 50–60 лет, а в юго-западной — кости ее голеней, сдвинутые грабителями, но не утрачившие сочлененности. Другие кости человека, а также правые бедренная, берцовая кость, лопатка и ребра молодой коровы; правые бедренная, берцовая кости и лопатка взрослой овцы встречены в заполнении ямы. Здесь же найден костяной гребень (рис. 5, 3). Судя по расположению посуды и другого сопроводительного инвентаря, можно утверждать, что погребенная в могиле женщина была ориентирована головой на северо-восток.

Курган 3. Расположен в южной части могильного поля. Выявлена прямоугольная ограда размерами 9,0 × 6,5 м, ориентированная углами по сторонам света (рис. 3, 1). Она сооружена из плит песчаника, врытых на ребро, и сохранилась на высоту до 0,5 м. Угловые камни более массивны и несколько выступают за контур ограды, в центре юго-западной и северо-восточной стенок установлены простеночные камни, разделяющие ограду на две части. Внутри сооружения симметрично относительно центра расположены могилы 1 и 2. За северо-западной стенкой ограды под скоплением камней обнаружена могила 3. Следов какого-либо обрамления вокруг нее не выявлено. Не исключено, однако, что оно могло быть полностью уничтожено старым коровником. При снятии насыпи за северо-восточной стенкой ограды была найдена крупная бронзовая полусферическая бляшка (рис. 6, 1), аналогичная

обнаруженной в могиле 2, вероятно, переброшенная сюда грабителями.

Первой была сооружена могила 1, а плиты могилы 2 располагались выше ее перекрытия. Могила 3 вынесена за пределы ограды и строилась в последнюю очередь. Примечательно, что материковый выкид из могилы 1 имеет значительную примесь золы и мелких угольков. Возможно, это захоронение совершалось в зимний период, и для рытья ямы приходилось отогревать грунт кострами.

Мои́ла 1. Грунтовая яма размерами 2,90 × 1,65 м и глубиной 1,1 м (рис. 3, 3), ориентирована осью по линии юго-запад–северо-восток и перекрыта продольным бревенчатым накатом. Каменная наброска выходила далеко за пределы контура могилы, заполняя практически всю северо-западную часть ограды. В яме не обнаружено остатков сруба, однако на его присутствие указывают плиты забутовки, установленные вдоль стен. Дно могилы было выстлано тонкими плахами или корой лиственницы. Погребение ограблено. В потревоженном состоянии сохранились правая рука и нога, а также левая голень женщины возрастом 35–40 лет, лежавшей на спине, вытянуто, головой на северо-восток. У правого предплечья погребенной найдена грудина коровы, а у голени компактно находились правые бедренная, берцовая кости, лопатка и ребра молодой коровы; правые бедренная, берцовая, пяточная кости, лопатка и астрагал взрослой овцы. В восточном углу могилы обнаружен развал большого и малого баночных сосудов (рис. 3, 3, а, б; 5, 6, 7), а у северо-восточной стенки — бронзовая полусферическая бляшка (рис. 3, 3, в; 5, 8). Вторая бляшка лежала у северо-западной стенки ямы (рис. 3, 3, ж; 5, 9). У правого плеча погребенной, по-видимому, в кожаном чехле находились бронзовые нож и шило (рис. 3, 3, з; 5, 16, 17). Женщина, вероятно, имела украшение, подобное обнаруженному в могиле 1 кургана 1. К нему относятся крупная бронзовая с пуансонным орнаментом и мелкая рифленая пронизки, найденные на дне. Еще одна крупная бронзовая пронизь, четыре мелкие рифленые (одна из них с обкладкой золотым листком), а также четыре бусины (сердоликовая, бронзовая, пастьовая и костяная) встречены в заполнении ямы (рис. 5, 10–15, 18). Там же обнаружен костяной гребень с циркульным орнаментом (рис. 5, 19).

Мои́ла 2. В юго-восточной части ограды находилась грунтовая яма размерами 2,8 × 1,7 м и глубиной 1 м, ориентированная осью по линии

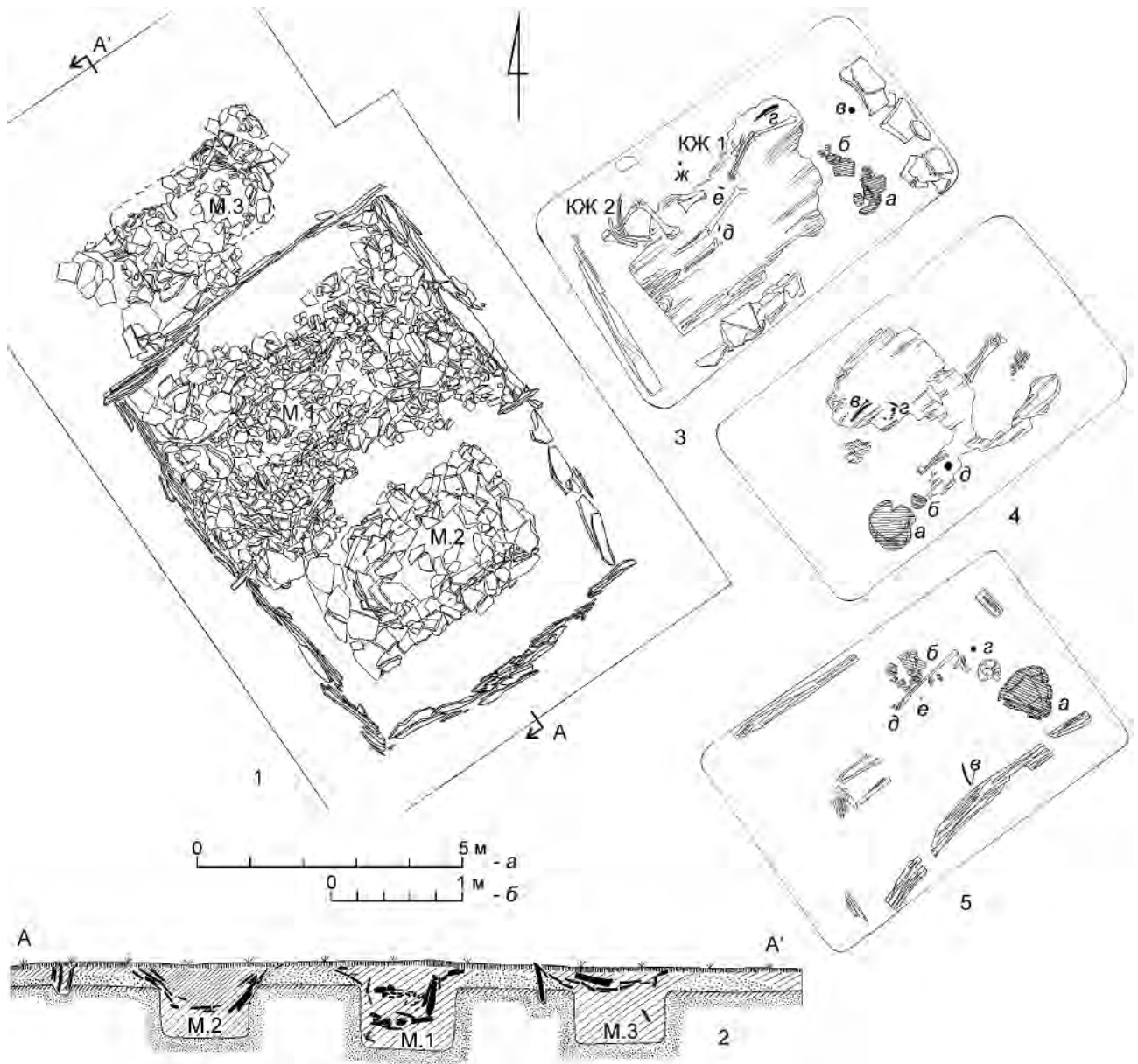

Рис. 3. Могильник Сектах, курган 3: 1 — план ограды; 2 — разрез А-А'; 3-5 — планы могил 1, 2 и 3
 Fig. 3. Cemetery of Sektakh, barrow 3: 1 — plan of the fence; 2 — section A-A'; 3, 4, 5 — plans of graves 1, 2 and 3

юго-запад-северо-восток (рис. 3, 4). Она перекрыта продольным бревенчатым накатом и крупными плитами песчаника. Остатков сруба не сохранилось. Дно могилы было выстлано тонкими плахами или корой лиственницы. Погребение ограблено. В неповрежденном состоянии сохранились кости правого предплечья, правая стопа и левая голень женщины 25–30 лет, лежавшей на спине, вытянуто, головой на юго-запад. В южном углу стояли крупный баночный сосуд (рис. 3, 4, а; 6, 3) и сосуд меньшего размера (рис. 3, 4, б; 6, 2).

Около левого плеча погребенной, вероятно, в кожаном чехле лежали бронзовые нож и шило (рис. 3, 4, в; 6, 5, 6). Рядом с ними в одной связке обнаружены две бронзовые пронизки, три бусины (бронзовая и стеклянные), пастовая имитация раковины каури и просверленный клык кабарги (рис. 3, 4, з; 6, 7–11). У правого предплечья погребенной лежала крупная бронзовая полусферическая бляшка (рис. 3, 4, д; 6, 4). Бляшка, найденная за оградой кургана, возможно, принадлежит к этому же комплекту. В заполнении могилы

обнаружены правая бедренная кость и левая лопатка взрослой овцы.

Могилы 3. За северо-западной стенкой ограды обнаружена грунтовая яма размерами 2,75 × 1,80 м и глубиной 1 м, ориентированная осью по линии юго-запад–северо-восток (рис. 3, 5). Она перекрыта продольным бревенчатым накатом и плитами песчаника. На дне могилы расчищены фрагменты сруба и выявлены следы выстилания пола тонкими плахами или корой лиственницы. Погребение ограблено. В неповрежденном состоянии сохранились череп, кости правой руки и голени женщины 35–40 лет, лежавшей на спине, вытянуто, головой на северо-восток. В восточном углу ямы обнаружен развал крупного баночного сосуда (рис. 3, 5, а; 6, 12), у северо-западной стенки — фрагменты сосуда меньшего размера (рис. 3, 5, а; 6, 14), у юго-восточной — бронзовые нож и шило (рис. 3, 5, в; 6, 15, 16), вероятно, находившиеся в общем кожаном чехле. У черепа погребенной найдена бронзовая полусферическая бляшка (рис. 3, 5, г; 6, 13), а на кисти правой руки — две пастовые бусины (рис. 3, 6, д, е). Еще две пастовые бусины (рис. 6, 20), а также сердоликовая (рис. 6, 18) и стеклянная (рис. 6, 19), вместе с бронзовой рифленой пронизкой, обернутой тонким золотым листком (рис. 6, 17), встречены в заполнении могилы. Здесь же обнаружены левые бедренная и берцовая кости, правая лопатка, ребра молодой коровы и астрагал овцы.

**Место могильника Сектах
в культурной традиции эпохи
поздней бронзы Минусинской котловины**

Определение культурной принадлежности могильника Сектах особых затруднений не вызывает. Этот памятник в целом относится к подгорновскому этапу тагарской культуры. Что касается трех исследованных курганов, то они, по видимому, представляют сравнительно короткий период функционирования комплекса. Во всяком случае в конструкциях, погребальном обряде и инвентаре этих курганов существенных расхождений не наблюдается. Анализ бронзовых изделий позволяет уточнить относительное место могильника среди памятников подгорновского этапа. Обращает на себя внимание исключительное разнообразие наверший ножей, что в большей степени характерно для ранних комплексов. В то же время навершия несут отчетливые следы большей схематизации. Так, рельефный валик

вокруг отверстия на ноже из могилы 3 кургана 3 уже едва заметен, а кольцо, или «арка на кронштейне», из могилы 1 того же кургана с трудом угадывается исключительно по силуэту (рис. 5, 16; 6, 16). Грибовидная шляпка на ноже из могилы 2 кургана 2 больше походит на валик, а размеры отверстия ножа из могилы 2 кургана 3 значительно меньше, чем у исходных ранних образцов (рис. 5, 5; 6, 6). Все шилья уже имеют четко выделенную округлую в сечении шейку (рис. 4, 9; 5, 4, 17; 6, 5, 15).

Необходимо также отметить исключительное однообразие посуды могильника Сектах. В нем представлены сосуды только одной разновидности — слабопрофилированные банки, часто с венчиком, оформленным в виде небольшого формованного валика. Та же особенность присуща целому ряду могильников северо-западной части ареала распространения тагарской культуры, что позволяет поставить вопрос о существовании особого локального варианта, несколько отличающегося от памятников центральных и южных районов Хакасско-Минусинской котловины.

Что касается внутренней хронологии могильника, то планиграфически он сооружался, скорее всего, в направлении с севера на юг. Самым ранним в исследованной группе комплексов является курган 1. Это была отдельная ограда с детскими захоронениями за северо-восточной стенкой и единственным захоронением взрослого человека в центре (рис. 1). Конструктивно и по материалу она соответствует подгорновским комплексам типа Гришкин Лог I. Курганы 2 и 3, локализованные в центре и на южной периферии памятника, уже имели осевые пристройки с могилами взрослых, расположенными в ряд по линии юго-запад–северо-восток (рис. 2; 3). Эти комплексы тяготеют к несколько более поздней генерации подгорновских памятников, таких как могильник Новая Черная I (Максименков, 2003).

Интерес к материалам могильника Сектах обусловлен в первую очередь находкой в этом типичном подгорновском комплексе редкого бронзового ножа, оформленного в скифо-сибирском зверином стиле. Художественные предметы в памятниках тагарской культуры — явление вполне привычное. Они регулярно встречаются в погребениях, массово представлены в случайных находках. Дискуссионными же являются вопросы их происхождения, этапов развития и количественного распределения внутри культуры.

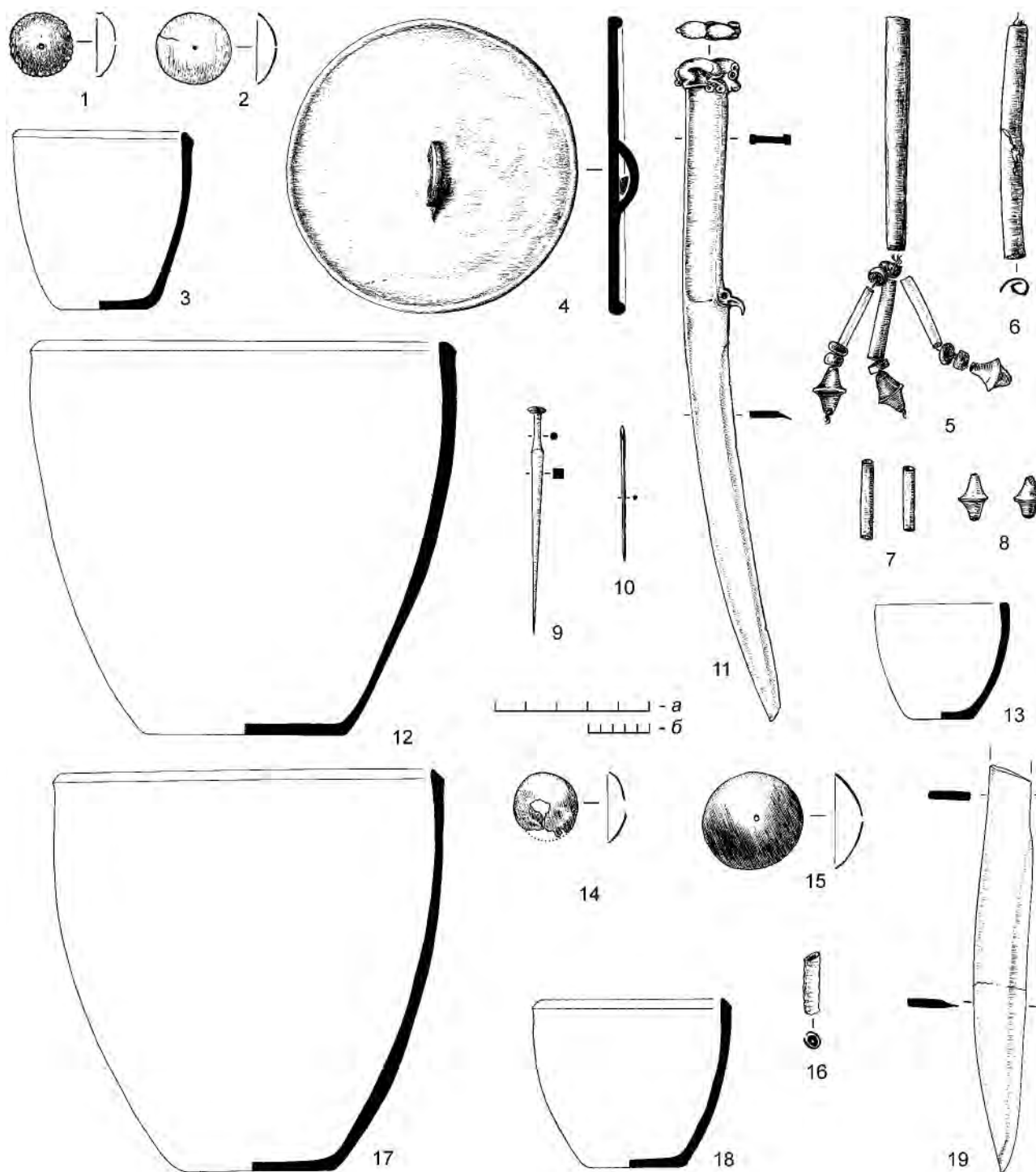

Рис. 4. Могильник Сектах, погребальный инвентарь: 1-12 — курган 1, могила 1; 13 — курган 1, могила 3; 14-19 — курган 2, могила 1. 1, 2, 4-11, 14, 15, 19 — бронза; 16 — бронза, золото; 3, 12, 13, 17, 18 — керамика. Масштабы (для рис. 4-6): а — для мелких вещей; б — для керамики

Fig. 4. Cemetery of Sektakh, grave offerings: 1-12 — barrow 1, grave 1; 13 — barrow 1, grave 3; 14-19 — barrow 2, grave 1. 1, 2, 4-11, 14, 15, 19 — bronze; 16 — bronze, gold; 3, 12, 13, 17, 18 — pottery. Scales (to Figs. 4-6): a — for small objects; b — for pottery

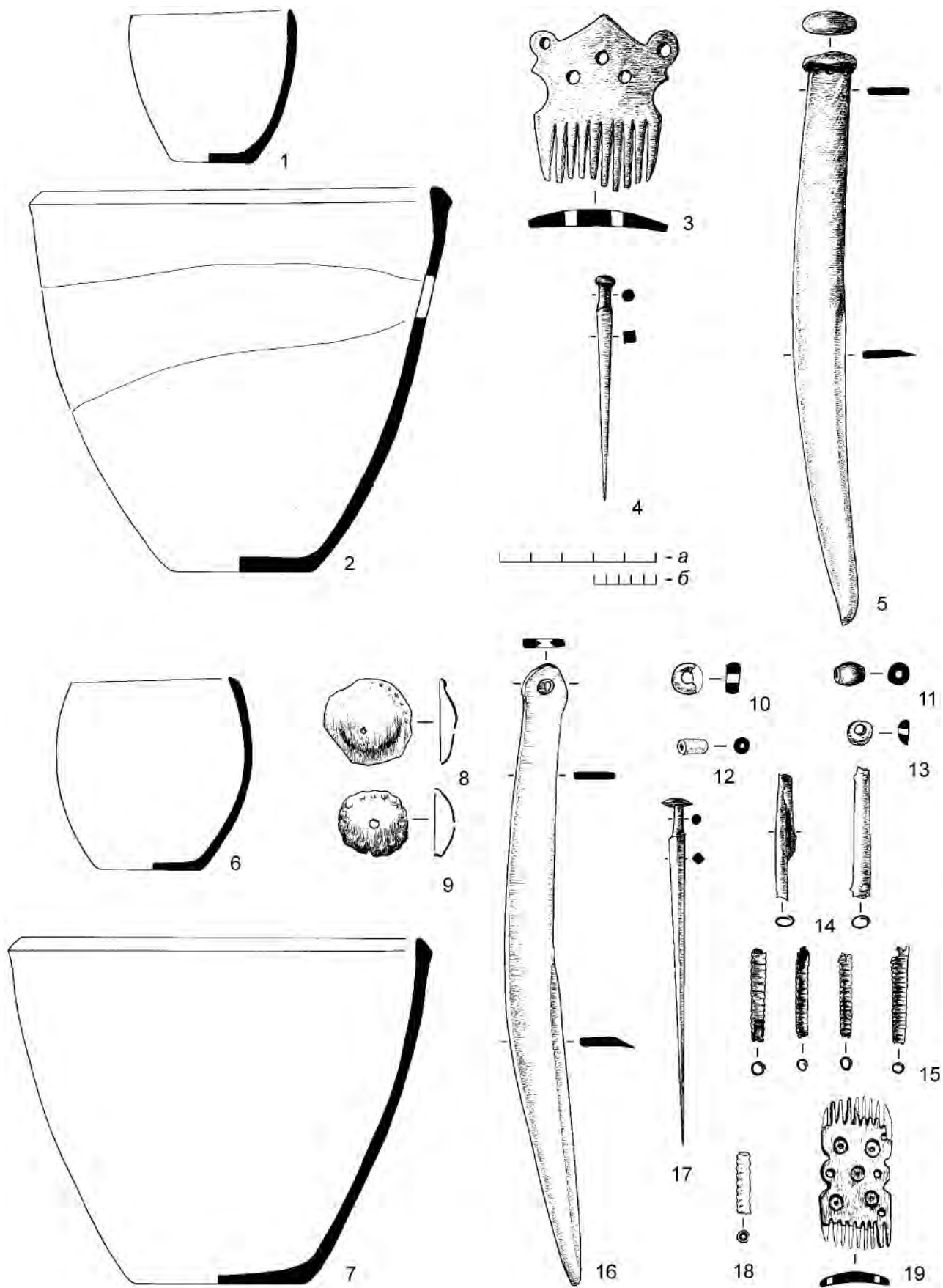

Рис. 5. Могильник Сектах, погребальный инвентарь: 1-5 — курган 2, могила 2; 6-19 — курган 3, могила 1. 1, 2, 6, 7 — керамика; 3, 13, 19 — кость; 4, 5, 8, 9, 11, 14-17 — бронза; 10 — сердолик; 12 — паста; 18 — золото
 Fig. 5. Cemetery of Sektakh, grave offerings: 1-5 — barrow 2, grave 2; 6-19 — barrow 3, grave 1. 1, 2, 6, 7 — pottery; 3, 13, 19 — bone; 4, 5, 8, 9, 11, 14-17 — bronze; 10 — cornelian; 12 — glass paste; 18 — gold

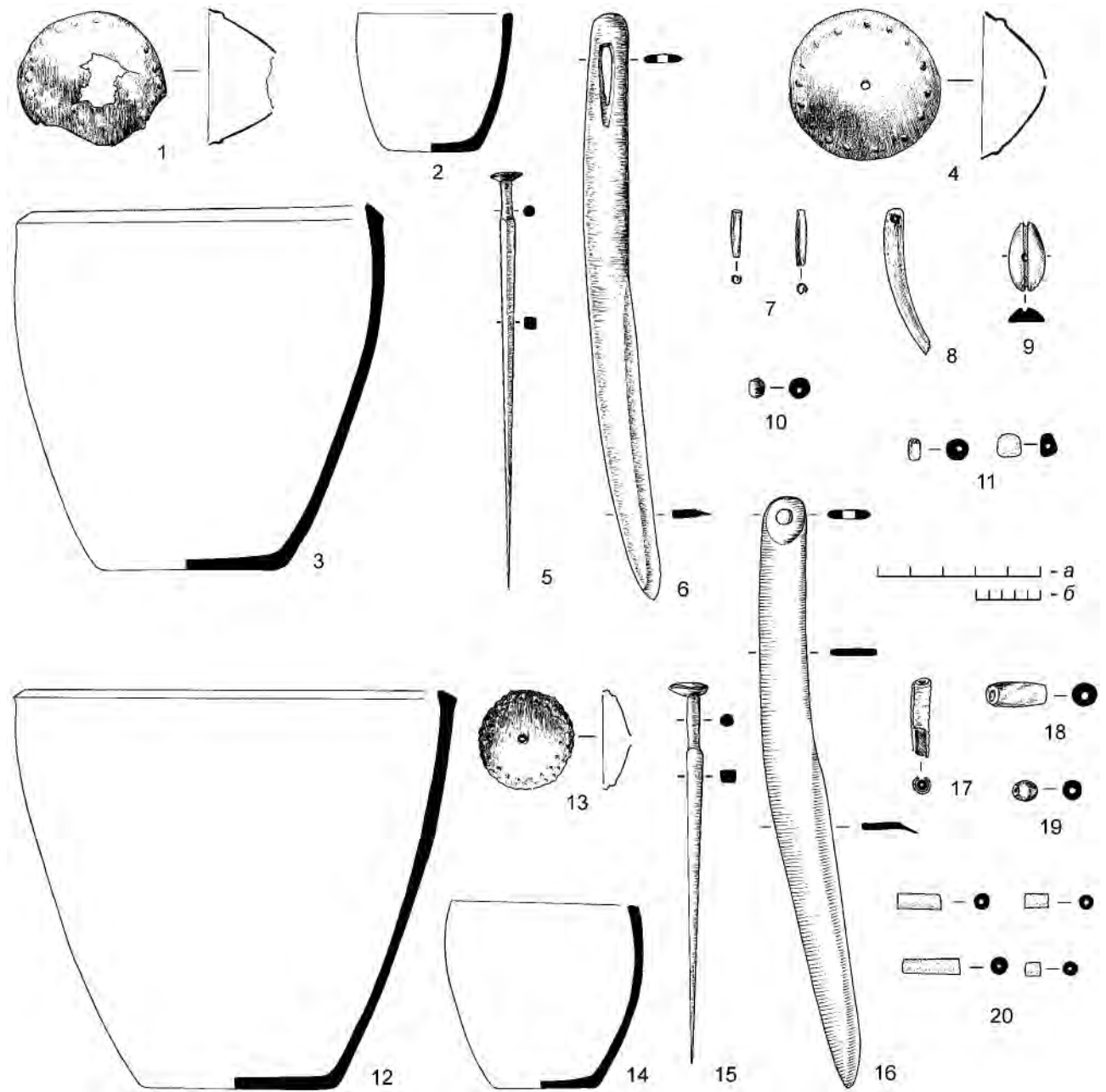

Рис. 6. Могильник Сектах, погребальный инвентарь: 1 — курган 3; 2-11 — курган 3, могила 2; 12-20 — курган 3, могила 3. 1, 4-7, 10, 13, 15, 16, 19 — бронза; 2, 3, 12, 14 — керамика; 8 — кость; 9, 20 — паста; 11 — стекло; 17 — золото; 18 — сердолик

Fig. 6. Cemetery of Sektakh, grave offerings: 1 — barrow 3; 2-11 — barrow 3, grave 2; 12-20 — barrow 3, grave 3. 1, 4-7, 10, 13, 15-16, 19 — bronze; 2, 3, 12, 14 — pottery; 8 — bone; 9, 20 — glass paste; 11 — glass; 17 — gold; 18 — cornelian

Зооморфные изображения из комплексов подгорновского и биджинского этапов тагарской культуры. Образы и хронология

Долгое время считалось, что тагарские художественные бронзы ведут свое происхождение от «карасукского» звериного стиля периода поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. По мере накопления фактического материала и после создания дробной периодизации памятников стало очевидно, что на первом, собственно карасукском, этапе, они полностью отсутствуют. Распространение ножей с зооморфными навершиями на втором, карасук-лугавском, этапе периода поздней бронзы связано с притоком из районов Центральной Азии нового населения — носителей валиковой керамики (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 48–52). Уже к концу третьего (лугавского) этапа данная художественная традиция полностью деградировала, а к началу четвертого (баиновского) этапа и вовсе прекратила свое существование. Она никоим образом не может считаться прообразом тагарского звериного стиля (Лазаретов, 2007. С. 103).

В последнее время наметилась еще одна крайность в оценке эволюции тагарской культуры в целом и ее художественного наследия в частности. Она напрямую связана с некритичным использованием обширного корпуса радиоуглеродных дат скифской эпохи. Если верить составителям радиоуглеродного сборника, то на территории Хакасско-Минусинской котловины комплексы подгорновского этапа укладываются в промежуток IX–VII вв. до н. э., при этом нижняя граница сарагашенских памятников уходит в VIII в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005. С. 223–224). Казалось бы, наличие сосуществование двух групп памятников на протяжении, по крайней мере, 100–150 лет — и это уже с учетом авторской корректировки по археологическому материалу, проведенной Н. А. Боковенко. Если рассматривать даты в их исходном варианте, то интервал наложения окажется еще больше. Немедленно возникло и предложение растянуть сарагашенские комплексы по временной шкале за счет удревнения ранней группы памятников, синхронизировать их с подгорновскими (Чугунов, 2005. С. 102–104). Невольно складывается впечатление, что авторы, интерпретирующие радиоуглеродные даты тагарской культуры, ничего не знают и даже не слышали о комплексах биджинского типа. Между тем данная группа памятников

выделена и кратко охарактеризована еще в конце 1960-х гг., а в дальнейшем получила даже статус отдельного переходного этапа, занимающего промежуточную позицию между подгорновскими и сарагашенскими комплексами (Завитухина, 1968. С. 14–16; Грязнов, 1979. С. 4). По последней сводке их насчитывается уже свыше 70, это только в пределах степной зоны Хакасско-Минусинской котловины (Кузьмин, 2022)³. Именно погребения биджинского типа «впускаются» в поздние подгорновские захоронения, соседствуют с ними в рамках общего курганного пространства, продолжают подгорновские могильники⁴. В дальнейшем точно так же уже сарагашенские захоронения будут «впускаться» в поздние биджинские погребения, соседствовать с ними, продолжать биджинские могильники. В таком археологическом контексте ни о каком сосуществовании подгорновских и собственно сарагашенских комплексов не может быть и речи. Гораздо важнее определить момент первичного контакта «подгорновцев» и «биджинцев», оценить продолжительность их сосуществования, форму и степень взаимовлияния. Эти вопросы имеют самое прямое отношение к теме статьи.

Находки художественных бронз в погребальных комплексах подгорновского этапа — явление крайне редкое. Их насчитываются единицы, тогда как биджинские и сарагашенские предметы в зверином стиле тиражировались сотнями экземпляров. Соответственно возникает вопрос: существовала ли в реальности самостоятельная подгорновская художественная традиция или данные предметы маркируют относительно поздний хронологический горизонт подгорновского

³ При последующем изложении будем ссылаться на текст и рисунки из статьи Н. Ю. Кузьмина, опубликованной в настоящем выпуске (Кузьмин, 2022). Чтобы не дублировать одни и те же изображения, на рисунках представлены только материалы, не вошедшие в его статью.

⁴ Термин «впускные» захоронения применительно к целому ряду поздних подгорновских, биджинских и ранних сарагашенских погребений не вполне корректен. Здесь мы имеем дело с целенаправленным подхоронением родственников в уже существующие могилы, устройством могил соседского типа, достройкой ранних курганов с целью расширения погребального пространства. При этом кости предыдущих покойников аккуратно смещались к бортам могилы, ценные вещи не изымались.

этапа, являясь производными от биджинских бронз?

Самым распространенным и узнаваемым образом биджинского искусства является изображение кабана (Кузьмин, 2022. Рис. 1, 8–13). Фигурка массивного животного обычно располагается на рельефном брусчатом «постаменте», отделяющем плоскую рукоять ножа от навершия. Эта особенность ведет свое происхождение от изделий с вкладышевым шилом. Голова животного низко опущена, ноги короткие, прямые или слегка подогнутые. Копыта детально не проработаны, но могут опоясываться желобком или валиком. На переходе от рукояти к клинку ножа часто изображена головка хищной птицы с S-видным клювом либо значок, символизирующий оттиск копыта. По внутреннему краю рукояти большинства ножей проходит углубленный желобок, нередко дополненный различными орнаментальными мотивами: веревочкой, сеточкой, зигзагом или треугольниками.

Фигурки стоящих горных козлов или их парные головки встречаются на биджинских ножах, но скорее в виде исключения и на наиболее поздней генерации этой категории изделий (Завитухина, 1983. Кат. № 29–33, 41; Zubkov, Posel'janin, 1999. Taf. 4, 28). Данный персонаж обычно украшает ажурные факельницы, колоколовидные навершия, обухи чеканов (Кузьмин, 2022. Рис. 2, 16–19). Гораздо реже в комплексах известны круглые бронзовые и костяные бляшки-пронизи в виде свернувшегося кошачьего хищника (Там же. Рис. 1, 3–7). Их лапы и хвост имеют кольчатые окончания, глаза, ноздри и уши оформлены в виде круглых или овальных ямок. Наконец, отдельными головками оленей или лосей могут быть украшены завершения биджинских предметов неизвестного назначения (Там же. Рис. 2, 4, 5).

На этом фоне нож из кургана 1 могильника Сектах (рис. 4, 11) выглядит крайне своеобразно (Кузьмин, 2022. Рис. 1, 15). Он имеет рельефную двутавровую в сечении рукоять, лишенную какой-либо орнаментации. Рукоятка плавно переходит в скульптурное навершие в виде кошачьего хищника, припавшего на лапы. Зверь изображен с мощным загривком, опущенной головой, выгнутым крупом. Лапы и хвост имеют кольчатые окончания. Глаз передан круглым вдавлением, овальное ухо также углублено. На переходе от рукояти к клинку ножа помещено изображение головы хищной птицы, изогнутый клюв которой выступает за габариты изделия, образуя шип-

гарду, обращенную острием вперед. Глаз птицы обозначен круглым вдавлением, рельефность клюва подчеркнута продольной углубленной линией. Ни в комплексах, ни среди случайных находок ножей с подобным рельефным оформлением перехода от рукояти к клинку нам неизвестно⁵. На биджинских изделиях головка птицы обозначается углубленными линиями и никогда не выходит за размеры изделия (Кузьмин, 2022. Рис. 1, 8, 9). Предмет из могильника Сектах явно относится к более ранней генерации тагарских ножей. Данный пример раскрывает изначальный смысл и первичное функциональное назначение головок хищных птиц. На ножах из биджинских комплексов подобные изображения имеют уже сугубо декоративное назначение. Заметим также, что среди известных нам находок на территории Хакасско-Минусинской котловины совершенно отсутствуют какие-либо переходные варианты. Налицо явный разрыв в развитии данного образа.

Ближайшей аналогией изображению кошачьего хищника из могильника Сектах является навершие на кинжале из могилы 1 кургана у горы Багульной (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 2; Кузьмин, 2022. Рис. 1, 16). Кинжал также имел близкое к двутавровому сечению рукояти. Ее боковые утолщения на переходе к клинку изгибались, выступали за габариты изделия, образуя тонкую гарду. Изображение припавшего на лапы хищника здесь более стилизовано. Его лапы также имеют кольчатые окончания, но при этом ноздри, пасть, глаза и уши животного переданы сквозными круглыми отверстиями разного диаметра. Н. Ю. Кузьмин позиционирует данный памятник как элитный раннебиджинский мегакомплекс, перекрывший курган подгорновского этапа (Кузьмин, 2022). Позволим себе не согласиться с такой трактовкой.

В кургане имеется женская могила 2 с относительно ранним подгорновским инвентарем: крупные сферические бляшки с пуансонным орнаментом; шило с выделенной шейкой; нож с круглым отверстием, оконтуренным рельефным валиком; банка и сферический сосуд с оббитым узким горлом, декорированные одиночными широкими желобками (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 20–24; 3, 6, 7).

⁵ Наиболее полное соответствие фигурке кошачьего хищника и головке хищной птицы представлено на чекане с утолщенным граненым бойком из коллекции И. А. Лопатина, но это случайная находка (Завитухина, 1983. Кат. № 185).

По материалу это погребение синхронно захоронениям могильника Гришкин Лог I. Могила 2 смещена к югу относительно центра кургана, где по всем тагарским канонам должно было располагаться основное мужское захоронение, якобы уничтоженное «биджинцами»⁶. Но ведь по своей конструкции могилы 1 и 2 идентичны — это срубы, пол которых выстлан добротными листовыми плитами. Очевидно, что могила 1 и есть то самое элитное подгорновское мужское захоронение. Именно ради него строился данный мегакомплекс⁷. «Биджинцы» лишь совершили подхоронение в уже существовавшую могилу. Причем подхоронения в нее, по-видимому, осуществлялись и ранее, еще в позднеподгорновское время. В погребении находились перемещенные кости пяти человек. Кинжал с зооморфным навершием обнаружен у северной стенки могилы в комплексе с позднеподгорновским пластинчатым ножом. Здесь же, в северо-западном углу, стоял типичный позднеподгорновский баночный сосуд с узкими желобками (Kuzmin, 1994. Fig. 3, 4). Все изделия, которые ассоциируются с биджинским вещевым комплексом, залегали у противоположной, южной, стенки могилы: сосуд с резными треугольниками, ПНН и костяная бляшка, украшенная головками двух кабанов (Kuzmin, 1994. Fig. 2, 3, 19; 3, 5; Кузьмин, 2022. Рис. 1, 1). В действительности неважно, датируется данный кинжал позднеподгорновским периодом или попал в захоронение уже в биджинское время. Главное, что он является развитием технических решений и художественного стиля, существовавших задолго до появления комплексов биджинского типа.

Еще один интересный образец подгорновского звериного стиля происходит из могильника Луговое (Александров и др., 2001. С. 30–51). Авторы раскопок определили животное, стоящее

⁶ В разнополых парных захоронениях подгорновского этапа женщины всегда лежат у южной стенки могилы, а мужчины — у северной (Герман, 2007. С. 16). При наличии в кургане центральной мужской могилы женское захоронение также располагается к югу от него, но уже в отдельной персональной могиле. Например, могильник Сектах, курган 2 (рис. 2).

⁷ Из инвентаря первичного мужского захоронения могилы 1 в грабительском выбросе сохранились только фрагменты венчика баночного сосуда, идентичного сосуду из могилы 2, но имевшего несколько меньший размер. В публикацию памятника они почему-то не вошли.

на навершии ножа, как кабана (Кузьмин, 2022. Рис. 1, 14). На наш взгляд, данная атрибуция является заведомо ошибочной. Животное выглядит слишком поджарым и грацильным в сопоставлении с реальными фигурками кабанов (Там же. Рис. 1, 8–13). Особенно интересны окончания его лап — они когтистые, двупалые, хотя на первый взгляд выглядят как кольчатые. Скорее всего, здесь представлено не совсем удачное воплощение образа кошачьего хищника, стоящего на вытянутых лапах. Чтобы убедиться в этом, можно сопоставить его с ножом из могилы 13 комплекса Тепсей III (рис. 7, 1, 1a; Завитухина, 1983. Кат. № 183). Вероятно, к этой же категории предметов следует относить и нож из кургана 16 могильника Гришкин Лог I (рис. 7, 2; Максименков, 2003. Табл. 24, 12). Всего же в могильнике Луговое исследовано четыре кургана, и ни в одном из них не обнаружено каких-либо признаков биджинского влияния. Памятник по материалу уверенно датируется средним периодом подгорновского этапа.

Имеется также небольшая, но достаточно выразительная серия пластинчатых ножей с навершиями в виде стоящих на цыпочках крупных копытных: лося или кулана, горного козла (Кузьмин, 2022. Рис. 2, 13–15). Их объединяет наличие крупного овального отверстия в верхней части рукояти, под зооморфной скульптурой. По форме, степени изогнутости и местоположению отверстия они полностью соответствуют классическим подгорновским образцам.

Можно допустить, что бронзовый нож с головкой копытного животного из могильника Кызыл-Куль происходит из захоронения биджинского времени, вот только аналогичное ему изделие из кургана 5 могильника Карасук IV по сопутствующему материалу уверенно датируется в пределах среднего периода подгорновского этапа (Кузьмин, 2022. Рис. 2, 6, 7). Нож с головой хищного зверя, вероятно волка, из могильника Хыстаглар (рис. 7, 3) по вещевому комплексу относится к этому же периоду, причем к ранней его части (Евразия в скифскую эпоху, 2005. Рис. 3.13, 1).

Суммируем особенности изделий, выполненных в зверином стиле и происходящих из подгорновских комплексов. Зооморфные изображения пока представлены в них только на двух категориях предметов — ножах и кинжалах⁸. Это могут

⁸ Теоретически к подгорновской художественной традиции может относиться чекан-секира из могилы 17

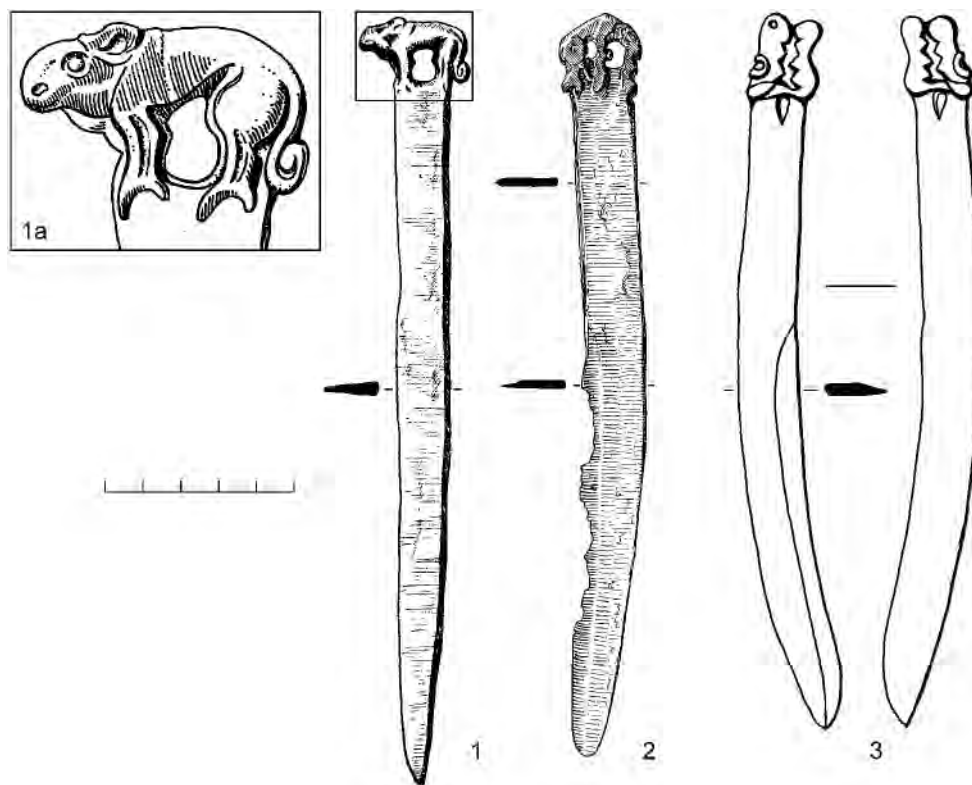

Рис. 7. Ножи с изображениями животных: 1, 1a — Тепсей III, могила 13 (Завитухина, 1979. Рис. 26, 22; 1983. Кат. № 183); 2 — Гришкин Лог I, курган 16, могила 4 (Максименков, 2003. Табл. 24, 12); 3 — Хыстаглар, курган 1, ограда Б, могила 1 (Евразия в скифскую эпоху, 2005. Рис. 3.13, 1). 1–3 — бронза

Fig. 7. Knives with representations of animals: 1, 1a — Tepsey III, grave 13 (Завитухина, 1979. Рис. 26, 22; 1983. Кат. № 183); 2 — Grishkin Log I, barrow 16, grave 4 (Максименков, 2003. Табл. 24, 12); 3 — Khystaglar, barrow 1, fence B, grave 1 (Евразия в скифскую эпоху, 2005. Рис. 3.13, 1). 1–3 — bronze

быть скульптурки в виде кошачьего хищника, стоящего на вытянутых лапах или припавшего к земле. Данный персонаж присутствует и в биджинской изобразительной традиции, но только в свернувшимся виде и на круглых бляшках-пронизях. Налицо расхождение в категориях предметов и в самом воплощении этого образа (ср.: Кузьмин, наст. выпуск. Рис. 1, 3–7 и 1, 14–16). Подгорновские ножи с навершиями в виде стоящих на цыпочках копытных также не имеют аналогов среди биджинских образцов. У последних отсутствуют отверстия в рукоятях, а в качестве ведущего художественного персонажа в подавляющем большинстве случаев используется фигурка кабана (ср.: Кузьмин, 2022. Рис. 2, 13–15 и 1, 8–13).

кургана 1 могильника Подгорное Озеро с фигуркой, составленной из двух передних половин кабанов (Завитухина, 1983. Кат. № 83). К сожалению, материалы самого кургана не опубликованы, что затрудняет его хронологическую атрибуцию.

Отметим полное игнорирование «подгорновцами» значков в виде головок хищных птиц или отиска копытца, отсутствие каких-либо орнаментов и гравировок на рукоятях их ножей, столь популярных среди «биджинцев». Как бы «подгорновцы» сумели воспринять и творчески воспроизвести то, чего не было у самих «биджинцев», и, наоборот, пренебречь наиболее популярными художественными образами, манерой их передачи и широко распространенными декоративными приемами?

На наш взгляд, мы имеем дело с близкородственными, но далеко не идентичными художественными стилями: «карасукским», подгорновским и биджинско-сарагашенским. Они являются последовательными ответвлениями от единой магистральной центральноазиатской изобразительной традиции, проникавшей в Хакасско-Минусинскую котловину с несколькими разовыми миграционными импульсами в разное время и разными путями. Первым таким импульсом было появление носителей «карасукского» звериного

стиля на рубеже I и II этапов периода поздней бронзы. В Южной Сибири эта традиция постепенно деградировала и полностью угасла еще до наступления скифской эпохи. Возрождение звериного стиля произошло только после прихода нового населения, ставшего основой при формировании подгорновского этапа тагарской культуры. Следующая, биджинская, миграционная волна привнесла целый ряд новых художественных образов, способов их передачи, развитую орнаментальную традицию. Они быстро вытеснили старые образцы либо трансформировали их. Так, подгорновские в своей основе бронзовые ножи с головками оленя и лося продолжили свое существование в биджинских комплексах, но уже в виде костяных ножей. Только у «подгорновцев» эти животные изображались комолатыми, а у «биджинцев» чаще воспроизводились со стилизованными рогами (Кузьмин, 2022. Рис. 2, 10–12). Трансформация образа хищной птицы от рельефного клюва-гарды к символическому значку на рукоятках ножей происходила, по-видимому, за пределами Хакасско-Минусинской котловины и именно в тот временной промежуток, который отделяет момент сложения подгорновских комплексов от появления биджинских.

Невообразимо широкий интервал радиоуглеродных дат подгорновских и сарагашенских комплексов Хакасско-Минусинской котловины, значительный промежуток их взаимного перекрывания в первую очередь обусловлен использованием в качестве образцов для анализа археологического дерева. Определения для подгорновского этапа, полученные по костям человека AMS-методом, гораздо более однородны и укладываются в диапазон VIII–VI вв. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 38). Предлагаемая Н. А. Боковенко и Н. Ю. Кузьминым нижняя граница формирования культуры скифского типа в пределах IX в. до н. э., на наш взгляд, неоправданно заглублена (Евразия в скифскую эпоху, 2005. С. 223–224;

Кузьмин, 2020. С. 105; 2022). Само сложение тагарской культуры было обусловлено внешним миграционным импульсом (Лазаретов, 2007. С. 102–105). И произошло это событие не ранее момента возведения в Туве кургана Аржан-1, то есть рубежа IX–VIII вв. до н. э., а скорее в первых десятилетиях VIII в. до н. э. Существование отдельных, баиновских в своей основе, комплексов (Верхний Аскиз, пункт I, курганы 1–11, часть курганов могильника Бырганов V и др.) с наиболее ранними подгорновскими, действительно, имело место. Эти памятники представляют наиболее позднюю генерацию баиновской линии развития, вошедшей составной частью в тагарскую культуру и оставившей в ней вполне заметный след. Только датироваться данная конкретная группа комплексов должна все же началом VIII в. до н. э.

Судя по полевым наблюдениям автора статьи, продолжительность подгорновского этапа тагарской культуры может быть оценена приблизительно в 150, но никак не более чем в 200 лет (Лазаретов, Лазаретова, 2007. С. 182–184). Соответственно момент появления комплексов биджинского типа должен приходиться на рубеж VII–VI вв. до н. э., возможно, с небольшими отклонениями в сторону удренения или омоложения. В своих недавних работах Н. Ю. Кузьмин рассматривает памятники биджинского типа как самостоятельный, достаточно протяженный период в развитии тагарской культуры, датируя его VII–V вв. до н. э. Согласно его представлениям, в VII в. до н. э. биджинские племена соседствовали с подгорновскими, а в V в. до н. э. — с сарагашенскими (Кузьмин, 2020. С. 107, 111–112; 2022). Мы же позиционируем комплексы биджинского типа как относящиеся к относительно короткому по протяженности раннему хронологическому горизонту памятников сарагашенского этапа. Весь период их бытования, как и процесс сложения на их основе собственно сарагашенских комплексов, должен укладываться в пределы VI в. до н. э.

Александров и др., 2001 — Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: ИИМК РАН. 2001. 100 с.

Герман, 2007 — Герман П. В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 28 с.

Грязнов, 1979 — Грязнов М. П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее: Сб. ст. / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–5.

Евразия в скифскую эпоху, 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Редкол. Г. И. Зайцева, Н. А. Боковенко,

- Ю. А. Алексеев, К. В. Чугунов, Е. М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Завитухина*, 1968 — *Завитухина М. П.* Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов науч. сессии, посвящ. итогам работ Гос. Эрмитажа за 1967 г. 25–26 апреля 1968 г. / Отв. ред. Н. Н. Леман. Л.: Советский художник, 1968. С. 14–17.
- Завитухина*, 1979 — *Завитухина М. П.* Подгорновский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее: Сб. ст. / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 40–54.
- Завитухина*, 1983 — *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Кузьмин*, 2020 — *Кузьмин Н. Ю.* О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // *Camera praehistorica*. 2020. № 2. С. 101–121.
- Кузьмин*, 2022 — *Кузьмин Н. Ю.* Зооморфные изображения как индикатор культурных изменений на заключительной фазе раннетагарского периода // *АВ*. 2022. Вып. 34. С. 294–311.
- Лазаретов*, 2007 — *Лазаретов И. П.* Памятники баиновского типа и тагарская культура // *АВ*. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Лазаретов, Лазаретова*, 2007 — *Лазаретов И. П., Лазаретова Н. И.* Могильник Трошкино II и некоторые актуальные проблемы тагарской культуры // *Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье* / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Томский ГУ, 2007. С. 174–197.
- Лазаретов, Поляков*, 2008 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы* / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Максименков*, 2003 — *Максименков Г. А.* Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Труды ИИМК РАН; Т. VIII; *Archaeologica Petropolitana*; XIII). 192 с.
- Поляков, Святко*, 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Чугунов*, 2005 — *Чугунов К. В.* Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия*. Красноярск: Красноярский гос. пед. университет им. В. П. Астафьева, 2005. С. 102–104.
- Kuzmin*, 1994 — *Kuzmin N. Y.* Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia* / Eds. A. G. Kozintsev, V. M. Masson. SPb.: ИИМК РАН, 1994 (*Archaeological studies*; Is. 16). P. 44–47.
- Zubkov, Posel'janin*, 1999 — *Zubkov V. S, Posel'janin A. I.* Das tagarzeitliche Gräberfeld Belyj Jar I in Chakassien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1999 (*Archäologie in Eurasien*; Bd. 8). 40 S.

The cemetery of Sektakh and the problem of the animal style in the Tagar culture

I. P. Lazaretov⁹

Keywords: Khakassia-Minusinsk hollow, Scytho-Siberian animal style, Tagar culture, Karasuk culture, Podgornoye stage, complexes of the Bidzhin type.

This paper publishes some finds from excavation of the burial ground of Sektakh which has yielded a unique knife executed in the Scytho-Siberian animal style (Fig. 4, 10). In the analytical section, the author has collected and analyzed the finds of zoomorphic objects from burials of the Podgornoye stage of the Tagar culture and compared them with finds from sites of the Bidzhin type and stray finds. It is noted that, given all their rareness, the objects from the associations of the initial stage, demonstrate nevertheless an intrinsic stylistic unity and possess a characteristic set of features. They differ from objects of the late period of the culture in the different set of the figures, the manner of their representation, technical and artistic ways. Probably, they represent a specific Podgornoye style which had existed long before the moment of the formation of sites of the Bidzhin type. In the author's opinion, the Podgornoye and Bidzhin-Saragash artistic styles were sequential branches of the Central-Asiatic zoomorphic graphic tradition penetrating the Khakassia-Minusinsk hollow together with several single-time migration impulses in different periods and via different routes. The author dates the moment of the formation of Podgornoye sites by the period not earlier than the turn between the 9th and 8th centuries BC, probably in the first decades of the 8th century BC. The migration of the Bidzhin people and the spread of new examples of the animal style took place 150–200 years later i. e. at the turn between the 7th and 6th centuries BC.

⁹ Igor P. Lazaretov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: lazaretov@yandex.ru.

Комментарии к статье И. П. Лазаретова «Могильник Сектах и проблема звериного стиля тагарской культуры»

Н. Ю. Кузьмин (†)¹

Аннотация. В кратком комментарии автор обсуждает некоторые положения И. П. Лазаретова, высказанные им в статье «Могильник Сектах и проблема звериного стиля тагарской культуры» (с. 312–327) и выдвигает свои контраргументы.

Ключевые слова: Минусинская котловина, тагарская культура, карасукская культура, зооморфные изображения на предметах погребального инвентаря.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-328-331

В публикуемой в настоящем выпуске статье И. П. Лазаретова обосновывается ряд положений, противоречащих высказанным нами. Учитывая актуальность рассматриваемой темы, приведем, в свою очередь, некоторые контраргументы.

1. Находки художественных изделий в могилах тагарских курганов — явление не привычное и не заурядное, как пишет об этом И. П. Лазаретов. Они не представлены в массовом количестве в материале раскопанных тагарских курганов, особенно ранних, каждый из таких предметов по своему уникален и, как правило, в деталях отличается от других.

2. О карасукском наследии, прослеживаемом в особенностях тагарской манеры изображения животных, вероятно, связанной с древней центрально-азиатской художественной традицией, неоднократно упоминали многие исследователи (см. о предмете, украшенном головкой горного козла, из могилы 4 кургана 2 группы Есино IX: Савинов, 2012. С. 25). Эта тема не может быть закрыта одним лишь мнением И. П. Лазаретова.

3. Представление И. П. Лазаретова об участии в формировании тагарской культуры пришлых инокультурных племен из Казахстана и Монголии (Лазаретов, 2007. С. 104–105) не является чем-то новым: за 40 лет до этого Н. Л. Членова обоснованно предположила, что это были мигранты

из Центрального Казахстана и, вероятно, из Средней Азии (Членова, 1967. С. 216). Позднее об этом же писали и другие специалисты. В данном случае важнее всего не повторение высказанных версий, а новые факты и наблюдения, подтверждающие либо опровергающие высказанное ранее. К тому же имеются и другие подходы к решению этого вопроса. Например, Д. Г. Савиновым аргументирована гипотеза о центрально-азиатском источнике новаций (Савинов, 2012. С. 28–33).

4. Говоря о нижней границе формирования тагарской культуры, И. П. Лазаретов отмечает, что Н. А. Боковенко и Н. Ю. Кузьмин относят ее к IX в. до н. э. Формально это верно, а по сути — нет. Н. А. Боковенко, основываясь на данных радиоуглеродного анализа тагарских курганов, относит начало данного процесса к рубежу X–IX вв. до н. э. (Боковенко, 2010. С. 100). Наше заключение о датировании этапа формирования тагарской культуры концом IX — началом VIII в. до н. э. основано на трех базовых положениях: а) радиоуглеродной датировке кургана Аржан-1; б) факте одновременного существования баиновских и раннетагарских курганов, установленного в процессе проведенных в 1986–1995 гг. раскопок около 50 баиновских и тагарских курганов в долине р. Аскиз и верхнем течении р. Уйбат, материалы которых частично опубликованы (Kuzmin, 1994; 2010); в) радиоуглеродной датировке баиновских памятников (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 53).

¹ Независимый исследователь. 58A Reinickendorfer Straße, Berlin, 13347, Deutschland.

5. В нашей статье обзор зооморфных изображений проведен только по одной причине: их распространение маркирует появление инкультурной группы пришлых биджинских племен. Результаты первого сравнения биджинских зооморфных изображений с подгорновскими даны предварительно: отмечено меньшее число подобных подгорновских изделий по сравнению с биджинскими, высказано предположение о том, что подгорновские изображения кажутся вторичными по отношению к биджинским. Предпринятая И. П. Лазаретовым попытка разделить их по стилю крайне интересна, но пока не очень убедительна. На рис. 7 (С. 325) исследователем показаны три указанных нами раннетагарских ножа с изображениями животных, найденных в могиле 13 могильника Тепсей III, в могиле 4 кургана 16 могильника Гришкин Лог I и в могиле 1 ограда Б кургана 1 могильника Хыстаглар. Два первых образца как раз и показывают, что подгорновские изображения редуцированы, плохо различимы. На этом рисунке не помещены еще два упомянутые нами раннетагарские изделия: секира-чекан, на обушке которой помещена фигурная композиция, составленная из двух передних половин кабанов, из могильника Подгорное озеро и бронзовый втульчатый топор с фигурой стоящего на обушке кабана из кургана 41 могильника у горы Тунчух. И если детально заниматься выделением особого подгорновского стиля, то начинать нужно с определения особенностей именно этих ранних изображений.

6. Недостаточно аргументирована и попытка выделения И. П. Лазаретовым подгорновского стиля, являющегося, по его мнению, первичным для биджинского, на основе изображений на ноже из кургана 1 могильника Сектах. Сравнение изображения хищника на ноже с изображением на навершии кинжала из биджинского кургана у горы Багульная говорит об обратном: фигура хищника на ноже не проработана детально, менее отчетлива. Оформление сквозными отверстиями ноздрей, глаз и ушей животного на кинжале — более ранний признак, встреченный на секире-чекане из Подгорного озера. Выступающий клюв хищной птицы в месте перехода от рукояти ножа к клинку нефункционален, он мешал бы использованию предмета в быту. Скорее всего, данная отливка ножа — эклектическое воспроизведение провинциальным самобытным мастером, живущим вдалеке от центра событий своего

времени, биджинских образцов с изображением головки хищной птицы на выступе в месте перехода от рукояти к клинку. Именно поэтому данный тип единичен, он не стал серийным, в отличие от биджинских ножей. И, вероятно, не стоит для объяснения этого факта выдвигать версию о трансформации выступающего клюва птицы в схематическое изображение где-то за пределами Минусинской котловины.

7. Не совсем удачна и приводимая И. П. Лазаретовым аналогия изображениям на ноже из могильника Сектах изображениям на случайно найденном чекане из коллекции И. А. Лопатина (*Завитухина*, 1983. Кат. № 185). Схематично переданная головка хищной птицы под втулкой — определяющий признак биджинских чеканов с гранями на обушке, а не подгорновских. Изображение хищника на обушке чекана гораздо ближе по стилю к изображению на кинжале из кургана у горы Багульная, чем на ноже из могильника Сектах.

8. И. П. Лазаретов пытается доказать, что раскопанный нами в 1993 г. курган у горы Багульная на Уйбате (*Kuzmin*, 1994) сооружен не биджинским, а раннетагарским населением, биджинское же захоронение в основной могиле было впускным. По нашим представлениям, биджинский комплекс возведен на месте раннетагарского кургана, от которого сохранилось захоронение женщины с двумя сосудами и ножом раннего типа в могиле 2. Инвентарь имеет аналогии в могильнике Гришкин Лог I. Одновременная южной ранняя северная могила 1 с мужским погребением была расширена и перестроена для коллективно-биджинского захоронения. Именно для этого погребения и был возведен биджинский мегакомплекс: каменная платформа в центре, ограниченная по периметру крупными каменными глыбами, вокруг которой оставался свободным обходной коридор, ограда из массивных плит с рисунками окуневского времени. Отсутствие следов раннетагарской ограды объясняется тем, что в этом микрорегионе на Уйбате еще с эпохи поздней бронзы прослеживается традиция сооружения оград не из вкопанных вертикально плит, а из уложенных на уровне древней поверхности каменных блоков. Материалы раскопок на Уйбате подобных оград эпохи поздней бронзы и одного расположенного поблизости раннетагарского кургана (приведена его реконструкция) опубликованы (*Кузьмин*, 2018). Эти каменные блоки ранней ограды были использованы

при сооружении биджинского комплекса. Фрагменты венчиков от двух раннетагарских сосудов, маленького и большего по размерам, предположительно из раннего мужского погребения, найдены среди плит покрытия. На приводимом в таблице рисунке показаны фрагменты одного, наиболее показательного, с четырьмя широкими желобками (Kuzmin, 1994. Fig. 3, 8). Среди прочих зафиксированных во время полевых исследований данных, подтверждающих, что курган возведен биджинским населением, отметим лишь один факт. В обходном коридоре обнаружены сопроводительные детские могилы. В могиле 3 найдена датирующая типично биджинская красноощенная глиняная кружка с ручкой, оформленной в виде головы лошади, и зигзагообразным орнаментом под венчиком. Если бы курган был сооружен раннетагарским населением, то до появления биджинских племен должно было пройти более 100 лет, учитывая предложенную И. П. Лазаретовым датировку биджинских памятников VI в. до н. э. За это время обходной коридор между каменной платформой в центре и оградой давно бы зарос травой, покрылся занесенной ветром пылью и мелкой органикой, то есть образовался бы слой наносной земли, с которого впускались бы детские могилы. Но все сопроводительные детские захоронения, включая и могилу с биджинским инвентарем, совершены с того же уровня древней поверхности, что и перестроенная северная могила, на этом уровне установлены и массивные глыбы крепиды каменного сооружения в центре. Следовательно, версия И. П. Лазаретова противоречит зафиксированному в процессе раскопок стратиграфическим данным.

9. И. П. Лазаретов относит биджинские памятники к раннему хронологическому горизонту сарагашенского этапа, датированному им VI в. до н. э. Такая интерпретация представляется нам не соответствующей накопленным к настоящему времени сведениям. Ранее нами уже говорилось о выделении трех хронологически последовательных групп биджинских памятников на основе радиоуглеродных дат, развития конструктивных особенностей курганов, типологического изменения инвентаря (Кузьмин, 2020. С. 105–107). Вопрос о датировке первой группы памятников пока окончательно не решен, их появление фиксируется как минимум в VII в. до н. э. (по радиоуглеродным датам — раньше). Вторая ограничивается ориентировочно пределами VI в. до н. э. Третья,

поздняя, датируется методом радиоуглеродного анализа, появлением в инвентаре стеклянных бусин начиная с V в. до н. э., а также наличием в погребальном инвентаре сарагашенских могил специфически биджинских предметов. Какое-то время позднебиджинские памятники сосуществовали с сарагашенскими. Отмечалось нами и то, что практически весь погребальный инвентарь в сарагашенских могилах, за исключением нескольких новых изделий (оленных бляшек, ножей с расширяющейся рукоятью и др.), связан с позднебиджинским комплексом вещей. Однако типологически раннебиджинские изделия по ряду признаков отличаются от позднебиджинских, с которыми связан сарагашенский инвентарь. Число биджинских комплексов постоянно увеличивается за счет выделения их по архивным материалам старых раскопок и современных исследований. Безусловно, время существования биджинских памятников невозможно ограничить пределами раннесарагашенского хронологического горизонта, как это делает И. П. Лазаретов, они относятся к отдельному периоду развития тагарской культуры, связывающему раннетагарский и сарагашенский.

10. В статье И. П. Лазаретова затронуты многие из остающихся актуальными в настоящее время вопросов: о связи карасукского искусства с тагарским, миграционных импульсах в эпоху поздней бронзы и в период сложения тагарской культуры, радиоуглеродной датировке раннетагарских и сарагашенских комплексов, различиях подгорновского и биджинского стиля изображений животных, выделения на основе биджинских памятников раннесарагашенского хронологического горизонта и др. Каждому из них могла бы быть посвящена отдельная статья, и, видимо, не одна. Не обращено должное внимание только на одно существенное, на наш взгляд, противоречие, заметное в погребальном инвентаре могил трех раскопанных автором курганов могильника Сектах. По приведенным аналогиям бронзовым вещам в могильниках Гришкин Лог I и Новая Черная I курганы относятся к группе раннетагарских. Глиняные сосуды баночной формы без орнамента существовали достаточно долго, они не могут уточнить датировку памятников. Но в могилах 2 и 3 кургана 3 найдены стеклянные бусины. Это первый зафиксированный в Минусинской котловине случай, когда стеклянные бусины обнаружены не в позднебиджинских или сарагашенских могилах,

а в раннетагарском кургане. Интерпретировать данный факт можно двояко. Недавно были опубликованы сведения о находках в Китае импортных стеклянных бусин, привезенных кочевниками в первой половине I тыс. до н. э. (*Henderson et al.*, 2018. P. 88–104). Можно предположить, что появление стеклянных бусин в раннетагарском кургане каким-то образом связано с передвижением центральноазиатских кочевых племен. Но, кажется, более реалистичным будет иное объяснение этого факта. Если связать воедино находки стеклянных бусин в могилах кургана 3 и ножа с зооморфными изображениями в могиле 1 кургана 1, который, вопреки мнению автора раскопок, можно отнести к разряду биджинских изделий, а также учесть вывод И. П. Лазаретова о существо-

вании особого локального варианта тагарской культуры на северо-западе Хакасско-Минусинских котловин, отличающегося от центральных и южных районов, то предположение о длительном воспроизведении раннетагарских форм бронзовых изделий в этом окраинном регионе вплоть до времени широкого распространения стеклянных бусин кажется вполне вероятным. К сожалению, описания типов бусин в тексте не приведены, а на рисунке они плохо различимы. Но какими бы они ни оказались, желательно как можно скорее провести химический анализ бусин для привязки их к месту производства и, если окажется возможным, определения времени изготовления, которое косвенно поможет уточнить и абсолютную датировку курганов могильника Сектах.

Боковенко, 2010 — Боковенко Н. А. Начало тагарской культуры // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Редкол. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 99–103.

Завитухина, 1983 — Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Кузьмин, 2018 — Кузьмин Н. Ю. Исследования памятников эпохи поздней бронзы на юге Хакасии. СПб.: Компьютербург, 2018. 116 с.

Кузьмин, 2020 — Кузьмин Н. Ю. О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // *Camera praehistorica*. 2020. № 2. С. 101–121.

Лазаретов, 2007 — Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // АВ. 2007. № 14. С. 93–105.

Лазаретов, Поляков, 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов

эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.

Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи. СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.

Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Henderson et al., 2018 — *Henderson J., An J., Ma H.* The archaeometry and archaeology of ancient Chinese glass: a review // *Archaeometry*. 2018. 60, 1. P. 88–104.

Kuzmin, 1994 — *Kuzmin N. Y.* Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia* / Eds. A. G. Kozintsev, V. M. Masson. Saint Petersburg: IHMK RAS, 1994 (*Archaeological studies; Is. 16*). P. 44–47.

Comments to the article by I. P. Lazaretov

“Cemetery of Sektakh and the problem of the animal style in the Tagar culture”

N. Yu. Kuz'min (†)²

Keywords: Minusinsk hollow, Tagar culture, Karasuk culture, Zoomorphic representations on items of grave inventory.

In the brief comments the author discusses some statements by I. P. Lazaretov in the article “Cemetery of Sektakh and the problem of the animal style in the Tagar culture” (pp. 312–327) and proposes his counter pleas.

² Nikolay Yu. Kuz'min — Independent Researcher. 58A Reinickendorfer Straße, Berlin, 13347, Deutschland.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Э. Б. Вадецкая и Г. А. Максименков.

Научное наследие исследователей и археологические коллекции Красноярского музея

Н. П. Макаров¹

Аннотация. Представлено научное наследие Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова с учетом содружества с Красноярским музеем. Отражены малоизвестные материалы, дополняющие устоявшиеся взгляды по андроновской, окуневской, карасукской и тагарской культурам. Особое внимание уделено Красноярскому археологическому району. Новые материалы подтверждают мнение Г. А. Максименкова об отличии в культурном развитии лесостепных районов и Минусинской котловины, свидетельствуют о местном бронзолитейном производстве кельтов красноярско-ангарского типа.

Ключевые слова: археология, Енисей, Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая, неолит, железный век, Красноярский музей.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-332-339

Вот уже три столетия, начиная с первых экспедиций Петербургской академии наук, активно изучается древнейшее прошлое Приенисейского края. Участники экспедиций Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и других ученых не только проезжали через Красноярск, но и провели в нем не один месяц, собирая и обрабатывая экспедиционные материалы. В XIX — начале XX в. многие исследователи древностей Енисея были представителями Академии наук и выпускниками Санкт-Петербургского университета. Среди них — первые консерваторы Красноярского музея П. С. Проскуряков и А. С. Еленев. Выпускниками Санкт-Петербургского археологического института были видные деятели Красноярского подотдела Русского географического общества В. И. Анучин, А. А. Савельев, И. Н. Крафт. Последний, будучи губернатором Енисейской губернии, содействовал постоянным культурным и научным связям столицы и Красноярска. Однако основную связь сибирской науки с центром осуществлял автор многих археологических

открытий на Енисее, директор Красноярской учительской семинарии, а впоследствии Минусинского музея и сотрудник Музея антропологии и этнографии И. Т. Савенков. Преемниками исследователя на Афонтовой горе в Красноярске стали Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и В. И. Громов, которые являлись в разные годы как сотрудниками Красноярского музея, так и учреждений Ленинграда. В 1920-е гг. сложилось многолетнее сотрудничество музейных работников с С. А. Теплоуховым, скрепленное совместными раскопками уникального могильника Часовенной горы (Вдовин, Макаров, 2012. С. 81–86).

Послевоенный период XX в. в археологическом изучении Сибири связан с организациями крупнейших новостроечных экспедиций, в том числе в зоне будущего водохранилища Красноярской ГЭС и строительства объектов КАТЭК. Именно в этих экспедициях сотрудниками ЛОИА АН СССР, в том числе Г. А. Максименковым и Э. Б. Вадецкой, были сделаны многие выдающиеся открытия. В разные годы в составе этих экспедиций работали и археологи Красноярского музея: Р. В. Николаев, Н. В. Нащокин и Н. П. Макаров (Макаров, Вдовин, 2018. С. 121–130).

¹ Отдел археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей; ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия; e-mail: mnp@kkkm.ru.

Г. А. Максименков одним из первых обратил пристальное внимание на археологические памятники Красноярского района. При этом исследователь не ограничился изучением накопленных музейных коллекций, а организовал повторные стационарные раскопки многослойной стоянки Усть-Собакино. Важным является наблюдение автора раскопок о смещении даже в нижнем культурном слое неолитической и позднесредневековой керамики эпохи русской колонизации. Последовал логичный вывод Г. А. Максименкова, что только путем сравнительного изучения можно типологически выделить комплексы, относящиеся к разным историческим эпохам (Максименков, 1966. С. 77–83). Другими словами, эталонность стоянки Усть-Собакино как многослойного опорного памятника (Карцов, 1929. С. 8) справедливо была поставлена Г. А. Максименковым под сомнение. В то же время был сделан вывод, что стоянка заселялась с эпохи неолита до средневековья и русского времени не менее семи раз. К неолиту и энеолиту был отнесен комплекс каменных наконечников стрел, концевых скребков, ножей, а также керамика. Один из венчиков с так называемым карнизом с наружной стороны, украшенный мелкозубчатым штампом, был сопоставлен им, вслед за А. П. Окладниковым, с керамикой китойской культуры позднего неолита (Максименков, 1966. С. 80, рис. 2–2). Заметим при этом, что и полвека спустя после работ Г. А. Максименкова в Красноярской лесостепи так и не удалось найти китойских погребений. Да и в Прибайкалье, несмотря на уже значительное количество раскопанных китойских захоронений, в них найдено всего лишь несколько сосудов с орнаментом в виде сетки-плетенки. Современными исследованиями убедительно доказана и большая древность самой китойской культуры, которую уже датируют ранним неолитом, 7000–6000 л. н. (Базалийский, 2005. С. 38).

Отмеченная Г. А. Максименковым керамика выделяется археологами как керамика посольского типа. Еще при работах Иркутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР данная керамика на стоянке Улан-Хада зафиксирована в раннеэнеолитическом слое Г2 и в вышележащем слое Г1 вместе с сетчатой керамикой (Грязнов, Максименков, 1992. С. 6). На сегодняшний день ареал ее распространения прослеживается от Прибайкалья и Забайкалья до Северного Приангарья и Красноярско-Канской лесостепи. В Красноярской лесостепи и Северном Приангарье она обнаружена нами на стоянках пещера Еленева,

Няша, Усть-Карабула, Толстый Мыс (рис. 1). При этом на опорном хорошо стратифицированном памятнике пещера Еленева она имеет даты по ^{14}C — 6630 ± 60 л. н. и 6900 ± 115 л. н. Верхняя граница существования посольской керамики определяется датами из другого многослойного памятника Красноярского района. На стоянке Няша горизонты с посольской керамикой датированы 5445 ± 75 л. н. и 4080 ± 60 л. н. (Макаров, 2012. С. 67–72).

Г. А. Максименков в материалах своих раскопок со стоянки Усть-Собакино выделяет еще несколько сосудов неолита–энеолита со сплошной орнаментацией отпечатками штампов. На наш взгляд, более приемлема их неолитическая датировка. Прямые аналогии им мы находим в материалах многослойного памятника Мостовое, также расположенного в окрестностях Красноярска (Макаров и др., 2007. С. 77–80). В культурном горизонте 3, отделенном стерильными прослойками от подстилающих и перекрывающих горизонтов, зафиксировано четыре сосуда с орнаментацией различными вариантами отпечатков зубчатого штампа (рис. 2). В результате радиоуглеродного датирования в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозой Института геологии и минералогии СО РАН возраст горизонта 3 определен 6620 ± 120 лет (по кости) и 6010 ± 145 лет (по углю).

Таким образом, выразительные археологические коллекции, полученные современными исследователями, подтверждают мнение А. П. Окладникова (Окладников, 1957. С. 26–55) и Г. А. Максименкова о тесных культурных связях в неолите Енисея и Нижней Ангары (Максименков, 1964. С. 147–155). В то же время классических исаковских, серовских, китойских и глазковских захоронений в Красноярской лесостепи до сих пор так и не обнаружено. Можно лишь говорить о предложенной на поселенческих материалах хронологической схеме неолита Енисея. Ранний неолит отнесен к V тыс. до н. э., развитый неолит — к IV тыс. до н. э., поздний неолит — к рубежу IV—середина III тыс. до н. э., ранний бронзовый век — ко второй половине III — концу II тыс. до н. э. (Макаров, 2005. С. 148–162). При этом предложенные к выделению на поселенческих материалах группой иркутских и кемеровских археологов еленевская и казачинская неолитические культуры, на наш взгляд, нуждаются еще в дополнительном обосновании (Бобров и др., 2016. С. 328–338). Хотя нельзя не согласиться с этими авторами, считающими, вслед за Г. А. Максименковым, что древние культуры Канской лесостепи во многом

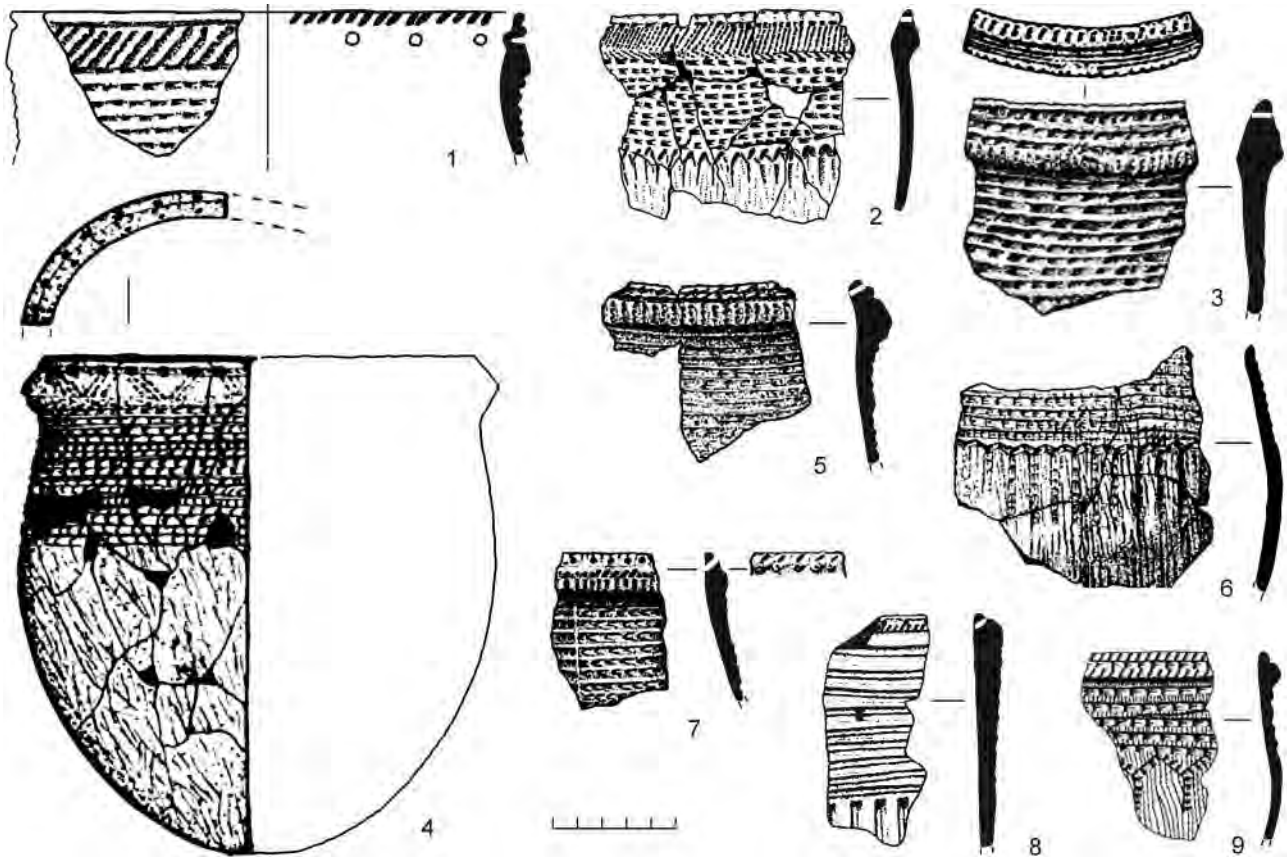

Рис. 1. Керамика посольского типа: 1 — Усть-Собакино (по Г. А. Максименкову); 2, 4 — Няша; 3 — Толстый мыс; 5, 6 — пещера Еленева; 7 — Проспихинская шивера; 8, 9 — Усть-Карабула

Fig. 1. Pottery of the Posolsk type: 1 — Ust-Sobakino (after G. A. Maksimenkov); 2, 4 — Nyasha; 3 — Tolsty Mys 2; 5, 6 — Elenev Cave; 7 — Prospikhinskaya Shivera; 8, 9 — Ust-Karabula

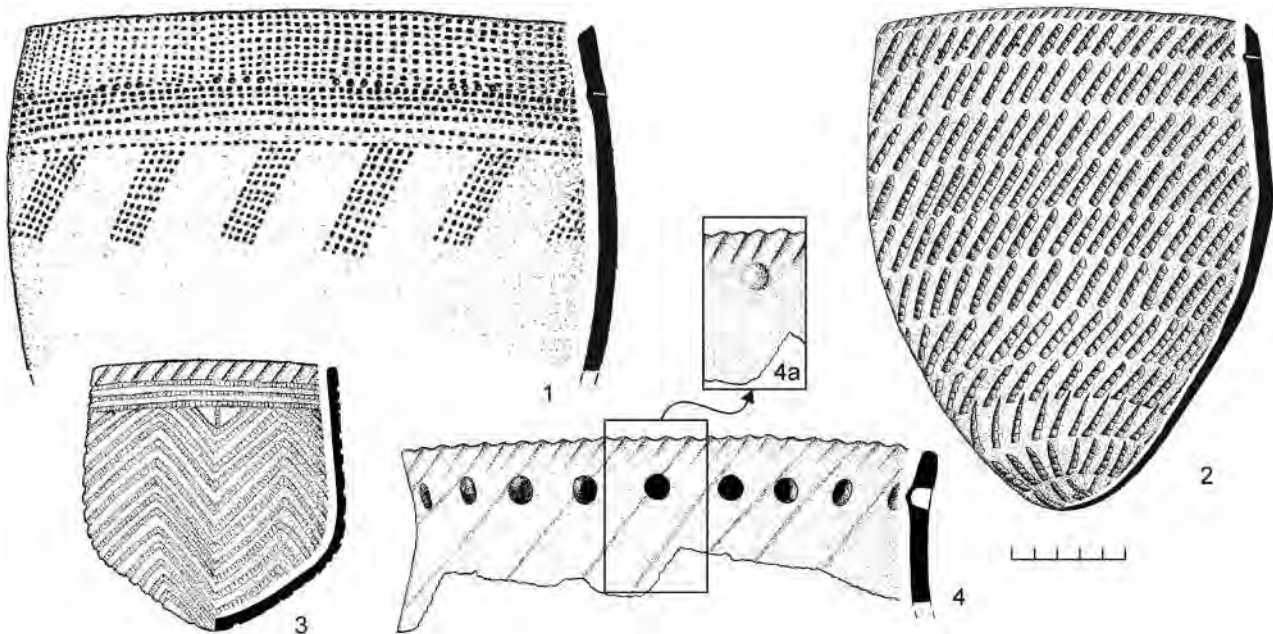

Рис. 2. Неолитическая керамика культурного слоя III стоянки Мостовое

Fig. 2. Neolithic pottery from cultural layer III at the site of Mostovoye

развивались параллельно культурам, распространенным в Красноярском районе (Тимошенко, 2014. С. 27–49).

Еще более значимый вклад экспедиции ЛОИА АН СССР сделали в изучение древностей собственно Минусинской котловины, в том числе под руководством Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой. В 1960–1980-е гг. в тесном контакте с ними работали Р. В. Николаев, Н. В. Нащокин и Н. П. Макаров. Итогом этого сотрудничества стали новые оригинальные материалы по древней истории Енисея от неолита до железного века и средневековья (Макаров, Вдовин, 2018. С. 121–130). Значительная часть этих материалов была учтена в обобщающих работах Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова. При этом в монографии по афанасьевской, окуневской, андроновской и таштыкской культурам вошли как новейшие материалы, добытые совместными раскопками ленинградских и красноярских археологов, так и коллекции, накопленные за столетие в фондах Красноярского музея. Однако весь объем имеющейся на тот момент информации не мог полностью отразиться в публикациях. Даже в фундаментальном своде по археологическим памятникам степей Среднего Енисея эти материалы представлены чрезвычайно лаконично (Вадецкая, 1986. С. 48). В монографию Г. А. Максименкова по андроновской культуре вошли результаты работ Н. В. Нащокина на могильнике Соленоозерная лишь за два года вместо пяти (1964–1969) (Максименков, 1978. С. 15–17). В сводной таблице рисунков сосудов могильника за рамками оказались такие важные детали, как орнаментация, например, дна со знаком свастики (рис. 3, 2). Сегодня эти материалы нуждаются в дополнительном изучении еще и потому, что наряду с типичными артефактами андроновской культуры в могильнике зафиксированы окуневские каменные изваяния и плиты перекрытий с антропоморфными окуневскими личинами. При этом в рисунках Э. Б. Вадецкой и Н. В. Нащокина заметны отчетливые различия (рис. 4).

Безусловно, выделение Г. А. Максименковым окуневской культуры является выдающимся результатом его научной деятельности (Максименков, 1965. С. 168–174). По одной из версий исследователя происхождение данной культуры могло быть связано с энеолитическими племенами. Но эта гипотеза за несколько десятилетий так и не подтвердилась новыми материалами. Более того, погребения Афонтовой горы нами отнесены уже не к энеолиту, а к более раннему,

неолитическому, времени (Вдовин, Макаров, 2016. С. 339–348; Савенкова, Макаров, 2018. С. 158–162). Материалов собственно окуневской культуры в окрестностях Красноярска так и не зафиксировано. Найденное на стоянке Боровое 2 погребение раннего бронзового века не имело ни курганной насыпи, ни ограды, ни каменного ящика, характерных для окуневцев. Лишь по плоскодонной керамике баночной формы, орнаментированной по всей внешней поверхности, включая дно, на стоянке Боровое 2 можно говорить о некотором влиянии окуневской культуры.

Для изучения бронзового и раннего железного веков Красноярской лесостепи знаковой стала еще одна статья Г. А. Максименкова, с обобщением новых на тот момент данных обозначенных эпох (Максименков, 1961. С. 301–315). В ней автор критически подошел к выводам археологов музея Г. К. Мергарта и В. Г. Карцова об отставании в развитии древних культур. В результате анализа накопленных материалов Г. А. Максименков пришел к выводу, что в лесостепной полосе современного Красноярского края никакого отставания нет и что здесь издавна развивались культуры, отличные от культур Минусинской котловины. Рассмотренные Г. А. Максименковым особенности карасукского погребения в Ладейках более чем полвека спустя подтверждаются современными исследованиями. Погребения на стоянках Усть-Мана, Дрокино, Подъемная, при наличии бронзовых карасукоидных изделий, также не имеют характерных для Минусинской котловины курганных насыпей, каменных ящиков и оград (Makarov, Batasehev, 2004. P. 235–248).

Точные наблюдения сделаны Г. А. Максименковым по раннему железному веку Красноярско-Канской лесостепи. В основу анализа были взяты музейные коллекции бронзовых изделий, происходящие из данного района. Значительный массив источников, включающий до 450 выразительных артефактов, позволил исследователю выделить особенности тагарских кинжалов, ножей, шильев, керамики, а также конструкции оград курганов.

К особой категории были отнесены кельты красноярско-ангарских типов, отличающиеся от минусинских. Их детальный анализ был дан в специальной статье исследователя. Было выделено до восьми форм этих изделий и предложена схема развития топоров с геометрическим орнаментом (Максименков, 1960. С. 148–162).

Автору этих строк посчастливилось принять участие в собирании и изучении уникального

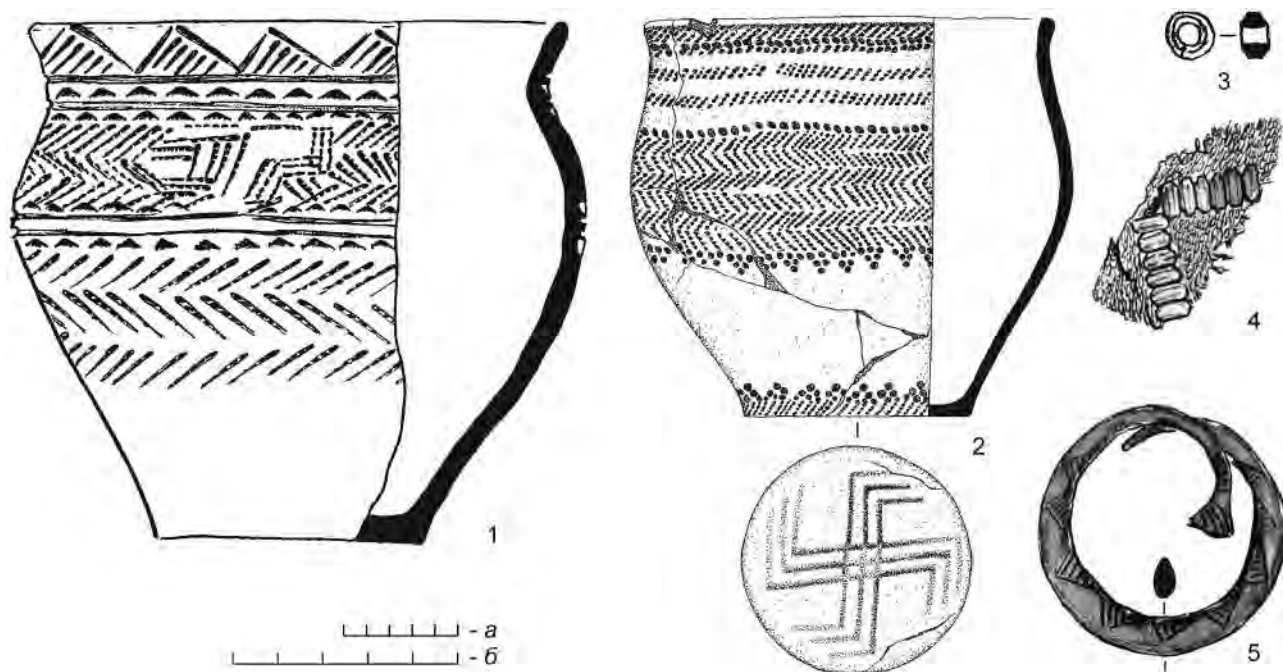

Рис. 3. Соленоозерная I, могила 4 (раскопки Н. В. Нащокина, 1964 г.). Инвентарь: 1, 2 — керамика; 3, 5 — бронза; 4 — шерстяная ткань. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3-5

Fig. 3. Solenoozernaya I, grave 4 (excavations by N. V. Nashchokin, 1964). Funerary offerings: 1, 2 — pottery; 3, 5 — bronze; 4 — woollen textile. Scale: a — for 1, 2; b — for 3-5

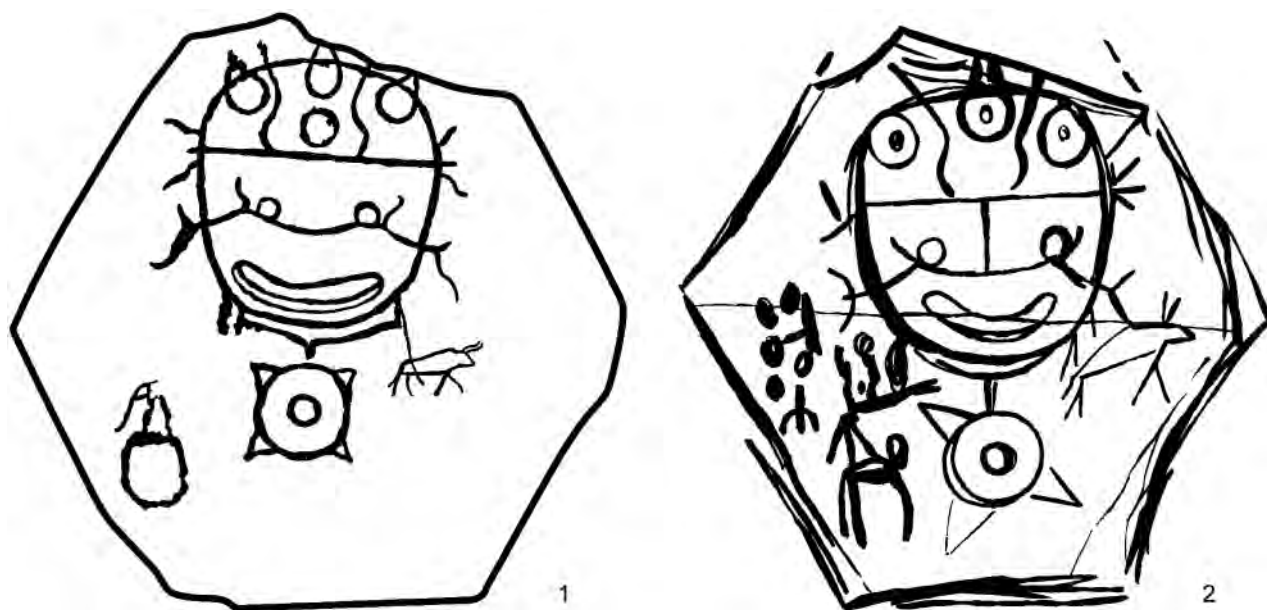

Рис. 4. Соленоозерная I, могила 28 (раскопки Н. В. Нащокина, 1965 г.). Плита перекрытия андроновской могилы: 1 — по Э. Б. Вадецкой; 2 — по Н. В. Нащокину

Fig. 4. Solenoozernaya I, grave 28 (excavations by N. V. Nashchokin, 1965). Covering plate of the Andronovo at the cemetery: 1 — after E. B. Vadetskaya; 2 — after N. V. Nashchokin

Новопятницкого клада, происходящего из Канско-Рыбинской котловины. В его составе 24 бронзовых предмета, в том числе два кинжала, три чекана, а также девять ножей и 10 кельтов.

Прочитанный в стенах ЛОИА АН СССР доклад о Новопятницком кладе вызвал оживленную дискуссию. Предложенная мною датировка раннетагарским временем встретила возражения Э. Б. Вадецкой, так как наряду с полноразмерными чеканами и кинжалами ею были отмечены и несколько ножей уменьшенных размеров. В то же время коллегами была высказана и другая точка зрения о датировке клада — позднекарасукским временем. Не вдаваясь в рамках данной статьи в детали дискуссии о датировке Новопятницкого клада, отметим лишь, что все 10 кельтов относятся к красноярско-ангарскому типу и отлиты по меньшей мере в четырех разных формах (Макаров, 2010. С. 196–198). Соответственно их можно считать одновременными, что вносит определенные коррективы и в типологию кельтов, предложенную Г. А. Максименковым. Общая датировка клада определена нами VII в. до н. э. (Макаров, 2014. С. 437–454).

Возникающий вопрос о существовании местных металлургических центров бронзолитейного производства в лесостепных и таежных районах Красноярского края подкрепляется еще одной недавней находкой. Сотрудником Красноярского краевого краеведческого музея С. М. Фокиным в одной из коллекций, собранных краеведами в Богучанском районе Нижней Ангары, зафиксирован уникальный случай находки бронзового топора красноярско-ангарского типа внутри бронзовой же литейной формы (рис. 5)².

Еще одна грань сотрудничества красноярских археологов с Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименковым связана, в конечном итоге, с передачей ряда коллекций раскопанных ими памятников в фонды Красноярского музея. Неслучайно, когда встал вопрос о построении новой археологической экспозиции, в основу разделов афанасьевской и окуневской культур были положены оригинальные материалы могильника Красный Яр из раскопок Э. Б. Вадецкой.

Отдельно следует отметить научно-популярный стиль изложения ряда книг Э. Б. Вадецкой. Особенно ее литературный талант проявился в книгах, посвященных окуневским изваяниям, таштыкским маскам и другим археологическим

² Приношу огромную благодарность С. М. Фокину за разрешение к публикации данных артефактов.

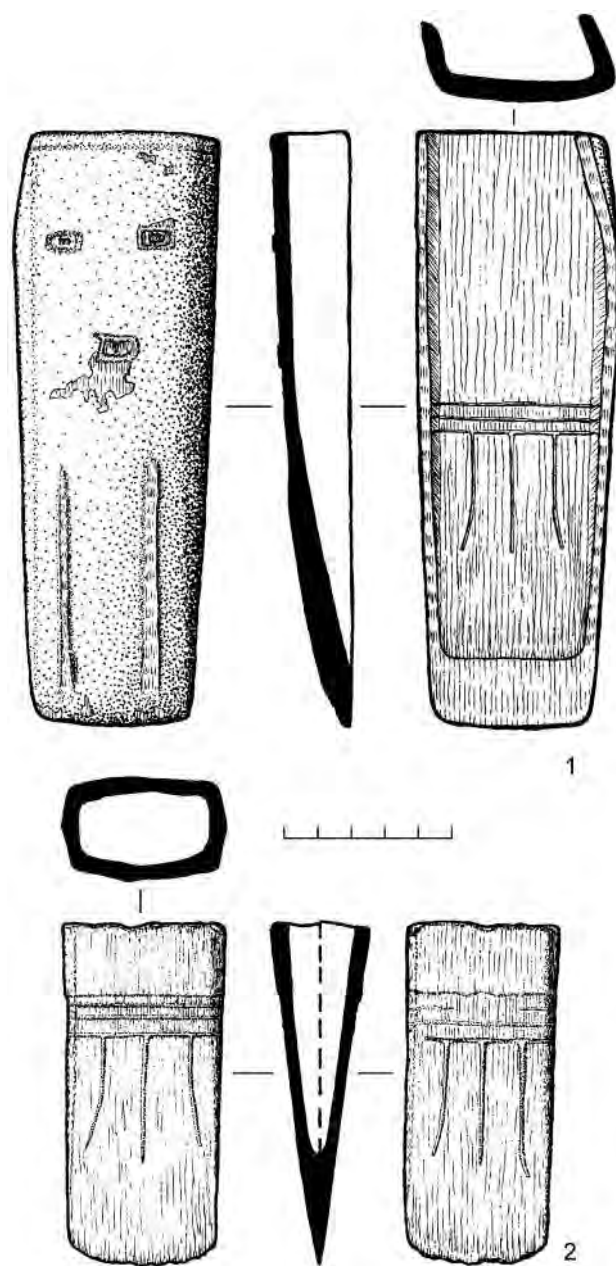

Рис. 5. Литейная форма (1) и вложенный в нее кельт (2). Ангара. Богучанский район. 1, 2 — Бронза.

Рисунок С. М. Фокина

Fig. 5. Casting mould (1) with an inserted celt (2). Angara. Boguchansk region. 1, 2 — Bronze.

Drawing by S. M. Fokin

загадкам (Вадецкая, 1967; 1981; 2009). Эти книги стали настольными для сотрудников Красноярского музея в деле популяризации достижений древних культур Енисея. Они пользуются неизменным успехом и, наряду с коллекциями в экспозиции музея, являются лучшей данью памяти этим выдающимся исследователям.

- Базалийский*, 2005 — *Базалийский В. И.* К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита-неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии: Сб. тр. конф. / Отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2005. С. 35–42.
- Бобров и др.*, 2016 — *Бобров В. В., Савельев Н. А., Тимошенко А. А.* О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // *Esse quam videri: к 80-летию Г. И. Медведева* / Отв. ред. И. М. Бердников, Е. А. Липнина. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2016. С. 328–338.
- Вадецкая*, 1967 — *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 78 с.
- Вадецкая*, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981. 112 с.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с.
- Вадецкая*, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. Красноярск; СПб.: Версо, 2009. 188 с.
- Вдовин, Макаров*, 2012 — *Вдовин А. С., Макаров Н. П.* К истории научных связей Петербурга и Красноярска // *Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова*. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 81–86.
- Вдовин, Макаров*, 2016 — *Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Афонтова гора. Материалы эпохи неолита и ранней бронзы // *Esse quam videri: к 80-летию Г. И. Медведева* / Отв. ред. И. М. Бердников, Е. А. Липнина. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2016. С. 339–348.
- Грязнов, Максименков*, 1992 — *Грязнов М. П., Максименков Г. А.* Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // *Древности Байкала: Сб. науч. тр.* / Отв. ред. В. М. Массон. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. С. 5–13.
- Карцов*, 1929 — *Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск: б. и., 1929. 62 с.
- Макаров*, 2005 — *Макаров Н. П.* Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // *Известия Лаборатории древних технологий*. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2005. № 1 (3). С. 149–171.
- Макаров*, 2010 — *Макаров Н. П.* К вопросу о культурной принадлежности, территории распространения и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф.* Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 196–198.
- Макаров*, 2012 — *Макаров Н. П.* Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.)*. Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 67–72.
- Макаров*, 2014 — *Макаров Н. П.* Ранний железный век Средней Сибири // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы*. Казань: Отечество, 2014 (Археология евразийских степей; Вып. 20). С. 437–454.
- Макаров, Вдовин*, 2018 — *Макаров Н. П., Вдовин А. С.* Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2018. 208 с.
- Макаров и др.*, 2007 — *Макаров Н. П., Баташев М. С., Грачев И. А., Паульс Е. Д., Тарасов А. Ю., Фокин С. М.* Исследования стоянки Мостовое // *Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования: Сб. науч. тр.* / Под ред. А. В. Харинского. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2007. С. 77–80.
- Максименков*, 1960 — *Максименков Г. А.* Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // *СА*. 1960. № 1. С. 148–162.
- Максименков*, 1961 — *Максименков Г. А.* Новые данные по археологии района Красноярска // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март, 1960)* / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 301–315.
- Максименков*, 1964 — *Максименков Г. А.* Неолит Енисея // *Материалы по древней истории Сибири (макет I тома «Истории Сибири»)* / Ред. А. П. Окладников. Улан-Удэ: б. и., 1964. С. 147–155.
- Максименков*, 1965 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура в Южной Сибири // *Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения*. М.: АН СССР, 1965 (МИА; № 130). С. 168–174.

- Максименков, 1966* — Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярск // Сибирский археологический сб. / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, СО, 1966 (Материалы по истории Сибири; Вып. 2: Древняя Сибирь). С. 77–83.
- Максименков, 1978* — Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.
- Окладников, 1957* — Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26–55.
- Савенкова, Макаров, 2018* — Савенкова Т. М., Макаров Н. П. Антропология и археология погребений неолита и ранней бронзы Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX междунар. науч. конф. / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2018. Т. 1. С. 158–162.
- Тимошенко, 2014* — Тимошенко А. А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2014. Т. 10. С. 27–49.
- Makarov, Batasehev, 2004* — Makarov N. P., Batasehev M. S. Cultural origins of the middle Yenisei // Languages and Prehistory of Central Siberia / Ed. E. J. Vajda. Bellingham: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 235–248.

E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. The scientific heritage of the researchers and archaeological collections of the Krasnoyarsk Museum

N. P. Makarov³

Keywords: archaeology, Yenisey, G. A. Maksimenkov, E. B. Vadetskaya, Neolithic, Iron Age, Krasnoyarsk Museum.

The problems of the Neolithic, Bronze Age and Iron Age of the Middle Yenisey are considered in the context of the scientific heritage of E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov. The cooperation of these researchers with the Krasnoyarsk Museum is examined.

The little known materials supplementing the features of the Okunev and Andronovo cultures of the Minusinsk Hollow are presented (Figs. 3; 4).

The contribution of G. A. Maksimenkov in the studies of antiquities of the Krasnoyarsk-Kanskaya forest-steppe is analysed. The new materials substantially supplement the notions of the researcher concerned with the Neolithic epoch. A new group of pottery of the Posolsk type is distinguished. The radiocarbon dates define the chronological frames of its use to the period from 6900±115 BP to 4080±60 BP (Fig. 1).

The opinion of G. A. Maksimenkov about a certain difference in the cultural development between the forest-steppe regions and the Minusinsk hollow in the Bronze Age and the Early Iron Age has been proved. New evidence indicates a local bronze casting production. This evidence includes celts of the Krasnoyarsk-Angara types in the Novopyatnitskoye hoard from the Kanskaya forest-steppe. A casting mould containing a celt was found in the Angara region (Fig. 5).

E. B. Vadetskaya submitted to the Krasnoyarsk Museum collections from the cemetery of Krasny Yar, which became the basis of the modern exposition related with the Afanasyevo and Okunev cultures.

³ Nikolay P. Makarov — Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore; 84 Dubrovinsky str., Krasnoyarsk, 660049, Russia; e-mail: mnp@kkkm.ru.

Работа С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в составе Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П. К. Козлова в 1924 г. Новые архивные материалы¹

Н. Ю. Смирнов²

Аннотация. В статье впервые приводится подробное описание пяти архивных документов, выявленных автором в архиве Российского этнографического музея, в фонде С. А. Теплоухова в 2020 г., — оригиналов полевых дневников С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фиксирующих процесс раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула (Монголия) осенью 1924 г. В качестве преамбулы, с опорой на опубликованные дневники П. К. Козлова, излагается краткая история исследования кургана № 24, осуществленного археологическим отрядом Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством советских археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки. Статья сопровождается фото и графическими иллюстрациями, дающими представление о сложности полевых работ и характере дневниковых записей. Приложения к статье содержит аннотированный список архивных документов, касающихся археологических работ советских исследователей в Монголии в 1924–1926 гг., выявленных в фонде С. А. Теплоухова и в сопутствующих фондах на настоящий момент.

Ключевые слова: архивные материалы, история археологических исследований, полевые дневники, Монголия, Монголо-Тибетская экспедиция Русского географического общества, Ноин-Ула, Г. И. Боровка, П. К. Козлов, С. А. Теплоухов.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-340-356

1924 г. ненадолго свел в одной экспедиции двух очень разных, но, безусловно, талантливых и ярких русских археологов первой четверти XX в. — Сергея Александровича Теплоухова (рис. 1) и Григория Иосифовича Боровку (рис. 2). Каждый из них в своей области археологии, несомненно, являлся к этому времени признанным авторитетом: сотрудник Этнографического отдела Русского музея Теплоухов — в археологии Южной Сибири, сотрудник Эллино-скифского отделения Эрмитажа и одновременно сотрудник ГАИМК Боровка — в области изучения скифского

искусства. Если бы им удалось прожить свои жизни полностью и воплотить все задуманное... Но советская действительность оказалась ужасающе жестока, и жизненные пути С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки трагически оборвались в предвоенное десятилетие государственного террора и в первые годы войны (Китова, 2007. С. 73–91; 2010; Панкратова, 2019).

История их сотрудничества с П. К. Козловым в рамках последней для великого русского путешественника Монголо-Тибетской экспедиции достаточно занимательна, отчасти случайна и неплохо освещена в литературе, что избавляет от необходимости рассматривать ее специально и дает возможность отослать заинтересованного читателя к соответствующим трудам (Андреев, Юсупова, 2001; Козлов, 2003; Юсупова, 2006. С. 32–42; 2010; 2011, 2016; Елихина, 2015; Медведева, Чулуун, 2017; История последней экспедиции..., 2018; Монголия в документах..., 2019. С. 52–53).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005.

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, лит. А, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kolaksais@yandex.ru.

Рис. 1. С. А. Теплоухов, 1923 г. Снимок Ф. Ф. Станчуса, фрагмент (© личное собрание Н. Ю. Смирнова)
Fig. 1. S. A. Teploukhov, 1923. Photo by F. F. Stanchus, fragment (© Personal collection of N. Yu. Smirnov)

Рис. 2. Г. И. Боровка, до 1930 г. Фрагмент (личное собрание проф. И. Цербст-Боровки; воспроизводится по: Панкратова, 2019. С. 145)
Fig. 2. G. I. Borovka, before 1930. Fragment (Personal collection of Prof. I. Zerbst-Boroffka; after Панкратова, 2019. С. 145)

Однако необходимо подчеркнуть уникальность сложившейся источниковедческой ситуации. К началу 20-х гг. XXI в., спустя почти столетие после начала раскопок П. К. Козлова, а затем С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в Ноин-Уле, были в той или иной мере опубликованы и проанализированы практически все доступные исследователям материальные свидетельства (музейные экспонаты³) и архивные источники, связанные с археологическими раскопками, организацией экспедиции и последующим осмыслением материалов. Начало этому было положено самими авторами открытий в горах Ноин-Ула. Причем если П. К. Козлов освещал свою часть археологических работ и открытия экспедиции в целом, в основном в прессе в формате научно-популярных очерков и статей⁴, а также в ходе публичных лекций,

³ Из коллекций находок, полученных при раскопках курганов в могильнике Ноин-Ула, опубликована только эрмитажная часть.

⁴ В этом смысле не является исключением и его статья в академическом сборнике «Краткие отчеты

которые пользовались большой популярностью, то С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка написали и опубликовали краткие, но емкие отчеты о раскопках и результаты предварительной культурно-исторической интерпретации материалов Ноин-Улы, во многом не устаревшие до настоящего времени (Теплоухов, 1925; Боровка, 1925).

Процесс исследования находок из Ноин-Улы, распределение их между музеями Монголии и СССР, подготовка их публикации и перипетии формирования музейной коллекции во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. были недавно исчерпывающим образом проанализированы Н. А. Сутягиной (Сутягина, 2020). Еще при жизни П. К. Козлова и до ареста и гибели С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки эстафета изучения и популяризации материалов Ноин-Улы перешла к другим отечественным и зарубежным исследователям, из которых необходимо упомянуть как минимум К. В. Тревер и У.-П. Йетса (Там же. С. 339–340).

экспедиции по исследованию Северной Монголии...», вышедшем в 1925 г. (Козлов, 1925).

В результате целого ряда институциональных изменений, споров о принадлежности и месте хранения российской части коллекции, длительных и сложных коллизий при передачах археологических материалов Ноин-Улы и полевой документации между Этнографическим отделом Русского музея, ГАИМК и Государственным Эрмитажем, формированием архивных коллекций РГО и музея-квартиры П. К. Козлова, связанных с историей Монголо-Тибетской экспедиции, произошло несколько важных событий: все вещи сосредоточились в фондах Эрмитажа⁵ (*Там же*. С. 337–338); отчеты о раскопках и определенное количество фотодокументов (полевых снимков) поступили в архив и фототеку РГО и ГАИМК (отчет о раскопках экспедиции П. К. Козлова, составленный С. А. Кондратьевым, ряд фотоснимков П. К. Козлова и его сотрудников; отчет о раскопках, проведенных С. А. Теплоуховым совместно с Г. И. Боровкой, негативы и отпечатки фотоснимков, сделанных Г. И. Боровкой в 1924–1926 гг.); значительное количество фотоснимков сохранилось после смерти П. К. Козлова в фондах его музея-квартиры, часть фотографий поступила в архивные фонды Монгольской академии наук (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 36; *Медведева, Чулуун, 2017*; *История последней экспедиции...*, 2018; *Сутягина, Эрдэнэ-Очир, 2021*; см. также статью М. В. Медведевой и Д. А. Кукиной в настоящем издании). Целый ряд оригинальных полевых материалов — дневники, чертежи или их черновики и фотоснимки — остался у С. А. Теплоухова, готовившего пространную версию отчета о совместных с Г. И. Боровкой работах на кургане № 24 и, возможно, более полную публикацию результатов раскопок (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 26–26об., 36). После ареста и гибели С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки оригиналы их полевых записей о раскопках кургана № 24 в Ноин-Уле (полевые дневники) пропали и считались утраченными для науки. Этот факт являлся труднопреодолимой преградой на пути к полной публикации материалов археологических исследований Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, хотя в разное время, с промежутками в 35–50 лет, отечественные исследователи обращались к ноин-улинским

древностям и с той или иной мерой полноты и пространности историко-культурного анализа вновь публиковали доступные вещественные памятники и архивные документы (*Руденко, 1962*; *Елихина, 2015; 2017*).

Экспедиционные дневники П. К. Козлова после его смерти были переданы его женой в архив РГО, где уже хранились отчетные материалы Монголо-Тибетской экспедиции, затем снова взяты Е. В. Козловой домой для подготовки к сокращенной публикации. После выхода упомянутой публикации дневники не были возвращены в архив РГО и долгое время хранились неопознанными среди бумаг в музее-квартире П. К. Козлова. Детективную историю их пропажи и счастливого обнаружения в предисловии к полному изданию дневников, вышедшему почти два десятилетия назад, изложили редакторы-составители тома — Т. И. Юсупова и А. И. Андреев (*Козлов, 2003*. С. 5–6). Особая ценность дневников П. К. Козлова для нас состоит не только в том, что он скрупулезно фиксировал все события, случавшиеся в экспедиции, и собственные мысли о делах и людях, но заносил в них достаточно много сведений о разговорах с С. А. Теплоуховым и Г. И. Боровкой об их жизни в лагере экспедиции, о работе на раскопе и даже наблюдения над характером прикомандированных из Ленинграда научных сотрудников (*Козлов, 2013*, см. указатель имен: Боровка, Теплоухов).

На всем этом богатом и красочном фоне разнообразных и доступных для изучения архивных материалов и источников на протяжении более чем 85 лет зияло отсутствие первичной полевой документации: полевых дневников С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фиксирующих проведение археологических раскопок кургана № 24 в горах Ноин-Ула. Обстоятельства коренным образом изменились в 2020 г., когда автору удалось выявить среди неверно атрибутированных документов фонда С. А. Теплоухова в архиве Российского этнографического музея те самые дневники, а также ряд отпечатков фотоснимков, которые считались утраченными (*Смирнов, 2021*; *Сутягина, Смирнов, 2021*).

Выявленные в фонде С. А. Теплоухова в архиве РЭМ дневники, отпечатки фотоснимков, черновые и перебеленные отдельные листы чертежей, а также прочие документы, касающиеся участия С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в Монголо-Тибетской экспедиции, перечни и передаточные описи коллекционных материалов Ноин-Улы,

⁵ Естественно, за исключением той части, которая по договору была передана монгольской стороне, а также вещей из раскопок А. Я. Баллода (*Сутягина, Эрдэнэ-Очир, 2021*).

переписка С. А. Теплоухова и ряда других лиц (сотрудников АН СССР, ГАИМК, Государственного Эрмитажа, Этнографического отдела Русского музея и пр.) по вопросам хранения, передачи и реставрации археологических материалов составляют довольно внушительный комплекс архивных документов (см. приложение), который заслуживает специального всестороннего анализа, направленного на выявление и описание как уникальных документов, так и копий или дублетов документов и фотоматериалов, имеющих в других архивных собраниях (НА ИИМК РАН, архивы РГО, Государственного Эрмитажа, Монгольской академии наук), что выходит за рамки настоящей статьи.

Перед тем как охарактеризовать пять архивных документов — оригиналы полевых дневников С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фиксирующих раскопки кургана № 24 в горах Ноин-Ула осенью 1924 г., кратко изложу канву экспедиционных событий этого периода, пользуясь тем, что П. К. Козлов скрупулезно описал в своих дневниках подробности приезда ленинградских археологов и обстоятельства их работы.

С. А. Теплоухов прибыл в Ургу вместе с другими специалистами, командированными АН СССР, 19 сентября 1924 г. Он и Г. И. Боровка рассчитывали задержаться в Монголии ненадолго, надеясь уехать не позднее октября (Козлов, 2003. С. 310–311). 24 сентября С. А. Теплоухов впервые оказался в Ноин-Уле и осматривал раскапываемые экспедицией П. К. Козлова курганы (Там же. С. 315–317; История последней экспедиции..., 2018. Фото на с. 95–97). Г. И. Боровка прибыл к месту работ экспедиции позднее, 28 сентября, так как оставался «выручать экспедиционные вещи на таможне» (Козлов, 2003. С. 310, 320; см. также статью М. В. Медведевой и Д. А. Кукиной в настоящем издании, с. 360).

Дни с 29 сентября по 5 октября ушли на выяснение рабочих вопросов, связанных с организацией нового отряда экспедиции — археологического: согласование размера финансирования, выделяемого из фонда Монголо-Тибетской экспедиции, выбор места и объекта работ, наем китайских рабочих, и пр. (Козлов, 2003. С. 321–325). В это время С. А. Теплоухов неоднократно выезжал с П. К. Козловым и его спутниками на места раскопок, много фотографировал. В том числе по желанию П. К. Козлова (Там же. С. 318, 319, 322) он сделал ряд фотографических снимков

последнего на белом иноходце на фоне одного из курганов в пади Гуджиртэ⁶ (рис. 3).

К этому же времени, скорее всего, относятся недатированные записи, сделанные в полевом дневнике С. А. Теплоухова, предшествующие началу описания процесса раскопок (рис. 4, 1). В них он отмечал, что «все три группы могильников принадлежат одной культуре», а также то, что современный ландшафт (склоны гор, поросшие смешанным, преимущественно сосновым и лиственничным, лесом, присутствующим также на склонах глубоких грабительских ям) явно отличается от ландшафта того времени, когда сооружались эти курганы (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 2).

6 октября днем отряд С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки выехал к месту работ (Козлов, 2003. С. 326). Видимо, уже 7 октября⁷ были начаты работы на кургане № 24 в пади Суцзуктэ, о чем свидетельствует дата на первых листах дневника С. А. Теплоухова («Тетрадь № 1»; АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 4) (рис. 4, 2). Вероятно, к первому же дню работ⁸ на кургане относится снимок, запечатлевший группу китайских рабочих и двух руководителей отряда на очищенной от снега поверхности кургана, где С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка стоят на склоне грабительской воронки (рис. 5). На этом снимке хорошо видны суровые погодные условия, в которых был вынужден работать археологический отряд Монголо-Тибетской экспедиции в октябре 1924 г. в горах Ноин-Ула.

⁶ Одну из фотографий этой серии опубликовала Т. И. Юсупова, обнаружившая ее в архиве Музея П. К. Козлова (Юсупова, 2011. Рис. 1.30).

⁷ В источниках имеются некоторые расхождения в датах начала работ на кургане № 24. Так, в кратком отчете о раскопках кургана № 24 С. А. Теплоухов указывает 6 октября как дату начала работ (Теплоухов, 1925. С. 14), в дневнике же П. К. Козлова 6 октября отмечено, что «наша археологическая группа выехала около 3 часов дня...» из Урги к месту раскопок (Козлов, 2003. С. 326). В полевом дневнике Г. И. Боровки («Г. И. Боровка. Тетрадь № 1») начало работ на кургане вообще помечено 8 октября (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 1).

⁸ В полевом дневнике Г. И. Боровки упоминаются несколько фотографий, сделанных, видимо, на его фотоаппарат 8 октября, в день начала работ (по его дате). По описанию хорошо опознается, вероятно, самая первая фотография памятника и его исследователей, сделанная еще на заснеженном кургане (см. статью М. В. Медведевой и Д. А. Кукиной в настоящем издании: С. 361, рис. 2).

Рис. 3. П. К. Козлов на белом иноходце в пади Гуджиртэ на фоне одного из курганов. 27 сентября 1924 г. Снимок С. А. Теплоухова (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 76)

Fig. 3. P. K. Kozlov on a white ambler in the Gudzhirte Valley against a background of one of the barrows. September 27, 1924. Photo by S. A. Teploukhov (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 147. Sh. 76)

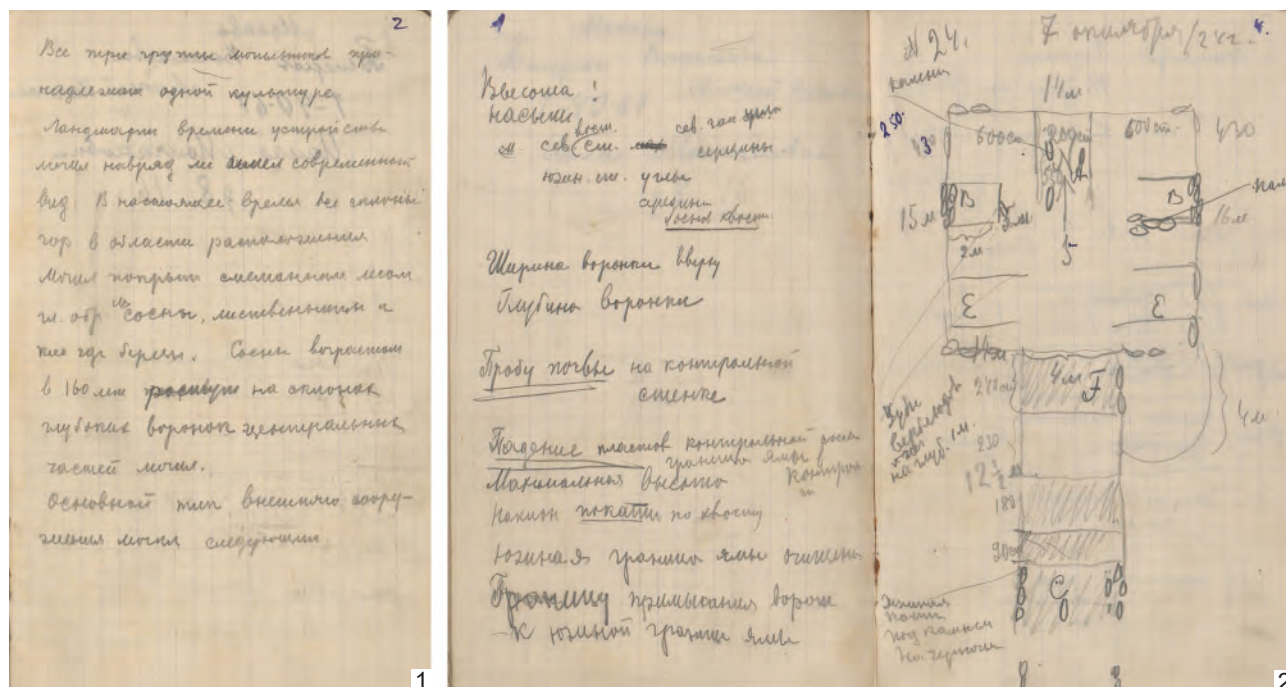

Рис. 4. Полевой дневник С. А. Теплоухова («Тетрадь № 1»): 1 — страница с записями о современном облике могильников в Ноин-Уле (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 2); 2 — первые страницы с записями о процессе раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула (© Там же. Л. 3об.-4)

Fig. 4. S. A. Teploukhov's field diary ("Notebook No. 1"): 1 — a page with records on the modern appearance of the cemeteries in Noin-Ula (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 58. Sh. 2); 2 — first pages with notes made in the process of excavation of barrow No. 24 at the cemetery of Noin-Ula (© Ibid. Sh. 3rev.-4)

Рис. 5. Г. И. Боровка и С. А. Теплоухов с группой китайских рабочих в первый день раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула, 7 октября 1924 г. Снимок С. А. Теплоухова (?) (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 65)

Fig. 5. G. I. Borovka and S. A. Teploukhov with a group of Chinese workers in the first day of excavation of barrow No. 24 at the burial ground of Noin-Ula, October 7, 1924. Photo by S. A. Teploukhov (?) (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 147. Sh. 65)

Простудившись в снежную бурю, С. А. Теплоухов занемог, и с 12 октября интенсивно идущие работы на кургане возглавил Г. И. Боровка, хотя сам Сергей Александрович явно наведывался на раскоп и показывал его заехавшим гостям (Козлов, 2003. С. 331, 336–337). Этим фактом объясняется наличие двух параллельных дневниковых фиксаций процесса раскопок, частично дублирующих друг друга, частично дополняющих, принадлежащих, соответственно, С. А. Теплоухову и Г. И. Боровке. 20 октября больному С. А. Теплоухову даже пришлось уехать из лагеря экспедиции почти на неделю в Ургу, вместе с П. К. Козловым, навещавшим отряд, чтобы показаться врачу. Обрато он вернулся также вместе с П. К. Козловым только 26 октября. Все это время раскопками кургана № 24 руководил Г. И. Боровка. За время вынужденного пребывания в Урге руководителем отряда решался трудный вопрос — прерывать ли начатое исследование кургана до следующего года ввиду ухудшения погоды, наступления сильных холодов и трудности работы на памятнике? Однако все эти тяжелые размышления в итоге по возвращении в Суцзуктэ свелись к тому, что работы решено было продолжать, по крайней мере, «до предела возможности» (Там же. С. 336–342).

27 октября, оценив трудности, ход и перспективы работ на кургане и условившись работать до конца, руководители отряда и глава экспедиции делают примечательный фотоснимок на память — на первой террасе, в северо-западном углу раскопа (Там же. С. 342). Возможно, к этому же времени или к более раннему периоду относится схожий по описанию снимок, к сожалению, не очень четкий, на котором на раскопе сфотографирована группа участников экспедиции, среди которых предположительно опознаются С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка, С. А. Кондратьев в сопровождении рабочих (рис. 6).

Уже 31 октября⁹ П. К. Козлов получил телефонограмму от С. А. Теплоухова о том, что они вышли на «внешнюю кровлю погребального помещения». Стало ясно, что раскопки кургана будут окончены в 1924 г. (Там же. С. 345). А 2 ноября¹⁰ раскопки были завершены: было расчищено

⁹ Судя по дате записи и рисунка в дневнике Г. И. Боровки, на уровень пробитого грабительским лазом перекрытия сруба археологи вышли еще 29 октября (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 7об.; см. рис. 9, 2).

¹⁰ С. А. Теплоухов пишет, что раскопки завершились 6 ноября (Теплоухов, 1925. С. 14). Вероятно,

Рис. 6. Визит сотрудников Монголо-Тибетской экспедиции на раскопки кургана № 24 могильника Ноин-Ула, октябрь 1924 г. Снимок С. А. Теплоухова (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 77)

Fig. 6. Visit by employees of the Mongolian-Tibetan expedition to the excavation of barrow No. 24 at the cemetery of Noin-Ula on October, 1924. Photo by S. A. Teploukhov (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 147. Sh. 77)

само погребение, вернее его остатки — то, что не захватили грабители (*Там же.* С. 347).

14 ноября в Ученном комитете в Урге С. А. Теплоухов прочел короткую лекцию о раскопках кургана № 24, там же в витрине были представлены основные находки (*Там же.* С. 359; Юсупова, 2011. Рис. 1.25). 17 ноября было подписано соглашение между Ученым комитетом Монголии и представителями Монголо-Тибетской экспедицией о дальнейшей судьбе находок из Ноин-Улы (о разделе находок между СССР и Монголией), а вечером того же дня состоялась лекция С. А. Теплоухова в Народном доме, которая в большей степени имела просветительский характер и была посвящена обзору археологии как науки, хотя и находкам из Ноин-Улы было уделено немало внимания (*Козлов, 2003.* С. 363–364).

18 ноября в последний раз П. К. Козлов принял у себя в Урге С. А. Теплоухова и Г. И. Боровку, после чего отметил в дневнике, что гости горячо спорили между собой о предпочтительном месте хранения археологических находок экспедиции (*Там же.* С. 364).

последние несколько дней ушли на завершение работ в яме, упаковку находок и сборы.

Утром 19 ноября С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка выехали из Урги, направляясь через Верхнеудинск (современный Улан-Удэ) в Ленинград (*Там же.* С. 365).

Благодаря скрупулезности П. К. Козлова, его вниманию к деталям и склонности к описанию своей повседневности, мы имеем редкую возможность спустя почти 100 лет наблюдать довольно живую картину полнокровной жизни археологической экспедиции с ее бытом и заботами, радостью открытий и преодолением природных и человеческих трудностей. Редкая археологическая экспедиция даже нашего времени может похвастаться таким внимательным и наблюдательным летописцем.

Но вернемся к обнаруженным документам.

В архиве РЭМ, в фонде 3, озаглавленном «С. А. Теплоухов», хранятся пять полевых дневников археологического отряда Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова за 1924 г. Это дела 58, 60, 63, 64, 148.

При разборе и описании архива С. А. Теплоухова в 1960-е гг. все они были атрибутированы как документы, принадлежавшие лично С. А. Теплоухову, связанные с его раскопками в Сибири или Монголии и имеющие его авторство.

Архивную комиссию не смутил тот факт, что часть дневников написана другим почерком и в них упоминается имя С. А. Теплоухова, причем речь о нем идет в третьем лице.

Путем сопоставления обстоятельств раскопок, информации из дневников П. К. Козлова, содержания постэкспедиционной переписки между ГАИМК и Этнографическим отделом Русского музея, а также почерков, которыми написаны упомянутые выше документы, мне удалось установить второго автора, оставившего записи в двух из пяти дневников. Им оказался коллега С. А. Теплоухова и соруководитель археологического отряда Монголо-Тибетской экспедиции Г. И. Боровка. Наличие его дневников в фонде С. А. Теплоухова объясняется достаточно просто: Сергей Александрович во второй половине 1920-х гг. продолжал работать с материалами, полученными при раскопках кургана № 24 могильника Ноин-Ула и на время оставил у себя оригиналы дневников коллеги и некоторые чертежи (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 26–26об., 36). Арест Г. И. Боровки, случившийся на несколько лет ранее ареста самого С. А. Теплоухова, объективно помешал вернуть дневники автору. А после ареста и гибели Теплоухова в 1934 г. уже некому было передавать эти материалы в ГАИМК. К счастью, они сохранились в составе обширного фонда его архива, целиком¹¹ поступившего в Этнографический музей в 1937 г. (Смирнов, 2021).

1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58: «С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Бокулей и Кудара» [1924 г.] 17 л. [Тетрадь № 1. Раскопки кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула]¹² (рис. 4, 1)

Дело имеет ошибочное название. В реальности это полевой дневник С. А. Теплоухова с заметками о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Поступил вместе с бумагами С. А. Теплоухова в 1937 г. и относится к деятельности

¹¹ Вопрос о целостности архива С. А. Теплоухова, хранящегося в архивном фонде РЭМ, остается открытым. Действительно, в нем присутствует масса документов, характеризующих его научную деятельность, в том числе полевые дневники, рисунки археологических предметов, чертежи и фотографии процесса и результатов полевых исследований, черновики статей, но при этом полностью отсутствует эпистолярная часть.

¹² Здесь и далее в кавычках приводится название архивного дела согласно существующей описи, а в квадратных скобках — мои дополнения и новая атрибуция.

археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции РГО в 1924 г.

Записная книжка в ¼ листа в переплете «под кожу». Листы в клетку. Содержит более 17 листов. *Примечание:* не все листы архивного дела имеют архивную нумерацию: в конце дневника нет нумерации трех листов с бытовыми заметками.

Автограф. Записи и пометки сделаны простым карандашом, цветным синим карандашом, черными и фиолетовыми чернилами. Текст и рисунки расположены в тетради с обеих сторон листа.

Авторство дневника и дата его написания устанавливаются по контексту и содержанию документа. На л. 4 есть указание на дату — запись (рисунок плана раскопа) датирован 7 октября 1924 г. — днем начала работ на кургане № 24.

Л. 1–1об. Описание археологических памятников, осмотренных по дороге к месту работ в Монголии и, возможно, на территории современной Бурятии.

Л. 2. Описание современного состояния могильников в трех падах Ноин-Улы.

Л. 2об. Адрес неизвестного лица в Москве.

Л. 3об. –14, 16–17 и в конце дневника, на нумерованных страницах. Описание кургана № 24 (размерные характеристики); кроки планов и разрезов раскапываемого кургана.

Л. 14об. Записи о финансовых расчетах (зарплата рабочих).

Л. 15 и в конце дневника, на нумерованных страницах. Записи о деньгах, вещах и продуктах для экспедиции.

2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60: «С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Тубы». 1924 г. 69 л. [Тетрадь № 2. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Продолжение; разведки в районе с. Батени; заметки по этнографии хакасов] (рис. 7)

Дело имеет ошибочное название. В действительности это продолжение полевого дневника С. А. Теплоухова с заметками о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Поступил вместе с бумагами С. А. Теплоухова в 1937 г. и в большей своей части относится к деятельности археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции РГО в 1924 г. В меньшей части содержит этнографические и археологические заметки и описания, связанные с работами в Минусинской котловине летом 1924 г.

Тетрадь в сером холщовом переплете (дневник для метеорологических наблюдений типографского

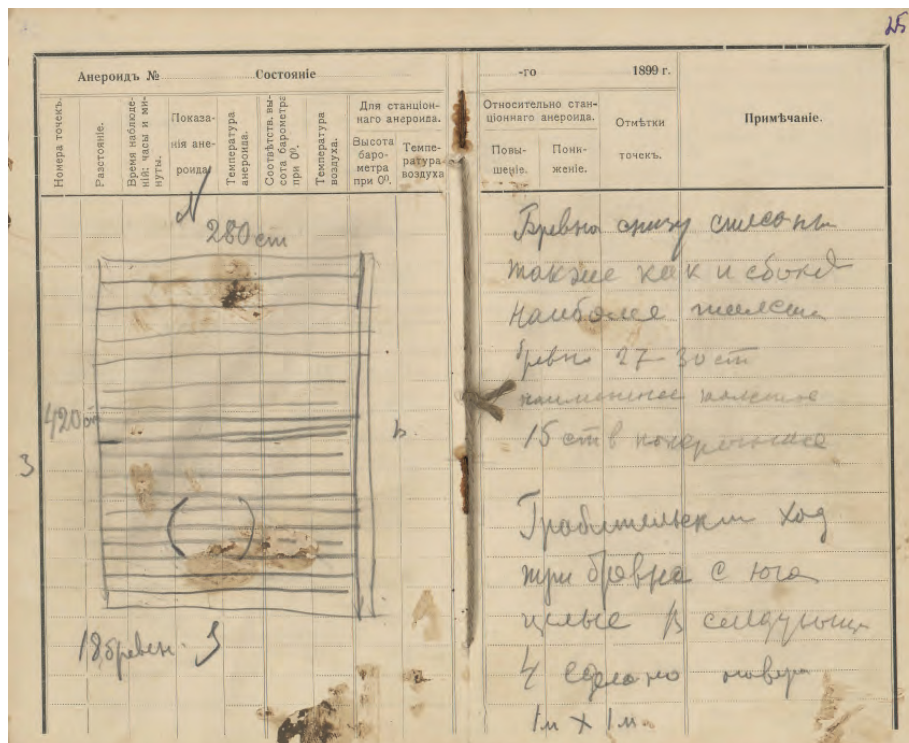

Рис. 7. Разворот полевого дневника С. А. Теплоухова («Тетрадь № 2») с записями и зарисовками, характеризующими состояние бревенчатого перекрытия погребальной камеры в кургане № 24 (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 24об.–25)

Fig. 7. Double-page spread of S. A. Teploukhov's diary ("Notebook No. 2") with records and drawings describing the state of the timber roof of the funerary chamber at barrow No. 24 (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 60. Sh. 24rev.–25)

производства) в $\frac{1}{4}$ листа, содержит 74 листа. *Примечание:* заполненных листов меньше, пронумерованных архивистами листов меньше.

Автограф. Записи и зарисовки сделаны простым и цветным синим карандашами, фиолетовыми чернилами. Текст и рисунки расположены в тетради с обеих сторон листа.

Ориентировочное время создания документа — лето — вторая половина октября 1924 г. — определяется по контексту и содержанию документа.

Л. 1–3, 9. Записи С. А. Теплоухова этнографического характера о происхождении хакасов-качинцев, об их самоназвании, об экзоэтнонимах хакасов и сойотов.

Л. 4–8. Пустые.

Л. 8об, 9об.–17об. Полевая этнографическая записи С. А. Теплоухова о проведении обряда ызых тайгы шаманом Отоем Сарлиным из Мохова улуса¹³.

¹³ Этнографическое описание и фото обряда опубликовано в нашей совместной статье с Ю. Г. Кустовой (Смирнов, Кустова, 2021).

Л. 18. Кроки и краткое описание плана кургана в районе с. Батени(?). Описана и зарисована квадратная ограда из вертикально установленных плит вокруг подквадратного кургана.

Л. 18об.–65. Заметки о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула; кроки разрезов и планов; локальные планы; описание процесса работ; описание места расположения находок. Эта часть дневника описывает раскопки могильной камеры.

Л. 65об.–66. Пустые пять листов с отсутствующей архивной нумерацией.

Л. 66об.–69. Записи о китайском лунном календаре, с росписью по годам с 1924-го по 1956-й, с указанием названий на русском языке и иероглифами; записи о наименовании частей света и вкусовых ощущений.

3. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148: «С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия)». б/д. [1924 г.] 8 л. [Тетрадь № 3. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Дополнения] (рис. 8)

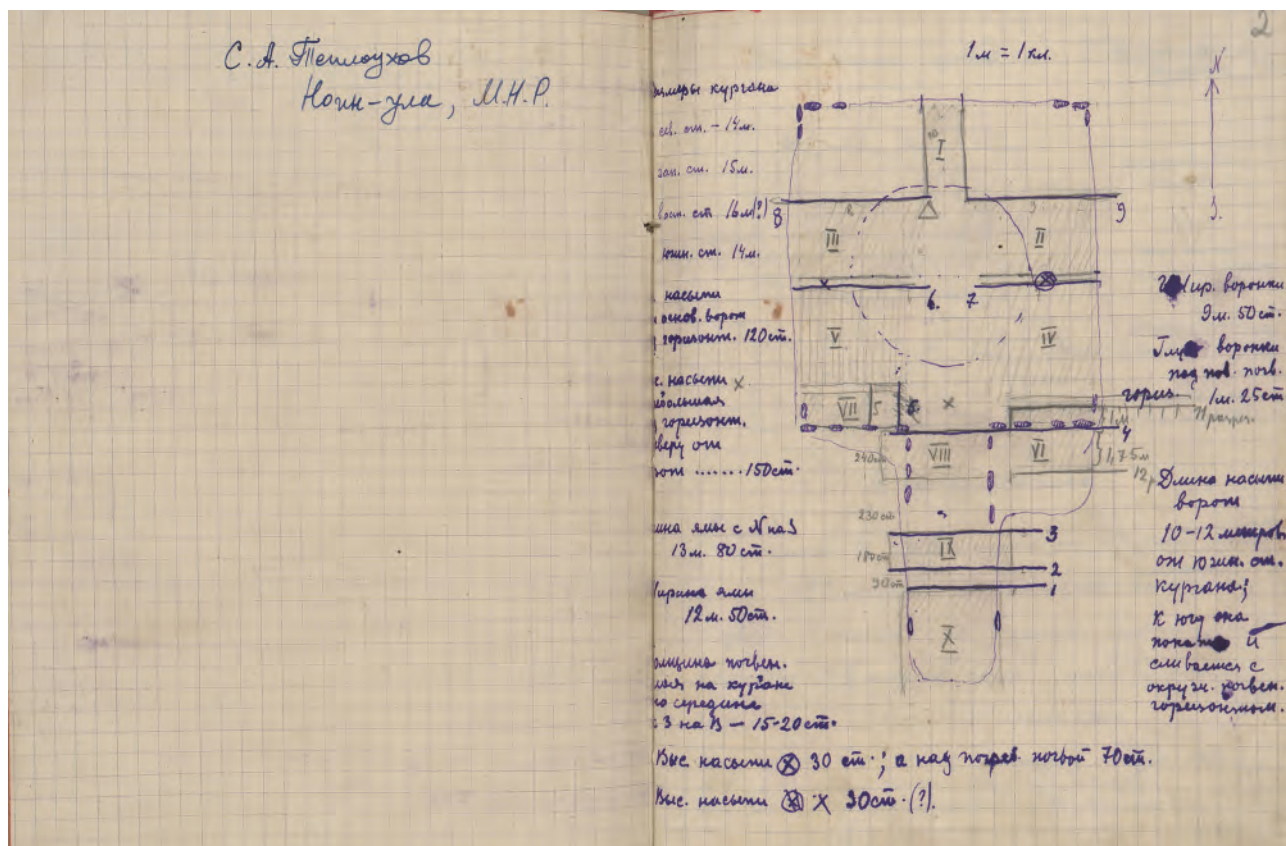

Рис. 8. Разворот рабочей тетради С. А. Теплоухова («Тетрадь № 3») с записями и зарисовками, касающимися размерных характеристик раскопа и наземного сооружения кургана № 24 в Ноин-Ула (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 1об.-2)

Fig. 8. Double-page spread of the working notebook of S. A. Teploukhov ("Notebook No. 3") with records and drawings specifying dimensions of the excavation pit and the surface structure of barrow No. 24 at Noin-Ula (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 148. Sh. 1rev.-2)

Эта тетрадь — дополнение к двум полевым дневникам С. А. Теплоухова с заметками о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Поступила вместе с бумагами С. А. Теплоухова в 1937 г. и относится к деятельности археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции РГО в 1924 г.

Документ является не полноценным полевым дневником, а чем-то вроде рабочей тетради с беловыми кроками планов и разрезов кургана и отдельными заметками, касающимися планиграфии и стратиграфии памятника.

Тетрадь в черном ледериновом переплете в ½ листа, содержит 8,5 листов. *Примечание:* заполненных листов меньше — 8.

Автограф. Записи и зарисовки сделаны простым карандашом, фиолетовыми чернилами. Текст и рисунки расположены в тетради с обеих сторон листа.

Ориентировочное время создания документа — осень–зима 1924 г. — определяется по контексту и содержанию документа. Возможно, это рабочая тетрадь, заполненная записями в промежутке между окончанием раскопок и написанием отчета или созданная в процессе подготовки полевого отчета. Не исключено и то, что документ создавался еще в процессе раскопок, но в камеральных условиях.

Л. 1 [по архивной нумерации]. Схема социально-экономического развития древних обществ Саяно-Алтая. Возможно, это конспект плана музейной экспозиции в Русском музее (отдел этнографии).

Л. 1об.-8 [по архивной нумерации]. Записи и зарисовки схем планиграфии и стратиграфии кургана № 24 в урочище Ноин-Ула.

4. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63: «С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии». 1924 г. 35 л. [Г. И. Боровка.

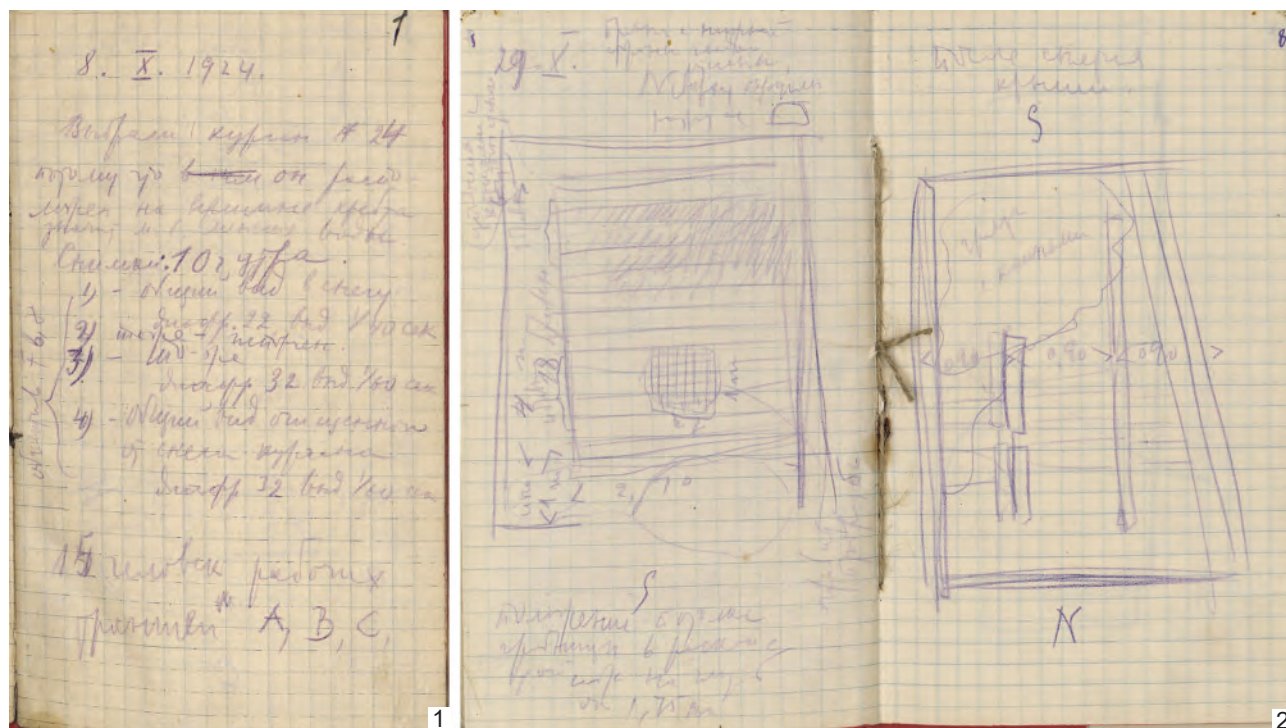

Рис. 9. Полевой дневник Г. И. Боровки: 1 — «Г. И. Боровка. Тетрадь № 1», первая страница с записями о начале работ на кургане № 24 (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 1); 2 — «Г. И. Боровка. Тетрадь № 2», разворот с записями и рисунками, фиксирующими состояние бревенчатого перекрытия погребальной камеры в кургане № 24 и верх сруба. 29 октября 1924 г. (© Там же. Д. 64. Л. 7об.–8)

Fig. 9. G. I. Borovka's field diary: 1 — “G. I. Borovka. Notebook No. 1”, the first page with notes on the beginning of the works at barrow No. 24 (© ARME. A. G. 3. Inv. 1. F. 63. Sh. 1); 2 — “G. I. Borovka. Notebook No. 2”, double-page spread with notes and drawings recording the state of the timber roof of the funerary chamber and the top of the timber frame at barrow No. 24. October 29, 1924 (© *Ibid.* F. 64. Sh. 7rev.–8)

Тетрадь № 1. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула] (рис. 9, 1)

Ошибочное название дела. Документ ошибочно приписан к материалам С. А. Теплоухова, хотя поступил вместе с его бумагами в 1937 г. и относится к деятельности археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции РГО в 1924 г. В реальности это полевой дневник раскопок кургана № 24 в горах Ноин-Ула, который вел участник экспедиции и помощник С. А. Теплоухова — Г. И. Боровка. Дневник считался утерянным после ареста Г. И. Боровки, конфискации его бумаг и последующей его гибели.

Тетрадь в черном бумажном переплете в ¼ листа, содержит 36 листов. *Примечание:* заполненных листов меньше — 34. В конце тетради записи идут с конца к середине (тетрадь была перевернута).

Автограф. Записи сделаны цветным синим карандашом. Текст и рисунки расположены в тетради с обеих сторон листа.

Время создания документа — октябрь 1924 г. — определяется по контексту и содержанию

документа, в том числе по датированным записям.

Л. 1–28 [по архивной нумерации, прямой порядок]. Записи о полевых работах на кургане № 24 в урочище Ноин-Ула с 8 по 28 октября 1924 г.; описание работ; кроки планов и разрезов кургана; описание событий, происходивших в экспедиции.

Л. 29–34 [по архивной нумерации, прямой порядок, хотя в конце тетради записи идут от конца к середине (тетрадь была перевернута)]. Записи о монгольских погребальных сооружениях, о которых получены сведения от третьих лиц; упоминаются топонимы Баян-гол, Дзурумтэ и Суцзуктэ, Шибирь, Мандал, р. Тукулен, Ширин-гол и др.; здесь же записи об оплате и часах работы артелей рабочих-раскопщиков.

5. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64: «С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. Ч. 2». 1924 г. 10 л. [Г. И. Боровка. Тетрадь № 2. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Продолжение] (рис. 9, 2)

Ошибочное название дела. Документ ошибочно приписан к материалам С. А. Теплоухова, хотя поступил вместе с его бумагами в 1937 г. и относится к деятельности археологического отряда в рамках Монголо-Тибетской экспедиции РГО в 1924 г. В реальности это продолжение полевого дневника раскопок кургана № 24 в горах Ноин-Ула, который вел участник экспедиции и помощник С. А. Теплоухова — Г. И. Боровка. Дневник считался утерянным после ареста Г. И. Боровки, конфискации его бумаг и последующей его гибели.

Тетрадь в черном бумажном переплете в ¼ листа, содержит 33 листа. *Примечание:* заполненных листов гораздо меньше — 12.

Автограф. Записи и зарисовки сделаны простым и цветным синим карандашами. Текст и рисунки расположены в тетради с обеих сторон листа.

Время создания документа — октябрь 1924 г. — определяется по контексту и содержанию документа, в том числе по датированным записям.

Л. 1–10 [по архивной нумерации, прямой порядок]. Полевые записи о раскопках и кроки чертежей локальных разрезов с описаниями от 14, 15 и 29 октября 1924 г., а также без даты.

Л. 1–2 [по архивной нумерации, обратный порядок: полевые записи в конце дневника идут от конца к середине, тетрадь использовали в перевернутом состоянии]. Записи о заработной плате рабочих и кроки планов могильной ямы (ступеньки) с расчетами.

Выявленные и описанные архивные источники, тщательно документирующие процесс и

результаты раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула, имеют значительную источниковедческую ценность и позволяют окончательно закрыть вопрос о качестве и уровне первых полевых работ, проведенных советскими археологами С. А. Теплоуховым и Г. И. Боровкой на территории Монгольской народной республики. Археологические исследования были осуществлены профессионалами не только на высочайшем для того времени научном уровне, но и с той тщательностью полевой фиксации, которая и спустя 100 лет позволяет ответить на оставшиеся после публикации предварительных отчетов вопросы (Сутягина, Смирнов, 2001).

В ближайшем будущем я и мои коллеги по международному российско-монгольскому проекту планируем полное издание описанных документов в той части, которая касается раскопок в Ноин-Уле в 1924 г. Издание полевых дневников С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки будет сопровождаться подробным научным комментарием, а также графическими и фотоиллюстрациями.

Приношу свою глубокую благодарность профессору Д. Г. Савинову, директору Российского этнографического музея Ю. А. Купиной, заместителю директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей Н. Н. Прокопьевой, хранителю архива А. Н. Копаневой, хранителю иллюстративного фонда О. П. Игнатьевой, заведующей отделом научной документации Л. Г. Черенковой за всемерное и заинтересованное содействие в работе с архивным фондом С. А. Теплоухова и бесценные советы, полученные мной во время работы в архиве музея.

Приложение

Материалы, касающиеся раскопок курганов в могильнике Ноин-Ула в 1924 г. и планов работы С. А. Теплоухова в Монголии в 1925–1926 гг., хранящиеся в архиве Российского этнографического музея

В приложении перечислены и описаны все архивные документы, выявленные в результате работы с фондом С. А. Теплоухова и сопутствующими фондами в архиве РЭМ по состоянию на 2021 г. В описании указано краткое содержание дел, отдельных документов и их вероятные даты, предлагаемые публикатором и отражающие реальное положение вещей.

1. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–111.

«Материалы (протоколы, отчеты, докладные записки и акты) о работе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова и о сохранности и рестав-

рации коллекции Хара-Хото». 11 марта 1925 — 24 мая 1932 г.

Машинопись. Копии документов, направленных от/в РМ, ГЭ, ГАИМК, АН СССР, РГО, СНК.

2. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 178. Л. 69–100.

«Материалы (акты, описи, переписка) [о] передаче Эрмитажу коллекций из погребений Пазырыкского кургана на Алтае и Ноин-Улы (Монголия); акты и описи переданных вещей». 24 октября 1925 — [...].

Автограф. Черновики актов передачи коллекции Ноин-Улы с 18 января по 3 февраля 1934 г., направленных от/в РМ, ГЭ, ГАИМК.

3.1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 26–26 об.

«Материалы (протоколы, объяснительная записка, акты и др.), относящиеся к деятельности помощника хранителя С. А. Теплоухова. 9 фотографий надмогильных сооружений». 19 мая 1921 — 5 апреля 1932 г.

Машинопись, автограф, чернила (подписи авторов). Письмо на имя С. А. Теплоухова на бланке РАИМК от 19 мая 1925 г. за подписью ученого секретаря академии Б. В. Фармаковского и управляющей делами академии В. А. Миханковой с требованием срочно передать, согласно договоренностям, все материалы, касающиеся раскопок в Ноин-Уле в 1924 г. (отчеты, составленные С. А. Кондратьевым и С. А. Теплоуховым с Г. И. Боровкой, оригиналы полевых дневников, чертежи, фотографии).

3.2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.

«Материалы (протоколы, объяснительная записка, акты и др.), относящиеся к деятельности помощника хранителя С. А. Теплоухова. 9 фотографий надмогильных сооружений». 19 мая 1921 — 5 апреля 1932 г.

Машинопись, автограф, чернила (подпись автора, пометки). Копия сопроводительного письма С. А. Теплоухова от 21 мая 1925 г. в адрес ученого секретаря РАИМК Б. В. Фармаковского с изложением перечня отправленных в академию материалов, касающихся раскопок в Ноин-Уле в 1924 г. Упоминаются документы, оставленные С. А. Теплоуховым временно у себя для дальнейшей научной работы (дневники и чертежи), и имеются указания на расшифровку буквенных пометок на этикетках вещей из кургана № 24 (свидетельствующих о том, какие вещи происходят из какой части могилы).

4. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–17.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Бокулей и Кудара». *Ошибочная атрибуция дела!*

С. А. Теплоухов. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Тетрадь № 1. 1924 г. Автограф, простой и цветной карандаши, чернила. Это дневник работ С. А. Теплоухова на кургане № 24 в могильнике Ноин-Ула, в составе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в 1924 г. Документ содержит описание памятников в окрестностях; описание современного состояния могильника; кроки планов и разрезов раскапываемого кургана; в конце дневника рабочие записи о деньгах, вещах и продуктах для экспедиции.

5.1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе д. Батеней». 1924 г.

Черновик телеграммы С. А. Теплоухова С. Ф. Ольденбургу. Конец лета — начало осени 1924 г. Автограф, карандаш. Черновик телеграммы С. Ф. Ольденбургу с вопросами относительно сроков, места и средств организации работ в Монголии (имеется в виду командировка в Ноин-Улу).

5.2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 41об.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе д. Батеней». 1924 г.

Черновик телеграммы С. А. Теплоухова начальнику Высшей военно-педагогической школы физического образования. Конец лета — начало осени 1924 г. Автограф, карандаш. Черновик телеграммы С. А. Теплоухова начальнику Высшей военно-педагогической школы физического образования. Предупреждение о задержке с возвращением из экспедиции.

6. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 18об.–65.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Тубы. 1924 г. *Ошибочная атрибуция дела!*

Тетрадь № 2. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Продолжение; разведки в районе с. Батени; заметки по этнографии хакасов. 1924 г. Автограф, простой и цветной карандаши, чернила. Это продолжение дневника работ С. А. Теплоухова на кургане № 24 в могильнике Ноин-Ула, в составе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова.

7. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–11.

«С. А. Теплоухов. Предварительный отчет о раскопках кургана в горах Ноин-Ула (Монголия)». 1924 г.

Машинопись с рукописными правками цветным и простым карандашами.

8. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–34об.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии». 1924 г. *Ошибочная атрибуция дела!*

Г. И. Боровка. Тетрадь № 1. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Автограф, цветной карандаш. Это полевой дневник раскопок кургана № 24 в горах Ноин-Ула, который вел участник экспедиции и помощник С. А. Теплоухова — Г. И. Боровка.

9. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–10 и 1, 2 [двойная архивная нумерация с начала документа и в конце].

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. Ч. 2. 1924 г. *Ошибочная атрибуция дела!*

Г. И. Боровка. Тетрадь № 2. Дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула. Продолжение. Автограф, простой и цветной карандаши. Это продолжение полевого дневника раскопок кургана № 24 в горах Ноин-Ула, который вел участник экспедиции и помощник С. А. Теплоухова — Г. И. Боровка.

10.1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 2, 6, 7 [оригинал и два дублета].

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

План кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П. К. Козлова. Авторы раскопок кургана — С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка. Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа. Б/д, б/ф.¹⁴ Автор пересъемки: предположительно Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

10.2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

План могильника в пади Судзуктэ. Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа С. А. Кондратьева. Б/д, б/ф. Автор пересъемки: предположительно, Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

10.3. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 4, 11 [оригинал и дублет].

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

План могильников Судзуктэ и Цзурумтэ. Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа С. А. Кондратьева. Б/д, б/ф. Автор пересъемки: предположительно Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

10.4. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 5, 8 [оригинал и дублет].

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

Рисунок гроба (из кургана № 24 могильника Ноин-Ула, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П. К. Козлова. Авторы раскопок кургана — С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка). Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа. Б/д, б/ф. Автор пересъемки: предположительно Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

10.5. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

Разрез погребального сооружения (в кургане № 24 могильника Ноин-Ула, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П. К. Козлова. Авторы раскопок кургана — С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка). Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа. Б/д, б/ф. Автор пересъемки: предположительно Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

10.6. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 10.

«С. А. Теплоухов. Фото археологических раскопок в районе Восточной Монголии». 1924 г.

Разрез кургана S–N; разрез № 3 на расстоянии 4,90 м от южной стенки кургана (курган № 24 могильника Ноин-Ула, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П. К. Козлова. Авторы раскопок кургана — С. А. Теплоухов, Г. И. Боровка). Осень–зима 1924 г. — до 1933 г. Фотография. Оригинал. Отпечаток. Пересъемка с белого чертежа. Б/д, б/ф. Автор пересъемки: предположительно Бюро технической фотографии Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

11.1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 12.

«С. А. Теплоухов. Записки и отчеты об археологических раскопках в районе Восточной Монголии». 1926 г.

Копия письма А. А. Миллера в ИАТ при ГАИМК о вопросах хранения и реставрации археологических тканей. 18 ноября 1926 г. Машинопись. Копия. А. А. Миллер приводит свое мнение, внесенное в протокол, и выступает против формулировки заявления проф. Л. Ф. Ильина в том же протоколе. Просит разъяснить принятые ИАТ решения по вопросам реставрации и хранения археологических тканей.

¹⁴ Б/д — без даты; б/ф — без указания фотографа.

11.2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 13.

«С. А. Теплоухов. Записки и отчеты об археологических раскопках в районе Восточной Монголии». 1926 г.

Письмо А. С. Теплоухова заместителю председателя Постоянной комиссии по изучению Монголии академику С. Ф. Ольденбургу. 3 мая 1925 г. Машинопись, подпись чернилами (автограф). С. А. Теплоухов сообщает С. Ф. Ольденбургу, что не сможет надолго выехать из Ленинграда в 1925 г., отказывается от поездки в Монголию в текущем году. Просит «поставить в первую очередь» его поездку в Монголию в 1926 г., чтобы «выехать в конце весны».

11.3. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 14–17.

«С. А. Теплоухов. Записки и отчеты об археологических раскопках в районе Восточной Монголии». 1926 г.

Дополнение к плану археологического обследования (Монголии). После 1924 г., возможно, 1925 г. Автограф, чернила, карандашные правки. Дополнения к проекту археологического обследования Монголии, поданному «весной текущего года». Упоминаемый срок исследования в пять месяцев может говорить о том, что это планы на работы 1926 г.

11.4. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 18–18об.

«С. А. Теплоухов. Записки и отчеты об археологических раскопках в районе Восточной Монголии». 1926 г.

Записка-приглашение на имя С. А. Теплоухова. Февраль 1925 г. Машинопись, рукописные пометки. оборот записки использован как черновик для записи публикационных заметок. В записке С. А. Теплоухов приглашается 4 февраля с. г. на заседание Постоянной комиссии... по Монголии, в АН. Карандашом записаны участники(?) совещания: Польшов, Крыжановский, Боровка, Теплоухов, Комаров, Шокальский, Вавилов, Рачковский, Владимирцев. На обороте: краткий список (карандашная запись) иллюстраций (в издание?) с перечислением сути изображений и указанием на характер иллюстраций: фототипии, красочные таблицы, автотипии и пр.

12. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 147. Л. 64–71.

«Теплоухов С. А. Фото археологических раскопок в Монголии». [1924–1926 гг.]

Подборка отпечатков фотоснимков, фиксирующих раскопки кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула и участников Монголо-Тибетской экспедиции

РГО. 1924 г. Фотографии. Оригинал. Отпечаток. Запечатлен процесс раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула (рабочие моменты, П. К. Козлов на фоне кургана, члены экспедиции на фоне раскопа). Фотоснимки С. А. Теплоухова (?).

13. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–8.

«С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия)». [1924 г.]

Автограф, простой карандаш, чернила. Простая тетрадь с листами в клетку. Документ содержит записи о процессе раскопок кургана № 24; беловые зарисовки планов и разрезов с пояснениями. Имеется краткий конспект плана выставки (в Этнографическом отделе РМ?).

14.1. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–10.

«С. А. Теплоухов. Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в горах Ноин-Ула (Монголия)». [1924 г.]
Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в Ноин-Уле. Копия № 1. 1924 г. Машинопись. Полная копия № 1.

14.2. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 11–20.

«С. А. Теплоухов. Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в горах Ноин-Ула (Монголия)». [1924 г.]
Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в Ноин-Уле. Копия № 2. 1924 г. Машинопись. Полная копия № 2.

14.3. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 21–26об.

«С. А. Теплоухов. Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в горах Ноин-Ула (Монголия)». [1924 г.]
Фрагменты доклада С. А. Теплоухова о раскопках в Ноин-Уле. Копия № 3 и 4. 1924 г. Машинопись. 1 ½ копии № 3 и 4. Бумага другого формата.

14.4. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 27–36.

«С. А. Теплоухов. Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в горах Ноин-Ула (Монголия)». [1924 г.]
Доклад С. А. Теплоухова о раскопках в Ноин-Уле. Копия № 5. 1924 г. Машинопись. Полная копия № 5. Размер бумаги идентичен копиям № 1 и 2. При архивной сшивке перепутаны страницы. Имеются карандашные и чернильные пометки и правки. Вероятно, это оригинал машинописи (первый вариант).

15. АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.

«Фото и зарисовки археологических раскопок». [1924 г.]

Чертеж торцевых стенок гроба из кургана № 24 могильника Ноин-Ула. 1924 г. Беловой чертеж внутренних сторон торцевых стенок гроба из кургана № 24 могильника Ноин-Ула. Южная и северная стенки.

- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Бокулей и Кудара.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Тубы. 1924 г.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. 1924 г.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. Ч. 2. 1924 г.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия). б/д.
- Андреев, Юсупова, 2001 — Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории, естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.
- Боровка, 1925 — Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–40.
- Елихина, 2015 — Елихина Ю. И. Раскопки С. А. Теплоуховым кургана № 12(24) в Ноин-Уле в 1924 г. // Б. Я. Владимирцов — выдающийся монголовец XX века: Материалы российско-монгольской науч. конф. (6–8 окт. 2014 г., Санкт-Петербург) / Гл. ред. С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор: б. и., 2015. С. 79–91.
- Елихина, 2017 — Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар: б. и., 2017. 368 с.
- История последней экспедиции..., 2018 — История последней экспедиции П. К. Козлова в Монголию (1923–1926 гг.) / Сост. С. Чулуун, Т. Юсупова, А. Андреев, М. Матвеева. Улаанбаатар: Адмон, 2018 (Монголия и монголы; Вып. 4). 312 с.
- Китова, 2007 — Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е гг.). Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.
- Китова, 2010 — Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.
- Козлов, 1925 — Козлов П. К. Северная Монголия — Ноинулинские памятники // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 1–12.
- Козлов, 2003 — Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926 / Ред.-сост. Т. И. Юсупова. СПб.: Наука, 2003 (Научное наследие; Т. 30). 1039 с.
- Медведева, Чулуун, 2017 — Медведева М. В., Чулуун С. Монголия и мир монголов 1920-х гг. СПб.; Улан-Батор: Адмон принтинг, 2017 (Монголия и монголы; Вып. 3). С. 18–23.
- Сутягина, Эрдэнэ-Очир, 2021 — Сутягина Н. А., Эрдэнэ-Очир Н. Материалы Ноин-улинских курганов в архивных собраниях и музейных коллекциях России и Монголии // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания. Пятая Междунар. конф. при поддержке Президента Монголии (19–21 апреля 1921 г., Санкт-Петербург): Программа, тезисы. СПб.; Улан-Батор: Институт восточных рукописей РАН; Институт истории и этнологии Монгольской АН, 2021. С. 57–60.
- Монголия в документах..., 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сб. документов / Науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 528 с.
- Панкратова, 2019 — Панкратова Е. Г. «Слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // РА. 2019. № 2. С. 144–155.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.
- Смирнов, 2021 — Смирнов Н. Ю. Краткий обзор фонда № 3 архива Российского этнографического музея: материалы Сергея Александровича Теплоухова // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления скотоводческих сообществ до сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Э. Б. Вадецкой и 90-летию Г. А. Максименкова (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 16–19.
- Смирнов, Кустова, 2021 — Смирнов Н. Ю., Кустова Ю. Г. Сергей Александрович Теплоухов как этнограф: полевые заметки о проведении обряда ызых тайгы в Минусинском крае. Записи 1924 г. // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию Д. Г. Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021 (Труды ИИМК РАН; Т. LVIII). С. 721–731.
- Сутягина, 2020 — Сутягина Н. А. Основные направления исследования археологической

- коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. СПб., 2020. Вып. 30. С. 330–342.
- Сутягина, Смирнов, 2021 — Сутягина Н. А., Смирнов Н. Ю. Новые материалы о раскопках кургана 24 в пади Суцзукте (Ноин-Ула, Монголия) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления скотоводческих сообществ до сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Э. Б. Вадецкой и 90-летию Г. А. Максименкова (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 96–99.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Юсупова, 2006 — Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.
- Юсупова, 2010 — Юсупова Т. И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: монголо-тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории, естествознания и техники. 2010. Т. 31, № 4. С. 26–67.
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Н. В. Полосьмак, Е. С. Богданов, Д. Цэвээндорж. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.
- Юсупова, 2016 — Юсупова Т. И. С. Ф. Ольденбург и организация изучения Монголии Российской Академией наук // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / Сост и отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука — Восточная литература, 2016. С. 450–458.

Activities of S. A. Teploukhov and G. I. Borovka in the staff of the Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society under the leadership of P. K. Kozlov in 1924. New archive documents

N. Yu. Smirnov¹⁵

Keywords: archive materials, history of archaeological researches, field diaries, Mongolia, Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society, Noin-Ula, G. I. Borovka, P. K. Kozlov, S. A. Teploukhov.

This paper for the first time publishes a detailed description of the archaeological documents of the initial level, i. e. five field archaeological diaries of two prominent Soviet researchers of antiquities of Southern Siberia and Central Asia, Sergey Aleksandrovich Teploukhov and Grigoriy Iosifovich Borovka, who in 1924 directed the investigations during the excavation of barrow No. 24 at the burial ground of Noin-Ula (Mongolia) by the archaeological team of the Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society.

This paper for the first time publishes a detailed description of the archaeological documents of the initial level, i. e. five field archaeological diaries of two prominent Soviet researchers of antiquities of Southern Siberia and Central Asia, Sergey Aleksandrovich Teploukhov and Grigoriy Iosifovich Borovka, who in 1924 directed the investigations during the excavation of barrow No. 24 at the burial ground of Noin-Ula (Mongolia) by the archaeological team of the Mongol-Tibetan expedition of the Russian Geographic Society.

Along with the characterisation of the written sources, this paper presents also illustrations — photographs made by S. A. Teploukhov and those revealed in his archive recording the process of the excavation of barrow No. 24.

The description of the diaries is introduced by a brief history of the works of the archaeological team in autumn of 1924 in the Noin-Ula mountains. The reconstruction of this history became possible owing to diary notes by P. K. Kozlov who scrupulously recorded all the events taking place in the expedition.

An appendix to the article presents brief information on the documents stored mostly within the composition of the archive collection of S. A. Teploukhov at the Russian Museum of Ethnography. This information is concerned with the field works of Soviet archaeologists in Mongolia at the cemetery of Noin-Ula in 1924, the further treatment and conditions of the storage of the obtained archaeological collections, as well as S. A. Teploukhov's plans of scientific works in Mongolia for 1925–1926.

¹⁵ Nikolay Yu. Smirnov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kolaksais@yandex.ru.

Фотоколлекции Ноин-Улы. Экспедиционные снимки Г. И. Боровки 1924, 1926 гг. из архива ИИМК РАН¹

М. В. Медведева, Д. А. Кукина²

Аннотация. Во время раскопок знаменитых ноин-улинских курганов в горах Северной Монголии в 1923–1926 гг. выполнено значительное количество фотографий, составляющих ценную часть полевой документации. В статье впервые в научный оборот целиком вводится комплекс уникальных экспедиционных фотоснимков археолога Г. И. Боровки, освещающих процесс раскопок курганов Ноин-Улы в 1924 и 1926 гг. из архивного собрания ИИМК РАН.

Ключевые слова: Ноин-Ула, хунну, Г. И. Боровка, С. А. Теплоухов, архивные исследования, история археологии, фотографии, НА ИИМК РАН.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-34-357-376

Первые систематические раскопки ноин-улинских курганов с богатыми погребальными комплексами хуннской знати в лесистых горах Северной Монголии были проведены Монголо-Тибетской экспедицией, состоявшейся в 1923–1926 гг. под руководством П. К. Козлова. Результаты исследований сразу получили широкий международный резонанс. С тех пор интерес к уникальным находкам не утихает уже почти 100 лет. В многочисленных научных и публицистических работах, вышедших за эти годы, рассматриваются самые различные аспекты изучения этого интереснейшего памятника³.

Научное наследие экспедиции включает значительный корпус фотодокументов, в том числе и по археологической части, хранящихся в архивах и музеях России и Монголии. Материалы уже нашли отражение в ряде современных публикаций (Чулуун, Медведева, 2017; Чулуун и др., 2018; Чулуун, Юсупова, 2019), однако осталось еще

достаточное количество документов, не охваченных вниманием исследователей. К ним, безусловно, можно отнести и комплекс фотографий из собрания фотографического отдела Научного архива ИИМК РАН.

Снимки, связанные с раскопками ноин-улинских курганов и изучением сделанных в них находок, происходят из материалов Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и ее преемников — Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Самую многочисленную группу фотографий составляет коллекция «Фонд Монгольской экспедиции АН СССР» (НА ИИМК РАН. ФО. Кол. А1536). По сохранившимся на паспорту штампам с указанием шифров (рис. 1) можно предположить, что коллекция сначала хранилась в фототеке ГАИМК отдельно и лишь во второй половине 1930-х гг. была влита в фотографическое собрание Академии. Описание коллекции сотрудники архива составляли с 1937 по 1948 г. Тематически коллекция делится на несколько комплексов, и самой важной ее частью являются экспедиционные фотографии, выполненные непосредственно в ходе археологических исследований памятника.

В процессе раскопок 1924–1926 гг. исследователи памятника уделяли большое внимание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005.

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: pharc@mail.ru.

³ Один из наиболее полных списков литературы приведен в публикации: Полосьмак, Богданов, 2016. С. 166–173.

Рис. 1. Судзуктэ, курган 6 (при монтировке альбома ошибочно указано место находки). Шелковая ткань с изображением дракона, повернутого влево. На паспорту имеется шифр ФМЭ. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.242/9

Fig. 1. Sudzunkte, barrow No. 6 (the find place was incorrectly specified when making up the album). Silk textile with a representation of a dragon looking left. On the passe-partout there is the reference number FME. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.242/9

фотофиксации. К тому времени фотография уже стала неотъемлемой и обязательной частью археологических работ. Фотодокументация каждого сезона полевых работ должна была сопровождать все научные изыскания, охватывать все этапы раскопок, включая съемку планиграфии и стратиграфии памятника, рабочих и бытовых моментов, индивидуальных находок и массового материала. Сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции и прежде всего сам П. К. Козлов прекрасно понимали значимость фотографирования как одного из наиболее объективных документальных способов визуализации работ. П. К. Козлов как руководитель приложил все усилия для того, чтобы экспедиция в достаточной степени была оснащена самым передовым фотографическим оборудованием, преимущественно иностранного производства.

В первом же докладе 1922 г. о предполагаемом путешествии он указал на необходимость наличия в экспедиции нескольких фотоаппаратов и большого количества фотоматериалов для производства снимков (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 302). Фотографические аппараты и пластинки сразу были заложены в смету экспедиции, поданную в том же году на рассмотрение в Русское географическое общество и впоследствии одобренную вышестоящими организациями. В июне 1925 г. утверждалось продолжение финансирования работы экспедиции, и П. К. Козлов опять одним из важных пунктов предполагаемых затрат указал снабжение экспедиции «кинематографом, фонографом и фотографическим материалом». По его просьбе обеспечением экспедиции качественными фотоматериалами занялся управляющий

делами СНК СССР Н. П. Горбунов, с самого начала много помогавший в организации и снабжении экспедиции⁴.

«О фотографических пластинках для экспедиции П. Козлова

Уполномоченному Наркомвнешторга в Ленинграде тов. Бегге

Распоряжением Правительства в состав экспедиции П. К. Козлова направляется ряд сотрудников Академии наук для производства геохимических исследовательских работ и археологических раскопок. Последние требуют дополнительного оборудования экспедиции хорошими фотографическими принадлежностями, так как археологические раскопки должны сопровождаться целым рядом последовательных фотографических снимков. Для успешного проведения работ необходимо получение хороших иностранных пластинок, рисковать же отправкой туда недостаточно проверенных русских пластинок не представляется возможным, так как на означенную экспедицию затрачены крупные средства государства.

Прошу Вас возможно срочным порядком выдать Академии Наук разрешение на покупку фотографических пластинок, необходимых размеров для экспедиции.

Управляющий делами СНК СССР Горбунов» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 57)

В январе 1926 г. П. К. Козлов поручил одному из участников экспедиции, К. К. Даниленко, достать в Москве десять пачек высококачественной фотобумаги «Люмьер» французского производства для «печатания на солнце размером 9 × 12 см». Руководитель экспедиции настаивал на приобретении только такой бумаги, ее требовалось покупать за границей, поэтому К. К. Даниленко также попросил содействия в этом вопросе у Н. П. Горбунова (*Там же*. Л. 200). Таким образом, сам П. К. Козлов серьезно относился к фотографической фиксации своих исследований и качеству применяемых фотоматериалов. В ходе экспедиции он сделал немало фотографий (*Чулуун и др.*, 2018. С. 8; *Козлов*, 1928. С. 12, 43). Процесс раскопок, как следует из сохранившихся документов, также фотографировался. Съёмка производилась П. К. Козловым, С. А. Кондратьевым, С. А. Теплоуховым и Г. И. Боровкой.

Остается только сожалеть, что ко всему прочему во время исследований не удалось

осуществить киносъёмку, хотя все приготовления для этого были сделаны. В состав экспедиции включили кинооператора. Перед началом путешествия он даже произвел пробную видеосъёмку московских участников экспедиции, результаты которой всем понравились (ОР РГБ. Ф. 656. Кар. 1. № 20. Л. 254–255). Для изготовления фильма было закуплено несколько тысяч метров пленки. Однако уже на первом этапе работ, еще на территории России, П. К. Козлов отказался от услуг оператора, а пленка в итоге так и осталась неиспользованной (*Кульганек, Жуков*, 2006. С. 83–85).

В настоящее время в научный оборот введены далеко не все полевые фотографии раскопок ноин-улинских курганов в 1924–1926 гг. (*Чулуун, Юсупова*, 2019), хотя в опубликованных дневниках экспедиции фотосъёмка во время археологических исследований упоминается неоднократно (*Козлов*, 2003. С. 278, 279, 312, 322, 323, 331 и др.; *Кульганек, Жуков*, 2006. С. 179, 183, 191, 194). Например, 19 августа 1924 г. П. К. Козлов сообщает: «Пока рабочие прибыли на К[ондратьевский] курган, я его замерил, и на дне воронки, как раз в середине, сделал квадрат, в сажень, для шурфа, по углам поставил колышки, затем снял фотографию. Как хотелось бы, чтобы снимок был удачен!» (*Козлов*, 2003. С. 279). 1 октября 1924 г. он же пишет о фотосъёмке: «Очень удачны фотографии, снятые Теплоуховым с двух курганов. На этих фотографиях имеется и моя фигура верхом на белом иноходце. Снимок группы моих спутников так же удачен, как удачен и один из больших Боровко с разреза кургана Кондратьевского» (*Козлов*, 2003. С. 312). Вероятно, эти и другие фотографии еще предстоит выявить и атрибутировать в архивных и музейных хранилищах России и Монголии среди сохранившихся материалов экспедиции. В связи с этим особую научную ценность приобретают две уже установленные и хорошо паспортизированные коллекции экспедиционных фотографий прямо с места раскопок в Ноин-Уле из фотографического собрания архива ИИМК РАН.

Ранняя серия фотоснимков из раскопок в Ноин-Уле относится к 1924 г. и представляет огромный интерес (НА ИИМК РАН. ФО. Фонд 46. Государственная академия истории материальной культуры. Коллекция А 1536. Материалы «Фонда Монгольской экспедиции АН СССР»). Раскопки С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки кургана № 24 могильника Ноин-Ула в 1924 г. Процесс раскопок, находки. Разрез Кондратьевского кургана. Фото

⁴ Об этом см. подробно: *Андреев, Юсупова*, 2001; *Юсупова*, 2006. С. 35–42; 2010; 2011.

Г. И. Боровки 1924 г. 24 негатива, 20 отпечатков. Негативы: П 16412–16435, Отпечатки: О.241/13, О.246/16–35). Фотографии связаны с работами С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в рамках деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Прекрасные специалисты в сибирской археологии и скифском искусстве, они были целенаправленно командированы Академией наук для оценки на месте результатов уже состоявшихся к осени 1924 г. раскопок нескольких ноин-улинских курганов (Юсупова, 2010. С. 43–46). В сентябре в Монголию вместе с археологами прибыли и дополнительные фотографические пластинки, реактивы, а также три фотоаппарата. В процессе доставки возникли проблемы с прохождением таможи, поэтому С. А. Теплоухов и минералог В. И. Крыжановский сообщали из Троицкосавска в Кремль телеграммой Н. П. Горбунову следующее: «Просим срочного распоряжения пограничному пункту таможи Кяхта-Троицкосавск о беспрепятственном пропуске в Монголию фотографических пластинок 37 дюжин, реактивов, трех аппаратов» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 204). Дождаться такого разрешения из центра на границе остался Г. И. Боровка (Там же. Л. 205). Необходимая бумага была быстро получена, и фотооборудование благополучно достигло цели.

С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка для наилучшего понимания конструкции погребальных сооружений осенью 1924 г. раскопали еще один курган, 24, в Судзуктинской группе Ноин-Улы (Теплоухов, 1925; Юсупова, 2010. С. 44–47; также см. статью Н. Ю. Смирнова в настоящем выпуске, С. 340–356). В процессе раскопок фотосъемку производили оба исследователя, однако фотографии, сохранившиеся в архиве ИИМК РАН, несомненно, сделаны Г. И. Боровкой. Нужно помнить, что в те годы фотосъемка была трудоемким процессом и требовала внимания, аккуратности и времени. Погодные условия, сопутствующие работам, вносили дополнительную сложность в фотографирование. «Неоднократно приходилось прерывать работу из-за снежных буранов. Морозы доходили по ночам до -20°C » (Теплоухов, 1925. С. 14). Сами археологи так описывали документальную фиксацию в письмах направившему их академику С. Ф. Ольденбургу: «Работаем пятые сутки с 43-мя рабочими-китайцами. Китайцы очень плохие рабочие-землекопы. Работа идет медленно, но картина мало-помалу выясняется, последнее обстоятельство является некоторой наградой за то громадное количество

энергии и времени, которое ушло на организацию раскопок. Выполняя роль десятников на раскопках, фотографируя и рисуя, мы очень мерзнем» (Из письма С. А. Теплоухова от 13 октября 1924 г., ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 117). «Мы стараемся все детали зарисовывать и фотографировать» (из письма Г. И. Боровки от 13 октября 1924 г.) (Там же. Л. 116).

На 22 снимках из фотособрания ИИМК РАН отражены рабочие моменты в процессе изучения кургана 24 под руководством С. А. Теплоухова и при активном участии Г. И. Боровки — от этапа снятия дерна до разборки погребальной камеры. Еще на двух кадрах из этой серии — раскопки Кондратьевского кургана. На половине снимков запечатлен С. А. Теплоухов, что делает эти фотодокументы еще более значимыми. К настоящему моменту сохранилось немного фотографий ученого, что, возможно, связано с дальнейшими печальными обстоятельствами его жизни⁵. Все изображения отличаются хорошим качеством (рис. 2–9⁶). Часть из них была опубликована в изданиях, посвященных работе экспедиции и вышедших почти сразу после ее окончания (Теплоухов, 1925. Рис. 11–12), также их использовал С. И. Руденко в своей публикации о Ноин-Уле (Руденко, 1962. Табл. II–III).

Вторая серия фотографий археологических исследований в Ноин-Уле относится к поездке сотрудника Эрмитажа и Академии истории материальной культуры Г. И. Боровки в 1926 г. в рамках деятельности Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (НА ИИМК РАН. ФО. Фонд 46. Государственная академия истории материальной культуры. Коллекция А 1536. Материалы «Фонда Монгольской экспедиции АН СССР». Материалы археологического обследования, произведенных Г. И. Боровкой в 1926 г. в Северной Монголии по заданию Академии наук СССР. Судзуктэ, Мандола. Монголия, Урга. Полевые снимки, фотографии находок, этнографические и архитектурные снимки и др. Фото Г. И. Боровки. 160 негативов, 160 отпечатков. Негативы П 25272–25368, П 25376–25433, П 25441–25446, 25448;

⁵ С. А. Теплоухов был арестован в 1933 г. и погиб в застенках НКВД в 1934 г., долгое время его имя замалчивалось (Китова, 2010). В 1930-х гг. фотографии «врагов народа» изымались из архивных хранилищ в спецхран. Судьба их пока остается неизвестной.

⁶ Фотографии раскопок кургана 24 также смотри в статье Н. Ю. Смирнова (С. 340–356).

Рис. 2. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Общий вид кургана под снегом. В центре стоит С. А. Теплоухов. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16413

Fig. 2. Sudzunkte. Process of excavation of barrow No. 24. General view of the barrow under snow. S. A. Teploukhov standing in the centre. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16413

Рис. 3. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Общий вид раскопа на второй сажени глубины. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16417

Fig. 3. Sudzunkte. Process of excavation of barrow No. 24. General view of the excavation pit at the second sazhen depth. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16417

Рис. 4. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Разрез грабительской ямы. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16420

Fig. 4 Sudzukte. Process of excavation of barrow No. 24. Section of the robber's trench. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16420

Рис. 5. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Перекрытие погребального сооружения перед его разборкой. В левом углу раскопа стоит С. А. Теплоухов. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16428

Fig. 5. Sudzukte. Process of excavation of barrow No. 24. The roof of the burial structure before its removal. S. A. Teploukhov standing in the left corner of the excavation pit. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16428

отпечатки О.1245/17–60, О.1246/1–53, О.1247/1–57, 60, О.1248/8–11, 13, 15). Г. И. Боровка вернулся в Монголию в 1925 г., сразу на следующий год после работ на кургане 24, и планировал продолжить раскопки ноин-улинских курганов, однако «непомерно дождливое лето» заставило его перенести работы в долину р. Тола (Боровка, 1927. С. 43–44; Чулуун, Медведева, 2017; Юсупова, 2010. С. 65, рис. 5). К исследованиям в Ноин-Уле он смог приступить только в следующем, 1926-м, году. Археолог вернулся из Монголии в декабре 1925 г., а 18 августа 1926 г. вновь уехал туда для производства археологических работ и пробыл там до конца ноября. В итоге в сентябре–октябре Г. И. Боровка раскопал еще один курган (49) в Судзуктэ (Елихина, 2018. С. 18, 19, 25; Елихина, 2014. С. 30–39; Юсупова, 2010. С. 65).

Материалы этих раскопок остались тогда неопубликованными, хотя, судя по качественно изданным результатам работ 1925 г. (Боровка, 1927), Г. И. Боровка должен был вполне подробно зафиксировать и свои исследования 1926 г. Возможно, это произошло из-за трагических обстоятельств судьбы ученого в эпоху политических репрессий (Застрожнова, 2019; Zerst-Boroffka, 2015), и он был арестован раньше, чем опубликовал отчет о поездке в Монголию 1926 г. Из научно-организационных документов Академии известно, что в 1927–1928 гг. Г. И. Боровка активно работал с материалами своих раскопок в Ноин-Уле 1926 г. и готовил их к печати. В отчете о работе Разряда Скифии и Сарматии Археологического отделения ГАИМК за 1927 г. сообщается, что Г. И. Боровка «в плане работ Комиссии по изучению находок

Рис. 6. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Общий вид раскопа после окончания работ. В центре стоит С. А. Теплоухов. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16430

Fig. 6. Sudzunkte. Process of excavation of barrow No. 24. General view of the excavation pit after completion of the works. S. A. Teploukhov standing in the centre. Photo by G. I. Borovka, 1924. S SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16430

в Монголии... закончил предварительное изучение всего материала из раскопок экспедиции П. К. Козлова... и материала, собранного Боровкой в 1925 г. <...> Продолжал более остальное изучение этих материалов и материалов, собранных им самим в 1926 г.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 19. Л. 2). Тщательное документирование работ подтверждают и фотографии из архива ИИМК РАН, сделанные Г. И. Боровкой в процессе этих раскопок. Изображения являются практически единственными известными в настоящее время документальными свидетельствами раскопок в Ноин-Уле в 1926 г. К полевой съемке кургана 49 можно отнести 40 фотографий, ко всем изображениям сохранились негативы. На них представлены общие виды памятника и

Рис. 7. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Общий вид раскопа после снятия деревянного перекрытия внешней погребальной камеры. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16431

Fig. 7. Sudzunkte. Process of excavation of barrow No. 24. General view of the excavation after removal of the wooden roof of the external burial chamber. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16431

долины Судзуктэ, курган до и после раскопок, его разрезы и детали конструкции насыпи, различные этапы работ во время исследований и сами участники экспедиции (рис. 10–16). К сожалению, нет снимков Г. И. Боровки на раскопе: как и положено фотографу, он находился по другую сторону объектива.

Фотографии входят в коллекцию фотоматериалов из его поездки в Монголию в 1926 г. Кроме археологической фотосъемки большой интерес в этой серии представляют также снимки деревянной резной архитектуры Улан-Батора, особенно дворцового комплекса Богдо-гэгэна, где разместился Ученый комитет Монголии (рис. 17–18), и разнообразные изображения этнологического характера: портреты монголов в национальной одежде и головных уборах, традиционные

Рис. 8. Судзуктэ. Процесс раскопок кургана 24. Восточная половина северной стены раскопа. На кадре видна тень фотографа с камерой. Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16421

Fig. 8. Sudzukté. Process of excavation of barrow No. 24. The eastern half of the northern wall of the excavation pit. In the photo, the shade of the photographer with the camera is discernible. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16421

Рис. 9. Судзуктэ. Разрез насыпи «Кондратьевского кургана». Фото Г. И. Боровки, 1924 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 16435

Fig. 9. Sudzukté. Section of the mound of 'Kondratyevsky Kurgan'. Photo by G. I. Borovka, 1924. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 16435

Рис. 10. Улан-Худжир. Группа сотрудников экспедиции 1925 г. у палатки (слева направо): Б. А. Номинханов, Б. Б. Баррадин, Б. Я. Владимирцов, Б. Б. Бамбаев, Г. И. Боровка и Э. Баир. 24 августа 1925 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25148

Fig. 10. Ulan-Khudzhir. A group of workers of the expedition of 1925 near the tents (from left to right): B. A. Nominkhanov, B. B. Baradin, B. Ya. Vladimirtsov, B. B. Bambaev, G. I. Borovka, E. Bair. August 24, 1925. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25148

Рис. 11. Судзуктэ. Вид кургана 49 с юго-запада до раскопок. 22 сентября 1926 г. Фото Г. И. Боровки. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25278

Fig. 11. Sudzunkte. View of barrow No. 49 from south-west prior to excavation. 22.09.1926. Photo by G. I. Borovka. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25278

Рис. 12. Судзуктэ. Северная стенка траншеи А в кургане 49. Фото Г. И. Боровки, 1926 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25284

Fig. 12. Sudzunkte. Northern wall of trench A at barrow No. 49. Photo by G. I. Borovka, 1926. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25284

Рис. 13. Судзуктэ. Курган 49. Южная половина среднего продольного простенка с завалом камней во входе. Фото Г. И. Боровки, 26 октября 1926 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25299

Fig. 13. Sudzunkte. Barrow No. 49. Southern half of the middle longitudinal partition wall with a heap of collapsed stones in the entrance. Photo by G. I. Borovka, 26.X.1926. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25299

Рис. 14. Судзуктэ. Курган 49. Восточная сторона среднего продольного простенка с контуром воронки. Фото Г. И. Боровки, 1926 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25300

Fig. 14. Sudzunkte. Barrow No. 49. Eastern side of the middle longitudinal partition wall with outlines of the crater. Photo by G. I. Borovka, 1926. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25300

жилища, утварь, снимки буддийских монахов и т. д. На фотографиях праздника в Улан-Баторе запечатлены скачки, национальная борьба, военный парад, женщины в праздничных костюмах. В эту же коллекцию вошли и уникальные фотографии встречи П. К. Козлова, Н. К. Рериха и сотрудников Монгольской экспедиции в Ученом комитете Монголии, состоявшейся 13 сентября 1926 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1246/18–20; Чулуун, Медведева, 2017. С. 163–164; Чулуун и др., 2018. С. 260–261; Козлов, 2003. С. 945).

Все снимки были атрибутированы на основании данных из сохранившегося в рукописном отделе ИИМК РАН полевого фотодневника Г. И. Боровки за 1925–1926 гг., переданного туда из фотоархива ГАИМК в 1938 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 241). Обычная тетрадка в клеточку в колленкоромом переплете заполнена рукой Г. И. Боровки. Записи сделаны химическим и простым карандашами. В первый год работ исследователь вел дневник очень подробно, указывая дату съемки, номер пленки и кадра, сюжет, время съемки, состояние погоды на момент съемки, значения экспозиции и диафрагмы, качество полученного в результате кадра после печати.

На второй год Г. И. Боровка заносил данные уже не так тщательно, но, тем не менее, именно благодаря этому фотодневнику были выявлены фотоизображения раскопок 1926 г. в Судзуктэ. Сведения из фотодневника помогли определить персоналии русских и монгольских ученых на снимках коллекции из поездок Г. И. Боровки в 1925–1926 гг. в Монголию, также появилась возможность установить точное время съемки и хронологию снимков, а значит, и соотнести кадры с этапами археологических работ и перемещениями экспедиции по Монголии.

В самом начале своего фотодневника Г. И. Боровка оставил ценную информацию о технических данных фотооборудования, которое он применял в поездках 1925–1926 гг. В процессе фотофиксации исследователь использовал камеру «Идеал» с крупноформатным объективом С. Р. Goerz Berlin Dopp-Anastigmat Serie III DAGOR 150mm f/6.8. Подобная модель объектива впервые поступила в продажу в 1892 г. и была снята с производства в 1924 г. Объектив имел компактный размер — в диаметре 30 мм, а его вес составлял всего 180 г. Оптические характеристики устройства позволяли изготавливать качественные крупноформатные снимки

Рис. 15. Судзуктэ. Курган 49. Общий вид раскопа с середины входа после снятия верхней части продольного простенка. Фото Г. И. Боровки, 1926 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25302

Fig. 15. Sudzunkte. Barrow No. 49. General view of the excavation from the middle of the entrance after removal of the upper section of the middle longitudinal partition wall. Photo by G. I. Borovka, 1926 г. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25302

и портреты с высокой степенью резкости, в связи с чем объектив оставался популярен у фотографов, путешественников и исследователей на протяжении всего времени своего существования. По своим характеристикам камера и объектив наилучшим образом подходили для мобильной фотосъемки и применения в процессе деятельности постоянно передвигающейся в нелегких полевых условиях с места на место экспедиции. Судя по превосходным фотографиям из коллекции Г. И. Боровки 1925–1926 гг.⁷, запечатлевшим

⁷ Фотоколлекция Г. И. Боровки из поездок в Монголию в 1925–1926 гг., хранящаяся ныне в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН, полностью была

Рис. 16. Судзуктэ. Общий вид раскопа с юго-западного угла. Фото Г. И. Боровки, 1926 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25305

Fig. 16. Sudzunkte. General view of the excavation from the south-western corner. Photo by G. I. Borovka, 1926. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25305

рабочие моменты раскопок, археологические и исторические памятники Монголии, обыденную жизнь участников экспедиции и местных жителей, аппаратура отлично справилась с целями и задачами полевой фотофиксации.

Обе описанные выше серии экспедиционных фотоснимков 1924 и 1926 гг. оригинальны и являются документальными первоисточниками. Ко всем без исключения изображениям сохранились стеклянные и пленочные негативы размером 13 × 18 см, и в других архивных хранилищах

опубликована в рамках совместного проекта Института истории и археологии МАН и ИИМК РАН в 2017 г. (Чулуун, Медведева, 2017).

Рис. 17. Улан-Батор. Главное здание Ученого комитета Монголии. Фото Г. И. Боровки, 1926 г.
НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25345

Fig. 17. Ulan Bator. The main building of the Scientific Committee of Mongolia. Photo by G. I. Borovka, 1926.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25345

Рис. 18. Улан-Батор. Ворота перед главным зданием Ученого комитета Монголии. Фото Г. И. Боровки, 1926 г.
НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 25346

Fig. 18. Ulan Bator. The gate in front of the main building of the Scientific Committee of Mongolia.
Photo by G. I. Borovka, 1926. SA IHMC RAS. Photo Dep. Negative II 25346

возможно обнаружить только наличие сделанных с них отпечатков. Автором практически всех фотографий является Г. И. Боровка, который оказался не только прекрасным специалистом-археологом, но и обладал способностями хорошего фотографа. Очевидно, что обе серии экспедиционных снимков, как и остальные фотографии из «Фонда Монгольской экспедиции АН СССР», собирались включить в планировавшееся по итогам работ издание, которое так и не состоялось.

Известно, что помимо перечисленных уже коллекций в ГАИМК хранились еще фотодокументы из экспедиции П. К. Козлова. Однако в 1928 г. вместе с предметами из «Мокрого» кургана по заключенному с Учкомом соглашению

о возвращении в Монголию ноин-улинских находок из Академии истории материальной культуры также был передан фотоальбом с экспедиционными отпечатками (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 119. Л. 141). К сожалению, кроме краткого упоминания самого факта передачи, никакого описания содержания фотоальбома и количества в нем снимков пока найти не удалось. Возможно, это один из тех альбомов Архива Президиума Монгольской Академии наук, находка которых стала крайне важным в последние годы событием для изучения истории Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (*Чулуун и др.*, 2018. С. 9; *Чулуун, Юсупова*, 2019. С. 60–61), а может быть, этот ценнейший визуальный источник еще только предстоит найти.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 9, 10. О Монголо-Тибетской экспедиции под руководством Козлова (1923–1926 г.).

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 241: Полевой фотожурнал Г. И. Боровко поездки в Монголию 1925 г.; 1927. Д. 19: Отчет о работе разряда археологии Скифии и Сарматии; Д. 119: Монголо-Тибетская экспедиция под начальством П. К. Козлова. Переписка, акты, описи, журналы заседания Комиссии по изучению древностей, добытых экспедицией.

НА ИИМК РАН. ФО. Кол. А1536: Фонд Монгольской экспедиции АН СССР.

ОР РГБ. Ф. 656. Кар. 1. № 20.

Андреев, Юсупова, 2001 — *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2001. № 2. С. 51–74.

Боровка, 1927 — *Боровка Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Елихина, 2014 — *Елихина Ю. И.* Раскопки Г. И. Боровки кургана № 49 в Ноин-Уле в 1926 г. // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: Материалы междунар. конф. при поддержке Президента Монголии (19–20 апреля 2013, Санкт-Петербург): Сб. докл. / Отв. ред. С. Чулуун. СПб.: Улан-Батор: б. и., 2014. С. 30–39.

Елихина, 2018 — *Елихина Ю. И.* Сокровища курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. из коллекции Государственного Эрмитажа. LAP Lambert, AcademicPublishing GmbH & Co. KG. (Germany), 2018. 309 с.

Застрожнова, 2019 — *Застрожнова (Панкратова) Е. Г.* «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком не справедливо...»: К биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // РА. 2019. № 2. С. 154–166.

Китова, 2010 — *Китова Л. Ю.* Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Козлов, 1928 — *Козлов П. К.* Северная Монголия. III. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Русского Географического Общества 1923–1926 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 58 с.

Козлов, 2003 — *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. СПб.: Наука (Научное наследие; Т. 30), 2003. 1037 с.

Кульганек, Жуков, 2006 — *Кульганек И. В., Жуков В. Ю.* Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева в Монголии и в России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 404 с.

Полосьмак, Богданов, 2016 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012. Новосибирск: Инфолио, 2016. 176 с.

Руденко, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Теплоухов, 1925 — *Теплоухов С. А.* Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи

- с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–23.
- Чулуун, Медведева, 2017 — Чулуун С., Медведева М. В. Монголы и Монголия. Улаанбаатар: Адмон-Принтинг, 2017. Вып. III. 272 с.
- Чулуун и др., 2018 — Чулуун С., Юсупова Т., Андреев А., Матвеева М. История последней экспедиции П. К. Козлова в Монголию. Монголия и Монголы. Улаанбаатар: Адмон, 2018. Вып. IV. 312 с.
- Чулуун, Юсупова, 2019 — Чулуун С., Юсупова Т. Экспедиционные фотографии российских исследователей в монгольских архивах как источники по истории изучения Монголии // *Mongolica*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. Т. XXII, № 2. С. 58–66.
- Юсупова, 2006 — Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.
- Юсупова, 2010 — Юсупова Т. И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2010. № 4. С. 26–67.
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.
- Zerbst-Boroffka, 2015 — *Zerbst-Boroffka Irene. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland.* Hamburg, 2015. 324 S.

Photocollections from Noin-Ula. Expedition photos of 1924 and 1926 by G. I. Borovka from Archives of IHMC RAS

M. V. Medvedeva, D. A. Kukina⁸

Keywords: Noin-Ula, Xiongnu, G. I. Borovka, S. A. Teploukhov, archive investigations, history of archaeology, photographs, Scientific Archives of IHMC RAS.

The photographic materials from collection A 1536 “Archive collection of the Mongolian expedition of AS USSR” kept at the Scientific Archives of IHMC RAS comprise a unique series of photographs of 1924 and 1926. All the images are represented both by the original negatives and by photoprints made from them. These are expedition photos made by the archaeologist, worker of the Hermitage and the Academy for the History of Material Culture, G. I. Borovka directly in the course of archaeological investigations of the Noin-Ula barrows. The photos of 1924 are related with the works of S. A. Teploukhov and G. I. Borovka in the team of Mongol-Tibet expedition of P. K. Kozlov exploring barrow No. 24 in the Sudzuke group of Noin-Ula. Some of them were presented in a number of scientific publications devoted to the expedition. The second series of the photographs is concerned with the trip of G. I. Borovka within the scope of the activities of the Commission of the Council of People’s Commissars of USSR for scientific investigation of Mongolia in 1926. These images are the only photographic documents now known related to the excavations in Noin-Ula in that year. Another important feature of this part of the collection is the presence of a G. I. Borovka’s field diary for 1925–1926 in the Manuscript Department of IHMC RAS. This diary allowed the researchers to attribute the photographs.

This paper reconstructs the history of the creation and the further archive fate of the photographs, the historical context where they appeared, considers the peculiarities of the organization of the process of photographic recording of archaeological sites at the expedition of P. K. Kozlov. The further detailed examination of the revealed archive materials will enable us to enrich essentially our knowledge about the history of excavations of the Noin-Ula barrows and to impart a new creative impulse to its studying.

⁸ Maria V. Medvedeva, Darya A. Kukina — Scientific Archive, IHMC RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: pharc@mail.ru.

Список сокращений

- АВ Археологические вести. Вып. 1–13 — СПб., ИИМК РАН; 14, 15 — М., Наука; 16–21 — СПб., Дмитрий Буланин; 22 и далее — СПб., ИИМК РАН
- АН СССР Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- АО Археологические открытия. Москва, Институт археологии РАН
- АРЭМ Архив Российского этнографического музея
- АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- АЭАЕ Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
б. и. без издательства
- ВАК Высшая аттестационная комиссия
- ВАС Всероссийский археологический съезд
- ВДНХ Выставка достижений народного хозяйства
- ВМА Военно-медицинская академия
- ВСАИПИ Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства
- ГАИМК Государственная академия истории материальной культуры
- ГАРХ Государственный архив Российской Федерации, Москва
- ГРЭС гидроциркуляционная электростанция
- ГУ государственный университет
- ГЭ Государственный Эрмитаж
- ЗАГС Органы записи актов гражданского состояния
- ИАЭТ СО РАН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
- ИВ РАН Институт востоковедения Российской академии наук
- ИИМК РАН Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
Санкт-Петербург
- ИЛДТ ИрНИТУ Известия Лаборатории древних технологий Иркутского национального
исследовательского технического университета
- ИЭ Институт этнографии
- КАТЭК Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
- КВШ частота клиновидно-верхнечелюстного шва
- КСИА Краткие сообщения Института археологии. Москва
- КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- КТ компьютерная томография
- ЛГУ Ленинградский государственный университет
- ЛО Ленинградское отделение

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ	Музей антропологии и этнографии
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МКМ	Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова
МХАТ	Московский художественный академический театр
НА ИИМК РАН	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НИИЯЛИ	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИЦ МП	Научно-исследовательский центр «Методологический реформат»
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва
ПАЖМИ	Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. Санкт-Петербург
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва
ПНН	предмет неизвестного назначения
ППБ	период поздней бронзы
Программа ФНИ ГАН	Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук
РА	Российская археология. Москва
РБК	ранняя бронза Калмыкии
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РГО	Русское географическое общество
РО	рукописный отдел
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ	Российский этнографический музей. Россия
СА	Советская археология. Москва
САИ	Свод археологических источников
СНК	Совет народных комиссаров
СО	Сибирское отделение
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ТИЭ	Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
ФИЦ	Федеральный исследовательский центр
ФО	фотоотдел
ХГ	хронологический горизонт
ARME	Archive of the Russian Museum of Ethnography
ИНМС RAS	Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
Photo Dep.	Photo department
SA ИНМС RAS	Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 34**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 15.02.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 46,75. Тираж 300 экз. Заказ 492.
Дата выхода: 2 марта 2022 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 34 —

